НАРОДНЫЯ ПѢСНИ
ГАЛИЦКОЙ И УГОРСКОЙ РУСИ,

СОБРАННЫЯ

Я. Ѳ. ГОЛОВАЦКИМЪ.

Part II

ЧАСТЬ II.

Ceremonial Songs

Обрядныя пѣсни.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1878.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

Русскіе горцы (Лемки) Сяноцкаго уѣзда села Завадки возлѣ м. Риманова въ западной Галичинѣ.

ОБРЯДОВЫЯ ПѢСЬНИ.

III

А. ПРИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ПРАЗДНИКАХЪ И УВЕСЕЛЕНІЯХЪ.

А. *Коляда*.

а) господину и хозяину.

1.

Въ нашого пана, пана крайника,
Писано, ей писано,
Злотомъ му теремъ писано.
Тисовы сходы, яворовы сѣни;
По сходахъ ходитъ молода паний,
Молода паний ключами дзвонитъ.
Помалы дзвонѣтъ, золоты ключи,
Помалы дзвонѣтъ, пана не збудѣтъ!
Бо нашь панойко зъ войны прїѣхавъ,
Зъ войны пріѣхалъ, зъ Угорской землй,
Прійшли до нёго та братя ёго,
Стали ся въ него вывѣдовати:
«Ой брате, брате, що тамъ слыхати,
Шо тамъ слыхати въ Угорской землѣ?» —

«Въ Угорской землѣ добре слыхано,
Ой бо тамъ ужь є пречь поёрано,
Злотомъ засѣно, заволочено,
Заволочено, пречь погороджено.» —
Дай же вамъ, Боже, счастья, здоровья,
А изъ своею господинею!
Въ стайници радôсть, въ хижи веселôсть,
Дай вамъ, Боже!»

2.

ИМЪ ЖЕ.

Въ нашого пана сутъ три соколы,
Соколе сивый, соколе,
Не лѣтай ранейко у поле!
Єденъ полетѣвъ въ чистое поле,
Другій полетѣвъ быстровъ рѣченьковъ,
Третій полетѣвъ въ темны лѣсойки.
Тотъ, що полетѣвъ въ чистое поле,
Тотъ же ми принêсъ перепêлойку,
Перепêлойку пану на снѣданя;
Тотъ, що полетѣвъ быстровъ рѣчейковъ,
Тотъ же ми принêсъ щуку рыбойку,
Щука рыбойка пану на обѣдъ.
Тотъ, що полетѣвъ въ темны лѣсойки,
Тотъ же ми принêсъ чорну купойку,
Чорна купойка пану на шубойку.

3.

ХОЗЯИНУ.

Ци дома 'сте, пане господарь?
Просивъ васъ, просивъ васъ, панъ Богъ
На порадойку, на бесѣдойку до себе.
Ой дома, дома, радойки раджу,

Радойки раджу, волойки ставлю.
Сутъ въ васъ волойки у три радойки,
И теперь у три, на рôкъ чотыри.
Сутъ въ васъ кôники у три кôнничьки,
И теперь у три, на рôкъ чотыри.
Сутъ въ васъ овечки три кошарочьки,
И теперь у три, на рôкъ чотыри.
Сутъ въ васъ пчêлойки у три рядочки,
И теперь у три, на рôкъ чотыри.
Сутъ въ васъ копойки у три рядойки,
И теперь у три, на рôкъ чотыри,
Копа на копѣ, а снôпъ на снопѣ,
Копы пашнисты, снопы ряснисты.

4.

ЕМУ ЖЕ.

Стоитъ соснойка середъ дворойка
Алилуй, гей, алилуй!
Господи Боже, помилуй!
Ей въ тôй соснойцѣ троякій хосенъ
Ей отъ кореня жовты лишойки,
А въ рединѣ яры пчêлойки,
А пôдъ вершейкомъ сивы соколы.
Поносуются жовты лишейки,
Же ихъ доходятъ пански хортойки.
Поносуются яры пчêлойки,
Же ихъ доходятъ буйны ручейки.
Поносуются сивы соколы,
Же ихъ доходятъ дуйны вѣтрове,
Дуйны вѣтрове, дрôбны дождјове.

5.

ЕМУ ЖЕ.

Зъ за нои горы, зъ за высокои,
Гей, волы, гей!
Видны ми выходятъ, трёхъ братôвъ рôдныхъ,
Єденъ братцейко, свѣтле сонейко,
Другій братцейко, ясенъ мѣсячокъ,
Третій братцейко, дробенъ дожджейко.
Мѣсячокъ ся бере заморозити
Горы, долины и верховины,
Глубокъ поточейки и быстры рѣчейки;
Сонейко ся бере розморозити
Горы, долины и верховины,
Глубокъ поточейки и быстры рѣчейки;
Дожджичокъ ся бере зазеленити
Горы, долины и верховины.
Будь Богу хвала зъ нашого слова!
Богу на хвалу, людёмъ на славу!

6.

ЕМУ ЖЕ.

Въ нашого пана господарейка,
Бôгъ му давъ, гей, Бôгъ му давъ,
Не заздростѣте, панове братья, дастъ и вамъ!
Ей краснѣ въ нёго и дворѣ ёго,
Тисовы сѣнцѝ, яворовы схôдцѝ,
Ходитъ мѝ по нихъ молода княгиня,
На тôй княгины кованый поясъ,
На тôмъ поясѣ золоты ретязки,
На тихъ ретязкахъ мѣдяны клѝчи:
Мѣдяны клѝчи, тихо, тихо дзвинѣте,
Тихо дзвините, пана зобудите!
Бо теперь панъ нашъ зъ Угорь пріѣхавъ,
А зъ Угорь, зъ Угорь, зъ Угорской земли.

Зыйшлися къ нёму вшитки панове,
Вшитки панове, ёго братове,
Сталися ёго вывѣдовати:
«Ой пане, пане, што тамъ чувати,
Што тамъ чувати въ Угорской земли?» —
«Угорска земля пречь поёрана,
Пречь поёрана и посѣяна,
Павянымъ перцомъ заволочена,
Ясными мечи обгороджена,
Обгороджена одъ злои тучи.»

7.

ЕМУ ЖЕ.

Коли не было зъ нещада свѣта,
        Подуй же, подуй, Господи,
        Изъ святымъ духомъ по земли!
Тогды не было неба, ни земли,
Ано лемъ было синое море,
А середъ моря зеленый яворъ,
На яворойку три голубоньки,
Три голубоньки радоньку радятъ,
Радоньку радятъ, якъ свѣтъ сновати:
«Та спустимеся на дно до моря,
Та дôстанеме дрôбного пѣску,
Дрôбный пѣсочокъ посѣеме мы,
Та намъ ся стане чорна землиця;
Та дôстанеме золотый камѣнь,
Золотый камѣнь посѣеме мы,
Та намъ ся стане ясне небойко,
Ясне небойко, свѣтле сонейко,
Свѣтле сонейко, ясенъ мѣсячикъ,
Ясенъ мѣсячикъ, ясна зôрниця,
Ясна зôрниця, дрôбны звѣздойки.»

8.

ЕМУ ЖЕ.

Зъ за тамтой горы, зъ за высокои,
Славенъ есъ, славенъ есъ, Боже,
На высокости, славенъ есъ!
Выходитъ намъ тамъ золотый хрестъ,
А пôдъ тимъ хрестомъ самъ милый Госпôдь,
На нёмъ сорочка та джунджовая,
Та джунджовая, барзъ кирвавая.
Никто не видѣвъ мою порану,
Лемъ ми видѣло дѣвча Жидôвча.
Ой ишло воно въ дунай по воду,
По воду ишло, тай увидѣло,
Же Рускій панъ Бôгъ изъ мертвыхъ уставъ.
Скоро видѣло, вôтцу повѣло:
«Ой дѣвче, дѣвче, ты, Жидовина,
Кобы 'сь ты не такъ моя дѣтина,
Казавъ бы 'мъ я тя въ дунай шинути.
Втоды Рускій Бôгъ изъ мертвыхъ устане,
Коли тотъ каплунъ спредъ меня злетитъ,
Пôдъ облаки сяде, краснѣ запѣе». —
Естъ передъ Жидовъ тарѣль точеній,
А на нёмъ лежитъ каплунъ печеный,
А каплунъ злетѣвъ, на облакъ си сѣвъ,
Краснейко запѣвъ, а Жидъ остовпѣвъ.

9.

ЕМУ ЖЕ.

Зъ за ной ми горы, зъ за высокои,
Славенъ еси, гей, славенъ еси, нашъ милый Боже,
На высокости, въ своей славности, славенъ еси!
Видны мй выходитъ тонойкій голосъ,

Тонойкій голосъ, топоры дзвенятъ,
Топоры дзвенятъ, каменья тешутъ,
Каменья тешутъ, церковь муруутъ,
Церковь муруутъ во трои двери.
Во трои двери, во три облаки;
У едныхъ дверёхъ иде самъ Господь,
У другихъ дверёхъ матёнка Божя,
У третихъ дверёхъ ей святый Петро.
Передъ милымъ Богомъ органы граутъ,
Передъ святымъ Петромъ свѣчи горѣутъ,
Передъ матёнковъ Бо̂жовъ ружа проквитатъ,
А зъ тои ружи пташокъ выникатъ:
Не е то пташокъ, лемъ самъ милый Господь,
Штѳ грѣхи гладитъ, до неба провадитъ.
Будь Богу хвала зъ нашого слова,
Богу на хвалу, людёмъ на славу!

10.

Ему же.

Зъ за тамтой горы, зъ за высокои,
Славенъ еси, гей, славенъ еси, нашъ милый Боже,
На высокости, славенъ еси!
Выходитъ ми тамъ золотый крижикъ,
А по̂дъ тимъ крижомъ самъ милый Госпо̂дь:
Ой иде, иде, книжейку читатъ,
Книжейку читатъ, постойку глядатъ,
Ро̂здвяного найшовъ не зповна шесть недѣль,
А великого зповна сёмь недѣль,
А Матки Божей лемъ двѣ недѣлѣ,
А Петрового кѝвко Панъ Бо̂гъ дастъ.
Кто же го зпоститъ по справедливости,
Тому жъ мѝ буде рай ётвореный,
Рай ётвореный, пекло замкнене,
Пекло замкнене, ключь затраченый.

11.

ЕМУ ЖЕ.

Ей въ полѣ, въ полѣ, въ чистейкôмъ полѣ!
Ялилуй, гей, ялилуй,
Господи Боже, помилуй!
Тамъ же мй й оре золотый плужокъ,
А за тимъ плужкомъ ходитъ самъ Господь,
Ему поганятъ та святый Петро,
Матѣнка Бôжя насѣнѣчько носитъ,
Насѣнья носитъ, Пана Бога проситъ:
«Зароди, Божейку, яру пшеничейку,
Яру пшеничейку и ярейке житце!
Буде тамъ стебевце саме тростове,
Будутъ колосойки, яко былинойки,
Будутъ мй женцй сами молодцй,
А вязальничьки сами молодчики,
Будутъ копойки, якъ звѣздойки,
Будутъ стогойки, яко горойки,
Зберутся возойки, якъ чорны хмаройки,
Звезутъ они, звезутъ зъ поля до стодолы,
Зъ стодолы у скрынойку, въ счасливу годинойку.»

12.

ЕМУ ЖЕ.

Цы дома бывашь, пане господарь,
Встань горѣ! Давъ ти Бôгъ добрѣ,
У твоимъ дворѣ, встань горѣ!
Твои рынойки позамѣтаны,
Твои столойки понадкрываны,
За твоимъ столомъ трои гостейки,
Гостейки трои не еднакіи:
Еденъ гостейко свѣтле сонейко,
Другій гостейко ясенъ мѣсячокъ,
Третій гостейко дробенъ дожджейко;
Сонейко гваритъ: «Нѣтъ якъ надъ мене:

Якъ я освѣчу горы, долины,
Церкви, костелы, и всѣ престолы.» —
Ясенъ мѣсячокъ: «Нѣтъ, якъ надъ мене:
Якъ я освѣчу темну нôчейку,
Возрадуются гостѝ въ дорозѣ,
Гостѝ въ дорозѣ, волойки въ стозѣ.» —
Дробенъ дождженко: «Нѣтъ, якъ надъ мене:
Якъ я перейду три разы на ярь,
Три разы на ярь мѣсяця мая,
Возрадуются жита, пшеницѝ,
Жита, пшеницѝ и всѣ ярницѝ.»

13.

ХОЗЯИНУ.

Ей доловъ мй, доловъ далеко,
    Ялилуй, гей ялилуй,
    Господи, Боже, помилуй!
Тамъ же ми рôля та й не ёрана,
Та не ёрана а ни не сѣяна,
Й оре мй, ей ёре вбогій седлячокъ;
Зъ єдного кôньця ёре, зъ другого сѣе.
Лежитъ мй тамъ, лежитъ давна стежейка,
А стежейковъ иде Матêнка Бôжя,
Несе ёна, несе на ручкахъ соколя:
«Бôгъ, помагай Бôгъ, вбогій седлячьку!» —
«Бодай здорова, Матêнка Бôжя!» —
«Будутъ ту ити Жиды и Жидôвки,
Жиды, й Жидôвки, й Жидôвски дѣвки,
Не повѣдай же ты, же я теперь ишла,
Повѣдай же ты, же я тади ишла,
Коли ты й оравъ, пшеничейку сѣявъ!» —
Ище Мати Бôжя пречь гору не прейшла,
Стали ей, стали Жидове вганяти,
Жиды, Жидôвки й Жидôвски дѣвки.
«Ей, Бôгъ, помай Бôгъ, вбогій седлячьку!

Давъ ти Бôгъ счастья, ще ти дастъ лѣпше.
Ено намъ повѣдзжь, ци не ишла тади,
Ци не ишла тади дака бѣлаглова,
Ци не несла ёна на рукахъ сокола?» —
«Ишла ёна, ишла; коли я ту ёравъ,
Коли я ту ёравъ, пшеничейку сѣявъ,
А теперь ужь я пшеничейку зажавъ.» —
Стали Жидове радойки радити,
Радойки радити, що маутъ робити;
Радойку врадили, назадъ ся вернули.
Ище Мати Бôжя гору не перейшла,
Стала ёна, стала хвильку спочивати,
Хвильку спочивати, сына повивати;
Стало ёй ся, стало галузья кланяти,
Бучья и корёнья и всяке створёнья,
Лемъ ся не клонила проклята й осика,
Проклята й осика и проклято терня.
Проклята й осика, Бодай есъ ся трясла
До суду судного, до вѣку вѣчьного!
А проклято терня Бодай есъ кололо,
До суду судного, до вѣку вѣчьного!

14.

ЕМУ ЖЕ.

Святый Николай сидѣвъ конецъ стола,
Ялилуй, и проч.
Головойку склонивъ, слезойку вронивъ.
«Святый Николай, чого ся смутишь?» —
Будеме мати троякй гости:
Першій гостейко ясне сонёйко,
Другій гостейко ясный мѣсячокъ,
Третій гостейко дрôбный дожджейко.
Ясне сонёйко мовитъ: «Якъ я освѣчу,

Якъ я освѣчу въ недѣлю рано,
Розвеселятся люде по селахъ,
Люде по селахъ, въ церквахъ, костелахъ.» —
Мѣсячокъ мовитъ: «Якъ я освѣчу,
Якъ я освѣчу темнои ночи,
Розвеселятся люде въ дорозѣ,
Люде въ дорозѣ и волы въ возѣ.» —
Дожджейко мовитъ: «Якъ я спаду,
Якъ же я спаду три раза въ маю,
Розвеселятся жита, пшеницѣ.»

15.

ЕМУ ЖЕ.

Ци дома, дома, панъ господарю,
    Нема го, нема го дома,
    Ни сына ёго, нема го!
Ой поѣхавъ вôнъ до Судомѣря,
Суды судити, села дѣлити.
Насадили в'ни три села людьми:
Перше селейко — старойки люде,
Друге селейко — бѣлѣ молодцѣ,
Трете селейко — кречни панночьки;
Старіи люде для порадойки,
Бѣли молодцѣ та для вôйнойки,
Кречнѣ паннойки для весêлечька.

16.

ЕМУ ЖЕ.

А въ Римѣ, въ Римѣ, въ Єрусалимѣ,
    Радуйся, радуйся, земле,
    Сынъ намъ ся Божій народивъ!
Бôжая Мати въ полôзѣ лежитъ,
Въ полозѣ лежитъ, сынойка родитъ,

Сына вродила, въ морѣ скупали,
Въ морѣ скупала, въ рызы повила
Въ ризы повила, до сну вложила;
Та зôйшлося къ нêй сорокъ ангелôвъ,
Сорокъ ангелôвъ, дванайцять попôвъ,
Взяли сынойка на Ардань рѣку,
На Ардань рѣку го охрестити.
Стали они тамъ книги читати,
Книги читати, имья глядати,
Сына Божого а найвышшого;
Именуйме го та святымъ Петромъ;
Бôжая Мати то не злюбила,
То не злюбила, не дозволила;
Именуйме го та святымъ Павломъ:
Бôжая Мати то не злюбила,
То не злюбила, не дозволила;
Именуйме го Паномъ небеснымъ:
Бôжая Мати то излюбила,
То излюбила и дозволила,
То изволила и благословила.

17.

ЕМУ ЖЕ.

А на 'ныхъ лукахъ, на 'ныхъ широкихъ,
Ялилуй, гей ялилуй,
Господи, Боже, помилуй!
Генъ тамъ Волоси церьковъ муруутъ,
Ой коло споду камêнйчейкомъ,
А въ серединѣ деревêчейкомъ,
А къ вершечькови срêбломъ, золотомъ;
Видѣли ми то панскіи слузы,
Скоро ввидѣли, пану повѣли:
Идьте жь вы, идьте, Волохôвъ возьмѣте,
Волохôвъ возьмѣте, въ темницю всадѣте,
Въ темницю всадѣте, срêбло заберѣте,
Срêбло, золото пану на славу!»

18.

Священнику.

Въ нашого ксендза господарейка,
Радуйся, радуйся, земле,
Сынъ намъ ся Божій народивъ!
Краснейко въ нёго и въ дворѣ ёго:
Яворовы сѣнцѝ, тисовы стôльцѝ,
А на тихъ стôлцяхъ красна княнейка,
На тôй княнейцѣ срêберный поясъ,
На тимъ поясѣ злоцѣсты ключи,
А на тихъ ключахъ жовты ретязьки.
А уже нашъ ксендзъ зъ Угоръ пріѣхавъ,
Посходилися къ нёму ксендзове,
Сами ксендзове, ёго братове?
«Що тамъ слыхати въ Угорской земли?» —
«Угорска земля пречь поёрана,
Яровъ пшеничковъ позасѣвана,
Стрыцовымъ пёрькомъ поволочена,
Золотымъ мечомъ обгороджена.» —
Будь Богу слава зъ нашого слова,
Богу на хвалу, людёмъ на славу.

19.

Священнику, или хозяину.

Ей черезъ гору Галилейскую,
Ялилуй, Господи, Боже, помилуй!
Тамъ же мѝ бѣжятъ санки-писанки,
А въ тихъ саночькахъ три черчикове.
«Та де жъ пôдете, санки-писанки?» —
«До Радисела, раду радити,
Раду радити, дѣтину кстити.» —
«Та якъ же вы го найменуете?» —
«Та нехай буде ей святый Петро!»

Матêнка Божя такъ не любила,
Такъ не любила и не зволила.

Ей черезъ гору Галилейскую, и прочая.
«Та най же буде ей святый Павло!» —
Матêнка Божя, и проч.

Ей черезъ гору, и проч.
Та най же буде самъ Іисусъ Христосъ!» —
Матêнка Божя го такъ зволила,
Ей такъ зволила и такъ любила.

20.

ХОЗЯИНУ.

А въ нашего господаренька,
Бôгъ ему давъ!
Господаренька, на имья Василья,
Та не завидуйте, миліи братья,
По двору ему калиновй мосты;
Мостами ходитъ самъ Божій Господь:
Въ правôй рученцѣ свѣченьку носитъ,
Токмитъ волики на три плуженьки,
А на рôкъ буде чомъ на чотыре.

А въ нашего господаренька, и пр.
Токмитъ коровы на три оборы,
А ялôвничокъ чомъ на чотыре.

А въ нашего господаренька, и пр.
Токмитъ коники на три стаенки,
А жеребчики чомъ на чотыре.

А въ нашего господаренька, и пр.
Токмитъ овечки та на три струнки,
А ярчатонька чомъ на чотыре.

А въ нашего господаренька, и пр.
Токмитъ пчолоньки та въ три рядôньки,
А пароики чомъ у чотыре.

21.

ЕМУ ЖЕ.

Ой устань, газдо, та твердо не спи,
Гой, дай, Боже!
Та выйди жъ собѣ на подвôречко,
Та подивися въ чистое поле,
А въ чистôмъ полѣ ходитъ ти Господь,
Ходитъ ти Господь по тихъ рôленькахъ,
Кладе жъ ти волы у три плуженьки,
А молодчики та у чотыре.

Ой устань, газдо, и проч.
Кладе жъ ти клячи въ три бороновки,
А жеребчики та у чотыре.

Ой устань, газдо, и проч.
Кладе жъ стоженьки у три шароньки,
Щирое злото та у чотыре.

Ой устань, газдо, и проч
Кладе коровки у три черêдки,
А ялôвничокъ та у чотыре.

Ой устань, газдо, и проч.
Кладе бджолоньки у три лавоньки,
А первêнчики та у чотыре.

Ой устань, газдо, и пр.
Кладе жъ ти срêбло у три бодноньки,
Щирое злото та у чотыре.

Ой устань, газдо, и проч.
Кладе жъ рублики у три шкатулы,
А червôнчики та у чотыре.

22.

ЕМУ ЖЕ.

Господареньку, господиноньку,
Гой, дай, Боже!
Господиноньку, на имья Василю!
Покажи личко та въ оконêчко,

А зъ оконѣчка на подвôречко;
Въ тебе на дворѣ радôсть Божая:
Всѣ жъ ти ся коровки та потелили,
А все жъ бычечки половенькіи,
Половенькіи, жовторогіи.

Господареньку, и проч.
Всѣ жъ ти ся клячки пожеребыли,
А все коники вороненькіи,
Вороненькіи, бѣлокопытіи,
Бѣлокопытіи, золотогривіи.

Господареньку, и проч.
Всѣ жъ ты сь овечки та покотили,
Та покотили, поблизничили,
А все баранціи лайстенькіи,
Лайстенькіи, круторогіи.

Господареньку, и пр.
Всѣ жъ ти ся бчôлки та поройли,
Та поройли, попаройли.

23.

ЕМУ ЖЕ.

Чій же то плужокъ найранше выйшовъ?
Ой дай, Боже!
Васильйвъ плужокъ найранше выйшовъ,
Самъ милый Господь волики гонитъ,
Пречиста Дѣва ѣстоньки носитъ,
А святый Петро за плугомъ ходитъ,
Ѣстоньки носитъ, все Бога проситъ:
«Ой роди, Боже, жито, пшеницю,
Жито, пшеницю, всяку пашницю!» —
Буде пшеничка Богу на хвалу,
Богу на хвалу, людёмъ на дару,
Будутъ женчики все молодчики,
Будутъ волоньки якъ повозоньки,

Будутъ копоньки, яко звѣздоньки,
Будутъ снопоньки, якъ дробенъ дождживъ,
Будутъ возити, въ стоги стожити,
А въ ширь ширити, а въ вись висити;
А на вершечку сивъ соколъ сидитъ,
Сивъ соколъ сидитъ, въ море ся дивит
Въ море ся дивитъ, рыбоньку ловитъ,
Рыбоньку ловитъ господареви,
Господареви на вечероньку,
Господареви й господиноньцѣ,
Господиноньцѣ й всѣй челядонцѣ.

24.

ЕМУ ЖЕ.

А въ чистôмъ полѣ, близько дороги,
Ой дай, Боже!
Оретъ ми плужокъ четвêрничкою,
Жичь, Боже, на рôкъ шестêрничкою!
А все волики, все половіи,
А въ нихъ роженьки все золотіи,
А воловоды все шовковіи,
На нихъ яремцѝ все тисовіи,
На нихъ снôпочки все кидровіи,
А занôсочки все мѣдяніи.
Та выйшла идъ нимъ Божая Мати,
Та исказала: «Орѣтъ же, сынки,
А здовга нивки, а здрôбна скибки!
Та посѣемо мы яру пшеницю,
Та вродитъ же ся що стебло — сребро,
Що стебло — сребро, золотый колосъ;
Зберемо женцѝ — дѣвки панянки,
А носêлнички хлопцѝ — молодцѝ,
А кладêлнички — середнѝ люде,
А порадннчки — старіи люде.

Накладемо жъ кôпъ, якъ на небѣ звѣздъ,
Стане господарь межи копами,
Якъ ясенъ мѣсяць межи звѣздами;
Зберемо возы та въ три обозы,
Звеземъ пшеницю въ господарске гумно,
Искладемо жъ й а въ три стырточки,
А въ три стырточки, а въ три рядочки,
Ой искладемо а въ спôдъ широко,
А въ спôдъ широко, а въ верхъ высоко,
Тай завершимо сивъ соколонькомъ,
Сивъ соколъ сидитъ, далеко видитъ,
Ой видитъ же вôнъ чистое поле,
Чистое поле, синее море.»

25.

ЕМУ ЖЕ.

Гордый та пышный, панъ господарю,
Ой дай, Боже!
Панъ господарю, на имья Василю,
Ой згорда собѣ ба й починаешъ,
По надъ Хотѣнье коникомъ граешъ,
Хотѣнцѣ мовьятъ: «То нашъ панъ ѣде.» —
А вдова мовитъ: «То мôй сынъ ѣде.» —
«По чêмъ же сь его, нене, спôзнала?» —
«По кошуленцѣ, по бѣлымъ коню:
На нêмъ кошуля, якъ бѣлъ бѣленька,
Якъ бѣлъ бѣленька, якъ листъ тоненька;
Де вона прана? — Въ краю Дунаю.
А де кручена? — Коню въ копытѣ;
Де в'на сушена? — Въ туря на розѣ;
Де в'на тачана? — Въ Львовѣ на столѣ,
Въ Львовѣ на столѣ, та у костелѣ;
Чêмъ в'на тачана? — Винным яблôчкомъ,
Виннымъ яблôчкомъ, золотымъ пряничкомъ.»

26.

ЕМУ ЖЕ.

(Изъ Золочевскаго округа).

Ой изôйшли три товаришû,
Ой дай, Боже!
Єдинъ товаришъ — ясне сонячко,
Другій товаришъ — свѣтлый мѣсячокъ,
Третій товаришъ — та дрôбный дощикъ.
Сонячко каже: «Нема надъ мене:
Якъ же я зôйду въ недѣлю рано,
Обôгрѣю жъ я горы й долины,
Горы й долины, поля й дубровы,
Поля й дубровы, церкви й костёлы.» —
А мѣсяць каже: «Нема надъ мене:
Якъ же я зôйду въ вечêръ пôдъ повню,
Освѣчу жъ бо я горы й долины,
Горы й долины, поля й дубровы,
Поля й дубровы, гостямъ дороги.» —
А дощикъ каже: «Нема надъ мене:
Якъ же я зôйду три разы въ маю,
Розвеселю жъ я горы й долины,
Горы й долины, поля й дубровы,
Поля й дубровы, жита пшеницû,
Жита, пшеницû, всякû пашницû.»

27.

ЕМУ ЖЕ.

Та вже жъ до тебе въ рôкъ Бôгъ приходить,
Ой дай, Боже!
Въ рôкъ Бôгъ приходить, три товаришû:
Первый товаришъ — ясне сонêнько,
Другій товаришъ та бѣлый мѣсяць,
Третій товаришъ та дрôбный дождживъ.

А що жъ намъ рече первый товаришъ,
Первый товаришъ, ясне сонêнько?
«Ой якъ я зôйду разомъ зъ зорями,
Та врадуеся весь міръ на земли.» —
А що жъ намъ рече другій товаришъ,
Другій товаришъ, та бѣлый мѣсяць?
«Ой якъ я зôйду темнои ночи,
То врадуеся весь міръ на земли.» —
А що жъ намъ рече третій товаришъ,
Третій товаришъ, дрôбенъ дожджикъ?
«Ой якъ я зôйду разомъ зъ зорями,
То врадуеся жито, пшениця,
Жито й пшениця, и всяка пашниця;
А якъ я зôйду мѣсяця мая,
То врадуеся весь міръ на земли.»

28.

ЕМУ ЖЕ.

Ци дома, дома господаренько,
Ой даї, Боже!
Господаренько та Василенько?
Кажутъ служеньки, що нема дома;
А мы знаемо, що е вôнъ дома,
Сидитъ же собѣ по конець стола,
По конець стола краще сокола,
А пôля него служеньки его,
Держатъ шапочки та й за крысочки;
Вôнъ собѣ сидитъ, грошики лѣчитъ,
Грошики лѣчитъ на три столики;
Предъ нимъ колачи̂ зъ ярой пшеници̂,
По межь колачи̂ золоти̂ свѣчи̂,
По меже свѣчи̂ золоти̂ кубки.

Що жь ми въ тихъ кубкахъ? — Зелене вино,
Зелене вино розшайнулося,
Розшайнулося по тисовôмъ столѣ,
По тисовôмъ столѣ, въ господарскôмъ домѣ.

29.

ЕМУ ЖЕ.

Чому жь такъ нема, якъ було зъ давна,
Ой дай, Боже!
Якъ було зъ давна а зъ первовѣку,
А зъ первовѣку, зъ первопочатку?
Святамъ Николамъ пиво не варятъ,
Святамъ Роджествамъ службы не служатъ,
Святамъ Водорщамъ трôйцѣ не сучатъ,
Ой братъ на брата мечемъ рубае,
Сестра сестрицѣ чари готуе,
Ой кумъ на кума все ворогуе,
Сусѣдъ сусѣда збавляе хлѣба,
А донька матѐръ все проклинае,
А сынъ на вôтця право тягае.

30.

ЕМУ ЖЕ.

Чому жь такъ нема, якъ було давно?
Ой дай, Боже!
Святамъ Николамъ пива не варятъ,
Святамъ Роджествамъ службы не служатъ,
Святамъ Водорщамъ свѣчи не сучатъ.
Ой бо вже давно, якъ правды нема,
Бо вже ся царѣ повоёвали,
А царь на царя вôйсько збирае,
А братъ на брата мечомъ махае,

Ой бо сынъ вôтця до права тягне,
Донька на матêръ гнѣвъ пôднимае,
Ой бо кумъ кума зводитъ зъ розума,
Сусѣдъ сусѣда збавляе хлѣба.

31.

ЕМУ ЖЕ.

Ой зъ давныхъ давенъ а зъ первовѣку
Ой дай, Боже!
Стоитъ ми стоитъ церковця нова,
Церковця нова побудована,
Побудована, зъ трома вершечки,
Зъ трома вершечки, зъ двома оконцы,
Зъ двома оконцы, зъ райскими дверцы,
А коло неи стежечка лежитъ,
Надôйшло жь нею два мысливчики,
Та й высмотрѣли два голубчики,
Та й взяли в'ни гей помѣряти,
А они взяли дъ нимъ промовляти:
«Мѣряй, помѣряй, а въ насъ не стрѣляй!
Ой бо жь мы не е два голубоньки,
Але жь бо мы е два ангелоньки.»

32.

ЕМУ ЖЕ.

Ци спишъ, ци не спишъ, господареньку?
Ой дай, Боже!
Пôдведи жь собѣ сву головоньку,
Зажжи свѣченьку въ праву рученьку,
Та пôди жь сôбѣ до комороньки,
Порахуй собѣ свою сумоньку:

Ой червôнчики ба й на дзвононьки,
А талярочки ба й на ризочки,
Ой а рублики на образочки,
Ой а дудочки ба й на свѣченьки;
Сами̂ дзвононьки ба й задзвонили,
Сами̂ ризочки службу служили,
Сами̂ сь образы повдотваряли,
Сами̂ ся свѣчи̂ позажигали,
А всѣ ся души̂ порадовали.

33.

ЕМУ ЖЕ.

Чому жь такъ нема, якъ було давно,
Ой дай, Боже!
Якъ було давно а зъ первовѣку,
Коли Жидове Христа мучили,
Христа мучили, на муки брали,
На розпятію гей розпинали,
Клюковъ за ребра гей розбивали,
Терновый вѣнець на головъ клали,
Глогови̂ шпильки за нôгти̂ били,
Всяке деревце не лѣзло въ тѣлце:
Червива ива ой согрѣшила,
Исуса Христа кровцю пустила:
Де кровця цяне — церковця стане,
Де плечи̂ впали — престолы стали,
Де руки впали — тамъ свѣчи̂ стали,
Де очи впали — тамъ книги стали,
Де личка впали — образы стали,
Де зубы впали — дзвононька стали,
Сами ся престолы позастилали,
Сами ся свѣчи̂ позажигали,
Сами ся книги перечитали
Самъ ся образы помалёвали,

Сами ся дзвоны передзвонили,
Сами ся службы переслужили,
А всѣ ся души̂ порадовали,
До пана Бога хвалу давали.

34.

ЕМУ ЖЕ.

По мостахъ, мостахъ, по золотенькихъ,
Ой дай, Боже!
Ой ходятъ по нихъ все колядники,
Все колядники, и все братчики,
А все братчики старіи люде,
А перейшла ихъ Божая Мати,
Та почала ихъ выпытовати:
«Чи не бачили моего сына?» —
« — Ой хоть бачили, коли не знали.» —
«Ой мôй сынонько, господинонько,
Господинонько, добродѣенько.» —
«Ой мы жь бачили та въ монастыри,
Та въ монастыри, коло престола,
Служитъ службоньку все суборную,
Все суборную, заздоровную,
Та за здоровье усего міру;
На нêмъ ризочки гатласовіи,
На нêмъ патрафи̂ль срêбный, шовковый,
А нараквички гаптованіи,
На нêмъ поясокъ жовтая свѣча,
На нêмъ шапочка соболевая,
На нêмъ корона щирозлотая.»

35.

ЕМУ ЖЕ.

Ой у мѣстечку у Вефлеемѣ,
Радуйся, радуйся, земле!
Сынъ намъ ся Божій народивъ.
А въ Вефлеемѣ, въ убогôй стайни:
Свята Пречиста Христа вродила,
Христа вродила, въ ясла вложила,
А въ яслахъ лежитъ, увесь свѣтъ держитъ.
Прійшли Жидове до Пречистои:
«Пречиста дѣва, десь Христа дѣла?» —
«Сховала 'мъ его а въ темный лѣсокъ.» —
Пôшли Жидове лѣсы рубати,
Лѣсъ изрубали, Христа не взяли.

Ой у мѣстечку, и проч.
«Пречиста дѣва, десь Христа дѣла?»
Сховала 'мъ его въ яру пшеницю.» —
Пôшли Жидове пшеницю жати,
Пшеницю зжали, Христа не взяли.

Ой у мѣстечку, и проч.
«Сховала 'мъ его а въ пашну траву. —
Пôшли Жидове траву косити,
Траву скосили, Христа не взяли.

Ой у мѣстечку, и проч.
«Сховала 'мъ его а въ бѣлый камень.» —
Пôшли Жидове камѣнь лупати,
Камѣнь злупали, Христа не взяли.

Ой у мѣстечку, и проч.
«Пречиста дѣва, десь Христа дѣла?» —
«А вже Исусъ Христосъ ажъ на небесахъ.»

36.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Ой въ горѣ, въ горѣ, а въ новôмъ домѣ,
    Ой дай, Боже!
Тамъ же ми служа' все кухарочки,
Все кухарочки, все молодіи,
Та зôйшлися в'ни до Пречистои,
До Пречистои та на врщёнье.
Свята Пречиста дитя вродила,
Дитя вродила, красно повила,
Красно повила, въ яслехъ зложила,
Невѣрнй Жиды якъ ся дôзнали,
Якъ ся дôзнали, дъ Пречистôй ишли:
«Свята Пречиста, десь дѣла Христа?» —
«Впустила 'мъ его у сине море.» —
Невѣрнй Жиды море спивали,
Море спивали, Христа шукали.

Ой въ горѣ, и проч.
«Пустыла 'мъ его въ темніи лѣсы.» —
Невѣрнй Жиды лѣсы рубали,
Лѣсы рубали, Христа шукали.

Ой въ горѣ, и проч.
«Сховала 'мъ его а въ бѣлый камêнь.»
Невѣрнй Жиды камêнь лупали,
Камêнь лупали, Христа шукали.

Ой въ горѣ, и проч.
«Свята пречиста, десь дѣла Христа?»
«А вже Исусъ Христосъ на высокости.»

37.

ЕМУ ЖЕ.

Свята Пречиста Христа вродила,
Радуйся, радуйся, земле!
Сынъ намъ ся Божій народивъ.
Христа вродила, красно повила,
Та розбслала по усѣхъ святыхъ,
По усѣхъ святыхъ, по монастырехъ,
Службы служити, имья судити,
Имья судити, найменевати,
Найменевати, якъ имья дати.
Службы служили, имья судили,
Имья судили святогб Петра,
Свята Пречиста не улюбила,
Не улюбила, не ухвалила.

Свята Пречиста, Христа вродила, и проч.
Имья судили святого Павла,
Свята Пречиста не улюбила,
Не улюбила, не ухвалила.

Свята Пречиста Христа вродила, и проч.
Имья судили Исуса Христа.
Свята Пречиста то й улюбила,
Оіі улюбила, та й ухвалила.

38.

ЕМУ ЖЕ.

Ой, черезъ воду, та й черезъ дунай,
Ой дай, Боже!
Стоять мостоньки калиновіи,
Калиновіи, покощеніи,

Покощеніи жуковинами.
Ой иновъ ними господаренько,
Тай зострѣчае два, три ангелы:
«Най Бôгъ, помай Бôгъ, господареньку!» —
«Бодай здоровѝ, два, три ангелы!» —
«Ой де жь ты идешъ, господареньку?» —
«Ой я жь бо иду въ раі дороженьки.» —
«Верни жь ся зъ нами, а зъ ангелами,
Право жь ти буде въ рай дороженька.» —
Ой взяли жь его по пôдъ плеченька,
Та й понесли го въ раі дороженьки,
Та й принесли жь го идъ костёлови,
Та й занесли жь го ба й до костёла,
Поклали его конець престола;
Ой на престолѣ горятъ свѣченьки,
По за свѣченьки стоятъ чашеньки,
По за чашеньки сидятъ ангелы;
Ой сидятъ, сидятъ, радоньку радятъ,
Радоньку радятъ субôрненькую,
Субôрненькую, недѣлненькую.
Свята Пречиста слоіечко зрекла:
«Ой вы, ангелы, вы, Божѝ дѣти!
Берѣть на себе церковнѝ рѐчи,
Та йдѣтъ до церкви службы служити,
Бо уже пôшли дяки дзвонити.» —
Кому найперше? Богу святому,
А по Богови—Божеѝ Матери,
А по Матери—господареви.

39.

ЕМУ ЖЕ.

Чи дома, дома, господаренько,
Ой дай, Боже!
Ой знаемо жь мы, що е вôнъ дома,
Ой сидить собѣ по конець стола,

А коло него служеньки его,
Держать шапочки по за вершечки:
«Пущай насъ, пане, въ чистое поле,
Въ чистое поле, немѣреное,
Та най ми его помѣряемо,
Вѣрненькимъ плужкомъ ба й пооремо,
Та й посѣемо яру пшеницю,
Яру пшеницю, всяку пашницю!»

40.

ЕМУ ЖЕ.

Гарный та пышный, пане господарю,
Ой дай, Боже!
Згорда ты собѣ ба й починаешь,
Сивымъ коникомъ ба й выграваешъ,
Коникомъ граешъ, царя вызираешъ.
Скоро жь го узрѣвъ, та й мечемъ звивъ,
По пôля коня, близько стременя.
Ой царь невѣрный красно ся проситъ:
«Вôте, пусти мя! Вôте, зотни мя!» —
«Нѣтъ, не пущу тя; нѣтъ, не зотну тя,
Ой поведу жь тя а въ Руску землю,
А въ Руськôй землѣ короля нема.
На королицю та й на столицю.
Ой поведу жь тя чорнымъ пожаромъ;
Ой чорный пожаръ нôжки пôдпаливъ,
Що жь ему зъ нôжокъ кровъ выступае.
Кровъ выступае, слѣдъ затанае,
Ой чорный воронъ ба й залѣтае,
Та его кровцю ба й попивае.
Бôгъ му послуживъ, коникъ ся схопивъ,
Ухопивъ же го по пôля коня,
По пôля коня, близько стременя.»

41

Ой на толоцѣ, та на муравцѣ,
Ой раненько!
Тамъ король Рускій коникомъ грае,
Коникомъ грае, вôйско збирае,
Турьского царя все вйзирае:
Ой вйѣдь, вйѣдь ты, Турській царю,
На ту толоку, та на мураву,
Покажи славу ты, Турській царю!» —
»Якъ бы я не знавъ, вôйська не збиравъ.» —
Ой все нашъ панокъ коникомъ грае,
Та якъ го узрѣвъ, та й мечемъ извивъ:
Якъ панокъ нашъ тявъ, то Туръ царя стявъ;
Ой взявъ же его по пôдлѣ коня,
А повêзъ его а въ Ческу землю,
А въ Ческôй земли короля нема:
«Ой ты, паночку, господаречку,
А въ Ческôй земли королемъ будешь.» —
А взявъ же его по пужареви:
Чорный пужарець ноженьки коле,
Ножечки коле, все пôдбуджае,
Що слѣды кровця все заливае,
А чорный воронъ все залѣтае,
А зъ слѣдôвъ кровцю все вйпивае.
Ой нашъ паночку, господаречку!

42.

ЕМУ ЖЕ.

Ой долôвъ, долôвъ долôвъ луженьки,
Ой дай, Боже!
Идутъ долôвъ ними быстрй рѣченьки,
Ой плыне жь, плыне райское древце,
Райское древце зъ трома вершечки:
Въ одномъ вершечку сивъ соколонько,

Въ другôмъ вершечку сива куповька,
Въ третêмъ вершечку сивъ ластовлята.
Ой не е жь тото сивъ соколонько,
Але е жь тото господаренько:
Ой не е жь тото сива кунонька,
Але е жь тото ба й газдиненька;
Ой не е жь тото сивъ ластовлята,
Але е жь тото ей дитята.

43.

ЕМУ ЖЕ.

На святый вечерь, на вечереньку,
Ой дай, Боже!
Ходитъ господарь самъ по свѣтлицѣ,
Ставитъ столеньки у три рядоньки,
Кладе обрусы все шовковіи,
Кладе склянницѣ все золотіи.
Кладе тарêлцѣ все срêберніи,
Кладе ножики все сталяніи,
Проситъ Боженька на вечереньку.
Въ едно вôконце свѣтитъ му сонце,
Въ друге вôконце та ясенъ мѣсяць,
Ясніи зори свѣтятъ въ около.
Посадивъ Бога посередъ стола,
Святу Пречисту при другôмъ столѣ,
Усѣ святіи на вколо неи.
Пріймае Бога зеленымъ виномъ,
Святу Пречисту солодкимъ медомъ,
Усѣ святіи шумновъ горѣвковъ.

44.

ЕМУ ЖЕ.

А въ чистôмъ поли близько дороги,
Ой дай, Боже!
Стоитъ грушечка пôдмурована,
Зъ тои грушечки впала росиця,

Впала росиця на муравицю,
А зъ муравицѣ стала кирниця,
А въ тôй кирницѣ Господь ся купле,
Господь ся купле изъ святымъ Петромъ,
По купанѣчку перереклися;
Сказавъ Бôгъ Петру, що земля бôльша,
А Петро каже, що небо бôльше.
Сказавъ Бôгъ Петру, «Не перечмося,
Ай зôшлѣмъ собѣ два, три ангелы.
Та най змѣряють небо и землю!» —
Та излетѣли два, три ангелы,
Ой та змѣрили небо и землю:
Чимъ небо менше? Всюди рôвненьке,
Всюди рôвненьке, та звѣздяненьке.
Чимъ земля бôльше? Горы й долины,
Горы й долины, та й полонины.
«Отъ видишъ, Петре, що твоя кривда,
Що твоя кривда, а Божя правда.»

45.

ЕМУ ЖЕ.

Ой ластôвонька та прилѣтае,
Ой дай, Боже!
Господаренька та пробуджае:
«Ой устань, устань, господареньку,
Побуди свою усю челядоньку,
Та пôшли же ихъ по обороньках,
Чи ся коровки та потелили?
Та пôшли же ихъ та по стаенкахъ,
Чи ся кобылки пожеребили?
Та пôшли ихъ по новыхъ хлѣвцяхъ,
Чи ся овечки та покотили?
А самъ си пôди по пасѣченькахъ,
Чи ти ся бчолы та поройли,
Та поройли, попаройли?»

46.

ЕМУ ЖЕ.

А въ чистôмъ полѣ, близько дороги,
Ой дай, Боже!
Стоятъ наметы бѣлй шôвковй,
А въ тихъ наметахъ все громадове,
Радоньку радятъ: кобы врадили!
«Ой не справляймо на жоны шубы,
На жоны шубы, на дочки злото,
Але справляймо мѣдяні човна,
Мѣдяні човна, срêбніи весла,
Та пускаймося края Дуная.
Чуемо жь мы тамъ доброго пана,
Доброго пана, та пана Петра,
Що платитъ добре за заслуженьку:
Ой дае на рôкъ по сто червоныхъ,
По коникови по вороному,
По жупанови по китаеву,
По яснêй стрѣлцѣ, по хорошêй дѣвцѣ.»

47.

ЕМУ ЖЕ.

Ой нема дома господаренька,
Ой лелѣя!
Господаренька, на имья Василя,
Поѣхавъ же вôнъ до Судомира.
Що жь тамъ поѣхавъ? — Суды судити.
Що жь ему дано за тоты суды?
Ой дано жь ему та три селечка:
А въ однôмъ селѣ — старіи люде,
А въ другôмъ селѣ — все парубочки,

А въ третêмъ селѣ — усе дѣвочки.
Старыми людьми село порадне,
Порубочками село гор'ѣжне,
А дѣвочками село весело.

48.

ЕМУ ЖЕ.

«Ци спишь, ци чуешь, панъ Господарю,
Ой дай, Боже!
Ой якъ же ты спишь, то Бôгъ зъ тобою!
Та пôдведися головонькою,
Побуди жь собѣ всю челядоньку,
Выяви личко на оконêчко,
А зъ оконêчка на подвôречко,
Твоê подвôрье орда забрала,
Орда забрала, въ полонъ загнала,
Ой изгнала а въ свою землю.»
Ой якъ зхопився, перехрестився:
«Єлуженьки мои найвѣрнѣйшіи,
Выведѣтъ менѣ коня пирського,
Другіи застрôйте меча острого!
Де орду вгоню, тамъ ю розроню.»
Золота грива коника вкрыла,
Срêбніи пôдковы землицю пишуть,
Кленовіи ушка радіи слухають,
Шовковый хвостикъ слѣдъ замêтае.
«Конику сивый, будь ми счасливый!
Де орду вгоню, тамъ ей вроню,
Свое подвôрье назадъ заверну.
Побудую жь го краще, якъ було,
А въ три стороны, та въ три переи,
А на четвертôй церковъ збудую,
Церковъ збудую зъ трома верхами,
Зъ трома верхами, зъ двома оконціи:
Єднымъ оконцемъ сонечко зходить,
Другимъ оконцемъ мѣсяць заходить,
Райскими дверціи господарь ходить,

На нёмъ кошулька, якъ листъ тоненька,
Якъ листъ тоненька, якъ снѣгъ бѣленька,
Господарь ходитъ, ангела носитъ,
Ангела носитъ, все Бога проситъ.»

49.

ПРОЩАНЬЕ СЪ ХОЗЯИНОМЪ.

(Изъ Саноцкаго округа.)

Будь же намъ здорôвъ, пане господарю!
Чи чуешь?
Дяк'еме тобѣ за колядойку,
За колядойку за невеличку,
Дай же ёй, Боже, счастья, здоровья,
Изъ твоимъ домомъ, изъ милымъ Богомъ!

50.

Зôставай здорôвъ, пане господарь, зôставай,
Изъ милымъ Богомъ, изъ своимъ дворомъ,
Одъ рôкъ до рока, зъ нынѣ до вѣка!
Дай же вамъ, Боже, сивого коня мати,
Дай же вамъ, Боже, ходити по межи, копы раховати,
Копы пашнысты, снопы ряснысты;
Кôвко звѣздонькôвъ, тôвко копонькôвъ.
Дай, Боже, счастья, здоровья въ тôмъ домѣ!

51.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Дай вамъ, Боже, дочекати,
Въ счастью, въ здоровлю,
Вôдъ Рôздва до Нового Року,
Вôдъ Нового Року до Богоявленья,
Вôдъ Богоявленья до Воскресенья,
Вôдъ Воскресенья до сто лѣтъ,
Доки вамъ Бôгъ назначивъ вѣкъ!

52.

ПРОЩАНІЯ КОЛЯДНИКОВЪ.

(Изъ Стрыйскаго и Коломійскаго округовъ).

Господареньку, господиноньку,
Выяви личко та въ оконêчко,
А зъ оконêчка на подвôречко,
Та подякуй намъ за колядочку,
О що жъ мы тобѣ колядовали,
Колядовали, дôмъ звеселили!
Якъ соловейчикъ при тузѣ въ лузѣ,
При тузѣ въ лузѣ, при зелененькôмъ,
Якъ зазулечка при буковинцѣ,
При буковинцѣ, при верховинцѣ,
Якъ ластовочка на подвôречку,
На подвôречку, при новыхъ сѣнехъ,
Такъ ти, газдинька, въ своей свѣтлонцѣ!
Якъ вудвудята въ вишневôмъ саду,
Такъ ти худôбка при оборонцѣ!
Якъ ярй пчôлки при пасѣченцѣ,
Такъ ти овечки при кошаронцѣ!

53.

За колядочку — горѣлки бочку,
А якъ не бочку, то хоть кварточку;
Маете сына, дайте жь намъ сыра,
А сли е дочка, й масла грудочка;
Сли ваша ласка, буде й ковбаска.
Повѣявъ востôкъ, до хаты пустѣтъ!
Короткй свитки, студêнь у лытки.
Ой не дивуйся, що 'мъ помылився!
Я помылився, бо 'мъ ознобився,
Не ознобився, а трохи впився,
Добре намъ було въ тамтого пана,
Ще лѣпше буде въ пана Степана.

54

А за симъ словомъ бувай же здоровъ,
Бувай же здоровъ, панъ господарю,
Не самъ зъ собою, изъ газдинею,
Изъ газдинкою, зо всевъ челядковъ,
Изъ сыноньками, изъ доненьками,
А зъ усѣмъ родомъ, зъ кречнымъ обходомъ!
Дай же ти, Боже, въ полѣ урожай,
Въ поли урожай, а въ гумно звожай,
А въ гумнѣ хлѣбно, въ оборѣ вбôйно,
Въ дому весе̂льно, на славу втѣшно!

55.

Вйншуемо ти счастьёмъ, здоровьёмъ,
Святымъ Рожествомъ, Исусомъ Христомъ!
Сесй святенька святкуй же здоровъ,
А другй свята дочекай здоровъ!
Поможи, Боже, сй свята скôнчити,
Въ счастью, здоровью другихъ дôждати!

56.

Бувай же здоровъ, господареньку!
Дай же тй, Боже, въ дому здоровье,
Въ дому здоровье на челядочку,
На челядочку на домовую,
Тай на худôбку на роговую!
Въ дому здоровье меже челядку,
Меже челядку, меже худôбку,
На подвôренько, меже имѣненько!

57

господини (хозяйкѣ).

Ой доловъ, доловъ на полонинѣ,
Славенъ есъ, гей, славенъ есъ,
Нашъ милый Боже, на высокости, славенъ есъ!
Тамъ же ми лежитъ давно стежейка,
Ой ишла ми нёвъ Бôжая Мати,
А стрѣча'тъ еи свѣтле сонейко:
«Бôгъ помагай, Бôгъ, Бôжая Мати!» —
«Боже дай здоровя, свѣтле сонейко!
А ты, сонейко, высоко свѣтишь,
Высоко свѣтишь, далеко видишь,
Ци 'съ не видѣло моёго сына?..» —
«Нѣтъ не видѣло, нѣтъ не слыхало.» —
Ой пôшла жь она дале стежейковъ,
Ой стрѣча'тъ еи ясенъ мѣсячокъ:
«Бôгъ помагай, Бôгъ, Бôжая Мати!» —
«Боже дай здоровя, ясенъ мѣсячокъ!
А ты, мѣсячку, высоко свѣтишь,
Высоко свѣтишь, далеко видишь,
Ци есъ не видѣвъ моёго сына?» —
«Нѣтъ я не видѣвъ, нѣтъ я не слыхавъ.» —
Ой пôшла жь она дале стежейковъ,
Та стрѣча'тъ еи ясна зôрничка:
«Бôгъ помагай, Бôгъ, Бôжая Мати!» —
«Боже дай здоровя, ясна зôрничко!
А ты, зôрничко, высоко сходишь,
Высоко сходишь, далеко видишь,
Ци 'сь не видѣла моёго сына?» —
«Ой я видѣла, ой я слыхала,
Ой доловъ, доловъ на полонинѣ,
Тамъ овôнъ стоитъ, весѣля строитъ.»

58.

ЄЙ ЖЕ.

А зъ за той горы, зъ за чорнейкои,
Звенѣли, звенѣли,
Чотыри волы въ золотѣ горѣли,
За тима вôвмы золотый плужокъ;
Бôжая Мати насѣня косить,
Насѣня трое, не еднакое:
Єдно насѣня — зелене винце,
Друге насѣня — яра пшеничка,
Трете насѣня — ладанъ пахнячій.
Яра пшеничка на Божу службу,
Зелене винце на причащаня,
Ладанъ пахнячій до кадилниці.

59.

ЄЙ ЖЕ.

А въ Римѣ, въ Римѣ, въ Єрусалимѣ,
Радуйся, радуйся, земле,
Сынъ намъ ся Божій народивъ!
Бôжая Мати въ полозѣ лежитъ,
Въ полозѣ лежитъ, сына повива'тъ,
Єй повивачойки съ самого злота,
А пеленочки та джунджовыи,
Ей зôйшлися къ нêи та всѣ святыи,
Зачали они гадку гадати,
Гадку гадати, якъ сына звати;
Найменовали: «Няй буде святый Петро!» —
Бôжая Мати такъ не злюбила,
Такъ не злюбила, не дозволила.
Найменовали: «Няй буде святый Павло!» —
Бôжая Мати й такъ не злюбила,

Й такъ не злюбила, не дозволила.
Найменевали: «Няй буде самъ милый Господь!» —
Бôжая Мати такъ полюбила,
Такъ полюбила, тай дозволила,
Горѣ устала, подяковала.»
Будь Богу явно, а людёмъ славно!

60.

ЕЙ ЖЕ.

Коло нашого дому Бôжая радôсть,
Дай, Боже, ей, дай, Боже,
Счастя, здоровя въ тôмь домѣ!
Ей дворы метены, столы стелены,
А за тимъ столомъ святый Никола,
Головойку схиливъ, слезойку вронивъ,
А съ той слезойки ясна керничка,
Зъ ясной кернички Богородичка,
Ризы бѣлила, твердо заснула.
Прійшли до неи гостейки трои,
Гостейкй трои, не єднакіи:
Єденъ гостейко — ясне сонейко,
Другôй гостейко — ясенъ мѣсячокъ,
Третій гостейко — та дробенъ дождживъ.
Сонейко гваритъ: «Не є надъ мене.
Ой якъ я зôйду въ недѣлю рано,
Поосвѣчаю церквы, костёлы,
Церквы, костёлы и всѣ престолы.» —
А мѣсяць гваритъ: «Не є надъ мене.
Ой якъ я зôйду въ ночи съ пôвночи,
Поосвѣчаю гостй въ доровѣ,
Гостй въ дорозѣ, волойки въ возѣ.» —
А дождживъ гваритъ: «Не є надъ мене.
Ой якъ я впаду три разы на ярь,
Та зрадуются жита, пшеницй,
Жита, пшеницй и вся ярина.»

5.

ЕЙ ЖЕ.

А на горойцѣ загородойка,
Ялилуй, гей, ялилуй,
Господи, Боже, помилуй!
На тихъ яворахъ виситъ скобойка,
А въ тôй скобойцѣ колисанойка,
Въ тôй колысанцѣ самъ милый Господь,
Тамтады лежитъ давна стежейка.
Товъ стежковъ иде та сêмъ сотъ Жидôвъ;
Єдны мй гварятъ: «Заколышѣме!» —
Други мй гварятъ: «Перевернѣме!» —
А трети гварятъ: «Зъ собовъ возмѣме!» —
Бôжая Мати то не злюбила:
«Тоды вы мого сына возмете,
Якъ вы на горѣ шовкову траву зрахете,
У лѣсѣ листокъ, у морѣ пѣсокъ.»

6.

ЕЙ ЖЕ.

Доловъ мй, доловъ, тамъ церква камянна,
Ялилуй, гей, ялилуй,
Господи, Боже, помилуй!
Сѣдитъ у нêй, сѣдитъ та Панна Найсвятша,
Сынойка колыше, на папери пыше,
На папери пише, постойку гляде;
Посту великого, сêмъ недѣль ёго.
Ей кто го зпоститъ а по щирости,
Буде ёму царство й отворено,
Царство втворено, а пекло замкнено.
Доловъ мй, доловъ, и проч.
Посту Петрового, є штыри недѣль ёго, и пр.
Посту Маковего, є двѣ недѣль ёго, и пр.

Доловъ ми, доловъ, тамъ церква камянна,
Сѣдитъ у нêй, сѣдитъ Найсвятша Панна,
Сынойка колыше, на папери пише,
На папери пише, постойку гляде,
Посту Рôздвянного, є шêсть нєдѣль єго.
Ей кто го зпоститъ та по щирости,
Буде ёму царство ї отворено,
Царство втворено, а пекло замкнено.

7.

ЕЙ ЖЕ.

Ей по пôдъ Бескидъ по пôдъ зеленый,
Синя мгла, гей, синя мгла,
По полонинѣ полегла!
Тамтады лежитъ давна стежейка,
Товъ стежковъ ишли три черничейки:
Ой една ишла, святый крестъ несла,
А друга ишла, двѣ свѣчи несла,
А трета ишла, святу Тройцу несла.
И стрѣтила ихъ Матêнка Бôжя:
«Де 'сте бували, три черничейки?
Де 'сте бували, що 'сте слышали?» —
«Были 'сме въ Римѣ, въ Єрусалимѣ,
Тамъ ся розлуча'ть душа одъ тѣла,
Душа до неба, тѣло до земли.»
Честь Богу, слава зъ нашого слова,
Богу на хвалу, людемъ на славу!

8

ЕЙ ЖЕ.

А въ Римѣ, въ Римѣ, въ Єрусалимѣ,
Радуйся, гей, радуйся, земле,
Сынъ намъ ся Божій народивъ!
Зорейки зорятъ, свѣчейки горятъ.

Дзвонойки дзвонять, службойки стоять,
Божая Мати въ полозѣ лежить,
Въ полозѣ лежитъ, сына повива'тъ.
А въ полю въ полю два яворойки,
А въ раю, въ раю ангелы граютъ,
На яворонькахъ суть ретязойки,
На ретязойкахъ колысанойки,
Въ колысанойцѣ Бо̂жее дитя,
Колысала го Бо̂жая Мати,
Ей колысала, твердо заснула:
Прилетѣли къ ней во̂рлове птаси,
Полетѣли зъ нимъ ажъ на небеса:
Намъ буде служка, а Богу душка

9.

ВДОВѢ.

Ей верхъ Бескида, верхъ зеленого,
Синя мгла, ей, синя мгла,
Полонинойки залегла!
Ходитъ вдовойка, гляда'тъ сынойка,
Ей стрѣча'тъ еи свѣтле сонейко:
«Бо̂гъ помагай, Бо̂гъ, свѣтле сонейко!» —
«Боже, дай здоровя, бѣдна вдовице!» —
«А ты, сонейко, яснейко свѣтишь,
Яснейко свѣтишь, далеко видишь,
Ци 'сь не видало мого сынойка,
Мого сынойка, ей Иванойка?» —
«Нѣтъ, не видало, нѣтъ не слыхало,
Твого сынойка, ей Иванойка» —

Ой по̂шла она дале стежейковъ,
Стрѣча'тъ же еи ясенъ мѣсячокъ:
«Бо̂гъ помагай, Бо̂гъ, ясенъ мѣсячокъ!» —
«Боже, дай, здоровя, бѣдна вдовице!»
«А ты, мѣсячку, высоко свѣтишь,
Высоко свѣтишь, далеко видишь,
Ци 'сь ты не видавъ мого сынойка,

Мого сынойка, ей Иванойка?» —
«Нѣтъ, я не видавъ, нѣтъ, я не слыхавъ,
Твого сынойка, ей Иванойка.» —

Ой пôшла она дале стежейковъ,
Стрѣча'тъ же еи ясна зôрничка:
«Бôгъ помагай, Бôгъ, ясна зôрничка!» —
«Боже, дай здоровя, бѣдна вдовице!» —
«А ты, зôрничко, высоко сходишь,
Высоко сходишь, далеко видишь,
Ци 'сь не видала мого сынойка,
Мого сынойка, ей Иванойка?» —
«Ой я видала, ой я слыхала,
Твого сынойка, ой Иванойка.
Єму сваткове—въ лѣсѣ птачкове,
Єму музыки—въ лѣсѣ словѣки,
Єму жёнойка—дрôбна рыбойка,
Єму дружина—въ водѣ лозина.»

10.

ЕЙ ЖЕ.

Ой въ раю, въ раю, Ангели грають,
Ялилуй, гей, ялилуй,
Господи, Боже, помилуй!
Лемъ святый Петро тако й не грае,
Бо ёго мати ажь на днѣ въ пеклѣ.
«Позвѣдуй же ся, та й святый Петре,
Та й святый Петре своей матёчьки!
Ци сила дала во имья Боже?» —
«Ей я не дала, лемъ пôвъ повѣсма,
«Лемъ пôвъ повѣсма, пôвъ плоскôнного.» —
«Складуй же ты ихъ до волокенця,
Подай же ты ихъ на дно до пекла,
Ой стане она ся того хапати.» —
Подавъ же Петро на дно до пекла,
Стала она ся того хапати.

Стали ся на ню душки вѣшати,
Стала ся она отрѣповати:
«Ей гетьте, гетьте, бо вы не дали,
Бо вы не дали во имья Боже!» —
Святый Петро ставъ, тяжко заплакавъ:
«Ей, мати жь моя та й проклятая!
Не творилась добрѣ, та южь и не будешь:
Не выйшла 'сь съ пекла, та й южь не выйдешь.»

11.

ЕЙ ЖЕ.

Ей у попадьѣ у Левицкои,
    Зле въ ней, гей, зле въ ней,
    И въ домѣ ей, зле въ ней!
Мала же она девять сынойкôвъ,
Девять сынойкôвъ, десяту дѣвойку;
Девять сынойкôвъ на разбôй пôшло,
Десяту дѣвойку за крамаря дала,
За крамаря дала въ Вгорскую сторону.
За девять рочькôвъ въ гостину не йшла,
Ажь на десятый тожь ся выбрала.
А вышла она въ темненькій лѣсокъ,
Въ темненкій лѣсокъ на полянойку;
Стрѣтило еи девять розбôйниковъ,
Ей крамарейка на смерть забили,
А зъ крамарейковъ нôчь ночовали.
«Повѣджь, крамарейко, якогось ты роду!» —
«Я попадойки, я Левицкои.» —
«Ей Боже, Боже, що жь мы зробили:
Свого швагрейка на смерть забили,
Зъ своёвъ сестрицевъ нôчь ночовали!
Бьей ты, сестрице, звыдки сходить сонце,
Якъ ты тамъ пôдешъ, грѣху ся збудешъ,
А мы пôдеме на захôдъ соньця,
Якъ мы впадеме, та й пропадеме.»

12.

ЕЙ ЖЕ.

Свята Олена доловъ бѣжала,
Ялилуй, гей, ялилуй,
Господи, Боже, помилуй!
Сынойка свого, сына глядала,
Сынойка свого, Бога милого.
Стрѣтила она свѣтле сонѣйко:
«Бôгъ помагай, Бôгъ, свѣтле сонѣйко!» —
«Боже, дай здравья, Мати Бôжая!» —
«Свѣтле сонѣйко, высоко ходишъ,
Высоко ходишъ, далеко видишъ,
Ци 'съ не видѣло, ци 'съ не стрѣтило,
Сынойка мого, Бога милого?» —

Свята Олена доловъ бѣжала, и проч.
Ясенъ мѣсячокъ, и пр.
Свята Олена доловъ бѣжала,
Сынойка свого, сына глядала,
Сынойка свого, Бога милого.
Стрѣтила она ясну зôрничку:
«Бôгъ помагай, Бôгъ, ясна зôрничко!»—
«Боже, дай здравья, Бôжая Мати!» —
«Ясна зôрничько, высоко ходишъ,
Высоко ходишъ, далеко видишъ,
Ци 'съ не видѣла, ци 'съ не стрѣтила,
Сынойка мого, Бога милого.»—
«Ей я видѣла, ей я стрѣтила,
Сынойка твого, Бога милого.
Пôшовъ же овôнъ на монастыри,
Сами му ся врата й отворили,
Сами му дзвоны передзвонили,
Сами му свѣчи та взагаряли,
Свѣчи взгаряли, ангелы грали.
Поздри, панночько, у гору высоку,
А на тôй горѣ три деревинй,
А на тимъ древѣ кресты роблено,

Кресты роблено, Христа мучено.» —
Поздрѣла она на гору высоку,
На горѣ высокôй три гробы лежитъ:
У еднимъ гробѣ лежитъ самъ Господь,
А въ другимъ гробѣ лежитъ Сынъ Божій,
А въ третимъ гробѣ свята Пречиста.
Передъ самымъ Богомъ ангели граутъ,
Передъ Сыномъ Божимъ свѣчи вгараутъ,
Предъ святовъ Пречистовъ ружа проквита’тъ,
А зъ той ружи пташокъ вылѣта’тъ.
Пташокъ вылѣта’тъ по цѣлымъ свѣту,
По цѣлымъ свѣту то росповѣда’тъ.

13.

ЕЙ ЖЕ.

Стоитъ ми, стоитъ, свѣтлонька нова,
Ой дай, Боже!
Свѣтлонька нова, гей, орѣхова,
А въ тôй свѣтлонцѣ самй столове,
По за столове сидятъ особы,
Сидятъ особы все ремêснички,
Все ремêснички, самй шевцеве,
Ой ладятъ, ладятъ та червôнъ сафянъ,
Гей газдиненьцѣ чомъ удовонцѣ.

Стоитъ ми, стоитъ, свѣтлонька нова, и пр.
Сидятъ особы все ремêснички,
Все ремêснички, самй кравцеве,
Ой ладятъ, ладятъ дорогу шубу,
Гей газдиненьцѣ, чомъ удовонцѣ.

Стоитъ ми, стоитъ свѣтлонька нова, и проч.
Сидятъ ми, сидятъ все ремêснички,
Все ремêснички, самй ткачеве,
Ой ладятъ, ладятъ дорогій завôй,
Гей газдиненьцѣ, чомъ удовонцѣ.

14.

ЕЙ ЖЕ.

Стратили лѣто кречнй молодцй,
Ой дай, Боже!
Та подарочки поклапяючи,
Гей газдиненцѣ, чомъ удовонцѣ.
Прійшли жъ до неи трои гостеньки,
Принесли еи три подарочки.
Єдинъ подарокъ—хустка шовкова,
Другій подарокъ—кованый поясъ,
Третій подарокъ—золотый перстêнь;
Хустка шовкова на бѣлу шію,
Кованый поясъ та на лядвоньки,
Золотый перстêнь на бѣлый пальчикъ.
А за симъ словомъ бувай здорова,
Бувай здорова, хороша вдова,
Не сама съ собовъ, зъ усевъ челядковъ,
И зъ сыноньками, и зъ доненьками,
А зъ усѣмъ родомъ! и проч.

15.

ХОЗЯЙКѢ.

Стоитъ ми, стоитъ, свѣтлонька нова,
Ой дай, Боже!
А въ тôй свѣтлонцѣ гей газдиненька,
В'на собѣ ходитъ, зъ ч'лядью говоритъ,
Зъ ч'лядью говоритъ, въ кватырку ся дивитъ,
Дивится, дивитъ, въ чистое поле;
Ой высмотрѣла дивное звѣрье,
Дивное звѣрье, тура-оленя,
На головцѣ жь му та девять рôжкôвъ.
Ой крикнула жь в'на на свои слуги:
«Служеньки жь мои найвѣрнѣйшіи!
Берѣтъ же собѣ шовковй сѣти,

Други застройте ясніи стрѣлы,
Чей спôймаете дивное звѣрье,
Дивное звѣрье, тура-оленя.
Якъ поймаете, вôдъ разу вбьете,
Вôдъ разу вбьете, роги зщибете,
Роги зщибете, шубу здоймете,
Ой принесете, та й повѣсите,
Та повѣсите въ новой свѣтлонцѣ,
Въ новой свѣтлонцѣ, чомъ на стѣнонцѣ,
Все жь тото буде гей газдиненьцѣ.

16.

Ей же.

Ой при кирници, при студеници,
Ой дай, Боже!
Ой тамъ святіи воду святили,
Воду святили, хрестъ загубили.
Ой була жь туди зъ давна стеженька,
Ой ишла жь нею гей газдиненька,
Та зострѣчае два, три святіи:
«Помай, Бôгъ, май Бôгъ, гей, газдиненька!» —
«Бодай здорови, два, три, святіи!» —
«Будѣмъ пытати а звѣдовати:
Ой ци не найшла золотый крестикъ?» —
«Ой хоть е'мъ найшла, хоть е'мъ не найшла,
Шо жь менѣ буде за переемецъ?» —
«Будѣмъ за тебе Бога просити,
Бога просити, службу служити,
Не онъ за тебе, за господаря,
За господаря, та й за дѣточки,
Тай за дѣточки, за сусѣдочки.»

17.

ЕЙ ЖЕ.

Ой заспѣвали райськŷ пташеньки.
Въ недѣлю, въ недѣлю рано, зелене вино саджено.

«Ой не спѣвайте, райськŷ пташеньки,
Бо мôй миленькій зъ вôйны пріѣхавъ,

Та привѣзъ менѣ даръ невеличкій,
Даръ невеличкій, жовтŷ чоботы.

Ой заспѣвали райськŷ пташеньки, и проч.
Даръ невеличкій, кованый поясъ.

Ой заспѣвали, и проч.
Даръ невеличкій, срѣберный перстѣнь.

Ой заспѣвали, и проч.
Даръ невеличкій, перлову тканку.

18.

ВДОВѢ.

Ци дома, дома, хороша вдова,
Ой дай, Боже!
Хороша вдова, та й Иваниха?
Кажутъ служеньки, що нема дома,
А мы знаемо що, є в'на дома,
Ой ходитъ собѣ въ новôй свѣтлонцѣ,
Та й носитъ ключŷ при лѣвôй руцѣ:
Єдни ключики то вôдъ свѣтлоньки,
Другŷ ключики вôдъ комороньки;
Носитъ ключики все дрôбненькіи,
Все дрôбненькіи, не єднакіи.
На подвôрочку грушечка щепка,
Красно зацвѣла, та не зродила.
Якъ зъ грушки щепки цвѣточокъ паде,
Тожь такъ удовинъ свѣточокъ иде.

19.

ХОЗЯЙКѢ.

Десь ся взяла сива зазуленьки,
Ой дай, Боже!
Та й всѣ осады пооблѣтала,
Но у еднôмъ не бувала,
Де ся церковъ мурована;
Муровали ей три вôрлоньки,
Ино единъ не муровавъ,
Но имъ тôлько розказовавъ:
«Кладѣтъ на спôдъ бѣле камѣнье,
По камѣню сиру дубину,
А по дубинѣ та кленинопьку,
По кленинонцѣ явориноньку,
Пôдъ самый верхъ бѣле залѣзо,
На самый верхъ золотый крестъ.» —
А въ тôй церковцѣ самъ Богъ попомъ,
А дячата—янголята,
Самѝ ся свѣчѝ посвѣтили,
Самѝ ся книги почитали,
Самѝ ся службы повôдправяли.

20.

ЕЙ ЖЕ.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Ой тамъ за дворомъ, за чистоколомъ,
Ой дай, Боже!
Стоитъ ми, стоитъ, зеленый яворъ,
А въ тимъ яворѣ три користоньки:
Єдна ми користь въ верху гнѣздонько,
Въ верху гнѣздонько, сивъ соколонько;
Друга ми користь а въ серединѣ,
А въ серединѣ, въ борти пчолоньки;

Третя ми користь у корêненька,
У корêненька чорній бобры.
Сивъ соколонько—пану на славу,
Ярй пчолоньки—Богу на хвалу,
Чорныи бобры—та на шубоньку,
Та на шубоньку господинонцѣ.
А за симъ словомъ бувай здорова,
Бувай здорова, чомъ газдиненько,
Не сама зъ собовъ, зъ господаренькомъ,
Зъ господаренькомъ, зъ усевъ челядковъ,
И зъ сыноньками, и зъ доненьками,
А зъ усѣмъ родомъ, и проч.

1.

ПАРОВКОВИ (ПАРНЮ.)

Зъ за оной горы, зъ за высокои,
Ялилуй, гей, ялилуй!
Господи, Боже, помилуй!
Выдты мй выйшли санки писанки,
А въ тихъ саночкахъ молодый дячокъ,
Здоганяло го дѣвчя Жидовчя:
«Пôдôжди же мя, мôй милый дяче!
Нехай ся хопыю гайдука стану.
Загада'ме си хоцъ три гадочьки,
А три гадочьки та й не велички:
««Ой що мй горитъ безъ поломйне,
А що мй росте та й безъ корене,
Та й що мй квитне безъ синогъ цвѣту?»—
Горитъ золото безъ поломйне,
Росте камêнья та й безъ корене,
Квитне папороть безъ синогъ квѣту.

2.

ЕМУ ЖЕ.

Поѣхавъ Иванцё до гôръ на вино,
Самъ молодъ, гей, самъ молòдъ,
Самъ молодейкій!
У тôмъ лѣсойку у зеленейкôмъ спочиватъ
Подыбали жь го сêмъ розбôйникôвъ,
Сталися ёго вывѣдовати:
«Ци маешъ ты, Иванцю, рôдногъ батейка?» —
«Въ мене батейко—ясенъ мѣсячокъ.» —

Поѣхавъ Иванцё до горъ, и проч.
«Ци маешъ, Иванцю, рôдну матêнку?» —
«Въ мене матêнка — ясне сонêйко.» —

Поѣхавъ Иванцё до горъ, и проч.
«Ци маешъ, Иванцю, рôдну сестройку?» —
«Въ мене сестройка—ясна зôрнойка.» —

Поѣхавъ Иванцё до горъ, и проч.
«Ци маешъ, Иванцю, рôдногъ братейка?» —
«Въ мене братейко—сивъ соколойко.»

3.

ЕМУ ЖЕ.

Служило Юрья въ Пôльского Крôля,
Въ желѣзѣ, гей, въ желѣзѣ,
Єго ручейки, его ножейки въ срêблѣ, золотѣ горѣли;
Якъ дослужило, плацу просило;
Давали ёму пару волойкôвъ,
Пару волойкôвъ, пару коровицъ,
Пару коровицъ, пару яловицъ;
Воно не брало, не дяковало.

Служило Юрья, и проч.
Давали ёму конйчька въ сѣдлѣ,
Конйчька въ сѣдлѣ, копытця въ срêблѣ;
Воно не брало, не дяковало.

Служило Юрья въ Пôльского Крôля,
Якъ дослужило, плацу просило;
Ей дали ёму красну дѣвойку,
Красну дѣвойку въ зеленымъ вѣнойку,
А оно взяло, подяковало.

4.

Ему же.

Ходитъ мѣсячокъ помедже звѣзды свѣтячи,
    На коню, гей, на коню,
    Золоте пêрейко, я по ню!
Наше сердейко помедже паны ѣздячи,
Зганя'тъ вôйнойку на недѣлейку,
А въ понедѣлёкъ зъ невъ поѣхати,
Знявъ вôнъ зборомъ, ставъ пôдъ Самборомъ,
Якъ ставъ овôнъ шаблёвъ звивати,
Ей ставъ овôнъ Самборъ лапати,
А выйшли къ нёму всѣ Самборяне,
Вшитки панове и всѣ мѣщане,
Та стали они раду радити:
«Що му маеме за коляду дати?» —
Вынесли ёму мысу золота,
Мысу золота, а другу срêбла;
Вôнъ тото бере, та й не дякуе.
Вывели ёму коника въ сѣдлѣ,
Коника въ сѣдлѣ, сѣдевце въ срêблѣ.
Вôнъ тото бере, та й не дякуе.
Вывели ёму пару коникôвъ,
Вôнъ тото бере, та й не дякуе.

Вывели ёму кречьну паннойку,
Кречьну паннойку, въ павлянôмъ вѣнойку;
Вôнъ тото бере, краснѣ дякуе,
Низко ся кланя'тъ, въ нôжейки пада'тъ.

5.

ЕМУ ЖЕ.

Въ недѣлю рано мати сына ла'ла,
Въ недѣлю, гей, въ недѣлю,
Ранейко, ще ся невиднейко, въ недѣлю!
Мати сына ла'ла та й проклинала,
А сынойко ся та й розгнѣвавши,
Казавъ старшôй сестрѣ хлѣба напечи,
А середушшôй коня вывести,
А наймолодшôй коня сѣдлати.
Найстарша сестра хлѣба напекла,
А середушша коня вывела,
А наймолодша коня всѣдлала,
Коня всѣдлала, та й ся звѣдовала:
«Коли жь, братцейку, гостейкомъ будешь.» —
«Возьми, сестрице, бѣлый каменецъ,
Бѣлый каменецъ, лехкое перо,
Та пусти ёго во тихій Дунай:
Якъ бѣлый каменецъ на верха сплыне,
Лехке пêрейко на спôдъ упаде,
Подумай, сестро, що съ того буде?
Коли сонейко на зôпакъ зôйде,
Втоды, сестрице, гостёмъ въ тя буду.» —
Навернувъ конёмъ отъ схода сонця,
Та й поѣхавъ си у темный лѣсокъ,
Выѣхавъ овôнъ въ чистое поле,
Ставъ му коничокъ бѣлымъ камêнцёмъ,
Вôнъ молодейкій зеленымъ яворомъ.
Ой стала мати за сыномъ плакати,
И пôшла она за нимъ глядати;

Выйшла она си въ чистоê поле,
Въ чистое поле, въ болонѣчейко,
Та й ставъ ей дожджикъ кропити,
Та стала она на бѣлый камêнь,
На бѣлый камêнь, пôдъ зеленъ явôръ,
Ей стали ей мушки кусати,
Стала она си галузки ломати;
Прорêкъ яворецъ до неи словце:
«Ей, мати моя, мати проклята,
Не дала есь мй въ селѣ кмечати,
Ище мй не дашь въ полю стояти,
Бѣлый камêнецъ—сивый коничокъ,
Зелене листья—мое одѣнья,
Дрôбный прутики—мой пальчики.»—
А мати ѐго ся розжаловала,
Та й на порохъ ся розсѣяла.

6.

ЕМУ ЖЕ.

На горѣ, горѣ, зеленый явôръ,
Цы чуешъ, гей, цы чуешъ,
Цы гораздейко, моê сердейко, нôчуешъ?
Пôдъ тимъ яворомъ бѣла постêвка,
На тôй постêвцѣ лежитъ святъ Юрій;
Прилетѣли къ нему три зазулейки:
Єдна му сѣла повыше головъ,
Друга му сѣла на бѣлы ручейки;
Третя му сѣла въ бѣлы ножейки:
Єдна му была рôдна мамойка,
Друга му была рôдна сестройка,
Третя му была ѐго милейка.
«Мамойцѣ дайте конйчка въ сѣдлѣ,
Конйчка въ сѣдлѣ, копытця въ срêблѣ!
Сестройцѣ дайте вѣнокъ трепêтокъ,
Вѣнокъ трепêтокъ, ней ся трепоче,
Ней ся трепоче, на кого хоче!
Милейкôй дайте цѣлый свѣточокъ!»

7.

ЕМУ ЖЕ.

А тамъ на лукахъ, на барзъ широкихъ,
Тамъ же мй горитъ терновый огникъ,
Самъ молодъ, ей, самъ молодъ!
Самъ молодейкій на коничейку, самъ молодъ!
Колъ огня ходитъ широкій танецъ,
А въ таньцы ходитъ князя Иванко,
На головойцѣ сокола носитъ,
Въ правой ручейцѣ конйчька водитъ,
Въ лѣвой ручейцѣ гусевки носитъ.
Нихто не видѣвъ, лемъ пански слузы;
Скоро ввидѣли, пану доповѣли:
«Ой идьте, идьте, Иванка звязите,
Иванка звязите, ту го приведѣте,
Соколойка пустьте до сокôвницй,
Гусовки шмарьте до гусевницй,
Конйчька вставте до кôнничейки,
Иванка всадьте до темничейки.»
Соколикъ квѣлитъ, головойки хоче,
Гусевки граутъ, Иванка споминаутъ,
Конйчокъ гребе, до поля хоче,
Иванко плаче, до милейкои хоче.

8.

ЕМУ ЖЕ.

Въ господарейка а три сынове,
Сынове, сынове мой,
Витязейкове славныи!
Мали в'ни рôлейку не мѣряную,
А ни орану, а ни сіяну;
Мѣряли ей копѣейками,

Выйшла она си въ чистоє поле,
Въ чистоє поле, въ болонѣчейко,
Та й ставъ ей дожджикъ кропити,
Та стала она на бѣлый камѣнь,
На бѣлый камѣнь, пôдъ зеленъ яворъ,
Ей стали ей мушки кусати,
Стала она си галузки ломати;
Прорѣкъ яворецъ до неи словце:
«Ей, мати моя, мати проклята,
Не дала есъ мй въ селѣ кмечати,
Ище мй не дашь въ полю стояти,
Бѣлый камѣнецъ—сивый коничокъ,
Зелене листья—мое одѣнья,
Дрôбный прутики—мой пальчики.»—
А мати ѥго ся розжаловала,
Та й на порохъ ся розсѣяла.

6.

ЕМУ ЖЕ.

На горѣ, горѣ, зеленый яворъ,
Цы чуешъ, гей, цы чуешъ,
Цы гораздейко, моє сердейко, нô
Пôдъ тимъ яворомъ бѣла постѣвка,
На тôй постѣвцѣ лежитъ святъ Юрій
Прилетѣли къ нему три зазулейки:
Єдна му сѣла повыше головъ,
Друга му сѣла на бѣлы ручейки;
Третя му сѣла въ бѣлы ножейки:
Єдна му была рôдна мамойка,
Друга му была рôдна сестройка,
Третя му была ѥго милейка.
«Мамойцѣ дайте коничка въ сѣдлѣ,
Коничка въ сѣдлѣ, копытця въ срѣ
Сестройцѣ дайте вѣнокъ трепѣтокъ.
Вѣнокъ трепѣтокъ, ней ся трепоче.
Ней ся трепоче, на кого хоче!
Милейкôй дайте цѣлый свѣточокъ

ь!
елецъ,
ѣ,
,
бойки:

,
есахъ;
ю,
іѣ,
ту,
ь цвѣту;
рову,
ь долинахъ,
яворинахъ.
переставайте!
ме;
сть, на хвалу,
що е въ тимъ дому,
ъ найменшому!»

Орали ей та шабельками,
Сѣяли на нêй яру пшêнойку,
Волочили ей трусевымъ перомъ;
Стала пшêнойка, яко стѣнойка,
Стали копойки, якъ въ небѣ звѣздойки,
Ѣдутъ возойки, яко хмаройки,
Стало гуменце, якъ ясне сонейце,
Идутъ змлоцкове — сами газдове,
А щиняточьки—то паняточьки:
Ой що копойка — то колодойка,
Що колодойка—то тысячейка.

9.

ЕМУ ЖЕ

Въ чистейкимъ полю, въ болонêчейку,
На коню, гей, на коню,
На конйчейку на воронейкôмъ, на коню!
Тамъ же мй стоитъ загородойка,
Въ загородойцѣ черешенойка,
Тамтады лежитъ зъ давна стежейка,
Тамтады ѣхавъ панецъ молодецъ,
Наверпувъ коня къ загородойцѣ,
А ище ближше къ черешенойцѣ,
Выломивъ собѣ квѣтку галузку,
Та й си приложивъ къ своёму личьку:
«Кобы, Божейку, таке личейко,
Таке личейко, якъ тотъ квѣтойко,
Поѣхавъ бы я пречь на Подôлья,
Полюбивъ бы я три милейкіи,
Три милейкіи, не еднакіи:
Една милейка—бѣла вдовойка,
Друга милейка, що мужя мае,
Третя милейка—красна дѣвойка.

Бѣла вдовойка—то нездоровья,
Що мужя мае—то безголовья,
Красна дѣвойка—то рôвна моя,
То рôвна моя, весêлья мое».

10.

ЕМУ ЖЕ.

Зъ за оной горы, зъ за высокои,
Ей пане, ей пане нашъ,
Будь же ты ласкавъ на насъ!
Выдны мй, выходитъ овецъ керделецъ,
На передъ овецъ бѣлый молодецъ,
На тимъ молодци сѣрая гунька,
А поверхъ гуньки сутъ три трубойки:
Єдна трубойка—та золотая,
Друга трубойка—та мѣдяная,
Третя трубойка—та яворова.
Якъ си затрубью на золотую,
Пôде мй голосъ по пôдъ небесахъ;
Якъ си затрубью на мѣдяную,
Пôде мй голосъ по мѣдянинѣ,
По мѣдянинѣ, по всему свѣту,
По всему свѣту, по бѣлымъ цвѣту;
«Якъ си затрубью на яворову,
Пôде мй голосъ по всѣхъ долинахъ,
По всѣхъ долинахъ, по яворинахъ.
«Ей грайте, грайте, не переставайте!
Ту пограеме, дале пôдеме;
Ней же то буде на честь, на хвалу,
Богу милому, й тому, що е въ тимъ дому,
Якъ найбôлшому, такъ найменшому!»

11.

ЕМУ ЖЕ.

Ей въ полѣ, въ полѣ, въ чистейкимъ полѣ,
Въ недѣлю, гей, въ недѣлю, ранейко въ недѣлю!
Тамъ же мй стоитъ зеленый яворъ,
На яворойцѣ сивъ соколойко,
Сивъ соколойко віе гнѣздойко,
Ей віе, віе, перевывае,
Барвѣничейкомъ го подкладае,
А въ середину кладе тисину,
А завершуе сухимъ золотомъ.
Тамтады лежитъ давна стежейка,
Стежейковъ иде молодый паничь,
Молодый паничь на сивымъ конѣ,
Ей мѣря'тъ, стрѣля'тъ до сивъ сокола:
«Не стрѣляй мене, молодый пане!
Ой якъ ты пôдешъ за тихій Дунай,
За тихій Дунай, по красну панну,
То я ей тобѣ перепроваджу,
Перепроваджу и перенесу
Своима хортй я пересвищу,
Ей чижемки я не замочу.»

12.

ЕЖУ ЖЕ.

Зачорнѣлася чорна горонька,
Ой дай, Боже!
Выйшла зъ за неи чорна хмаронька,
Чорна хмаронька, овець турмонька,
Выйшовъ за ними гордый молодець,
Гордый молодецъ на передовець,
Заперезався, гей, ожинкою,
За товъ ожинковъ двѣ, три трубоньки:

Єдна трубонька—та роговая,
Друга трубонька—та мѣдяная,
Трета трубонька—та зубровая.
Ой якъ затрубивъ а въ роговую,
Пôшовъ голосокъ ай по пôдъ лѣсокъ;
Ой якъ затрубивъ та въ мѣдяную,
Пôшовъ голосокъ по верховинахъ,
По верховинахъ, по полонинахъ;
Ой якъ затрубивъ а въ зубровую,
Пôшли голоса по пôдъ небеса.

13.

ЕМУ ЖЕ.

Ой рано, рано, куроньки пѣли,
    Ой дай, Боже!
Ой а ще ранше нашъ панокъ уставъ,
Ой уставъ, уставъ, три свѣчи̂ зсукавъ:
При однôй свѣчѣ личенько вмивавъ,
При другôй свѣчѣ шатоньки вберавъ,
При третêй свѣчѣ коника сѣдлавъ,
Ой сѣдлавъ, сѣдлавъ, въ поле выѣжджавъ,
Въ поле выѣжджавъ, зъ конêмъ розмовлявъ:
«Ты коню сивый, будь ми счасливый,
Будь ми счасливый на три дорозѣ,
На три дорозѣ, та у три земли:
Одна дорога—та въ Волоськую,
Друга дорога—та въ Нѣмецкую,
Трета дорога—та въ Турецкую:
Зъ Волощины йде—волики веде
Зъ Нѣмеччины йде — грошики несе,
Зъ Туреччины йде — коники веде;
Ой воликами на хлѣбъ робити,
А грошиками вôйську платити,
А кониками зъ вôйськомъ ся бити.»

14.

ЕМУ ЖЕ.

По загуменю пшеничку сѣе,
    Ой дай, Боже!
Пшеницю сѣе, злотомъ лелѣе,
Гожій молодець личко вмивае,
Личко вмивае, коня сѣдлае,
Коня сѣдлае, зброю збирае,
Бере вôнъ собѣ та снôпокъ стрѣлокъ,
Золотый лучокъ, ясну шабельку,
Та до батенька вôнъ промавляе:
«Най ся, батенько, борзо збираё!
Ой поѣдемо та до Галича.» —
Ой выступали всѣ Галичане,
Всѣ Галичане, зъ мѣста мѣщане:
«Просимо тебе, гордый молодче,
На мису злота, на чашу вина!» —
Вôнъ на все тое ничь не зглядае,
По пôдъ домоньки стрѣлы пускае.
«Просимо тебе, гордый молодче,
На кречну панну, на Вôрмяночку,
На Вôрмяночку, на мѣщаночку!» —
Вôнъ все тое ничь не зглядае,
По пôдъ домоньки стрѣлы пускае,
А до батонька вôнъ промовляе:
«Най ся батенько коня примае!
Бо поѣдемо въ чистое поле,
Въ чистое поле, а въ темный лѣсокъ,
За чорнымъ туромъ, за грубымъ звѣромъ.» —
Якъ надыбали чорного туря,
Чорного туря, грубого звѣря,
И снôпокъ стрѣлокъ не дострѣляе,
И сивъ коничокъ изъ нôгъ спадае,
Гордый молодець зъ страху вмлѣвае,
А чорный турець такъ промовляе:
«Не бôйся мене, забьешъ ты мене,

Поѣдешь же ты въ недѣлю рано,
Тогди жъ ты мене та й пострѣляешь,
Ясновъ шабельковъ та й порубаешь,
А за славоньку панну достанешъ.»

15.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Ой въ чистимъ полю, на оболоню,
Ой дай, Боже!
Кречный молодецъ коникомъ грае,
Коникомъ грае, вôйсько збирае,
Вôсько збирае, пôдъ Львôвъ рушае.
Війшли идъ нему два Кіевляне,
Два Кіевляне, оба мѣщане,
Вйнесли ему мысу червоныхъ,
А вôнъ на тое и не погляне.

Ой въ чистымъ полю, и проч.
Вйвели ему коника въ дарѣ.
А вôнъ на тое и не погляне.

Ой въ чистымъ полю, и проч.
Війшли идъ нему два Кіевляне,
Два Кіевляне, оба мѣщане
Два Кіевляне и двѣ Кіянки,
И двѣ Кіянки, обѣ панянки,
Вйвели ему кречную панну,
А вôнъ ся имъ кречно кланяе,
Барзо дякуе, шапочку здôймае.
Взявъ же вôнъ еи за бѣлу рученьку,
Повѣвъ же еи все долинами,
Все долинами, все дубровами,
Та крещачими все барвêнками;
Привêвъ же êй идъ панъ отцêви,
Идъ панъ отцеви, идъ панй матцй:

«Ой мôй панъ отче, та й пани матко!
Привêвъ е'мъ вамъ за невѣсточку,
Зо мновъ дружити, вчити робити,
Вчити робити, шитêнка шити.»

16.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Ой пôдô Львовомъ, на оболоню,
Грай, коню, грай, кониченьку,
Пôдъ молоденькимъ паничемъ!
Тамъ Ивасенько коникомъ грае,
Коникомъ грае, лукъ натягае,
Лукъ натягае, на злоту баню стрѣляе;
Выйшли до него та три Вôрмяне,
Та три Вôрмяне, самй мѣщане,
Вынесли ему мысу червоныхъ,
А вôнъ на тое нй поглядае,
А нй дякуе, а нй пріймае.

Ой пôдô Львовомъ, на оболоню, и проч.
Вынесли ему хлѣбъ та шабельку, и проч.

Ой пôдô Львовомъ, на оболоню, и проч.
Вывели ему кречную панну,
Ой а вôнъ на ню мило зглядае,
Мило зглядае, до себе пріймае,
Та вôдô Львова геть вôдступае.

17.

(Изъ того же округа.)

Ой за горою за высокою,
Вôйне, вôйничу, молодый паничу!
Тамъ чорна хмара та выступае,
Не чорна хмара, то зъ конêй пара,
По передъ конêй гордый молодець,
Гордый молодець, нашъ Ивасенько,

Коникомъ грае, мечемъ звивае,
Мечемъ звивае, лукъ натягае,
На злоту баню стрѣляе.
Выйшли до него та три Вôрмяне, и проч.

18.

ЕМУ ЖЕ.

Ой въ лѣску, въ лѣску, въ зеленôмъ пѣску,
Ой дай, Боже!
Стоитъ ми, стоитъ, шовковый намêтъ,
На тôмъ наметѣ золотый стôльчикъ,
На тôмъ стôльчику гордый панъ сидитъ,
Гордый панъ сидитъ въ вîграны грае,
Въ вîграны грае, красно спѣвае;
Приходятъ дъ нему три панны зъ Вѣдня,
Три панны зъ Вѣдня, въ золотѣ, въ срêблѣ:
«Помай Бôгъ, май Бôгъ, гордое паня!
Хто жь тебе навчивъ въ вîграны грати,
Въ вîграны грати, красно спѣвати?» —
«Навчила жь мене рôдная мати
Въ вîграны грати, красно спѣвати,
Три разы, разы, въ ночи встаючи,
А въ винѣ, въ меду все купаючи».

19.

ЕМУ ЖЕ.

Ой въ горѣ, въ горѣ, въ шовковôй травѣ,
Ой дай, Боже!
Стоитъ ми, стоитъ шовковый намêтъ,
А въ тôмъ наметѣ золотый стôльчикъ,
На тôмъ стôльчику можный панонько,
Трома яблучки пôдкидаючи,

Двома орѣшки та цитаючи.
Выцитавъ коня та зъ пôдъ короля,
А въ того коня золота грива,
Золота грива, срêбнй копыта,
Срêбнй копыта, шовковый хвостикъ;
Золота грива коника вкрыла,
Срêбнй подковы землицю пишутъ,
Шовковый хвостикъ слѣдъ замêтае
Срêбнй копыта кремêнь лупаютъ,
Кремêнь лупаютъ, церковъ мурують,
Мурують же й зъ трома верхами,
Зъ трома верхами, зъ двома вôконцы:
Въ одно вôконце исходитъ сонце,
Въ друге вôконце заходитъ сонце,
А въ райскй дверѣ самъ Господь входитъ,
Самъ Господь входитъ, службоньку служитъ,
Службоньку служитъ найперше Богу,
А по Богови Божôй Матери,
А по Матери господареви.

20.

ЕМУ ЖЕ.

Не чорно перо по коникови полегло,
  Ой дай, Боже!
Ой загнѣвався сынъ на матêнку,
Якъ ся загнѣвавъ, та й оречъ поѣхавъ,
Займивъ вôнъ стадце на камêнцый мôстъ,
Мôстъ ся заломивъ, стадце потопивъ.
«Не жаль же менѣ та того стада,
Якъ жаль же менѣ сивъ кониченька,
Що нимъ объѣхавъ трои земленцй:
Єдна земленька—та Турецкая,
Друга земленька—та Нѣмецкая,
Трета земленька—та Угорская.

А у Турецкôй бѣлъ камѣнь лупавъ,
А у Нѣмецкôй свѣтцы спаливъ,
А у Угорскôй костелъ мурова̂въ,
Костелъ муровавъ на вôсѣмъ уголцêвъ,
На вôсѣмъ уголцêвъ, на четверо дверцй,
На четверо дверцй, на три оконцй,
На три оконцй, на три вершечки:
Въ едно оконце зъ истока сонце,
Въ друге оконце въ полудне сонце,
Въ трете оконце зъ захода сонце;
Въ еднôмъ вершечку ворганы грають,
Въ другôмъ вершечку ладанъ ся курить,
Въ третêмъ вершечку службы ся служать.

21.

ЕМУ ЖЕ.

Ишли молодцй рано зъ церковцй,
Ой дай, Боже!
Ой ишли, ишли, раду радили,
Раду радили не еднакую,
Не еднакую, а троякую:
«Ой ходѣме жь мы до ковальчика,
До ковальчика, до золотника,
Покуймо жь собѣ мѣдяний човна,
Мѣдяний човна, золотй весла.
Ой пустѣмо жь ся на тихій Дунай,
Долôвъ Дунаемъ пôдъ Царегородъ;
Ой чуемо тамъ доброго пана,
Що платитъ добре за заслуженьку:
Ой дае на рокъ по сто червоныхъ,
По сто червоныхъ, по коникови,
По коникови, та й по шабелцѣ,
Та й по шабелцѣ, по парѣ суконъ,
По парѣ суконъ, та й по шапочцѣ,
Та й по шапочцѣ, та й по панночцѣ».

22.

ЕМУ ЖЕ.

Стоить ми, стоить, зеленый яво̂ръ,
Повѣйный, повѣйный вѣтре,
Прихили яво̂ръ до землѣ!
На то̂мъ яворѣ сивъ соко̂лъ сидить,
Сивъ соко̂лъ сидить, гнѣздечко вѣва'тъ,
Обкладаѐ го острымъ тернѐчкомъ,
Острымъ тернѐчкомъ, сухимъ былъечкомъ,
А въ серединку — цвѣтъ та калинку,
А на вершечку — щирое злото.
Туда милала гладка стеженька,
До сивъ сокола намѣряючи;
Надо̂йшовъ нею гайный молодець,
Гайный молодець та Ивасенько,
Золотымъ лукомъ потрясаючи,
Ясновъ шабельковъ вывиваючи,
Та явъ сокола стрѣлковъ стрѣляти,
Стрѣлковъ стрѣляти, шаблевъ рубати.
Сивъ соко̂лъ каже: «Не стрѣляй мене,
Не стрѣляй мене, не рубай мене!
Коли ты будешь ой женитися,
Я тобѣ стану та въ пригодонцѣ,
Срѐбными по̂дко̂вками выбрязкуючи,
Ясновъ шабельковъ вывиваючи,
Сивовъ шапочковъ насуваючи,
Рясными суконцями потрясаючи.
Тебе молодого самъ перепроваджу,
Твою княгиню на крылцѣ возьму,
А твои гроші возьму на ноші.»

23.

ЕМУ ЖЕ.

Зачорнѣлася чорная гора,
Ой дай, Боже!
Що не зродила жито, пшеницю,
Але зродила жемчужну траву,

Жемчужну траву, золоту рясу;
Надъѣхавъ нею гордый молодецъ,
Та пустивъ коня въ жемчужну траву,
Ой а самъ припавъ идъ сирôй земли,
Та скоро припавъ, такъ борзо заснувъ;
Ой десь ся взяли буйнû вѣтрове,
Буйнû вѣтрове, шартû дожчове,
Та зашумѣли въ жемчужну траву,
Та зазвенѣли въ золотôй рясѣ,
Гордый молодець въ тôмъ прохопився,
Коня сѣдлае, гадку гадае:
«Коню жъ мôй сивый, будь ми счасливый!
Поѣдемо жъ мы въ чистое поле,
Въ чистое поле, та въ темный лѣсокъ,
За чорнымъ туромъ, за грубымъ звѣромъ».
Та якъ надыбавъ чорного туря,
И снôпокъ стрѣлокъ, и проч.

24.

ЕМУ ЖЕ.

Ѣхавъ молодецъ зъ Угоръ до Русицъ,
Ой дай, Боже!
Та вѣзъ же собѣ троякій напôй:
Єдинъ напоецъ—кудрое пиво,
Другій напоецъ—медокъ солодкій,
Третій напоецъ—шумна горѣлка.
Кудрое пиво самъ буду пити,
Медокъ солодокъ любку поити,
Шумна горѣлка отцу та матцѣ.
А за симъ словомъ бувай же здоровъ,
Бувай же здоровъ, кречный молодче,
Не самъ зъ собою, зъ отцемъ, зъ маткою,
Зъ отцемъ, зъ маткою и зъ всевъ челядковъ,

Ой зъ братчиками и зъ сестричками,
Та й усѣмъ родомъ, кречнымъ обходомъ!
Дай же ти, Боже, въ городѣ зѣлье
Въ городѣ зѣлье, въ дому весѣлье,
Въ дому весѣлье барзо весѣльне,
Барзо весѣльне, на славу втѣшне!
Рости жъ великій, будь довговѣчный,
Будь довговѣчный, будь Богу вдячный,
Будь Богу вдячный, людемъ величный,
Отцу и матцѣ на утѣхочку,
А добрымъ людемъ на порадочку?

1.

ЗЯТЮ.

А ци дома 'сте зятёве, мои?
Зятёве, зятёве жъ мои,
Тыхъ девять зятёвъ, зятёве!» —
«Ей дома, дома, у маштарни сутъ,
У маштарни сутъ, конёчки чешутъ». —
«Подьме лемъ мы къ нимъ, колядничкове,
Мы колядничкове, добры людкове,
А чей намъ дадутъ по конйчкови,
По коникови, по срѣбнôй гривѣ.»

2.

СЫНУ.

А «ци дома 'сте, сынове мои?
Сынове, сынове мои,
Ты девять сынôвъ, сынове!»—
«Ой дома, дома на пелевни сутъ,
На пелевни сутъ, злотѣчко вѣютъ.» —

«Подьме лемъ мы къ нимъ, колядничкове,
Мы колядничкове, добры людкове,
А чей намъ дадутъ по в'ячцѣ злота,
По в'ячцѣ злота, по дукатови».

3.

НЕВѢСТКАМЪ.

«А ци дома сте, невѣсты мои?
Невѣсты, невѣсты мои,
Тыхъ девять невѣсты, невѣсты!»—
«Ой дома, дома, въ свѣтлойцѣ сутъ,
Во свѣтлойцѣ сутъ, рубки качаутъ.»—
«Ой ходьме же мы, ходьме мы до нихъ,
Може намъ дадутъ хоцъ по едному».
Они намъ дали, мы подяковали.

1.

ДѢВЧИНѢ.

Ей въ полѣ, въ полѣ, въ чистейкôмъ полѣ,
Гей волы, гей сивейкіи, гей волы!
Тамъ же ми стоитъ загородойка,
Въ тôй за городойцѣ нова свѣтлойка,
А въ тôй свѣтлойцѣ округлый столикъ,
При нимъ ми сѣдитъ панъ перемысльный,
Передъ нимъ пляше молоде паня,
На тимъ паняти рудая сукня,
На ножейкахъ ма'тъ шнурованы бôтки,
На бочейкахъ ма'тъ кованый поясъ,
На тимъ пояси жовты ретязьки,
На тыхъ ретязькохъ золоты ключи,
На головѣ ма'тъ павяный вѣнокъ,
На ручейцѣ ма'тъ золотый перстêнокъ.

Рудая сукня избу замѣтать,
Шнурованы бôтки землицу точать,
Кованый поясъ бочки пôдперать,
Павяный вѣнокъ брезъ вѣтру шумить,
Золотый перстѣнокъ брезъ огня горить.
А нашь панойко зъ вôйны пріѣхавъ,
Зъ войны, зъ войнойки, зъ Вгорской сторонойки;
Позъѣжджалися къ нёму панове,
Къ нёму панове, ёго братове,
Сталися ёго вывѣдовати:
«Що тамъ доброго въ Угрохъ слыхати?» —
«Добрѣ слышано, бо южь поорано,
Южь поорано, злотомъ засяно,
Павянымъ перцомъ заволочено,
Залотымъ мечомъ загорожденo».

2.

Ей же.

Ей въ полѣ, въ полѣ, въ чистейкôмъ полѣ,
Гей волы, гей! и проч.
Тамъ же ми стоитъ загородойка,
Въ тôй загородцѣ красна дѣвойка,
Садочокъ садила, Богу ся молила:
«Рости, садойку, тонко, высоко,
Тонко, высоко, въ корѣню глубоко!» —
Ишовъ коло ней молодый паничь:
«Бôгъ помогай, Бôгъ, красна дѣвойко!» —
В'на ся го злякла, ничь му не рекла,
Овôнъ ся схопивъ, шабельку выхопивъ,
Выстинавъ садокъ, садокъ вышнёвый,
Садокъ вышнёвый и черешнёвый.
«Якъ же я буду дома повѣдати?
Повѣдала бы я, же буря была,
Же буря была, садокъ разбурила:
Бурй не было, теплейко было.»

3.

ЕЙ ЖЕ.

Ой при лужейку, при бережейку,
Калино, гей, калино,
Чомъ тебе вода пôдмыла?.
Тамтады лежитъ здавна стежейка,
На калинойцѣ сивъ соколойко,
А товъ стежейковъ иде дѣвойка.
«Бôгъ помагай, Бôгъ, сивъ соколойко!» —
«Бодай здорова, красна дѣвойко!
Красна дѣвойко, подь ты за мене!
Ой маю же я три грады бѣлы,
Въ еднымъ градойку сами будеме,
Въ другимъ градойку яра пшеничка,
Въ третêмъ градойку зелене вино.»—
«Ой жебы ты мавъ три грады бѣлы,
Не сѣдѣвъ бы ты на калинойцѣ,
Лемъ бы ты сѣдѣвъ у граду бѣлымъ;
Ой жебы ты мавъ три грады бѣлы,
Не дзёбавъ бы ты на лузѣ пѣсокъ,
Лемъ бы ты дзёбавъ яру пшеничку;
Ой жебы ты мавъ три грады бѣлы,
Не пивъ бы ты си лугову воду,
Лемъ бы ты си пивъ зелене вино.»

4.

ЕЙ ЖЕ.

Прала дѣвойка хусты на леду,
На леду, гей, на леду, на поледици,
На студенейкій водици!
Прійшовъ до неи красный молодецъ:
«Бôгъ помагай, Бôгъ, красна дѣвойко!»—
«Боже, дай здоровя, красный молодче!» —

«Я ти, дѣвойко, хусты розмечу.» —
«Якъ ты розчечешь, я си позберау » —
«Я ти, дѣвойко, прайникъ завержу.» —
«Якъ ты завержешь, а я си найду.» —
«Я ти, дѣвойко, воду вылѣю.» —
«Якъ ты вылѣешь, а я не змерзну.» —
«А я ся съ тобовъ, дѣвча, оженю.» —
«Якъ ся оженишь, я за тя пôду.»

5.

ЕЙ ЖЕ.

Прала дѣвойка хусты на леду,
    На леду, гей, на леду, на поледици,
    На студенейкій водици!
Хусточьку прала, перстень згубила:
«Подь же, батейку, перстенецъ найди!» —
Батейко пôшовъ, перстень не найшовъ.
    Прала дѣвойка хусты, и проч.
    Подь же, мамайко, братейку, сестройко, и проч.
Подь же, милейкій, перстенецъ найди!» —
Милейкій пôшовъ, перстенецъ найшовъ.
Лѣпшій милейкій, якъ братъ рôднейкій.

6.

ЕЙ ЖЕ.

Збирала дѣвойка жовты яблойка,
    Жовтая, ей, жовтая, яблôнь,
    Жовти яблочка зродила!
Стерегла же ихъ красна дѣвойка;
Прійшовъ до неи батейко ея:
«Дай ми, дѣвойко, зъ едно яблойко!
Або ми го дай, або ми продай!» —

«А ни ти не дамъ, а ни не продамъ.» —
Прійшла до неи мамойка еи:
«Дай ми, дѣвойко, зъ едно яблойко!
Або ми го дай, або ми продай!» —
«А ни ти не дамъ, а ни не продамъ.» —
Прійшовъ до неи братейко еи:
«Дай ми, сестричко, зъ едно яблойко!
Або ми го дай, або ми продай!» —
«А ни ти не дамъ, а ни не продамъ.» —
Прійшовъ до неи милейкій еи:
«Дай ми, милейка, зъ едно яблойко!
Або ми го дай, або ми продай!» —
А ни ти не дамъ, ни ти не продамъ.
Ты си милейкій, не роби смѣхъ,
Наберь си цѣлый мѣхъ.
Лѣпшій милейкій, якъ братъ рôднейкій.»

7.

ЕЙ ЖЕ.

Пасло чадейко бѣле стадейко,
Пôдъ боромъ, ей, пôдъ боромъ,
Пôдъ зеленейкимъ, пôдъ молодейкимъ яворомъ!
Стадейко пасло, шитêчко шило,
Шитêчко шило, стадо згубило.
«Пôди, татцейку, стада глядати!» —
Татцейко пôшовъ, стадо не найшовъ.
«Пôди, мамцейко, стада глядати!» —
Мамойка пôшла, стада не найшла.
«Пôди, братцейку, стада глядати!»
Братцейко пôшовъ, стадо не найшовъ.

Пасло чадейко бѣле стадейко,
Стадейко пасло, шитêчко шило,
Шитêчко шило, стадо згубило.
«Пôди, милейкій, стадо глядати!» —
Милейкій пôшовъ, стадойко найшовъ.
«Лѣпшій милейкій, якъ братъ рôднейкій.»

8.

ЕЙ ЖЕ.

Ей въ поли, въ поли, въ чистейкимъ полю,
А въ ней, а въ молодейкій, а въ цей!
Тамъ же ми стоитъ нова загородойка,
Въ тôй загородойцѣ шовкова травка.
Жала єй, жала красна, дѣвойка,
Коло загородойку давна стежейка,
Стежейковъ ишли три кôсчикове,
Три кôсчикове, молодчикове:
«Зъêднайте мй ся травку скосити,
Травку скосити, на купу зносити,
Та я вамъ буду дорого платити:
Єдному буде паваный вѣнокъ,
Другому буде золотый перстêнокъ,
Третêму буде сама молода,
Сама молода, яко ягода.»

9.

ЕЙ ЖЕ.

«Ци дома єсте, панъ господарю?» —
Цы чуешь, цы гораздейко, моє сердейко, ночюєшь?
«Ой дома, дома, за столомъ сѣджу,
За столомъ сѣджу, грошики лѣчу.» —
«Чєме мы въ тебе красну дѣвойку,
Красну дѣвойку, въ зеленымъ вѣнойку;
Рады бы мы еи зъоглядовати,
Зъоглядовати и зъ собовъ взяти,
И зъ собовъ взяти, та й подяковати.»

10

ЕЙ ЖЕ.

Посѣяла ленку на загуменку
    А въ ней, а въ ней, а въ молодойкіи, а въ ней!
Леникъ ся не вродивъ, лемъ конопегка,
На тыхъ конопевкахъ золота ряса;
Обдзёбуютъ мй ей дрôбны птачькове,
Обганяли ей три сиротойки.
Ише-ге, ге-ге, дрôбны птачькове,
Не обдзёбуйте золоту рясу!
Ей бо мы м'еме люту мачоху,
Та в'на насъ спалитъ на дрôбный попелецъ,
Она насъ посѣе въ загородойцѣ,
Та зъ насъ ся вродитъ трояке зёлья:
Перше зêлêчько — бôждеревочокъ,
Друге зêлêчоко — крутая мьята,
Трете зêлêчько — зеленъ барвêнокъ.
Бôждеревочокъ дѣвкамъ до кôсочокъ,
Крутая мята хлопцêмъ за шапята,
Зеленъ барвêнокъ дѣвчатôмъ на вѣнокъ.

11.

ЕЙ ЖЕ.

А въ лѣсѣ, въ лѣсѣ, въ буковинойцѣ,
    Ци чуешь, гей, чуешь, мое сердейко, ци чуешь?
Тамъ же мй кукала сива зазулейка,
Выслухала еи красна дѣвойка:
«Ей кобы я мала ясну шабевку,
Выстинала бы я лѣсъ буковину,
Лѣсъ буковину, вшитку ялину.
Жебымъ поймала сиву зазулейку,

Пустила бъ ей до свого садойка,
Жебы она мй ранейко кукала,
Ранейко кукала, газду зобуджала:
«Встань, газдо, горе, бѣлый день на дворе,
Встань волойкомъ дати, часъ пойти орати,
Часъ пойти орати чорну земличьку,
Чорну земличьку на яру пшеничьку;
На яру пшеничьку, на озиме житце!
Буде тамъ стебевце—саме тростове,
Будутъ колосойки, яко билинойки,
Будутъ тамъ женцй — сами молодцй,
А вязальнички—сами молодчики,
Будутъ снопойки, якъ на небѣ звѣздойки,
Будутъ стогойки, яко геройки,
Будутъ возойки, якъ чорны хмаройки,
Звезутъ они, звезутъ, зъ поля до стодолы!»

12.

ЕЙ ЖЕ.

Кукала зазуля въ селѣ, въ садойку,
Свитае, ей, свитае,
Рано, ранейко, свѣтле сонейко сходжае!
Въ селѣ, въ садойку, не мала квѣтойку,
Сталася томити, де ма'тъ гнѣздо вити:
«Вила бымъ го, выла, въ лѣсѣ, при дорозѣ,
Въ лѣсѣ, при дорозѣ, та на лѣщинойцѣ;
Лѣщинойку рушитъ, гнѣздо розпотрушитъ,
Гнѣздо розпотрушитъ, дѣти ми оглушитъ.» —
Кукала зазуля въ селѣ, и проч.
«Вила бымъ го, вила, при потôчейку,
При потôчейку, на сѣтничейку;
Водиця прійде, гнѣздо забере,
Гнѣздо ми забере, мене осиротитъ;
Буду го вити на вышнêмъ садойку,
На вышнêмъ садойку, ажь на вершейку,

Та я си буду рано кукати,
Рано кукати, газду зобуджати:
«Вставай, газдо, горе, бѣлый день на дворе!
Стала ти ся радôсть въ твоёму дворе:
Коровицѣ ти ся всѣ положили,
Сиве стадейко за породили.
Часъ вамъ, волойки, орати горойки,
А вамъ, коровицѣ, въ лѣсъ до травицѣ,
Вамъ, невѣстойки, носити ѣстойки,
А вамъ, дѣвойки, въ лѣсъ по травойки.»

13.

Ей же.

А на горойцѣ два голубойки
Ячьмнѣнь жнутъ,
А въ долинойцѣ двѣ зазулейки
Ленъ берутъ.
«Порôвнай, Боже, горы, долины
Рôвнейко,
Чей бы ся было до мого татця,
Виднейко!
Ей цы виднейко, цы не виднейко,
Не дбаю,
Свого татцейка по голосойку, въ темнымъ лѣсойку,
Спôзнаю!»—

А на горойцѣ два голубойки, и проч.
Чей бы ся было до моей мамцѣ (братцейка, сестройки, милого)
виднейко, и проч.

14.

ЕЙ ЖЕ.

Плыла дѣвойка доловъ дунаёмъ,
Дунаю, гей, Дунаю, море, Ганусю, зоре!
Бѣжитъ коло ней татцейко еи:
«Подай мй, татцю, свою ручейку,
Най я не тону въ Дунайчейку!» —
«Я ти не подамъ, бо я самъ впаду.» —

Плыла дѣвойка доловъ Дунаёмъ, и проч.
Тамтады бѣжитъ матѣнка, сестричька, и проч.

Плыла дѣвойка доловъ Дунаёмъ, и проч.
Тамтады бѣжавъ милейкій еи:
«Подай мй, милый, свою ручейку!
Няй я не тону въ Дунайчейку!» —
Милейкій подавъ, дѣвойку дôставъ.
Лѣпшій милейкій, якъ братъ роднейкій.

15.

ЕЙ ЖЕ.

А въ чистымъ полю болонѣчейко,
Ци чуешь, гей, ци чуешь,
Ци гораздейко, мое сердейко, почуешь?
Тамъ же ми стоитъ загородойка,
Въ тôй загородойцѣ яра пшѣнойка,
Оганяла ей красна дѣвойка.
Тамтады була здавна стежейка,
Тамтады ѣхавъ панецъ-молодецъ.
«Бôгъ помагай, Бôгъ, красна дѣвойко!» —
«Боже, дай здравья, панецъ-молодецъ!» —
«Сподобала мй ся яра пшѣнойка,
А еще лѣпше красна дѣвойка.

Кобы ты прійшовъ въ недѣлю рано,
Въ недѣлю рано до схôдъ сонейка,
Ой, увидѣвъ бы ты мои красни строи:
Кардованѣ чижмы землицю точя'тъ,
Роёва сукня теремы змêта'тъ,
Шовковый корсетъ плечейки стиска'тъ,
Кованый поясъ боки пôдпера'тъ,
Золотый перстенецъ пальчики здобитъ,
Французькѣ коралѣ шію пôдперли,
Павьяный вѣнокъ голову зноситъ.

16.

ЕЙ ЖЕ.

Въ нашей Ганцейки трои молодцѣ,
Я въ ней, гей, я въ ней, я въ молодейкій,
Стративъ я лѣтейка для ней!
Єдны мѣ сѣли въ новыи сѣни,
Другѣ мѣ сѣли до кумнатойки,
Трети мѣ сѣли до издебойки.
Єдны мѣ пили та згорѣвойку,
Други мѣ пили зелене виньце,
Трети мѣ пили солодецъ медецъ.
Єденъ доровавъ ядвабну хустку,
Другій даровавъ золотый перстêнокъ,
Третій даровавъ трепêтокъ вѣнокъ.
Трепêтокъ вѣнокъ ней ся трепоче,
Ней ся трепоче, за кого хоче!

17.

ЕЙ ЖЕ.

Ей тамъ на лукахъ на Бадалôвскихъ,
Пôдъ боромъ, гей, пôдъ боромъ,
Пôдъ зеленейкимъ яворомъ!
Тамъ ми̂ дѣвчатко Бадалôвчятко,
Коники пасе, на гусевкахъ грае;
Пôдслухали ми̂ го панскіи слузы,
Скоро пôдслухали, пану знати дати:
«Коники возьте до кôнничейки,
А гусевки возьте пану до свѣтлици̂,
А дѣвчятко возьте, всадьте до темничейки!» —
Коники ирзутъ пану въ кôнници,
А гусевки граутъ пану въ свѣтлици,
А дѣвчатко плаче пану у темници.

18.

ЕЙ ЖЕ.

На 'нôй ми̂ горѣ, на 'нôй высокôй,
Тамъ же ми̂ коситъ бѣлый молодецъ,
Красна дѣвойка снѣданêчько носитъ;
Ище не выйшла, лемъ на покосы,
Ей кричитъ, плаче, красна дѣвойка:
«Цыть, не плачь, не кричъ, красна дѣвойко,
Изъ яворойка буде колысанойка.
Завѣсиме мы го меже дубойки,
Межи дубойки, на ретязойки,
Вѣтеръ буде дути, буде колысати,
Дожджикъ буде ити, буде го купати,
Сонце буде грѣти, пеленки сушити,
Матêнка Бôжя буде повивати,
Свята Магдалина буде плекаторойка,
Буде плекатаройка и рôдна мамойка.»

19.

ЕЙ ЖЕ.

Пôшла Маруся рано по воду,
Ой дай, Боже!
Издыбали ей три молодчики,
Загадали ей три загадочки,
Якъ вôдгадаешь, то наша будешь:
«Що, панно, росте безъ корêньечка,
Що, панно, горитъ безъ поломине,
Що, панно, цвите безъ синогъ цвѣту.» —
«Хиба жь бы я не матусина була,
Щобы я ейхъ не вôдгадала:
Бѣлъ камêнь росте безъ корêньечка,
Золото горитъ безъ поломине,
Папороть цвите безъ синогъ цвѣту».

20.

ЕЙ ЖЕ.

Пôшла панночка, гей, по пôдъ лѣсокъ,
Ой дай, Боже!
Та й посадила терновый садокъ:
Пôшла панночка та по пôдъ млачокъ,
Та посѣяла червоный мачокъ;
Пôшла панночка въ чистоê поле,
Та посѣяла бѣлое тѣло.
Пôшла панночка въ терновый садокъ;
Урвала жь собѣ чорного терну,
Та приложила дъ своимъ оченькамъ:
«Кобы жь у мене такіи очй,
Годила жь бымъ ся та паничеви,
Та паничеви паньёвъ бути.
Пôшла жь панночка та по пôдъ мачокъ,
Урвала жь собѣ червоный мачокъ,

Та приложила дъ свому личеньку.
«Кобы жь бы у мене таке личенько,
Годила жь бымъ ся поповичеви,
Поповичеви попадевъ бути.» —
Пôшла панночка въ чистое поле,
Урвала жь собѣ бѣлое тѣло,
Та приложила жь дъ своимъ косонькамъ:
«Кобы жь у мене такй косоньки,
Годила жь бымъ ся мѣстскому сыну,
Мѣсткому сыну кметицевъ бути.»

21.

ЕЙ ЖЕ.

Ой зашумѣла зеленъ дуброва,
Ой дай, Боже!
«Ой чо жь ты шумишь, ой чо жь ты звѣнишь?» —
«Ой шумью, шумью, бо въ собѣ чую,
Бо въ собѣ чую дивное звѣря,
Дивное звѣря тура-оленя,
Що на головцѣ девять рôжечкôвъ,
А на десятôмъ теремъ збудованъ,
А въ тôмъ теремѣ кречна панночка,
В'на собѣ ходитъ, усе шенкуе,
Ой держитъ собѣ троякій напôй:
Єдинъ напоецъ шумна горѣлка,
Другій напоецъ солодкій медокъ,
Третій напоецъ зелене вино.
Зелене вино, кудрое пиво.
Ой пили жь въ ней три крамарчики,
Ой пили, пили, та не платили;
А в'на жь бо ся померковала,
Три крамарчики заграбовала:
Въ єдного взяла сивъ коничeнька,

Въ другого взяла ясну шабельку,
Въ третого взяла дорогу шубу.
Сивъ кониченька своему тату,
Ясну шабельку старшому брату
Дорогу шубу самôй молодôй,
Самôй молодôй, та якъ ягодѣ.

22.

ЕЙ ЖЕ.

Ой у садоньку павоньки ходять
Ой дай, Боже!
Павоньки ходятъ, пêренько ронятъ;
Ходитъ за ними красна дѣвонька,
Пêренько збира'тъ, въ рукавецъ кладе,
Зъ рукавця бере на столикъ кладе,
Зъ столика бере, вѣночокъ плете,
Вѣночокъ плете, на головъ кладе,
На головъ кладе, ци подобенъ буде.
Пошла дѣвчина рано по воду,
Та схопилися буйнй вѣтрове,
Буйнй вѣтрове, шайнй дожчове,
Та исхопили павляный вѣнокъ,
Занесли его въ тихій Дунаецъ,
На тиху воду, на бѣлый камêнь,
За нимъ дѣвчина лужкомъ, бережкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ, та гладковъ стежковъ,
Та гладковъ стежковъ, гей, ухоженовъ,
Гей ухоженовъ, позолоченовъ.
Та надôйшли туда три рыболови,
Три рыболови, панськй сынове:
«Помай Бôгъ, май Бôгъ, три рыболови,
Три рыболови, панськи сынове,
Ци не стрѣчали павляный вѣнокъ?» —

«Бодай здорова, кречна панночко!
Хоть и стрѣчали, коли не знали.
А що жъ намъ буде за перевмець? —
«Єдному буде хустка шовкова,
Хустка шовкова зъ бѣлои шеи,
Другому буде золотый перстень,
Золотый перстень зъ бѣлого пальця,
Третому буде сама молода,
Сама молода, та якъ ягода.»

23.

ЕЙ ЖЕ.

По долу, долу, яра пшеница,
Ой лай, Боже!
До пшениченьки вбита стеженька;
Хто жь ей убивъ? Красна дѣвонька,
Вбила стеженьку, пшеницю жала:
Надійшовъ туды поповиченько,
Поповиченько, завистиченько;
Позавистовавъ па пшениненьку,
На пшениченьку та й на дѣвоньку.
«Поповиченьку, завистниченьку,
Кобысь мня видѣвъ рано въ недѣлю,
Якъ стане мати мене вбирати,
Ой на ноженьки жовтй чобôтки,
А на лядвоньки кованый поясъ,
А на плечоньки пять чемерочокъ,
А на пальчики срêбнѣ перстêнцй,
На головоньку перлову тканку.
Жовтй чобôтки зъ дрôбна ступаютъ,
Кованый поясъ лядвоньки ломитъ,
Пять чемерочокъ плечима стиска'тъ,
Срêбнй перстêнцй пальчики свѣтятъ,
Перлова тканка головку клонитъ.»

24.

ЕЙ ЖЕ.

Ой зъ Пôдгôренька, та зъ пôдъ сoненька,
Ой дай, Боже!
Надѣялася свого милого;
Гатила гаты дорогими шаты,
Мостила мосты жуковинами,
Садила сады все винограды,
Вберала лѣсы паволоками,
Сѣяла поле дрôбновъ жемчуговъ.
А якъ мôй милый мостомъ поѣде,
Звенѣтъ му, мосты, жуковинами!
А якъ мôй милый садомъ поѣде,
Садѣтся, сады, все винограды!
А якъ мôй милый лѣсомъ поѣде,
Ряхтѣтъ му, лѣсы, паволоками!
А якъ мôй милый полемъ поѣде,
Ряхти жь му, поле, дрôбновъ жемчуговъ,
Дрôбновъ жемчуговъ, яровъ пшеницевъ!»

25.

ЕЙ ЖЕ.

А въ чистымъ полю стоитъ коршмонька,
Ой дай, Боже!
А въ тôй коршмонцѣ дѣвча шинкарча,
Ой сидитъ собѣ конець столонька,
Та й держитъ собѣ троякій напôй·
Медокъ, горѣлку, зелене вино;
Сидитъ же, сидитъ, по конець стола,
А кватырочку все вôдхиляе,
Та въ чисте поле все позырае.
Надôйшли жь туды три Волошины:
Одинъ Волошинъ барзо хорошій,
Другій Волошинъ ба еще кращій,

Третій Волошинъ а ще краснѣйшій.
Ой сѣли жь собѣ пôдпиваючи,
Дѣвча шинкарча пôдмовляючи:
«Дѣвча шинкарча, ходи жь ты зъ нами,
Ходи жь ты зъ нами, та молодцями!
Будешъ ты пити мêдъ, горѣлочку,
Въ шовковыхъ шубахъ будешъ ходити.»
Ще не вывели дѣвчину зъ саду,
А вже вчинили дѣвчинѣ зраду;
Ой ведутъ милю, та й ведутъ другу,
Ой на третй жь бы вôдпочивати,
Пустили жь они коники пасти,
Казали ей все лôжко класти.
«Мене ще мамка ба й не вôддала.
Щобы я зъ вами все лôжко клала,
Ой пôдъ яворомъ пôдъ зелененькимъ,
Изъ Волошиномъ та й молоденькимъ.
Устань кременя, выкреши огню,
Запали сосну въ верху и споду:
Ой гори, гори, зелена сосно,
Ой течи, течи, чорная смоло,
Та на шенкарча, на бѣле тѣло,
Щобы шенкарча прêчь не хотѣло!»

26.

ЕЙ ЖЕ.

(Изъ Золочевскаго округа.

А въ чистôмъ полю грушечка стоитъ,
Ой дай, Боже!
На тôй грушечцѣ золота ряска,
Тамъ ся десь взяла красна дѣвонька,
Красна дѣвонька, та й Олѣнонька,
Збирала ряску та й у запаску,

Понесла еи до золотника:
«Ремêсниченьку, золотниченьку,
Ой пôдбій менѣ тимъ спôдниченьку,
А по спôдничцѣ кованый поясъ,
А по пояску золоту ряску!»

27.

ей же.

А въ лѣску, въ лѣску, на жовтôмъ пѣску
Ой дай, Боже!
Росте деревце тонко, высоко,
Тонко, высоко въ корêнь глубоко,
Въ корêнь глубоко, листомъ широко;
На тôмъ деревцѣ гуси, лебеди,
Ой сидятъ, сидятъ, далеко видятъ,
Ой видятъ же в'ни чистое поле,
Чистое поле, синее море,
На синêмъ морѣ корабель плыве,
А въ тôмъ кораблѣ кречна панночка,
Кречна панночка та й Маруненька,
Обзываеся до паниченька,
До паниченька, поповиченька:
«Ой паниченьку, поповиченьку!
Ой возьми мене та зъ кораблика,
Бо є у мене сêмдесять братôвъ.
Сêмдесятъ братôвъ, а три рôдненькй,
Ой держать менѣ та парть велику,
А якъ мня возьмешъ, все тото дадуть.»

28.

ей же.

По новыхъ сѣнехъ, по будованыхъ,
Ой дай, Боже!
Та й по свѣтлонцѣ, по малёваной,
Ой ходитъ, ходитъ, кречна панночка,

Кречна панночка, та й Маруненька,
Ой ходитъ, ходитъ зъ ключики говоритъ:
«Ключики мои, не побрязькуйте,
Мого милого не пробуджайте!
Бо мôй миленькій барзо трудненькій
Барзо трудненькій, зъ Угорь пріѣхавъ,
Та привêзъ менѣ три подарочки:
Єдинъ подарокъ — кованый поясъ,
Другій подарокъ — срêбный перстенець,
Третій подарокъ — перлова тканка.
Кованый поясъ лядвоньки ломитъ,
Срêбный перстенець пальчики щипле,
Перлова тканка головку клонитъ,
Головку клонитъ на постêлоньку,
На постêлоньку а къ батенькови,
Жичь, Боже, на рôкъ а къ миленькому!»

29.

ЕЙ ЖЕ.

Пôшла Маруся рано по воду,
Въ недѣлю, въ недѣлю,
Рано зелене вино саджено.
Ой пôшла жь она зъ двома ведерцѝ:
Въ єдно начерла, зъ другимъ ся вергла,
Вергла ся борзо до матêночки:
«Видѣла жь бо я дивное звѣря,
Дивное звѣря, ластôвляточку;
Не є бо тото ластôвляточка,
Але є жь тото Божая Мати.
Божая мати ризоньки прала,
Ризоньки прала, на бѣлъ камêнь клала,
Десь ми ся взяли буйнѝ вѣтрове,
Буйнѝ вѣтрове, дрôбнѝ дощове,
Шайнули жь они Божіи ризы,
Та занесли ми опрôчь далече,
Опрôчь далече, ажь передъ церковъ,

Сами ся двері повôдтваряли,
Сами ся книги порозтваряли,
Сами ся свѣчі позасвѣчали,
Исусъ Христосъ ходить, службоньку служить.»

30.

ЕЙ ЖЕ.

Ой рано, рано, куроньки пѣли,
Ой дай, Боже!
Ой а ще раньше панночка встала,
Панночка встала, дворы вмêтала,
Дворы вмêтала, столы встêлала,
Столы встêлала, павоньки гнала,
Павоньки гнала въ вышневый садокъ;
Павоньки ходятъ пêренько ронятъ,
Панночка иде, пêренько бере,
Пêренько бере, въ рукавецъ кладе,
Зъ рукавця брала, на столикъ клала,
Зъ столика брала, вѣно сплêтала,
Вѣнокъ сплêтала, на главку клала:
«Дивися, ненько, ци красно буде,
Ци красно буде до церкви пôти,
Богу святому на охвалочку,
А людемъ добрымъ на порадочку,
Отцу та й матцѣ на утѣшеньку,
А миленькому на розмовочку?»

31.

ЕЙ ЖЕ.

(Изъ Жолковскаго округа.)

Ой рано, рано, куройки пѣли,
Ой дай, Боже!
Ой а ще раньше Маруся встала,
Маруся встала, садъ пôдмêтала,

Садъ пôдмѣтала, грядки копала,
Грядки копала, вино садила,
Вино садила, слово мовила:
«Ой рости, вино, тонко, высоко,
Тонко, высоко, въ корни глубоко!» —
А тое вино сино заквило
Ой не зродило, но три ягодойцû;
Перша ягодойка — ей матейка,
Друга ягодойка — ей батейко,
Трета ягодойка — сама молода,
Сама молода, заруческая,
Заруческая ажь до Люблина,
Ажь до Люблина, за поповогъ сына,
За поповогъ сына, щобъ не робила,
Щобъ не робила, мёдъ, вино пила,
Мёдъ, вино пила, ключьми дзвонила.

32.

ЕЙ ЖЕ.

Коло городейка убита стежейка,
Ой дай, Боже!
Коло стежейки яра пшеничейка,
Полола ей красна Марунейка,
Надôйшли туды три молодчики:
Єдинъ ся пытае: «Чи любишъ ты мене,
Чи любишъ мене, чи пôдешъ за мене?
Дамъ же я тобѣ жовтû черевички!» —
«Я черевичокъ не хочу, и за тебе не пôду.» —
Другій ся й пытае: «Чи любишъ мене,
Чи любишъ мене, чи пôдешъ за мене?
Дамъ же я тобѣ лисью шубойку.» —
«Я шубойки не хочу, и за тебе не пôду.» —
Третій ся пытае: «Чи любишъ мене,
Чи любишъ мене, чи пôдешъ за мене?
Дамъ же я тобѣ золотый рыдванъ,

А въ тôмъ рыдванѣ чотыре конѝ:
Якъ поѣдемо черезъ селейко,
Скажутъ селяне: «Ѣдутъ мѣщане!»
Якъ поѣдемо черезъ мѣстейко,
Скажутъ мѣщане: «Ѣдутъ паняне!» —
«А я тебе люблю, и за тебе пôду.»

33.

ЕЙ ЖЕ.

Зажурилася чорная гора,
Ой дай, Боже!
Що не зродила жито, пшеницю,
А изродила зелене вино,
Зелене вино, що Богу мило.
Стерегла жь его красная панна,
А стерегучи барзо уснула,
Десь ми ся взяли райскіи пташки,
Та исхопили зелене вино,
Не зôставили, лишъ винне ябко,
Туды стежечка здавна бувала.
Надôйшовъ нею батенько ей,
Кличе, покличе на кречну панну:
«Верзь же ми, донько, виннее ябко!» —
«Бôгъ ме, не вержу, милому держу». —
Надôйшла туды та ненька ей,
Сестричка братчикъ, и проч.
Надôйшовъ туды миленькій ей,
Кличе, покличе, на кречну панну:
«Верзь же ми, мила, виннее ябко!» —
«Ябко урвала, милому дала.» —

34.

Ей же.

Ой на Дунаю, близько дороги,
Въ недѣлю, въ недѣлю рано, ясне соцѣнько сходило.
Та тамъ коршмонька орѣховая,
А въ тôй коршмонцѣ сêмъ танцêвъ ходитъ,
Красна дѣвонька всѣмъ передъ водитъ.
Прійшовъ до ней батенько ей:
«Ой гуляй, доню, та йди до дому!» —
«Ой заразъ пôду, лишъ зъ танцю выйду!»
Зъ танчику выйшла, до дому не йшла.
Ой на Дунаю, близько дороги, и проч.
Прійшла матенька, сестричка, братчикъ, и проч.
Ой на Дунаю, близько дороги, и проч.
Прійшовъ до неи миленькій ей:
«Ой гуляй, мила, та йди до дому!» —
«Ой заразъ иду, лишъ за танцю выйду.» —
Зъ танчику выйшла, до дому пôшла.

ХРИСТІЯНСКІЯ КОЛЯДЫ.

1.

(*Изъ* Сяноцкаго округа)

Зъ моря звѣзда выѣжджае,
И вшитокъ свѣтъ освѣчае,
Мерлыхъ зъ гробу зобуджае:
«Встаньте, мужи изъ женами,
Зобуджайте дѣти свои!
Бо часъ бы ихъ зобуджати,
Богу хвалу, честь отдати.
«Ставай, Лукачь Ангелистый,
Малюй образъ Богу чистый!» —
Не мôгъ вôнъ го змалювати,
Мусѣвъ собѣ спочивати.
Ставай, Лукачь стурбованый,
Южь е твôй образъ змалёваный.
Запрѣгайте штыри волы,
Везьте й образъ, Богу хвалу.
Не ставьте 'ня на лѣвицу,
Бо тамъ вшитки проклятыи,
Лемъ ставьте 'ня на правицу,
Бо тамъ вшитки праведныи.
На привици дзвоны дзвонятъ,
На лѣвици ножй сталятъ.
«Ложе, ложе, бѣле ложе,
Само чисто, та бритвяно,
Кто же на то ложе ляже?
Кривосудця ты, небоже!
Амйнь, амйнь, ней ся стане!
Заваруй насъ, Христе Пане!»

2.

Гей, лелуя, лелуя,
Породила въ Веѳлеемѣ Матка Марія,
Въ Веѳлеемѣ, у мѣстечьку,
Треба ему купелойки,
Панна Марія!
Въ Веѳлеемѣ зимна вода,
Укупати Сына Бога.

Гей, лелуя и проч.
Треба ему пелюшечьки
Пелюшечьки щира злота,
Повивати Пана Бога.

Гей, лелуя, и проч.
Треба ему повойничьки,
Повойничьки ядвабнои,
Повивати Пана Бога.

Гей лелуя и проч.
Треба ему колысочьки.
Є у церквѣ завѣшена,
Медже двома вôвтарями,
Колысати Христа Пана.
Кто жъ намъ прійде, та й запѣє,
Детятойко розисмѣє?

3.

Зыйшла зъ неба ясна звѣзда,
На цѣлый свѣтъ засвѣтила;
Не ясна то звѣзда была,
Лемъ то панна чиста дѣва;
Стрѣтили ей апостолы:
«Чомъ вы сумны, не веселы?»
«Бо мы Христа не видѣли.
Въ четверъ вечêръ при вечери,
Хлѣбъ намъ ламавъ и намъ дававъ:
«Ѣжьте, пійте, памятайте,

Лемъ мя Жидомъ не продайте!» —
Скоро Жиды услышали,
По улицяхъ заставали,
Де бы Христа поимали.
Скоро в'ни го поимали,
До ланцушкôвъ го вязали,
Съ терня вѣнокъ увивали,
На главу му прикладали,
На крестъ руцѣ ему дали,
Звоздами го приковали,
Матка ёго биля нёго,
Кричитъ, плаче, жалує го,
Кричитъ, плаче, ламле руцѣ,
Же сынъ Божій въ тяжкôй муцѣ:
«Матко моя наймилѣйша,
Не кричь не плачь, не жалуй 'ня,
Во третій день воскресну я,
Буду судівъ живыхъ, мертыхъ,
И грѣшникôвъ и праведныхъ:
Станутъ грѣшни на лѣвици
А праведны на правици,
На правици свѣчи горятъ,
На лѣвици ножи сталятъ,
«Ложе, ложе (и проч., какъ въ № 1.)

4.

(Изъ города Хуста Мармарошской столицы.)

Новая радусть свѣту ся зъявила,
Де панна чиста сына породила.
Во Веѳлеемѣ ищи барзо рано,
Витати пана пастыремъ казано.
Звѣзда посельство его справляе,
Же царь Египскы со дары прибувае:
Принесли ему ливанъ и злато,
Взяли заплату по корунѣ за то.
Иродъ за тое барзъ засмутився,
Же Бôгъ предвѣчный съ панны народився.

Старый Іосипъ колыше дитятко:
«Люляй же, люляй, малое пахолятко!» —
Старый Іосипъ Марію пуймуе,
И до Египта съ Христомъ вступуе.

5.

Дивная новина!
Нынѣ панна сына
Породила въ Ефлеемѣ,
Марія едина.
Нѣ въ царскихъ палатѣхъ,
Въ гражданскихъ болатѣхъ,
А въ ястини, у пустини,
Треба о сѣмъ знати, и проч.

Б. ПРИ СЕМЕЙНЫХЪ ОБРЯДАХЪ.

А. Ладканя или свадебныя.

1.

(Изъ Коломійскаго округа.)

ВЪ СУББОТУ ВЕЧЕРОМЪ, НА КАНУНѢ СВАДЬБЫ.

Лежали бервы бервѣнковіи:
Благослови, Боже,
И Ты, Божая Мати,
Деревце убирати.
Райское деревенько
Передъ раёмъ стояло,
Та въ рай ся похиляло,
Та й силно зацвитало.

2.

«Ой вѣнку мôй, вѣнку,
Зъ хрещатого барвѣнку!
Куповала 'мъ тя въ рынку,
Замыкала 'мъ тя въ скринку,
Въ суботу на годинку,
Въ недѣлю на всю днинку
Въ понедѣлчикъ до обѣдчикъ,
А вô второкъ та й на кôлокъ».

3.

Въ городечку вѣнчакôмъ,
Въ бервêночку хрещакôмъ,
Тамъ наша молода вѣнки плете.
Выйшовъ ёй батенько, та й кличе:
«Ходи жъ ты, моя доню, до хаты,
Часъ тобѣ на посагъ сѣдати!» —
«Постелѣтъ колодрочку, я війду,
Благослови, отецъ, мати, я сяду!»

4.

Ой летѣла зазуленька черезъ садъ:
«Часъ тобѣ, Марусенько, на посагъ!» —
«А що жъ тобѣ, голубонько, до того,
До моего посаженьку любого?
Є у мене отецъ, мати, до того,
До моего посаженьку любого!»

5.

Калиночка ся ломитъ:
Молода ся клонитъ
Отцеви, матêнонцѣ,
Найменшôй детинонцѣ,
Що й зъ маленьку годовали,
Що й посаженьку дочекали.

6.

Золотое перенько зъ стѣнки:
Молодая Маруся поклôнъ бьє,
Передъ своимъ батенькомъ зъ низенька,
Що й выгодовавъ зъ маленька.

7.

Ой грай, конику, та й въ сѣдлѣ!
Частуй братчики все въ повнѣ!
Ой бѣлая рыбочка грала,
Золотй перочка мала.
«Возьми, молода, повночку,
Почастуй свою родиночку!» —
«Роде жъ мôй, роде,
Даруй же мя добре,
Що бы 'мъ ся гараздъ мала,
И вамъ дяковала!»

8.

Лежали бервы бервêнковін:
«Гадайте, батеньку, гадайте,
Молодôй на чобôтки складайте,
Складайте на чобôтки,
На золотіи пôдкôвки,
Щобы чобôтки рыпѣли,
А пôдкôвочки дзвенѣли!»

9.

Плавала чашенька по винѣ:
«Частуй же ты, Марысю, все въ повнѣ,
Щобы твоя повнонька повненька,
Щобы твоя головенька веселенька!»

10.

Дружки съ старостою выносятъ наметку (покрывало) на тарелкѣ отъ молодаго, а молодая отдариваетъ ихъ сорочкой для молодаго.

Першіи пôслы прійшли:
«Дайте имъ пива пити,
Щобы умѣли говорити!
Дайте жъ имъ хлѣба ѣсти,
Абы вмѣли вôдповѣсти!»

11.

КОГДА ДЕРЕВЦЕ УБИРАЮТЪ.

Колесомъ, колесомъ въ гору сонце йде:
Въ нашôй Маруни рай ся вье.
«Марусенько, дѣвонько!
Хто жъ тобѣ той рай давъ?» —.
«Давъ менѣ Бôгъ и батенько мôй.»

12.

«До насъ, Боженьку, до насъ!
А въ насъ теперь гараздъ,
И ты, Божая Мати,
Вступай же намъ до хаты!
Будешъ намъ помагати
Деревце збирати,
Всѣма пятьма палцями,
Шостою долонею,
Щобы зъ доброю долею!»

13.

ВЪ НЕДѢЛЮ РАНО, КОГДА КНЯГИНѢ РАСПЛЕТАЮТЪ КОСУ.

Лежали берва бервêнковіи:
Та не дзвонъ дзвонитъ,
По новыхъ сѣнехъ Маруся ходитъ,
Та русу косу чеше,
Ой чеше вона, чеше,
Та й на столичокъ мече:
«На жъ тобѣ, мôй батеньку,
За твое коханенько!»

14.

Братчикъ сестричку розплётавъ:
«Де вôнъ ёй уплôточки подѣвавъ?» —
«Понёсъ до мѣста, не продавъ,
Принёсъ до дому, порубавъ,
По пôдъ стôлъ, пôдъ лавы пометавъ.» —
«То тобѣ, сестричко, за тое,
Не плети косы у трое,
Заплети ёй въ батôжокъ,
Пôдъ бѣленькій рантушокъ!»

15.

КОГДА ОТЕЦЪ МОЛОДОЙ ВѢНОКЪ НА ГОЛОВУ НАДѢВАЕТЪ.

Не папороть паде,
Отецъ вѣнокъ кладе
Бѣлыми рученьками,
Дрôбными слозоньками.
Розшійнулися оси,
Покотилися слозы,
Зъ близка ся кланяючи,
Отцеви, матёноньцѣ дякуючи.

16.

КОГДА КНЯЗЬ ПОКУПАЕТЪ КОСУ У БРАТА КНЯГИНИ.

Ой Татаръ братчикъ, Татаръ,
Продавъ сестру за таляръ,
Русу косу за шестакъ,
Бѣле личко таки й такъ.

17.

ДОРОГОЙ, КОГДА КНЯГИНЮ ВЕЗУТЪ КЪ ВѢНЦУ.

За воротоньки быстрѣ рѣченьки
Зъ новыми лавочками,
Туда жъ ми ишла Марусенька пышна
Зъ своими дружêчками,
А противъ неи матенька еи
Зъ повными повноньками:
«Дякую тобѣ, моя матêнко!
Нѣколи менѣ твои повноньки пити,
Прійшла картонька вôдъ молодого,
Щобы до шлюбу ити!»

18.

Море ся розиграло;
Не море тото грае,
Молоденька потапае,
На батенька поликае:
«Подай менѣ бѣлу ручку,
Ой батечку голубочку!
Ой на тобѣ бѣлу ручку,
Ой на тобѣ, батьку, обѣ,
Выкупи мене зъ моря!» —
«Не моя, доню, воля,
Выкупити тебе зъ моря,
Молодого Павлонька воля,
Выкупити тебе зъ моря!»

19.

Летятъ галочки
А въ три рядочки,
Зазуленька на передѣ:
А йдутъ дѣвочки
У три рядочки,
Молода на самъ передъ.

А всѣ галочки
По лугахъ сѣли,
А зазулька на калину;
А всѣ дѣвочки
По лавахъ сѣли,
Марисенька за столомъ на посазѣ.

20.

ВЛИЗЪ ЦЕРКВИ.

Ой попе, попе, батьку нашъ,
Отвори церковъ противъ насъ!
Не будешъ вѣнчати всѣхъ насъ,
Лишъ двое дѣточокъ зъ насъ.

21.

ПОСЛѢ ВѢНЧАНЬЯ, ЗАШЕДШИ ЗА ЦЕРКВУ.

Дякуемъ попонькови,
Якъ рôдному батенькови,
Що не много насъ бавивъ,
Що швиденько намъ шлюбъ давъ.

22.

НА ПУТИ КЪ ДОМУ.

Ой у морѣ на камени,
Тамъ стояло два ангели,
Стояли, говорили,
Зъ кимъ кого розлучили,
Марисеньку та й зъ своимъ батенькомъ.

23.

КОГДА ПРІЙДУТЪ ПЕРЕДЪ ДОМЪ.

Радуйся, матêнко!
Звѣнчане дитятко,
Не одно, але двое,
Теперъ твои обое.

24.

Впаду я ластôвонькою
Передъ своею матêнкою:
«Ой, мамко жъ ты моя,
А теперь я вже не твоя,
Бо я вже того пана,
Що я зъ нимъ шлюбъ брала!»

25.

ѢДУЧИ ПО КНЯГИНЮ, ПОЮТЪ НА ДОРОГѢ.

Выѣхали бояре
Зъ темного лѣса на поле,
Уздрѣли вони та й зобачили,
Що тамъ стырта сѣна стоитъ:
Староста каже: «То церковъ.» —
А дружба каже: «Ирщѣмся!» —
А свахи кажутъ: «Стôйте, погодѣтъ!
То стырта сѣна стоитъ!»

Выѣхали бояре
Зъ темного лѣса на поле,
Уздрѣли вони та й зобачили,
Що иде цапъ зъ бородою.
Староста каже, що «То пôпъ». —
А дружба каже: «Клякаймо!» —
А свахи кажутъ: «Стôйте, погодѣтъ!
То иде цапъ зъ бородою.»—

Выѣхали бояре
Зъ темного лѣса на поле,
Уздрѣли вони та й зобачили,
Що бѣлый камêнь стоитъ.
Староста каже, що «То сыръ». —
А дружба каже: «Покраймо,
И нашимъ свахамъ роздаймо!» —
А свахи кажутъ: «Стôйте, погодѣтъ!
То бѣлый камêнь стоитъ».

26.

Кобысь знала, Марусенько,
Звôдки молодый ѣде,
Клала бысь лавки
Зъ червоной китайки.
Кобысь знала, Марусенько,
Звôдки молодый ѣде,
Клала бысь мосты
Зъ червоной покости.

27.

Не дайте жъ намъ стояти,
Пустѣть же насъ до хаты!
Бо на насъ дощикъ иде,
Та й на насъ метѣль мете,
Мы суда не ходили,
Кобы мы не зблудили.

28.

ИЗЪ ХАТЫ ОТВѢЧАЮТЪ.

Стôй, зятью, за порогомъ,
Та порадься зъ Богомъ,
Чи є тещи чоботы,
Кіевскои роботы

29.

ОТЪ КНЯЗЯ ОТВѢТЪ.

Мы въ Кіевѣ не бували,
Мы чобôтъ не торговали,
Въ горахъ снѣги впали,
По водахъ леды стали,
Воды ся зповенили,
Насъ до краму не пустили:
Не мали шевцѣ часу,
Не выйшли скôры зъ квасу.

30.

Горѣла въ сѣнехъ свѣчка,
Сидитъ за столомъ квѣтка,
Якъ бы до неи доступити,
Щобъ квѣточку взяти.

Не дайте жъ намъ стояти,
Пустѣть же насъ до хаты!
Бо на насъ дощикъ иде,
Бо на насъ снѣжокъ паде,
Намъ короткіи шведки,
Повôдмерзали литки.

31.

ВОШЕДШИ ВЪ ХАТУ, ЖЕНИХЪ СТАНОВИТСЯ ПЕРЕДЪ СТОЛОМЪ ПРОТИВЪ НЕВѢСТЫ, КОТОРАЯ СМОТРИТЪ НА НЕГО ИЗЪ ЗА КОЛАЧА.

Подивися, Марусенько, крôзь колачь,
До своего молодого, и зобачь!

32.

ВОЗЛѢ КНЯГИНИ САДЯТСЯ СЪ ОБѢИХЪ СТОРОНЪ БРАТЬЯ, У КОТОРЫХЪ КНЯЗЬ ДОЛЖЕНЪ КУПИТЬ ЕЕ.

Братчику, намѣсничку!
Сядь собѣ на креслячку,
Правъ собѣ червоного
Вôдъ пана молодого!

33.

ПОСЛѢ ВЫКУПА НЕВѢСТЫ ЖЕНИХОМЪ.

Ой Татаръ, братчикъ Татаръ,
Продавъ сестру за таляръ,
Русу косу за шестакъ,
Бѣле личко таки й такъ.

34.

КОГДА ЖЕНИХЪ САДИТСЯ ВОЗЛѢ НЕВѢСТЫ ЗА СТОЛОМЪ.

Прогай же намъ хату,
Та й новіи сѣны,
Щобы бояре сѣли!

35.

ПОСЛѢ ВЕЧЕРИ

А що жъ намъ були столове?
Все жъ то намъ були тисовй;
А що намъ були скатерти?
Все жъ то намъ були ильчастй;
А що жъ намъ були колачй?
Все жъ то намъ були пшеничнй.

6.

ВСТАЮЧИ ПОСЛѢ ВЕЧЕРИ.

Встаньте, братья, пôдведѣтся,
Зôймѣтъ шапочки, поклонѣтся,
Напередъ Богу, господареви,
Господинонцѣ и всѣ родинонцѣ,
И тымъ пышнымъ кухарочкамъ,
За соли посолѣнье,
За добрую волю,
За пана молодого,
И за пріймицю его!

37.

ПО ВЫХОДѢ ИЗЪ ЗА СТОЛА.

Сонце за гôръ, коні̂ на двôръ:
Уберайся, молода Марусенько,
Та поѣдешъ изъ нами!
«Я уберуся, не боюс *
Є у мене мôй батенько,
Та не дасть мене».

38.

СТОРОНА ЖЕНИХА ПОЕТЪ

Сонце за гôръ, коні̂ на двôръ:
Уберай же ся, молода Марусенько,
Та поѣдешъ изъ нами.

39.

СОБИРАЯСЬ ѢХАТЬ КЪ МОЛОДОМУ.

Дали сте намъ дѣвку,
Дайте жъ намъ и постѣлку,
Та й писани верети,
Абы въ нихъ терети
На хлопці̂ кучеряві̂,
На дѣвки чорнобриві̂!

---

* Свахи невѣсты отвѣчаютъ:

40.

СВАХИ МОЛОДОЙ ПОЮТЪ.

Не плачь же ты, матêнойко, за мною!
Не все жь я беру зъ собою,
Лишаю ти слѣдоньки по подвôрью,
Хрещатый барвêночокъ у городѣ,
А пахнущій василёкъ у коморѣ,
Дрôбныи слозоньки по столѣ.

41.

НА ДВОРѢ, КОГДА ВЫЙДУТЪ ПОѢЗЖАНЕ ИЗЪ ДОМУ.

Скочила курочка зъ порога:
Бувай менѣ, матенко, здорова!
Дякую ти, матêнко, за тое,
Щось плела косоньки у трое.

42.

ПО ОТЪѢЗДѢ МОЛОДЫХЪ ПОЮТЪ ОСТАВШІЯСЯ ВЪ ХАТѢ СВАХИ.

Встаю я раненько, скоро свѣтъ,
Подивлюся на подвôрье, лише слѣдъ,
Де кованѝ залубницѝ стояли,
Де воронѝ коники ирзали,
Тотѝ жь мою Марусеньку взяли.
«Чи я тобѣ, мамко, не дитятко,
Що ты мене даешь прêчки,
Противъ темнои нôчки?
Дай же менѣ, мамко, соловьятко,
Щобы менѣ раненько щебетало,

Щобы мене раненько побуджало,
Бо чужая матêнонька не збудитъ,
Хиба пôде до сусѣди посудитъ:
«Ото жъ моя невѣстиця такая,
Якъ у лѣсѣ колодище гнилая.»

43.

ПЕ ХАТОЮ МОЛОДАГО.

Утвори, матêнонько, лѣску!
Веде ти сынъ невѣстку;
Утвори, матêнонько, свôй дворъ!
Веде ти сынъ невѣстку на приборъ.

44.

МОЛОДЫХЪ ВЪ ХАТУ И ПОСАДИВШИ ЗА СТОЛЪ.

Де тота, Марусенько, китай.. а,
Щось й принесла вôдъ батька?
Треба ся невъ пофалити,
Треба й по столу постелити. *

45.

СВАЖИ КЪ МОЛОДОЙ.

«Де вы бували, що вы видали?» —

СТОРОНА МОЛОДАГО.

«Видали смо, видали,
Якъ ся галки купали».

СВАХИ.

«Чому же сте не имили хоть одну?»

СТОРОНА МОЛОДАГО.

«Имѣли смо Иванкову Марусю».

---

* Послѣ этого молодая беретъ свою приданую скатерть и застелаетъ ею столъ.

46.

«Чому жъ вы насъ не пытаете,
Чого мы ся припôзнили?
Чи мы добре гостили?
Ой ѣли смо, та й пили смо,
Та й танцювали смо,
Та й дѣвчину высватали смо.
Ой однѝ говорили, а другѝ мовчали,
Та поти Марусеньку зъ собою взяли.

47.

КОГДА ВЕДУТЪ ВЪ СПАЛЬНЮ.

Прилетѣвъ шершень зъ стелѝ,
Та впавъ на постелѣ;
Де Марусечка спала,
Тамъ рожа процвитала,
А вôдъ теперь де буде спати,
Тамъ буде упадати.

48.

ВОЗВРАЩАЯСЬ ИЗЪ СПАЛЬНИ МОЛОДЫХЪ.

Гуляй, гуляй, Марусечко!
За кимъ есь молоденька,
Буде въ тебе забавочка —
Дитинка маленька.

49.

РАНО ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, ЗАВИВАЯ НАМЕТКУ.

Летѣла бѣла пава,
Всѣ дѣвки поминала,
Лишъ на Марысечку впала:
«Розмышляй собѣ,
Чи не жаль тобѣ,
Молода Марысечко!
Всѣ дѣвки граютъ,
Косы всѣ маютъ,
А тебе не пріймаютъ.

50.

КОГДА МАТЬ И ВСЯ РОДНЯ ПРІѢДУТЪ ПРОВѢДАТЬ И ПРИВЕЗУТЪ ПОДАРКИ НА НОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Пріѣхали свати
Свое дитя пôзнавати,
Чи калиночка,
Чи малиночка,
Чи моя дитиночка? —
Нй калиночка,
Нй малиночка,
Лишъ моя дитиночка.

51.

СТОРОНА МОЛОДОГО СПРАШИВАЕТЪ ПРИБЫВШИХЪ.

Чого вы до насъ прійшли:
Чи хлѣбъ поѣдати,
Чи горѣвку попивати,
Чи дѣвча пôзнавати?

52.

ПРИБЫВШІЕ КЪ МОЛОДОЙ ОТВѢЧАЮТЪ.

Нй хлѣбъ поѣдати,
Нй горѣвку попивати,
Лишъ дѣвча пôзнавати.
У насъ куну украдено,
Нашу куну побито, помьято:
Наша куна зъ значкомъ,
Та забѣгла за вашимъ гусачкомъ.

53.

(Изъ Сяноцкаго округа.)

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Короваево тѣсто,
Бѣжало черезъ мѣсто,
По припецку грало,
До пеца зазерало:
«А де тота сванейка,
Що тотъ коровай пекла?» —
«Пôшла она до Бескида,
Зêлечко зберати,
Коровай приберати,
Червоновъ калинковъ,
Зеленымъ барвêнкомъ,
Крутою рутою,
Що стоитъ надъ водою».

54.

КОГДА ПЛЕТУТЪ ВѢНКИ.

«Благослови, татцейку,
Пôдъ тотъ Божій вѣнойко!»
«Най Бôгъ благословитъ!
Я ужъ благословивъ,
Коли 'емъ дозволивъ».

55.

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Выйди, Господи, зъ неба!
Бо тя намъ все треба,
Вѣнойко зачинати,
Щестѣйко докладати.
Щестя, фортунойки,
До нашого дѣтятойки.

56.

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Въ коло, вѣнойку, въ коло,
Якъ хмêль коло кола.
У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Сутъ по нимъ граночки,
Якъ по небу звѣздочки:
«Посмотрьте, мамко,
Ци вьеся вѣнокъ гладко?»—
«Гладко, дѣвойко, гладко,
Якъ червонейке ябко.

57.

Нашъ ружовый квѣтойку,
То есъ намъ зарумянивъ,
За тисовымъ столойкомъ,
Пôдъ твоимъ Божимъ вѣнойкомъ.

58.

Слава жъ тобѣ, Господи,
За тоту роботицу,
Що сме єи вробили,
Краснй вѣнойки ввили:

Панъ отче и панѝ матко,
Заплатьте же намъ гладко
За тоту роботицу,
Що 'сме єи вробили,
Краснѝ вѣнойки ввили,
На дѣтятко вложили!

59.

ИДЯ КЪ ВѢНЦУ.

Спѣшай, сванейко, спѣшай,
Чей бы 'сме ся поспѣшали,
Боскои хвалы застали!
Бо ужъ дзвонойки дзвонятъ,
Службойки Божѝ стоятъ.

60.

Кланяйся, молода, кланяй,
Низко въ нôжейки падай;
Ты зъ роду великого
Татцейка славнейкого,
Татцёви и мамойцѣ,
И вшиткій родичойцѣ.

61.

У тôй чашейцѣ солодокъ модокъ.
Заходжаутъ насъ мысли,
Даутъ гостенькамъ ѣсти,
Столойки накрываутъ,
Капусту заношаутъ.
Не хотятъ гостѝ ѣсти,
Треба єй пôдливати,
Будутъ гостѝ огрêбати.

Будеме ей огрêбати,
Буде ся прійматы.
Єстъ цукоръ, поперъ Гданскій,
Все то приправы пански.

62.

У молодаго.

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
По сванейку ѣдеме,
Бочьку меду веземе,
Мêдъ солодейкій,
А чупъ коротейкій;
Бочьку розрубати,
Меду скоштовати.

63.

Ей въ лѣсѣ, въ лѣсѣ, ей на горѣсѣ,
Тамъ зазулейка кукала:
Жебы такъ наша сванейка ладкала,
Купивъ бы я ей червену менту по землю,
Черевичейки козлови,
Рукавичейки габови.

64.

А въ загородѣ лелія,
За загородковъ шевлія,
А въ тôй шевліи два молодци̂,
Третя сванейка межи нима.
Староста гваритъ: «Люблю тя». —
Дружбôйко гваритъ: «Возму тя». —
Молодый каже: «Сѣдай на коня,
Бо ты сванейка моя!»

65.

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Знатися, Боже, знати,
Єстъ молодого мати,
Коровай одобрати,
До коморы сховати,
А пакъ го зновъ вôддати:
Бо мы изъ нимъ пôдеме
Въ дорогу, дорожейку,
Молодому по жêнойку.

66.

А въ тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Выйди, молодый, на горойку,
Затруби у трубойку,
Нехай бояри чуютъ,
Нехай ся ту зъѣжджуютъ,
Єдинъ до другого,
До стола тисового,
До свата славнейкого!

67.

А въ тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Мачокъ, дружбойко, мачокъ,
Треба боярôмъ значокъ,
Треба имъ косичейки
Зъ яреи пшеничейки.

68.

Шастайтеся, свате,
Що молодому дати?» —
«Молодому по золотому,
Гудакови по грошови,
Обѣцявся намъ грати,
Въ середу перестати,
Въ середу ранейко
Скоро зôйде сонейко».

69.

А въ тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Що, Боже, за година!
Де молодого родина?
Цы зъ поля не зробила,
Цы ся въ корчмѣ запила?
Изъ поля изробила,
Въ корчмойцѣ не запила,
Пôшла до коморы
Таляройки змѣняти,
Молодому даровати.
«Даруй мя, татцейку, даруй,
И вшитка родинойка,
Ближша сусѣдойка!
Чей бы я ся добрê мавъ,
Чей бы я вамъ дяковавъ»!

70.

А въ тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Заходжуть насъ мысли,
Хотять бояре ѣсти.
Столы накрываутъ,
Капусты заношаутъ;

Не хотятъ бояре ѣсти,
Треба ей пôдливати.
Будутъ бояре пôдливати,
Буде ся пріймати,
Въ корени глубоко,
Въ вершечку широко.

70.

А въ тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Ѣджте, бояре, пійте,
О дорожейцѣ чуйте!
Дорога далекая,
Ночейка невидная:
Ужъ коні̂ повпрêганы,
Сани вамъ навернены,
Кольте ихъ острогами,
Далеко сиготами,
Невидными ночейками,
Студеными росами,
Великими водами».

71.

СОБИРАЯСЬ ПО НЕВѢСТУ ѢХАТЬ.

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Пôдеме за горойку,
Молодому по жêнойку,
Мамойцѣ по служейку,
Каждому сватови по коні̂чейку,

И по золотôй гривѣ.
Нѣтъ старостови коничейка
А ни золотои гривы.
Давай, молодый, коничейка
Старостови зъ пôдъ себе!
Бо вôнъ пôде въ дорожейку мѣсто тебе.»

72.

А въ тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Кропитъ мамойка, кропитъ,
Чотыре волы рогачи,
А пятого сынойка,
А пятого выправля'тъ въ дорогу:
Пôде собѣ по жѣнойку.
«Ѣдьте, бояре, ѣдьте,
Але ся не бавѣте,
Назадъ повернѣте,
Чадойко принесѣте!

73.

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Пôдъ мѣсячкомъ ѣдеме,
Пôдъ сонейкомъ прійдеме,
Чадейко привеземе.
Чіи то бояре,
Краёмъ Дуная грали,
Пôдъ перами павляными,
Пôдъ вѣнками зелеными?
Все гуселойки граутъ,
Ангелойки помагаутъ.

74.

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Зхутка, конички, зхутка!
Не треба на тя прутка,
Зн'ешъ ты дорожейки
До своеи Марисейки.

75.

НА ПОДВОРЬѢ У МОЛОДОЙ.

Вышла тесцейка
За воротейка
Бѣлыма нôжейками,
Зъ чорныма вôчейками,
Та она ся влякла,
На колѣнця клякла.
«Моя люба тесцейко,
Не влякайся!
Не вного насъ тамъ иде,
Лемъ пôвтора ста сватôвъ,
Въ сто десятъ бубенавôвъ,
А дванадцеть гудакôвъ».

76.

Выйшла тесцейка за воротейка
Бѣлыма нôжейками,
Зъ чорныма вôчейками:
Ци ѣде, ци не ѣде
Тот' розплетена коса,
Загладй наша краса?
Скоро она ввидѣла,
До милого скочила:

«А мôй любый татцейку,
Заперай воротцейка,
Не пусть свого зятейка!» —
«Якъ же я го мавъ не пустити,
Коли ся краснê проситъ,
Низко шапочкуноситъ?»

77.

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Де мы ту заблудили,
Де рано засвѣтили,
До двора шерокого,
До свата богатого?
А въ нашого свата
Пôдъ василькомъ хата,
Пôдъ барвêнкомъ сѣни,
Жебы ся бояре ссѣли.
Ссядутся они, ссядутъ
Нашѝ ту прiѣхали,
На рынойку стали,
Стали си на рыночку,
Пили бы палѣночку.

78.

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Ей, пустѣте насъ, пустьте!
Бо насъ слотиця збила,
Суконцѝ намъ помочила;
Нашѝ сукницѝ зъ маю,
Золотомъ проквитаутъ.
Ей, пустьте насъ, пустьте!
Бо намъ якось е дивно,
Барзъ намъ въ нôжейки зимно.

79.

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Повѣдавъ пташокъ дудокъ:
«Єсть ти сванейкамъ рубокъ? —
Идьте, го вынесѣте,
Сванейкамъ сподобѣте!»

80.

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Повѣдала намъ дѣвка:
«Єсть ту добра згорѣвка;
Идьте, й вынесѣте,
Сванейки погостѣте,
Сванейки молодейкй,
Абы были веселейки!»

81.

ЗА ОБѢДОМЪ.

Знатися, Боже, знати,
Єсть въ молодои мати,
Коровай вôдобрати,
До коморы сховати
А намъ згорѣвойки дати.

82.

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Гадайте, невѣстойки,
Що въ нашôмъ коровою?
Въ нашôмъ коровою,
Пшеницейка зъ гаю,
Водиця зъ дунаю,
Єсть въ нѣмъ кварта масла,
Бо го пекла свашка;
Є въ нѣмъ фаска сыра,
Одъ доброго то сына.

83.

«Кажьте же намъ, кажьте,
За чимъ мы ту ходиме,
Ци за вродовъ, вродовъ,
За Марисевъ молодовъ?»

84.

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Знатися, Боже, знати,
Єсть у молодои мати,
Зятейка опасати,
Бѣлыма бѣлицями,
Чорныма куницями.
Теща зятейка любить,
Менточку на нимъ рубить.

85.

А прійшовъ зятейко любый,
Любойки любовати,
Дайте му фацеликъ
Губойки повтерати!
Въ Львовѣ вѣнки вили,
Въ Перемышли малёвали,
Въ тимъ домѣ премѣняли.

86.

У тôй чайшейцѣ солодокъ медокъ.
Робôтна молода была,
Ручниковъ наробила,
Ручниковъ наробила,
Боярôвъ сподобила.

87.

идя къ вѣнцу.

Кланяйся ми, кланяй,
Низко въ нôжейки впадай!
Годенъ татцейко того,
Кланянья низейкого.
«Зъ Богомъ, Марисю, зъ Богомъ,
Изъ своимъ адамашомъ,
Изъ милымъ товаришомъ!»

88.

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Пôдеме до церковці̂,
Порушати коруговці̂,
Жебы были сами хлопці̂.

89.

Звѣдалася мамцейка:
«Де ходила Маринейка?» —
«Ходила присягати,
Три разы, разы, передъ образы,
И передъ милымъ Богомъ.
Ужъ того не издрадити,
Иншого не любити;
Ужъ тобѣ, Ивасейку
На козы не свистати,
Ужъ тобѣ зъ иншовъ не постояти,
Єно зъ товъ единою,
Якъ сестричковъ рôдною!»

90.

НА СВАДБѢ ПОЮТЪ И ДРУГІЯ ПѢСЬНИ, НА ПРИМѢРЪ, КОЛОМІЙКИ И ПОДОБНЫЯ.

Ой краснê, краснê, звôдки сонейко зходитъ,
Ой ище краще, кагды сванейка ходитъ;
Сонейко зôйде и за гôройку зайде,
Якъ тота умре, ужь ся така не найде.
Ой красна, красна все згорѣлойка въ шклянцѣ,
Ище краснѣйша наша сванейка въ танцѣ.

91.

Ой доловъ, доловъ пôдъ бодачейкомъ,
Лежитъ милейка доловъ бѣлымъ личейкомъ,
Ой прійшовъ къ неи и все милейкій еи,
Ой двигатъ, двигатъ за головичку еи:
«Ой встань же, мила, не лежи на дорозѣ!
Ней же ся не тѣшатъ всѣ твои неворозѣ!»

92.

ГУЦУЛЬСКІЯ СВАДЕБНЫЯ.

Убита дороженька до Львова,
Обсаджена калиночка а вкола,
Ѣде туда дядичокъ зъ низонька,
Приступае идъ калинцѣ зблизенька:
«Рубавъ быхъ калиночку, не вмѣю,
Корнявъ быхъ свою дочку, не смѣю....
Порубаю калиночку, бо вмѣю,
Скориняю Парасочку, бо смѣю».

93.

Жала бервêночокъ
Собѣ на вѣночокъ,
Куповала въ рынку,
Замыкала въ скринку,
Теперь тя рушу,
Заплакати мушу.

94.

Ой ходила Анниченька по горѣ,
Та сѣяла руточку по волѣ,
Та кликала дядика идъ собѣ:
«Ой ходи, ходи, лелю, зо мною,
Позбераемъ рутку зъ тобою!»
«Ой не пôду, доненько, не пôду,
Зъ жалю и въ рученьки не озму». —

Ой ходила Анниченька, и проч.
Та сѣяла руточку по волѣ,
Та кликала ненечку, (братчика, сестричку, и проч.)

Ой ходила Анниченька по горѣ,
Та сѣяла руточку по волѣ,
Та кликала милого идъ собѣ:
«Ходи, Иваночку, зо мною,
Позбераемъ руточку зъ тобою!» —
«Ой я, Анночко, изъ тобовъ пôду,
За влюбки руточку зберу».

95.

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА, КОТОРУЮ ПОЮТЪ ИНОГДА НА СВАДЬБАХЪ, РАДИ УВЕСЕЛЕНІЯ ГОСТЕЙ.

Та летѣвъ медвѣдь черезъ поле,
Мало его гуси не зъѣли.
Нашъ молодчику, дубъ зелененькій,
Ягодо червоная!
А у поли сутъ дуброви,
Чи не ѣхали тутъ боярове?
Нѣ, не ѣхали — просимъ горѣлку пити!—
Богъ да прôсти, братья, переминѣмся!
Ходитъ голота коло болота,
Носитъ пшеницû въ рукавицѣ,
Нѣгде змолоти бѣднôй голотѣ.
А въ нашего батенька три сады зацвили,
А въ четверъ зъ пораненька,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ!
Чи дома, дома, панъ господарь?
А вôнъ ся выхопивъ,
Гопъ мене рубанымъ полѣномъ!
А за що жъ ты мене бьешъ, песій сыну?
Дай тобѣ, Боже, спицю копицю въ томъ дому!
А ты чій?—Ковалишинъ,
А я Грицишинъ, а я Вôйтôвъ сынъ.
И на рынку сиджу, и горѣлку пью,
И сокиру кую.
Та що жъ ты мене пытаешъ,
Коли ты мене не знаешъ?
А въ нашего батенька три сады на дворѣ:
Въ першôмъ садочку соловêйко реве,
Въ другôмъ садочку сорока кue,
Въ третêмъ садочку медвѣдь щебече.
А чи бѣсъ то видавъ,
Щобъ медвѣдь щебетавъ?
Щебетавъ швецъ въ саду на дому,
Говорила стара нենька въ своимъ дому.
А чи видишъ, ты, батеньку,

Що сидитъ сова на пеньку?
Вôдъ тебе иду и рядно несу,
Подушку на опашку.
Ой клѣщъ бубнитъ, блыха женится,
Гнида за мужъ иде, вошъ радуется
Теперъ же намъ всѣмъ до радости:
Пêчь намъ привела бичка,
Перепêчокъ теличку,
Коцюба яйце знесла,
Помело кудкудакало,
Ступа на яйцяхъ сидѣла,
Лисиця фостомъ вертѣла,
Деркачь, деркачь, дѣти выводивъ,
До Днѣстра, до Днѣстра питоньки водивъ,
Прійшовъ до г....
Кучмама чорна,
Калино, малино!
Сядь собѣ въ човенъ!
Свѣтъ ему чоренъ!
Ягодо червоная!
Завився въ рядно,
Пустився на дно,
Калино, малино!
Ой сидитъ на днѣ,
И проситъ бѣдный,
Ягодо червоная!
Та макогôнъ ся женитъ,
Тачêвка за мужъ ишла,
Макитра скакала,
Ажъ зъ припêчка зпала.
А ци тотъ то дѣдъ,
Що му сива борода,
Та завêзь мене
До Китай города?
Та завѣзъ мене за кафляную пêчь,
Показавъ же менѣ всю Козацкую рѣчь?...

Б. Крестины.

1.

(Изъ Сяноцкаго округа.)

А наша кумойка,
Наша молодейка,
У полозѣ лежитъ,
Дрôбныхъ рыбокъ бажитъ.
Пôду же я, пôду,
На ярочокъ, на ставъ,
А чей бымъ кумойцѣ
Дрôбныхъ рыбокъ дôставъ.

2.

Лежитъ кумойка въ лелѣи,
Єй крыжейки зболѣли,
А єй кумойко не вѣривъ,
Ажъ му сынойка повили.

3.

Наша кумойка краснê жне,
Хоць и безъ ручки серпокъ м'є,
Въ ней снопики густыи,
За нёвъ книшики пухкій.

4.

«Кумцю, моя кумцю,
Велика выдумцю!
Що жъ ты выдумала,
Що 'съ мя въ кумы взяла?» —
«Кумцю, моя кумцю,
Три 'мъ роки гадала,
Жебы 'мъ тя молоду
Въ свои кумы взяла.»

5.

Коло мого кумця
Зеленое зѣля:
Зробивъ кумцё кстины,
Дай, Боже, весёля!

6.

Гей, кумцю, мôй кумцю,
Кумцю молодейкій!
Ты 'съ мѝ ся сподобавъ,
М'ешъ дворикъ новейкій.
М'ешъ дворикъ новейкій,
Стѣны швелёваны,
То 'съ мѝ ся сподобавъ,
Мôй кумцю коханый!

7.

(Изъ Земненской столицы.)

«Кумочько, кумочько!
Кедъ мя пьекнѣ кохашъ,
Выведь же мя, выведь,
Та мй дражку покажъ!» —
«Кедъ бы ты, кумочько,
Дражйчьки не знала,
Нигды бы ты мене
Кумочьковъ не звала».

8.

А въ нашой кумочьки
Стѣны швелёваны,
А наша кумочька,
Кобы малёвана.
Кто намъ ей вымалёвавъ?
Вышній панъ Богъ подаровавъ.

9.

На кумцёвымъ дворе
Яво̂ръ зеленейкій,
Тото намъ ся выдавъ
Кумцё молодейкій.
Ей, кумцю, кумцю,
Кумцю молодейкій!
То намъ ся сподобавъ,
Вашъ дво̂ръ округлейкій;
Не такъ дво̂ръ округлейкій,
Якъ нашъ кумцё молодейкій.

10.

А въ нашои кумци̂
Трояки̂ напой,
Кумцё насъ силуе:
«Пійте, гости̂ мой!»
Еденъ напоичокъ —
Зеленейко вынце,
Другій напоичокъ —
Червенейке пивце,
Третій напоичокъ —
Горѣвка палена,
Медомъ солоджена.

11.

А наша кумойка въ лелѣи,
А ей кумойко все не вѣривъ,
Ажъ втоды ёй кумойко звѣривъ,
Ажъ му сокола на ручки повила.

12.

Краснê Боже, краснê
Якъ ся лѣсъ розвива'тъ,
Ужъ наша кумойка
Сокола повива'тъ.
Повый же го, повый,
До тонкихъ пелюшокъ!
Положъ же го, положъ,
До бѣлыхъ подушокъ!

13.

Подьме же ужъ, подьме!
Бо ужъ часъ надходитъ,
Милому кумцёви
Напоецъ выходитъ.
Єденъ выходжае,
Другій приходжае,
А кумъ свои кумы
Все радъ выправляе.

14.

Пониже Радожицъ
Зелена брезина:
Была же намъ была,
Добрая гостина.
Ой була жъ бы, була,
Ще лѣпша гостина,
Кедъ бы сама кума
Коло насъ ходила!
Пониже Радожицъ
Зеленейка баня:
Наша мила кумця
Кобы малёвана

15.

Кумцю, ты нашъ кумцю,
Любый пріятѐлю!
Мы тебе ховаме,
Якъ дукатъ въ папѐру.

16.

На пытель, на пытель
Пшеничка ся меле,
На выбôръ, на выбôръ,
С кумця у мене.

17.

Подьме же мы, подьме,
Довго не одводьме!
Бо якъ одведеме,
Домôвъ не прійдеме.
Подьме южъ до дому,
Прійшовъ часъ и хвиля:
До нашого дому
Барзъ велика миля.

18.

Не чути, не чути,
Воды черкôточьки,
Не выдно, не слышно,
Моеи кумочьки.
Черькочь водо, черькочь,
Якъ есъ черкотала,
Кохай насъ, кумочько!
Якъ есъ насъ кохала.

19.

Похилився дубъ дубови,
Поклонився кумъ кумови,
За любую гостинойку
За красную бесѣдойку.

Похилилась липа къ липцѣ
Поклонилась кума кумцѣ,
За любую гостинойку,
За красную бесѣдойку.

А нашъ кумцё молодейкій,
Складай же намъ вôзъ новейкій,
Жебы 'сме ся не турали,
Дома нôчьку ночовали!

20.

Кумо наша, кумо,
То 'сте доброй мысли,
То 'сте доброй мысли,
Же 'сте до насъ прійшли;
Ище лѣпшои будете,
Кедъ одъ насъ пôдете.

21.

Куме нашъ, куме,
Розважный розуме!
Розважте то собѣ,
Якъ то добрê буде!

Подякуйме Богу
И кумцёви свому,
За честь, за годину,
За добру гостину!

22.

НА КРЕСТИНАХЪ ПО ОБѢДѢ.

Подякуймо жъ кумови,
Господу Богу, господарёви,
Господинойцѣ и кухаройцѣ,
И его любôй челядойцѣ,
За вшитки пожитки,
И що намъ были обрусы,
Вшитко то было хрещате;
И що намъ были тарелѝ,
Вшитко то было точене;
И що намъ были лыжочки,
Вшитко то было цѣнове;
А що намъ были напои
Вшитко то было мêдъ, вино,
Мармазіинка,
Палена горѣвка!

23.

А мы прійшли зъ Божого дому,
Принесли детину до дому,
Детина хрещена,
Черезъ кумы принесена.

Кума кумѣ дає детину,
Кума мовитъ: «Ходи, мôй сыну,
Маленькій, красненькій,
Бѣлого личенька, повненькій!» —

Бабусенька гости садовитъ,
Горѣлочку съ фляшкою ставитъ,
Частуе и пріймае,
Охрещеного сына выхваляе:

«Прошу, гостеньки, ся напити,
Та що Бôгъ давъ, тое зажити,
Около, весело,
Ѣсти, пити посполу!»—

А тымъ часомъ прiѣхали брыки,
И привезли бабусенцѣ квѣтки:
Одберае и складае,
Все по еднôй на тарêлку выймае.

Починае вôдъ духовного,
Не минае а нî жадного,
Прiймае, частуе,
Квѣточками всѣхъ даруе.

«Панове гостî, та си погадайте,
За квѣтки хоть по грошу дайте,
Смирненько, хорошенько,
Шобы було бабусенцѣ веселенько!»

Бабусенька стала си гадати,
Дебъ той скарбъ дорогiй сховати?
Гадае, думае,
Шобъ де сховати, не знае.

«Прошу кумы, ласкавî бувайте,
Бесѣдою не забавляйте!
Гуляйте, выпивайте,
Пречисту Дѣву выхваляйте!

Нехай молитъ своего Сына,
Яко матêрь едина,
За нашими сынами!
Ты, Мати Божая, будь зъ нами!»

———

Б. Колыбельныя.

1.

Ой ходитъ сонъ коло вôконъ,
А дрêмота коло плота,
Качается, валяется,
Сонъ дрêмоты пытается:
«Де будемо ночовати,
Де пôдемо нôчку спати?» —
«Де хатонька тепленькая,
Де детина маленькая».—
«Въ насъ хатонька тепленькая,
Въ насъ детина маленькая».

2.

Люлю, люлю! Бодай спало,
Бодай спало, не плакало,
Бодай росло, не болѣло,
Отцю, мамцѣ на втѣшеньку,
Добрымъ людямъ на вслуженьку!

В. Щедровки.

1.

(Изъ Золочевскаго округа.)

На добрый вечêръ, гречная панно, у тебе!
Ой чи скажешъ намъ защодровати у себе?
«Ой почекайте ино годиноньку малую,
Нехай я ся въ крамну сорочечку вбриндую!» —
«Ой мала жъ ты часъ, годиноньку ся бриндувати,
Ой бо намъ зимно на морозоньку стояти.

На добрый вечêръ, гречная панно, у тебе, и проч.
«Нехай я ся въ крамну спôдниченьку вбриндую», и проч.

2.

Ой дзвôнъ дзвôнитъ,
Мѣсяць зходитъ,
Нашъ паниченько
Перебôрниченько,
Коники переберае:
Котро кращê —
Собѣ бере,
Котро бридшê—
Служенькамъ дае.

Ой дзвôнъ дзвôнитъ,
Мѣсяць зходитъ,
Нашъ паниченько,
Переборниченько
Волики переберає, и проч

3.

Щодрый вечêръ, добрый вечêръ!
Зтиха, братя, приступайте
До того двора высôкого,
А въ тôмъ дворѣ красна паня:
За сто злотыхъ сукня на нêй,
За сто злотыхъ за червоныхъ.

Щодрый вечêръ, добрый вечêръ!
Зтиха, братя, приступайте,
До того двора высокого,
А въ тôмъ дворѣ красна паня:
За сто злотыхъ хусточка, на нêй, и проч.

4.

Ой за горою за камянною,
Въ ялинѣ та въ зелененькôй лубинѣ,
Тамъ дѣвонька волики пасла,
Волики пасла, шитêнько шила,
Шитêнько шила, волы згубила;
Побѣгла она та до батенька:
«Пôди. батеньку, волыки знайди!» —
Батенько пôшовъ, волôвъ не найшовъ.

Ой за горою за камянною, и проч.
Побѣгла она та до милого:
«Иди, миленькій, волыки знайди!» —
Миленькій пошовъ, волыки знайшовъ.

5.

(Изъ Сяноцкаго округа.)

Щандрый вечêръ, добрый вечêрь,
Добрымъ людёмъ на новый рôкъ!
Ци позволите щандровати?.....
Христа, Христа. Марія
На престолѣ стояла,
Три крещики тримала,
А четверте кадило,
По всѣхъ кутахъ ходило,
Ино въ еднôмъ не было,
Много грѣхôвъ набыло;
А вы, люде, знайте,
Бога споменайте,
А намъ колачь дайте!
Якъ не дасте колача,
Выведеме рогача,
На попôвъ перелôгъ,
Зобьеме му правый рôгъ:
Рогомъ, рогомъ трубѣти,
А волойкомъ робити,
Хвостомъ, хвостомъ гонити.

6.

«Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбранный!
Повѣджъ же намъ, що еденъ а еденъ?» —
«Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:
Єденъ то бывъ самъ Сынъ Божій,
Що надъ нами кралюе,
И кралёвацъ все буде».
«Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбраный!
Повѣджъ же намъ, що два а два?» —
«Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:
Двохъ ихъ было Божихъ святця,
А еденъ бывъ самъ Сынъ Божій,
Що надъ нами кралюе,
И кралёвацъ все буде». —
«Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбраный!
Повѣджъ же намъ, що три а три?» —
«Трёхъ ихъ было патруляшôвъ,
Двохъ ихъ было Божихъ святци,
А еденъ бывъ самъ Сынъ Божій» —
«Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбраный!
Повѣджь же намъ, що штыри а штыри?» —
«Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:
Штыри листы ангелисты,
Трёхъ ихъ было», и пр.
«Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбраный!
Повѣджь же намъ, що пять а пять?» —
«Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:
Пять ихъ было Божихъ ранъ,
Що претерпѣвъ Христосъ Панъ,
Свою кровцю розильявъ,
За насъ грѣшныхъ вытрьвавъ».

«Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбраный!
Повѣждъ же намъ, що шѣсть а шѣсть?» —
«Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:
Шести граютъ лелію,
Передъ панянковъ Маріовъ,
Пять ихъ было», и пр.
«Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбраный!
Повѣджь же намъ, що сêмь а сêмь?» —
«Що я вѣмъ, то повѣмъ:
Сêмь радости у Бога,
Шести граютъ», и проч.
«Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбраный!
Повѣджъ же намъ, що вôсêмъ, а вôсêмъ?» —
«Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:
Вôсѣмъ свѣчъ горитъ предъ Богомъ,
Сêмъ радости,» и пр.
«Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбраный!
Повѣджь же намъ, що девять а девять?» —
«Що я вѣмъ, то повѣмъ:
Девять коронъ ангельскихъ,
Вôсêмъ свѣчь горитъ предъ Богомъ,
Сêмъ радости у Бога,
Шести граютъ лелію,
Пять ихъ было Божихъ ранъ,
Штыри листы ангелисты,
Трёхъ ихъ было патруляшôвъ,
Двохъ ихъ было Божихъ святци
Єденъ то бывъ самъ сынъ Божій,
Що надъ нами кралюе
И кралёвацъ все буде».

7.

(Изъ Ясельскаго округа.)

Гилійко гилый! ты лисенько на росу,
Снѣданочка не несу;
Напй матка заспала,
Снѣданочка не дала.
Пôшла бы 'мъ ей збудити,
Она 'ня схоче бити:
Взяла на мене прута,
Нагнала мя до кута;
Взяла на мене лѣски,
Нагнала мя межи трêски;
Взяла на мене лозы,
Нагнала мя межи козы;
Стала я на потоцѣ,
Мургала на молодцй:
«Зъ гаю, молодцй, зъ гаю,
Чорны я вôчка маю!
Хотятъ намъ дѣвча вкрасти
За попôвского сына!
Мы го тамъ не даеме,
Сукенокъ не маеме;
Сукенки дорогіи,
По штыри червоніи,
По битымъ по сêмаку,
По червонымъ дукату».

8.

Ой у лѣсѣ на ворѣсѣ сорока скрегоче:
А мôй Боже милостивый, якъ мя дѣвча хоче!
Зъ того хлотя ничь не буде,
Серебери троє буде,
Буде лыжка и колыска,
И метелтя до боиска.

9.

Щодра, щодра Марія,
На престолѣ стояла,
Три крижики тримала.
А вы, люде, знайте,
Намъ колача дайте!
Якъ не дасте колача,
Выведеме рогача,
На попôвъ перилôгъ,
Збієме му правый рôгъ,
Рогомъ, рогомъ трубйти,
Фостомъ, фостомъ крутйти.

10.

Пôйшолъ Ивасенько
Рано косити:
Бренѣла коса
Коло пакоса!

Выйшла до нёго
Матêнька его;
Бренѣла коса
Коло пакоса!

«Пôйди, сынойку,
До обѣдойку!»
Бренѣла коса
Коло пакоса!

«Я заразъ пôйду,
Пакоса дойду».
Бренѣла коса
Коло покоса!

Пакоса дôйшолъ,
До дому не йшолъ;
Бренѣла коса
Коло пакоса!

Пôйшолъ Ивасенько
Рано косити;
Бренѣла коса
Коло пакоса!

Выйшолъ до нёго
Братейко ёго;
Бренѣла коса
Коло пакоса!

«Пôйди, братойку,
До обѣдойку!»
Бренѣла коса
Коло пакоса!

«Я заразъ пôйду,
Пакоса дôйду;
Бренѣла коса
Коло пакоса.

Пакоса дôйшолъ
До дому не йшолъ;
Бренѣла коса
Коло пакоса!

Пôйшолъ Ивасенько
Рано косити;
Бренѣла коса
Коло пакоса!

Выйшла до него
Сестрейка ёго;
Бренѣла коса
Колô пакоса!

«Пôйди, братойку,
До обѣдойку!»
Бренѣла коса
Коло пакоса!

»Я заразъ пôйду,
Пакоса дôйду!»
Бренѣла коса
Коло пакоса.

Пакоса дôйшолъ,
До дому не йшолъ.»
Бренѣла коса
Коло пакоса.

Пôйшолъ Ивасенько
Рано косити;
Бренѣла коса
Коло пакоса!

Выйшла до нёго;
Милейка ёго;
Бренѣла коса
Коло пакоса!

«Пôйди, милейкій,
До обѣдойку!»
Бренѣла коса
Коло пакоса!

«Ой заразъ пôйду,
Пакоса дôйду».
Бренѣла коса
Коло пакоса!

Пакоса не дôйшолъ,
До дому пôйшолъ:
Бренѣла коса
Коло покоса!

Бувай же здоровъ,
Панъ Ивасеньку!
Бренѣла коса
Коло пакоса!

Не самъ собою,
Съ всёвь челядкою;
Бренѣла коса
Коло пакоса!

Щастянька на двôръ
На худобойку:
Бренѣла коса,
Коло пакоса!

Здоровля въ той дôмъ
На челядойку!
Бренѣла коса
Коло пакоса!»

11.

Ой на рѣцѣ
На Іорданѣ
Мила Марусенька
Бѣль бѣлила,

Бѣль бѣлила,
Личко мыла:
«Нема кому дати
Бѣли забрати.

Просила бымъ
Батенька мого».
Батенько ся
Вôтмавляе:

«Въ мене возы
Не кованы,
Въ мене сани
Не складаны».

Ой на рѣцѣ
На Iорданѣ
Мила Марусенька,
Бѣль бѣлила,

Бѣль бѣлила,
Личко мыла:
«Нема кому дати
Бѣли забрати.

Просила бымъ
Братенька мого;
Братенько ся
Вôтмавляе:

«Въ мене возы
Не кованы,
Въ мене сани
Не складаны».

Ой на рѣкѣ
На Iорданѣ
Мила Марусенька
Бѣль бѣлила,

Бѣль бѣлила,
Личко мыла:
«Нема кому дати
Бѣли забрати.

Просила бымъ
Швабрейка мого,
Швабрейко ся
Вôтмавляе:

«Въ мене возы
Не кованы,
Въ мене сани
Не складани».

Ой на рѣкѣ
На Іорданѣ
Мила Марусенька
Бѣль бѣлила,

Бѣль бѣлила
Личко мыла:
«Нема кому дати
Бѣли забрати».

Выйшолъ до неи
Миленькій еи,
Возôвъ не ковалъ,
Саней не складалъ,
А всю бѣль забралъ.

Бувай же здоровъ,
Панъ Миханеньку!
Не самъ съ собою,
Съ всёвь челядкою!

Щастянька на двôръ,
На худобоньку,
Здоровля въ той дôмъ
На челядойку!

12.

Въ чистôмъ поле,
Грушенька стоитъ:
    Не шуми рано,
    Смеречино!

Пôдъ товь грушеньковъ
Бѣле ложенько;
    Не шуми рано,
    Смеречино!

На тôмъ ложеньку
Панъ Хомуненько:
    Не шуми рано
    Смеречино!

Тримае конейка
На вуздилейцѣ;
Не шуми рано,
Смеречино!

Тримае хортика
На ремêнейку;
Не шуми рано,
Смеречино!

Тримае пташейка
Въ правôй ручейцѣ;
Не шуми рано,
Смеречино!

Пустилъ конейка
Въ чистое поле;
Не шумй рано,
Смеречино!

Пустилъ хортейка
Въ темнй лѣсойки;
Не шуми рано,
Смеречино!

Пустилъ пташейка
На озерêйка;
Не шуми рано,
Смеречино!

Коничокъ иде,
Стадойко веде;
Не шуми рано,
Смеречино!

Хортичокъ бѣжитъ,
Кунойку несе;
Не шуми рано,
Смеречино!

Пташейко летитъ,
Рыбойку несе;
Не шуми рано,
Смеречино!

Стадойко въ поле
На росплодойко;
Не шуми рано,
Смеречино!

Кунойка буде
Милôй шубойка;
Не шуми рано,
Смеречино!

Рыбойка буде
Ране снѣдане;
Не шуми рано,
Смеречино!

Бувай же здоровъ,
Пань Хомуненьку
Не шуми рано,
Смеречино!

Не самъ съ собою,
Съ всёвь челядкою!
Не шуми рано.
Смеречино!

Щастянька на двôръ,
На худобоньку!
Не шуми рано,
Смеречино!

Здоровля въ той дôмъ
На челядойку!
Не шуми рано,
Смеречино!

13.

(Изъ Жолковскаго округа.)

Ой вôрле, вôрле,
Сивый соколе!
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Высоко сѣдишь
Далеко видишь;
Щедрый, святый
Вечêръ Божій!

Сѣдай ты собѣ
На сивôмъ морѣ!
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

На сивôмъ морѣ
Корабель на водѣ;
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Въ тôмъ кораблейку
Трое воротцы;
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Въ першихъ воротейкахъ
Мѣсячокъ свѣтитъ;
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Въ другихъ воротейкахъ
Соненько сходитъ;
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Въ третêхъ воротейкахъ
Самъ Господь ходить;
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Самъ Господь ходитъ,
Ключи тримае;
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Ключи тримае,
Рай вôтмикае;
Щедрый, святый,
Вечеръ Божій!

Рай вôтмикае,
Души впускае,
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Єно еднои
Не допускае,
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Що вôтця, матерь
Не за щъ не мае;
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Старшого брата
Позневажала;
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Старшу сестройку
Споличковала;
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Бувай же здоровъ,
Панъ Василейку!
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Не самъ съ собою,
Съ всёвь челядкою!
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Щастянька на двôръ,
На худобоньку;
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Здоровля въ той дôмъ
На челядойку,
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

14.

(Изъ Шкла.)

Малъ Ивасенько
Ворона коня;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій!

Ой далъ вôнъ ему
Шолкову траву;
Самъ молоденькій,
Кôнъ вороненькій!

«Ой ѣчь, мôй коню,
Шолкову траву!
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій!

Ой пій, мôй коню,
Зъ Дунаю воду!
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій!

Чую на тебе
Три дорожейки:
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій!

Єдна дорожейка —
Та жъ до Божейка;
Самъ молодейкій,
Кôнь вороненькій!

Друга дорожейка —
Та жъ до королейка,
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій!

Трета дорожейка—
Та жъ до панойка;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій!

Та до Божейка —
По здоровлейко;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій!

Та до королейка —
По корôлество;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій!

Та до панойка—
По милейкую;
Самъ мололенькій,
Кôнь вороненькій!

Здоровля бере,
Нѣтъ не дякуе;
Самъ молоденькій,
Конь вороненькій!

Королество бере,
Нѣтъ не дякуе;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій!

Милейку бере,
Зъ низка сь кляняе;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій!

Бувай же здоровъ,
Панъ Ивасеньку, и т. д., съ припѣвомъ.

15.

(Изъ Шкла.)

Плыла Фемуня
Краемъ Дунаемъ;
Дунаю море,
Фемунё зоре!

Выйшолъ до неи
Братейко ей;
Дунаю море,
Фемунё зоре!

«Подай ручейку,
Моя сестройко!» —
Дунаю море,
Фемунё зоре!

Ручейку дае,
Дальше плавае;
Дунаю море,
Фемунё зоре!

Плыла Фемуня
Краёмъ Дунаемъ;
Дунаю море,
Фемунё зоре!

Выйшла до неи
Сестройка ей;
Дунаю море,
Фемунё зоре!

«Моя сестройко,
Подай ручейку!» —
Дунаю море
Фемунё зоре!

Ручейку дае,
Дальше плавае;
Дунаю море
Фемунё зоре!

Плыла Фемуня
Краемъ Дунаемъ;
Дунаю море,
Фемунё зоре!

Выйшолъ до неи,
Милейкій еи;
Дунаю море
Фемунё зоре!

«Моя милейко,
Подай ручейку!» —
Дунаю море,
Фемуне зоре!

Ручейку дае,
Близше плавае;
Дунаю море,
Фемунё зоре!

Бувай же здорова,
Гречная панно!
Дунаю море,
Фемунё зоре!

Не сама съ собою,
Съ всёвь челядкою!
Дунаю море,
Фемунё зоре!

16.

(Изъ Шкла.)

Тамъ пôдо Львовомъ
На болонойко;
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

На кони грае,
Вôйско сбирае;
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

Вôйско сбирае,
Близко приступае;
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

Близко приступае,
Львова добувае:
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

Вывели ёму
Ворона коня;
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

Вôнъ коня бере,
Ничъ не дякуе;
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

На кони грае,
Вôйско сбирае;
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

Вôйско сбирае
Близко приступае;
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

Близко приступае,
Львова добувае;
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

Вынесли ему
Дорогу шубу;
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

Вôнъ шубу бере,
Ничъ не дякуе;
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

На кони грае,
Вôйско сбирае;
Ой грай, коню,
Пôдо мною.

Вôйско сбирае,
Близко приступае;
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

Близко приступае,
Львова добувае;
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

Вывели ему
Гречную панну;
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

Вôнъ панну бере,
Красно дякуе;
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

Бувай же здоровъ,
Панъ Ивасенько!
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

Не самъ съ собою,
Съ всёвь челядкою!
Ой грай, коню,
Пôдо мною!

17.

(Изъ Шкла.)

Ой ишолъ мѣсяць
Черезъ небойко;
А се мѣсяць
На заходѣ.

За нимъ зерничка,
Єго сестричка;
А се мѣсяць
На заходѣ.

«Мѣсяцю, брате,
Почекай мене!» —
А се мѣсяць
На заходѣ.

«Я не чекаю,
Часу не маю;
А се мѣсяць
На заходѣ.

Бо иду въ пôсльи,
Вôтъ Господа Бога;
А се мѣсяць
На заходѣ.

Вôтъ Господа Бога
До Єгомосценька;
А се мѣсяць
На заходѣ.

Най Єгомосценько
Дворы мêтаютъ;
А се мѣсяць
На заходѣ.

Дворы мêтаютъ
Столы ставляютъ;
А се мѣсяць
На заходѣ.

Столы тисовы,
Обрусы шолковы!
А се мѣсяцъ
На заходѣ.

Буде ту Господь
На вечерейцѣ;
А се мѣсяць
На заходѣ.

Бувайте жъ здоровы,
Єго мосценьку!
А се мѣсяцъ
На заходѣ.

Не сами съ собою,
Съ всёвь челядкою!
А се мѣсяць
На заходѣ.

Щастянько на двôръ,
На худобоньку;
А се мѣсяць
На заходѣ.

Здоровля въ той дôмъ,
На челядоньку!
А се мѣсяць
На заходѣ.

18.

(Изъ Шкла.)

Выбералась Панй
Рано до церковцй;
Въ недѣленьку,
Пораненько.

Выбералася
На три возойки;
Въ недѣленьку
Пораненьку.

На три возойки,
Всѣ три кованы;
Въ недѣленьку
Пораненько.

На чтыре коні
Вороненькіи;
Въ недѣленьку,
Пораненько.

На еденъ возикъ,
Свѣченьки клала;
Въ недѣленьку
Пораненько.

На другій возикъ
Книжейки клала;
Въ недѣленьку
Пораненько.

На третій возикъ
Сама сѣдала;
Въ недѣленьку
Пораненько.

Та пріѣхала
Передъ церковцю;
Въ недѣленьку,
Пораненько.

Сами ся звоны
Та зазвонили;
Въ недѣленьку
Пораненько.

Сама съ церковця
Та вотворила;
Въ недѣленьку
Пораненько.

Самы съ свѣчейки
Та запалили;
Въ недѣленьку
Пораненько.

Сами ся книги
Та розтворили;
Въ недѣленьку
Пораненько.

И самъ Господь Богъ
Службойку правитъ;
Въ недѣленьку
Пораненько.

Бувайте жъ здоровы
Ємусцененько!
Въ недѣленьку
Пораненько.

Не сами съ собою,
Съ всёвь челядкою!
Въ недѣленьку
Пораненько, и проч.

19.

(Изъ Улазова.)

Поѣхалъ Ивасенько
Въ горы по дѣвойку;
Въ недѣленьку
Пораненько.

Забавилъ вôнъ ся
Три недѣлейцѣ;
Въ недѣлейку
Поранейко.

Прійшли до нёго
Люди зъ церковцѣ;
Въ недѣленьку
Пораненько.

Хлопойки мовлятъ
«Соколы летятъ». —
Въ недѣленьку
Пораненько.

Жêнойки мовлятъ:
«Вôйнойка буде». —
Въ недѣленьку
Пораненько.

Дѣвойки мовлятъ:
«Сонейко сходитъ». —
Въ недѣленьку
Пораненько.

«Не тѣштеся вы,
Дѣвойки мною!
Въ недѣленьку
Пораненько.

Не заберу васъ
Всѣхъ, всѣхъ съ собою;
Въ недѣленьку
Пораненько

По единую,
Найладнѣйшую;
Въ недѣленьку
Пораненько.

Найладнѣйшую,
Найбогатшую!» —
Въ недѣленьку
Пораненько.

Та прiѣжджае
Въ нови ворота;
Въ недѣленьку
Пораненько.

«Выйди но, выйди,
Моя матêнко;
Въ недѣленьку
Пораненько.

Привêзъ, е'мъ тобѣ
Та невѣстойку;
Въ недѣленьку
Параненько.

Тебѣ невѣстку,
Собѣ милейку;
Въ недѣленьку
Пораненько.

Ôй буде жъ пряти
Тонокъ ось ленокъ,
Въ недѣленьку
Параненько.

Господу Богу
На кошулейку;
Въ недѣленьку
Пораненько.

Пресвятôй Дѣвѣ
Та на хустойку;
Въ недѣленьку
Пораненько.

А всѣмъ святымъ
На корунойку.» —
Въ недѣленьку
Пораненько.

Бувай же здоровъ,
Панъ Ивасеньку!
Въ недѣленьку
Пораненько, и пр.

20.

(Изъ Шкла.)

Панъ Хомуненько,
Переберниченько;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Переберає
Межъ кониками:
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Котры лѣпшіи,
То собѣ бере;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Котри гôршіи,
Служейкамъ дає;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Панъ Хомуненько,
Переберниченко,
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Переберає
Межъ сѣделками;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Котри лѣпшіи,
То собѣ бере;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Котри гôршіи,
Служейкамъ дає;
Самъ молоденькій
Кôнь вороненькій.

Панъ Хомуненько,
Переберниченько;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій

Переберае
Межь воздечками;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Котри лѣпшіи,
То собѣ бере;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

А котри гôршіи,
Служейкамъ дае;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Панъ Хомуненько,
Переберниченько;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Переберае
Межь сукенками;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Котри лѣпшіи,
То собѣ бере;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

А котри гôршіи,
Служейкамъ дае;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Панъ Хомуненько
Переберниченько:
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Перебирае
Чоботойками;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Котри лѣпшіи,
То собѣ бере;
Самъ молодонькій,
Кôнь вороненькій.

А котри гôршім,
Служейкамъ дае;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Панъ Хомуненько,
Переберниченько;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Перебирае
Межь дѣвойками;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Котри ладнѣйши,
То собѣ бере;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

А що погани,
Служейкамъ дае;
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій.

Бувай же здоровъ,
Панъ Хомуненьку!
Самъ молоденькій,
Кôнь вороненькій, и проч.

21.

(Изъ Улазова.)

Тамъ надъ лѣсомъ,
Надъ темненькимъ;
Щедрый, святый,
Вечеръ Божій!

Десь намъ ся взяли
Чорны хмаройки:
Щедрый, святый,
Вечеръ Божій!

То не хмаройки, —
Раній ровйки;
Щедрый, святый,
Вечеръ Божій!

А выйшолъ до нихъ
Панъ господарейко;
Щедрый, святый,
Вечеръ Божій!

Якъ махнулъ на нихъ
Правовь ручейковь;
Щедрый, святый,
Вечеръ Божій!

Правовь ручейковь,
Бѣловь хустойковь;
Щедрый, святый,
Вечеръ Божій!

«Летѣть, пчолойки,
До вишнинойки;
Щедрый, святый,
Вечеръ Божій!

А зъ вишнинойки
До пасѣчейки;
Щедрый, святый,
Вечеръ Божій!

До пасѣчейки,
До вулієйковъ;
Щедрый, святый,
Вечѐръ Божій!

До вулієйковъ,
Робѣтъ медойко;
Щедрый, святый,
Вечѐръ Божій!

Солодкій медойко
На пожитойку:
Шедрый, святый,
Вечѐръ Божій!

Жолтый вощейко
На свѣчейки:
Щедрый, святый,
Вечѐръ Божій!

На свѣчейки,
До церковойки;
Щедрый, святый.
Вечѐръ Божій!

На всеночное,
На службу Божу:
Щедрый, святый,
Вечѐръ Божій!

Першая буде
За Господаройка;
Щедрый, святый,
Вечѐръ Божій!

Другая буде
За господойку;
Щедрый, святый,
Вечѐръ Божій!

Третая буде
За всю челядойку;
Щедрый, святый,
Вечѐръ Божій!

Бувай же здоровъ,
Панъ господаройко!
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Не самъ собою,
Съ всёвь челядкою;
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Щастянька на двôръ,
На худобойку;
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

Здоровля въ тоі домъ,
На челядойку!
Щедрый, святый,
Вечêръ Божій!

———

В. Гаилки или весеннія

хороводныя пѣсьни на святой.

1.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Ранняя весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Принесла я вамъ красу,
Парубоцькую красу.
Порубоцька краса
А въ мази мочена,
На калужи прана,
Въ дёгти крохмалена,
На терню вѣшена,
На вѣтри сушена,
На припѣчку качена,
А въ гробу схована,
Затулою заткана,
Коцюбою замкнена». —

Ранная весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Принесла я вамъ красу,
Панянскую красу,
Панянская краса,
У пивѣ мочена,
На Дунаю прана,
Въ винѣ крохмалена,
На шнурку вѣшена,

На сонêньку сушена
На магли маглёвана,
А въ скриню схована,
Ключикомъ замкнена».

2.

(Изъ Золочевскаго округа.)

А вже весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Принесла бо я вамъ
Панянскую красу;
Паняньская краса,
Якъ на веснѣ роса.
Панянская краса
Въ меду ся купала,
Въ меду купала,
Въ винѣ выплывала,
Въ винѣ выплывала,
Въ Дунаю ся прала, 2.
На шнурахъ вѣшала, 2.
На сонцѣ сушила, 2.
Въ магли маглювала, 2.
Въ панêръ завивала, 2.
А въ скриню ховала».

А вже весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Принесла бо я вамъ
Парубоцьку красу,
Якъ у зимѣ росу;
Парубоцька краса
Въ мази ся купала, 2
Въ дёгти выплывала, 2.
Въ калужи ся прала, 2.
На терну вѣшала. 2.

На вѣтри сушила, 2,
На лавѣ качала, 2,
Въ вонучи звивала 2.
Пôдъ лавку сховала». —
Ой вже весна вскресла,
Що же 'сь намъ принесла?
«Ой принесла жъ я вамъ,
Ой бабскую красу,
А восêнную росу;
Ой бабская роса
Въ пивѣ ся купала,
Въ горѣвцѣ выплывала,
На рѣцѣ ся прала,
На плотѣ вѣшала,
Въ холодѣ сушила,
На лавцѣ качала,
Въ вонучи звивала,
Въ ковбыцю ховала».

3.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Ой дубрôвная зазуле, зазуле,
Ой не куй рано въ дубровѣ, 2.
Не збуди матêнку въ коморѣ! 2.
Бо моя матêнка старая, 2.
Та ще до того чужая, 2.
Скаже она менѣ робити, 2.
Пôдъ гору камêнь точити 2.
Поточу я камêнь на мѣсто, 2.
Принесу панянкамъ злоцйсто, 2.
А паробочкамъ шлыйще, 2.
Та на ихъ чорне шййще. 2.
Де вы, паняноньки, бували, 2.

Якъ тй дубрôвоньки палали? 2.
«Ой а мы дубровы гасили, 2.
Цебриками воду носили: 2.
Кôлько въ цебрыку водицй, 2.
Тôлько въ панёнкахъ правдицй». 2.

Ой дубрôвная зазуле, 2, и проч.
Де вы парубочки бували, 2.
Ой якъ дубровоньки палали? 2.
«А мы дубровоньки гасили, 2.
Капелюхомъ воду носили: 2.
Кôлько въ капелюсѣ водицй, 2.
Тôлько въ парубучкахъ правдицй». 2.

Ой дубрôвная зазуле, 2, и проч.
Де вы старй бабы бували, 2.
Якъ тй дубрôвоньки палали? 2.
«А мы дубровоньки гасили, 2.
Чепчиками воду носили: 2.
Кôлько въ чепчику водицй, 2.
Тôлько въ старыхъ бабахъ правдицй». 2.

Ой дубрôзная зазуле, 2, и проч.
Де вы старй дѣды бували, 2.
Якъ тй дубрôвоньки палали? 2.
«А мы дубровы гасили, 2.
Решетами воду носили: 2.
Кôлько въ решетѣ водицй, 2.
Тôлько въ старыхъ дѣдахъ правдицй». 2

4.

(Изъ Бережанскаго округа.)

Панъ Коколенскій
По городу ходитъ,
По городу ходитъ,
Чеглядоньку будитъ:

«Вставай, чеглядонько,
Городъ городити,
Городъ городити,
Терняньком терпити,
Щобы не злетѣла
Сива ей зазуленька.
Щобы не сфатила
Панянскои красы;
Бо панянска краса
У меду мочена,
У меду мочена,
На столѣ качена,
На столѣ качена,
У скриню зложена,
Колодковъ замкнена.

Панъ Коколенскій, и проч.

Щобы не сфатила
Парубоцьку красу;
Парубоцька краса,
Въ помыяхъ мочена,
Въ помыяхъ мочена,
Пôдъ столомъ качена,
Пôдъ столомъ качена,
Пôдъ лавовъ зложена,
Колодковъ замкнена.

5.

(Изъ Бережанскаго округа.)

Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо!
Та повѣдай, кôзле, правду!
«Що жь ти маемъ повѣдати,
Коль нѣчого й не чувати?» —

Ой якъ паняночки скачутъ?
Ой якъ паняночки скачутъ?
Ой то въ гору, то въ долину,
То въ роженьку, то въ калину». —

Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо, и проч.
Та якъ порубочки скачутъ,
Та якъ парубочки скачутъ?
Ой то въ гору, то въ долину,
То въ роженьку, то въ калину.

Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо, и проч.
Та якъ старй бабы скачутъ?
Та якъ старй бабы скачутъ?
Ой то въ гору, то въ долину,
То въ бодлаки, то въ кропиву.

Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо, и проч.
Та якъ старй дѣды скачутъ?
Та якъ старй дѣды скачутъ?
Ой то въ гору, то въ долину,
То въ бодлаки, то въ кропиву.

6.

(Изъ Золочевскаго округа.)

А. Ой самъ же я, самъ я ходжу, самъ я ходжу. —
Б. Де жь ты свои дѣти подѣвъ, дѣти подѣвъ? —
А. Потонули въ быстрой рѣцѣ по волоцѣ. —
Б. Бодай же ты самъ бувъ пропавъ, самъ бувъ пропавъ! —
А. А я собѣ що найкращу, що найлутшу выволочу.

7.

(Изъ Золочевскаго округа.)

А ты, зазуленько дубрôвна, дубрôвна,
Та не куй рано въ дубровѣ, дубровѣ,
Та закуй менѣ въ коморѣ, въ коморѣ!
Та вода по камени зъ тиха йде, зъ тиха йде.
Въ мене матусенька старая, 2.
Та ще до того чужая, 2.
Та казала менѣ робити, 2.
Та решетомъ воду носити, 2.
Та зъ попелу дѣжу мѣсити! 2.

Де вы, парубоньки, бували, 2.
Якъ сй дубровоньки впалали? 2.
Та решетомъ воду носили, 2.
Та тѣ дубровоньки гасили. 2.

Де вы, паняночки, бували, 2.
Якъ тѣ дубровоньки впалали? 2.
Коновками воду носили, 2.
Та тѣ дубровоньки гасили. 2.

Господарѝ сѣютъ пшеницю, 2.
А парубки сѣютъ мѣтлицю; 2.
Господарѝ ѣдутъ на коняхъ, 2.
А парубки ѣдутъ на свиняхъ; 2.
Господарѝ мыютъ руки водою; 2.
А парубки мыютъ золою, 2.
Господарѝ ходятъ въ сорочкахъ, 2.
А парубки ходятъ въ драночкахъ. 2.
А вы, парубоньки, до гною, 2.
А вы, паняноньки, до строю! 2.
А вы, парубоньки, до цѣпа, 2.
А вы, паняноньки, до хлѣба! 2.
А вы, парубоньки, до лѣса, 2.
А вы, паняноньки, до мѣста! 2.

А вы, парубоньки, до лѣса рубати,
А вы, паняноньки, до мѣста гуляти!
А вы, парубоньки, до леду, до леду,
А вы, паняноньки, до меду, до меду!

8.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Ой поѣду я, я, й до Люблина,
По холодоньку въ лѣтѣ,
По студененькôй росѣ,
Милу любити,
Тестя шукати,
По холодоньку въ лѣтѣ,
По студененькôй росѣ.
Ой найшовъ же я си
Любого тестя,
По холодоньку въ лѣтѣ,
По студененькôй росѣ.

Ой поѣду я, я, й до Люблина,
По холодоньку въ лѣтѣ,
По студененькôй росѣ,
Милу любити,
Миленьку шукати,
По холодоньку въ лѣтѣ,
По студененькôй росѣ.
Ой найшовъ я си
Миленьку мою.

Ой а тожъ бо мôй, миленькій тестеньку,
Та жоно жъ моя, жоно,
Та любе мое серденько!
А ты, тестеньку, горѣвки накури!
Та жоно жъ моя, жоно!

Та любе мое серденько!
А ты, тещенько, хлѣба напечй!
Та жоно жъ, и проч.
А ты, швагроньку, коня осѣдлай!
Та жоно жъ, и проч.
А ты, швагрова, хусточку гафтуй!
Та жоно жъ, и проч.
А ты, миленька, лôжко застели!
Та жоно жъ моя, и проч.
Тобѣ, тещенько, горѣвку выпивши,
Та жоно жъ, и проч.
Тобѣ, тещеньку, хлѣба изъѣвши!
Та жоно жъ, и проч.
Тобѣ, швагруню, коника зъѣздивши,
Та жоно жъ, и проч.
Тобѣ, швагрова, хусточку зходивши,
Та жоно жъ, и проч.
А зъ тобовъ, миленька, выспавши,
Та жоно жъ моя, жоно,
Та любе мое серденько!

9.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Дѣвушки становятся въ кругъ, взявшись за руки, а одна въ середкѣ.

Всѣ кругомъ обращаясь:

Що жъ я, бѣдна, учинила!
Кострубонька не злюбыла!
Прїѣдь, прїѣдь, Кострубоньку,
Стану рано до шлюбоньку,
А въ недѣлю пораненьку,
На тôмъ бѣлымъ камененьку.

Изъ середки одна:

Помагай, Бôгъ, вамъ!

Всѣ:

Дай, Боже, здоровля!

Изъ середки одна:

Ци не видѣле 'сте
Мого Кострубонька?

Всѣ:

Поѣхавъ ся женити.

Изъ середки одна:

Бѣдна жъ моя головонько,
Нещаслива годинонько!

Всѣ:

Що жъ я, бѣдна, учинила! и проч.

Всѣ:

Поѣхавъ на весѣлья просити.
Бѣдна жъ моя головонько!
Нещаслива годинонько!

Всѣ:

Що жъ я, бѣдна, учинила! и проч.

Изъ середки одна:

Ци не видѣле 'сте
Мого Кострубонька?

Всѣ:

Твой Кострубонько вмеръ.

Изъ середки одна, приплясывая:

Слава жъ тобѣ, Христе Царю,
Що мôй Кострубъ на цвинтару!
Сама его поховала,
Ноженьками притоптала,
Рученьками приплескала:
Лежи, лежи, якъ колода,
Я молода, якъ ягода!

10.

(Изъ Золочевскаго округа)

Дѣвушки становятся въ хороводъ, взявшись за руки и обращаются кругомъ; одна въ середкѣ круга, а другая внѣ его, и ходитъ совершенно въ противную сторону.

Извнѣ:

Хто видавъ, хто слыхавъ, мою жону на торзѣ?

Всѣ:

А мы ёё ведемо,
Тобѣ ёё не дамо.

Извнѣ:

А я вамъ паски дамъ,
Свою жону выкуплю.

Всѣ:

А мы паску изъѣмо,
Тобѣ жоны не дамо.

Извнѣ:

Хто видавъ, и проч.

Всѣ:

Мы горѣвку выпьемо,
Тобѣ жоны не дамо.

Извнѣ:

Хто видавъ, и проч.

Всѣ:

А мы ёё ведемо,
Тобѣ ёё не дамо.

Извнѣ:

Я перстенець пôдточу,
Свою жону выкуплю.

Всѣ:

Мы перстенець на палець,
Тобѣ жоны кавалець.

Послѣ этого одна дѣвушка ударяетъ рукой по хороводу тамъ, гдѣ держатся руками слабѣе, бѣжитъ и ловитъ дѣвушку, ходившую внѣ хоровода, которая отъ нея спасается бѣгствомъ.

11.

(Изъ Бережанскаго округа.)

А. — Ой чому ты не танцуешъ, Галю, Галю?
Б. — Бо не маю сорочечки ай зъ краму, зъ краму.
А. — А я тобѣ сорочечку куплю, куплю.
Б. — А я собѣ потанцюю

И вашецѣ подякую.
А. — Ой чому ты не танцуешъ, Галю, Галю?
Б. — Бо не маю споdниченьки зъ краму, зъ краму,
хустиночки, черевичкôвъ, и проч.

12.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Три дѣвушки, пошедши въ сторону, прячутъ у себя вѣтку «Бôждерева» (Божьяго дерева, Artemisia abrotanum), потомъ возвращаются въ хороводъ, гдѣ у нихъ ищутъ спрятаннаго, припѣвая:

Былъ былце, Божее деревце,
А вгадайте дѣвчиноньки,
Въ кого ваше былце,
Божее деревце?
Радй бы мы угадати
Та й выдумати,
Въ кого наше былце,
Божее деревце.

13.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Бѣло, Бѣло, Бѣлоданчику!
Поплынь, поплынь, по Дунайчику,
А вмый собѣ бѣле личенько,
А притри собѣ чорнй очѣнька,
Зачеши собѣ русу косеньку,
А возьми собѣ кошуленьку,
А вбуй чобôтки червоненькй,
А ты, дѣвчя, измарися,
Шукай собѣ товариша,
Геть собѣ, прѣчь!

Дѣвушка, стоя въ кругу подругъ, которыя поютъ это, показываетъ, что она умывается и т. д.

Извнѣ:

Хто видавъ, и проч.

Всѣ:

Мы горѣвку выпьемо,
Тобѣ жоны не дамо.

Извнѣ:

Хто видавъ, и проч.

Всѣ:

А мы ѣѣ ведемо,
Тобѣ ѣѣ не дамо.

Извнѣ:

Я перстенець пôдточу,
Свою жону выкуплю.

Всѣ:

Мы перстенець на палець,
Тобѣ жоны кавалець.

Послѣ этого одна дѣвушка ударяетъ рукой по хороводу тамъ, гдѣ держатся руками слабѣе, бѣжитъ и ловитъ дѣвушку, ходившую внѣ хоровода, которая отъ нея спасается бѣгствомъ.

11.

(Изъ Бережанскаго округа.)

А. — Ой чому ты не танцуешъ, Галю, Галю?
Б. — Бо не маю сорочечки ай зъ краму, зъ краму.
А. — А я тобѣ сорочечку куплю, куплю.
Б. — А я собѣ потанцюю

И вашецѣ подякую.
А. — Ой чому ты не танцуешъ, Галю, Галю?
Б. — Бо не маю сподниченьки зъ краму, зъ краму,
хустиночки, черевичкôвъ, и проч.

12.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Три дѣвушки, пошедши въ сторону, прячутъ у себя вѣтку «Бôждерева» (Божьяго дерева, Artemisia abrotanum), потомъ возвращаются въ хороводъ, гдѣ у нихъ ищутъ спрятаннаго, припѣвая:

Былъ былце, Божее деревце,
А вгадайте дѣвчиноньки,
Въ кого ваше былце,
Божее деревце?
Радй бы мы угадати
Та й выдумати,
Въ кого наше былце,
Божее деревце.

13.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Бѣло, Бѣло, Бѣлоданчику!
Поплынь, поплынь, по Дунайчику,
А вмый собѣ бѣле личенько,
А притри собѣ чорнй оченька,
Зачеши собѣ русу косеньку,
А возьми собѣ кошуленьку,
А вбуй чобôтки червоненькй,
А ты, дѣвча, измарися,
Шукай собѣ товариша,
Геть собѣ, прêчь!

Дѣвушка, стоя въ кругу подругъ, которыя поютъ это, показываетъ, что она умывается и т. д.

Извнѣ:

Хто видавъ, и проч.

Всѣ:

Мы горѣвку выпьемо,
Тобѣ жоны не дамо.

Извнѣ:

Хто видавъ, и проч.

Всѣ:

А мы ёё ведемо,
Тобѣ ёё не дамо.

Извнѣ:

Я перстенецъ пôдточу,
Свою жону выкуплю.

Всѣ:

Мы перстенецъ на палецъ,
Тобѣ жоны кавалецъ.

Послѣ этого одна дѣвушка ударяетъ рукой по хороводу тамъ, гдѣ держатся руками слабѣе, бѣжитъ и ловитъ дѣвушку, ходившую внѣ хоровода, которая отъ нея спасается бѣгствомъ.

11.

(Изъ Бережанскаго округа.)

А. — Ой чому ты не танцуешъ, Галю, Галю?
Б. — Бо не маю сорочечки ай зъ краму, зъ краму.
А. — А я тобѣ сорочечку куплю, куплю.
Б. — А я собѣ потанцюю

И вашецѣ подякую.
А. — Ой чому ты не танцуешъ, Галю, Галю?
Б. — Бо не маю сподниченьки зъ краму, зъ краму,
хустиночки, черевичкôвъ, и проч.

12.

(Изъ Коломiйскаго округа.)

Три дѣвушки, пошедши въ сторону, прячутъ у себя вѣтку «Бôждерева» (Божьяго дерева, Artemisia abrotanum), потомъ возвращаются въ хороводъ, гдѣ у нихъ ищутъ спрятаннаго, припѣвая:

Былъ былце, Божее деревце,
А вгадайте дѣвчиноньки,
Въ кого ваше былце,
Божее деревце?
Радй бы мы угадати
Та й выдумати,
Въ кого наше былце,
Божее деревце.

13.

(Изъ Коломiйскаго округа.)

Бѣло, Бѣло, Бѣлоданчику!
Поплынь, поплынь, по Дунайчику,
А вмый собѣ бѣле личенько,
А притри собѣ чорнй оченька,
Зачеши собѣ русу косеньку,
А возьми собѣ кошуленьку,
А вбуй чоботки червоненькй,
А ты, дѣвчя, измарися,
Шукай собѣ товариша,
Геть собѣ, прѣчь!

Дѣвушка, стоя въ кругу подругъ, которыя поютъ это, показываетъ, что она умывается и т. д.

14.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Дѣвушка среди хоровода показываетъ руками, что у нея болитъ голова, руки, ноги и т. п., а подруги припѣваютъ:

Тутъ була, тутъ нема, наша перепелка.
Нашêи перепелцѣ та ѝ головка болитъ.
Тутъ була, тутъ нема, наша перепелка.
Нашêи перепелцѣ плечинята боля'.
Тутъ була, и проч., та рученьки боля',
поперечокъ болитъ,
колѣночка боля',
та ноженьки,
та пôдошвы боля'.
Тутъ була, тутъ нема, наша перепелка.
Нашêй перепелцѣ та нелюбъ ѣде;

(скидываетъ 'сапоги)

Нашêй перепелцѣ черевички везе:

(показываетъ движеніями радость и какъ бы надѣваетъ башмачки)

Зазувай, защипай, тай сестрички шукай!
Возьмися, перепелко, по пôдъ боченьки,
Та убуйся въ черевиченьки!
Теперь собѣ пôдскôць, пôдскôць!
Котру любишь, тоту собѣ хôпъ!

Она скачетъ и схватываетъ одну дѣвушку изъ круга, которая потомъ заступаетъ ея мѣсто, и т. д.

15.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Дѣвушки, взяшись за руки, водятъ кривой танецъ. Этотъ танецъ пляшутъ при всѣхъ Гаилкахъ, гдѣ ненужно дѣлать хоровода, или представлять въ лицахъ двѣ стороны.

Вербовая дощечка, дощечка!
Ходитъ по нѣй Настечка 2.
На всѣ боки лелѣе, 2.
Вôдки милый надъѣде, 2.
Привезе ми чоботы, 2.
Кіевскои роботы. 2.
«А де ты ихъ куповавъ?» — 2.
«А у Львовѣ куповавъ, 2.
А въ Краковѣ пôдковавъ, 2.
Та червонѝ чобôтки, 2.
А пôдкôвки зъ позлôтки! 2.
Покочу я золото, 2.
А вы, хлопцѝ, въ болото! 2.
Покочу я перстенецъ, 2.
А вы, дѣвки, у танецъ! 2.
Поясочка зъ рясами, 2.
А мôй милый въ крисани». 2.

16.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Дѣвушки, взявшись за руки, становятся рядомъ (Б); противъ нихъ поодаль становятся другія двѣ дѣвушки (А); тѣ и другія поютъ:

Б. Пустѣте насъ, пустѣте насъ, сей свѣтъ воювати!
А. Не пустимо, не пустимо, мосты поломати.
Б. А мы якъ схочемо, мосты поломимо,
Та всѣ гроши заберемо,
Та поѣдемо геть пречь, геть пречь.

Послѣ эгого бѣгутъ Б, держась крѣпко за руки, подъ руки къ А, перебѣгаютъ всѣ, исключая двухъ послѣднихъ, которыя послѣ должны играть роль А.

17.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Дѣвушки, взявшись руками одна черезъ другую, какъ въ Польскомъ, образуютъ цѣпь и, перекладывая руки черезъ головы, дѣлаютъ разныя фигуры и поютъ:

Зеленіи огирочки а густіи попѣночки,
Розвивайтеся!
Вы, молодй дѣвчатонька,
Завивайтеся!
Зеленіи огирочки а густіи попѣночки,
До горы ся вьютъ,
А молодй леденики мёдъ, горѣвку
Пьютъ, пьютъ.
Зеленіи огирочки а густіи попѣночки,
Розвивайтеся!
Вы, молодй леденики
Напивайтеся!
Вьяжѣтеся, вьяжѣтеся огирочки!
Звивайтеся, звивайтеся, дѣвчиночки!

18.

(Изъ Коломійскаго округа.)

Дѣвушки, ставши попарно лицомъ къ лицу, схватываются крѣпко руками и образуютъ изъ нихъ мостъ. Одна изъ меньшихъ взлѣзаетъ съ конца на руки, опираясь на головы дѣвушекъ, переступаетъ по мосту, при чемъ оставшіяся назади забѣгаютъ напередъ и, такимъ образомъ, продолжаютъ мостъ насколько угодно; при этомъ поютъ:

Ой ходитъ жукъ по жучинѣ,
А дѣвчина по ручинѣ,
Грай, жуче, грай! 2.

Жди, дѣвчя, до суботы:
Будутъ сукни и чоботы;
Грай, жуче, грай! 2.
Ой ходитъ жукъ по жучинѣ,
А дѣвчина по ручинѣ,
Грай, жуче, грай! 2.
Жди, дѣвчя, до недѣли:
Будутъ твои ручки бѣли;
Грай, жуче, грай! 2.
Ходитъ жукъ по жукахъ,
А дѣвчина по рукахъ,
Грай, жуче, грай! 2.

19.

(Изъ Золочевскаго округа.)

Воробêйчику, шпачку, шпачку!
Чи бувавъ ты въ садку, въ садку?
Чи видавъ ты, якъ на макъ орютъ?
Ой такъ, такъ, орютъ макъ!
Воробêйчику, шпачку, шпачку!
Чи бувавъ ты въ садку, въ садку?
Чи видавъ ты, якъ макъ сѣютъ, (скородятъ, полютъ,
жнутъ, топчутъ, и проч.)?
Соловêйчику, шпачку, шпачку!
Чи не бувъ же ты въ садку, въ садку?
Чи не видѣвъ ты, якъ макъ сѣютъ?
Ой такъ, такъ, сѣютъ макъ!

Припѣвъ: «Ой такъ, такъ,» и проч. поетъ дѣвушка, которая стоитъ въ кругу прочихъ и показываетъ руками и движеніями, какъ что работается.

60.

(Изъ Золочевскаго и Коломійскаго округовъ.)

23 А. Ѣде, ѣде, Жельманъ,
Ѣде, ѣде, его братъ,

Ѣде, ѣде, Жельманова
И братова
Вся родина.

Б. Помагай, Бôгъ, Жельманъ!
Помагай, Бôгъ, эго братъ!
Помагай, Бôгъ, Жельманова,
И братова
Вся родина!

А. Бодай здоровъ, Жельманъ!
Бодай здоровъ, и проч.

Б. Чого хоче, Жельманъ,
Чого хоче, и проч.

А. Панны хоче Жельманъ?
Панны хоче его братъ и пр.

Б. А за кого Жельманъ
А за кого его братъ? и проч.

А. Та за кравця Жельманъ,
Та за кравця его братъ, и проч.

Б. А мы панны не мамо,
Та за кравця не дамо.
Геть,权 пречь, Жельманъ,
Геть, пречь, его братъ,
Геть, пречь, Жельманова,
И братова
Вся родина!

Дѣвушки, взявшись за руки, образуютъ одинъ рядъ (А), другія три такой же другой (Б); послѣдніе, приплясывая, подступаютъ къ А, которыя поютъ: «Ѣде, ѣде, Жельманъ, и проч. Когда подуйдутъ Б къ А, то поютъ: «Помагай Бôгъ,» и т. д., на что А отвѣчаютъ: «Бодай здоровъ», и т. д., до конца. При словахъ: «Геть, пречь!» и проч. А отступаютъ до своего мѣста, съ котораго опять начинаютъ: «Ѣде, ѣде Жельманъ,» и т. д., замѣняя при этомъ «за кравця» словомъ: за шевця, за коваля, за кушнѣра, и т. п., всякой разъ, когда приходится слова начинать.

В. Шумки и Чабарашки.

1.

Ой дѣвчино, скажи правду,
Чи мя любишъ, чи на зраду?
Най я свѣта не корочу,
Най я люблю, кого хочу! —
«Я ти свѣта не корочу,
Того люблю, кого хочу».

2.

Ой дѣвчино, люблю тя,
Не ѣжъ хлѣба, возму тя.
Не ѣжъ хлѣба, не пій воды,
Та возму тя для выгоды.
Бѣдне дѣвча послухало,
Три дни хлѣба не нюхало,
Три дни, три дни, и три ночи,
Замружила чорнѝ очи.

3.

Ой по горѣ тырличъ сходитъ,
До дѣвчины хлопецъ ходитъ:
Ой тырличу, тырличу!
Люби мене, паничу!

4.

Ой я иду, а тамъ гукъ,
Тамъ дѣвчата хлопця бьютъ.
Та за яку причину?
Що покинувъ дѣвчину.

5.

Передъ паномъ окомономъ,
Били хлопця макогономъ;
Ой тамъ, ой тамъ на току,
Збили его на муку.

6.

Ой дѣвчино, вѣрь менѣ!
Не зраджу тя, Бôгме, нѣ;
Запытайся Николи,
Що 'мъ не зрадивъ нѣколи!

7.

Трясетъ ми ся чуприна,
Любитъ мене дѣвчина,
Трясетъ ми ся волося,
Любитъ мене Явдося.

8.

Ой тамъ не ма безъ причины,
Де два ходитъ до дѣвчины;
Ой тамъ не ма безъ припадку,
Де два ходятъ въ одну хатку.

9.

Ой мати, кохай мене!
За стараго не дай мене!
Въ него сива борода,
Я дѣвчина молода.

10.

Мати журъ варила,
На порозѣ студила:
Ой журъ, мати, журъ,
Лѣпшій Русинъ, якъ Мазуръ.

11.

А я собѣ гадаю,
Що милои не маю:
Якъ у день, такъ въ ночи,
Стоитъ мила предъ очи.

12.

А мôй милый одиначокъ,
Та зацвѣвъ ми, кобы мачокъ;
А я его люба дружа,
Та зацвѣла, кобы лужа.

13.

Ой дѣвчино чорнюхо,
Люблю тебе, псяюхо,
Люблю тебе сердечне,
Возьму тебе конечне.

14.

Пôшла Гандзя по цыбулю,
Почкай, Гандзя, поцѣлую!

15.

Звôдси гора, звôдти скала,
Скажи, мила, съ кимъ ты спала?—
«Ой спала я сама зъ собовъ,
Прійди въ вечеръ, буду зъ тобовъ!
Прійди, прійди, сама буду,
Скину хустку, зроблю буду,
А зъ запаски зроблю двери,
Сама ляжу на постели.

16.

Ой дѣвчино квѣтко!
Фартухъ тобѣ видко,
Мара ткача напала,
Що выробивъ рѣдько.

17.

Ой дѣвчино вѣдьмо,
Запрягаймо, ѣдьмо,
На границю по пшеницю,
Поки ще ся видно!

18.

Кобы ты бувъ добрый хлопецъ,
То бы 'с выйшовъ на городецъ,
Я бы тебе пôдголила,
И безъ бритвы и безъ мыла.

19.

На городѣ дудка грае,
Мене мати не пускае.
Пусти мене, моя мати,
Коли хочешъ зятя мати». —
«О не пущу, моя доню,
Бо не прійдешъ ты до дому». —
Прійду, прійду, моя мати,
Ой якъ стане вже свѣтати.»

20.

Гей, гину, мати, гину,
За дѣвчину Катерину;
Не далеко, ино въ межу,
Якъ не пôду, то вôдлежу.

21.

Ой сплю, менѣ снится,
Мое серце веселится,
Обуджуся, та й не ма, —
Болитъ мене голова!

22.

Ой сплю, та й дивлюся,
И дала бы 'мъ, и боюся,
И дала бы 'мъ такому,
Щобъ не сказавъ нѣкому.

23.

Ой що менѣ за весêлье
Шо ми два дни его?
Кобы було цѣлый тыждень,
То бы ладно було.

24.

Зôйшовъ мѣсяць и зора,
Не ма мого сокола,
Не ма жъ мого милого,
Нудно жъ менѣ безъ нёго!

25.

Ой снивъ ми ся мелникъ,
Щезъ бы, та пропавъ бы!
И молоти не дае,
И мѣрочку бравъ бы!
Коли хочешъ наразъ,
Змелю тебѣ заразъ,
А якъ хочешъ пытлювати,
Треба нôчку ночувати.

26.

Дзень, дзень, ковалй,
То великй, то малй.
До сивои кобыли
На залёты ходили!

27.

Оженився нетяга, та взявъ собѣ Гапку,
Кутокъ дѣтокъ накресавъ при своимъ упадку.
Єдно каже: «Тату, тату!» Друге каже: «Папу, папу!»
Я насунувъ шапчерину, пôшовъ по за хату.

28.

Дана, моя дана:
Не пôду за Йвана,
Пôду за Данила,
Що бы 'мъ не робила.

29.

Дана жъ, моя дана,
Не пôду за пана:
Ино за такого,
Якова я сама.

30.

Ой посѣявъ Козакъ гречку
На дубови, на вершечку: —
Зôрвалася шура буря,
Козакови гречку здула.

31.

«Ой Козаче чорновусый,
Чомъ у тебе жупанъ кусый?»
«Мене дѣвки пôдпойли,
Жупанъ менѣ пôдкройли.
Ой маю я десять грошей,
Куплю собѣ упанъ джовшій.»

32.

И ты Козакъ, и я Козакъ,
Обыдва 'смо Козаки:
Ты хорошій, я безъ грошій,
Обыдва 'смо дураки.

33.

Танцювавъ бы 'мъ гопака,
Та не маю сѣрака:
Сѣрачина—по колѣна,
Та й на задѣ пригорѣла!

34.

Атанасъ козы пасъ,
А Марыня бычки:
«Почекай, не втêкаі,
Купью черевички!»

35.

А мôй батько бувъ стрѣлецъ:
Стрѣливъ за пêчь, збивъ горнецъ,
А въ тôмъ горшку пироги,
А я до нихъ: ги-ги-гй!

36.

За грубовъ сѣла, та й здула пыски,
Якъ суне, такъ суне, пироги зъ мыски.

37.

Було не копати
Пôдъ порогомъ ямы.
Було мя не брати,
Вôдъ тата, вôдъ мамы.
Ахъ мати, мати,
Калиновый цвѣтъ!
Завязала 'сь менѣ
Мой бѣленькій свѣтъ!

Було не рубати
Зеленого дуба,
Було мя не брати,
Коли 'мъ ти не люба!
Ахъ мати, мати,
Калиновыи цвѣтъ!
Завязала 'сь нмѣе
Мôй бѣленькій свѣтъ!

38

Моя хатка крайна,
Моя хатка гарна,
Мене хлопци̂ зачêпаютъ,
Бо я собѣ файна.

39.

«Ой дѣвчино, чія ты?
Чи пôйдешь ты гуляти?» —
«Не пытайся, чія я,
Якъ ты пôдешъ, пôду й я».

40.

А въ дѣвчины моеи,
Чôрни очи у неи;
Хочь я ей не возьму,
Най вороги подражню!

41.

Ой на горѣ, на горѣ,
Кукала кокошка:
Чорнявая, бѣлявая
И чубата трошка.
Ой на горѣ, на горѣ,
Чи чуешъ ты, татку,
Яка сь бѣда ходитъ
По пôдъ нашу хатку?

42.

А дѣдъ бабцѣ купивъ капцѝ,
Короткѝ були, та втявъ палцѝ.

43.

Куда йду, туда йду,
Всюда сѣю лободу,
Я своему миленькому
За кухарку не буду.
Вôнъ пшеницю продае,
Менѣ грошей не дае,
А я зъ родомъ зôйдуся,
За петрушку напьюся.

44.

Ой умеръ мôй небожчикъ,
Було менѣ жаль трошки;
Якъ на лавцѣ лежавъ,
Було менѣ трохи жаль;
Якъ изъ лавки пôшовъ,
То и жаль вôдôйшовъ.

45.

Ой умеръ мôй небожчикъ,
А я свою бѣду въ горщикъ,
Черепочкомъ накрыла,
Щобъ ся на свѣтъ не дивила.

46.

А на дворѣ хмарится:
Навѣдженый бавится;
Навѣждена чекала,
Бо розуму не мала.

47.

А въ Богацькихъ дѣвочокъ,
По дванадцѝть сорочокъ,
А въ мене но едная,
И та що день бѣлая.
Я зъ вечера намочу
О пôвночи полочу,
А до свѣта высушу,
А раненько вберуся,
И до хлопцôвъ смѣюся.

48.

Ой го, го-го, го-го-го!
Пріими мене голого!
Я жупана не маю,
Женитися гадаю.

49.

Ой Ляхъ, мати, Ляхъ,
Пытаеся, куды шляхъ?
Пытаеся дороги
До дѣвчины небоги.

Закурило, замело,
Дороженьки не було;
Ой ѣхали два попы,
Дороженьку пробили.

«Встань, доню, не лежи,
Дороженьку покажи!
Покажи му, куды шляхъ,
Нехай ѣде вражій Ляхъ!

50.

Ой гукъ, мати, гукъ,
Куда Козаки йдутъ,
Вуличкою, невеличкою,
Та, чей, до насъ зайдутъ.

Ой дбай, мати, дбай,
Та мене за мужъ дай!
Не дай мене за недбалицю!
Бо менѣ вродыжаль.

Бо у мене врода,
Якъ въ Дунаю вода:
Чорнй очка, бѣле личко,
Сама молода.

«Ой доню жъ моя,
Вважай собѣ сама!» —
«Ой вважала жъ я,
Не вгадала жъ я,
Свою красоньку
Потеряла жъ я,
Матêнко моя!» —

«Ой жій, доню, жій,
Та краще вôдъ людій,
Най ся не тѣшатъ
Тяжкй вороженьки
Та незгодѣ твоêй!»

«Ой давно, та давно,
Та й уроды не було,
Та вже жъ тая дороженько
Листомъ припала!

Я у батька росла,
Та й вôдъ батька пôшла,
А вже жъ тая дороженька
Терномъ заросла!

Терномъ заросла,
Листомъ припала,
Червоною калинонькою
Понадвисала!

Якъ ся заозьму,
Теренъ высѣчу,
А зъ червоной калиноньки
Вѣнки повяжу!»

51.

«Ой мати, мила мати,
Шо то зъ того буде,
Коли грае музыченька
И сходятся люде?» —

«Ой доню, моя доню!
Якъ ся зôйдутъ люде,
Прійде до тя твôй миленькій,
То весѐлье буде.»

52.

«Ой дѣвчино красна,
Де ты волы пасла?» —
«Пôдъ корчомъ
Зъ паничомъ,
Де травиця красна.»

53.

По пôдъ садъ виноградъ
По воду ходила:
Не судивъ менѣ Бôгъ,
Кого я любила;
Але давъ менѣ Бôгъ,
Кого я не знала,
То за мôй перебôръ,
Шо 'мъ переберала.

54.

Просивъ мене Гарасимъ,
Шобъ я пôшла грати зъ нимъ;
Гарасима не люблю,
И грати зъ нимъ не пôду;
А я грати не хочу,
А вôнъ бере опанчу.

55.

Ой мôй милый Гарасимочку,
Пусти коня на долиночку,
Пусти коня на долиночку,
А самъ иди на горѣлочку!

56.

Кобы 'сь не пивъ, мня не бивъ,
Я бъ тебе любила,
Я бы тобѣ, шо суботы,
Головоньку змыла;

Змыла бы'мъ головоньку,
Змыла, розчесала,
Та й до себе притулила,
Ще й поцѣловала,
А ты, песь, мене бьешь,
Якъ тебе любити,
Якъ тобѣ, що суботы,
Головоньку змыти?

57.

Ой тамъ на горѣ
Малёвалы маляри,
Малёвали черевички,
Для хорошої молодычки,
Та не знати, для котри.

«Ой маты жъ моя,
Позычъ менѣ таляра!
Пôду собѣ выберу,
Черевычки выкуплю,
Въ молодого маляра.» —

«Ой доню жъ моя!
Було лѣто и зима,
Було собѣ заробити,
Черевичкы выкупити,
Въ молодого маляра!»

58.

Гей бѣда надъ бѣдами:
Моя мила за горами!
Кличу, кличу, не чуе,
Нехай зъ Богомъ почуе!
Кличу, кличу, не видати,
Треба зъ жалю умерати!

59.

Не буду ся женити, бо менѣ ниць съ того,
Не стає ми десять грошій до пôвъ золотого.
Гопъ, чукъ, чумудра, чумудрыха молода!

Недавно 'мъ ся оженивъ, буде рôкъ въ Петрôвку,
Ой заберу дѣти въ торбу, пôду на вандрôвку,
Гопъ, чукъ, и проч.

Та й выйду я на село, стану си на горбѣ:
Оглянуся за себе, чи суть дѣти въ торбѣ?
Гопъ, чукъ, и проч.

60.

«Ты, Козаче, пся паро!
Цы тя лихо напало?
Пся паро, пся паро,
Цы тя лихо напало!

А ты любишъ Параску,
Зъ мене чинишъ играшку,
Парашку, Парашку,
Зъ мене чинишъ играшку». —

«Присяй Богу, не люблю,
И любити не буду,
Не люблю, не люблю,
И любити не буду.

Тôлько тебе єдную
Надъ све житя милую,
Єдную, єдную,
Надъ све житя милую.

Ты дѣвчино бѣлява,
Будь на мене ласкава!
Бѣлява, бѣлява,
Будь на мене ласкава!

Ты дѣвчино хороша,
Дай же бузй безъ гроша!
Хороша, хороша,
Дай же бузй безъ гроша!

Ты дѣвчино бѣленька,
Будь для мене миленька!
Бѣленька, бѣленька,
Будь для мене миленька!»

61.

Тресетъ ми ся волося:
Любить мене Гануся;
Тресетъ ми ся чуприна:
Любитъ мене дѣвчина.

Ей я хлопецъ молодый
Межи гусарами:
Выгулявъ си дѣвчиноньку
Зъ чорными бровами.

Ей я хлопецъ молодый
Межи всима стою:
Я на вôйну не пôду,
Бо ся меча бою!

62.

«Втêкай, дѣвче, безъ поле!
Бо тя Козакъ поколе,
Гей, гу, безъ поле,
Бо тя Козакъ поколе!»

Дѣвчинонька не слухала,
На Козака зачекала,
Гей, гу, и проч.

Козакъ зъ коня ступае,
Дѣвчиноньку витае,
Гей, гу, и проч.

Привитавъ ю, и скаче,
А дѣвчинонька плаче,
Гей, гу, и проч.

«Бувай менѣ здорова!
Я кавалеръ, ты вдова!»
Гей, гу и проч.

63.

Вчера була недѣлонька, нынѣ понедѣлокъ:
Запросила Марысенька косити барвинокъ.
Ось бѣда, не дума,
Котру люблю, все кума!

«Иди пречъ, не займай, иди до нещастя!
Якъ я тебе полюбила, то не маю щастя.
Ось бѣда, и проч.

Иди пречъ, не займай, иди собѣ къ бѣсу!
Не для тебе чепурюся, свою бѣду тѣшу.» —
Ось бѣда, и проч.

«А де жъ тая керниченька, що голубка пила?
А де жъ тая Марисенька, що мене любила?
Ось бѣда, и проч.

А де жъ тая керниченька, що голубъ купався?
А де жъ тая Марисенька, що я въ нѣй кохався?
Ось бѣда, и проч.

А у теи керниченьки золотыи ключи:
Дай же менѣ, Марисенько, що казала илучи!
Ось бѣда, и проч.

Добре тыи Ляшки чинятъ, що не кохаются:
Пôбравшися за рученьки, не занехаются!
Ось бѣда, и проч.

Яромъ, яромъ, Марисенько, а я за тобою!
Чекай, чекай, Марисенько, говоримъ зъ собою!»
Ось бѣда, и проч.

64.

На дорозѣ калюжа:
Я робити не дужа;
Кобы скрыпки, цымбалы,
То бы нôжки скакали.

Ой сѣвъ, за журився,
Що зъ малою оженився:
«Не журися, мôй Андрêю,
Пôдросну я за недѣлю!»

65.

И шумитъ, и гуде, дрôбный дощикъ иде:
А хто жъ мене молодую до домоньку заведе?

Обôзвався Козакъ на солодкôмъ меду:
«Гуляй, гуляй, чорнобрôва, я тя до домъ заведу!» —

«Не веди жъ ты мене, ой прошу жъ я тебе!
Бо я злого мужа, буде бити мене.

На бôкъ, хлопцѝ, на бôкъ, хлопцѝ, бо чортъ мужа несе,
Якъ обачитъ мене зъ вами, ёго трясця затрясе.

Нехай трясе, нехай трясе, якъ вѣтеръ лугами!
А я собѣ молодая погуляю зъ вами.»

И шумитъ, и гуде, скрыпка грае, басъ реве,
Козакъ мовчитъ, а все знае, Козакъ до домъ поведе.

66.

Черезъ рѣчку, черезъ ставъ,
Любивъ мене Станиславъ,
И я его любила,
Бо 'мъ до него ходила.

67.

Козакъ.

«Гопъ, чукъ, бабко,
Шо ся дѣе?» —

Баба.

«За Козакомъ
Серце млѣе.» —

Козакъ.

«Гопъ, чукъ, бабко,
Кожухъ гине.» —

Баба.

«За Козакомъ
Серце вяне.»

68.

Гôпъ, чукъ!
Баранчукъ!
Продавъ коня
За Канчухъ,
А кульбаку
За табаку,
А удило за канчукъ!

69.

Ой кобы я мужа мала,
Тобы я го шановала:
Вôдъ недѣлй до недѣлй
Ѣсти бы 'мъ му не давала!

70.

Ой не стôй пôдъ вôкномъ,
Не махай рукавомъ!
Якъ я буду мати часъ,
То я выйду тамъ до васъ.

71.

Ой ѣхала Катерина
Шêстьма кôньми изъ Волыня,
Пыталася Василя:
«Ци далеко до села?»—
«Недалеко, ино миля,
Катерино милостива».

72.

То Костюшка, то Москаль
Сварилися за рыскаль;
Не було тамъ та за що —
Рыскалище ледащо.

73.

А мôй батько
Стрѣлявъ гладко:
Середъ току
Убивъ сороку;
Прійшовъ Дмитро,
Изъѣвъ хитро.

74.

А въ нашои Олены
Все пацерки зелени,
То по штыри, то по пять,
Все на шіи цуркотять.

75.

«Человѣче бѣсноватый!
На що жêнку продавати?» —
«Прійшла менѣ карта зъ неба,
На податокъ грошей треба.

Що зôстане вôдъ податку,
Куплю собѣ стару бабку;
Бабка здохне, я облуплю,
А за скôру дѣвча куплю».

I. *Шалалайки.*

1.

Спознаць, Боже, спознаць, мою фраёрочку,
Що м'е за хусточковъ дробну фіялочку.

2.

Самозрадъ, самозрадъ, сама 'мъ ся зрадила,
Коли 'мъ до гаёчку на травку ходила.

3.

Никто ми не виненъ, лемъ ми братя винны,
Же мя посылали до лѣса за вôвми.
Никто ми невиненъ, ено стара мацъ,
Же ми наказала зъ гультаёмъ волки пасцъ.

4.

Гора, гора и долина, иде коникъ одъ Будина,
Иде, иде малёваный, на нимъ кантарь позлачаный.

5.

Не радуйся, шугай, высокой постели,
Бо мои гусочки за Дунай злетѣли;
За Дунай, за Дунай, за Чорное море,
Бо я си дѣвчатко худобной матере;
Худобной матере, худобного отца,
Не нажену я ти волойкôвъ до дворца.

6.

Що ся червенѣе въ Угорской краинѣ?
Червене яблочко докола яблони̑.

7.

Травêчко зелена, то 'сь ся поховала?
Фраêрочко моя, то 'сь ся погнѣвала.
Травêчко зелена, не хубацъ ся было,
Фраêрочко моя, любовацъ ся было.

8.

«Яворе, яворе, де съ тебе конары?» —
«Срубали мене хлопци̑ волаваре;
Обрубали мене велики фигляре,
Забили Янêчка, нехъ ихъ Панъ Богъ скаре!»

9.

Плакало дѣвчатко, плакало голосно,
Же его парада за тонêчкимъ пасомъ.
«Не плачь, дѣвча, не плачь, йще на тобѣ не знати,
Якъ на тобѣ буде знати, я тя готовъ взяти».

10.

Ой коню мôй, коню шарый, та остро кованый:
Варуй же ся, шварне дѣвча, бо тя поранитъ!
Бо тя поранитъ острожейками,
Варуй же ся, шварне дѣвча, съ чорныма бровами!

11.

На припецку горитъ, а въ пецу ся палитъ;
Не берь тото дѣвча, що го мати хвалитъ!
Не на то го хвалитъ, жебы добра была,
Лемъ го на то хвалитъ, жебы го ся збыла.

12.

Турыдай, Турыдай, Турыдайска вода:
Скочила бы 'мъ до ней, та мя, Боже, шкода!

13.

А ни 'мъ ся не выспавъ, а ни 'мъ ничь не зыскавъ,
Лемъ мôй калапочокъ при фраѣрцѣ зоставъ;
Не такъ калапочокъ, якъ сива губаня,
Ажь ми ю миленька на облакъ подала.

14.

Тече вода, тече, доловъ тымъ Лаворцомъ,
Бы ся обернула доловъ моимъ дворцомъ.

15.

Єще 'мъ не танцовавъ, лемъ буду прубовавъ,
Зъ бучка на яличку буду прескаковавъ.

16.

Пило бы ся, пило, то Токайско вино,
Пило бы ся, пило, съ кимъ ми, Боже, мило!
Пило бы ся, пило, пôвтора златого,
Ты, мила, заплатишь, бо весь пила ёго.

17.

Дуброва, дуброва, докола букова:
Сама матка не зна, кому дѣвча хова.
И моя не знала, кому мя ховала,
Скурвому сынови до ручокъ мя дала.

18.

Дала 'съ ми, миленька, дала 'съ ми пригану,
Же я е'мъ не варта за файку дугану.

19.

Не разъ я, и не два, на гору позêрамъ,
Бо я ся съ той горы фраêра подѣвамъ.

20.

Хоцъ бы я не ѣла, водицу не пила,
Лемъ жебы я мала красного фраêра.
Фраêре мизерный, не скрыпай ми дверми:
Горѣ ножки знимай и двери заперай!

21.

Квѣтокъ дѣвча, квѣтокъ, покля не ма'шь дѣтокъ,
Якъ б'ешь мати дѣтки, спадутъ съ тебе квѣтки.

22.

Фраêрочко моя, такъ една, якъ друга:
Теперь ми повѣджьте, котра самодруга?
А якъ не повѣсте, то сто чортôвъ зъѣсте:
Я пôду на войну, а вы зôстанете.

23.

На высокôй горѣ шугай ся згамовавъ,
Жебы было не дѣвча, тамъ бы бывъ ночовавъ.
«Поможъ же ми, дѣвча, съ той горы спустити:
За роченько, за два, буду тя любити».

24.

«Овчаче говчаре, де 'сте овцы пасли?
Стратила 'мъ перстенецъ, ци 'сте го не нашли?» —
«Ни мы го не нашли, лемъ мы го видѣли,
На широкôй луцѣ милому на руцѣ.

25.

Сашина, сашина, зелена сашина:
Дай ми, Пане Боже, доброй матки сына!
Жебы мя не біявъ, паленку не піявъ,
До корчмы не ходивъ, дѣвчата не зводивъ.

26.

Зелене, зелене, коло зеленёго,
Танцуе милейкій, а я коло ёго.

27.

Зелене 'мъ посѣявъ, зелене ми зôйшло:
Якъ е'мъ дѣвча кохавъ, такъ и за мя пôшло.

28.

Зôйди на горбочокъ, запискай въ листочокъ:
Спôзнавай, милейкій, чій то голосочокъ!

29.

Пôслала ей матка въ долину по глину,
А она вынесла на рукахъ дѣтину:
«На жь тобѣ, мамайко, за твою науку:
Колысала 'сь мене, колишь же и внуку!»

30.

По высокôй горѣ снѣжокъ ся бѣлѣе:
Богата дѣвочка зъ худобныхъ ся смѣе;
Богата дѣвочка злотый вѣнецъ носитъ,
Худобна дѣвочка въ Бога щастя проситъ.

21.

Квѣтокъ дѣвча, квѣтокъ, покля не ма'шь дѣтокъ,
Якъ б'ешь мати дѣтки, спадутъ съ тебе квѣтки.

22.

Фраѐрочко моя, такъ една, якъ друга:
Теперь ми повѣджьте, котра самодруга?
А якъ не повѣсте, то сто чортôвъ зъѣсте:
Я пôду на войну, а вы зôстанете.

23.

На высокôй горѣ шугай ся згамовавъ,
Жебы было не дѣвча, тамъ бы бывъ ночовавъ.
«Поможъ же ми, дѣвча, съ той горы спустити:
За роченько, за два, буду тя любити».

24.

«Овчаче говчаре, де 'сте овцы пасли?
Стратила 'мъ перстенецъ, ци 'сте го не нашли?» —
«Ни мы го не нашли, лемъ мы го видѣли,
На широкôй луцѣ милому на руцѣ.

25.

Сашина, сашина, зелена сашина:
Дай ми, Пане Боже, доброй матки сына!
Жебы мя не біявъ, паленку не піявъ,
До корчмы не ходивъ, дѣвчата не зводивъ.

26.

Зелене, зелене, коло зеленёго,
Танцуе милейкій, а я коло ёго.

27.

Зелене 'мъ посѣявъ, зелене ми зôйшло:
Якъ е'мъ дѣвча кохавъ, такъ и за мя пôшло.

28.

Зôйди на горбочокъ, запискай въ листочокъ:
Спôзнавай, милейкій, чій то голосочокъ!

29.

Пôслала ей матка въ долину по глину,
А она вынесла на рукахъ дѣтину:
«На жь тобѣ, мамайко, за твою науку:
Колысала 'сь мене, колишь же и внуку!»

30.

По высокôй горѣ снѣжокъ ся бѣлѣе:
Богата дѣвочка зъ худобныхъ ся смѣе;
Богата дѣвочка злотый вѣнецъ носитъ,
Худобна дѣвочка въ Бога щастя проситъ.

31.

Знати, Боже, знати, кто кого любуе:
Иде горѣ, доловъ, все ся присмотруе.
Знати, Боже, знати, кто кого не хоче:
Иде горѣ, доловъ, на него муркоче.

32.

Серце мое, серце, съ камêня твердого,
Чомъ ся не поприска'шь зъ жалю великого?

33.

Плачьте, очка, плачьте, слезойки враняйте!
Кого 'сте любили, ужь го понехайте!

34.

Шкода, Боже, шкода, лѣса зеленого,
Же въ нêмъ не чувати пташка веселого!
Ни вôнъ не заспѣв'атъ, ни вôнъ не записка'тъ,
Ославецкы хлопцѣ якъ совиска ходятъ.

35.

Не ма въ ставѣ воды, выпили еи жабы:
Южъ мя оббрехали Ославецки бабы.

36.

Очка мои сивы, то ми бѣда зъ вами:
Не хочете спати едну нôчку самы!
Очка мои сивы, то 'сте звисливы:
Кого увидите, того полюбите!

37.

Проквѣтай, проквѣтай, калиночка дробна:
Зôставай здорова, милейка надобна!

38.

Ей, Боже жь мôй, Боже, то есь ми боговавъ,
Що есь ми пôдъ бочкомъ милого выховавъ!
Милого пôдъ бочкомъ, при сторонѣ мужа,
Що ему процвѣта'тъ зъ его личка ружа.

39

Любуй же мя, любуй, або ми дай покой!
Не позирай по мѣ, якъ сивейкій соколъ!

40.

«Зазулейко сива, де будешь кукала,
Коли 'сь си на бучку вершечокъ зорвала?» —
«Буду я кукати на зеленôй соснѣ,
Доки ми на бучку вершечокъ выросне.»

41.

Любме мы ся, любме, якъ ластôвка въ стрѣсѣ,
Бо ся розлетиме, якъ та пташка въ лѣсѣ.

42.

На высокôй горѣ травка ся колыше,
Стародавный милый листы до мя пише.
Я му одписала на буковôмъ листу,
Жебы си поглядавъ милейкую иншу.

43.

А гуле, гуле, гуси на воду!
Не каламутьте милейкôй воду!
Ой бо милейка хустойку пере,
Єй ся милый въ дорогу бере.

44.

Пôшовъ бы 'мъ до Ганцѣ залицятися,
Та не мавъ палички пôдператися.

45.

Ой шила сорочку, покоротила,
Вергла очима на побратима.
Побратимъ свиснувъ, за ручку стиснувъ:
«Ей гоя, гоя, миленька моя!»

46.

Ой гуси, гуси, гусойки на ставъ!
«Добрый день, дѣвчино, ище є'мъ не спавъ.!» —
«Ой кедь єсъ не спавъ, не будешъ спати,
Година мине, буде свитати.»

47.

А я мовила, же косу клепле, —
Вôнъ черезъ гору до иншои трепле.
А я мовила, же сѣчку рѣже, —
Вôнъ черезъ гору до иншои лѣзе.

48.

«Василю небоже, де твоя жена?» —
«На пецу, на пецу, пере прядене.» —
«На потôкъ, на потôкъ, бабо лѣнива!»—
«Не пôду, не пôду, бо на мя зима».

49.

Кобы мѝ не горы, не тота долина,
Дала бы 'мъ поздравѝцъ свого побратима.
Поздравте, поздравте, але знайте кого, —
Янêчка жовтовласъ, фраêра моëго!»

50.

Янêчку жовтовласъ, не ходи ты до насъ!
Бо ты въ нашêмъ домѣ фраêрочки не ма'шъ;
А ни фраêрочки, а ни покрыточки,
А ни на недѣлю бѣлои сорочки.

51.

Ци я не паробокъ, ци я си не врода?
Робицъ мѝ ся не хце, на войну мя шкода!

52.

«Паробцы, паробцы, велька ганьба на васъ:
Повязали дѣвча, повѣда'тъ, же про васъ». —
«Няй оно повѣда'тъ, мы ся не боиме,
Мы шумны паробцы, за то застоиме».

53.

Точитъ ми ся, точитъ, вѣнокъ по обочи:
Чей мй ся приточитъ мôй милый той ночи!

54.

Очи мои, очи, не спали той ночи,
До рана бѣлого ждали миленького!

55.

Фраêръ мôй, милый мôй, де 'сь вчера вечеръ бывъ?» —
«Фраêрочко моя, до иншои 'мъ ходивъ.» —
«Фраêръ мôй, милый мôй, що жъ тамъ повѣдали?» —
«Фраêрочко моя, о тобѣ гадали.»

56.

Дай мя, мамцю, дай мя, кедь мя люде просятъ,
Най мя стари бабы языкомъ не носятъ!
Дай мя, мамцю, дай мя, кедь мя люде знаутъ,
Най ми стари бабы рочки не читаутъ!
Бо ми бабы тôвко рочкôвъ начитали,
Щобы мы обѣдвѣ на листъ не списали.

57.

Пониже Ветлина сами ростопасти:
Дай же менѣ, Боже, зъ милымъ волы пасти!
Буду забѣгати то зъ горы, то зъ долы,
Буду завертати миленького волы.

58.

Гоя же ми, гоя, штыри волки, гоя,
Що ми поганяло дѣвчатко зъ Угеля!
Такъ ми поганяло, такъ ми навертало,
Що на конецъ выйшло, все мя побочкало.

59.

Сутъ коні́ на ланѣ, кто ми пôде по нй?
Самому ся не хце, милой не мамъ еще.

60.

«Ци есъ ся милючькій, ци есъ ся загнѣвавъ,
Жесъ мя вчера въ вечеръ танцовати не взявъ?» —
«Ни е'мъ загнѣвавъ, ни 'мъ ся на тя завзявъ,
Танцовати 'съ не умѣла, та 'мъ тя про то не взявъ.»

61.

Ластовечка лѣта'ть, повѣда, же свѣта'ть:
«Пусть мя, Янчйкъ, домôвъ, бо я буду бита;
Бо я буду бита одъ свого татичка,
Же 'мъ му не напасла сивого конйчка.

62.

Широкій ярочокъ, быстрая водйчка:
«Напôй ми, миленька, сивого конйчка!» —
«Якъ я го напою, кедь я ся го бою,
Коничокъ неукій, вырве ми ся зъ руки.»

63.

Ходила 'мъ по полю, зберала 'мъ тополю:
Катъ ми по тополи, нехъ мя главка боли!
Ходила 'мъ по ярку, зберала 'мъ фіялку,
Катъ ми по фіялце, ведь мя милый не хце.

64.

Ой гой же, гой же, старый небоже!
Змѣй коло тебе лежати може.
Я коло тебе, якъ ягодойка,
Ты коло мене, якъ колодойка.
Я коло тебе, кобы калина,
Ты коло мене, якъ ордѣвъ вина.

65.

«Мужу мôй, мужу, невѣрничейку!
Чо ми не вѣришъ мо'му сердейку?» —
«Не вѣрю я ти, бо не е кому,
Втоптана стежейка до мо'го дому.» —
«Ты, мужу, иншимъ чепцѣ купуешъ,
Ей а на мене кіи готуешъ.
Ой кій, кіи дубовейкіи,
На мои плечи нездоровейкіи!»

66.

Мала я милого зъ чорнима очима,
Не подобавъ ми ся, та 'мъ го намочила:
Мокне милый, мокне, три дни и три ночи,
А я до милого — вымокли му очи.

67.

Не ходи, миленькій, до мя о пôвночи,
Бо собѣ выберешъ о сливину очи!
Чомъ 'съ втоды не прійшовъ, якъ мѣсячокъ зôйшовъ?
Дось бы 'сь ся налюбивъ и до дому пôшовъ.
А ты въ тотчасъ прійшовъ, якъ зôрничка зôйшла,
Коли ма стара мать на водицю ишла.

68.

Не плачь, Марысь, не плачь, не буде ти крывды,
Твои чорни вôчка не высхнутъ ти нигды.

69.

Кедъ ти буде гораздъ, то привыкнешъ доразъ;
Якъ ти буде кривда, не привыкнешъ нигда.

70.

Якъ же я си зайду горече плакати,
Ажъ ми будутъ слезы на чижмы падати!
Та якъ же я не мавъ горече плакаты,
Коль мя ся одрѣка'гъ и отецъ и мати?

71.

Засвѣти, мѣсячку, пополу зъ звѣздами,
Тому миленькому, що ѣде рôвнями!
Ой ѣде вôнъ, ѣде, на пищавцѣ писка'тъ.
Мене молоденьку за рученьку стиска'тъ.

72.

Запискай, задуркай, мôй бѣлый Иване,
Та мое личенько къ твоему пристане!

73.

Запискай, задуркай, мôй милый югасе,
Ней намъ ся стадонько по полю роспасе!
Пискай, югасъ, пискай, я буду спѣвати,
Буде намъ ся голосъ на рôвни схаджати!

74.

Дунаю, Дунаю, ты тихонько плынешъ:
Молодости моя, ты мй марнê гинешъ!
Молодости моя, ты моя подоба!
Гинешъ ты мй, гинешъ, якъ въ Дунаю вода!

75.

Веселости моя, де 'съ мй ся подѣла?
По широкôй рôвни есъ ся розлетѣла!
Стану же я, стану, въ недѣленьку рано,
Та я си позбêрамъ веселости мало.
Завкпу я ей ключомъ, завкну я ей дома,
Ней моя веселôсть перебыва'ть дома!

76.

Лѣтала павонька по высокôй горѣ,
Вранялa пêрêчка по шовковôй травѣ.
Не жаль мй павоньки, а ни пêря еи,
Лемъ ми жаль мамоньки, же 'мъ не бйля неи!

77.

Побила мя бѣда черезъ людскй дѣла:
Що люде дѣлали, на мене складали.
Побій, Боже, побій, кого м'ешъ побити,
Лемъ того не побій, кого мавъ любити!

78.

Займу штыри волы въ глубоку долину,
Вони ся напасутъ, я си вôдпочину.
Волы мои, волы, не еднои масти:
Я ся не выспала, вы ся не напасли!

79.

Тоды мй ся, тоды, дѣвча сподобало,
Коли на ярочку зимну воду брало.

80.

«Повѣжь мй, дѣвчатко, де пôдешъ на траву,
А я тобѣ повѣмъ, де я волы займу?» —
«Я пôду на траву до вышнёго саду.» —
«А я волы займу на нижнiю заграду.»

81.

«Не плачь, дѣвча, не плачь, не выплакуй очи!
Принесу ти перстênь съ самой Левочи.» —
«Хоцъ бы ты мй принêсъ зъ самого Токаю,
Ужъ я тя не хочу, надобный шугаю!»

Я робôтна, барзо ма'тна,
Я мавъ повный сусѣкъ платна,
А и клоча барзо много,
Половина леняного.

91.

Червена ружа калинка:
Зохабила мене миленька,
Зохабила мене у полю,
Ой про Ганичку, про мою!

92.

Червена ружа, бѣлый квѣтъ:
«Ой пусть мя, мамцю, за Бескидъ!
Не довго я тамъ побуду,
Покъ о миленькôмъ забуду.»

93.

Червена ружа ядлôвця:
«Не дай мя, мамо, за вдôвця!
Бо удовецъ буде вымавлявъ,
Же першу жёнку лѣпшу мавъ;
А дѣти будутъ плакати:
«Бодай мачехи не знати!»

94.

Заградила заградочку,
Посѣяла шалаточку,
На шалатѣ дрôбне зерно:
«Не ходь, Янчикъ, до насъ дармо!»
А ни до насъ, Янчикъ, не ходь,
А ни дармо блато не бродь!
Бо то блато по колена,
Не буду я твоя жена.

95.

«Ганцю, Ганцю, Ганцю біла,
За що тебе мати била?» —
«За то мене мати била,
Жебы 'мъ хлопці̂ не любила,
А я буду того пана,
Що е'мъ была рочокъ сама.»

96.

Якъ я пôйду въ иншу страну,
Буде плакацъ дѣвча за мнювъ,
Буде плакацъ и бановацъ,
Же не знала, якъ шановацъ.

97.

Кобы 'съ менѣ не кумочка,
Была бы 'съ мі̂ фраѐрочка,
Лемъ ми тото кабатуе,
Що мі̂ мовишъ: «Пане куме!»

98.

Мамцю моя, купте коня,
Няй не сѣджу дармо дома!
Нехай ѣду до Шариша,
Глядати си товариша.

99.

«Мамцю, мамцю, що робите,
Же мя ужь разъ не жените!» —
«Чекай, сыну, до осени,
Налюбишъ ся младой жены!
Якъ ти прійде до любости,
Наѣстъ ти ся бѣда кости.»

100.

Зумру, зумру въ чуджôмъ краю:
Кто ми буде брати яму?
Сроки, вроны крамкацъ будуть,
А дѣвчатка плакацъ будуть.

101.

Добрê е'мъ зробивъ, же 'мъ ся оженивъ:
Жена пôде до роботы, я ся положивъ;
Жена пôде до роботы напередъ мене,
А я собѣ полежу въ бѣлôй постелѣ;
Жена пôде до роботы й съ кухарочковъ,
А я си полежу пôдъ периночковъ.

102.

Ой Боже мôй, Боже, не хоче ся робити,
Ужь менѣ прійде на смѣхъ голôй ходити!
Зароди, Боже, широкое лопушя,
А я вшію кошулю и фартушя;
Сонце пригрѣе, кошулейка зôпрѣе,
Вѣтрецъ подуе, фартушину змяздуе!

103.

Стоитъ явôръ надъ водою,
Повѣдае свою долю:
«Доле моя нещасная!
Моя жёнка некрасная!
Людскй жёнки — якъ ластôвки,
Моя жёнка — якъ Жидôвка!»

104.

Я такого мужа маю,
Буде бити, добре знаю,
Буде бити, молотити,
За волосья волочити.
«Якъ мя будешъ, мужу, бити,
То ся верну назадъ пити»

105.

Ганю моя, Ганю,
Я тебе не ганю,
Ганятъ ми тя люде,
Же съ тя ничъ не буде.
Ней ми тя приганятъ,
Ужь ми тя не зганятъ.

106.

Якъ ёмъ ишовъ зъ винобраня,
Спавъ ми калапъ до Дуная:
Дай ми, Боже, калапъ достацъ,
Заречуся милу кохацъ!
Моя мила безумниця:
Згорѣла ей фарбаниця,
Не зôстало, лемъ двѣ полы,
Купила си чтыри волы.

107.

Вылетѣла ластôвонька зо скаля,
Обудила мою милу зо спаня;
Не была то ластôвонька, лемъ то птакъ,
Не была то моя мила, лемъ то такъ.

108.

Обôзрися, сивый коню, на себе!
Якій сѣда'тъ шумный Янчикъ на тебе!
Обôзрися, сивый коню, еще разъ,
Якій сѣда'тъ шумный Янчикъ жовтовласъ

109.

Ой лѣтавъ пташокъ по надъ ставъ,
Хопивъ рыбочокъ, не дôставъ,
Умочивъ крылця до леду:
Милыша миленька вôдъ меду.

Г. *Царинныя пѣсни.*

1.

Сборомъ идеме, полонъ несеме:
Выходжай, соборе, съ села на поле,
А съ поляночки на царинойки,
А вы, дѣвойки, війте вѣнойки!
Ей вили, вили, Бога просили,
А чей бы намъ квѣтли всѣ Божи вѣны,
Всѣ Божи вѣны, наши царины;
А чей бы квѣтли горы, долины,
Горы долины та й полонины;
Наша царинойка пречь поорана,
Срêбломъ, золотомъ пречь засѣяна,
Стрѣцовымъ пêркомъ заволочена.

2.

Гей на великдень, на славный день,
Садило дѣвча зелене вино,
Садило, садило, Богу ся молило:
«Спусти, Божейку, чорну хмаройку,
Чорну хмаройку, дрôбного дожджу,
Чей бы ся пріяло зелене вино!
Ей, вино жъ мое зеленейкое!
Прійшовъ до неи татцейко ей:

«Дай ми, дѣвойко, хоть галузь вина,
Або дармо дай, або ми продай!» —
«Ни дармо не дамъ, а ни не продамъ,
Бо мое вино барзъ дорогое,
Барзъ дорогое, непочатое.» —
Гей на великдень, на славный день,
Садило дѣвча зелене вино,
Садило, садило, Богу ся молило:
«Спусти, Божейку, чорну хмаройку,
Чорну хмаройку, дрôбного дождджу,
Чей бы ся пріяло зелене вино!
Ей, вино жь мое зеленейкое!» —
Прійшла до неи мамцейка ей:
«Дай ми, дѣвойко, хоть галузь вина,
Або дармо дай, або ми продай.» —
«Ни дармо не дамъ, а ни не продамъ,
Бо мое вино барзъ дорогое,
Барзъ дорогое, непочатое.» —
Гей на великдень, на славный день,
Садило дѣвча зелене вино,
Садило, садило, Богу ся молило:
«Спусти, Божейку, чорну хмаройку,
Чорну хмаройку, дрôбного дождджу,
Чей бы ся пріяло зелене вино!
Ей, вино жь мое зеленейкое!» —
Прійшовъ до неи милейкій ей:
«Дай ми, милейка, хоть галузь вина,
Або дармо дай, або ми продай.» —
«Тобѣ не продамъ, лемъ ти дармо дамъ.»

3.

Ой Римъ-Собота, гора высока,
А на тôй горѣ церковця стоитъ,
А въ тôй церковцѣ золотый престôлъ,
За тимъ престоломъ самъ милый Господь.

Самъ милый Госпôдь книжейку читавъ,
Книжейку читавъ, постойку глядавъ.
Ей а якого?.. та Петрового;
«Кто жь ми го споститъ та й по щирости,
А буде тому рай отвореный,
Рай отвореный, пекло замкнено.»

4.

Вiйте, дѣвойки,
Божи вѣнойки,
Зъ Божи кровцѝ
На коруговцѣ!

Ей скаржилося свѣтле сонейко,
Свѣтле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свѣтъ освѣчати;
Бо зли газдове понаставали:
Въ недѣлю рано дрова рубали,
А мй до личка трѣски прьскали!» —
«Свѣти, сонейку, якъ єсъ свѣтило:
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтôмъ свѣтѣ, на страшнôмъ судѣ.» —

Вiйте, дѣвойки,
Божи вѣнойки,
Зъ Божои кровцѝ
На коруговцѣ!

Ей скаржилося свѣтле сонейко,
Свѣтле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свѣтъ освѣчати:
Бо зли газдинѝ понаставали:
Въ пятойку рано хусты зваряли,
А мй на лице золу выливали.» —
«Свѣти, сонейку, якъ єсъ свѣтило:
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтôмъ свѣтѣ, на страшнôмъ судѣ.» —

Війте, дѣвовки,
Божй вѣнойки,
Зъ Божои кровцй
На коруговцѣ!
Ей скаржилося свѣтле сонейко,
Свѣтле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свѣтъ освѣчати;
Бо зли дѣвойки понаставали:
Въ недѣлю рано косы чесали,
А ми до личка волося метали.» —
«Свѣти, сонейку, якъ єсь свѣтило:
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтôмъ свѣтѣ, на страшнôмъ судѣ.»

5.

Красна дѣвойка коруну шила,
Пôдъ коругою, пôдъ червеною;
Ей шила, шила, Богу ся молила,
Богу ся молила, гôрко плакала:
«Чого жь ты млачешь, красна дѣвойко?» —
«Якъ же я не мавъ гôрко плакати:
Кой ми татцейко, ажь на днѣ въ пеклѣ.» —
Ище дѣвойка коруну не вшила,
Коруну не вшила, ужь ся тѣшила,
Же єй татцейко по раю ходить:
«Не жаль ми, Боже, дѣвойку мати,
Дѣвойку мати, тай годувати.»

6.

(Идучи подъ гору).

Ей горе, горе! самъ тя Бôгъ оре,
Божа матѣнка насѣня носить,
Насѣня носитъ и Бога проситъ:
«Зродь, Божейку, насѣня трое,

Насѣня трое, не еднакое:
Перше насѣня — яра пшеничка,
Друге насѣня — зелено вино,
Трете насѣня — пахнячій ладанъ.
Яра пшеничка на проскуройки,
А на якіи, на всенощніи;
Зелене вино до Службы Божой,
На причащаня, душь очищаня,
Пахнячій ладанъ до кадилнички.

7.

(Идучи возлѣ лѣса.)

Ей въ лѣсѣ, въ лѣсѣ, на полянойцѣ,
Тамъ Турчанине дѣвойку судятъ,
Судятъ еи, судять, ажь ей загубять:
«Злый Турчанине, не губи мене!
Выйде татцейко, выкупъ вынесе,
Выкупъ вынесе, выкупитъ мене.»—
Татцейко выйшовъ, выкупу не е.
        Ей въ лѣсѣ, въ лѣсѣ, на полянойцѣ,
Тамъ Турчанине дѣвойку судятъ,
Судятъ ей, судятъ, ажь ей загубять:
«Злый Турчанине, не губи мене!
Выйде мамцейка, выкупъ винесе.» —
Мамцейка выйшла, выкупу не е. —
        Ей въ лѣсѣ, въ лѣсѣ, на полянойцѣ,
Тамъ Турчанине дѣвойку судятъ,
Дѣвойку судятъ, ажь ей загубятъ.
«Злый Турчанине, не губи мене!
Выйде милейкій, выкупъ вынесе,
Выкупъ вынесе, выкупитъ мене.»
Выйшовъ милейкій, выкупивъ мене.
Лѣпшій милейкій, якъ братъ рôднейкій!»

8.

(Возвращаясь назадъ.)

Сборомъ идеме, полонъ несеме!
Мольме ся Богу и всѣ посполу,
Жебы насъ тучй не заходили,
Злыи вѣтрове не пановали;
Оборонь, Боже, горы, долины,
Горы, долины, нашй царины!
Прійми, Божейку, трудъ, дорожейку,
Же ме обôйшли горы, долины,
Горы, долины, наши царины!

9.

(Идучи къ церкви.)

Ей а въ Калницы, на монастыри,
Зорейки зорятъ, свѣчейки горятъ,
Дзвонойки дзвонятъ, службойки стоятъ.
Дзвони, дзвонойку, противъ сборойку,
Бо мы идеме съ сборомъ въ дорогу,
Бо мы спѣваме вшитки спѣванки,
Жебы насъ тучи не заходили,
Жебы пролои не заливали.
Заваруй, Боже, горы й долины,
Горы й долины, нашй царины!

10.

Кады идеме, Бога слѣдиме,
Бога слѣдиме, Бога просиме:
«Зароди, Боже, горы й долины,
Горы й долины, нашй царины!
Наша царина пречь поорана,
Срêбломъ, золотомъ пречь засѣяна,
Стрѣцовымъ пêркомъ заволочена.

Русскіе горцы (Хуцулы) Коломыйскаго уѣзда села Доры въ восточной Галичинѣ.

IV.

ПѢСЬНИ ПЛЯСОВЫЯ.

1. КОЛОМІЙКИ.

1.

«А зъ вôдки жь ты, пане брате? Чи не съ Коломыи?
Чи 'сь не видѣвъ, чи 'сь не бачивъ, дѣвчины Маріи?» —
«Ой не бачивъ и не чувавъ, не буду казати,
Не буду тѣ, пане брате, туги завдавати.»

2.

Коломыя — не помыя, Коломыя — мѣсто,
Въ Коломыи дѣвчатонька, якъ пшеничне тѣсто.

3.

Коломыецъ — чорнобривецъ, тай Коломыёчка:
Яка була красна неня, а ще краще дочка.

4.

Коломыецъ — чорнобривець, не боится Бога,
Шо лишае чорнобривку на селѣ, то дома.

5.

Коломыйку запаливши, Коломыйка горитъ,
За красною дѣвчиною ажь ми серце болитъ.

6.

Ой славная Коломыя та й межи горами,
Ой славнѣйша дѣвчинонька съ чорными бровами.

7.

Коломыя — не помыя, Печенѣжинъ — мѣсто:
Котра дѣвка не роблена, мяхконька якъ тѣсто.

8.

«Ба, що же ты, дѣвчинонько, гадала, гадала,
Та якъ тота Коломыйка палала, палала?» —
«Я гадала, мôй миленькій, гасити, гасити,
Та не могла я що наити, щобъ воду носити.»

9.

«А звôдки ты, пане брате? Чи не зъ Городенки?
Чи 'сь не видѣвъ, чи 'сь не чувавъ, дѣвчины Оленки?» —
«Ой я видѣвъ, ой я чувавъ, дѣвчину Оленку,
Ой ходила съ Козаками поза Городенку.»

10.

Ой пôду я до Вербêжа, або до Мишина,
Ой чей же мьня тамъ полюбитъ хороша дѣвчина?
Ой бувъ же я у Мишинѣ, не пивъ е'мъ горѣвки,
Не видѣвъ я у Мишинѣ хорошои дѣвки.
А прійшовъ я до Испаса, напивемъ ся пива,
Та чи мала, чи велика, то все чорнобрива.

11.

Ой заспѣвай, сивый пташку, на зеленôмъ вершку,
Ой не буду у сêй землѣ, пôду на Угерску.

12.

Ой Гуцуле, Гуцуленьку, Гуцуле небоже!
А ни̂ орешь, а ни̂ сѣеть, пожаль тя ся, Боже!

13.

Гуцулія—кукурія, не хоче робити,
Але иде въ Коломыю мелай дорожити.

14.

Якъ Гуцула не любити? У Гуцула вôвци̂,
А въ Гуцула поза поясъ сами̂ сорокôвци̂.

15.

Ей Гуцулъ ся лехко вбуе, легко му ходити;
Любко жь моя солоденька, лишь бы тя любити!

16.

Ой ѣхала Гуцулоньна зъ верху съ полонины,
Загубила терхивочку съ сивои кобылы.
Та не жаль ми терхивочки, же ся загубила,
Лише ми жаль Гуцулочки, же ся зажурила.

17.

Ой ходѣмо, пане брате, въ Гуцулы, въ Гуцулы,
Щобы за насъ бѣлявочки нѝ знали, нѝ чули!
Якъ учують бѣлявочки, що мы на Муньтавѣ,
А мы собѣ, пане брате, поступимо далѣ.

18.

Ой Гуцулъ ся лехко убувъ по еднôй онучи,
Сеи ночи о пôвночи до бѣлявки йдучи.

19.

Ой Гуцуле, Гуцуленьку, поганая вѣра:
Твоя жѣнка у середу солонину ѣла.

20.

«Ой Гуцулы, Гуцуленьки, де 'сте Бойка дѣли?
Ци вы его испекли 'сте, ци сирого зъѣли?» —
Нѝ мы его испекли 'сме, нѝ сирого зъѣли,
Лише ишовъ черезъ гору, та го вовки зъѣли.»

21.

Не стôй, дубе, край дороги, лихо тобѣ буде:
Гилье маешь зелененьке, обрубають люде!

22.

Ой яворе зелененькій, маю на тя гадку:
Гадаю тя порубати миленькôй на хатку;
Гадаю тя порубати, гилье потесати,
Щобы своей миленькôи хатку збудовати.

23.

«Ой лѣщино, лѣщинонько, чому 'сь не зродила?» —
«Зимка була студененька, та мья зморозила.»

24.

Зашумѣли воды, броды, зелененьки гаи:
Вылетѣла зазуленька у далекѝ краи;
Перестаньте воды, броды на тотъ часъ шумѣти,
Та якъ буде зазуленька до дому летѣти.

25.

Ой не летай, зазуленько, въ ночи по убочи,
Абы 'сь собѣ не выбрала на калинку очи!
Ой бо тото, зазуленько, пригода бувае,
Та що собѣ зазулечка очи выберае.

26.

Горы мои высокіи, мушу васъ лишити:
Волѣвъ бы 'мъ бувъ у васъ гнити, якъ въ чужинѣ жити!

27.

Уже сонце на западѣ, уже ся спущає,
Мѣсяченько на востоцѣ єму ся всмѣхає.

28.

Ой скрипочки изъ липочки, а струны зъ барвêнку,
Якъ заграю, заспѣваю, чути на зарѣнку.

29.

Любы̂ мои спѣваночки, де я васъ подѣю?
Хиба я васъ, спѣваночки, горами посѣю!

30.

Пôслала мья моя мати горѣшочки рвати
Высокая лѣщинонька, не можь досягати:

31.

Пôду же я въ полонинку по зелене сѣно:
Въ полонинѣ при долинѣ тамъ соненько сѣло;
Ще менѣ ся, посестрице, таке не здавало,
Абы менѣ въ полонинѣ сонце спочивало.

32.

Сухій дубе, сухій дубе, нічо съ тя не буде,
Ой а зъ мене, березочки, колясочка буде,
Колясочка малёвана, коникъ вороненькій,
Ой якъ сяде, та й поѣде, Козакъ молоденькій.

33.

«Ба, чому вы, ледѣники, ба й не спѣваете?
Де вы свои спѣваночки позадѣваете?» —
«Ой знаю я, товаришу, де я ихъ задѣю:
Занесу ихъ въ Чорногоры, та тамъ ихъ посѣю;
Та будете, спѣваночки, по горахъ спѣвати,
А я, ледѣнь молоденькій, по свѣтѣ блукати!

34.

Не тяжко ся оженити та й на бѣду прійти,
Богато бы пошукати, щобы чемну найти.

35.

Коломыєць — чорнобривець въ гору ся бичуе,
Коломыйка — чорнобривка зъ другими ночуе.

36.

Ой косити, молотити головочка болитъ,
А зъ дѣвчиновъ постояти ажь серденько дрôжитъ.

37.

Чи я тобѣ не казала, чи не говорила:
Прійди, прійди, мôй миленькій, я рыбу варила!

38.

Ой выйду я на улицю, на улицѣ стану:
Єдна мила несе пирôгъ, а друга сметану;
Подивьюся у сметану, а сметана рѣдка:
Неси собѣ, моя мила, сметану до дѣдька!

39.

Ой пôду я до покою, тупу тугъ ногою:
Усѣ мене паны любятъ и молодôсть мою.

40.

Чи я тобѣ не казала: «Не бери ты мене!
Бо я роду великого, не навчишь ты мене;
Бо я роду великого, та й ты не малого,
То жъ ты, любку, женихливый, и я не вôдъ того.»

41.

Ой зродила верба груши, а калина — ябка:
Та не знае отецъ, мати, яка въ мене гадка;
Ой у мене така гадка, шобы 'мъ ся вôддала,
Шобы 'мъ своей головонцѣ приворотокъ дала.

42.

Ой упьюся, повалюся и такъ не ялося;
Видитъ ми ся, моя любко, що посваримося.

43.

Ой згорѣла стырта сѣна на бѣлымъ пѣсочку:
Тата нема, мами нема, бѣдна головочко!

44.

Коли мы ся не побрали, то покумаймося,
А мы двое, серце мое, не почужаймося!

45.

«А де жь ты ся такъ забавивъ, малый, невеличкій?» —
«На майданѣ, мостя паній, коло молодички.»

46.

Ишовъ же я горѣ селомъ, всюды ся свѣтило,
Куды я мавъ повернуты, тамъ ся загасило.

47.

Шуми, луже, шуми дуже, дѣвчино, покайся!
Ой хоть я тя, любко, люблю, зводити не дайся!

48.

Ой на ставу, на ставочку, водиця лелѣе:
Ахъ ще жь моя дѣвчинонька робити не вмѣе!

49.

Ой все посты, та й все посты, чей будутъ мясниці:
Якъ не пôду въ осêнь замужь, то пôду въ черниці.

50.

На що менѣ женитися, на що менѣ жêнки,
Коли менѣ другѝ жêнки купуютъ горѣвки?
На що менѣ женитися, на що менѣ жêнки,
Ой якъ менѣ навтямится, иду до сусѣдки?

51.

Ой оттвори, мати, хату, най воды напьюся!
Чи хорошу доньку маешь, нехай подивьюся!
Оттворила мати хату, я воды напився:
Нехороша донька була, а я не дивився.

52.

Єденъ чобôтъ на пôдковѣ, а другій на корку:
А хто хоче бѣду знати, най си возьме дворку!
Тадже вона, любко, дворка, бо и въ дворѣ була,
Уже вона, пане брате, роботу забула.

53.

Очи мои за таляра, а бровы за лева:
Не пôду я до Испаса, бо я Василева.
Очи мои за таляра, а бровы за вêрта:
Любѣмося, не бôймося нѝ пана, нѝ вôйта!

54.

Ой не купуй коралики, лише купи перла:
А не ходи до другои, поки я не вмерла!
А якъ же я коли умру, а ты зажурися:
«Кобы тѣло поховали, то бы 'мъ оженився.»

55.

Ой качочка качуриста по болотѣ скаче:
Возьми собѣ вбоге дѣвча, най богацьке плаче!
У богацькôй дѣвчиноньки нѝ стану, нѝ силы,
Богацькую дѣвчиноньку вборы прикрасили;
Ой убоге та худоге и до того гôдне,
А богацьке та ледащо, дѣдькови потрêбне.

56.

Ой я гинтяй молоденькій, по гинтяйски ходжу:
А на чужй дѣти роблю, а самъ голый броджу.

57.

Ой ковала зазуленька, ковала, ковала:
Питалася лиха доля, де я ночовала?
«Хиба бы я дурна була, розуму не мала,
Щобы я ти исказала, де я ночовала!»

58.

«Ой ты покинь молотити, я покину терти,
Та 'пôдемо до стодолы ворота заперти.»—
«А якъ же ихъ заперати коли панъ не каже?
А якъ же тя не любити, коли 'сь красный, враже!»

59.

Куда иду, туда иду, корчмы не минаю:
«Дай, шенкарко, горѣлочки, хоть грошей не маю!
Дай же менѣ горѣлочки, ты Жидику, Жиде.
Нехъ ся напью до милои, закимъ жêнка прійде!»

60.

Не стôй, дѣвко, коло танця, та съ танця не смѣйся:
Возьми собѣ фартухъ въ руки, тай до дому хвêйся!

61.

Ой якъ я ся та й оженю, то чоловѣкъ буду:
Кожду корчму не мину жь я, якъ до церкви пôду.
Хоть пôду я та до церкви, стану собѣ въ кутку:
Подивлюся разъ на попа, десять разъ на любку.

62.

«Ой Господи милосердный, за що мья караешь?» —
«Ой «Отче нашь» не говоришь, якъ спати лягаешь.»

63.

Не тяжко ся оженити, прійти на бѣдочку:
Озьми бѣса молодого, не вшіє сорочку.

64.

Ой а нынѣ недѣленька, а завтра будный день:
Иде мила по при мене, не каже: «Добрый день!»

65.

Ой ковала зазуленька на банѣ, на банѣ:
Така любка солоденька, що ю любьятъ паны.

66.

Ой изъ тои полонинки студененкій вѣє:
Не пье любка горѣлоньки, в'дай вона змарнѣє!

67.

Ой косити, молотити, тото бѣда моя!
А зъ дѣвчиновъ постояти, тото душа моя!

68.

Напіймося, любко, нынѣ при зеленôмъ винѣ,
Бо вже за́втра не будемо, якъ ся розôйдемо.

69.

По надъ село Йвановецьке зацвѣли цвѣточки:
Ой помѣнивъ мôй миленькій купити ковточки;
Ой ковточки зелененьки̂, де жь вы куповани̂?
А що жь бо вы въ Коломыйске мѣсто завезени̂?
Куповани̂ ковтинята въ мѣстѣ на долинѣ,
Даровани̂ дѣвчинонцѣ у Ланчинськимъ млынѣ.

70.

Ой Михайле, Михайлочку, та й ты Григорочку!
Зачекай мья въ Коломыи, тамъ коло крамочку!
Не буду я жита жати, лише пшеничоньку:
Не буду я вдовы брати, лише дѣвчиноньку;
Бо у вдовы та два сыны будутъ мене бити,
А въ дѣвчины чорни̂ очи, будемъ ся любити.
Бо у вдовы та два сыны, оба неженати̂,
А въ дѣвчины бѣле личко, буду цѣловати.

71.

Кажутъ люде, що я впився, а я зажурився,
И мясниці вже минули, а я не женився.

72.

Ты не яво̂ръ, ты не яво̂рь, а я не билина,
Є у тебе отець, мати, а въ мене родина.

73.

Ой гаю жь мо̂й зелененькій, ой гаю жь, мо̂й гаю!
Ой взявъ я си него̂дницю, а теперь ся каю!

74.

А бо ты мья, коню, вези, або ты мья звержи,
То̂лько ты мья не завези до якои мерзы!

75.

Поставлю я кониченька на мостѣ, на мості,
А самъ по̂ду до дѣвчины, тамъ буду за гості:
«Добрый вечѐрь, дѣвчинонько, ци нема тамъ кого,
Жебы ты мья не зрадила, хлопця молодого?»

76.

Ой грай менѣ, музыченько, во̂дъ села до села,
Щобы моя головонька все була весела!

77.

Доля моя утонула, щастье вже не верне,
Жаль за серце истискае, ажь тѣло мйзерне!

78.

Нй я въ лѣтахъ, ни я въ дѣлахъ, нй я при роботѣ:
Тôлько моя головонька въ журбѣ и клопотѣ!

79.

Стративъ же я свôй вѣкъ марне, стративъ я надѣю:
Де жь я теперь, нещáсливый, въ свѣтѣ ся подѣю?

80.

Журилася маты мною, якъ рыба водою,
А теперка мья вôддала въ тяжкую недолю.

81.

Ой коли насъ, пане брате, три разомъ ходило:
Єденъ Иванъ, другій Степанъ, а третій Гаврило;
Иванъ любивъ напитися, Степанъ погуляти,
А Гаврило зъ дѣвчатами нôчку ночовати,

82.

Въ тамтôмъ боцѣ, на толоцѣ, кобыла ся пасла:
Выховала мене мати, жебы 'мъ була красна.

83.

Ой мѣсяцю, мѣсяценьку, мѣсяченьку, князю!
Скажи менѣ щиру правду, изъ кимъ я ся звяжу?

84.

Дала 'сь мене, моя мати, за високи̂ горы:
Будешь мене выглядати по пôдъ ясни̂ зоры.

85.

Не того йду до церковци̂, Богу ся молити,
Лишь того йду до церковци̂, на любку дивити.
Ой пôду я до церковци̂, стану пôдъ образы:
Подивьюся разъ на образъ, на любку три разы.

86.

Те̂че рѣчка невеличка, въ выринку впадае:
Гôрша любовъ вôдъ болести, хто ю добре знае.

87.

Ой вже жь я ся не дивую, чому Марця красна:
Коло неи вчора зрана впала зоря ясна;
Ой упала зоря зъ неба, та й россыпалася,
А Марця ю позберала, закосичилася.

88.

Ой кумъ пôшовъ долиною, а кума горою,
Ой кумъ зацвѣвъ калиною, а кума ружою.

89.

Ой ковала зазуленька, ковала, ковала,
Вôтъ святои недѣлоньки до святого Йвана.
Ой ковала зазуленька, теперь не чувати.
Де мья мамка не родила, мушу привыкати.

90.

Ой засвѣти, мѣсяченьку, засвѣти, засвѣти,
Та на тотй полонины, на хорошй цвѣты!

91.

Ой куда жъ я походила молоденьковъ дѣвковъ,
Устелена дороженька зеленымъ барвêнкомъ;
А куда я походила бѣдновъ молодицевъ,
Устелена дороженька бѣловъ метелицевъ.

92.

Шелевѣю перевѣю, руту перетычу,
Ще я тоту неправдочку вôдъ себе вôдкличу.

93.

Ой летѣла зазуленька, та сказала: «Гаю!»
Та вронила сиве пêрце на тихôмъ Дунаю.
Ой якъ тому сиву пêрцы на тихôмъ Дунаю,
Та такъ менѣ, молоденькôй, та й у чужêмъ краю!

94.

Кобы жь менѣ не калина, та не луговина,
Давно бы мья, молодого, земля примулила!

95.

Сумна гора безъ явора та безъ яворины:
Сумна моя головонька безъ меи дружины.

96.

Молодіи лѣта мои, якъ вода плынете!
Жалй жъ мои тяженькіи, коли жъ вы минете?

97.

А въ котрои молодыцй катицй на задѣ,
Тота менѣ молодиця на великôй зрадѣ;
А въ котрои молодицѣ китиць не видати,
Тота менѣ молодиця, якъ рôдная мати.

98.

Горѣлонько паленая, то 'сь перепалена:
Бѣда тота молодиця, що перехвалена!

99.

Зродила 'сь мья моя мати безъ щастя, безъ долй:
Жію, жію на чужинѣ гôрше, якъ въ неволѣ!
Лѣпше було мене, мати, нйкды не родити,
Або було мене, мати, въ купели втопити!

100.

Молодіи орленята, позычте ми крылятъ!
Нехай же я тамъ полену, де нйхто не быва'тъ!

101.

Пôшли козы по пôдъ лозы, а вôвцѣ ланками:
Не пій, не пій, кучерявый, горѣлки зъ дѣвками!

102.

Ой у горахъ снѣги впали, горы забѣлѣли:
Чого 'сь нашѣ дѣвчатонька теперь помарнѣли!

103.

Ой цу, коню, пôдо мною, бѣлй въ тя копыта!
Не едная бѣлявочка черезъ мене бита.

104.

Ой на горѣ на Самборѣ камêнь муку меле:
Пытается Козакъ дѣвки: «Чи пôдешь за мене? —
«Не пôду я за такого, зъ далекого краю,
Ни татуня, ни мамунѣ, родины не мае.

105.

Ходятъ козы по пôдъ лозы, вôвцѣ берегами:
Соромъ дѣвцѣ при горѣвцѣ, за ще съ парубками!

106.

Зазулечко, кукулечко, позычь-ко ми крылець,
Най полечу вôдвѣлати, де мôй чорнобривець!

107.

Ой дана же, моя дана, не пôду за Ивана,
Але пôду за Данила, щобы 'мъ не робила;
Бо въ Данила будутъ дѣти, та будутъ робити,
А мы ме'мо зъ Данилочкомъ горѣлочку пити.

108.

Горѣлочко оковита, медомъ перельята!
Черезъ тоту горѣлочку була 'мъ вчера бита;
Ой бита, каже, бита, та бита побитомъ,
Щобы я ся не дивила у очи жонатомъ!

109.

Ой пôду я до Ланчина, Ланчинъ на долинѣ,
А Ланчинска челядочка, якъ листъ на калинѣ.

110.

Ой седѣла зазулечка у лѣсѣ на краю:
А хто любитъ дѣвчатонько, то тотъ буде въ раю.
Ой седѣла зазулечка въ лѣсѣ на трепетѣ:
А хто любитъ молодицѣ, то тотъ буде въ пеклѣ.

111.

Вѣтеръ вѣе, шелевѣе, кучерами зноситъ,
А мôй милый чорнобрôвець на передѣ коситъ.

112.

По надъ гору высокую голубы лѣтаютъ:
Ще 'мъ гаразду не зазнала, та й лѣта минаютъ;
Ще 'мъ гаразду не зазнала, та й не буду знати,
Кохала я вѣрний хлопцѣй, та й буду кохати.

113.

Ой ковала зазулечка та на зарѣночку:
Дякую ти, парубочку, отъ за горѣлочку!

114.

Огирочки, пупиночки, тутъ ся розвивайте,
А вы, нашѣ молодчики, медокъ попивайте!

115.

Ой на горѣ стырта сѣна самого дрôбного:
Ой пристала дѣвчиночка до серденька мого!

116.

Хто высоко та лѣтае, тотъ ньзенько сяде,
Хто багато выберае, тотъ на лихо прійде.

117.

Доки була 'мъ у мамочки, цвела 'мъ, якъ калинка,
Якъ е'мъ пôшла вôдъ мамочки, зôсхламъ, якъ былинка.
Доки була 'мъ у мамочки, то цвела 'мъ, якъ ружа,
Якъ е'мъ пôшла вôдъ мамочки, то 'мъ бôльша недужа.

118.

Ой выйду я на улицю, на улицѣ хлопцѝ:
Соромъ менѣ, моя мамко, що въ калнôй сорочцѣ.
Ой пôду я до домоньку сорочечку брати,
Выйду жь бо я на улицю, — хлопцèвъ не видати!

119.

Ой на що ми, моя мамко, та гôршок муки,
Та щобы я допалася піякови въ руки!

120.

Бѣдна моя головочко, що я такъ зробила?
Усѣ дѣвки вѣнки маютъ, я свôй згубила!
Ой пôду жь я на улицю вѣночка шукати:
Куды пôшла, вже не найшла, пріишло загибати!

121.

Ой Василю, та Василю, та не седи въ былью,
Купи менѣ коралики на бѣленьку шèю!

122.

«Ой Иване, Иваночку, ци маешь сорочку?» —
«Ой маю я вышивану, висить на клиночку.
Ой не та ми ненька шила, що мья породила,
Лише тота файна дѣвка, що мья полюбила.»

123.

За вороты въ папороти сизый бычокъ рыче:
А выйди жь ты, дѣвчинонько, ледень тебе кличе!

124.

Ой ты, брате, братёёчку, не пій горѣлочку,
Але, брате братёёчку, озьми си дѣвочку:
Ой хорошу да й дѣвочку, хорошу дѣвчину,
Та запали сѣни, хату, ходѣмъ въ Волощину!
Ой у тоту Волощину, ба й въ Волощиночку,
Та щобы 'сме не робили тяжку панщиночку!

125.

Ой заграй ми, музыченько, та въ тоти лавуты!
Казали ми приходити, хиба ся вернути!

126.

Ой изъ горы на долину по воленьки зôйду:
Звари, любко, пироженьки, въ вечѣръ до тя прійду!

127.

Журилася мати мною, якъ рыба водою:
«Не пій, сыну, горѣлоньки, бо будешь бѣдою!» —
«Якъ же менѣ, моя мати, горѣлки не пити,
Якъ же менѣ, моя мати, дѣвчатъ не любити?»

128.

Ой летѣла зазулечка та черезъ дуброву,
Выдзёбала пшеничєньку, лишила полову.
Та що менѣ по половѣ, коли не ма зерна:
Та що менѣ по дѣвчинѣ, коли в'на мизерна?

129.

«Мамко моя старенькая, що днины зъ очима,
Прокляла 'сь ми щастье, долю, ще 'мъ була дѣвчина?» —
«Ба я тебе, моя доню, та не проклинала,
Лишь тôлько 'мъ тѣ исказала: «Доли бы 'сь не мала!»

130.

А у горахъ снѣги впали, горы побѣлѣли:
Бодай нашимъ вороженькамъ зубы заболѣли!

131.

Ой вороги, вороженьки, вступѣтся зъ дороги!
Бо 'сьте мене оббрехали вôдъ нôгъ до головы.

132.

Бодай тебе, дѣвчинонько, сѣмь лѣтъ дѣдько мучивъ,
А я тебе вѣрне любивъ, хто иншій заручивъ!

133.

Хиба въ воду занурусяи вже не вернуся:
Збуду смутку и клопоту, тамъ не зажуруся!

134.

Було же мене, моя мати, малою втопити,
Завязавши чорнії очи, у воду пустити.

135.

Ой якъ собѣ нагадаю, якъ е'мъ любку любивъ,
Кобы 'мъ тѣлце не шанувавъ, то бы 'мъ душу згубивъ!

136.

Бодай тебе, мôй миленькій, стôлько разъ кололо,
Кôлько разы твое личко було коло мого!

137.

Ой пôду я лѣсомъ, лѣсомъ, де дерево тешуть:
Бодай тіи погинули, що на мене брешуть!

138.

Бодай они та спасêня, прощêня не мали,
Що они мья розлучили съ кохановъ пары!

139.

«Бодай тобовъ, ледѣнику, дѣдько возивъ дубы,
Черезъ тебе мене люде узяли на зубы!» —
«Бодай тобовъ, дѣвчинонько, дѣдько возивъ латы,
Та що я ся черезъ тебе не удержу хаты!

140.

Бодай же ты, файный любку, въ колесѣ звивався:
Не трохи жь ты мого личка та й нацѣловався!

141.

Бодай же ты такъ видѣла свѣта бѣленького,
Якъ я тобѣ подарую мого миленького!

142.

Горѣвка, ся брате, пила, люлька ся курила,
Дѣвка ся зъ мня смѣяла, пса бы ми навчила.
Не зъ мене ся посмѣяти, не въ мене ся кпити,
Будешь же ты, любко моя, за то въ землѣ гнити.
Будешь же ты, каже, гнити, а пити просити,
А я, легѣнь молоденькій, не схочу носити.

143.

Идутъ козы по пôдъ лозы, вôвцѣ по пôдъ дубы:
Бодай тебе, Морашкане, заболѣли зубы!

144.

Бодай тебе лѣска вбила, а мене ворота,
Абы я ся не лишила по тобѣ сирота!
Бодай тебе лѣска вбила, а мене полиця,
Щобы я ся не лишила пôсля тя вдовиця!

145.

Бодай тебе, бодай мене, бодай насъ обое:
На що жь мы ся покохали, на нещастье свое!

146.

Чiи волы на дубровѣ, мои на свѣточку:
А хто любитъ на сторонѣ, а я сусѣдочку.
На сторону бы ходити, коника трудити,
А съ сусѣдовъ постояти, та й поговорити.

147.

Пôдъ моею кобылою пôдковы калачутъ:
Перше дѣвки мновъ гордили, теперь за мновъ плачутъ.

148.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько, не боишься Бога?
Вôдправила 'сь добрыхъ людей вôдъ твого порога;
Вôдправила 'сь добрыхъ людей, чекаешь до нынѣ:
Теперь пôдешь за такого, котрый пасе свиний!

149.

Якъ идете, хлопцй, въ танецъ, берѣтъ рукавицй:
Маты стоять, якъ коровы, дочки якъ телицй!
Якъ идете, хлопцй, въ танецъ, берѣтъ буки въ руки:
У нашои сусѣдочки зубы, якъ у суки.

150.

Ой пôшовъ я до дѣвчины люльки закурити,
Здерли зъ мене сердачину, та й ще хтѣли бити;
А я хлопецъ зуховатый, въ свою батька вдався,
Сердачину вôдобравъ, та й бити не дався.

151.

А якій ты гидкій, бридкій, а я яка пышна:
Куда жь бы я очи дѣла, шо бы 'мъ за тя пôшла!

152.

Якъ Гуцула не любити? А въ Гуцула вôвцѝ,
А въ Гуцула за поясомъ писанѝ топôрцѝ:
Тай якъ зачне жêнку бити, бича не пытає,
Та якъ утне межи плечи, ажь душа минає!

153.

Ой ишовъ я черезъ село, та ми було встыдно:
Нêсъ е'мъ курку пôдъ пахою, а й хвостикъ видно.
Ой ишовъ я черезъ село, курка мене вздрѣла,
Щобы була не палиця, була бы мья зъѣла.

154.

Ой пôду я на ярмарокъ, ой тото упьюся:
Покажу вамъ тои штуки, шо перевернуся.

155.

Кличутъ мене на панщину, але жь я не пôду:
Маю жêнку навѣджену, якъ же ю вôдôйду?

156.

Ой я хлопець хлопцёватый, та й не волоцюга:
Де хороше дѣвча чую, тамъ нôчку ночую;
Одну нôчку на запêчку, а другую въ кутку:
Обѣцявъ я черевички, гôренькій мôй смутку!

157.

Ой конику, воронику, грива ти бѣленька:
Занеси мья въ полонинку, де моя миленька!

158.

Ой конику, воронику, бѣлокопытистый:
За неси мья въ полонинку, у верхъ каменистый!

159.

Сивый голубъ, сивый голубъ, сивѣйша голубка:
Милый отець, мила мати, ще милѣйша любка!

160.

Ой конику, воронику, на чолѣ си граска:
Ой маю я миленькую, имня ей Параска.

161.

Ой на горѣ та монастырь зъ новои дубины:
Шкода, любко, тои славы, що мы ся любили!

162.

А що тоти наробили, що мья сокотили?
Падне любцѣ та на ручцѣ до бѣлои днины.

163.

Я у броду брала воду, а на сподѣ неряздъ:
Чому 'сь така неласкава, якъ есь була въ передъ?

164.

Пане брате, товаришу, буде мо ся бити,
Ой не ходи, де я ходжу, дѣвчину любити!

165.

Ой одную люблю, люблю, а другу цѣлую,
А третои чорнобривки розуму требую.

166.

Ой засвѣти, мила, свѣчку, най перейду рѣчку,
Ой засвѣти та и обѣ, най перейду дъ тобѣ!
Иди, мила, доломъ, а я пôду верхомъ,
А тамъ мы ся изôйдемо у годинѣ смеркомъ!
А якъ мы ся изôйдемо, по слову речемо,
Чи будемъ ся любитоньки, чи ся розôйдемо.

167.

Сваритъ мене родиненька, жебы 'мъ ся не любивъ,
Хиба бы я нещасливый свое житье згубивъ!
Нехай сваритъ, нехай сваритъ, хоть бы и побила,
Що я виненъ, що ма душа тебе полюбила?

168.

Пожену я волы пасти на зелену пашу,
А самъ пôду до дѣвчины на молочну кашу.
Пасѣтеся, сивû волы, не бôйтеся вовка,
А я пôду до дѣвчины, болитъ мья головка!

169.

Не самъ же я ту прійшовъ, вода мья занесла,
Дѣвчина мья пôдмовила, дѣвчина принесла.

170.

Ой до гуты дороженька, до гуты, до гуты:
Повѣджь менѣ, дѣвчинько, де бы съ тобовъ бути?
Де бы съ тобовъ изôйтися наговоритися,
Личка твого румяного нацюловатися?

171.

Коли тужишь такъ за мною, якъ я за тобою,
Поберѣмся 'ся серце мое, та жіймо съ собою!
Ты, дѣвчино, умри въ вечêрь, а я умру зранку:
Нехай же насъ поховаютъ у едную ямку!

172.

Коло млина конюшина, зацвела калина,
А де жь тая дѣвчинонька, що мене любила?

173.

Вôдси гора, вôдти друга, а тамъ долинонька,
Межи тыми гороньками моя дѣвчинонька;
Мушу горы прорубати, долины зрôвнати,
Шобы менѣ було видко до милои хаты.

174.

Куда мила походила, звôнкомъ позвонила,
Тамъ сходила и розцвела рожа и калина.

175.

Траву кошу, траву кошу, вода траву сушитъ:
Коли мила поцѣлуе, якъ гадина вкуситъ.

176.

То 'мъ я любку наобôймавъ, то 'мъ нацюловався,
Якъ соловѣй у садочку ягôдъ назѣбався.

177.

Ой чого ся погинаешь, лавочко тоненька?
Ой уповѣджь, що тя болитъ, любко солоденька?

178.

Сюда ми ся, товаришу, мило подивити,
Вôдки буде солодятко волыки гонити.

179.

Ой выйди жь ты, файна любко, хоть на заднѝ дворѝ,
Та покажи бѣле личко та жовтѝ кучерѝ!

180.

Кобы 'сь, мила чорнобрыва, якъ есь уродлива,
Не жаль бы тѣ исказати: «Солодюнько мила!»

181.

А хто знае вôдъ любости, та порадьте, люде,
Бо вже менѣ за миленьковъ загибелька буде!

182.

Ой тамка, де при лотоцѣ травиця въ потоцѣ,
Дала, любко, любысточки въ солодкôмъ молоцѣ;
Ой въ молоцѣ, не въ молоцѣ, то въ колачи зъѣсти:
Прійде ми ся, солоденько, за тобовъ розсѣсти!

183.

Чого ты ся погинаешь, дубова кладочко?
Ой уповѣджь, що думаешь, файна бѣлявочко?

184.

Не ма жь мого уже личка, лише половичка,
Сцюлювала, зъобо̂ймала красна молодичка.

185.

По по̂дъ тоти полонины ожины зродили:
А мы бы ся зъ файновъ любковъ не наговорили.

186.

Ой у поли плужокъ оре, мила волы гонитъ:
Коли мила загейкае, якъ въ дзвоны задзвонитъ.

187.

Ой не буду водовъ плысти, по̂ду ле на лавку,
Якъ е'мъ любивъ, такъ и буду, тоту кучеравку.

188.

Ой перейду тоту рѣчку, та затну смерѣчку:
Таку маю бѣлявочку, якъ у травѣ чѣчку.

189.

Ой изо̂йшла съ полонинки бѣлая овечка:
Люблю тебе, файна любко, та й твои словечка.

191.

Ци я такій нещасливый, ци мôй коникъ сивый,
Що ся любка уродила съ чорными очима!

192.

Ой засвѣти мѣсяченьку, та й ты зоро ясна,
Та на тото подвôречко, де дѣвчина красна!

193.

Сивый голубъ, сивый голубъ, сивѣйша голубка:
Милый отець, мила мати, ще милѣйша любка;
Съ татомъ, зъ матковъ посварюся, грѣха наберуся,
А зъ любкою избôйдуся—не наговоруся.

184.

Коло млина яворина, яворъ похилився,
Якъ не возьму, котру люблю, не буду женився.

195.

Скрипливіи воротонька тяженько заперти:
Кого люблю, не забуду до самои смерти.
Скрипливіи воротонька не можь заперати:
Котру люблю, не забуду, хоть буду вмерати.

196.

Червоная калиночка въ воду ся мачае:
Чи ты, мила, така красна, чи менѣ ся здае?

197.

Ой коли жь мня вѣрне любишь, люби жь мья єдного:
Не поглядай оченьками на хлопця другого!

198.

Сеи ночи о пôвночи солома горѣла:
Якъ емъ любку поцѣловавъ, ажь ся розболѣла.

199.

Темна нôчка, петрôвочка, не можу заснути:
Смутна люба дѣвчинонька не могу забути.
Забувъ бы 'мъ тя, дѣвчинонько, забувъ бы 'мъ тя швидко,
Кобы съ твого подвôрочка на мое не видко.

200.

А зъ Джуркова до Тишковецъ колясочка иде:
Буде така дѣвчинонька, що за мене пôде.

201.

Не втѣпана, не дергана, не рѣзани поли,
Засватана до Кіева черезъ чорнѝ бровы.

202.

Любко жъ моя солоденька, лишь бы тя любити,
Яки маешь чорні очи, выкапали бы тѣ!
Ой дѣвчино, дѣвчинонько, я въ тобѣ кохався,
А ты 'сь менѣ вôдповѣла, я не сподѣвався!

203.

Бодай тебе, дѣвчинонько, бодаі твою неньку,
Та що тебе породила такую красненьку!

204.

Ой изъ горы на долину помаленьку зôйду:
«Звари, душко, пироженькôвъ, въ вечêръ до тя прійду.
А зъ вечера якъ не прійду, то прійду изъ ночи,
Надѣй ми ся, файна любко, около пôвночи!»

205.

Ты гадаешь, моя мила, що я тебе люблю,
А я тебе, моя мила, словами голюблю.

206.

Ой на горѣ огонь горить, на долинѣ жаръ, жаръ:
Якъ я пôду до Испаса, комусь буде жаль, жаль!
А на горѣ огонь горить, на долинѣ дымно:
Якъ я пôду до Испаса, комусь буде дивно.

207.

«Порадь менѣ, товаришу, що маю робити,
Чи дѣвчину покидати, чи ѐ ще любити?»—
«Ой не люби, товаришу, та й не забувайся,
Бо лѣнива до роботы, хоть людей спытайся!
Бо лѣива до роботы, не хоче робити,
Плете вѣнки що суботки, щобы еѝ любити.
Ой най бы то що суботы, а то що недѣлѝ,
Щобы еи завидѣли хлопцѝ молодіи.
Ой най бы то що недѣлѝ, то що понедѣлка,
Щобы еи завидѣли, що хороша дѣвка.»

208.

Ой Господи милосердный, змилуйся надо мновъ.
Та паруешь людськѝ дѣти, паруй любку зо мновъ!

209.

Якъ я собѣ нагадаю та за давнѝ лѣта,
Слозы мене такъ обмыютъ, що не виджу свѣта.

210.

Стоитъ хибка надъ водою, хибае собою:
Яка любка дуже дурна, що плаче за мною.

211.

Бодай тебе, файна любко, нѣчогъ не болѣло,
А нѝ ноги, а нѝ ручки, нѝ бѣленьке тѣло!

212.

Ой до гуты дороженька, до гуты, до гуты:
Не можу тя, файна любко, забути, забути!

213.

Ой ти моя, файна любко, нѣчимъ не журися:
Держи очи про недѣлю, въ будденъ не дивися!

214.

Ой на горѣ на Самборѣ выкопана ямка:
Ой то жъ ми ся сподобала Комйсаря мамка.

215.

Ой пôшовъ я въ Волощину, лишь тамъ було бути,
Якъ нагадавъ на дѣвчину, мусѣвъ ся вернути.

216.

Ой вганявъ я, товаришу, три дни за возами,
Якъ нагапувъ за дѣвчину, то вмився слезами.

217.

Туманъ, туманъ по дорозѣ, ажь ся розлягае:
До милои дѣвчиноньки серденько вмлѣвае.

218.

Гей, упала зори зъ неба, нѣкому свѣтити:
Нема жь моей миленькои—нѣ съ кимъ говорити.

219.

Куда ѣду, туда ѣду, дороженьку знаю,
А якъ иду до милои, то ся не пытаю.

220.

Моя мила громадила въ глыбокôй долинѣ,
А я кивнувъ бѣловъ ручковъ: «Ходи, мила, дъ менѣ!»

221.

Ой конику вороненькій, дамъ тобѣ оброку:
Перенеси Анниченьку зъ Волоського боку!

222.

Летитъ качуръ, летитъ качуръ, крыленьками плеще:
На добранôчь, серце, на нôчь, нарêченôй тещи!

223.

Ой не видко тои вербы, лишень похилечко:
Ой не видко миленькои, лишень подвôречко.

224.

Бѣда жь менѣ молодому, бѣда жь менѣ, бѣда,
Не кажутъ ми та любити дѣвчины въ сусѣда!
Якъ въ сусѣда не любити, коли сусѣдъ близкій,
Та въ сусѣда гарна дѣвка, та й перелазъ низкій.

225.

Було гараздъ у Бѣлѣвцяхъ, сухи сады цвели,
Доки мы ся изъ сусѣда дѣвчиновъ любили.
Коли моя дѣвчинонька пошла меже люде,
Теперь смутно улицями, якъ не ходятъ люде.

226.

Чи ты менѣ, дѣвчинонько, що була зробила,
Шо ты менѣ, дѣвчинонько, була надъ всѣхъ мила?

227.

Цветутъ въ лѣсѣ красні зѣля, де мёдъ бере пчола,
Ой я той мёдъ въ губахъ чую, якъ дѣвча цѣлую.

228.

Ой бодай ты, дѣвчинонько, на вѣки пропала,
Менѣ 'сь дала принадочку, зъ другимъ ся звѣнчала!

229.

Ой у полѣ двѣ дорозѣ, трета поперечна:
Чи будешь ми, дѣвчинонько, на осѣнь беспечна?

230.

Сказавъ бы 'мъ ты, мамо, мамо, сказавъ бы 'мъ ти, нене,
Кобы 'сь дала свою дочку въ осени за мене.

231.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько, не боишься Бога:
Заморила 'сь мого коня у твого порога;
Коня 'сь мого заморила, а мене 'сь завела,
Все врываешь серця мого твоими очима.

232.

Тото мене съ свѣта жене, тото мене губитъ,
Та що мою дѣвчиноньку ляда дурень любитъ.
Тото мене съ свѣта жене, тото мене рѣже,
Що до моей дѣвчиноньки ляда дурень лѣзе.

233.

Ой вôйду я до покою, та тупну ногою:
Взяло дѣвча житье мое и молодость мою!

234.

Не велика пташиночка, все гôлья вгинае:
А хто знае вôдъ любости, нехай менѣ дае;
А хто знае водъ любости, та порадьте, люде,
Бо вже менѣ за дѣвчиновъ загибелька буде!

235.

Не велика поляночка густыи копици̂:
А втративъ я щастье, долю черезъ молодици̂.

236.

Болитъ мене бѣле тѣло, головка побита,
Та за тоту молодицю, що красно завита.

237.

Ой вôрлята, соколята, скиньтесь по перочку,
Та вынесѣтъ изъ Подоля мою дѣвчиночку!

238.

Яка жь тото вода чиста, що на морѣ грае:
Яка жь тото дѣвка мила, що въ передъ гуляе.

239.

Стоитъ дѣвка коло танцю, голова бѣлѣе,
Якъ погляне на парôбка, ажь мало не млѣе.

240.

Ой шапка ми мармазинка, ой чорна ми гуня,
Ой чобôтъ мôй залупчастый и жёнка Маруня!

241.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько! Я въ тобѣ кохався,
А ты 'сь менѣ вôдповѣла, я не сподѣвався;
Вôдповѣла, вôдповѣла, заказала бути,
Я о тобѣ, моя мила, не могу забути.

242.

Або тоту хату спалю, або ю розвалю,
Най я свои чорни̂ очи на нѣй не зрываю!

243.

Ахъ пôду я до коршмоньки, стану на порозѣ:
Всѣ дѣвчата пютъ, гуляютъ, а мила въ дорозѣ.

244.

Ой кобъ не ты, дѣвчинонько, та не твои очи,
Не стоявъ бы мôй коничокъ до темнои ночи.
Ой кобъ не ты, дѣвчинонько, та не твоя мати,
Не стоявъ бы мôй коничокъ коло твоей хаты.

245.

Стоитъ яворъ надъ водою, гôлёмъ похилився:
Якъ ся съ тобой не оженю, не буду женився.
Верни мои подарунки, верни мои гроши:
Твоя мати говорила, що я не хороший.

246.

Ой засвѣти, мѣсяченьку, хоть годину въ нôчку,
Най перейду, най перейду до дѣвчины рѣчку!
Най перейду, наї перейду, ноги не заброджу,
Нехай люде та не знають, що до неи ходжу.

247.

Сивый коню, сивый коню, сива твоя грива,
Скажи менѣ, сивый коню, де дѣвчина мила?

248.

Ой не ходи коло воды бѣлыми ногами,
Не урывай серця мого чорными бровами!
Ой не ходи коло воды, нехай тя забуду,
Нехай тебе иншій любитъ, я тебе не буду!

249.

Ой вже менѣ не ходити въ лѣски по орѣшки,
Ой вже менѣ не любити дѣвчины потѣшки.

250.

Пôдмовивъ бы 'мъ, каже, камêнь, та й камêнь зъ водою,
Лишь не можу пôдмовити дѣвчины съ собою;
Пôдмовивъ бы 'мъ, каже, воду, та й воду зъ водицѣ,
Лишь не можу пôдмовити чужой молодицѣ.

251.

По тôмъ боцѣ Днѣстра воды гильтай сѣно коситъ,
По си̂мъ боцѣ Днѣстра воды дѣвчина голоситъ:
«Бодай сѣно вогнемъ сѣло, коса зломилася,
Щобы моя дѣвчиночка та не журилася!»

252.

У котрои дѣвчиноньки брови надъ очима,
Тота жь мене дѣвчиноньки та й розволочила;
Тота жь мене дѣвчиноньки та й розволочила,
Та й чого я въ свѣтѣ не знавъ, того научила.

253.

Ой не кури, вуйку, люльку въ моей хатечинѣ,
Не выкури чорни̂ очи молодôй дѣвчинѣ!

254.

А я любью, що не робью, лишь напиваюся,
Не мила ми роботонька, лишь позыраюся.

255.

А я любью, що не робью, мои руки гладки̂,
А все тото за панъ отця, та й за пани̂ матки;
А все тото за панъ отця, та й за пани̂ матки,
Повилися по головѣ та й кучери гладки̂.
А якъ прійшли кучерики на милои ручки,
Повилися по головѣ, якъ бобови̂ стручки.

256.

Ей що 'мъ гадавъ учинити, тото я учиню:
Продамъ коня вороного, выкупью дѣвчину;
Продамъ коня вороного, продамъ и другого,
А выкупью свое дѣвча съ пôдъ пана чужого;
Бо я свого пана маю, на пана дуфаю,
А якъ иду улицями, плотами хитаю.

257.

Пане брате товаришу, мы товаришуймо,
А возьмѣмъ си по дѣвчинѣ, та господаруймо!

258.

Ой я возьму та дѣвчину за бѣлу ручину,
Переведу тихій Дунай, та й быстру рѣчину;
Переведу, переведу, та й ся не замочу,
Шобы люде не сказали, що я ся волочу.

259.

Чому хлопцй не спѣваютъ? Гаразду не маютъ,
Якъ въ грудехъ ихъ задусило, та й не вôддихаютъ.
Ой дати имъ попоѣсти сирои капусты,
Ой чей же имъ та й у грудехъ хоть трохи попуститъ.

260.

Ой на горѣ кремениці, на долинѣ крейда:
Ой вже жь мене оббрехала Парасуня Фрейда.

261.

Ой носивъ я до дѣвчины три разы орѣшки,
А стративъ я кониченька, теперь ходжу пѣшки.

262.

Ой на горѣ волы въ ярмѣ, а вôвци̂ пасутся:
Ой якъ дѣвку дѣдьки гонятъ, ажь люде смѣются.

263.

Ой любивъ я дѣвокъ сорокъ, а молодиць триста,
Ой у Бога надѣёчка, шо ще душа чиста.

264.

А учера изъ вечера, якъ мѣсяць мѣнився,
Ишовъ крывій на залёты, слѣпій придивився.

265.

Заграйте ми, музыченьки, ней си потанцюю,
Якъ ми когутъ яйце знесе, то вамъ подарую.

266.

Не умѣю ни̂ косити, а ни̂ копы класти,
Лише зъ гаю зазираю, де бы дѣвку вкрасти.

267.

Ишовъ же я до дѣвчины темненькои ночи,
Седитъ гуска на купинѣ, вытрêщила очи;
А я кажу: «Гиля, гиля!» а вона й присѣла,
Кобы була не палиця, була бъ мене зъѣла.

268.

Ой ковала зазуленька на високôмъ горбѣ:
Та прïѣхавъ мôй миленькiй, нема нѣчогъ въ торбѣ.

269.

Я калинку не рубаю, пôдъ калинковъ стою:
Ой за мене люде брешутъ, я ихъ ся не бою;
Та най они собѣ брешутъ, най на безголовье!
Піймо, душко, горѣлочку: «Дай, Боже, здоровье!»

270.

Ой пôду я слободою, стану надъ водою:
Дурный, любку, безъ розуму, що плачешь за мною!

271.

Ой Парася придалася, та й заморгалася,
Ой перейшла чтыре рѣчки, та не вмывалася.

272.

Ой хлопчики, молодчики, теперь погуляйте:
Прійде карта вôдъ Цêсаря, на вôйну рушайте!

273.

Гоя моя, гоя моя, та ще нынѣ гоя!
А завтра вже повандрую, головонько жь моя!

274.

Ой волю я, пане брате, Цêсарю служити,
Нêжь я маю вражимъ Ляхамъ панщину робити!

275.

Ой Цêсару, Цêсареньку, Цêсару Францйшку,
Пусти мене до домоньку, дѣвкамъ на потѣшку!

276.

Ой то я ся закосичу зеленовъ посталью,
Волѣю йти у жовнѣри, нêже на пристаю.

277.

Прійшла карта Цêсарева святои недѣлй,
Шобы брати въ выбранчики хлопцй молодіи.

278.

Ой выйду я на улицю, та тамъ уберуся:
Я бы 'мъ не бувъ у некрутахъ, кобы не Маруся.

279.

Пане брате, товаришу, неволя, неволя:
Въ Коломыи постригають, до Черновець гоня'.

280.

Велѣла 'сь мья, моя мати, въ болото веречи,
Нёжь мья мали Печинѣжски̂ гайдуки стеречи.

281.

Славне мѣсто Коломыя, ще славнѣйши̂ Куты:
Ой ще бы я не женився, кобы не рекруты.

282.

Прійшла карта съ Коломыи, зъ самого Крайземту,
Котри̂ були хлопци̂ гарни̂, пôшли до рейменту.

283.

Заковала зозуленька на жовтôмъ пѣсочку:
А хто жъ мому миленькому выпере сорочку?

284.

А всѣ куры на сѣдалѣ, когутъ на порозѣ:
Всѣ жовнѣри на кватырѣ, мôй милый въ дорозѣ.

285.

«Ой Цêсару, Цêсароньку, на що насъ вербуешь?
Забравъ Турокъ маґазины, чимъ насъ выгодуешь?» —
«Ой буду васъ годовати вôвсяновъ половôвъ,
Ой буду васъ высылати Цêсарсковъ дороговъ.» —
«Якъ мы будемъ, Цêсароньку, половоньку ѣсти,
То мы будемъ дороженьковъ по воленьки лѣзти.»

286.

Ой Цêсарю, Цêсароньку, якій же ты глупый:
Убравъ єсь мя у камашѣ, не закрывъ єсь дупы!

287.

«Кобъ ты була, моя мила, гарбузôвъ не крала,
Була бы 'сь ся той осени вже замужъ вôддала.» —
«Охъ моя жь ты, матусенько, чи я жь тому винна?
Я гарбузы накрывала, а фостики видно.»

288.

Любко моя солоденька, якъ же 'сь ся убрала?
Кобы 'сь ся мья вôдчепила, прости Бôгъ бы 'сь мала.

289.

Казали ми молодицѣ: «Не женися, любку:
Ушіемъ ти сороченьку съ тоненького рубку;» —
А я собѣ молоденькій сêмь лѣтъ не женився,
Якъ узяли вышивати, ажь до руба взявся.

290.

Сами дѣвки крупы мелють, сами й опалають,
Сами дѣвки на паробки очима зглядають.

291.

Ой якъ взяла говорити, словами мастити,
Ой мусѣвъ е'мъ за копѣйку горѣвки купити.

292.

Седитъ сова на воротахъ, вытрêщила очи:
«Верни, любко, капустѣйникъ, шо 'сь украла съ ночи!» —
Гадавъ е'мъ ся оженити сихъ мясницъ допевне,
У сêмъ селѣ дѣвки гордй, не пôдутъ за мене;
У сêмъ селѣ дѣвки гордй, а у другôмъ голй,
А у мѣстѣ май одѣтнй, але бо голоднй.

293.

Ой не знала Овдокія, якъ качата звати:
Ой «Тась, тась тась!» бувъ Ивась коло моей хаты!
Ой не знала Овдокія, якъ индики звати:
Ой «Пуль, пуль, пуль!» бувъ Костунь коло меи хаты.
Ой не знала Овдокія, якъ гусята звати:
Ой «Гусь, гусь, гусь!» бувъ Петрусь коло меи хаты.

294.

Танцёвали паробочки, ажь корчма гудѣла,
Богачева дѣвчинонька пôдъ корчмовъ седѣла.
«Не стôй, дѣвко, пôдъ корчмою, та иди до дому,
Нехай мати воши выбье, та прійдешь по тому!»

295.

Оженися, не журися, пôде ти рукою:
Жêнка пôде за кисликомъ, а ты за мукою!

296.

Ой нема, дѣ, въ горахъ добра, та й, вѣдай, не буде,
Доки ся въ нась по Нѣмцеви заваджати буде.

297.

Кобы ми ся тотъ букъ розвивъ, та й березы бѣли̂,
Ой пôшовъ бы 'мъ въ гайдамахи хоть на три недѣли̂.
Кобы ми ся бучокъ розвивъ, я топорець въ руки,
Черезъ гору высокую най не брешуть суки!

298.

Не обôймай, побратиме, котру й обôймаю,
Бо я тобѣ топорикомъ руки обрубаю.

299.

Ѣдутъ брыки изъ Улыки, все ковани̂ кони̂:
Ходѣмь, братя, въ гайдамахи, чуемъ за червони̂!

300.

Пôшовъ любко у опришки на штыре недѣли,
Чей принесе своêй жêнцѣ сорокôвцû бѣли.

301.

Въ мене бучокъ деревяный, а на кôнцѣ бляшка,
Якъ замахну, то не лишу нû Жида, нû Ляшка.

302.

Ой затну я барду въ дуба, та й похолытаю,
А за свои давнû лѣта, та й не забуваю.
Лѣта мои молодіи, де вы ся подѣли?
Завыли ся въ кленовый листъ, та въ лѣсь полетѣли!

303.

А нынѣ я тутка, тутка, а завтра я пôду,
Ой хто буде припадати коло мого слѣду?
Буде мати припадати, буде жаловати,
Дрôбненькими слёзоньками слѣды заливати.
Ой нынѣ я тутка, тутка, а завтра я инде,
Вôдти мене вызирайте, вôдки сонце зôйде!

304.

До Цêсарôвъ ба й не пôду, служити не буду,
Дѣвча ми ся сподобало, женитися буду.
А якъ мине двѣ недѣли, каятися буду,
Ай ще бо я не каявся, хиба колись буду;
А ще бо я не каявся, хиба покаюся,
Въ Пилипôвку на сопѣвку а нû подивьюся.

305.

Ба усѣ ся поженили, лишень я ся зôставъ,
А щобы я на Цêсарскимъ кониченьку свиставъ.

306.

Ой не видко Коломыи, лишень видко сѣни,
Тотамъ мого миленького кучерѣ посѣли.

307.

Ой не видко Коломыи, лишень видко хрести,
Туда будемъ, пане брате, карабѣны нести.

308.

Повернувъ е'мъ до дѣвчины, казала ми сѣсти,
Дала менѣ нелуплену Мандебурку ѣсти;
А я тоту Мандебурку нѣ сякъ обераю,
На полицѣ вареницѣ, но ся поглядаю.

309.

Горѣлочко оковита, лише бы тя пити:
Ой якъ гôрко заробиты, тебе заплатити!
Горѣлочко оковита, по чотыре лудцѣ:
Не буду я самъ еи пити, но понесу любцѣ.

310.

Ой ишовъ я съ Коломыи, та й упавъ въ помыи:
Не дали ми загинути дѣвки чорнобрôвû.

311.

Любко моя солоденька, я за тобовъ гину,
А якъ за товъ замѣтелковъ, шо нимъ мѣшу глину.

312.

Ой пôшли 'смо до коршмоньки, хтѣли танцёвати:
Напавъ дѣдько на музыку, не хотѣвъ намъ грати.

313.

А я паву затыкаю, а пава ся губитъ:
Бери дѣдько мого любка, коли другû любитъ!

314.

На що менѣ коло хаты собаки тримати,
Є у мене сусѣдоньки, що вмѣютъ брехати?
Нехай брешутъ, нехай брешутъ, та якъ розумѣютъ,
Прійде тая годинонька, вони понѣмѣютъ!

315.

По тôмъ боцѣ на толоцѣ сиву клячу бачу:
Ой не смѣяйся, та не кпися изъ мене, богачу!
Не зъ мене ся посмѣяти, не зъ мене ся кпити,
Лѣпше взяти палку въ руки, та ити пси бити.

316.

Ой пôду я въ лѣсокъ трѣсокъ, а тамъ дубы тешуть:
Поверну я до сусѣды, тамъ на мене брешуть.
Брешѣтъ же вы, сусѣдоньки, та якъ песъ на вовка,
Ой чей же васъ та й заболитъ серденько, головка!
Брешѣтъ же вы, сусѣдоньки, чей ся набрешете,
Вынесу вамъ цеберъ помый, чей ся нахлепчете!

317.

Всюда бѣда, всюда бѣда, въ нашêмъ селѣ гараздъ,
А якъ выйдешь на панщину, покладаютъ заразъ;
И Грицкови и Федькови кажутъ потримати,
Панъ пôдстарôсть бере смычокъ, зачинае грати.

318.

Та що тоти поробили, що ся поженили:
Оденъ продавъ сорочину, хлѣба накупили;
Оденъ продавъ сорочину, я продамъ бекешу,
Та купѣмо жêнкамъ муки на одну кулешу.

319.

Ой чого ты поскрипуешь, яловая хато?
Нема добра въ нашêмъ селѣ, бо панôвъ багато.

320.

Ой Бодай ти, ватамане, та й хата згорѣла,
А якъ менѣ молодому панщина доѣла!
Панщина ми та й доѣла, побыли мья злыднѝ,
Урбарія великая, та й панщины три днѝ!

321.

Ватамана нема дома, ватаманка дома,
Ой стала ся въ ватамана въ городѣ содома.

322.

Выправляла мати сына въ день на косовицю,
Зачесала кучароньки по надъ потылицю.

323.

Напіймося, кумцю, любцю, довше не будемо,
Сонце низько, вечерь близько, вже ся розôйдемо.
Напіймося, кумцю, любцю, напіймо, напіймо,
Хто намъ буде на зрадонцѣ, того ся набіймо!

324.

«Ой мôй милый, чорнобрôвый за потокомъ коситъ,
Вѣтеръ вѣе, шалевѣе, кучерами носитъ.» —
«Ой ты, душко, громадила, менѣ було видко,
А я кинувъ кресанину: «Ходи, душко, швидко!»

325.

Иде Козакъ зъ Украины, въ пôдкôвочки дзень, дзень!
За нимъ, за нимъ дѣвчинонька, якъ бѣленькій день, день!
Иде Козакъ зъ Украины, въ пôдкôвочки креше,
За нимъ, за нимъ дѣвчинонька жовтії косы чеше.

326

«Повѣй, повѣй, буйный вѣтре, по высокôй горѣ,
Та росчеши кучерики по моей головѣ!» —
«Хоть я буду та по горѣ высокôй вѣяти,
Таки треба кучерики гребенемъ чесати.»

327.

«Ой де идешь, пане брате? Чи на косовицю?
А на кого зоставляешь свою молодицю?»—
«Ой на тебе зоставляю, мôй брате Степане,
Доглядай ми молодицѝ, съ кимъ она зôстане;
Доглядай ми молодицѝ, доглядай ми жêнки,
Якъ прїѣду съ косовицѝ, куплю ти горѣлки.»

328.

Бѣдна жь моя головонька, що я наробила!
Полюбила 'мъ вôвчаронька за кавалокъ сыра;—
Покушаю я тотъ сырець - сырець солоденькій:
Подивлюся на вôвчаря—вôвчарь молоденькій.

329.

Пôшли вôвцѝ въ полонинку, а все бѣленькіи,
А за ними вôвчароньки все молоденькіи;
Пôшли вôвцѝ въ полонинку, а ягнятка блѣютъ,
Та що нашѝ вôвчарики въ полонинцѣ дѣютъ?

330.

Ой на горѣ на высокôй сивый заяченько:
Ой нѝхто такъ не заграе, якъ Нагимюченько;
Якъ заграе, заспѣвае, далеко го чути,
Аже въ тую Нѣмеччину, та де бы намъ бути.

331.

Гей, займу я волы пасти та й на левадочки,
А самъ пôду до дѣвчины та на порадочки;
«Порадь же ми, дѣвчинонько, якъ рôдная мати,
Чи маю ся оженити, чи тебе чекати?»—
«Пораджу тѣ, мôй нелюбе, якъ рôдная мати,
Ой волишься оженити, якъ мене чекати.»

332.

Ой долино, долиночко, та въ тобѣ яворцѣ:
Жени, мила, волы пасти, я пожену вовцѣ.

333.

Ой ходѣмо въ полонину, та въ полониночку,
Цы не зваливъ буйный вѣтеръ нашу колибочку?

334.

На маленькôмъ салашику ватагъ ватагуе,
Та наробивъ писарчикôвъ, менѣ подаруе.

335.

На маленькôмъ салашику ватагъ молоденькій,
Та полюбивъ дѣвчиночку, та давъ будзъ бѣленькій.

336.

Та на веснѣ днинка красна, пташеньки спѣвають,
Въ полонинцѣ еще краще вôвчарики грають.

337.

«Ой овечки, берулечки, великй бутею,
Хто жь васъ буде завертати, якъ я ся оженю?«—
«Ой буде насъ завертати бай хлопецъ молодець,
Въ правôй ручцѣ свирѣлочка, а въ лѣвôй топорець.

338.

Ой ходѣмо, пане брате, за горы, за горы,
Та винесемъ своимъ жѣнкамъ шовку на чемборы!

339.

Ой пôду я въ полонину, та й тамъ и загину,
Кажу собѣ посадити въ головкахъ калину:
Будуть пташки прилетати, калиноньку ѣсти,
Будутъ менѣ приносити вôдъ милои вѣсти.

340.

Шобы тобѣ, мôй сыночку, кучери лелѣли,
Шобы тобѣ, мôй сыночку, люде завидѣли!

341.

Добре вôвцû въ зимѣ пасти, не треба доити,
Не буде го вôдъ жентицû черево болѣти.

342.

Чіи волы на дубровѣ, мои на свѣточку:
А хто любитъ на сторонѣ, а я сусѣдочку;
На стороны бы ходити, коника трудити,
А съ сусѣдовъ постояти, тай поговорити.

343.

Хиба тогди, дѣвчинонько, мои мысли згасишь,
Коли твою бѣлу ручку та зъ моею звяжешь;
Хиба тогди, дѣвчинонько, я тебе забуду,
Якъ на вѣки изъ симъ свѣтомъ прощатися буду.

344.

«Ой не рубай лѣщиноньки, най горѣшки родитъ:
Ой не сватай вдовы дочку, най дѣвкою ходитъ!» —
«Шкода жь тои лѣщиноньки горѣхи родити,
Шкода дочки вдовиноп дѣвкою ходити.»

345.

Шумитъ менѣ, якъ у млинѣ, въ моей головонцѣ,
Не могу я привыкнути въ чужôй сторононцѣ.

346.

Ой бѣдома, сама 'мъ дома, прійди, любку, нынѣ,
Сама буду простерати ленокъ на долинѣ.

347.

Видитъ бы 'мъ ся не здрêмала, хоть бы й день бѣленькій,
Кобы сидѣвъ коло мене хлопець молоденькій.

348.

Ой у садѣ вишня, чому не черешня?
Коли мене любку любишь, чому не берешь мня?

349.

Ой мѣсяцю, перегрaдься на двѣ половинѝ:
Еднов свѣти миленькому, а другою менѣ!

350.

Кобъ я була така красна, якъ та зоря ясна,
Стѣтила бы 'мъ знаю кому, нѣколи не згасла.

351.

Нема мого миленького, нема моей квѣтки,
Пôшла бы 'мъ го выглядати, та не знаю звôдки.

352.

Ой якъ тяжко конопелцѣ, якъ въ болотѣ гніе,
Еще тяжше дѣвчинонцѣ, якъ безъ мужа жіе.

353.

Журилася мати мною, якъ рыба водою,
А теперка мья вôддала въ тяжкую недолю.

354.

Якъ поѣдешь съ кôньми на нôчь, свисни на листочокъ,
А я буду спôзнавати, чи твôй голосочокъ!

355.

Пусти конй на отаву у желѣзнôмъ путѣ,
Прошу тебе, мôй миленькій, не толочь ми руты!
А на рутѣ жовте цвѣтье, рута зеленая,
Прошу тебе, не зрадь мене, бо я молодая!

356.

Пусти конй на отаву, самъ иди до хаты,
А тамъ будемъ розмовьяти, шобъ не чула мати!

357.

Точилися возы зъ горы, поломали сворнй:
Покимъ була молоденька, не було ми рôвнй.

358.

Бодай тебе, мôй миленькій, спаливъ снѣгъ бѣленькій:
Сêмь разъ е'мъ тя чаровала, а ты здоровенькій!
Сêмь разъ е'мъ тя чаровала у новôй коморѣ,
Не поможутъ тѣ, миленькій, Цêсарськй дохтори.

359.

Ой щобы ты, мôй миленькій, такій веселенькій,
Якъ у лѣтѣ въ Чорногорѣ вѣтрець холодненькій!

360.

Въ мене очка чорненькіи, якъ терньна галузѣ,
Личко таке румяненьке, якъ калина въ лузѣ.

361.

Любила 'мъ тя, ледѣнику, якъ зъ орѣха зерня,
Теперь буду обходити, якъ колюче терня.

362.

Є, дѣ, въ мене, въ городочку, червона ружочка:
За любочкомъ моимъ милымъ болить головочка.

363.

Тече вода зъ загорода, тече вода, рѣчка:
Ой мôй милый, чорнобрôвый, якъ у травѣ чѣчка.

364.

Цы ты, милый, такій ладный, цы менѣ здаеся,
Шо, мôй милый, черезъ тебе спанье не береся?

365.

Ой тожь-то 'мъ ся находила горѣ тимъ потокомъ,
Ой тожь-то 'мъ ся налюбила милого пôдъ бокомъ!

366.

Коли хочешь, любку любый, щобы 'мъ тя любила:
Поставъ лавку черезъ рѣчку, щобы 'мъ не бродила!

367.

Ой изôйшовъ мѣсяченько, та й обгородився:
Въ нещасливу годиноньку мôй любко вродився.

368.

Гадай, любку, загодочку та на давнѝ слова,
Яка була межи нами любая розмова;
Яке було запôзнанье, яке закоханье,
Таке буде межи нами любое мешканье.

369.

Вѣтеръ вѣе, шелевѣе, вѣтеръ повѣвае,
Тото жь менѣ за миленькимъ серденько вмлѣвае.

370.

Ци я ся не находила тыми плаёчками,
Ци 'мъ си бѣдку не глаѣла та спѣваночками.

371.

Ой не рубай, та не теши, зеленого дуба,
Ой не цюлуй, не обôймай, коли 'мъ ти не люба!

372.

Ой яворе, яворочку, ростешь у поточку:
Вôдки тя ся надѣяти, файный, парубочку?

373.

Ой пташечки прелетѣли, воробчики сѣли,
Ишовъ милый, не повертавъ черезъ мои сѣни.

374.

Ой рѣченька тече, тече, плаваечко мече:
Стоитъ любко за плечима, словечко не рече.

375.

Ой не лѣтай, воробею, по пôдъ чорну стелю,
Не пороши миленькому бѣленьку постелю!

376.

Ой выйди ты, файный любку, зъ вышневого садку,
Ой дамъ же ти, файный любку, червоненьке ябко!

377.

Ци ты, мати, своего сынка у меду купала,
Та щобъ я ся твого сынка не нацюловала?

378.

«Ой сивенька зазуленько, высоко лѣтаешь,
Та вповѣжь ми, зазуленько, де любка видаешь?» —
«Ой выдаю, тажь видаю, седитъ надъ водою,
Протерае оченята хусточковъ рябою.»

379.

Ой у лѣсѣ три тополи̂, всѣ три зелененьки̂:
Любивъ мене, не взявъ мене, ледѣнь молоденькій.

380.

Ой зазулько, ой сивулько, позычько ми нôжокъ,
Най я скочу до милого, поки не впавъ снѣжокъ!

381.

«Зазулечко, сивулечко, высоко лѣтаешь,
Искажи жь ми вѣрну правду, де зъ любкомъ буваешь?» —
«Ой буваю та видаю на широкôмъ полѣ,
Выгравае въ сопѣлочку зъ голубыми волы.»

382.

Щобы тебе дверци̂ вбили, а мене ворота,
Щобы я ся не лишила пôсля тя, сирота!

394.

Черезъ гору высокую шовковый шнурочокъ:
Чому, любку, не приходишь? Якій ти смуточокъ?

395.

Ой мѣсяцю, мѣсяченьку, засвѣти по полю,
Ней выберу пшениченьку съ куколю, съ куколю!

396.

Ненько жь моя солоденька, любьять мене хлопцй,
Дають менѣ по таляру, жита по коробцѣ;
Ой я жита та й не беру, бо я жито маю,
Они мене зачѣпають, а я жарты знаю.

397.

Чи я тобѣ не казала, чи не говорила:
«Прійди, прійди, мôй миленькій, я рыбу варила!»

398.

Подивися разъ на мене, два разы на себе,
Чи не буде шкода мене, якъ пôду за тебе?
Подивися разъ на мене, два разы у воду,
Чи не буде мене шкода и моего роду?

399.

Посѣю я трошки маку, уродится бôлше:
Любитъ мене файный любко, а я го ще лѣпше.

400.

Самъ до мене приходжавъ есь, менѣ присягавъ есь:
За що, мене покидаешь, другôй руку даешь?

401.

Коли мене покидаешь, покинь воду пити,
Ой щобы ты не дочекавъ другую любити!
Коли мене покидаешь, покинь хлѣба ѣсти,
Ой щобы ты не дочекавъ коло другой сѣсти!

402.

Не буду я сама спати, кусаютъ мья блохи:
Ой ходѣмо до корчмоньки, погуляймо трохи!

403.

Ой убита дороженька до луга, до луга:
Уже мого миленького вôдобрала друга.

404.

Ой чи жь бо я не дѣвчина, чи я не вродлива?
Тôлько менѣ догацоньки, що 'мъ не чорнобрôва!
Ой чи жь бо я не дѣвчина, чи не врода паньска?
Тôлько менѣ догацоньки, що врода Цыганська!

405.

Ой коли я була мала, не знала нѣчого,
Я казала, що не буду любити нѣкого;
А коли я вже велика, на станочку стала,
Теперь же я та до серця кождому припала.

406.

Пôдъ тѣмъ мостомъ рыба съ хвостомъ, якъ бы ея ймити,
Щобы свому миленькому вечеру зварити?

407.

А коли тѣ такій, милый, колы такôй душка,
То повѣсь си го на шею та замѣсть ягнушка!

408.

Подивлюся у вôконце, чи высоко сонце:
Нема жь мого миленького, треба жь ми го конче.

409.

Ей Андрêю, Андрêечку, не кажи нѣкому,
Дамъ я тобѣ перстенину якъ прійду до дому;
Дамъ я тобѣ перстенину съ трома камêнцями,
Лишь не кажи коло коршмы межи леґѣнями!

410.

На зеленôмъ зарѣночку пасе милый коні,
Я бы 'мъ его не спôзнала, но вôнъ у галонѣ;
Злотый галонъ Коломыйській, капелюхъ Загôрській,
А мôй милый чорнобрôвый, якъ панъ Перерѣвській.

411.

Я гадала, що то милый, що то моя душка,
А въ милого китаечка коло капелюшка.

412.

Ой мôй милый, чорнобрôвый а якъ же, а якъ же!
Я зъ вечера поцѣлую, на розсвѣтѣ также;
Я зъ вечера поцѣлую, шобы лехко спати,
На розсвѣтѣ поцѣлую, шобы рано встати.

413.

То на сесь бôкъ, то на той бôкъ, далеко ходити,
Вѣдай, мы ся, мôй миленькій, лишимо любити.

414.

Зеленая петрушечка близько перелазу,
Соледенькі губки були въ мого любка зъ разу;
Солодонькі губки були, солодші медочку,
А теперь ми такъ згôрчѣли, шо гôрші польночку.

415.

Пастернакъ-неборакъ, зеленая гичка:
Люби мене, мôй миленькій, хоть я невеличка!
А хоть же я невеличка, але я Параска,
Тогды любка поцѣлую, коли моя ласка.

416.

А хоть же я невеличка, але я Маруся,
Тогды любка поцѣлую, коли змилуюся.
А хоть же я невеличка, але я Анниця,
Тогды любка поцѣлую, якъ зôйде зôрниця.

417.

А хоть же я невеличка, але я Олена,
Тогды любка поцѣлую, коли буде днина.
А хоть же я невеличка, коли жь бо я Кася,
А коли же поцѣлую, то вже другій засѣ!

418.

Ой учера изъ вечера солома горѣла:
Прійди, прійди, мôй миленькій, бо 'мъ ся розболѣла!
Ой на яку розболочку? Та на головочку:
Прійди, прійди, мôй миленькій, хоть на годиночку!

419.

Бодай тебе, мôй миленькій, бѣда була знала,
Же ся мене за тобою тяжка журба взяла!

420.

Ой калинко, бѣлый цвѣте, цвѣтокъ опадае:
Уже жь наша, мôй миленькій, любва пропадае.
Ще калинка не пристигла, лише попалѣла:
Наша любва не пропала, лишь ся притаила.
А якъ буде калиночка лѣпше пристигати,
То ся буде любва наша назадъ завертати.

421.

Одна гора траву родитъ, а другая кейло:
Хорошого любка маю, сюди го не видно.
Пôслала бы 'мъ посланчика, хлопця молодого,
Та не вмѣє осѣдлати коня вороного.

422.

Я ворота замераю, вони ся втворяютъ,
Я милого вызираю, якъ зори зорѣютъ.
Ой вы зори не зорѣйте хоть одну годинку,
Та найже вôнъ перебѣжитъ хоть одну царинку!

423.

Ой я жита не сѣяла, само жито сходитъ:
Я Козака не чарвала, самъ до мене ходитъ;
Я не вмѣла чаровати, а нй моя мати,
Навчила мья сусѣдонька изъ третои хаты.

424.

Посѣю я дѣжку гречки, а двѣ жменѣ проса:
Ходила я въ черевичкахъ, теперь ходжу боса;
Ходила я въ черевичкахъ зъ жовтыми пряжками,
Теперь ходжу по морозѣ бѣлыми нôжками.

425.

Ой якъ будешь, мôй миленькій, черезъ рѣчку плысти,
Прибувай самъ, присылай ми частенькіи листы!

426.

Шобы горы роскопаты, лѣсы прорубати,
Шобы видко до милого, та й до его хаты.

427.

Седитъ голубъ на дубоньку, голубка на водѣ:
Ой уже жь намъ, мôй миленькій, любитися годѣ!

428.

Завше Бога о томъ прошу, шобы 'сь бувъ щасливый,
Хоть зъ иншою, не зо мною, бо 'сь ты менѣ милый.

429.

Продай, тату, чтыре волы, купи ми дѣрдею,
Маю въ Бозѣ надѣёчку бути попадею!

430.

Чи я тобѣ не казала, чи 'мъ тя не просила,
Скажи менѣ щиру правду, чи я тобѣ мила?
А я тобѣ завѣрила на недолю свою,
А ты 'сь мене та позбавивъ любого спокою!

431.

Лѣпше було, гарный хлопче, шобы 'сь ся не родивъ:
Коли 'сь мене та не любивъ, шо 'сь до мене ходивъ?

432.

Чому 'сь тогди ту не прійшовъ, коли 'мъ тѣ казала,
Якъ у мене цѣлу нôчку свѣчка не згасала?
Тогди тебе та до мене зôбрала охота,
Якъ згорѣла въ мене свѣчка до самого гнота.

433.

Любивъ мене милый дуже, та переставъ уже,
Та ще чую черезъ люде, що любити буде.

434.

Кобы менѣ не детина, я бы 'мъ си гуляла,
А то менѣ детинище руки завязала.
Кобы менѣ та не чепець, не червона хустка,
Я бы 'мъ собѣ погуляла, якъ на ставу гуска.

435.

Чи ты, коню, осѣдланый, чи ты коню, сивый?
Ой а де жъ ты одъѣзджаешь а мôй чорнобрôвый?

436.

Шкода травы, та й муравы, що 'мъ по ней ходила:
Шкода мене молоденькôй, що 'мъ дурня любила!

437.

Ой мѣсяцю, переградься на двѣ половини̂:
Одновъ свѣти миленькому, а другою менѣ!

438.

Кобы рѣчка невеличка, я бы 'мъ перебрêла:
Кобы милый не сивенькій, я бы 'мъ го любила.

439.

Ой хлопчино, хлопчинонько, такъ есь ми миленькій,
Яко въ лѣтѣ при дорозѣ яворь зелененькій.

440.

Коло млына яворина, коло млына кладка:
Я зъ немилымъ говорила, а за милымъ гадка.

441.

А якій ты гидкій, бридкій, я ти прикрасила,
Бѣлымъ личкомъ, якъ сонечкомъ, чорными очима.

442.

Ой мѣсяцю, мѣсяченьку, не свѣти нйкому,
Ино мому миленькому, якъ иде до дому!
Ой засвѣти, мѣсяченьку, та й вôджени мару,
А якъ пôде до другои, то зайди за хмару!
А ставувши за хмарою, та й въ темности цѣлый,
А я скажу, заплакавши: «Покинувъ мня милый!»

443.

Свѣтитъ мѣсяць, свѣтитъ мѣсяць, свѣтитъ, а не грѣе,
Однакъ менѣ за миленькимъ мое серце млѣе.

444.

Шобы 'мъ таки очи мала, якъ застёжка сина,
То бы 'мъ собѣ вôдмовила вôдъ сусѣды сына.
Ой сусѣдо, сусѣдочко, тримай твого сына!
Бо я его вôдчарую чорными очима.

445.

Кличе мати вечерати: «Вечерайте сами:
Нема мого миленького, не буду я зъ вами!»

446.

Дала жь мене моя мати за кого я хтѣла:
Зашумѣла нагаёчка коло мого тѣла.

447.

Тато добрый, тато добрый, мама не лихая,
Не боронятъ погуляти, поки 'мъ молодая.

448.

Качаюся, валяюся, кусаютъ мья блошки:
Пусти мене, моя мати, до коршмоньки трошки!
Пусти, пусти, моя мати, я не забавлюся,
Но съ хлопцями погуляю, до дому вернуся.

449.

Ой нависли чорнû хмары, нависли, нависли:
Не зôйдешь ми, мôй миленькій, не зôйдешь ми зъ мысли.

350.

Чи Богъ знае, Богъ вѣдае, де мôй милый дѣвся:
Ой шобы вôнъ у гаю бувъ, то 'бъ гай зеленѣвся;
Ой шобы вôнъ утопився, рѣки бы бренѣли,
Шобы его вовки зъѣли, де сь бы затрубили.

451.

Або, горы, розступѣтся, або мня прикрыйте:
Маете мня розлучати, лѣпше мня забійте!

452.

Повѣй, вѣтре буйнесенькій, звôдки я тя прошу,
Розвѣй тугу, розвѣй тугу, що на серцю ношу!
Повѣй, вѣтре, изъ за горы, звôдки тя жадаю,
А то съ тоей сторононьки, де милого маю!

453.

Ой вже жь менѣ не ходити, куда я ходила,
Ой вже жь менѣ не любити, кого я любила.
Ой вже жь менѣ не ходити зеленымъ потокомъ,
Ой вже жь менѣ не любити Томуня пôдъ бокомъ!

454.

Ой одъ вôдти, вôдъ Пѣстиня, ѣде колѣсничка:
Дай же мене, моя мати, та за ремѣсничка!
Ремѣсничокъ, якъ паничокъ, а ручка бѣленька,
Та нйколи тѣ не скажу: «Головко бѣдненька!»

455.

Та дала мья моя мамка за высокй горы,
Не дала ми бôльше ничогъ, лише однй бджолы;
А бджолы ся розлетѣли, лишь я ся лишила,
А теперь 'сь мья, моя мамко, на вѣки втопила.

456.

Поки 'мь була у мамочки та овечки пасла,
Я сыръ ѣла, я дзеръ пила, була въ личку красна;
А якъ пôшла за ткачика цивочки сукати,
Дивилася въ чужій городъ натины набрати.

457.

Ой ковала ми зазулька, ковала, ковала:
Якъ упала тяжка зима, она ся сховала;
Якъ упала тяжка зима, ковати забула,
Далеко ся исховала, якъ бы ту не була.

458.

Ой коли 'сь мья та й не любивъ, було жь мья не брати,
Бо я тобѣ не грушочка въ саду коштовати;
Бо грушочку покоштуешь, та й далѣй закинешь,
А вôдъ мене, молодоя, марне съ свѣта згинешь.

459.

Вôддай мене, моя мати, за кого я важу,
Най я буду сêмь разъ бита, я тобѣ не скажу.

460.

Пôшла бы я на кладочку, кобы 'мъ не упала,
Пôшла бы я за наймыта, кобы 'мъ не пропала;
Бо въ наймыта волôвъ нема, сорочка не шита,
За наймытомъ дѣвчинонька сêмь разъ на день бита.

461.

Дала мене, моя мати, за кого я хтѣла,
Зашумѣла нагаёчка кого мого тѣла.

462.

Ой мѣсяцю перекрою, зайди за комору,
А съ кимъ менѣ любо мило, най си поговорю!
Ой мѣсяцю перекрою, не свѣти нікому,
Тôлько мому миленькому, якъ иде до дому!

463.

А якъ идешь, любко, на нôчь, заграй же въ сопѣлку,
А я выйду, послухаю, чи ты тамъ, сокôльку!
А якъ идешь, любко, на нôчь, заграй же въ листочокъ,
А я выйду, послухаю, чи твôй голосочокъ!

464.

Ой не ходи улицями, та й не дуже гукай,
Казала 'мъ тѣ ще зъ осени: «У людій си шукай!»

465.

«Ой мôй свѣтку, ой мôй свѣтку, якъ маковый цвѣтку!
То 'сьте ми го завязали въ бѣлу перемêтку!
Ой якъ есьте завязали, такъ го розвяжѣте,
Та най я си погуляю, якъ людьскіи дѣти!» —
«Ой треба бы, моя доню, три тисячей дати,
«Шобы тобѣ, молоденькôй, свѣтокъ розвязати.» —
«Ой зложѣте, моя нене, зложѣте, зложѣте,
Таки менѣ, молоденькôй, свѣтокъ розвяжѣте!»

466.

Хоть бы прійшло погибати по саміи уха,
Таки пôду до дѣвчины, хотяй заверуха.
Хоть бы прійшло погибати по саміи очи,
Таки пôду до дѣвчины темненькои ночи.

467.

Ой на грушцѣ бѣлый цвѣтъ, та вже опадае:
Любивъ Козакъ дѣвчиноньку, та вже покидае.
Ой нехай же покидае, якъ самъ собѣ знае,
Щасливая дороженька, куда вôнъ думае!

468.

Гей далека дороженька вôдъ Ввислы до Днѣстру,
Пустивъ е'мъ ся та й безъ весла на рѣченьку быстру;
Не для того, бы 'мъ свѣтъ звѣдавъ, нй для того краю,
Ино для тои вишеньки, що надъ Днѣстромъ маю.

469.

Ой Цêсарю, Цêсароньку, въ тебе шапка срêбна,
Кобы 'сь зъѣхавъ, подивився, яка Польща бѣдна!
Ой чому же Польща бѣдна? Бо Ляхи зôдрали,
Шо 'смо мали по коровѣ, й то Жиды забрали;
Жиды взяли по коровѣ, Цêсарь бере дѣти,
Не маемо, пане брате, що въ Польщѣ седѣти!

470.

А ты седишь за горою, а я за другою,
Чи тужишь ты такъ за мною, якъ я за тобою.
Коли тужишь такъ за мною, якъ я за тобою,
Поберемся, серце мое, та жіймо съ собою!

471.

Нещасливе закоханье, треба занехати,
А що було серцю миле, треба покидати.

472.

«Ой хлопчино, хлопчинонько, то єсь ми миленькій,
Якъ у лѣтѣ при роботѣ вѣтрець холодненькій!» —
«Ой дѣвчино, дѣвчинонько, то єсь ми милая,
Якъ у лѣтѣ при роботѣ вода студеная!»

473.

Подивьюся сюда, туда, не виджу нікого,
Прійде ми ся розболѣти зъ жалю великого.

474.

«По пôдъ тоти полонины густі буковины:
Коли тя ся надѣяти, любку, съ полонины?» —
«Ой надѣйся, моя мила, рано въ суботоньку,
Ой выпишу, вымалюю ружеву квѣтоньку;
Ой выпишу, вымалюю ружеву квѣточку,
Передамъ ю до милои, що 'мъ є на свѣточку.»

475.

Хитай, вода, берегами, хитай, вода, лугомъ!
Чому 'сь до мья не приходивъ, якъ єсь ишовъ съ плугомъ?» —
«До тебе бы, любко, прійти, а въ тебе бы сѣсти,
Въ мене волы сивенькіи, та схотѣли ѣсти.»

476.

На що менѣ ручку даешь, коли мня не знаешь?
Чого менѣ на серденьку тугу начинаешь?

477.

Котилися возы зъ горы, на долинѣ стали:
Кохалися чорнiй очи, теперь перестали,
Кохалися, любилися, що мати не знала,
Теперь бо ся розлетѣли, якъ чорная хмара!

478.

На Рунгурахъ нема лѣса, лише саме дубье:
Та тамъ мое пребувае сивеньке голубье.

479.

Два голубы воду пили, а два й колотили,
Бодай тоти не прощенй, що насъ розлучили!

480.

Ой розлука, товаришу, розлука, розлука:
А все тото наробила посестриця сука!

481.

Ой можь знати, пōзнавати, хто кого кохае:
Вороточка минаючи, тяженько вздыхае.

482.

Ой убита дороженька, куды товарь ходитъ:
Угнѣвався мôй миленькій, уже не приходитъ;
Угнѣвався мôй миленькій на мене, на мене,
Всѣдлавъ воронъ кониченька, поѣхавъ вôдъ мене.

483.

Подушочки пиховіи, хто 'ме на васъ спати?
Личко мое румяненьке, хто 'ме цюловати?
Тототъ буде цюловати, котрій въ капелюсѣ,
Тототъ якъ разъ поцюлуе, пристане до души.

484.

А калинка бѣло цвете, а червоно родитъ:
Великое закоханье до бѣды приводитъ.

485.

Ой кобы ты такъ за мною, якъ я за тобою,
То мы бы такъ пробували, якъ рыбка зъ водою!

486.

Ой не видко Коломыи, лише видко хресты,
Туда менѣ любо, мило очима повести.

487.

Бодай тебе, Бодай мене, Бодай насъ обоє!
Тôлько въ людей не ма суду, кôлько на насъ двоє!

488.

«Повѣджь же ми, моя любко, повѣджь ми правдочку,
Не завдавай тяжкой журбы моему сердечку!» —
«Не буде бо, мôй миленькій, не буде, не буде,
Лишь не слухай брехнѝ тои, що йде черезъ люде!»

489

Кобы паны позволили, а попи шлюбъ дали,
Мы жъ бы то ся, моя любко, сихъ мьясниць побрали.

490.

«Або мене, любко, люби, або мене лиши,
Або мои чорнѝ брови на паперѣ пиши!» —
«Писавъ бы 'мъ я на паперѣ, паперу не маю,
Поѣхавъ бы 'мъ за паперомъ, дороги не знаю.»

491.

«Коли 'сь менѣ не хотѣла дружиночковъ бути,
То дай менѣ таке зѣлье, шобы тя забути!» —
Ой є въ мене таке зѣлье коло перелазу,
Якъ его тамъ переступишь, забудешь вôдъ разу.»

492.

«Любко жь моя солоденька, любко ма чичена,
Чого 'сь мене зволочила, ще я бувъ хлопчина?«—
«Не я тебе зволочила, а нй моя пенька,
Але тебе зволочила головка гладенька.»

493.

«Душко жь моя миленькая, душко жь моя мила!
Ой бувъ я си хлопець добрый, ты 'сь мня зволочила.»—
«Ни я тебе зволочила, а нй мои очи,
Але тебе зволочило, що ходишь по ночи.»

494.

Ой напійся, молоденька, до мене горѣвки:
Ты не маешь чоловѣка, я не маю жёнки.

495.

Чи я тобѣ не казала, не казали люде,
Шо зъ нашого закоханя нйчого не буде?

496.

Два явори, якъ соколы, оба зелененькй:
Любѣмося, серце мое, бо 'сьмо молоденькй!

497.

Перескочу быстру рѣчку, а ні̂ доторкнуся:
Перестану тя любити, а ні̂ подивлюся.

498.

Ой не съ того дивуюся, шо мы ся любили,
Але съ того дивуюся, шо 'смо ся лишили.
Ой якъ мы ся бай любили, то гай розвивався,
А якъ мы ся залишили, весь міръ дивовався.

499.

Бѣдна жь моя головонько, бѣдна жь моя, бѣдна,
Взяла ми ся головоньки журба не потрѣбна!

500.

Доки мы ся та любили, сухі̂ дубы цвѣли,
А якъ мы ся залишили, то й сирі̂ повяли.

501.

«Ой ты, горо камѣнная, чомъ ся не лупаешь?
Ой скажи ми, дѣвча, правду, въ кимъ ты ся кохаешь?»—
«Хиба бы я съ пѣску була, шобы 'мъ ся лупала:
Хиба бы я дурна була, шобы 'мъ ся признала.»

502.

«Упавъ снѣжокъ на облôжокъ, вчинився водою:
Ци ты тужишь такъ за мною, якъ я за тобою?»—
«Ой тужу я, моя мила, ой тужу я, тужу,
Прошу тебе, чекай мене, най року дослужу!»

503.

Позаростали стеженьки мохомъ и травою,
Де ходили, говорили, серденько, съ собою;
Позаростала стеженька зеленовъ лѣщиновъ,
Де ходила, говорила зъ молодымъ дѣвчина.

504.

Стоитъ верба надъ водою, колыше собою:
Ой чи тужишь такъ за мною, якъ я за тобою?

505.

«Рубай, сыну, яворину, роби, сыну, клиня:
Возьми собѣ сироточку, буде господиня!»—
«Не съ кождои яворины буде, ненько, клиня,
Не съ кождои сироточки буде господиня.»

506.

Шкода травы зеленои, шо нихто не коситъ:
Шкода моей перстенины, шо ляда хто носить.
Верни менѣ перстенину, я тобѣ хустину,
Нехай люде не говорять, шо за тобовъ гину!

507.

Туда лозы хилилися, куда имъ похило,
Туда очи дивилися, куда серцю мило.

508.

Ой не видко того села, лише видко хресты:
Туда менѣ любо, мило, очима позвести.
Ой не видко того села, лише видко пеньки:
Туда менѣ дороженька до моей миленькôй.

509.

Ой не видко того села, лише видко грушу:
Туда менѣ помыкає рано, въ вечêръ душу.
Ой не видко того села лише похилечка,
Та й не видко миленького, а нѝ подвôречка.

510.

Бодай тебе, Бодай мене, Бодай насъ обоє!
На що жь мы ся покохали на нещастьє своє?
А на тебе посварили, мене хотятъ бити,
Шобъ съ тобою не стояти, та й не говорити.

511.

Топилися снѣги зъ горы, на долинѣ стали,
Любилися сивѝ очи, теперь перестали;
Любилися, любилися, шо мати не знала,
Не дай, Боже, розôйтися, якъ чорная хмара!

512.

Сѣю рожу по морозу, по снѣгови сходитъ:
Великое закоханье до бѣды приводитъ.

513.

«То 'сь ми, люба дѣвчинонько, то 'сь ми до сподобы,
Не кажуть тя люде брати, не маешь худобы.» —
«Мене люде не годуютъ, не пріодѣваютъ,
Най же менѣ худобоньки не выпоминаютъ!»

514.

Нѣмеччина — не Ляшина и земля Волоска:
Пôдмовивши уже дѣвча, пôде поголоска.

515.

Личко твое румяное крайснѣше надъ рожу,
Я тя бѣдный молоденькій забути не можу.

516.

«Ой засвѣти, мѣсяченьку, та й ты, зоре ясна,
Передъ тыми воротами, де дѣвчина красна!» —
«Ой засвѣти, мѣсяченьку, тыми долинами,
Куда иде мôй миленькій на нôчь изъ волами!»

517.

Чи ты мене вчаровала, чи трутѣвки дала,
Ой що жь бо ты менѣ розумъ зовсѣмъ вôдобрала?
Ходжу, нуджу гукаючи, говорю съ собою,
Чи тужишь ты такъ за мною, якъ я за тобою?

518.

Заковала зазуленька по пôдъ небесами:
Заплакавъ же Ивасенько двома голосами.

519.

Мене мати породила близенько потока,
Та казала: «Рости, дочко, тоненька, высока!»
А я неньки послухала, выросла тоненька:
На три сяжнî поясина, та й ще коротенька.

520.

«Завѣй же ты, вѣтросеньку, по полю, по полю,
Та розвѣй же, та рознеси мою пусту долю!»—
»Завѣю ти, дѣвчинонько, та й по передъ хати,
Не розвѣю, не рознесу, шо ти мавъ Бôгъ дати.»

521.

Не буду я жита жавъ, ино пшениченьку:
Не буду я вдовы бравъ, ино дѣвчиноньку.
Бо у вдовы два сыны, оба нежонатî,
А въ дѣвчины бѣле личко, буду цѣловати.
Бо у вдовы два сыны, будутъ мене бити,
А въ дѣвчины чорнî очî, будемъ ся любити.

522.

Заковала зазуленька на гаю, на гаю:
А де жъ я ся не родила, вмирати гадаю.

523.

Заковала зазуленька на хатѣ, на розѣ:
Заплакала дѣвчиронька въ сѣнёхъ на порозѣ.

524.

Кобъ то пити, кобъ то пити, кобъ то ся не впити,
Жебы знати, що сказати, зъ кимъ поговорити.

525.

Заковала зазуленька, де туча не била,
Тамъ родина зъ родиною горѣлочку пила.
Ой родина зъ родиною, а братъ изъ сестрою,
А ще краще, подобнѣше, якъ мужъ изъ женою.

526.

Горѣлочко оковита, люблю жъ я тя пити:
Тяжко, гӧрко заробити, тебе заплатити!

527.

Заспѣвавъ бы 'мъ спѣваночку, кобъ то ей вдати,
Ту чужая сторононька, будутъ ся смѣяти;
Ту чужая сторононька, ту чужіи люде,
Якъ я не вдамъ спѣваноньки, соромъ менѣ буде.

528.

Ой на що намъ, моя мамцю, собаки тримати,
Коль ми м'еме сусѣдоньки, що знаютъ брехати?

529.

За моими воротами отесана лата:
Та южъ мене оббрехала бѣдонька варгата.

530.

За моими воротами зеленая груша:
Та южъ мене оббрехали, я невинна душа

531.

Насѣяла 'мъ крутой руты меджe берегами,
А якъ менѣ тяжко жити меджe ворогами!

532.

Не стôй, чудо, у порога, не будешъ мя бити,
А я буду твого мужа три лѣта любити.

533.

Ой поѣхавъ мôй миленькій до Львова, до Львова,
Та згорѣло серце мое, якъ житна солома.

534.

Ой нйчого жъ ми не жаль, леше ино того,
Та й що жъ бо мы розлученй едно вôдъ другого.

535.

Плынѣтъ, гадки, товъ водою до милого мого,
Скажѣтъ ему та й вôдъ мене, що тужу безъ нёго!

---

53 6.

Ой навысли чорнй хмары, навысли, навысли,
Не зôйдешъ ми, мôй миленькій, нйколи изъ мысли.

537.

Хиба тогди мôй миленькій о тобѣ забуду,
Якъ на вѣки изъ симъ свѣтомъ прощатися буду.

538.

Скрипливіи воротонька, не можна заперти:
Кого любью, не забуду до самои смерти.
Скрипливіи воротонька, не можь заперати:
Кого любью, не забуду, хоть буду вмерати.

539.

Куда пôду, туда пôду, та все ґадку маю,
Ой втратила 'мъ миленького, вже го не спôймаю.
А хоть его та й спôймаю, то вже не такого,
Прикладаю — не пристае до серденька мого.

540.

Похилився дубъ на дуба гôльемъ на долину:
Лѣпше тебе, любцю, любью, якъ мати дитину.

541.

Або, горы, розступѣтся, або мя покрыйте,
Маете мя розлучати, лѣпше мя убійте!

542.

Цвите терня, цвите терня, бо корêня мае:
Хто милости не зазнае, тотъ жалю не мае.

543.

А хто знае вôдъ кохання, то порадьте, люде,
Бо вже жъ менѣ за миленькимъ загибочокъ буде.

544.

Ой якъ я си нагадала, кого я любила,
То ажь ми ся долôвъ личкомъ слёза покатила.

545.

Болитъ мене головонька вôдъ самого чола,
Не видѣла 'мъ миленького нй нынѣ, нй вчора.

546.

Ой я тебе вѣрне любью, ты мя перестаешъ,
Охъ якъ же ми тяжко, нудно, ты о тôмъ не дбаешь.

547.

Ой я въ виру, воду беру, на камени стою,
Люба минѣ розмовонька, миленькій, зъ тобою.

548.

Ой годину я спѣваю, а годину плачу,
Та що тебе, мôй миленькій, такъ давно не бачу.

549.

Повѣй, вѣтре буйнесенькій, звôдки тя жадаю,
Та изъ тои сторонькы, де милого маю.

550.

Ой по горѣ, по долинѣ, зеленый макъ сходить,
Нема кому вôдвѣдати, що мôй милый робитъ.

551.

Посѣю я руту круту, а рута не сходитъ:
Черезъ тяжкй вороженьки милый не приходитъ.
Чей морозъ ся пересяде, а рутонька зôйде:
Чей вороги ляжутъ спати, а мôй милый прійде.

552.

Вже 'мъ сорочку та й вышила шовковою нитковъ,
Вже 'мъ си очи выдивила, милого не видко.

553.

Черезъ гору высокую убитый слѣдочокъ:
Чому, милый, не приходишъ, якій ти смуточокъ?

554.

Курилася дороженька, курилася курно:
Гнѣвалася та й на мене моя мила дурно.
Ой чи ты ся, моя мила, людей не встыдаешъ,
Та що ты ся за марну рѣчь на мене гнѣваешъ?

555.

Не гнѣвайся, мôй миленькій, на мене, на мене,
Хоть ти яка долегливôсть, то не черезъ мене!

556.

Стоитъ липка надъ водою: «Липко жъ моя, липко!»
А всѣ хлопцѣ пьютъ, гуляютъ, лишъ мого не видко.

557.

Ой пôду жъ я до коршмоньки, стану на порозѣ,
Всѣ парубки пьютъ, гуляютъ, мой милый въ дорозѣ.
Ой пôду жъ я та до церкви, та й попрошу Бога,
Щобы мому миленькому щаслива дорога.

558.

Свѣтитъ сонце, свѣтитъ сонце, на хату лелѣє,
Ой вже не ма та й не буде, на кого надѣя.

559.

Ой по горѣ камêнячко, якъ позолочене,
Чогось мое вôдъ недѣлѣ серце засмучене!

560.

Ой по саду, по садочку, листочокъ ся стелитъ:
Бѣдна жъ моя головонько, мôй милый ся женитъ!
Ой най же ся вôпъ та й женитъ, я ся не повѣшу,
Кобы борше до недѣлѣ, я ся иншимъ втѣшу.

561.

Не ма жъ мого миленького, не ма жъ моей квѣтки,
Пôшла бы 'мъ го выглядати, та не знаю звôдки.

562.

Ой заросли тоти стежки мохомъ, травиною,
Де 'мъ ходила, говорила, серденько, зъ тобою!
Ой заросли тоти стежки лѣсомъ зелененькимъ,
Де 'мъ ходила, говорила, изъ моимъ миленькимъ!

563.

Ой стану я на кладочцѣ та й ся похитаю:
Любе мое закоханье, вже тя занехаю!
Ой стану я на кладочцѣ та й ся поколышу:
Любе мое закоханье, вже я тя залишу!

564.

Доки мы ся та любили, сухіи дубы цвѣли,
А якъ мы ся перестали, й зеленіи повяли.
Доки ми ся та й любили, весь лѣсъ зеленѣвся,
Ой якъ мы ся розходили, весь міръ дивовався.

565.

Ой не тому я спѣваю, що я гараздъ маю,
Лише тыми спѣванками тугу розрываю.

566.

По пôдъ бѣле камêнячко, туда вода була,
Не велика люба була, и та ся минула.

567.

Летитъ пава, летитъ пава, середъ села впала:
Не пôду жъ я та й за того, котрого ’мъ кохала.

568.

Ой на ставѣ двѣ качонцѣ неможъ ихъ загнати:
Не буду жъ я за тобою, можу о тôмъ знати.
Ой на ставѣ двѣ качонцѣ днуе та й ночуе:
Не буду я за тобою, мое серце чуе.

569.

Не дôзнае бôльше въ свѣтѣ бôльшой прикрости,
Ой якъ же той, та що любитъ та безъ взаемности.

570.

Шумитъ вода, шумитъ вода, по камêнью гучитъ:
Хто плакати та й не вмѣе, люба го научитъ.

571.

Нихто того не згадае, згадати не може,
Та що въ моимъ е серденьку, лишъ ты, милый Боже!

572.

Коли мене, любцю, любишъ, люби жъ мя една̂ую,
Не поглядай оченьками на дѣвча другую!

573.

Ой не свѣти, мѣсяченьку, нѝкому, нѝкому,
Лише мому миленькому, якъ иде до дому!
Свѣти ёму, мѣсяченьку, свѣти до пôвночи,
Не хай худко прієзджае, бо выплачу очи!
Свѣти ему, мѣсяченьку, свѣти и зорями,
Ой якъ буде мôй миленькій ѣхати горами!

574.

Щобы горы розкопати, лѣсы прорубати,
Чей бы видно до милого, та й до его хаты.

575.

Якъ же менѣ не плакати, самѝ слёзы лются!
Миленького разъ въ рôкъ виджу, не любъ належится!

576.

Гôркій полынъ, гôркій полынъ, гôрко его ѣсти,
А ще гôрше вôдъ полыну изъ нелюбомъ сѣсти.

577.

Ой жалю жъ мôй, та й великій, ой жалю жъ мôй, жалю,
Ой якъ прійде нелюбонько, засяде всю лаву!
Та якъ прійде мôй миленькій, не мае де сѣсти,
Ой прійдеся мому серцю изъ жалю розсѣсти.
Ой вступися, нелюбоньку, най мôй милый сяде,
Трохи ми ся черезъ тебе серце не розсяде!

578.

Ой сонêнько ясно свѣтитъ, вѣтеръ тихо вѣе:
Ой якъ я тя та й не виджу, серце минѣ млѣе.

579.

Плыне лебêдь коло млына, коло мого дому:
Ой кого я вѣрне любью, не скажу нікому.

580.

Ой Боже жъ мôй милосердный, дай же менѣ раду,
Та щобы я у коханю не дôзнала зраду!

581.

Ой не ходи, журавленьку, до озера пити,
Бо тамъ стоитъ два Козаки, хотятъ тебе вбити!

582.

Ой що жъ менѣ за зѐленько, же ся зеленѣе:
Ой що жъ менѣ за молодець, же ся зъ мене смѣе!

583.

Коло гаю походжаю, коло лѣщиноньки,
«Чи 'сь не видѣвъ, пане брате, моей дѣвчиноньки?»—
«Ой хоть видѣвъ, ой хоть бачивъ, не могу казати,
Бо ся буде дѣвчинонька на мене гнѣвати.»

584.

Ой що жъ менѣ за зѐленько зацвило синенько,
Нйхто жъ ми ся не вподобавъ, лише Василенько.

585.

Бодай ты ся, когутику, на сѣдалѣ знудивъ,
Шо ты мене молодую такъ раненько збудивъ!
А я знаю, когутику, якъ рано вставати,
Якъ сонечко въ вôконечко, а милый до хаты.

586.

Ой тамъ, ой тамъ, за рѣчкою, сидитъ молоденька:
«Черезъ рѣчку подай ручку, дѣвчино миленька!»—
«Рада бы я, мôй миленькій, и обѣ подати,
Сидитъ въ хатѣ пôдъ вôконцёмъ рôдненькая мати!»

587.

Пôшли вôвцû въ полонинку, лишь ягнятка блѣютъ:
«А що нашû вôвчарики въ полонинцѣ дѣютъ?»—
«Ой я знаю, моя мамко, та що вони дѣютъ,
Але сидя' у ватерки, бѣлû нôжки грѣютъ;
Ой я знаю, моя мамко, що раненько встаютъ,
Та бѣлыми волôчками нôжки пôдвиваютъ;
Ой знаю я, моя мамко, що ранелькô встаютъ,
Та и возмуть трембûточки, та ще й трумбѣтають.»

588.

Ци трембûтки трембѣтаютъ, ци голосъ овечій?
Даютъ знати, даютъ знати, шобы війти вечêръ.

589.

Кобы я знавъ, файна любко, шо ты въ буковинѣ,
Лишивъ бы я вôвцû пасти а въ тôй полонинѣ.

590.

«Ой вôвчару, золотару, покинь вôвцû пасти!»—
«Не покину, хоть загину, не вчивъ я ся красти.
Ой укравъ 'сме два бараны, а трету ягницу,
Вони менѣ збудовали въ Сиготѣ темницу.
Ой на ноги кайданицû, на руки скрепицû,
Тото тобѣ, ледѣнику, за чужû ягницû!

591.

Ой кобы я крылця мала, я бы полинула,
Я бы свому вôвчареви вôвцѣ завернула!
Ой кобы я крылця мала тоти воробцеви,
Я бы вôвцѣ привернула свому молодцеви.

592.

Ой у тотôй полонинцѣ вѣтеръ ся вагує,
Одно бѣдня вôвцѣ пасе, друге ватагує:
Одно бѣдня вôвцѣ пасе, друге ватагує,
Ой наробитъ колачикôвъ, менѣ надарує:
Колачики роблении на бѣлôй платинѣ,
А такъ менѣ подарує, якъ малôи дитинѣ.
На боклажку бай роблений, перстеномъ значений,
А вôдъ кого колачики? Все то вôвчареви.

593.

Ой пôду я въ полониньку по зелене сѣно,
Полонинку не перейду, бо сонечко сѣло.

594.

Подивися у вôконце, ци высоко сонце?
Треба менѣ миленького у вечеръ доконче.

595.

Подивися, святый Боже, зъ высокого неба:
Штыри дошки, сяжêнь землѣ, бôльше ми не треба!

596.

Ой серака Поляниця кукурузы сѣе,
А упадча Гуцулія на то ся надѣе.
Ой серака Поляниця кукурузъ сапае,
А упадча Гуцулія бесаги латае.
Ой серака Поляниця кукурузы поле,
А упадча Гуцулія вже бѣжитъ у поле.

597.

«Ой Гуцуле, Гуцуленьку, поганая вѣра!
Твоя жёнка у середу солонину ѣла.»—
«Ой брешешъ ты, Полянику, твоя еще гôрша,
Твоя ѣла у пятницу, а пятйнка бôрша.»

598.

Ой ходитъ панъ Ромашканъ та й по полонинѣ,
По сто овецъ наметано у каждôй царинѣ.

599.

Якъ я прійшла до церквочки, та й ся роздивила,
Оттакъ стутно свѣчка горитъ, що милого не ма.
Черезъ малу годиночку миленькій уходитъ,
Отъ такъ свѣчка засвѣтила, якъ зôрничка зходитъ.

600

Не сêмъ боцѣ вогонь горитъ, на тôмъ боцѣ дымно,
Якъ я пôду съ сего села, комусь буде дивно.
На сêмъ боцѣ вогонь горитъ, на тôмъ боцѣ жаръ, жаръ,
Якъ я пôду зъ сего села, комусь буде жаль, жаль!

601.

Летитъ воронъ зъ чужихъ сторонъ та крылцями фай, фай,
Якъ я пôду зь сего села, комусь буде жаль, жаль.
Летитъ воронъ зъ чужихъ сторонъ, а вôнъ не голоденъ,
Ой тотъ буде жаловати, хто мене не годенъ.

602.

Подивися, легѣнику, по собѣ, по менѣ,
Ци богато твоей працй на менѣ, на менѣ?
Штыры нижки пацерочокъ, а та пята моя,
Можешъ собѣ вôдобрати, за то воля твоя.

603.

Пôдъ зеленымъ яворикомъ хитавъ хиторовецъ,
Чорна кляса, мордокляса, ґайда кучеровецъ!

604.

Ой Марйчко, зажжи свѣчку, най перейду рѣчку,
Ой та зажжи обѣ, обѣ, най перейду дъ тобѣ!

605.

Марiєчка, забарiєчка, забарила мене,
Ой якъ зори зазорили, вôдрядила мене.

606.

А якъ менѣ не гуляти, коли въ мене мати,
И постелитъ и накрые: «Лягай, доню, спати!»

607.

Ой а плечѣ сточовани̂, рукавцѣ зъ одного,
Перегôнка ярчукова, тото брата мого.
Ой та пôшовъ горѣ плаёмъ, сѣвъ собѣ на гôрцѣ,
Пытае ся товариша; «Ци всѣ наши̂ вôвци̂?»—
«Не ма твоей круторôжки, моей пентолôжки,
Не маемо, товаришу, ни̂ нашой надѣжки.»

608.

Зарыкала у чередѣ, коровочка йдучи:
Заплакала дѣвчинонька, ледѣника ждучи.
Зарыкала коровочка, зарыкала пряна:
Не ма, не ма и не буде ледѣника Йвана.
Ой прійду я до коморы постѣвку стелити,
Постѣвъ сама, стѣна нѣма, ни̂ съ кимъ говорити!

609.

Зашумѣла дубровонька, якъ ся розвивала:
Заплакала дѣвчинонька, якъ ся вôддавала.
«Ой не шуми, дубровонько, доста листу буде!
Ой а не плачь, дѣвчинонько, гараздъ тобѣ буде!»—
«Ой якъ бы я не плакала, та й не голосила,
Та за тыми волôчками, що ихъ не зносила.»

610.

«Ой сонечко въ вôконечко, а мѣсяць у крузѣ:
Ой уже ты, дѣвчинонько, въ мамки на вôслузѣ» —
«Що бы тобѣ, моя доню, за выслугу дати?
Десêть коровъ, десêть коровъ зъ малыми теляти;
Десêть овецъ, десêть овецъ зъ малыми ягняти,
Десêть козокъ, десêть козокъ зъ малыми кôзляти;
Десêть козокъ, десêть козокъ зъ малыми кôзляти,
Ще до того коня вороного въ сѣдлѣ осѣдлати.»

611.

Ой выйшовъ я дъ горѣ, дъ горѣ, та й ставъ за кулешневъ,
А я вчинавъ, еге! еге! дѣдько бы зъ тя кашлявъ!

612.

Курилася дороженька, куды жабка лѣзла:
Бодай тобѣ, дѣвчинонько, головка облѣзла!
Най бы в'на ти тай облѣзла, та и облупила,
Ой що мене до твоего дому принадила!

613.

Не иди ты, ледѣнику, та й на полёванье:
Дощикъ иде, роса паде, замочишъ убранье.
Дощикъ иде, роса паде на бѣлу березу,
А я свому миленькому сорочку мережу.

614.

«Купивъ бы 'мъ ти, моя мила, горѣвки до волй,
Кобы 'съ ми не боронила въ вечёръ до другои.» —
«Иди, иди, ледѣнику, менѣ се не шкодитъ,
Хоть такъ ходи по вздовжъ села, якъ жебраки ходятъ!»

615.

«Иде туча изъ Залуча, чорненькая хмара:
Шобы тобѣ, Марiечко, изъ Иванкомъ пара.» —
«Ой хоть пара, хоть не пара, мусить бути пара,
Бо в'на ему у сорочки полы циркувала;
Циркувала, циркувала всякими квѣтками,
Шобы его спôзнавала межи парубками.»

616.

Въ полонинцѣ на кидринцѣ ватерка ся куритъ:
«Ходѣмъ, брате, до дѣвчины, дѣвчина ся журитъ!»
Въ полонинцѣ на кидринцѣ ватерка палала:
«Ходѣмъ, брате, до дѣвчины, дѣвчина конала!»

617.

Коли палишъ сѣны, хату, пали жъ обороги:
Коли идешъ до дѣвчины, не пытай дороги!
Коли палишъ сѣни, хату, пали жъ и оденки:
Коли идешъ до дѣвчины, не пытай ся неньки!

618.

Пôшли козы по за лозы, вôвцѣ по бодячу:
Пôшла Гандзя на панчину: «Радуйся, паничу!»
«Ой паничу, ой паничу, лиха ти не зычу,
А на твоимъ подвôречку та й коровки рычутъ.» —
«Та най рычутъ, та най рычутъ, молодичку клычутъ!»—
«Молодичка и не чуе, бо въ коршмѣ ночуе.»

619.

На тѣмъ боцѣ, при потоцѣ горѣшки ся трясутъ:
Дала бы 'мъ вамъ по писанцѣ, курки ся не несутъ.

620.

Ой Олена — прибѣлена, Василина — кавна,
А Маричка — пышна чѣчка, бо то любка давна.

621.

Ой Аннице, бѣлелице, ходѣмъ до потока,
А въ потока шипетина, широка толока!

622.

Ой Аннице, бѣлелице, Аннице коштôвна!
Чому жъ тобѣ у Буковецъ дорога нерôвна?
Ой нерôвна, ой нерôвна, нерôвно ходити,
Хиба мы ся, файна любко, залишѣмъ любити.
Докивъ мы ся та й любили, втѣхи та радости,
А якъ мы ся залишили, жалю та банности.

623.

Ой изъ горы на долину поволеньки зôйду:
«Звари, любко, пирожата, въ вечêръ до тя прійду!» —
«Зварила быхъ пирожата, кобы сыръ та масло,
Пôшла сыта та й корыта, а въ печи погасло.»

624.

Котилися возы зъ горы, поломали свôрнѣ:
«Не йди, дѣвко, за удôвця, чекай своей рôвнѣ!
А удовецъ не молодецъ, ме бити, кортати,
Бѣле личко румяненьке дъ свому прирôвнати.»

625.

Пôшло бѣдня въ полонинку, наказуе менѣ:
Отъ такъ бы съ ся справовала, якъ я въ полонинѣ!

626.

Ой вôнъ менѣ наказуе все ластôвочками,
А я ему вôдсылаю перепеличками.

627.

Пасе бѣдня вôвцѝ въ Глофѣ та у Чорногорѣ,
Але его колачики у моêй коморѣ.
Ой а его колачики всѣ въ моêй коморѣ,
А вôнъ ходитъ зъ голымъ бучкомъ ажъ по Чорногорѣ.

628.

Выйшла, выйшла дѣвчинонька, стала голосити:
«Трава, трава полягае, нѝкому косити.» —
Выйшовъ, выйшовъ ледѣничокъ, ставъ êй говорити:
«Не плачь, не плачь, дѣвчинонько, я вмѣю косити.» —
«Рубай траву серединовъ, та коло сердечка,
Неметъ тебе утинати та у поперечка!»

629

Заплакала дѣвчинонька дрôбными слёзами:
«Не ма, не ма ледѣника зъ панскими возами!»
Пôшовъ ледѣнь до Сигота муры муровати,
Ой заказавъ ледѣнь дѣвцѣ рôкъ ся не вôддати.
Але пôшовъ ба й ледѣнчокъ уже поза Вѣдню:
«Вôддавайся, дѣвчиночко, бо я вже не выйду!»

630.

Ой иму я въ рѣцѣ рыбу, а въ кирници рака:
Дай ти, Боже, на здоровье, дѣвчино сарака!» —
«Ой иму я въ рѣцѣ щуку, а въ кирници рыбку:
Дай ти, Боже, на здоровье, Иваночку, сынку!»

631.

«Ой Аннице, бѣлелице, ци пôдешь за мене,
Ци зачѣстришь, ци запрядешь, погодуешь мене?» —
«Ой Бодай я, вражій сыну, того не зазнала,
Зачѣстряти, запрядати, тебе годувати!»

632.

Ковала ми зазулечка въ саду бервêнковымъ:
Срѣбне сѣдло на конику ше й на Иванковымъ;
Сребне сѣдло на конику, ше й злотая узда,
Якъ я его та не виджу, находитъ мя нужда.

633.

За вороти въ папороти пасе теля чорне:
Мое бѣдня на конику, якъ золоте зерня.
За вороти въ папороти пасе кôнь у сѣдлѣ:
Кого не любью, не буду, хоть най ходитъ въ срѣблѣ!
За вороти въ папороти пасе кôнь у ланцѣ:
Кого любью, не забуду, хоть най ходитъ въ дранцѣ!

634.

Ой листочокъ яворовый, широкій та довгій:
Любятъ мене молодицѣ покивъ ремêнь повный:
А якъ стало у ремени грошій упадати,
Яли мене молодички та й не пôзнавати.

635.

Ой любили два ледѣнѝ одну молодицу,
Оденъ утêкъ у колопнѝ, другій на вулицу,
А и тому на вулици та й провелося,
Ой а сего изъ колопень тягли за волося.

636.

«Ой чому ты, дѣвчиночко, та й не выходила,
Коли мене царинками котюга гонила?»
«Не выходила, ледѣнику, болѣла головка,
Я гадала, шо котюга ой гонила вовка.» —
«Кобы 'сь була, дѣвчиночко, на царинку выйшла,
Вже бы сь була здоровенька у хату не вôйшла.»

637.

Якъ ударивъ оденъ пласомъ, а другій обухомъ,
Бôрше нѝ чêмъ не кинула, лишь плечемъ та ухомъ.

638.

Займивъ вôвцѝ въ Королêвку, зôгнавъ на дорогу,
Якъ нагадавъ за дѣвчину, самъ гайда до дому!

639.

Займу вôвцѝ по надъ село, самъ пôду идъ горѣ,
Шобы я се та надививъ на пишнѝ побои.
А якъ тотѝ побоики пышно побиванѝ,
А у любки чорнѝ очѝ якъ намалëванѝ!
А въ мови любки, любки паперовѝ дверѣ,
Сховаюся у садочокъ, якъ иду до неи.

640.

А я тебе, товаришу, любити не лишу,
Поцѣлунки твои плечинятка букомъ не обпишу;
Але я ихъ ба й не буду та й букомъ писати,
Лишъ не буду на дорозѣ: «Помай, Бôгъ, казати!»
Нй: «Помай Бôгъ, нй Помай Бôгъ, нй «Добре здоровье!»
Бодай тобѣ, ледѣнику, ше й на безголовье!

641.

За моими воротами выкопана яма:
Ходѣть, хлопцй, молотити, бо я дома сама!

642.

Ой веди мя домôвъ, Иванку, не дай мамцѣ бити!
Будемо ся, Иваночку, обое любити;
Та не дай мя мамцѣ бити, та лишень отъ теперъ,
Та будемо ся любити на зеленый четверъ.

643.

Та не бій мя, моя мамко, та не бій, та не бій,
Принесе ти горѣвочки чоловѣчокъ рябый.
Мене мамка била, била, шо 'мъ не рано прійшла,
Учила ся изъ дяченька великого письма.
Хоть ты мене, моя мамко, хоть ты мене убій,
А вже дячокъ молоденькій буде менѣ любый!

644.

Пацерочки, блыскавочки, я ихъ полупала:
Ишло бѣдня до Сигота, я не наказала;
Ишло бѣдня до Сигота, стало ся пытати:
«Яку бы ти, бѣдашинко, фустку куповати?» —
«Купуй менѣ, ледѣнику, зъ усякими квѣты,
Шобы мене пôзнавали свекрушиний дѣти!»

645.

Ишовъ лядикъ до Сигота та на двѣ недѣлѣ,
Вынêсъ, вынêсъ два рантушки, а оба, дѣ, бѣлй;
Два рантушки, два рантушки, а два колокôльцѣ:
Кому жъ то вôнъ подоровавъ? Ивановôй дѣвцѣ.

646.

Ишовъ, ишовъ Иваночокъ та по надъ поточокъ,
Носивъ, носивъ горѣвочки повенъ боклажочокъ.
Якъ бы того Иваночка та и пôдпросити,
Шобы ми давъ горѣвочки зъ того боклажати?

647.

Ой сидѣла Гуцулочка межи Гуцулами,
Та тримала писаночку цѣлыми ручками.

648.

Ой у саду садовина, а въ лѣсѣ лѣщина:
Загадала въ саду спати молода дѣвчина.
Загадала въ саду спати меже яблôнками,
А всю нôчку щебетати меже парубками.
Невѣстиця тото вчула та й вôддула губки:
«Не дай, мати, въ саду спати, приходя' парубки!» —
«Бодай же ты, невѣстице, не цвѣла, не гнила,
Шо ты ненцѣ розказала, мене ненька била!»

649.

Ой пила бы 'мъ та й водицю, водиця не чиста.
Нападоло у кирничку яворовогъ листа;
Ой уробѣтъ, ледѣнчики, мостокъ калиновый,
Вычистити изъ кирнички листокъ яворовый!

650.

Ой на горѣ на высокôй яворъ ся колыше:
Ой того я хлопця люблю, що панщину пише.

651.

Ишовъ Гуцулъ зъ полонинки, Гуцулочка зъ баній,
Сѣли собѣ пôдъ смерѣчковъ, прибагли снѣданье.

652.

Не журѣтся, когутоньки, не журѣтся, курки.
Не ма Ксёндза Випотравки, поѣхавъ до Турки!

653.

Иде бычокъ у планчокъ та тоненько рыче:
Выйди жъ, выйди, дѣвчинонько, тебе ледѣнь кличе!» —
«Ой не выйду, ледѣнику, бо 'мъ ше ся не вмыла,
Кобы 'съ купивъ рантушину, то быхъ ся завила.»

654.

Ой у полѣ рѣчка, черезъ рѣчку кладка:
Не покидай, мôй миленькій, не казала мамка!

655.

Сами дѣвки крупы мелють, сами опалають,
Сами дѣвки на парубки камêньемъ кидають.

656.

Свиний въ рѣпѣ, свиний въ рѣпѣ, телята въ капустѣ:
Кому шкода, кому шкода? Небозѣ невѣстѣ.

657.

Ой мôй милый чорнобривый жупана не мае,
А якъ прійде до корчмоньки, дѣвки обôймае.
Ой стоитъ пень, якъ бѣлый день, безъ цвѣту не може,
Паскудному, плюгавому й жупанъ не поможе.

658.

Ой пôшовъ бы 'мъ до милои, та чобôтъ не маю,
Кобы пришвы та холявы пôдшити гадаю.

659.

«Роздерлася чоботина та у самôй пришвѣ:
Якъ я буду въ полѣ оравъ, ты ми ѣсти вышли!» —
«Якъ бы 'сь слала, то бы слати, шобъ мати не знала,
Абы твоя головонька клопоту не мала.

660.

Ой ци ѣсти, ци не ѣсти, бы покоштувати:
Ой любити, хоть не взяти, бы поцюлювати.

661.

Ты бо ею поцюлуешь у бѣле лыченько,
Она повѣсть: «Гараздъ буде, милое серденько!
Буде гараздъ, хоть не заразъ, а доконче буде,
Хоть не возьме мя миленькій, то мя возьмутъ люде.»

662.

Спѣваночки мои любій!
Де я васъ подѣю?
Понесу васъ въ чисте поле,
Тамъ я васъ посѣю.

Та якъ буде добра доля,
То васъ позбераю,
А якъ буде лиха доля,
То васъ занехаю.

Вы будете, спѣваночки,
По горѣ спѣвати,
Я ся буду молоденька
Слёзами вмывати.

Яке 'мъ пришла до свыкрусй,
Стала на порозѣ:
Лишили ся спѣваночки
Мои на дорозѣ.

Закувала зазулячка
На хатѣ въ загатѣ:
Якъ я буду пробувати
Въ свыкрушинôй хатѣ!

Привели мя до свыкрухй,
Ще 'мъ не встигла сѣсти,
Она мынѣ исказала:
«Неси въ поле ѣсти!»

А я ёй ся испитала:
«Та де той плугъ оре.» —
Она мынѣ исказала:
«Най тя колька вколе!»

А я була молоденька,
Знала ôдповѣсти:
«Та най того колька вколе
Кому несу ѣсти!

«Та не того колька вколе,
Що за плугомъ ходитъ,
Та най того колька вколе,
Хто волы погонитъ!»

663.

Обертайтеся камêня,
Хоць сухй лотоки:
Заспѣвайте, дѣвчяточка,
Шобы до притоки!

664.

Ой я вчера, каже Гоя,
Та я ныньки Гоя,
Та й завтра вже роботный день,
Головонько моя!

665.

Ой прійшовъ я та до двора,
Заразъ покладаютъ,
А Вокоманъ съ Мандаторомъ
Зъ заду забѣгаютъ.

Ой прійшовъ я та до двора,
Кладутъ мене бити:
Ой вже жъ бо я одъ панщины
Не можу ходити.

Не бій мене, Атамане,
Не бій мене, Пане!
А хто буде ланы жати,
Якъ мене не стане?

666.

Чого було не чувати,
А теперь видати,
Що заказавъ Панъ Ромашканъ
На моргй орати.

Кобы тото та на моргй,
Але то на ризы,
Бодай тобѣ, Ромашкане,
Скрутивъ дѣдько вязы!

667.

Въ Старогвôздци загремѣло,
Въ Малогвôздци тыхо:
Ой веземо сорокъ дубôвъ
Панови на лихо.

Ой озмѣмо, товаришу,
Дубы обтешѣмо:
Въ Малогвôздци гардй дѣвкы,
Въ танецъ не берѣмо!

Въ Малогвôздци гардй дѣвкы,
Не хотятъ робити,
Посправяли мандзелѣнки,
Щобы ихъ любити.

668.

Ой въ святенько, бо на Спаса,
Въ церквѣ дзвоны дзвонятъ,
А присяжнй ватаманы
На ланъ съ серпомъ гонятъ.

669.

Питаеся Козакъ дѣвки:
«Чого 'съ така блѣда?»
«Ци не знаешъ, Козаченьку,
Яка у насъ бѣда?

Доки були старѝ паны;
Лихи на роботу:
Цѣлый тыждень собѣ робы,
Панови въ суботу.

А теперки, пане брате,
Якъ настали паны:
Выганяютъ въ понедѣлокъ
На панскіи ланы.

Выганяютъ въ понедѣлокъ,
Гонятъ до Суботы,
Ище кажутъ: «Вы, лайдаки,
Не ма зъ васъ роботы!»

А въ Суботу вызначено
На чотырихъ кварту,
Ой цы выпивъ, цы не выпивъ,
Та й пôшовъ на варту.

Въ понедѣлокъ съ сходомъ сонця
О третôй годинѣ
Вже выѣздитъ панъ вокоманъ
На своей кобылѣ.

Призберавъ си горѣвочки,
Та мае що пити,
Якъ выѣде на ланъ панскій,
Та каже всѣхъ бити.

А котрыи побитыи,
Якъ пискоры вьются,
Нашѝ паны вокомоны
Ще съ того смѣются.

А въ Личкôвцяхъ вѣтеръ вѣе,
Въ Постолôвцяхъ тыхо,
А въ Лычкôвцахъ бѣды не ма,
Въ Постолôвцяхъ лихо.

А вже наша Постолôвка
Обросла вербами:
Котрѝ мали по шѣсть волôвъ,
То пôшли съ торбами.

670.

Оденъ чобôтъ на пôдковяхъ,
А другій на корку:
Ой хто хоче бѣду знати,
Най си озме дворку!

Ой цы дворка, цы не дворка,
Колы въ дворѣ була,
Ой вже жъ она господарску
Роботу забула.

Ой бо дворка та небога
Не вмѣе робити,
Тôлько зъ кухнѝ до покою
Фарфурки носити.

671.

Сидитъ голубъ надъ водою,
Хытае собою:
«Цы тужишъ ты такъ за мною,
Якъ я за тобою?» —

«Ой тужу жъ я, мôй миленькій,
Тужу жъ бо я, тужу;
Видай же я у сѣмъ дворѣ
Року не дослужу.

Допоможи, милый Боже,
Року дослужити,
Буду жъ бо я тоты дворы
Бокомъ обходити!

Не такъ дворы, не такъ дворы,
Якъ тото подвôрье,
Троха минѣ не тесали
На головѣ кôлье.

672.

Ой лягла я изъ вечера
Взяло мы ся снити;
«Пусти, дюдю, на ярмарокъ,
Щось маю купити!»

Ой ходжу я по ярмарку,
Та й думку думаю,
Котре тото Панъ Корнецкій,
Що я го не знаю?

Ходитъ панокъ по ярмарку,
Волики торгуе,
А за волы голубіи
Червоні рахуе.

Ходитъ панокъ по ярмарку,
Дивится по минѣ,
Посилае пôсланчикй:
«Кличте ёи дъ минѣ!»

Посилае пôсланчикй,
Жидики маліи.
Ведутъ мене пôсланчикй
Въ муры высокіи.

Посилае пôсланчики,
Жидика малого
Ой приноситъ та пôсланчикъ
Питя дорогого.

«Не буду я та, мôй Пане,
Того питя пити,
Бо я дѣвка, минѣ встыдно
Съ Паномъ говорити.»

Ой кувала зазуличка,
Кувала, кувала:
«Рахуй, дѣвчя, сорокôвцѣ,
Корнецкого пана!

Рахуй, дѣвчя, сороковцѣ,
Назначи двацятку,
Абы не мавъ Панъ Корнецкій
На тебе за взятку!»

673.

Чому село не весело?
Арендарь богатый;
Черезъ тебе, арендарю,
Ходжу не жонатый.

Чому село не весело?
Арендарька вбрана;
Черезъ тебе, арендарько,
Ходжу не ôддана.

674.

Выгорѣла Коломія,
Выгорѣли Куты;
Ой мы бы ся не женили,
Кобы не рекруты.

Ой на Куты дорожичка,
На Куты, на Куты:
Будь ми мила вже здорова,
Бо я йду въ рекруты!

На що минѣ женитися,
На що минѣ долй,
Коли минѣ въ Коломіи
Карабинъ на столѣ?

Чомъ соловій не щебече?
Голосу нѐ мае.
Чому жовниръ нежонатый?
Бо долѝ не мае.

Ой прійшовъ я до цыркулу,
Не ма старших҄ъ дома;
Подивлюся назадъ себе,
Вже барва готова.

Подивлюся назадъ себе,
Стоитъ жовнярочекъ,
Та саджають у крêселце,
Стрижутъ волосочекъ.

675.

Ой до Вѣдня, ледѣнникй,
До Вѣдня, до Вѣдня!
Коли же вы въ Старогвôздцѝ
Людемъ непотрêбнй.

Ой Цêсарю, Цêсарочку,
Цêсарю Францйшку,
Пусти, пусти до домоньку
Любцѣ на потѣшку!

Пусти мене та до дому
Хоць на годиноньку,
Найже я ся та потѣшу
Съ своёвъ родиночковъ!

676.

Кажуть мені женитися,
Смутку мой тяженькій!
Якъ я буду газдувати
Такій молоденькій?

Оженюся, моя мати,
Оженю, оженю:
Приведу ты невѣстицю,
Зъ хаты тя выженю.

Приведу ты невѣстицю
Съ кôньми та волами,
А самъ сяду конецъ стола,
Вмыюся слозами.

677.

Доки я ся не оженивъ,
Пôдкôвками: цоръ, цоръ!
А якъ ся та оженивъ,
Постôльцями: шморъ, шморъ!

678.

Шумитъ вѣтеръ лѣщиною,
Шумитъ травицею:
Сто разъ лѣпше дѣвчиною,
Якъ молодицею.

Молодиця,—невôльниця,
Ни подивитися,
А дѣвчина—воленъ Козакъ,
Съ кымъ хочь любитися.

Молодиця,—невôльниця,
Куда ходитъ, плаче,
А дѣвчина—воленъ Козакъ,
Куда ходитъ, скаче.

679.

Не буду ся оддавати,
Свѣта си гаити,
Только пôйду въ полининку
Коровы доити.

Ой коровы подоила,
Телята загнала,
А молоко процѣдила,
Миленькому дала.

Питае ся мене мати:
«Де, сынку, молоко?» —
«Я телята заперала,
Та й выпивъ половко.»

Ой цы тебе, сынку, бити,
Цы того половка,
Що вечера выпивае
Дôйницу молока?

680.

Ой ненечко, товаръ иде,
А нашъ бычокъ передъ веде:
Я му кажу: «Быцю, быцю!»
А ôнъ мене за спôдницю.
Я му кажу: «Воле, воле!»
А ôнъ мене рогомъ коле;
Я му кажу: «Кецъ до дому!»
А ôнъ мене у солому.

681.

Ой мала я гранаточкы,
Та й порозсыпала:
Ѣхавъ милый до Сеготу,
Я ненаказала.

Та чей ôнъ ся догалае,
Що ôнъ мене любить,
Та ôнъ минѣ гранаточкы
У Сеготѣ купитъ.

Ой не купуй гранаточкы,
Але купуй перла:
Охъ не люби иншу суку,
Бо я ще не вмерла!

682.

Ой поѣхавъ мôй миленькый
Та до Станислава:
Привезе ми подарунокъ,
Буде его слава.

Ой поѣхавъ мôй миленькый
Та до Коломіи:
Привезе ми подорунокъ,
Узрите на минѣ.

Будутъ тоти подарунки
На минѣ лелѣти,
Буде моихъ ворожепькôвъ
Головка болѣти.

Ой най болитъ, та най болитъ,
Най не перестане,
Доки того подарунку
На минѣ не стане!

683.

Ой дощъ иде, роса паде
На бѣлу березу:
А я свому миленькому
Сорочку мережу.

Ой мережу, та й мережу
Цырочкы цêрую,
Ой присунься, мôй миленькый,
Най тя поцѣлюю!

684.

Цы я тобѣ не казала,
Казавъ бы ти дѣдько!
Коли пѣшки не приходишъ,
Хоць конемъ прiѣдько!

685.

Розвивайся, сухiй дубе,
Зеленый шафране!
Ой розбола мому серцу,
Якъ вечеръ настане!

Ой розбола серцу мому,
Та й розболѣтися,
Кобы борше на милого
Хоць подивитися.

Не ма мого миленького
Не ма мого пана:
Постêль бѣла кедровая,
Порохомъ припала.

Не ма мого миленького,
Не ма моѐй душки:
Ни съ кымъ лечи, выкачяти
Бѣленькî подушки.

Не ма мого миленького,
Не ма моѐй квѣтки:
Сама 'мъ бы го вызирала,
Та не знаю зъ вôдки.

Подивлюся я въ ôконце,
Цы далеко соньце,
Не ма мого миленького,
Треба ми го конче.

Не ма мого миленького,
Не ма моѐй вынды,
Не ма кому поправити
На головѣ бынды.

Подивлюся разъ въ ôконце,
А два разы въ люстро,
Не ма мого миленького,
Безъ него ми скучно.

Кличутъ мене вечеряти:
«Вечерѣйте сами!»
Бо вже жъ минѣ вечерêчка
Немиленька съ вами.

686.

«На тебе 'мъ ся задивила,
Кривыій пирôгъ залѣпила.» —
«Ничо, моя красото,
А тя любю про тото.»

687.

Выпряду я кудилину,
Та й навъю повѣсмо:
«Сядь си, лубку, коло мене,
Хоць якъ буде тѣсно!

Сядь си, любку, коло мене,
Говори до мене!
Пôзнаю тя по бесѣдѣ,
Цы любишъ ты мене.

Пôзнаю тя по бесѣдѣ,
Та й по бесѣдонцѣ,
Цы добрый ты розумъ маешъ
Въ своêй головонцѣ!» —

Ой якъ прійшовъ мôй миленькій,
Не ма му де сѣсти.
Ой прійдеся серцу мому
Изъ жалю розсѣсти!

«Ой посуньсься, нелюбище,
Най мôй милый сяде,
Най ся твое та за мое
Серденько розсяде!

Ой сядь собѣ коло мене,
Маленькій, низенькій!
Въ тебе личко, якъ облучко,
Якъ мêдъ солоденьке.»

688.

По надъ греблю, по надъ ставъ:
Любивъ, любивъ, переставъ,
И я его любила,
Рочокъ за нымъ тужила.

689.

Зарѣжу я гуся,
Та не обôйдуся;
Зарѣжу я двое,
Серденько ты мое!

690.

Ой кобы ты, ненько, знала,
Якій тоть Михайло,
Ты бы мене уберала,
Що недѣлй файно!

Ой кобы ты, ненько, знала,
Якій тото Дмитро,
Ты бы мене уберала,
Що недѣлй хитро!

691.

Сивый голубъ, сивый голубъ,
Голубка сивійша:
Милый отецъ, мила мати,
Ще любка милѣйша.

Съ ôтцемъ, матевъ, посварюся,
Грѣху наберуся,
А съ миленьковъ якъ зôйдуся,
Не наговорюся.

Сидитъ голубъ надъ водою,
Голубка на купцѣ:
Ой тамъ мило дивитися,
Де е двое въ купцѣ.

Сидить голубъ надъ водою,
Голубка на кладцѣ:
Цы я ходжу, цы що робю,
Любка ми на гадцѣ.

692.

Ой спи, мила, до полудни,
Я йду безъ обѣду,
Щобы минѣ яло було,
Куди съ тобовъ пôйду.

693.

Забувъ бы 'мъ тя, моя мила,
Забувъ бы 'мъ тя, забувъ,
Кобы 'мъ съ тобовъ що вечера
На розмовѣ не бувъ.

Забувъ бы 'мъ тя, моя мила,
Забувъ бы 'мъ тя швидко,
Кобы зъ твого та на мое
Подвôре не видко.

Треба горы прокопати,
Долины зрôвнати,
Щобы видко до милои,
Та до еи хаты.

Ой не видко того села,
Тôлько видко дубя:
Ой тамъ мое пробуває
Сивеньке голубя.

Та й не видко того села,
Тôлько видко хресты:
Туда минѣ любо, мило,
Очима повести.

Та й не видко того села,
Тôлько видко тарасъ:
Не ма мого миленького,
Треба ми го заразъ.

694.

Ой не купуй, товаришю,
Дѣвчинѣ пацёрокъ,
Она тебе не сгадае,
Хыба въ недѣль сорокъ!

Але купуй, товаришю,
Перстенецъ на палецъ:
Що погляне, все спомяне:
«Купивъ ми коханецъ!»

695.

Ой засвѣти, мѣсяченьку,
Та й ты, зоре темна,
Та на тото подвôречко,
Де дѣвчина чемна!

696.

«Ой дѣвчино, люблю тебе,
Не ѣжъ хлѣба, озму тебе,
Не ѣжъ хлѣба, не пій воды,
Озму тебе за пригоды!» —
А дѣвчина послухала
Три дни хлѣба не нюхала,
У середу наѣлася,
У пятницу розсѣлася.

697.

«Ой жни, дѣвче, пшениченьку,
Та й не думай собѣ,
Буде тота пшениченька
На коровай тобѣ!

А якъ будешъ, дѣвчинонько,
Думати, думати,
Буде твоя пшениченька
Въ поле зимувати.

Ты, дѣвчино чорнявая,
Ты дѣвчино бѣла,
Цы ты въ поле не робила,
Що 'съ не обгорѣла?» —

«А я въ поле, ледѣннику,
Жяла и вязала,
Але 'мъ свое бѣле личко
Фустковъ закрывала.» —

«Якъ бы 'съ була, дѣвчиночко,
Того не сказала,
Була бы 'съ ся, моя любко,
Сихъ мясницъ оддала!» —

«Ой я въ поле та робила,
И робити буду,
Але 'мъ роду бѣленького,
Та й бѣленька буду.»

698.

Ой напюся, повалюся
Такъ ми не ялося:
Якъ же любку не любити,
Коли придалося?

699.

А въ городѣ бôждерево
Зелене, зелене:
Гнѣвалося смѣховище
На мене, на мене.

Та я того бôждерево
Не буду носити,
Такъ и тото смѣховище
Не буду просити.

Якій тебе, дѣдько гнѣвавъ,
Най тя такій проситъ,
Куда ходятъ чорні хмары,
Най тя туданоситъ!

700.

Цы я тобѣ не казала,
Якъ я несла воду:
«И самъ не йди, людей не шли,
До моего роду!»

Цы я тобѣ не казала,
Та й не говорила:
«И самъ не йди, людей не шли,
Бо 'мъ не твоя мила!»

Цы я тобѣ не казала,
Казали ти люде,
Що зъ нашого закоханя
Ничого не буде?

701.

А що жъ тое за зѣлячко,
Перекоти поле:
Не йди, дѣвчя, за удôвця,
Бо борода коле!

Не йди, дѣвчя, за удôвця
Зъ людскои намовы,
Буде тобѣ кровцû течи
Изъ твоѣй головы!

Буде тобѣ кровцû течи,
Буде ти капати,
Буде тобѣ першу любку,
Що разъ споминати.

Буде тобѣ споминати,
Буде тебе бити:
«Не годна ты, кыриннице,
Борщу ми зварити!»

702.

А на горѣ терно терно,
Якъ позолочено:
За удôвцемъ хлѣбъ готовый,
Серце засмучено.

За удôвцемъ хлѣбъ готовый,
Лишень бы го ѣсти,
Передъ бы ся наплакати,
Нѣжъ до него сѣсти.

703.

Лѣта мои молодіи,
Лѣта молодости!
Тожъ бо я васъ прогуляла
Въ смутку, не въ радости!

Лѣта мои молодіи,
Жаль минѣ за вами!
Здае ми ся, що 'мъ не була
Годиночки съ вами.

Вздогонила 'мъ свои лѣта
На кедровôмъ мостѣ:
«Ой вернетъ ся, мои лѣта,
Хоць разъ до мя въ гостй!» —

«А хоць ми ся та вернемо,
Съ тобовъ на будемо,
Жалю тобѣ наробимо,
Назадъ ся вернемо.» —

Лѣта мои молодіи,
Лѣта молоденькû!
Тожъ бо я васъ прогуляла
Коло своєй неньки.

Нй я въѣла, ни я впила,
Нй красно 'мъ ходила,
Лишень буду памятати
Що 'мъ ся наробила.

Не буду васъ згадувати
По жаднôй охотѣ,
Лишень буду згадувати
По тяжкôй роботѣ!

Русскіе горцы (Хуцулы) Мараморошской столицы села Луги въ сѣверовосточной Угорщинѣ.

704.

Надулася дѣвчиночка,
Якъ Жидôвскій индыкъ,
Не озме й богацкій сынъ,
Хыба якій винникъ.

Ой за пана готувала,
За винника дала,
Чтеры волы обѣцяла,
Слѣпе паця дала.

Чтеры волы, якъ соколы,
Рогами ся чешуть:
«Отдай, отдай, моя мати,
Най люде не брешуть!» —

Ой прійшла я до дядька:
«Дай ми, дядю, волы!
Не можу я догодити
Своёй лихôй доли.

«Дай ми, дядю, сѣрй волы,
Прѣяну телицу,
А чей же я та вытягну
Изъ корчмы пьяницу!»

705.

Ой у поле былиночка,
Вѣтрецъ невъ хытае,
Иде мати до донечкы,
Людей ся пытае:

Скажѣтъ минѣ, люде добрй,
Де моя донечка?
Най я пôйду ôдвѣдаю,
Цы добра долечка?»

704.

Надулася дѣвчиночка,
Якъ Жидôвскій индыкъ,
Не озме й богацкій сынъ,
Хыба якій винникъ.

Ой за пана готувала,
За винника дала,
Чтеры волы обѣцяла,
Слѣпе паця дала.

Чтеры волы, якъ соколы,
Рогами ся чешутъ:
«Отдай, отдай, моя мати,
Най люде не брешутъ!» —

Ой прійшла я до дядька:
«Дай ми, дядю, волы!
Не можу я догодити
Своєй лихôй доли.

«Дай ми, дядю, сѣрй волы,
Прѣяну телицу,
А чей же я та вытягну
Изъ корчмы пьяницу!»

705.

Ой у поле былиночка,
Вѣтрецъ невъ хытае,
Иде мати до донечкы,
Людей ся пытае:

Скажѣтъ минѣ, люде добрй,
Де моя донечка?
Най я пôйду ôдвѣдаю,
Цы добра долечка?»

Сидитъ донька у крѣселцѣ,
Въ ôконце вглядае,
Та й на своихъ бѣлыхъ ручкахъ
Синцѝ обзырае.

«А що жъ тобѣ, мôй сыноньку,
Синцѝ пôдъ очима?» —
«Ой ходила 'мъ по садочку,
Пчôлка мя вкусила.»

«Теперь, сынку, не Петрôвка
Пчôлкы не летаютъ,
Та й що тобѣ въ Пилипôвку
Очка пôдпухаютъ?» —

«Ой дала 'сь мя, моя мати,
Та й дала 'сь мя дала,
Та й якъ тую конопеньку
Въ болото вдоптала!

Та якъ тôи конопеньцѣ
У болотѣ гнити,
Такъ же минѣ молодôи
Изъ нелюбомъ жити.»

706.

Ой дала 'сь мя, моя мати,
За дѣда старого,
Казала 'сь мя шанувати
Такъ, якъ молодого.

А я его, моя мати,
Шанувати мушу,
А Господи милосердный,
Озми зъ дѣда душу!

707.

Ой приходятъ старостонькй
Зъ чужои сторопы,
И все тото до богача,
Бо ôнъ мае волы.

Богацкая дѣвчинонька
Хоць ряба, русява,
Богацкую дѣвчиноньку
Взгарда прикрасила.

708.

Оӥ кобы я волы мала,
Червону запаску,
Я бы тобѣ не стояла,
Богачику, въ ласку.

Оӥ кобы я взгарду мала,
Прѣяну корову,
Тогди бы я изказала,
Що 'мъ рôвна съ тобою.

709.

Не ходи, богачику,
Горою за мною:
Ты богачь, а я вбога,
Нерôвна 'мъ съ тобою.

Ты богачь, а я вбога,
Не порôвнаемся,
Тôлько буде серцу туга,
Що покохаемся

710.

Зарѣжу я качорика,
Най качичка каче:
Озму я си вбого дѣвчя,
Най богацке плаче!

Озму я си вбоге дѣвчя
Въ однôй сердачинѣ,
Та най буде Богу миле
И моêй родинѣ!

711.

Въ Старогвôздци млына не ма,
Лишень сами жорна:
Рано мели, вечеръ мели,
Въ полудне 'мъ голодна.

712.

На городѣ калюжа:
Я робити недужа,
Якъ музика заграе,
Само серце гуляе.

713.

«Заграй минѣ, скрыпниченьку,
А я тебе прошу,
А я тобѣ червоного
У кыщенѣ ношу.

Заграй мынѣ, скрыпниченьку,
Одъ села до села,
Абы була дорожичка
Все минѣ весела!» —

А скрыпочки изъ липочки,
А струнвы зъ лѣщины:
Якъ заграе, защебече,
Чути до дѣвчины.

А скрыпочки изъ липочки,
А струнвы зъ бервёнку:
Якъ заграе, защебече,
Чути на Вкраинку.

714.

Грай, музико, якъ бы 'съ мôгъ,
Та й не жалуй моихъ нôгъ!
Мои ногы насталенû,
Лѣтали бы, якъ шаленû.

715.

Пôшовъ бы я, каже, въ танецъ,
Але бо ся бою,
Подивю ся назадъ себе,
Стоитъ братъ за мною.

«Якъ идете, хлопцû, въ танецъ,
Повмывайте пальцû,
Та щобы 'сте не звалили
Капани рукавцû!

Якъ идете, хлопцѣ, въ танецъ,
Берѣтъ буки въ руки:
Наберутъ ся Жиды страху,
А Ляхы науки!» —

«Кобы намъ ся та букъ розвивъ,
Та пôйдемо въ горы,
Вынесемо молодицямъ
Шовку на заборы.

Щобы нашимъ молодицямъ
Заборы лелѣли,
Щобы нашымъ молодицямъ
Люде завидѣли!»

716.

«Ой де жъ мы ся подѣемо,
Що въ другый бôкъ не вмѣемо?
Пôйдемо ся сего вчити,
Щобы свого доробити!»

717.

«Крешѣтъ, хлопцѣ, у пôдковы,
Бо въ дѣвчины чорнѣ бровы!
Не такъ бровы, якъ в'на сама,
На папери написана.»

718.

«Ой загыну, дѣвчино, загыну,
Та подай же ми ôкномъ сердачину!» —
«Та хыба бы я розуму не мала,
Шобы 'мъ тобѣ загынути дала.»

719.

Кобы човенъ, поро̣нъ та веселце,
Пробувавъ бы 'мъ въ тебе вечеръ, серце!
Нема човна, ни̂ порона дома,
Пробувати буду ныньки дома.

720.

Ой бувъ же я въ нагôрнои Насти,
Дала минѣ та курочку въ маслѣ;
Ой зъѣвъ же я крыльце та й реберце,
Пôдперло мя пôдъ бôкъ та й пôдъ серце.
Та не встигъ я одно стегно зъѣсти,
Не могъ же я на коника сѣсти.

721.

«Ой вара, вара, нови̂ новобраньци̂,
Ой є въ мене иншіи коханци̂.» —
«Ой чому 'съ тогди не казала: «Вара!»
Яке 'съ ôдъ насъ подарунки брала?»

722.

Кучиры мои,
Киньте ся горѣ!
А я за вами —
До горы ногами.

723.

Гей, зъ горы та въ яръ,
Тамъ кума моя,
А въ кумы дѣвчина,
То душа моя.

724.

Ой пôйду вогню,
На тебе моргну,
А ты здогадайся,
За двери сховайся!

А я буду знати,
Де тебе шукати,
За твоими дверьми,
Коло твоêй хаты.

725.

Ой такъ чини,
Якъ я чиню:
А зъ дѣвчины
Господиню!

Ой изъ тѣста
Паланицу,
А зъ дѣвчины
Молодицу.

726.

Два голубцû воду пили,
А два колотили:
Богдай тоты не сконали,
Што насъ розлучили!

727.

Котилися возы съ горы,
    На долинѣ стали:
Любилися чорнй очка,
    Теперь перестали.

728.

Котилися возы съ горы,
    Котитися будутъ:
Любилися чорнй очка,
    Й любитися будуть.

729.

Ей во лузѣ на голузѣ,
    Сова воду пила:
Чого есь ми, негôднице,
    Любка отлюбила?

730.

Гей, летѣла зазулечка,
    Єще собѣ кукла:
Котра мого любка любитъ,
    Богдай ся роспукла!

731.

У ярнои пшенички
    Яров колося:
Такого я любка мала,
    Што жовте волося.

732.

Гей ярая пшениченька,
То ся отъярила:
Солодка ма соколина,
То ся отдалила.

733.

Любилися, кохалися,
Втець, мати не знали,
Ростеклися, розôйшлися,
Якъ на небѣ хмары.

734.

Чорни хмары розôйшлися,
И дождю не было:
Чорнй очка розôйшлися,
Жаль серденьку было.

735.

Гей во моемъ городчику
Ружа проквѣтае,
Цы вже наша, мôй миленькій,
Любовь пропадае?

736.

Єще ружа не процвила,
Лишь ся припалила:
Еще любовь не пропала,
Лишь ся притаила.

737.

Коль летѣла перепела,
Истратила перце:
Што ся на мя розсердило,
Роскошнее серце?

738.

Якъ летѣла бѣла пава,
За ворота впала:
Где велика любовь была,
Тамъ ся розôстала.

739.

Цы я тобѣ не казала,
Цы не говорила:
«Не ходи ты коло воды,
Та й коло мочила!»

740.

Не ходи ты коло воды,
Та й коло мочила,
Буде мати нарêкати,
Што 'мъ тя зволочила.

741.

Ой я тебе не волочу,
А ни мои очи,
Тота тебе зволочила,
Што ходитъ по ночи.

742.

Про то не ходь коло воды,
Не пуди собою,
Не будешь ты мужемъ моимъ,
Я твоей женою.

743.

Подивлюся скрозь оконце,
Цы высоко сонце:
Не є моей миленькои,
Треба еи конче.

744.

Ой выйду я на гороньку,
Та махну рукою:
«Выйди, выйди, ма миленька,
Гину за тобою!»

745.

Летѣвъ орелъ понадъ море,
Та й ставъ голосити:
О якъ тяжко убогому
Богату любити!»

746.

Не тамъ счастья, не тамъ доля,
Где богатѣ люде,
Кто ся побравъ по милости,
Тому добре буде.

747.

У богача поль колаче,
Та еще онъ плаче,
А въ сироты нигде кôрки,
Єще она скаче.

748.

Ой выйду я на оборôгъ,
Стану на солому:
Та якъ любка не любити,
Коль го видко зъ дому!

749.

Гей пôйду я въ полонинку,
Та пороззираю:
Не є мого миленького
Зъ далекого краю.

750.

Не є мого миленького,
Моего сокола,
Уже моя надѣиця
Инеемъ припала.

751.

Гей дожду я отъ Богочка,
Ще таку годину,
Што я свою надѣицю
Застылу розгрѣю.

752.

Любивъ мене мôй миленькій
И лѣто и весну,
Лишивъ мене мôй миленькій,
Ще въ долинѣ плеснувъ.

753.

Не е мого миленького,
Не е мого квѣтку,
Нѣтъ съ кимъ минѣ розмовляти
До бѣлого свѣту.

754

Ай Боже мôй милосердный,
Ты, шовкова нитко,
Гей все рыбки сюда ходятъ,
Мови не видко!

755.

Зазулечко сивенькая,
Высоко лѣтаешь,
Повѣжь минѣ, зазуленько,
Где любка видаешь?

746.

Куды хожу, туды хожу,
Горазду не маю;
Бо я свого миленького
Нигде не видаю.

757.

Куды хожу, туды хожу,
А все по надъ воду,
Гей не прійде мôй миленькій
На мою незгоду.

758.

Мамко моя солоденька,
Мамко моя мила,
На што ты мя въ несчастливй
Пеленки повила?

759.

Кобы была 'сь мене, мамко,
Въ купелѣ зальяла,
Я бы была свою долю
Съ никимъ не мѣняла.

760.

Повѣй, вѣтре холоденькій,
По надъ бѣлый камѣнь.
Политивъ ми мôй миленькій
Ажь на вѣки Аминь!

761.

Ой закукай, зазулечко,
Закукай, небого!
Бо вже мого пробыванья
Въ Верецкихъ не много.

762.

Горы мои высокіи,
Бывайте здоровы;
Та най у васъ пробываютъ
Кавки та вороны!

763.

Летѣвъ воронъ съ тамъ тыхъ сторонъ,
Крюлоньками шай, шай!
Якъ я пôду зъ Верховины,
Буде комусь жаль, жаль!

764.

Туды лозы хилѣтеся,
Куды вѣтеръ вѣе,
Туды очка дивѣтеся
Отки любко иде!

765.

Туда лозка похиляла,
Куда вѣтеръ дуе,
Туда очка дивилися,
Отки любко выйде.

766.

Тяжко лозамъ хилитися
Черезъ береженьки,
Тяжко очкамъ дивитися
Черезъ вороженьки.

467.

Съ пôдъ каменя воду беру,
На камени стою,
Гей за мене люде брешутъ,
Я ся ихъ не бою.

468.

Брешѣтъ, брешѣтъ, сосѣдоньки,
Якъ сука на вовка,
Не болитъ мя жадна вôстка,
Ни моя головка.

469.

Посѣю я круту мяту
Межи берегами,
Тяжко минѣ пережити
Спередъ ворогами.

470.

Ой буду я крутѣ мятѣ
Вершечки счипати,
А чей мои вороженьки
Полягаютъ спати.

471.

Коли мои вороженьки
Полягаютъ спати,
А я собѣ молоденька
Пôду погуляти.

472.

Дотля собѣ погуляю,
Покимъ молоденька,
Може быти, якъ ся ôтдамъ.
Буду невôльненька.

473.

Ой не видко того села,
Лише видко груши̂,
Куда минѣ рано й ввечеръ
Помыкуе души̂.

474.

Ой не видко того села,
Лише видно кресты,
Та где минѣ любо й мило
Очима повести.

475.

Гей не видно Синій Виръ,
Лише видко рѣки,
Ужъ заросли мои слѣдки
Отъ краснои дѣвки.

476.

Ой засвѣти, мѣсяченьку,
Та й ты, зоре ясна,
Гей на тото подвôречко,
Где ма мила красна!

477.

Середъ села корчма нова,
Гузами побита,
Сѣдитъ во ней моя мила,
Шовкомъ перевита.

478.

Зацвили дѣ оболони,
А на дворѣ морозъ,
Заспѣвай ми, дѣвчинице,
Най ти чую голосъ!

479.

Не буду я воду пити,
Бо вода нечиста,
Бо у воду нападало
Кленового листу.

480.

Ай бо тото не кленинка,
Зазулино пêрье;
Прийди, прийди, мôй миленькій,
На мое подвôрье!

481.

Ой иде мôй милованый,
Тамъ долѣ млачками,
Зашпêнкус ременятко
Жовтыми пряжками.

482.

Не самъ иду, коня веду,
Бѣлявко небого,
Отворяй ми воротенця,
Не бойся никого!

483.

На сѐмъ боцѣ на толоцѣ
Сывый бычокъ рыче:
Выйди, выйди, дѣвчинице,
Бо ктось тебе кличе!

484.

Ой не выйшла дѣвчиниця,
Лише еи мати:
Кому треба дѣвчатины,
Ходи но жь до хаты!

485.

Закукала зазуленька,
Учинила куку:
Подай, подай, серце мое,
На коника руку!

486.

Рада бы я, мôи любенькіи,
Рада вбѣ подати,
Не казала, не велѣла,
Моя стара мати.

487.

Ой не твôй то коникъ, не твôй,
Але твого брата,
Ой не мôй то любко, не мôй,
Тôлько моя втрата.

488.

На што мою руку просишь,
Коль ся отдаляешь?
Будь счастлива тва дорôжка,
Куды погадаешь!

489.

На што й ты ми ручку даешь?
Уже не вернешься:
Счастливая дорôжечка,
Куды повернешься!

490.

Вѣтеръ вѣє, шелевѣє,
Кидра надъ водою:
Не вчини ты, мôй миленькій,
Зраду надо мною!

491.

Ой якъ бы я учинивъ
Зраду надъ тобою,
Коль я собѣ облюбивъ
Тебе ще съ молоду!

492.

Закукала зазуленька
На высокôмъ дубью:
Отъ коли 'мъ тя поцѣлoвавъ,
Отъ тогды тя любью.

493.

Тебе мама породила,
Та сказила склянку,
Ты найкрасша дѣвчиниця
На всю Русь Карпатску.

494.

Воловое здоровое,
Воловое мѣсто,
Бо въ Воловôмъ дѣвчатина,
Якъ пшеничне тѣсто.

495.

Тече рѣчка невеличка,
Наставлю я ятêль;
Кто бы тебе не полюбивъ,
Триста батьку, матêрь!

496.

А якъ минѣ не ходити
Горѣ тымъ поточкомъ?
Та якъ минѣ не любити
Рыбочку пôдъ бочкомъ?

497.

Солодка ма, бѣла рыбко,
Солодка ма, душко,
Подь же идъ мнѣ мало ближе,
Най ти шепчу въ ушко!

498.

Бѣдко моя гôренькая,
Ай бѣдко, ма бѣдко,
Коли жь тя ся налюбити
Пристигла, ягôдко!

499.

Закукала зазулечка
Пôздно надъ горами:
Премила, ма голубице,
Людъ ся журитъ нами!

500.

Вылетѣла зазулечка
Изъ лѣса на поле:
Ей подь, мила, поплясати,
Най ворогôвъ коле!

501.

Гей гузики ременики
На моимъ Иванку,
То ми мило позирати,
Коли иде въ танку.

502.

По пôдъ грушу коня рушу,
Дѣвча, здогадайся!
Хоть бы якій у золотѣ,
Зрадити не дайся!

502.

Очка мои чорненькіи,
То ми бѣда зъ вами;
Не хочете ночовати
Єдну нôчку сами!

503.

Єдну есте ночовали,
Та всю нôчь не спали,
Исъ потятёмъ голубятёмъ
Любо розмовляли.

504.

Очи мои чорнй,
Я ся вами дивлю;
Люде за васъ много брешутъ,
Я ся не противлю!

505.

Очи мои, очи чорнй,
Я ся вами тѣшу:
Люде за васъ часто брешутъ,
Я ся не потѣшу!

506.

Еще 'мъ огня и не клала,
Трѣски ся имили:
Еще 'мъ любка не любила,
Сосѣдкы вчинили.

507.

Коло млина ясенина,
Голубцѣ несутся:
Часомъ любка ничь невинна,
Суки набрешутся.

508.

На калинѣ дрôбне листье,
Ягôдки червленѣ:
Якъ же любка не любити,
Коли очка чорнѣ?

509.

Гень, на столѣ двѣ пистолѣ,
На лавицѣ гуслѣ:
Уже мене обрехали
Студенскѣ ватулѣ.

510.

Гей, бѣлявко, бѣлявочко,
Бѣлявко небого,
Во Студенôмъ добри люде,
Лишь брехачовъ много.

511.

Во Студенôмъ добри люде,
Нѣкого любити,
Кобы не пôпъ, не хрестьяне,
Лишь бы запалити.

512.

На сêмъ боцѣ, на толоцѣ,
Жовта команиця.
Тамо до се чека'ть мене
Въ гостину кумиця.

513.

Ой лишу я косу въ стозѣ,
Граблѣ въ оборозѣ,
Та пôйду я до милои,
Коль ми при дорозѣ.

514.

«А где ты ся та забавивъ,
Малый, невеличкій?» —
«Ой у стозѣ, при дорозѣ,
Коло молодички.»

515.

На тôмъ боцѣ, на толоцѣ,
Зъѣли козы ряску:
Утративъ я, побратиме,
У милои ласку.

516.

Не гнѣвайся, моя рыбко,
Я ся тобовъ тѣшу,
Хоть тя заразъ другій возьме,
Я ся не повѣшу.

517.

Гей, кукала зазулечка
Въ зеленôмъ забоѣ:
Минулися ôтъ милого
Дороги напои!

518.

Минулися напоечки,
Та й объиманочки,
Лише, дѣ, мя не минули
Тяжки здыханочки!

519.

Гей, Боже мôй милосердный,
Ой Боже мôй, Боже!
Съ кимъ я маю розмовляти?
Мôй любко не може!

520.

Кобы минѣ, моя мамко,
Не студена роса,
Пôшла бы я до Ойлока,
Кобы я не боса.

521.

Ой въ Ойлоцѣ два мѣсяцѝ,
Та й оба ясненькѝ:
Суть у мене два голубки,
Оба молоденькѝ.

522.

Ой засвѣти, мѣсяченьку,
Высоко, не низко:
Є у мене соколятко,
Далеко, не близко.

523.

Одинъ пôшовъ у дорогу,
А съ другимъ ся тѣшу,
А кедь ми ся тотъ наверне,
И того потѣшу.

524.

Не буду я въ лузѣ жити,
Бо въ лузѣ лопуша:
Котрый тонкій и высокій —
То то моя душа

525.

Ой до мене, леґѣники,
До мене, до мене!
Солодкая яблоночка
Въ городцѣ у мене.

526.

Солодкая яблôниця,
Ще соложа груша;
Гей, до мене, леґѣники,
Бо я ваша душа!

527.

Ой выйду я на ворота
Во бѣлôй сорочцѣ:
Не я тото, мамко, винна,
О́то винны хлопцû.

528.

Во Зарѣчью, пôдъ обôчью,
Сивый бычокъ рыче:
То все ми ся причувае,
Што мя милый кличе.

529.

Ой во моемъ городчику
Зелененькій макъ, макъ:
Такій у мня побратимокъ,
Што въ мамки единакъ.

530

Гей, во моємъ городчику
Зелена кокошка:
Таку любець любку мае,
Што смаглява трошка.

531.

Тамъ у млынѣ два камени̂,
Та й єдень не меле:
Отобрала пелехана,
Сокола ôтъ мене.

532.

Отобрала, отобрала,
Не є што любити,
Ще бы ми ся съ пелеханевъ
Сѣмь разъ правотити.

533.

Угу на тя, сосѣдице,
Та й угу, та й угу!
Вчерась одну обрехала,
Днесь мене другу.

534.

Унадився чорный веперь
Паровинку рыти:
Унадився бѣлый хлопець
Гаѳійку любити.

535.

Ой полишивъ чорный веперь
Паровинку рыти:
Ой полишивъ бѣлый хлопець
Гафійку любити.

536.

Товаришко моя,
Єдну раду майме:
Ой сшійме мы сорочечку,
Миленькому дайме!

537.

Єдна буде станокъ шити,
А друга рубити,
Єдну буде въ танокъ брати,
А другу любити.

538.

Єдну буде въ танокъ брати,
Про честь, про славочку,
Другу буде та любити
Про красну сорочку.

539.

Ой пôду я на Майданъ,
На Майданѣ хлопцѝ:
Тото мôй, тото мôй,
Што въ бѣлôй сорочцѣ.

540.

Треба курку годовати,
Што курчата водить:
Съ тимъ ся треба любовати,
Што въ пуслыку ходитъ.

541.

Ой спѣваю, та й спѣваю,
Бо я знаю кому,
Тому тото газдикови,
Што я въ его дому.

542.

Пила бы ся згорѣлонька
Въ Сиготѣ во бовтѣ,
Кобы сй куповали
Кучерики жовтй.

543.

Пила бы ся горѣлочка,
Кобы нова склянка,
Кобы на мя поклонила
Василькова мамка.

544.

Васильчику, Василю,
Не люби на силу,
Лѣпше буде по воли,
Дъ собѣ мя пригорни!

545.

Ци такъ у васъ, якъ и у насъ? —
Морозъ во Петрôвку:
Заморозивъ паробочокъ
Пôдъ кожухомъ дѣвку.

546.

«Ба, чому ты, лѣщанице,
Така не вродлива?» —
«Зима была студененька,
Мене сморозила».

547.

Зима, дѣ, мя сморозила,
А лѣто смлоило;
Не мовь минѣ, бѣдо, слова,
Бо минѣ не мило!

548.

Поведу я въ воду коня,
Кôнь на воду дуе:
Ой най мене леда бѣда
Въ лице не цѣлуе!

549.

Зась веду я въ воду коня,
Кôнь на воду свискать.
Най, дѣ, мене леда бѣда
Рукома не стискать!

550.

Качалися возы съ горы,
Долѣ бервêнками:
Сякій, такій хромолаба
Трясе за дѣвками.

551.

За горою высокою
Мѣсячокъ мѣнився:
Ишовъ кривый до дѣвчины,
Слѣпый придивився.

552.

Ишла бѣда долѣ селомъ,
Ишла бѣда боса,
Впасалася мотузиновъ,
Виситъ бѣдѣ зъ носа.

553.

Якъ я взяла коновочку,
Пôшла по водочку,
А тамъ Федоръ чорнобривый
Рубитъ колодочку.

554.

Зроби минѣ, Федорику,
На коновки денця,
Сшію я ти ново платье
Зъ мого полотенця!

555.

Платье буде роскошное
Ошейникъ вышію,
Лише ты ся не потвори
На тоту бестію!

556.

Не велика поточина
Луги измулила:
Хвалилася ледачина
Любка ôтлюбила.

557.

Такъ бы она дочекала
Свѣта бѣленького,
Чи в'на буде обôймати
Мого миленького!

558.

Гей, Ряхове, Раховоньку,
Солодкій медоньку!
Коль вонъ сижу, тебе вижу,
Въ лѣтѣ въ холодоньку.

559.

Гей, Рахове, Раховочку,
Сахарный медочку!
Ой спалила, смолозила
Плюга головочку!

560.

Якій ярець зелененькій
На тôй земли зôйшовъ:
Якій хлопець молоденькій
Въ Мараморошь пôшовъ.

561.

Марамороіпь, Мароморошь,
Студенй кирницй:
Привели мя та на бѣду
Тоты молодицй!

562.

Они мене та на бѣду,
А я ихъ на гуршу,
Коли выйду на улицю,
Цѣлуютъ мя въ душу.

563.

Теперь иду съ Кречунова,
Та гусошикъ мѣню:
Єдна отсюдъ, друга оттудъ:
«Што дѣешь, хлопуню?»

564.

Иду я геть на Ясѣня
Стежаръ городити,
А чей прійде моя рыбка
Личко холодити!

565.

Городити, молотити —
Тото моя бѣда!
А съ любковъ ся объимати —
Тото моя душа!

566.

Не буду ся женитоньки,
Свѣтомъ колотити,
Ай пôду я на Ясѣнье
Овечки доити.

567.

Якъ ôвчаря не любити?
У ôвчаря ôвци̂,
У ôвчаря въ ременику
Бѣли̂ сорокôвци̂.

568.

Горѣ горовъ, долу горовъ,
Жене ôвчарь ôвци̂,
За нимъ, за нимъ дѣвчиниця
Несе дѣтя въ пôвцѣ.

569.

Гей, не кажи, дѣвчинице,
Што я ему отець,
Та дамъ тобѣ, дѣвчинице,
Половину овець!

570.

Ай исклади, дѣвчинице,
На старого дѣда,
Та дамъ тобѣ, дѣвчинице,
Половину хлѣба!

571.

Ой не видно тои горы,
Лише того креста,
А чей тебе лиха доля
Одсюда занесла.

572.

Гей, черезъ верхъ мôй миленькій,
Черезъ верхъ, черезъ пень,
Така бы ти нôчка была,
Якій минѣ днесь день!

573.

Тернёмъ хожу, тернёмъ брожу,
Прутёмъ плôтъ горожу:
Поты мого та горазду,
Поки дѣвковъ хожу.

574.

Журять, дѣ, ся люде, журять,
Што я дѣвковъ хожу,
А я свою жовту косу
Во радости ношу.

575.

Не журѣтся, добрі люде,
Што я дѣвковъ хожу,
Бо я своёвъ жовтовъ косовъ
Плоты не горожу.

576.

Гей, во моемъ городчику
Зелененькій мачокъ:
Любивъ мене, не взявъ мене,
Молоденькій дячокъ.

577.

Ой дѣвчата, ой сестриці,
Приходятъ мясниці,
Якъ насъ возьмутъ дрѣчні хлопці,
Будемъ молодиці.

578.

Яка вода въ поточинѣ,
Така и въ кирници:
Мене любцё дуже любитъ,
И самъ ми на сердци.

579.

Пôшовъ милый на ярмарокъ,
Та й на ярмарочокъ,
Принесе ми сорокъ яблокъ,
Та й обагряночокъ.

580.

Пôгнанъ сѣлай, пôгнанъ рогачъ
А третій волачикъ,
Заявъ милый на красный торгъ
Та купить колачикъ.

581.

Годѣме ся, побратиме,
Годѣме, годѣме,
До едной дѣвчиницй
Ходѣме, ходѣме!

582.

Годилися побратимы,
Годили, годили,
Не минуло тому тыждень,
А в'ни ся побили.

583.

Товаришу, пріятелю,
Не товарышуйме:
Возмѣмъ собѣ по дѣвчинѣ,
Та господарюйме!

584.

Ой ишовъ я до бѣлявки,
Та впавъ 'емъ изъ лавки,
Коли 'мъ падавъ, тогды 'мъ гадавъ,
Што я у бѣлявки.

585.

А где ты йдешь, бѣлявочко,
Куды поступуешъ?
Тамъ ся рѣчка сповенила,
Туды не перейдешъ.

586.

Ци я тобѣ не казала,
Та й не горила:
«Сиди дома, не йди нигде!
Чей бы 'мъ тя любила?

587.

Соколятко удатное!
Я за тя не знала,
Кобъ была тя, соколятко,
Ина не вбъимала.

588.

Вороняча головочка,
Сорочачй очи:
Люба была бесѣдонька
Съ милою сей ночи.

589.

Вчѣра была недѣлиця,
А днесь понедѣльчикъ:
Росте зѣлье съ пôдъ каменя,
Хрещатый бервѣнчикъ.

590.

«Не хрестися, бервѣнчику,
Въ зимѣ зелененькій:
Не женися, паробчику,
Такій молоденькій!«

591.

«Якъ ся минѣ не женити,
Хлопу молодому?
Ходитъ дѣвча, чорнобривча,
Коло мого дому!

592.

«Мамко моя солодкая,
Дай ми порадочку:
Ци любити, ци лишити,
Тоту чорнявочку?»

593.

«Даю я ти, милый сынцю,
Таку порадицю:
Кедь ти мила, роботлива,
Возьми чорнявицю!»

594.

Радъ бы 'мъ я ся оженити,
Радъ бы 'мъ жену мати:
Прійде зима великая,
Нѣчимъ зимовати.

595.

Куды идешъ, пане брате?
Ци не до Рахова?
Кажи моёй бѣлявици:
Най буде здорова!

596.

Куды будешъ, брате, ити,
Съ нею говорити,
Кажи моёй бѣлявици:
Буду ся женити.

597.

Гей, во лузѣ волы въ плузѣ,
На вередѣ качка:
Взявъ бы я тя, дѣвчинице,
Кобъ есь не брехачка.

598.

Якъ у тебе очи чорнй,
Такъ у мене сивй:
Поберѣмъ ся, мôй миленькій,
Будеме счастливй!

599.

Ой Марійко, бѣла дѣвко,
Чекай до суботы!
Куплю я ти рашѣвочку,
Червенй чоботы.

600.

Во пятницю я ихъ куплю,
Въ суботу пôдкую,
А въ недѣлю та раненько
Тобѣ подарую.

601.

Оженися, не журися,
Гораздъ тобѣ буде:
Будешъ мати цѣловати,
А хлѣба не буде!

602.

Оженися, не журися,
Пôде ти рукою:
Жêна пôде по росôлъ,
А ты за мукою.

603.

Оженися, не журися,
Будешъ газдовати:
Ты самъ будешъ свинѝ пасти,
Жена завертати.

604.

Гоппа, хлопци, гоппа, хлопцѝ,
Гоппа, небожата!
У нашеи попадейки
Пшеницꙗ не жата,

605.

Гопъ, цупъ, баранчукъ,
На боцѣ мудудка:
Кобы минѣ не весёлье,
Не бывъ бы я тутка!

606.

Ба што тото за весёля,
Што лише за два дни:
Кобы было за три тыждни,
То бы было ладнê!

607.

Загуди ми, гудаченьку,
Коль я тебе прошу,
Бо я твою платниченьку
Во мошонцѣ ношу!

608.

Загуди ми, гудаченьку,
Честный чоловѣче,
Зарѣжу ти когутика,
Най не кукурêче!

609

Ей, горѣла полонинка,
Горѣла, горѣла:
Такъ молода танцёвала,
Онъ ся розболѣла!

610.

Червены чижемки,
Што вы наробили?
Въ Кречуновѣ на помостѣ
Трёпоты ходили.

611.

Иде дождикъ напôрненькій,
А чей перестане:
Взявъ молодець стару бабу, —
Кайтеся, Христьяне!

612.

Ащь бы тота молодиця,
Та бы негôдниця,
Ай бо тота стара баба,
Ще й къ тому вдовиця.

613.

Оженився кострубачъ,
Узявъ пелехату,
Та не знали газдовати,
Запалили хату.

614.

Гей, кукала зазулиця
Тамъ горѣ, на пеньку:
Будемъ пити медёвочку
У Жида на шеньку.

615.

Ой помай, Бôгъ, арендарю!
Богдай здоровъ Жиде!
Повѣрь минѣ паленочки,
Поки мила прійде!

616.

И я не пій, и ты не пій,
Та кто буде пити?
Та кто буде на Жидôвскй
Сироты робити?

617.

Не дивуйте, добрй люде,
Што я обôдрався!
Нянё у мня піячиско,
И я въ него вдався.

618.

Ой широкй шалавары,
Землю замêтають:
Два крайцары во ремени,
Й тоты заважають.

619.

Покля е'мь ся не вженивъ,
А я въ чижмахъ гопъ, гопъ!
А якъ е'мь ся оженивъ,
А я въ змêткахъ лёпъ, лёпъ!

620.

Покля е'мь ся не вженивъ,
Мавъ коня чорного,
А якъ е'мь ся оженивъ —
Ни коня слѣпого.

621.

Што будеме робили?
Вже 'сме поробили:
Будеме ся качуляли
Изъ гôръ на долины!

622.

Говорили, гуторили,
На меду подпивше:
«Што будеме въ зимѣ ѣсти,
Въ лѣтѣ не робивше?»

623.

«Ой будеме снѣжокъ ѣсти,
Воду попивати,
Коли, дѣ, мы не хотѣли
Въ лѣтѣ упрѣвати.»

624.

Ей, никому такъ не горавдъ,
Якъ минѣ самому:
Чужи жоны сѣно ѣдятъ,
А моя солому!

625.

Ба што за молодиця,
Така дуже красна,
Не е въ неи зуба въ ротѣ,
Лише самѝ ясна.

626.

А якъ ей не любити,
Ци не уродойка?
Очи рябѝ, ротъ ги въ жабы:
Ци не подобойка?

627.

Ба кады я тогды бывъ,
Коли роздавали,
Кождый собѣ взявъ по воли,
Минѣ бѣду дали.

628.

Женила 'сь мя, моя мамко,
Женила, женила:
Повна стайня худобицѝ
Жена ми не мила.

629.

Худобиця, якъ росиця,
Ци буде, не буде?
Нѣ съ кимъ выйти погуляти
Межи чужѝ люде.

630.

Не жаль минѣ за лугами,
Што пôшли съ водою,
Ай жаль минѣ на попонька —
Звѣнчавъ мя съ бѣдою.

631.

Гей, пôду я до попойка,
Изъ легка, зъ потиха:
«Розвѣнчай мя, пане отче,
Безъ чуда, безъ лиха!»

632.

Уже тебе не розвѣнча'тъ,
Ни пôпъ, ни владыка,
Хиба тебе та розвѣнча'тъ
Лопата, мотыка.

633.

Жено моя солодкая,
Дай ты минѣ ѣсти!
Бо я пôду середъ села
На публйку сѣсти

634.

Солодка ма бѣла рыбко,
Ой меде, мôй меде!
А вже намъ ся сего року
Любитки не веде.

635.

Не кукаї ты, зазуленько,
Не кукай, не кукай!
Коль ты мене та не любишь,
Иншу собѣ шукаї!

636.

Пущу коня во отаву,
А кôнь по лопушу:
Гей, кто любить чужу жѣнку,
Дѣдко возьме душу.

637.

Анде мôй везе гнôй
Въ кучеравôй шапцѣ:
Адтакъ бы ми, гень такъ бы ми,
Онъ ми не на гадцѣ!

638.

Скочивъ песъ во овесъ,
А сука въ татарку:
Любитъ мила панича,
А милый Цыганку.

639

Христіяне православнѝ,
И вы, люде, чуйте!
Дала миnѣ плюга чары,
Да что ми, ратуйте!

640.

Смилуйтеся, добрі люде!
Душу женутъ чары:
Не годны ми порадити
И Царскі докторы.

641.

Ой цить, бѣдо, не моркони,
Тай не залицяйся,
Ай хвать жабу та за лабу,
Та по писку вдарься!

642.

Поколь была 'мь въ свого нянька,
Коровочки 'мь пасла,
Сыръ е'мь ѣла, молько 'мь пила,
Личко 'мь была красна.

643.

А якъ е'мь ся передала
Въ мого мужа ручки,
Сбило ми ся волосѣчко
Во бобовы стручки.

644.

На Бѣлецкôй церкви
Мурована турня:
Такій ми ся хлопець выбравъ,
Што не моя рувня.

645.

Не моеи рувнй,
Не моеи версты:
Женитися было, Юрку,
Сѣмма роки перше.

646.

Дала мене моя мамка
За старого дѣда,
Та велѣла шановати,
Якъ въ городцѣ зѣлья.

647.

А я дѣда шановала,
Шановати мушу:
Ой, змилуйся, Пане Боже,
Возьми зъ дѣда душу!

648.

На высокôй полонинцѣ
Вѣтеръ сѣно сушитъ:
Коль мя бѣдка поцѣлуе, —
Якъ гадина вкуситъ.

649.

На высокôй полонинцѣ
Сама сѣно гребу:
Коль мя любко поцѣлуе,
Соложе отъ меду.

650.

Я въ мочари сѣно гребу,
По подъ сѣно вода:
Поти мене милый любить,
Поки я молода.

651.

Зеленое покошеное
А бѣлое нѣть, нѣть:
Лише было погуляти,—
Завязали свѣтъ, свѣтъ!

652.

Закукала зазулойка,
Та за вершокъ зайшла:
Я бы была таку любовь
На дорозѣ найшла!

653.

Теперь собѣ погуляю,
Теперь моя воля:
Не стоитъ ми за плечима
Моя горька доля!

654.

Я, дѣ, собѣ заспѣваю,
Та ще защебечу,
А якъ я ся постарѣю,
Я вшитко замечу.

655.

Кобы минѣ не чепакъ,
Та й не бѣла хустка,
Такъ бемь собѣ погуляла,
Якъ на водѣ гуска.

656.

Якъ покладуть на голову
Нехарный чепище,
То не пуститъ погуляти
Проклятый мужище.

657.

Черезъ гору высокую
Ружа подалася:
Не иду я на вечёрки,
Я вже отдалася.

658.

Играйте вы, мо́лодиці̂,
Бо я йду до дому:
Є у мене воркунъ дома,
На мою голову.

659.

Єдному бы ѣсти дати,
А другому пити,
А третее маленькое
На дворъ бы водити.

660.

На Брустурахъ загримѣло,
На Ясѣню блисло:
Богдай тебе, мôй миленькій,
По пôдъ сердце стисло!

661.

Бодай тебе, мôй миленькій,
Кривило, морило!
Чому тото такъ не было,
Якъ ся говорило?

662.

Ци чули вы, добрї люде,
Коли куры пѣли?
Тогды мои бѣлї нôжки
Долѣ селомъ бѣгли.

663.

Ци чули вы, добрї люде,
Коли псы брехали?
Тогды мои бѣлї нôжки
Подъ окномъ стояли.

664.

Мамко моя солодкая,
Бѣду я вчинила:
Ужь всѣ жêнки трутъ колопнї,
Я ще не мочила.

665.

Идутъ люде туды на торгъ,
Мене обмовляютъ:
Чіи тото колопнята
Въ поли погибаютъ?

666.

Сама в'мь ся дивовала,
Яка 'мь была рядна:
Єдно 'мь мала телятище,
И то 'мь не загнала!

667.

Сама в'мь ся дивовала,
Яка в'мь охоча:
Подивлюся до коморы —
А ни й таки клоча!

668.

Я гадаю, я гадаю,
Ожь то милый дупка'тъ,
Ано, ото та волчище
Телятище хрупка'тъ.

669.

«Выйди туда, моя свекро,
Раненько, раненько!» —
«Уже ото не подоба,
Дѣвонько, дѣвонько!»

670.

Ой куе, дѣ, зазулонька,
Та й уже не куе:
Уже мене чужа мама
Лишь не пожалуе.

671.

Ей куе, дѣ, зазулечка,
Ще буде ковати,
Еще мене моя мамка
Буде жаловати.

672.

Далась мене, моя мамко,
За высокі горы,
Видавъ, 'есь ся радовала,
Ожь тамъ сивы волы.

673.

Сивы волы, сивы волы,
На ярочку пили:
Страхи мене обнимаютъ,
Обы мя не вбили.

674.

Бо ащь мя вбютъ, пожалуютъ,
Вергутъ мя до ярку,
Где дѣвчата ходятъ рано
По рябу фіялку.

675.

Фіялочко, фіялочко,
Кобы 'сь ся пріяла,
Кобы была 'сь, мене, мамко,
Борзо не отдала!

676.

Сего року бездольного,
Та и сеи зимы,
Волѣла 'сь мя закопати
До сырои землй.

677.

Ей родино, родиночко,
Та й родичи мои!
Прійдѣтъ, прійдѣтъ посмотрѣти
Пробыванки мои!

678.

Лишь пôду я до Сигота,
Та стану у пана,
Што бы за мя никто не знавъ,
Ни мôй мужь, ни мама.

679.

Гей, столику яворовый,
Столику жовтенькій!
Кто на тобѣ карты грае,
Тото мôй миленькій.

680.

Чей изъ горы на долину
Помаленьку зыйду:
Сподѣвайся, моя мила,
Бо по тебе прійду!

681.

Выйди, дѣ, ты, молодичко,
Та вонъ подивися:
Колопеньки покошенѝ,
Леникъ похилився.

682.

Колопеньки покошенѝ,
А леникъ бы брати:
Не пущай ты, молодичко,
Хлопчуки до хаты!

683.

Якъ ихъ знаю не пустити,
Ходятъ ги опришки,
Даютъ минѣ горѣлочки
Съ зеленои флешки.

684.

Не боится хлопъ морозу,
Ни голый розбою:
Сѣдай, мила, на коника,
Подь, мила, со мною!

685.

Пасутъ ôвцй по дубрôвцѣ,
Козы по болоню:
Будь, миленькій, въ четвергъ дома,
Вже ти ся отклоню!

686.

Ей, Боже мôй милосердный,
Я ся тобѣ молю:
Гей, давъ есь ми здоровьечко,
Не давъ есь ми долю!

687.

Будь здоровый, мôй миленькій,
Люби мя едную;
Бо не найдешь въ цѣлôмъ свѣтѣ
Надъ мня вѣрнѣйшую!

688.

Кедь ты былъ поповичъ,
Я была попôвна,
Мене было не брати,
Я не супокôйна!

689.

Ой Русине, Русине,
Руснаку небоже!
Не бôй ты ся баламута,
Руськый Богъ поможе.

690.

Гей, выйду я въ полонину,
Тамъ у тоту пущу,
Та тамъ я ся зарубаю,
Никого не пущу.

691.

Лише тоту дѣвчиницю
Съ чорными очима,
Штобы минѣ, молодому,
Водицѝ носила.

692.

Ни высокôй полонинѣ,
Пощибана роса:
Ба кто еи та пощибавъ? —
Бѣлявиця боса.

693.

Не бôй ты ся, бѣлявице,
Студенои росы,
Самъ ся сзую, тебе вбую,
А самъ пôду босый.

694.

Добро минѣ въ полонинѣ,
Въ полонинѣ гайно,
Въ полонинцѣ пасе овцѝ
Василь та Михайло.

695.

Коль бываю въ полонинцѣ,
То хожу, то стану,
Въ полонинцѣ пью жинтицѣ,
Ѣмъ сыръ та сметану.

696.

Адтуй — гора, адтуй — друга,
Антамъ — долиночка,
Межи тыма двома горы —
Моя любаночка.

697.

Адтуй — гора, адтуй — друга,
Антамъ — долиночка,
Сподъ едпои вода тече,
Съ подъ другои млачка.

698.

Єдна гора высокая,
А другая низка,
Єдна мила далекая,
А другая близка.

699.

Гей, у тои, далекои,
Волы и коровы,
А у сеи, близенькои,
Чорненькіи бровы.

700.

Я бо тоту, далекую,
Людёмъ подарую,
А до сеи, близенькои,
Самъ я повандрую.

701.

По надъ саму полонинку
Густеньки темеи:
То ми любо позирати
До неи, до неи.

702.

Ладно минѣ въ полонинѣ,
Въ полонинѣ сижу:
Што ма мила дома робитъ,
Я то вшитко вижу.

703.

На высокôй полонинѣ
Дрижитъ болотечко:
Кортитъ мужа ôвчарити,
Хоть едно лѣтечко.

704.

Кортитъ мужа ôвчарити,
Мене скотарити,
Та будеме на сметанѣ
Обѣдъ готовити.

705.

Ще ся было не женити
И не журитися,
Зъ высокои полонинки
Въ село дивитися.

706.

Кобы горы прокопати,
Хащу прорубати,
Штобы видно, коли моя
Любка лѣгать спати.

707.

Гей, ôвчарю, ôвчарику,
Займи мои козы:
Што я тобѣ обѣцяла,
Понесу ти въ розѣ.

708.

Ой ôвчарю, ôвчарику,
Займи мои ôвцѣ:
Што я тобѣ обѣцяла,
Понесу ти въ пôвцѣ.

709.

Ой ôвчарю, ôвчарику,
Найми ты ся въ мене:
Буде тобѣ, наймитчику,
Платничка ôтъ мене.

710.

Видко мого миленького
Конецъ полонинки,
Якъ росчесавъ жовту косу
Ажь до ременинки.

711.

«Коли тя ся сподѣвати,
Любцю, съ полонинки?» —
«Коли буде вечерѣти
По пôдъ буковинки.»

712.

Гей, луснули двѣ пистолѝ,
Задули въ козицѝ:
Заплакала дѣвчиниця
Изъ вѣнчанокъ йдучи.

713.

Ой не плачь ты, дѣвчинице,
Не буду тя бити,
Пристанешь ми икъ серденьку,
Буду тя любити.

714.

Верховина веселая,
Верховина красна!
Про едну лишь, верховина,
Горѣвку несчасна!

715.

«А чому ты, бѣлявочко,
Счорнѣла, змарнѣла?» —
«Верховинской бѣлявочцѣ
Збрага красу зъѣла.»

716.

«А чому то блѣде дѣтя,
Гень трêску глодае?» —
«Блѣде дѣтя трêску гложе,
Бо хлѣба не мае.»

717.

Покинь трêску, блѣде дѣтя,
Перестань глодати!
Не пье отець, не пье мати,
Будешь хлѣба мати.

718.

Мамо моя,
Не лай мене!
За старого
Не дай мене!

719.

Бо надъ старымъ
Дѣти пищать,
На молодôмъ
Гузы блищать.

Пѣсни Гуцульскія.

Въ Яворовѣ, округа Коломійскаго.

1.

А Ґосподи милосердный!
Єкъ мы бѣдовали,
А поки ме та паньши̂ну
Кежко ôтбували.
Слава Богу, же намъ гараздъ
Тепи̂рь сеси̂ лѣта,
Аже бы нашъ Тѣсарь здоровъ,
Та й живъ много̂ лѣта.
Бога проси̂мъ за Тѣсаре,
Шё чесъ, шё годины,
Намъ паньши̂ну подаровавъ,
Абыхъ не робили.
Бога проси̂мъ за Тѣсаре
Сараки Руснаки;
На Тѣсаре нагнѣвавъ се
Венгеръ та Поляки.
Ай бо Венгеръ та й Поляки
Бѣду наробили,
Тôлько було въ царе земли̂,
Усю сколотили.
Ой Пôдгôрье спудилосе,
Шё Венгеръ женесе,
Бога проси̂мъ за Тѣсаре,
Тѣсарь не даесе.
Ой Пôдгôрье спудилосе,
Шё насъ Венгеръ зôтне,
Бога проси̂мъ за Тѣсаре
Чей се Тѣсарь зôпре.
Спудила се уся Польшя,
Польшя та й Иршава,
Та бо чей насъ поратуе
Сила Москалева.
Венгеръ Руса не боевсе,

Не мавъ тои дôймы,
Бо ôнъ не чювъ, шё йде Москаль
Вороными кôньми.
Того войска не богато,
Лишь три мйліоны,
А єкъ ввôйшли въ Венгершйну,
Стали на загоны.
А лишь тôлько Московского
Венгеръ вôйска збачивъ,
Якъ загуливъ въ загороду,
Окропомъ опаривъ.
Та бо Москаль поправивсе
Заложивъ каноны,
Отъ такъ убивъ Венгершйну,
Господи, борони!
Отъ такъ убивъ того Венгра,
Шё лишь ставъ, екъ курка,
Вхопивъ собѣ толпу войска,
Та й утêкъ пôдъ Турка.
А газетье не читаемъ,
Никто то не чюе,
Але чи го вйдавъ Турокъ,
Чи ôнъ тамъ газдуе.

2.

Тѣсарь письма розсылаетъ,
Помежи Руснаки,
Шёбы собѣ свои села,
Добре вартовати.
Абы собѣ дубелтовй,
Варты уложити,
Та бо Тѣсарь вôйска вйславъ,
Венгра пригрозити.
Бо десъ чюю не съ одного,
Шё шёсъ собѣ мыслитъ,
Каже Царь народъ вйгубитъ,

Шё й душй не лишить.
Та бо я вамъ росказую,
Чи чюєте люде?
Ôтколи свѣтъ засновався,
Не було й не буде.
Ôтколи свѣтъ засновався,
Изъ синёго моря,
То Царь народъ не губивъ,
Шёбы земля гола.
Только значьно на семъ свѣтѣ
Царьского помору,
Отъ єкъ возме лодѣй ерьче
Отъ шёстдесетъ дробу.
Отъ єкъ возме злодѣй ерьче
Не велика шкода,
Єкасъ иншя намъ буде смерть
Отъ Господа Бога.
Єкасъ иншя намъ смерть буде
Отъ Господа Бога,
Бо сесе се наближяла
Тысячя Петрова.
А уже сме усгупили
Въ тысячю Петрову,
То такъ всѣ махнемо разомъ,
Якъ листъ ôтъ морозу.
Ой єкъ листъ тотъ ôтъ морозу,
А попелъ ôтъ вѣтру,
Бо велика та ненависть
Поєстала на свѣту,
Земле не могла сдержети,
Богъ не мôгъ стерпѣти
Господь знае милосердный,
Де насъ мае дѣти.
Якъ Господь повѣтре пустить
На одну годину,
Тогды нй одинъ не скажеть
Шё я не загину.
Бо такъ будемо дрожети,
Якъ козы въ закутку,

Лишь не могу зрозумѣти
До екого пункту.
Ану, просимъ щире Бога,
Къ землѝ уклонимсе,
Чужеложьству даймо спокôй,
Корьчмы попустѣмсе!

3.

Ой ледѣню, ледѣнику,
Лишь не пій горѣвку,
Та дамъ тобѣ штыри волы
Та й хорошу дѣвку!
Шё жь такъ есъ се красно упивъ,
Шё упавъ за грубы,
Таки песъ се кобы здоровъ,
Нацмокавъ се въ губы,
Дивѣте се, люде добрѝ,
Шё пеница мае,
А шё видитъ, бере зь хаты,
За горѣлку дае.
Затегнувъ се тамъ у корьчму,
Та й ставъ говдувати,
Онъ шё занѣсъ, то все пропивъ,
Жидъ вѝтрутивъ зъ хаты.
Лѣзе въ потычь до домочку,
Страшный екъ блощиця,
Голый екъ быкъ, дурный екъ цапъ,
Обôдранѝ лиця.
Оскубли мне, екъ гусака,
Голого пустили,
Ажь мне слезы обливаютъ,
Ото жь то мне били.
Шё жь то добре, товаришю,
Горѣвку лишити,
Май мало будемъ грѣшити,
Довголѣтне жити.

4.

Доки 'мъ пили ту горѣвку,
Доти бѣда була,
А не одна челедина
Отъ обуха рула.
Собѣ сама теперь челядь
Бога допросила,
Шё самъ Господь зôславъ письмо
Ажь до папа Рима.
Тото писарь листье читавъ,
А я взевъ на саму,
Правда на насъ добре выйшло,
На нашу громаду.
Шёбы файно газдовати,
Горѣвки не пити,
Жêнки Бога допросили,
Шёбы ихъ не бити.
Жêнки собѣ не невольте,
Въ хатѣ не збыткуйте,
Та лишь возмѣтъ зъ поля хлѣба,
Красно ихъ годуйте.
Выйшло письмо зъ Станйслава,
Чи вы чюли, люде?
Якъ ме єкій жêнку бити,
То штрофъ за то буде.
А хоть на серлце не добра,
На мову своbôльна,
То не можна жêнку бити,
Жêнка кожда вгôдна.
Я васъ прошю, молодицѣ,
За то се не тайте,
Скоро ме васъ єкійсь бити,
Идъ менѣ се вдайте!
Ой идъ менѣ се вдавайте,
Я вамъ справу зробю,
А хоть єка буде лиха,
Отъ разу второпю.

5.

Якъ дуже не мемо пити,
Будемо богатѝ,
Будемъ мати много грошей,
Суповой у хатѣ.

Якъ мы були пеницеми,
Отъ горѣвку пили,
Дотѝ намъ се ребра боли
Якъ дурнемъ свѣтили.

Жиды собѣ красно ѣли,
Файно се вбирали,
Мы, сараки Гуцулоньки,
И хлѣба не мали.

Мы мусѣли бѣдовати,
Голодомъ терпѣти,
А все тото черезъ Жиды,
Та черезъ ихъ дѣти.

Изъѣшь дѣдьки, песій сыну,
Пархо бородатый,
Бо не пôду по горѣвку
Та до твоей хаты!

А мы будемъ працёвати,
Жёнки будутъ прести,
Жиды будутъ, песѝ сыны,
Своимъ драптьемъ трести.

А екъ менѣ гидко, бридко,
Ше я бувъ пеницЯ,
Смѣёласе, ругаласе
Зъ мене молодиця.

Та й дѣвчета утѣкали
Єкъ ôтъ злого духа,
Котрôй сказавъ, шô те возьму,
Стресла ю тетюха.

А я прійшовъ межи люде,
Та й ставъ ихъ просити,
Дайте минѣ ску раду,
Скъ се оженити?

А они менѣ сказали:
Кобы не горѣвка,
Не одна бы омлѣвала
Та за тобовъ дѣвка.

Покинь бути пеницевъ
Отъ горѣвку пити,
И зобачишь, скъ те будутъ
Дѣвчєти любити.

Люде давно старосвѣцкіи
Горѣвки не пили,
По сто годôвъ по пєтдесєть
Та на свѣтѣ жили.

Але теперь, скъ узели
Дуже попивати,
То по сорокъ пєсковина
Не будутъ тревати.

Дѣтька нема по камѣнью,
Лишень коло винниць,
Своимъ зѣльемъ заправлєє
Горѣвку для пениць.

А мы лишѣмъ, люде добрій,
Отъ горѣвку пити,
Бо мы будемъ за горѣвку
Дрантавѝ ходити!

А мы жь мемо за горѣвку
Дрантавѝ ходити,
А все жь будемъ въ Бовцатулѣ
Бѣланѝ кочети.

А мы жь будемъ въ Бовцатулѣ
Бѣланѝ кочети,
А Жиды мутъ изъ Залучье
Горѣвку возити.

Але въ нашôмъ Єворовѣ
Корьчма на дорозѣ,
Не оденъ тамъ ôвцу пропивъ
Та й чотыре козы.

Але въ нашôмъ Єворовѣ
Корьчма коло схилку,
Шё моя любка пропила
Рыженьку кобылку.

6.

Ой лиши ты, файна любко,
Горѣлочьку пити,
Будешь боса та безъ капцêвъ,
Безъ волокъ ходити.

Ей не такъ студень въ петы, въ петы,
Якъ студень у пальцѝ:
Она прійшла до сусѣды,
Выбрехала капцѝ.

Въ мене така любка файна,
Шё ïй не ма пары,
Она нибы капцѝ вбула,
На вѣки пропала.

А я прійду на весѣлє,
Заспѣваю тутка,
А вы, братя, не вгадали,
Котра моя любка.

Але въ мене любка файна,
На очи блешнява,
Роздивѣтъ се помежи миръ,
Ай ци є ïй пара.

Пары не ма нѝ въ Кордунѣ,
Ни въ нашôмъ Пôдгôрью,
Она себе продавала
На Рôздво въ недѣлю.

А Рôздво свето велике,
Бôльше екъ недѣля,
А вна себе продавала
Тожь погана вѣра!

Съ любки ми се не збыткуйте,
Моя любка озьде,
Дамъ у люльку два коренŷ,
Кто въ танець ю возме.

Возмѣтъ, братья, любку въ танець,
Танцёвати годна:
Она свище та й танцує,
Якъ у корчи довга.

Съ любки ми се не збыткуйте,
Моя любка бѣдна,
Отъ леніи въ другôй хатѣ
Бодай розôпрѣла!

Весельія и охочія.

А. НАСМѢШЛИВЫЯ, ШУТЛИВЫЯ.

1.

Ой умру я, ой умру я, буду ся дивити,
Та цы буде мôй миленькій за мною тужити!
А мôй милый зажурився, пôшовъ пôдголився:
«Кобы тѣло съ хаты взяли, я бы оженився.
Дѣти мои дрôбненькіи, идѣтъ вы служити,
Умерла вже ваша мамка, та нѣ съ кимъ вамъ жити.» —
Бо бѣдома, чоловѣче, бо бѣдома, бѣдома,
Та поки я на лавицы, найко дѣти дома. —
«Бѣдна моя головонько, яка жъ ты зрадлива,
Ой я гадавъ, що ты вмерла, а ты еще жива.» —
Жива, жива, чоловѣче, та й ще буду жити,
Ты ся гадавъ та женити — борше будешь гнити.

2.

Бѣду'мъ собѣ купила, та за свои гроший,
Кажутъ бѣду любити, бѣда не хороший:
И слѣпій и кривый, до того горбатый,
Якъ ся стане трепотати, тра съ хаты втѣкати.
Я въ недѣлю пяна була, въ понедѣлокъ спала,
А вô второкъ снопôвъ сорокъ пшеницй нажала,
А въ середу звезла, въ четверъ змолотила,
Въ пятницю продала въ суботу пропила.
За що жь мене, мужу, бьешь, за якй учинки?
Чи я тобѣ не напряла за рôкъ два починки?
Не сама жь я пряла, кума помагала,
То за масло, то за сыръ, то за кусокъ сала.
Не сама жь я пряла, пряли помôчници,
То за муку, то за пшоно, то за паляницй.
Чи я тобѣ не жена, чи не господиня?
Три дни хати не мела, смѣтье по колѣна.

Хоть я буду мести, то не буду нести,
Купи, мужу, вôзочокъ, будемъ смѣтье везти!
Купи, мужу, вôзочокъ и сиву кобылу,
Вывеземо смѣтье съ хаты на попову ниву;
А попова нивка сѣмь лѣтъ не родила,
Якъ вывезли смѣтье съ хаты, пшеницю вродила.

3.

Ой выйшла Марысенька до сѣный изъ хаты:
Ходи, ходи, колодію, зо мновъ ночовати!
Нема мужа, нема дома, вôнъ теперь на вартѣ,
Будемъ собовъ, колодію, безъ нôчь розмовляти.
Ой пôшовъ я до кумоньки люльку закурити,
Здерли зъ мене опанчину, ще хотѣли бити;
Здерли зъ мене опанчину, здерли зъ мене кучму,
Оденъ каже до другого: «Ну жь но го помучмо!»
Оденъ каже: «Пане, брате!» другій каже: «Куме!»
А третій ся менѣ зъ бучкомъ поза плечи суне.
Ой скочивъ я черезъ плôтъ, та й не дотикнувся,
Якъ мня зôбравъ мужикъ цѣпомъ, ажь я облизнувся;
А я хлопецъ молоденькій, въ свого батька вдався,
Низомъ, низомъ, по пôдъ плоты, та й въ бульбы сховався;
Выйшли рано дѣвчатонька зберати патину,
Одна каже до другои: «Знайшла 'мъ си детину.»
А я хлопецъ молоденькій, взявся за пôдъ боки:
«Подивѣтся, дѣвчатоньки, якій я высокій!»

4.

Гнѣвалася, каже, жѣнка та на свого мужа,
Та вылѣзла на пѣчь спати, каже, що недужа;
А вôнъ пôшовъ до оборы серои дубины,
А она ся та й схопила тотои годины.
«А щобы тй, мôй миленькій, та такій вѣкъ долгій,
Та якъ же ты найшовъ менѣ, ба такій лѣкъ борзый!»

5.

Ой у лузѣ на калужѣ сова воду пила!
А що жь тото за публйка, жёнка мужа била.
Ой якъ били, такъ и били, пôшли ся тягати,
Старй люде осудили, шобы ю еднати;
Але пріішли та вôдъ пана, стали говорити:
«Ци маю тя та еднати, ци маю тя бити?
Волѣю тя та еднати, нѐжъ маю тя бити,
Де ми скажешь, тамъ тѣ пôду горѣвки купити.
Не гнѣвайся, моя мила, що ты мене била:
Куплю я тѣ гарнець меду, а два гарцй пива!» —
Ой вôдъ пива болить серце, а вôдъ меду голова,
Купи менѣ та горѣвки, то буду здорова!

6.

А въ еднôмъ селѣ, недалеко Дубна,
Вандровала пара съ собою незлюбна,
Грицько зъ Марухою, строінною чорнюхою
Та шукавъ собѣ мѣсця.

А сѣвъ себѣ Грицько та пôдъ паномъ Дикôмъ,
Хоть на пустôмъ селѣ, а въ щастью великôмъ,
Грицько при урядѣ, при свинячêмъ стадѣ,
Городникомъ бувъ.

И его жёнка не дармовала.
Псамъ ѣсти варила, пацюкамъ давала.
Грицько въ гору йде, шумитъ, бубнитъ, куда йде,
Що въ великôмъ щастью.

Були обое великого зросту,
Даровавъ имъ тожь панъ кобылу безъ фосту.
Грицько въ гору йде, шумитъ, бубнитъ, куда йде,
Що въ великôмъ щастью.

Були в'ни обоє три чверти у пана,
Давъ имъ панъ Дикій козу и барана.
Грицько въ гору йде, шумитъ, бубнитъ, куда йде,
Що въ великôмъ щастью.

Грицько за барономъ ходитъ та думає,
А жêнка єго та хлопцѣ пытає.
Грицько въ гору йде, шумитъ, бубнитъ, куда йде,
Що въ великôмъ щастью.

А взявъ собѣ Грицько, що 'сь почавъ думати,
Та пôшовъ до пана о хату прохати,
Грицько въ гору йде, шумитъ, бубнитъ, куда йде,
Що въ великôмъ щастью.

Надавъ му панъ хату, якъ до єго сили,
Безъ верха, безъ вôконъ, де свинѣ ходили.
Грицько въ гору йде, шумитъ, бубнитъ, куда йде,
Що въ великôмъ щастью.

И тамъ ся хлопцѣ всѣ избѣгали,
Грицькови зъ жêнкой мешкати не дали.
Грицько сюда, туда,
Мыслитъ, буде бѣда,
Треба утêкати,
Далѣй вандровати.

7.

Вже три дни и три недѣли,
Якъ мого мужа комарѣ изъѣли,
А ще кажутъ люде, що я не журуся,
Ой, а я журуся, пôду утоплюся,
Утоплюся нынѣ, нынѣ, —
Въ червонôмъ вынѣ, вынѣ.

Ахъ, горе, горе, зажурила'мъся,
Скрыпками, дудками, надсадила'мъся,
Та й ще кажутъ люде, що я не журюся,
Ой, а я журуся, пôду удушуся,
Удушуся нынѣ, нынѣ, —
Въ пуховôй перинѣ.

Ахъ, горе, горе зажурила'мъ ся
Скрипками, дудками, надсадила'мъ ся,
Та й ще кажутъ люде, що я не журюся,
Ой, а я журюся, пôду зарѣжуся,
Зарѣжу я нынѣ, нынѣ —
Куплуна по шêи.

Ахъ горе, горе зажурила'мъ ся,
Скрипками, дудками, надсадила'мъ ся;
Та ще кажутъ люде, що я не журюся,
Ой, а я журюся, пôду завѣшуся,
Завѣшуся нынѣ, нынѣ —
Хлопцевы на шêи.

8.

Ѣхавъ Лукинъ изъ ярмарку темненькои ночи,
Та зобачивъ пшениченьку въ поповій обочи.
Та й прiѣхавъ до домоньку чтыре возы сточивъ,
Такой тои годиноньки по пшеницю скочивъ.
Ой прiѣхавъ до пшеницѣ, та й ставъ, та й думае:
Буде мêнѣ гôрьке лихо, якъ ся пôпъ дôзнае.
Ой иде пôпъ дорогою, полемъ розглядае,
Йде человѣкъ зъ Дубрôвнои, та й ся го пытае:
«Та вѣдай ты, чесный отче, яку 'сь шкоду маешь,
Же такъ идешь дорогою, полемъ розглядаешь?» —
«Ой дамъ тобѣ, чоловѣче, карую лошицю,
Лишень мêнѣ испрiяй за мою пшеницю.» —
«Ой кульбачь си, чесный отче, коня вороного,
Та ѣдь право до Лукина испôлника свого.»
А въ нашого Лукиноньки метене подвôрье,
Забравъ Лукинъ пшениченьку сестрѣ на весêлье.
«Ой дамъ тобѣ, чесный отче, перѣсту телицю,
Тôлько мене не публйкуй за свою пшеницю!»

9.

(См. Вацл. изъ Олеська 492).

Ѣхавъ Ляшокъ изъ Варшавы,
На нимъ були сукнѣ шарѣ,
Мавъ канчукъ у бока,
Не боится мужика.
Ѣхавъ Ляшокъ по надъ лугомъ,
Ажъ тамъ оре хлопъ изъ плугомъ,
Помагай Бôгъ не казавъ,
Нѣ шапочки не здôймавъ,
Ажъ той его привитавъ,
За чуприну похитавъ
Добре, Ляшокъ, добре мавъ,
Що помогай Бôгъ не казавъ.
«Та подай, хлопче, батога,
Научу тя, Ляшуга,
Якъ шапочку здôймати
И помагай Бôгъ казати!»
Ѣде Ляшокъ дорогою,
Ажъ тамъ плыне гусь водою:
«Помогай Бôгъ, бѣла гусь,
Навчила мня здѣшня Русь,
Якъ шапочку здôймати,
Помагай Бôгъ давати.»
Ажъ ту бѣжитъ медвѣдь кусый,
Ляшокъ гадавъ, що то Русинъ,
Зъ далека ся кланяе,
И шапочку здôймае;
А медвѣдь ся розигравъ,
Та й волосье обирвавъ.
Не лишивъ го на дорозѣ,
Но потащивъ въ бѣлѣ лозы.
Идутъ купцѣ изъ Варшавы,
Занесли го до дубровы,
Тамъ му погрêбъ исправили,
Хрêнъ у зубы му встромили;

Лежитъ Ляшокъ въ дубинѣ:
«Не кланяйся дурнинѣ!»
Ажъ тамъ бѣжитъ лисиця,
Коло Ляшка вертится:
«Добре ся той Ляшокъ мавъ,
Коли такъ хрѣнъ заживавъ.»
Ой встань, Ляшку, не дрижи,
Хоть за хвостикъ подержи!

10.

Черезъ садъ стеженька:
Иде дощикъ здрôбненька!
«В'твори, мужу, ворота,
Бо йду пянесенька!»

Мужь ворота отвирае,
Та й на свою жѣнку лае:
«Що ты мила та гадаешь,
Шо о дому ничь не дбаешь?»

«Все то черезъ хлопцѣ,
Та черезъ коханцѣ,
Що якъ пôду та й зъ вечера,
Не прійду ажъ въ ранцѣ.» —

Ой взявъ за рученьку,
Та повѣвъ до хаты:
«Цытьте, дѣти, не кричѣть,
Най ся выспить мати!»

«Ой кобы 'сь ты, мужу добрый,
Та взявъ батôгъ довгій,
А взявъ мене бити:
Не ходи до корчмы пити!» —

«Кобы'мъ тя не любивъ,
Зразъ бы'мъ тя бивъ;
Але я тя дуже люблю,
Бити тя не буду.» —

«Ой ты не поповичь,
А я не попôвна;
Кобы'сь мене хоть разъ выбивъ,
Не була бы'мъ свавôльна.»

11.

Била жêнка мужика,
За чуприну взявши,
А вôнъ ся ей уклонивъ,
Шапочку изнявши.

«Не гнѣвайся, моя мила,
Що ты мене била,
Куплю тобѣ коновъ меду'
И другую пива.» —

«А вôдъ пива живôтъ болить,
Вôдъ меду голова,
Купи, мужу, горѣлоньки,
Буду я здорова!—

12

Раютъ мêнѣ люде, щобы ся женити,
Я не знаю, не вѣдаю, що маю чинити?
Бо оженившися, тра о собѣ дбати,
Шобы було жêнку й дѣти чимъ погодовати.
Взявъ 'емъ собѣ жêнку, шобы мня любила,
А она мня теперь буде зъ розуму зводила.
Я жъ бо добрый хлопець, та не волоцюга,
Вôдъ недѣлѣ до недѣлѣ усе коло плуга.
Выправила жена мужа у поле орати,
Сама пôшла молодая до мѣста гуляти.
Иде мужикъ съ поля та постогнуючи,
А невѣста иде зъ мѣста та выгойкуючи.

Прійшла жёнка зъ мѣста, каже танцювати,
Самъ не знаю, нещасливый, що маю дѣяти!
Бѣдный мужичище взявся за бочище:
«Гоя, гоя, жёнко моя, ото Козачище!
Моя жёнко, душко, май же Бога въ серци,
Дай же мёнѣ тои рыбки, шо 'сь варила въ перци!» —
«Ахъ, мôй милый мужу, вчини жь мою волю,
Потанцюй же гайдука ту передо мною!»
А мôй мужичище, взявшись за бочище:
«Гоя, гоя, жёнко моя, ото гайдучище!»
«Дивѣтъ же ся, кумочки, що я учинила,
Що я свого мужика гуляти научила!»

13.

Нікому такъ не гараздъ, якъ нашêй невѣстѣ:
Плужокъ оре въ чистôмъ поли, а она пье въ мѣстѣ.
Пила жъ она, пила, прійшла, проспалася,
Та набрала въ горшки борщу, въ поле потряслася.
«Мила жъ, моя мила, де 'сь ся забавила?..»
«Не знала я, де плугъ оре, по полю'мъ блудила.»
Яка жёнка сотона, якъ чисто збрехала,
Она каже, що блудила, в'на въ мѣстѣ гуляла.
«Милый же мôй, милый, богато 'сь выоравъ?..»
«Сѣмъ загонôвъ до полудня, бо 'мъ ся тебя боявъ.»
«Мила жъ, моя мила, богато 'сь пропила?..»
«Семь таляровъ до полудня, та ще 'мъ ся не впила.»
Иде мужикъ съ поля, бычки пôдганяе,
А невѣста иде зъ мѣста, гопки вытинае.
Иде мужикъ съ поля та й постогнуючи,
А невѣста иде зъ мѣста, та выгойкуючи.
«Ой мила жь, моя мила, ой та жоно моя,
Ци нема що вечерати, коли ласка твоя?..»
«Ой ты въ полѣ оравъ, а я въ мѣстѣ пила,
Яка жь бы намъ дѣдьча мати вечеру зварила?

Тамъ капуста пôдъ лавою уже побѣлѣла,
Уже три дни й три недѣли, якъ въ печи кипѣла.
Ой мужу жъ, мôй мужу, вчини мою волю,
„Поскачи но гайдука та й передо мою!»
А мôй мужичище съ кôвка нагайчище,
Жêнку за ручище:
«Гоя, гоя, Жêнко моя, ото й гайдучище!..»

14.

Бѣда Польку спокусила,
Пôшла Полька за Русина;
Русинъ каже: «Полька, въ поле!»
Вона плаче: «Колька коле.»

Ой поѣхавъ мужикъ въ поле,
Лишилася Полька дома:
«Отъ теперь то моя воля,
Що не маю мужа дома!

Одягнуся вô що маю,
Пôду собѣ погуляю,
И напьюся и просплюся,
Та й нікого не боюся!..»

15.

Служивъ же я первый рôкъ,
Заслуживъ я курье;
Тото куря чорнокрыле
По саду ходило,
Курятка водило.

Служивъ же я другôй рôкъ,
Заслуживъ я качя;
Тото качя рапу, рапу.
Тото куря чорнокрыле,
По саду ходило,
Курятка водило.

Служивъ я третій рôкъ,
Заслуживъ я гуса;
Тото гуся гегу, гегу,
Тото качя рапу, рапу,
Тото куря чорнокрыле,
По саду ходило,
Курятка водило.

Служивъ же я четвертый рôкъ,
Заслуживъ я порося;
То порося
Скрутилося,
Тото гуся гегу, гегу
Тото качя рапу, рапу, и проч.

Служивъ же я пятый рôкъ,
Заслуживъ я вôвцю;
Тота вôвця
Втекла зъ хлêвця
То порося, и проч.

Служивъ же я шестый рôкъ,
Заслуживъ я козу;
Тота коза
Впала зъ воза,
Тота вôвця, и проч.

Служивъ же я семый рôкъ,
Заслуживъ я теля;
Тото теля
Фостомъ меле,
Тота коза, и проч.

Служивъ же я осмый рôкъ,
Заслуживъ я корову;
Тота корова
Бодай здорова,
Тото теля
Фостомъ меле,
Тота коза впала зъ воза,
Тота вôвця втекла зъ хлêвця,.

То порося скрутилося,
Тото гуся гегу, гегу,
Тото качя рапу, рапу,
Тото куря чорнокрыле,
По саду ходило,
Курятка водило.

16.

Мала бабонька
Чотыре доньки
Красной уроды.
Потѣхо моя,
Хороша жъ моя!

Первую дала
За хлѣбовчика,
За молодого
За хорошого.
Потѣхо моя,
Хороша жъ моя!

Другую дала
За медовчика,
За молодого,
За хорошого.
Потѣхо моя,
Хороша жъ моя!

Третую дала
За рыбовчика,
За молодого,
За хорошого.
Потѣхо моя,
Хороша жъ моя!

Четверту дала
За дударчика,
За молодого,
За хорошого,
Потѣхо моя,
Хороша жъ моя!

Первый зять ѣде.
А хто жъ тамъ ѣде?
Хлѣбовчикъ ѣде.
А що жъ вôнъ везе?
Вôзъ хлѣба везе:
Батькови бохонецъ,
Матери другій,
А дѣтинятамъ
По бохонятамъ,
По оттйцененькимъ,
По невеличенькимъ.
Потѣхо моя,
Хороша жъ моя!

Другій зять ѣде.
А хто жъ тамъ ѣде?
Медовчикъ ѣде.
А що жъ вôнъ везе?
Вôзъ меду везе:
Батькови плястыръ,
Матери другій,
А дѣтинятамъ
По плястырнятамъ,
По оттйцененькимъ,
По невеличенькимъ.
Потѣхо моя,
Хороша жъ моя!

Третій зять ѣде.
А хто жъ тамъ ѣде?
Рыбовчикъ ѣде.
А що жъ вôнъ везе?
Вôзъ рыбы везе:
Батькови щупакъ,
Матери шулякъ,
А дѣтинятамъ
По щупанятамъ,
По оттйцененькимъ,
По невеличенькимъ.
Потѣхо моя,
Хороша жъ моя!

Четвертый ѣде.
А хто жъ тамъ ѣде?
Дударчикъ ѣде.
А що жъ вôнъ везе?
Вôзъ дудокъ везе:
Баткови дуду,
Матери другу,
А дѣтенятамъ
По дудчинятамъ,
По оттйцененькимъ,
По невеличенькимъ.
Потѣхо моя,
Хороша жъ моя!

Стали дѣтиняти
Въ дудчинята грати,
Сталася мамочка
До тата смѣяти.
Потѣхо моя,
Хороша жъ моя!

17.

(Гуцульская.)

Ковала ти зазулечка на дули, на дули:
Де бы мы ся, файный любку, обое набули?
Набудемъ ся, файный любку, у моимъ городѣ,
Пôди-ко ты, вôдознай о своимъ обходѣ!
Не великогъ обходочку, лишъ кôтка въ запêчку,
Та ше маю исходити на гулянье въ Рѣчку.
Ой прійшла я та у Рѣчку, тай тамъ постояла,
Нйхто жъ мновъ не требовавъ, лишъ пусто ходила.
Ой прійшла я до хаточки, а въ хаточцѣ холодъ,
Подивьюся у полицю, ажъ тамъ темный голодъ.
Ой стала жъ я, молоденька, тоту кôтку бити:
Пôди-ко ми до коморы мышинятко ймити.
Пôшла кôтка до коморы, ймила мышинятко,
Изварила горщикъ юшки: «Ѣжмо, душинятко!» —

Отъ такъ я тя теперь любью та якъ свою душку;
Изъ чого ты изварила таку мудру юшку?
Ковали ми зазулицй ще й перепелицй,
Не бѣдѣ хло' задержити 'сѣнний бу̂джениці.

18.

(Гуцульская.)

Ковала ми зазулечка, ковала ми сива,
Та пристала до Палійка та кôточка сива;
Ой пристала, та пристала, та й убила скляцку,
Выхопився, дѣ, Палійко, убивъ на годинку.
А Парасцѣ, его женѣ, та стало се банно:
«Иди-ко ты та унеси отъ сарака, Анно!» —
Анна внесла, внесла, Параска лупила,
Але пôшла у ярмарокъ сорокôвця взяла,
Але, най бы сорокôвця, але й бѣлу дудку:
«Напіймося горѣвочки, мôй предобный любку!»
А я сесу горѣвочку ой пити не буду,
Ой бо сеся горѣвочка за котôчу шубу.

19.

(Изъ Сяноцкаго округа.)

Ой мала бабка едного цапка:
Дилю, дилю, бумъ, бумъ,
Тара, тара, труцъ, труцъ!
Пôгнала бабка въ диброву цапка,
Згубила бабка въ дубровахъ цапка,
Не найшла зъ нёго, тôлько двѣ ножейки,
Тôлько двѣ ножейки и два рожейки:
Въ еднôмъ рôжейку винце варила,
Въ другôмъ рôжейку пивце палила;
На тото винце, на тото пивце,
На тото пивце гостей просила.

«Гостьте ся, гостьте, мой гості, гостьте,
За мого цапка пана Бога просьте!» —
«Ней ти за нёго тотъ Бога проситъ,
Що му кôсточки по горахъ розноситъ!»

20.

Ой де жъ ты бувавъ, чорный баране? —
Вô Львовѣ, въ Краковѣ, Вельможный Пане.
Што жъ есь тамъ слыхавъ, чорный баране? —
Тамъ грали, скакали, Вельможный Пане. —
Чомъ ты не скакавъ, чорный баране?
Бо били, бо были, Вельможный Пане. —
Та бывъ есь утêкавъ, чорный баране?
Не было де, не было де, Вельможный Пане. —
Въ мышачу дѣру, въ мышачу дѣру, чорный баране.
Великі роги, великі роги, Вельможный Пане. —
Бывъ есь позбивавъ, чорный баране.
Бо бы болѣло, Вельможный Пане. —
Якъ же тамъ грали, чорный баране?
Ха, ха, ха! хі, хі, хі, Вельможный Пане!

21.

(Изъ Сяноцкаго округа.)

Одъ липки до липки липка листата:
Одъ Мандзі до Мандзі, Мандзя богата.
Въ Мандзейки жовнѣрôвъ повнêнька хата.
Мандзейко, душейко, дай же ми губці.
«Та не дамъ, та не дамъ, въ чуджêй халупцѣ.» —
Мандзейко, Мандзейко, що'сь за гості мала?
«Єденъ бывъ Солофій, а другій его братъ,
А третій бывъ Кострубочокъ, неборачокъ бывъ.» —
Мандзейко, душейко, чимъ есь ихъ гостила?
«Солофій пивъ винце, ёго братъ пивъ пивце,
Кострубочокъ, неборачокъ горѣвочку пивъ.» —

Мандзейко, душейко, що'сь имъ варила?
«Солофій гуску зъѣвъ, ёго братъ курку зъѣвъ,
Кострубочокъ, неборачокъ, пацятинку ѣвъ.» —
Мандзейко, душейко, де жъ они спали?
«Солофій въ соломѣ, ёго братъ въ половѣ,
Кострубочокъ, неборачокъ, зъ мновъ въ коморѣ.» —
Мандзейко, душейко, якъ вни ти дяковали?
«Солофій шапку знявъ, ёго братъ руку давъ,
Кострубочокъ, неборачокъ, мене поцѣловавъ.»

22.

Ѣхавъ Ляшокъ морквяный,
А кôнь бураковый,
Шапка на нêмъ зъ огŷрка,
Кунтушъ лопуховый,
И шабелька зъ петрушки,
Похва изъ фасолѝ,
Пистолята зъ качана,
Кулѝ зъ бараболѝ,
И сѣделце гарбузове,
Стремена зъ березы,
Якъ ся напивъ киндыбалу,
Та ставъ не тверезый.
Ѣхавъ Ляшокъ зъ Украины,
Пôдъ нимъ коникъ пляше,
Постерегли его свинѝ:
«Пожди но, ты, Ляше!»
Выйнявъ Ляшокъ шабельку,
Хтѣвъ свинѝ рубати,
Свинѝ шаблю потрêщили,
Нѝчимъ воевати.
Ляшокъ вынявъ пистоля,
Хтѣвъ свинѝ стрѣляти,
Свинѝ кулѝ похапали,
Нѝчимъ воёвати.

И сѣделце изъѣли,
Ляшка проглотили,
Лишь стремена изъ березы
Зосталися цѣлы.

23.

(Изъ Земненской столицы.)

Оженився старый, сивый,
На два тыжнй передъ жнивы,
Взявъ вôнъ собѣ шумну, младу,
Што вычеше сиву браду.
«Не боюся сивой брады:
Загрѣю я горнецъ воды,
На припецку го положу,
И косачискомъ приложу.»
Старый младôй не вѣровавъ,
Одъ краю ёй залêговавъ.
«Старый, старый, пусть мя вонка,
Бо мя болитъ моя главка!» —
«Не болитъ тя твоя главка,
Лемъ тя чекатъ фраеръ вонка.
Отворь собѣ оконêчко,
Прохолодъ собѣ главычку!»
Якъ ся млада розлетѣла,
Штыри плоты проскочила,
А четвертый тотъ терненкій,
Пôдъ нимъ Янчикъ молоденькій.
«Мила, мила, де си была?
Што 'сь си чижмы заросила?»
«То ты псицй яловицй,
Поскакали до пшеницй,
Зо пшеницй ажъ до проса,
А тамъ была велька роса.» —
Пôшли дѣвки хусты прати,
Не заперли задны враты.

Пôслала го рѣпу копацъ,
Сама пôшла въ коршму скакацъ.
Иде старый зъ рѣповъ плаче,
А она си въ коршмѣ скаче;
Хопила го за бороду,
Поскочила въ загороду;
Хопила го за чуприну,
Та вергла нимъ за перину:
«Лежь же, старый, жебы 'сь не ставъ,
Жебы мй ся лѣпшій доставъ,
Або лѣпшій, або горшій,
Або такій, якъ бывъ першій!»

24.

Ѣхавъ Вербѝнъ по горѣвку,
Здибавъ дѣвку на зарѣнку:
«Возьми мене, Вербѣночку,
Змыю тобѣ головочку!» —
«Ой є въ лѣсѣ болотище,
Змыю собѣ головище!» —
«Возьми жъ мене, Вербѣночку,
Зчешу тобѣ головочку!» —
«Ой є въ лѣсѣ драпачище,
Зчешу собѣ головище.» —
«Возьми жъ мене, Вербѣночку,
Вшію тобѣ рубашочку!» —
«Ой є въ лѣсѣ лопушище,
Зшію собѣ рубачище.» —

25.

(Поютъ дьячки и другіе грамотные.)

Бувъ собѣ Грицко
Родомъ зъ Коломыи,
Учивъ вôнъ ся дуже мудро
Сêмъ лѣтъ на философіи.

Шêснайцѣть лѣтъ въ письмѣ гмиравъ,
А все по Латинѣ збиравъ,
А на сêмнайцятôмъ
Азбуку перечитати знавъ.

Зъ великою мудростью до батька приходитъ,
Батько письменныхъ въ дôмъ пастуховъ зводитъ,
Щобы его запытали,
И що знае, стрêбовали,
Бо хвилозопъ.

Капутъ, голова, оденъ зъ нихъ повстае,
И такъ по Латинѣ говоритъ, Моспане.
И мы ту Латину знаêмъ,
И тебе ся запытаемъ,
Якъ въ васъ по Латинѣ
Женутъ въ поле свиниѣ,
Скажи, Васпанъ, намъ!»

Грицко такій мудрый, що ажъ вôдъ дива,
Взявъ книжку у руки, та й пôшовъ до хлѣва:
Станувъ собѣ зъ презенціêвъ,
Мовитъ свинямъ орацію:
«Ассантусъ, свинянтусъ,
Гризантусъ травантусъ
На стернискусъ!»

Уже три дни якъ свиниѣ не ѣли,
Якъ ся поперли, кучу вывалили;
Батько Грицка за чуприну:
«А на що ты, песій сыну,
Маешъ ихъ лаяти?»
Ажъ утêкати
Мусѣли всѣ.

Якъ ся довѣдавъ панъ о мудрости его,
Заразъ сказавъ пôслати по нёго:
Задае му рожну штуку,
Заходитъ зъ нимъ у науку,
Сто батогôвъ му давъ,
Щобы собѣ зраховавъ,
Чи богато взявъ.

Грицко зобачивъ, що то кепска справа,
Мацнувъ ся зъ заду, сукмана дѣрава:
Фацу, драла, на всѣ ноги
Манôвцями, безъ дороги,
Не боявся страху:
Такій мудрый бувъ!

26.

Гарасиме, Гарасиме, Гарасимочку!
Пусти коня на долиночку,
А самъ ходи пôдъ периночку,
Найдешъ мене Катериночку!
А мôй мужъ не пяниця,
Иде зъ корчмы не тямится.
До корчмы ишовъ, жêнку бивъ,
Зъ коршмы ишовъ, штаны згубивъ:
«Иди, жêнко, штанôвъ гляди,
Якъ не найдешъ, до домъ не йди!» —
Выйшла жêнка за ворота,
Тягне штаны изъ болота.
«Що жъ ты, жêнко, наробила,
Штаны 'сь менѣ обмѣняла?
Въ моихъ штанахъ латка була,
А ты, жêнко, той забула?»
А вона му догодила,
Въ штанахъ латку изробила.
«Бѣда жъ менѣ зъ такимъ мужомъ,
Що не вяже штаны гузомъ.
Дивѣтеся, добрѣ люде,
Де зъ болота бѣле буде!»

27.

«Де ты, жêнко, була?» —
«На двôръ я ходила.» —
«Для чого ты вилѣла?» —
«Бо була упрѣла.» —
«Чогось ся забавила?» —

«Водицю носила:
Тамъ вовки ся розиграли,
Я ся задивила.»

28.

Живъ—не любила,
Вмеръ — не тужила,
И не буду тужити,
Бо 'мъ не мала, съ кимъ жити.
Поки на лавцѣ лежавъ,
То ми було трохи жаль,
Якъ до гробу понесли,
То всѣ жалй вôдôйшли.
Казала бы 'мъ задзвонити,
Не маю чимъ заплатити.
Кладѣтъ его борзо въ яму,
Най му буде триста маму!
Дала ми ся бѣда въ знаки,
Буду мужа шановати,
До отавы припинати
Въ черепочку наповати:
«Ой ѣжъ, мужу, траву тую,
Закимъ обѣдъ наготую!»

Пѣсьни праздничныя.

1.

Дай же, Боже, добрый часъ,
Якъ у людей, такъ и въ насъ,
И щасливу годину,
Розвеселѣмъ родину;
    Ой ну, ну, ой ну, ну,
    Розвеселѣмъ родину!

Вы, маліи пендраки,
Вытинайте гопаки,
Ну же живо, ну же, ну,
Розвеселѣмъ родину;
    Ой ну, ну, ой ну, ну,
    Розвеселѣмъ родину!

Вы, дѣвчата съ хлопцями,
Поставайте вразъ зъ нами,
Возьмѣтъ збанокъ въ средину,
Развеселѣтъ родину;
    Ой ну, ну, ой ну, ну,
    Розвеселѣмъ родину!

Вы, матêри зъ бабками,
Поставайте вразъ зъ нами,
Въ такъ щасливу годину,
Розвеселѣмъ родину;
    Ой ну, ну, ой ну, ну,
    Розвеселѣмъ родину!

А такъ станьмо всѣ въ коло,
Заспѣваймо весоло,
Най Богъ въ кажду годину
Розвеселитъ родину;
Ой ну, ну, ой ну, ну,
Розвеселить родину!

2.

Днесь пора и той часъ,
Охочій день для насъ,
Всѣ станьмо въ коло,
Въ тымъ колѣ весоло
Заспѣваймо вразъ!

Богъ намъ той день давъ,
Всѣхъ насъ ту собравъ,
Але жь просѣмъ его,
Шобы намъ своего
Духа даровавъ!

Ото тя просимъ вразъ,
Щасливе дай для насъ,
День той прожити,
Въ нимъ ся веселити,
И на всякій часъ!

Нехай намъ споможе
Ласка твоя, о Боже!
Бо безъ тебе, Бога,
А нї до порога
Нїхто не може.

Въ всякои потребѣ
Дай ласку, а въ небѣ
Тебе оглядати,
Разомъ заспѣвати
Честь, хвалу тебѣ!

3.

Станьмо, братя, въ коло,
Въ тôмъ колѣ весоло
Всѣ вразъ заспѣваймо!
Нехай знають люде,
Що зъ насъ може буде,
Охоты додаймо;
А такъ пляснѣмъ въ руки трасъ, трасъ, трасъ,
Тупнѣмо ногами всѣ вразъ, вразъ, вразъ!

Возьмѣмся за руки,
Жіймо безъ розлуки,
Нехай бачуть люде,
Же милость безъ зрады
И пріязнь безъ звады
Єсть и завше буде.
Нехай наша пріязнь сполечна
Завше жіе зъ нами сполечна!

Хитрости облудна,
Будь одъ насъ одлюдна,
Вонъ пречь за ворота,
Пречь одъ насъ пропади,
Не чинь у насъ зрады,
Щира у насъ цнота;
Облуда въ кайданахъ брень, брень, брень,
Наша щирость зъ нами гопъ, попъ, дзень!

Обернѣмся въ коло
Пôдскочьмо весоло,
Тажъ то въ дому того,
Который насъ знае,
Щире насъ кохае,
И мы любимъ его.
А такъ пляснѣмъ въ руки трасъ, трасъ, трасъ,
Жіймо многіи лѣта вразъ, вразъ, вразъ!

Жіймо, выхваляймо,
Бога прославляймо,
Въ Тройцы нераздѣлно,

Просѣмъ его ласки,
Бы насъ хотѣвъ спасти,
Статься неотмѣнно.
Выкрикнѣмо собѣ, що Тройца
Будеть насъ любити до конца.

4.

Часъ до дому, часъ,
Не треба ту насъ,
Буде мене мôй мужь бити,
А нѝкому боронити,
Часъ до домоньку, часъ, часъ, часъ,
Часъ до домоньку, часъ.

До дому иду,
Якъ пчола гуду,
А за мною, молодою,
Идутъ хлопцѝ чередою,
Та въ цымбалочки тнутъ, тнутъ, тнутъ,
Та й въ цымбалоньки тнутъ.

Ой ты, мужу мôй,
Вôтвори двôръ свôй:
Иде твоя милесенька
Та й съ корчмоньки пянесенька,
Та цы радъ же ты єй, єй, єй,
Та цы радъ же ты єй?

Ой цы радъ, цы не радъ,
Ты мôй милый виноградъ,
Твоє слôвце, моє слôвце,
Порадьмося, моє серце,
Все то буде въ ладъ, въ ладъ, въ ладъ,
Всё то буде въ ладъ.

Комарѝ гудуть,
Спати не дають:

Накрыюся зъ головою
Ячмѣнною соломою,
Та нехай мене тнутъ, тнутъ, тнутъ,
Та нехай мене тнутъ!

5.

Якъ то тяжко, якъ то нудно,
Часъ той знести розлуки,
Умѣстити въ серцю трудно
Жалю, туги и муки;
Ахъ, ахъ въ дорогу
Время каже ступати,
Ахъ, ахъ не могу,
Безъ жалю ся розстати!

Зычливіи, добрі люде,
При розлуцѣ прошу васъ,
Єсли ваша ласка буде,
Не забувайте жъ о насъ:
Ахъ, ахъ прощайте,
Вже розлуцѣ прійшовъ часъ;
Ахъ, ахъ згадайте,
Шо пріятель бувъ у васъ!

Ахъ вы, Неба добротливі
И ласкаві на весь свѣтъ,
Просимо, нехъ намъ зычливи
Щасно жіютъ до сто лѣтъ:
Ахъ, ахъ, ты' сь намъ давъ
Вѣкъ съ собою прожити,
Ахъ, ахъ, Боже, справъ,
Будемъ тя всѣ хвалити!

6.

Въ поднебеснôмъ дворѣ
При здешнимъ соборѣ,
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!

Купно тутъ собранû
На хвестъ сей созванû,
Священники зъ попадями,
Бакаляры зъ спѣваками,
Боже, ихъ спаси!

Зъ собора церковна
Уже изба повна:
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!

Сидятъ священники,
Зъ тыми жъ урядники,
На ослонѣ бакаляры
А понижше, паламары;
Боже ихъ спаси!

Петръ зъ мірянами,
Въ трапезѣ со нами,
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!

Засѣвъ одъ востоку
Урядникамъ въ боку;
Округъ стола посѣдали,
Рады бы такъ выпивали;
Боже, ихъ спаси!

Никола нашъ чесный
Взявся до почеснôй,
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!

Выпивъ до Ивана,
Нахиливши збана;
Крикнувъ вельми на Параску,
Щобъ подала зъ виномъ фляшку;
Боже, насъ спаси!

Євстафій зъ Процикомъ,
Пьютъ вино горщикомъ,
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!

Захарій изъ Томою
Чубятся изъ собою;
Пантелемонъ, Кирко зъ Савковъ
Подношуютъ вино зъ шапкомъ;
Боже, насъ спаси!

Стахъ кличе: Игнате!
Здоровъ, пане брате!
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!

Кумы частуются,
Павло кличе Григора,
А вôнъ каже: «Отъ тутъ я!»
Боже, ихъ спаси!

Селянскіи дочки
Заграли въ скрыпочки,
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!

На цымбалы Илько,
На басы Гаврилко,
Прокôпъ реве, взявши дуды,
А Гарасимъ трубитъ въ губы;
Боже, ихъ спаси!

Перекрививъ шапку,
Взявъ у танецъ Гапку,
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!

Лука то не бачивъ,
Бо дуже ся врачивъ,
Танасъ скаче зъ Катериновъ,
Кузьма собѣ изъ Ириновъ;
Боже, ихъ спаси!

Демянъ изъ Маланковъ,
Василиха зъ Маркомъ,
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!

Гопки вытинаютъ,
Крокомъ присѣдаютъ;
А Микола плеще въ руки,
Пôдскакуючи до Любки;
Боже, ихъ спаси!

Шинкарь розумѣе,
Шо ся бѣда дѣе;
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!

Мовитъ до винника,
Щобъ була горѣлка;
Винникъ бѣжитъ, бере шанкомъ,
Андрêй бѣжитъ, бере збанкомъ;
Боже, ихъ спаси!

Розточили бочку,
Дре шинкарь сорочку;
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!

Федько съ Онуфріемъ,
Звиваются кіемъ,
Пилипъ стоитъ, не ратуе,
Изъ Кондратомъ ся частуе;
Боже, ихъ спаси!

Верещитъ Микита:
«Добра оковита!»
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!

Стефанъ тое вчувши,
Шапку натиснувши,
Бѣжитъ хутко ратовати,
Радй таки пôдпивати;
Боже, ихъ спаси!

А Василь сховався,
Зъ кумовъ напивався;
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!

Исаія стоитъ,
Злыи фиглй строитъ,

Заразъ окрикъ учинивъ,
Шо изъ кумовъ го имѣвъ:
Боже, ихъ спаси!

Антоній великій,
Надъ всѣ люде дикій;
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!

Початвъ утѣкати,
Де бы ся сховати;
Прибѣгъ также до оборы,
Ажъ тутъ лежитъ Максимъ хорый,
Боже, ихъ спаси!

Семенъ старецъ въ двôрку,
Грае на сопѣлку;
Крикнѣмъ, крикнѣмъ вси!

Якôвъ исхилився,
Горѣлки напився;
Годѣ вже гомонѣти,
Часъ бы вечерню пѣти:
«Господи, помилуй!»

6.

На Сіонскôй горѣ,
Въ пресвятѣмъ соборѣ,
Святіи ся зибрали
Всѣ празниковали,

Во воздухахъ невидыми,
Со ангелы, серафимы;
Господи, помилуй!

Всего міра батько,
Трапезы порядкомъ,
Засѣли востоки,
Зъ царями пророки,

По пôдъ стѣны священники,
А за ними угодники;
Господи, помилуй!

Петро и апостолы
Сидятъ по за столы,
По запѐчкахъ пустелники,
А по лавкахъ мученики,

На припѐчку молодиці,
А коло нихъ и дѣвиці;
Господи, помилуй!

Пантелемонъ честный,
Взявся до почести,
Випивъ до Ивана.
Нахиливши збана,

Андрей кричитъ на Парашку,
Шобъ подала зъ виномъ фляшку;
Господи, помилуй!

Сіонскіи дочки
Заграли въ скрыпочки,
Затхей реве, взявши дудки,
Грицко въ трубу свище тутки,

А Онуфрій, взявши баса,
Витинае гаса, гаса;
Господи, помилуй!

Константина Князя
Пôдпоила Пазя,
Юръ, прекрививъ шапку,
Взявъ у танецъ Гапку,

А Микола плеще въ руку
И смѣеся до роспуку;
Господи, помилуй!

Верещитъ Никита:
«Добра оковита!»
Святі кажутъ въ небѣ:
«Добрая горѣлка,

Добра мѣра и безъ гроша,
Утѣха наша хороша!»
Господи, помилуй!

Попиваютъ збанкомъ
Яцько изъ Стефанкомъ,
А Матвѣй зъ Процикомъ
Пьютъ вишнякъ горщикомъ.

«Пій, Кирило, въ мое имя,
Выпивайте, выпью и я!
Господи, помилуй!»

А попы зъ дяками,
Тамъ ся посварили,
За кварту горѣлки
Що но ся не били;

А Иванъ, вхопивъ дзбанъ,
Та й до рынку по горѣлку;
Господи, помилуй!

Заграйте Козака,
Закличте и дяка:
«Поскачъ же ты, дяче,
Зъ Гавронькою конче!

Поскачъ же ты, Данило,
Чи то буде всѣмъ мило!»
Господи, помилуй!

А нашъ дякъ недбалця,
Ничого не дбае,
Напьется сивухи,
Заразъ и спѣвае:

«Святый Боже, святый крѣпкій,»
Мы въ цымбалы, а вы въ скрыпки;
Господи, помилуй!

А Михайло въ трубу
Реве на всю губу:
Аминь, аминь спѣваючи,
Благодаримъ, поклонъ бьючи,

Годѣ, годѣ гомонѣти,
Часъ вечерню уже пѣти:
Господи, помилуй!

Небыличныя.

1.

Ой кричала, верещала чапля при болотѣ,
Ой напала, проклинала сову при колодѣ:
«Ой ты, сово головата, що жъ ты учинила,
На що 'сь ты ми пазорами дѣти поразила?
Чи ты птаха злого духа, сова мерзеная,
Що лётаешь, уганяешь въ ночи, проклятая?»
Сова мовитъ: «То не я, то чорный кручище,
Подеръ, побивъ, помолотивъ, простый мужичище!»
Прилетѣла тетеря кумку потѣшати,
Зъ нею сойка, чайка тётка, взяли розважати:
«Покинь же ты слезы ляти, горенько плакати,
Раджу тобѣ, яко собѣ, ходѣмъ го шукати!»
Полетѣли та й усѣли пôдъ дубомъ широкимъ,
Темнымъ, гладкимъ, дупелнавимъ а дуже высокимъ.
Куда глянутъ, туда глянутъ, то все быстрымъ окомъ,
Заглянули, же крукъ седитъ на версѣ высокимъ.
Чапля взяла за пôдъ боки, сойка за чупрыну,
А тутъ на насъ напасть була: «Ты, поганскiй сыну!»
Привели го и къ самому орлу осударю:
«Помилуй насъ, розсуди насъ, милостивый цару!
Вôдъ чорнаго крука лютра таку шкоду маемъ,
Дѣти нашй зажерае, за то позываемъ.»
Казавъ орелъ закликати крука до росправы:
Крука ведутъ, въ карокъ го бьютъ, не даютъ поправы.
Декретъ хутко, дуже прудко, самъ сударъ написавъ,
Написанный сокôлъ реентъ предъ всѣма прочитавъ.
Казавъ крука бити въ слупа и до кайданъ лати,
А съ кайданъ го выпустити и зъ лѣса выгнати.

2.

Ой грымнуло въ буйнôмъ лѣсѣ:
Комаръ зъ дуба повалився,
Розбивъ себѣ головище,
На дубове корêнище.

Вылетѣла муха съ хаты,
Комаронька ратовати:
«Ой комару, господару,
Жаль ми тебе не по малу!

Чѣмъ же тя теперь улѣчу?
Вѣрь ми, що ти добре зычу,
Масти пôду куповати,
Головоньку смаровати.»

Клѣщѝ зъ дуба поспадали,
Головоньку постискали,
Свѣрки зачали спѣвати,
Щобы болѣсть розôрвати.

Комареньки тожь приспѣли,
Подушочки постелили;
Пчолы ся съ поля злѣтали,
Плястры меду прикладали.

Всѣ комара вôдвѣджають,
Жалôсть надъ нимъ обявляютъ:
«По що жь вы ся тутъ зôбрали?» —
«Щобъ мы тебе поховали.» —

«Чѣмъ же я вамъ нагорожу,
Вашѝ труды осоложу?» —
«Нагородитъ самъ Бôгъ зъ неба;
Умерати всѣмъ потреба.» —

«Де ся кажешь поховати,
Свои кости шановати?» —
«Поховайте жь мене въ лѣсѣ,
Въ буйнôмъ лѣсѣ, при горѣсѣ!

Насѣйте жъ на мнѣ руточку,
Зеленого барвêночку:
Будутъ люде рутку рвати,
Будутъ мене споминати:

«Ой тутъ лежитъ комарище;
Великій бувъ гультаище.
Десь тутъ лежитъ его труба,
Що упала изъ нимъ зъ дуба.»

Кто тôлько на мене гляне,
Той най собѣ и спомяне:
Що жаль тяжкій зъ бѣдной мухи,
И остатнû выгнавъ духи.

Або я меча достану,
Нимъ сдѣлаю въ серцу рану;
И такъ зъ комаромъ тутъ мушу
Положити свою душу.

Ой насѣйте жъ тамъ рутоньки,
Пахнющои марунoньки;
Будутъ собѣ люди рвати,
Комаренька споминати:

«Ой тудъ лежитъ его тѣло,
Що изъ дуба излетѣло;
Ой тутъ его лежитъ труба,
Которая спала зъ дуба.»

Злêтайтеся птицû зъ лѣса,
Поховайте того бѣса:
Ой дуду, дуду, дуду,
Комаренька не забуду!

3.

Летѣвъ чорный жукъ, жукъ,
Та й въ рѣченьку пукъ, пукъ!
Ой прибѣгла его мати
Стала жучка ратовати.
«Ахъ мôй милый жучку,
Подай же ми ручку!»

«Я, бѣдная мати,
Пôшла въ поле жати,
Свого сына жучка
Оставила въ хатѣ.
Казала бути, не гуляти,
По рѣченькахъ не плывати.

Теперь потопаешь,
Матку споминаешь.
Я, бѣдная мати,
Що буду дѣлати,
Коли мого сынка
Уже й не видати!

Ахъ, пôду я, розжалюся,
Въ твердый камêнъ розôбьюся:
Будутъ люде знати
Матку шановати.

Надъ водою стоячи,
Свого сынка глядачи:
Оченьками лупъ, лупъ,
Ноженьками тупъ, тупъ!»

4.

А щигликъ думае, громаду збйрае,
Самъ не мае мешканя, женити ся мае.
Полюбивъ собѣ синицю, горобця сестрицю,
Хорошую, прибранную, потѣшную птицю.
Раненько устае, подъѣзды збйрае,
Горобець съ снѣгурцемъ коники сѣдлае.
А деркачь вôзниця, и то своя птиця;
Бо му тêтка рôдная молода синиця.
Пôславъ щигликъ до вôрла, птахи изганяти,
А вôнъ пôшовъ до гусей, почавъ забивати.
Два журавлй, два журавлй ячмêнь молотили,
А ластôвка съ тетерею до млина носили.
Куликъ меле, куликъ меле, а крукъ насыпае,

А горобчикъ, жвавый хлопчикъ, мѣрку ѡдберае.
Сокôлъ бувъ за дружку, ястрêбъ за пôддружку,
Старостою орелъ, а пôдстарôстъ журавель,
А зазуля свашка, сорока свѣтилка,
Гусакъ краче, лебêдь скаче, прибрана музыка.
А чаплиско краса, на весêлье ласа,
Летитъ, кричитъ, вымахуе, то потѣха наша.
А пугачь зычливый, ко весêлью щирый,
Летитъ, кричитъ, выгоїкуе, якъ небоязливый.
Каня ся прибрала, куряткъ наймала,
На щиглове весêлье и кошту пôдняла.
Галочки приданки скачутъ коло лавки:
«Бѣдна жъ наша головонька, не маемъ забавки!»
А совуля танцёвала, та й утомилася,
Не хотѣла меду пити, браги напилася.
Перепеличенька хату замѣтае,
Сова сêдитъ за столомъ, та й ся поглядае,
Деркачь на позорѣ, стоитъ на сторожѣ,
А пугачь запився, лежитъ на морозѣ,
Лежитъ на морозѣ, та лежучы плаче,
Два журавлѣ, два джукурлѣ, граютъ якъ трубачѣ.
А щигликъ маленькій у долонѣ плеще,
А горобцѣ въ коноплёхъ: «Напіймося еще!»
Крогулцѣ ся впили, за щигла ся били,
А вороны за тоѣ часъ коровай злѣпили.
Чорный крукъ упився, та й увередився,
Почавъ бôйку съ чорногузомъ, чорногузъ втомився.
Синиця безумна щигла покинула,
Зажурився щиголъ, по свѣтѣ лêтае:
Оженився, утратився, та жêнки не мае.
Соловêй му шепче, тугу розбивае:
«Гляди êи на кропивѣ, тамъ вона сѣдае!»
Зажурився щиголъ по самѣ колѣна,
Шукаючи на синицю доброго полѣна:
Щиголъ по маленьку близько приступае,
Хорошую синицю за руку поймае.

5.

Гей, учинивъ воробець на припечку жнива,
Та накуривъ, навaривъ пшеничнаго пива.
Три тычины хмелю давъ, потômъ дуже жаловавъ,
Ставъ гостей спрашати, пивомъ частовати.
На той бенкетъ комаря зъ мурашкою вбили,
Ч'тыре пôвтѣ солонины изъ нихъ наробили;
Сто ковбасъ начинили, головизну увядили,
Схабы пропêкали, гостей прiймовали.
Було птаство не лѣниве, взяло ся злêтати,
Воробчика молодчика въ тôмъ развеселяти.
Приспѣвъ панъ журавель, его братъ хоростель,
И панна синиця, рôдная сестриця.
Гей, прилетѣвъ снѣгурець, панскiй птакъ, не простый,
«Чоломъ, чоломъ, воробiю, идутъ къ тобѣ гостѣ!»
Иде чорна галка, воронова коханка:
«Витай, витай, воробiю, ты нашъ добродѣю!»
Гей, кинувся воробець гостей выглядати,
Коли гляне быстрымъ окомъ—мало ихъ видати.
Тôлько два пугачŷ, славнiи трубачŷ,
Бузько органиста, а крукъ панъ басŷста.
«Гу, гу, гу!» гурмовъ сталися витати:
«Часъ бы у васъ, милый брате, трошка погуляти!»
Шумитъ панŷ совуля, соколева матуля,
А воробець, слуга вашъ, чекае васъ до сихъ часъ;
Веселый панъ воробець все дома готуе,
Запрошеныхъ къ собѣ гостей прекрасно частуе!
Гостŷ идуть, у замки бьютъ,
Вôдбуваютъ, вôдчиняютъ,
Воробець не баче, въ дому своимъ скаче.
Прилетѣвъ соловiй, та й ставъ щебетати,
Выфатився воробiй, взявся зъ нимъ витати:
«Прошу тебе, соловiю, до моеи хати,
Будешь въ мене ѣсти, пити, виватъ щебетати.»
Прилетѣла зазуля, та на постêль сѣла,
А воробець ся уклонивъ, за гостŷ ей прiймивъ.
Прилêтѣла ворона, хорошая жона,

Сѣла собѣ въ кутку! «Гôркій же мôй смутку!»
Прилетѣла канюка, та въ вôконце пука:
«Пустѣтъ мене до хаты трохи погуляти!»
А кинувся воробій та до бича швидко:
«Идѣтъ собѣ зъ вороною, абы васъ не видко!»
Та прилêтѣвъ старый вудвудъ, сѣвъ си на сволоку:
«Отъ тутъ тото, гостей много, лише имъ невроку!»
Обôзвався воробêй до вудвода съ крыкомъ:
«Иди собѣ, ты смердячій, зъ моей хати зъ лихомъ!»
Ледви було изъ пôвночи сова прилетѣла,
Прилетѣвши до воробця, за столомъ си сѣла.
Старшій панъ, журавель, казавъ слати постель,
Хоростель запився, пôдъ столомъ звалився.
А въ тôмъ сова хоростеля на муку потерла,
А старшому журавлеві горло передерла,
И всѣхъ гостей розôгнала, зъ музыкой ся зôстала,
И сороки съ печи мусѣли утечи.
Тôлько сова съ пугачами зôсталася въ хатѣ,
Та хорошо Руській танець росказала грати:
«Гей, гей, совуля, соколова матуля,
Теперь скачѣмъ доволѝ въ вороблевôй студолѣ!»
Въ той часъ зъ родомъ такъ шалѣла, ажь ся утомила,
Не хотѣла пива пити, браги ся напила.
«Гей, гей, пугачѝ, славніи трубачѝ,
Теперь ходѣмъ на ловы до Жидôвскôй школы!»
По бенкетѣ воробець вылетѣвъ на грушу,
Кôтъ ся прикравъ, зловивъ его, выстановивъ душу.
Злетѣлися гостѝ воробця ховати,
Та не могли меже собовъ попа обибрати.
Сова собѣ обôбрала вудвуда за дяка,
А журавля паламаря, того неборака.
«Загрêбаймо воробêя, бо бувъ заведія,
Вы на бузька не дивѣтся, кота стережѣтся!»

6.

Не могла ся бѣдна вдова хлѣба доробити,
Наяла си медведонька за плугомъ ходити,
А вовчика погончика волоньки водити,
А ласичьку молоденьку, ѣстоньки носити.
Ой, якъ вышла бѣдна вдова та на свое поле:
«Помогай, Бôгъ, медведоньку! ци добре ся оре?
Бодай тебе, медведоньку, опановавъ дѣдько!
Сивѝ волы, новый плужокъ, а ты орешь бридко.»
Ой, та якъ ся медведонько на вдову розгнѣвавъ,
Новый плужокъ по всѣмъ еи полѣ порозсѣвавъ.
Ой, якъ зайшла бѣдна вдова медведя просити,
Мусивъ медвѣдь новый плужокъ до купы зносити.
Ажь тогды ся бѣдна вдова хлѣба доробила,
Якъ ласичка молоденька горнятка побила.

7.

Гей, ходила по садочку,
По зеленôмъ барвêночку,
Надыбала, бѣдна, я
На улицѣ бугая.

Изъ радости твердо вскула,
И ворота не замкнула,
Выпустила, бѣдна, я
На улицю бугая.

Ой якъ бугай выломився
По барвêнку проходився,
По барвêнку проходився
До дѣвчины принадився.

Принадився до дѣвчины,
Не знати зъ якой причины
Сюда, туда зазирае,
И дѣвчинѣ спать не дае.

Якъ дѣвчина зо сну встала,
И того ся дивовала,
Чого бугай зазиравъ,
Єй спати не дававъ.

Ворота втворені вздрѣла,
Зъ того страху ажъ умлѣла:
«Головочко бѣдная,
Утратила 'мъ бугая!» —

Иде зъ плачемъ до ненѣ,
И скаржится въ тôй новинѣ:
«Ненько жъ моя бѣдная,
Утратила 'мъ бугая!

Та вже жъ, ненько, неравенько,
А бугая не видненько!» —
«Чекай, сынку, ще годинку,
Сходи часто на долинку!

А якъ выйдешъ на долинку,
Покажи му та й опинку:
Якъ вôнъ уздрить опиночку,
Прійде до тя, мôй сыночку!» —

А дѣвчина такъ зробила,
Якъ єй мати научила;
Скоро прійшла на долинку,
Показала му опинку.

А якъ бугай уздрѣвъ тую,
Йде до неи зъ охотою:
«Гей, шêсть разъ бу, бу, бу,
Що я тутка здобуду?» —

Дѣвчина ся изфатила,
Вôдъ череды заскочила:
«Эй, почекай, псе, котюго,
Куди идешь, волоцюго?

До оборы зажену тя,
Уже бôльше не пущу тя,
Не будешь же ходити,
Чужі жêнки любити.

Я въ тобѣ надѣю мала,
Що ты будешь мéнѣ пара;
А ты ходишь улицями,
За чужими телицями.» —

«Мôй каркъ не до роботы,
Лише тôлько до охоты:
Гей бу, бу, буду, ду,
Пôду просто въ череду!»

Иносказательныя.

1.

А въ суботоньку та на недѣленьку
Та сталася нôчь, нôчь:
Гей, полынула сива голубонька
Та вôдъ голубонька прôчь, прôчь.
Гей, летитъ, летитъ сива й голубонька
Горами, долинами,
Гей, зострѣчаеся сива голубонька
Съ трома соколами:
«Гей, помогай, Бôгъ, сива голубонько,
Чого такъ рано лѣтаешъ?
Ой, либонь же ты, сива голубонько,
Голубонька покидаешь?»
«Гей, покинула я сивогъ голубонька
И сивенькіи дѣти,
А сама лечу на Украиноньку
Мешканенька глядѣти.»
Ой зъ недѣленьки та й на понедѣлокъ,
Якъ зачало свѣтати,
Ой полетѣвъ же сивый голубонько
Голубоньку шукати.
Ой летитъ, летитъ сивый голубонько,
Горами, долинами,
Ой зострѣчаеся сивый голубонько
Съ трома соколами:
«Ой помагай Бôгъ, сивый голубоньку!
Чого такъ рано лѣтаешь?

Ой либонь же ты, сивый голубоньку,
Голубоньки шукаешь?
Твоя голубонька, твоя миленькая,
Вже на другй глипнула,
Твоя голубонька, твоя миленькая,
Ажь за море фуркнула.»
«Ой не маю жь я срêбного човника
Нй золотого веселця,
Ой поплывъ бы я ажъ за сине море
Де коханее серце.»
«Ой вже жъ бо твоя сива голубонька
Та набралася пуду,
Ой та стрêпнула сивыми крылцями,
Ажь за Дунай за воду.
Ой сѣла жь вона, сива голубонька,
На обрубанôй гôлцѣ,
Ой не вѣрь, не вѣрь сивôй голубонцѣ,
Та якъ человѣкъ жôнцѣ!»
Ой летитъ, летитъ сивый голубонько,
Та й сѣвъ си спочивати;
Ой вылетѣла сива голубонька
До Дунаю воду брати.
«Ой, помагай Бôгъ, сивый голубоньку,
Ци ты ту спочиваешь?» —
«Бодай 'сь здорова, сива голубонько,
Ци ты ту мешканье маешь?
Ой якъ ся маешь, сива голубонько,
Ой ты миленька моя?» —
«Ой гораздъ, гораздъ, сивый голубоньку,
Та вже я не твоя.» —
Ой взявъ же êê сивый голубонько
Та за сивенькіи крылцй,
Та привязавъ êê сивый голубонько
Та до дубовои гôлцй.
Ой привязавъ êê сивый голубонько,
А самъ си ставъ пôдъ бука,
«Ой теперь же мêнѣ, сива голубонько,
Та й съ тобою розлука!»

2.

Тамъ за горою, за высокою,
Сидитъ голубокъ изъ голубкою,
Сидятъ зъ любости и цѣлуются,
Сивыми крылами обôймуются.

Рекла голубка: «Ты щастье мое,
За твое житье дала бы'мъ свое!»
Надлетѣвъ орелъ съ чорнои хмары,
Розôгнавъ, роспудивъ голубку съ пары.

Забивъ голубка на калинонцѣ,
А кровцю пустивъ по долинонцѣ,
Голубка летитъ, сумненько гуде:
«Ой, нема голуба, та й вже не буде!

Хочъ бы ихъ було двадцять чотыре,
Не буде такого, якъ мôй бувъ милый;
Бо мôй бувъ сивый, та й бѣлокрылый,
Личко румяне, та й чорнобривый!»

3.

Ой пôдъ лѣсомъ, пôдъ калиною
Тамъ сидѣвъ голубъ зъ голубиною:
Обôймалися, цѣловалися,
Однймъ крылечкомъ накрывалися.
Закрався орелъ съ темного луга,
Голубка убивши, голубку взявши,
На тихій Дунай запровадивши,
Завêвъ голубку у садъ виноградъ,
Всыпавъ пшеницѣ, давъ ей водицѣ:
«Ой ѣжь, голубко, ой пій, голубко!»
Голубка не ѣсть, голубка не пье,
Лишь пôдъ калинку плакати йде.
«Чому жъ ты не ѣшь, чому жь ты не пьешь,
Лишь пôдъ калинку плакати йдешь?»

«Не буду ѣсти, не буду пити,
Бо я не маю, съ кимъ на свѣтѣ жити?»
«Голубко, любко, въ що жь ты уфаешь,
Ци въ тую вроду, що красную маѐшь?»
«Що жъ ми по вродѣ, що по молодости,
Коли не маю нй въ кôмъ милости!»
Ой пôшовъ орелъ за чорную гору,
Выгнавъ голубôвъ повну обору:
«На жъ ти, голубко, сêмь сотъ голубôвъ,
Выбêрай собѣ, котрый ти любый!»
«Выбêрала жъ я, та й не вгадала,
Нема такого, якъ я кохала;
Бо мôй голубко та й бувъ значненькій,
Крылцй сивенькй, очка чорненькй!
Мôй голубъ сивый та бѣлокрылый,
Личко румяне, самъ чорнобривый.»

4.

Та голубонько моя мила,
Що 'сь ты менѣ учинила?
А зъ вечôра ѣла, пила,
На розсвѣтѣ полинула.

Та полинула въ чисте поле:
«Я не твоя, лиха доле!»
Сѣла собѣ на дубочку:
«Я не твоя, голубочку!»

За лѣсами, за горами
Пье голубка зъ голубами,
Сѣла собѣ на шуварѣ,
Вже голубка въ инчêй парѣ.

«Прибудь, прибудь въ недѣленьку,
Та на бѣлу постêленьку,
Та на бѣлй подушечки,
Пристань, серце, до душечки!»

Вже недѣленька минае,
Голубъ голубки не мае;
Серце му ся роспукае,
Шо голубки не видае.

«Ахъ, я бѣдный, що безъ пары!
Берѣтъ мене вже на мары,
Куда крылцѣ, туда нôжки,
До милои, до потѣшки!»

Ой на ставку, на ставочку
Пôймавъ качуръ цираночку;
Єдна другу доганяе,
Кожда свою пару мае.

Куда руцѣ, туда нозѣ,
До голубки, до небозѣ,
Куда нозѣ, туда руцѣ,
До голубки до Ганусѣ.

Летитъ голубъ понадъ воду,
Шукаючи свого роду;
Тамъ гусоньки приплывали,
А голубки не видали!...

И качоньки приплывали,
А голубки не видали!....

5.

Бѣда жъ мêнѣ надъ бѣдами,
Що голубка за водами,
Полетѣла вôдъ голуба,
Которому була люба!

За рѣками, за водами,
Пье голубка зъ голубами:
«Треба зъ жалю умерати,
Що голубки не видати!»

«Не журися, голубоньку!
Прилечу я въ недѣлоньку.»
Вже недѣленька минае,
Голубъ голубки не мае.

«Полечу я въ чисти̂ поля,
Де сидѣла моя доля;
Буду жалôбно плака́ти,
Шобъ голубку прикликати.» —

«Кричи, гучи, якъ самъ знаешь,
Вже ты мене не пôймаешь;
Коли 'сь хотѣвъ мене мати,
Було мене шановати.»

«Неба мене покарали,
Шо голубку менѣ взяли;
Лутче намъ ся и вздыхало,
Якъ ся въ парцѣ ночовало.

Лутче було не знатися,
Нêжь любивши, розстатися;
Лутче було не вщинати,
Нêжь любивши, перестати!

Суди, Боже, хто зъ насъ виненъ!
Я такъ любивъ, якъ повиненъ;
Скарай, Боже, хто розлучивъ:
Бодай вôнъ ся самъ такъ мучивъ!»

6.

Ой бѣда, бѣда чаёнцѣ небозѣ,
Що вывела дѣти при самôй дорозѣ,
Та ще въ зелененькôмъ житѣ жити,
Стерегла чаенька маленькіи дѣти.

Привела журавля къ собѣ на пораду:
«Брате мôй любимый, дай ми яку раду;
Де я маю ти̂ дѣти подѣти?
Прійдетъ ми ся у свѣтъ полетѣти.» —

«Не журися, сестро, любимая,
Нѣмъ жито приспѣе, Богъ старанье мае,
Будутъ твои дѣти до волѝ гуляти,
Будутъ вони, якъ орлы быстріи, лѣтати.» —

«Бодай твои, брате, слова ся сповнили,
Шобы мои дѣти въ той часъ були цѣлѝ;
Бо якъ прійдутъ женцѝ жито жати,
Либонь мои дѣти схочутъ забêрати?!» —

«Але жь бо ты, сестро, дуже крикливая,
Хто йде, не минаешь, «помогай Бôгъ!» даешь;
«Киги, киги!» извикла 'сь кричати,
Якъ же маешь дѣти свои выховати?» —

«Гляди жь ты, зубатый, журавлю горбатый,
Самъ житья свого, не дѣвоцтва мого;
А коли жъ ты на складняхъ сѣдаешь,
«Курля, курля!» усе выкликаешь.» —

«Бо я такъ привикъ братій встерêгати,
Коли вони хочутъ въ просѣ погуляти,
Мêнѣ кажутъ на складняхъ сѣдати,
Та й камêнець въ лапочцѣ держати.»

А вже жъ нѝ чаеньки, нѝ êй дѣточокъ,
Тôлько саме пêрье, та зъ ней кôсточокъ!
Плачь, журавлю, по чаенцѣ, плачь, плачь,
Бо ще й тобѣ прійде великая роспачь!

7.

Перепеличенька, невеличенька,
По свôмъ мужу повдовѣла,
За мужъ пôти захотѣла,
А не могла уважити,
Котрому бы серце дати,
Та такому ладному.

А прилетѣла фалилія,
Красно вбрана компанія:
Панъ крукъ и панъ гайворонъ,
И прекрасный водувудокъ
И великій волоочокъ.

Перепеличенька тое учула,
И кватыреньку свою замкнула:
«Не треба бо ми такихъ,
Та такихъ дуже вельможныхъ,
То не моя возможнôсть.»

Ажъ прилêтае канарочокъ,
Красно убраный, якъ паночокъ,
И въ суконкахъ коштовныхъ,
Самъ пташокъ дуже моторный,
А нѣчого не здобитъ.

Перепеличенька тое учула,
И кватыроньку не вôдомкнула:
«Ты 'сь панъ, ты 'сь богатый,
То ты си звыкъ довго спати,
Та нѣчого не мати.»

Ой прилêтае соловіенько,
Стиха, стиха, помаленько:
Сѣвъ вôнъ собѣ коло хаты,
Зачавъ пѣсеньку спѣвати,
Якую умѣвъ, такую пѣвъ.

А перепеличенька, якъ тое вчула,
И кватыроньку та й вôдомкнула:
«Витай же, дорога пташино,
Соловіе, любая дружино,
Заразъ ся розмовимъ!»

Ахъ, давно жъ я, давно того жадала,
А бы 'мъ тебе любо за мужа мала,
А бы 'сь менѣ цѣлый день щебетавъ,
А черезъ цѣлу нôчку не спавъ,
Зъ моевъ душовъ розмовлявъ.»

8.

По пôдъ гаёкъ зелененькій
Брала вдова лёнъ тоненькій,
Та й беручи заплакала:
«Ой кобы жъ я мужа мала,
То бы я го шановала,
Въ три барвѣ бы 'мъ убêрала:
У суботу у кармазинъ,
А въ недѣлю у злотовенъ,
Въ понедѣлокъ въ панскѝ шаты,
Щобы его не пôзнати.»
Прислухався вôтôвъ сынокъ,
Вôтôвъ сынокъ, одиначокъ:
«Позволь, ненько, вдову взяти,
Буде вдова шановати!» —
«Иди, сынку, утопися,
Нêжь маешь ты вдову взяти.» —
«Мене, ненько, рѣки знають,
Передо мновъ высыхають.» —
«То йди, сынку, въ темнѝ луги,
Та най тебе звѣри зъѣдятъ!» —
«Мене, ненько, звѣри знають,
Якъ увидятъ, то втêкають.» —
«То йди, сынку, въ темный лѣсокъ,
Та стань собѣ пôдъ явора,
Пôдъ явора зеленого,
Пôдъ братчика молодого!» —
Прійшла за нимъ тамъ удова,
Урвала листъ, та й заграла,
Врвала другій, заплакала,
Бо яворъ взявъ промовляти:
«Не рви, вдово, мои палцѝ,
Мои палцѝ проклятіи
За пятничне спѣванêчко,
За субôтне вмыванêчко,
За недѣльне снѣданêчко.»
Прилетѣла зазулечка,

Сѣла собѣ на явора:
«Що тутъ робишь, вôтôвъ сыну?» —
«Заблудивъ 'емъ, матйнонько,
Заблудивъ 'емъ, зазуленько.» —
«Я полену, кукаючи,
А ты иди, слухаючи,
Выведу тя въ чисте поле,
Покажу тй три дороги:
Ой одную камêнную,
А другую золотую,
А третую кръвавую.
До матйнки камêнная,
До дѣвоньки золотая,
До вдовоньки кръвавая.
До матêнки по розумецъ,
До дѣвоньки по вѣночокъ,
До вдовоньки по чароньки.»

Корчемныя и Піяцкія.

1.

Горѣлице, мучинице, зрадлива 'сь небого!
Ой зрадила 'сь ты на свѣтѣ уже не едного.
Хто ся тебе напивае, той смутку забуде,
Вôнъ то мовить, розумѣе наде всіи люде.
Не боится а нй пана, нй крôля самóго,
Тôлько крычитъ на шêнкарку: «Дай горѣлки много!»
Иде съ корчмы до домоньку, путае ногами,
Опирае 'сь не разъ въ землю носомъ и руками;
А прійшовши до домоньку, паде середъ хаты,
Жêнка лае, дѣти плачутъ: «Давай, тату, спати!»
Обудився завтра рано, знае що то бѣда,
Иде просто позычати хлѣба до сусѣда;
Сусѣдъ каже: «Знай ты о тôмъ, що ты маешь дѣти,
Було въ корчмѣ не сидѣти, хлѣба заробити!» —
Кобъ не тая горѣлиця, не та оковита,
Позбавила она мена зô стодолы жита;
Кобъ не тая горѣлиця, не тая мокруха,
Не були бъ мня остатнёго збавили кожуха!»

2.

(Вацл. изъ Олеська 82.)

Ой куме, куме, нынѣ субота,
Закôнчилася наша робота,
Коли 'смо вôльни, ащо жъ робити?
Потѣшмо бѣду, ходимо пити!

Ой куме, куме, таку горѣлку
Не пивъ я ще, якъ на празнику;
Не машъ бо такой, якъ въ нашôмъ селѣ,
Отъ напіймося, куме, до волѣ!

Ой куме, куме, мôй пріятелю,
Піймо въ суботу та й и въ недѣлю;
Днесь понедѣлокъ, чы не забудешъ?
Пивъ я зъ тобою, ты зо мновъ будешъ.

Ой куме, куме, добра горѣлка:
Пили 'смо до днесь, пій до вôвтôрка;
Бо ту горѣлка добра безъ меду,
Ой напіймося еще въ середу!

Добра горѣлка, пôзнавъ я теперъ,
Не жаль стратити, піймо и въ четверъ
А чы ты знаешъ, що теперъ мясныцѣ,
Та й забавмося ажъ до пятницы.

Не псуймо, куме, собѣ охоты,
Та й піймо собѣ ажъ до суботы;
Не хай не хибитъ а ни оденъ день,
Най буде рôвно уже цѣлый тыждень!

Ой куме, куме, що мы дѣемо,
Що цѣлый тыждень горѣлку піемо?
Най жôнки тужать, я въ то не дбаю,
Коли я добру горѣлку маю.

Пôшлѣмо, куме, по нашіи жôнки,
Нехай ся зъ нами напьють горѣлки!
Лѣпше ихъ впередъ розвеселити,
Нêжли ся зъ ними въ дому сварити.

Ой я о тое, куме, не стою,
Бо я ся своей жôнки не бою,
Бо моя жôнка най въ дому робитъ,
А не за мною по корчмахъ ходитъ!

«Добрыдень, мужу, якъ же ся маешъ?
Чы й ты до дому вже не гадаешъ?
На що же тобѣ въ корчмѣ сидѣти,
Маючи въ дому жôнку и дѣти?»

«Ой моя жено, жено милая,
Прошу тя, не будь на мене злая!
Мусимъ ся нынѣ ще поправити,
А завра зачнемъ на хлѣбъ робити.»

«И тобѣ, куме, часъ бы до дому;
Не маешъ также въ очахъ сорому:
Кума небога въ дому бѣдуе,
Кумъ зъ кумомъ въ корчмѣ тыждень гайнуе.

Часъ бы ся, куме, опамятати,
Обомъ вамъ Бога на помощъ взяти;
Иди до дому на хлѣбъ робити,
Абы чѣмъ було дѣти живити!»

«Ой кумо, кумо, не свари на насъ,
Напійся зъ нами горѣлки въ сей часъ:
Нагородимъ то все за еденъ день,
Що 'смо пропили за цѣлый тыждень.»

«Ой куме, куме, якъ же ты брешешъ,
Що за еденъ день все нагородишъ?
Що же 'сь за тыждень въ дому нй зробивъ,
Сидячи въ корчмѣ немало ось пропивъ.»

«Ой, кумо, кумо, вже 'сь ми немила.
Що 'сь мене нынѣ такъ поганьбила;
Отъ, пій горѣлку, а не забавляй,
Або йди зъ корчмы и насъ не лай!»

«Якъ же то, куме, за правду лаешъ,
На наше кумство не уважаешъ?
Седи жъ, кумоньку, въ корчмѣ зъ бѣдою,
А ты, муженьку, ходи зо мною!»

«Вже нынѣ не вчасъ, куме, робити,
Бо далѣ будутъ въ дзвоны дзвонити.
Не росчинаймо жадного дѣла,
Єднаково вже, завтра недѣля.»

«Але ты, куме, не чини ми того,
Не лишай мене оттакъ самого,
Разомъ мы прійшли, разомъ пойдемо,
И господарство разомъ зачнемо.»

«Непріятêль же ты, куме, мêнѣ,
Коли ты повѣдавъ такъ своей женѣ,
И вже 'сь ся еи такъ наполошивъ,
Що вже бы 'сь мене самого лишивъ.

Дивно жъ ми, куме, що ты ся боишъ,
На що ты жêнцѣ о ласку стоишъ?
Най жêнка тужить, я въ то не дбаю,
Коли я добру горѣлку маю!»

Ой, хиба мы такъ, куме, зробимо:
Ходймъ до дому, та ся преспимо,
Преспавшися зачнêмъ робити,
Будутъ насъ жêнки за то любити.

Нашъ орендару, ой ты намъ милый,
Дякуемъ тобѣ, що 'смы спочили!
Вже перестаемъ горѣлку пити;
Бувай же здоровъ! Вже їдемъ робити.

Треба ся зъ тôбовъ порахувати,
Бо намъ ся треба гроши старати;
Добра горѣлка, любили пити,
Треба ти добре за ню заплатити.

Не турбуйтеся, коли 'мъ здоровы,
Маемо вôвци, конѝ, коровы;
Будемо мати, чѣмъ заплатити,
А якъ припишешъ, будемо бити.

«Ахъ, вы у мене хороши люде,
Та незадогго заплата буде;
Я дамъ горѣлку ще лѣпшу пити,
Най не будемъ ся зъ собовъ сварити!»

3.

(См. Вацл. изъ Олеська 7.)

Щасливый чоловѣкъ, що пье горѣвку,
Скоро прійде до домоньку, стане бити жѣнку.
Будь, ты, жѣнко, правдивая,
Въ каждôмъ разѣ зичливая
Ты мене не лай!

Орендарка лѣпше знае, чого ми потреба,
Повну склянку наливае, хочъ кажу не треба;
Повну склянку наливае
Горѣлоньки причиняе,
Каже мнѣ пити.

А я тому не переченъ, та ся напиваю,
Иду собѣ изъ корчмоньки, та ся потикаю;
Кажу собѣ ѣсти дати,
А потôмъ пожартовати
Зъ своею женою.

Якъ горѣвки не стане, корова не мила,
Мильша е орендарка, що горѣвку лила:
Каже пити, не платити,
Щобъ головки не сушити
Що день три кварты.

Порадь мѣнѣ, орендарко, що маю почати,
Чы ся мѣнѣ напивати, чы вже запехати?
А та мене потѣшае,
А въ кишеню заглядае,
Чы нема гроши!

Ой пôйду я на скаргу до Жида на жѣнку,
Нехай почекае довгу за горѣвку.
«Иди, Грицю, вже до дому
А не мовъ о томъ никому,
Приведи волы!»

Бѣдна жъ моя головонька, що жъ маю чинити!
Позабѣравъ Жидъ товаръ, та нѣчѣмъ робити!
Пôду цѣпомъ молотити,
Въ вечѣръ жѣнку бити,
На нове учити.

4.

Полетѣла зазуленька въ горы зимовати,
Кажутъ люде, що я впився, хиба пôду спати.
Ой пôду я розберуся,
И въ постѣлку положуся.
Що вамъ люде дивно,
Що я впився пильно?

Ой, то люде злосливіи, та що осуждаютъ,
Вѣдай вони пьяныхъ трункôвъ не вживаютъ:
Бôльше вони впиваются,
И по корчмахъ валяются;
А я хочъ напьюся,
Спокôйне бавьюся.

Якій мѣнѣ кадукъ стався, що ся потыкаю,
Хочъ до мене хто говоритъ, я слабо що знаю;
Мова мѣнѣ ся змѣнила,
Головка ся похилила,
Що то за недоля,
Моя власна воля!

5.

(Вацл. изъ Олеська 92.)

Мы то собѣ добріи люде,
Коли смерть пріиде, всѣмъ разомъ буде;
Ахъ не знати й не видати,
Коли ся зъ свѣтомъ треба розставати.
Теперь коли часъ, година,
Дайте сюда еще вина
Напіймося,
Не бôймося,
Здоровй будемъ!

3.

Смерти, смерти, йди на лѣсы,
Йди на безвѣсть, йди за море!
И ты, морозе великій а лысый,
Не приходь до насъ изъ своей коморы!
Смерть зъ морозомъ танцювала
Танцювала и спѣвала,
И за море десь погнала.

4.

Гуляй же, гуляй, моя миленька,
Вже не буде мати била,
Гуляй си, гуляй, ажъ до раненька,
Бо вже мамуня за припецкомъ сѣла;
А якъ си сѣла, такъ и задрѣмала,
Гуляй си, гуляй, мати буде спала!

Обжинки.

(Изъ Саноцкаго округа.)

1.

А у тôй чашейцѣ солодокъ медокъ!
Слава жъ тобѣ, Господи,
Давъ есь намъ ся дôждати,
Нивойку позберати!

2.

Спите, господинойку, до воли,
Зробило вамъ ся въ поли,
Стальными серпойками,
Людскыми дѣтойками,
Бѣлыми ручейками.

3.

Паны лелію рвали,
Господу пôдъ главу клали,
Няй собѣ спятъ до воли,
Зробило ся имъ въ поли.

4.

У тôй чашейцѣ солодокъ медокъ.
Є нашъ вѣнойко красенъ,
Якъ мѣсячейко ясенъ,
Суть на нêмъ колосойки
Зъ озимой пшеничойки,
Суть на нимъ гранойки,
Якъ на небѣ звѣздойки.

5.

(Когда подходять къ двору хозяина.)

Выйди, господинойку, до насъ,
Купи си вѣнойко у насъ!
Не схочете купити,
Пôдеме го пропити,
До нового гостинця
За червенейке пивце.

6.

Зъ стрêхи орѣхи летятъ,
Пѣсники горѣвки хотятъ;
Идьте, ей вынесѣте,
Пѣсникôвъ погостѣте!

7.

(Отдавши вѣнецъ, ворочаются домой и поють.)

Наша Господинова молодейка,
Будь же намъ здоровейка!
Выйшла Господинова противъ насъ,
Ключами задзвонила,

Богу ся помолила:
Слава тобѣ, Господи,
Же ся поле поробило
И домôвъ ся спровадило!

8.

Наша панѝ не пышна,
За воротойка вышла,
Ключами задзвонила,
Вѣнойко выкупила.

9.

Спи, панойку, до волѣ!
Ужь ти нива колѣ;
Коли она на колѣ,
То буде и въ студолѣ.

(Изъ Золочевскаго округа.)

10.

Котится вѣнокъ, котитъ,
Котится вѣнокъ, котитъ,
Бѣлою дорогою,
До попа до покою.

11.

Чуйся, попоньку, въ пêрю,
Зарѣжь корову сѣру,
И барана рогатого,
И когута чубатого,
Та изъ курчатами квочку,
Намъ поставъ горѣлки бочку!

12.

Нашъ панонько дозорця,
Выжавъ житонька за сонця;
Верхобужскій недбайло,
До Михайла стояло.

13.

Нашъ вѣнокъ пелехатый,
Нашъ попонько богатый,
Выѣхавъ на нивоньку
Въ щасливу годиноньку,
Ставъ копы раховати,
Женкиковъ наповати,
Що копа, то колода,
Попови надгорода.

14.

Добродѣенька пышна
За воротонька выйшла,
Стала си у воротѣхъ,
У червоныхъ чоботѣхъ
Горѣлочку тримае,
Женчиковъ витае,
Вѣночка выглядае.

ПѢСЬНИ УГОРСКОЙ РУСИ,

собранныя Талапковичемъ, бывшимъ священникомъ въ Бѣлкахъ.

1.

Ой на горѣ, на долинѣ,
Широкъ листокъ на калинѣ,
Еще ширшій на яворѣ:
Стоитъ мила на розмовѣ.

Где ты, милый, пробываешь,
Што за мене не гадаешь?—
Пробываю край Дунаю,
Я за тебе все думаю.

Кобы човенъ и веселце,
Ночовавъ быхъ у тя сердце;
А ни човна, ни повода,
Мушу ночовати дома.

Тече вода рѣченьками,
Плаче мила слозеньками.
Не плачь, мила, не журися,
Я молодый, не женився.

Коли буду женитися,
Прійди, мила, дивитися;
Коли буду вѣнчатися,
Прійди, мила, прощатися.

Скажу пива наварити,
Горѣлочки напалити,
Тебе, мила, запросити,
Конець стола посадити.

Твое пиво ми не мило,
И палёнка твоя горька;
Где тй, милый, вѣрнй слова,
Што ты не мôй, я не твоя?

Твои братья тебе били,
Обы мы ся не любили;
Твои сестры проклинали,
Обы мы ся не собрали.

Твоя мати чаровниця,
Великая розлучниця,
Розлучила мя съ тобою,
Якъ рыбоньку исъ водою.

2.

Доле жь моя, доле,
Нещастная доле!
Засѣяла дѣвчинонька
Мысленьками поле.

Чорныма очима
Та й заволочила,
Дрôбненькими слозеньками
Все поле зросила.

Не родится жито,
Трава зеленая:
Уже бо я во пеленкахъ
Была нещастная.

Цы ты мене, мамко,
Въ церковь не носила,
Што ты минѣ ôтъ Богонька
Дольку не впросила? —

До церкви 'мъ ходила,
Богу 'мъ ся молила,
Така ти ся, моя донько,
Долька осудила.

Цы я тобѣ, мамко,
    Трѣски не сберала,
Што ты мою долоненьку
    Богомъ проклинала?

Боже милостивый,
    Цы то воля твоя?
Цы всѣмъ людемъ така бѣда,
    Цы лишь только моя?

Боже справедливый,
    Съ высокого неба,
Отбери ми мое жите,
    Бо ми го не треба!

3.

Ой Боже мôй, который
    Створивъ небо и зори,
Потѣшь мене сироту,
    Най забуду хлопоту!

Черезъ рѣчку, черезъ ставъ,
    Любивъ мене, переставъ,
И я его любила,
    Бо 'мъ до него ходила.

Гей, Боже мôй, где тотъ ставъ,
    Где мôй милый на нôчь ставъ?
Кричу, плачу, не чуе,
    Най исъ Богомъ ночуе!

Нещастная чужина:
    Рокомъ стала година,
Сердце тяжко вздыхае,
    Што щирости не мае.

Цы лѣгаю, вставаю,
    Все о тобѣ думаю:
Прійди, прійди раненько:
    Потѣшь мое серденько!

4.

Гей ты, дѣвчино,
Ты розумомъ блудишь,
Сама ты не знаешь,
Кого же ты любишь. —

Гей, знаю, знаю,
Кого я кохаю,
Лишь то не знаю,
Съ кимъ я жити маю. —

Гей ты, дѣвчино,
Ты горда и пышна,
Чомъ ты до мене
Зъ вечера не прійшла? —

Гей, якъ я маю
До тебе ходити?
Будутъ насъ люде,
Вороги судити.

5.

Ой Боже мôй, Боже!
Бѣда ма двояка:
Маю мужа блуда,
Ще къ тому піяка!

Кобы была 'мъ знала
Свою бѣдну долю,
Скочила 'мъ бы была
Во глубоку воду.

Та бы была 'мъ плыла
Руно съ берегами,
Тамъ была 'мъ ся найшла
Съ своими врагами.

Ворогове мои,
Не ругайте на мя,
Што ми было мило,
Узяли 'сте отъ мя!

Мамко моя, мамко,
Выйми мя зъ неволи,
Буду тобѣ мыти
Твои бѣли ноги. —

Ой хоть бы ты мыла
И все полокала,
Кедь тебе, донько ма,
Зла доля побила. —

Мамко моя, мамко,
Где я въ тотъ часъ была,
Отколь ты мя, мамко,
На свѣтъ народила?

Гей бо я не пила,
Ни красно ходила,
Лишь все памятаю,
Што 'мъ тяжко робила.

Не дякую я ти
За твою годувлю,
Штось ми не прибрала
Мому личку рувню.

6.

Кажутъ, што не дадутъ
Мене за любонька,
Ай дадутъ за того,
За шесть воловного
Чорногуняника.

Ано моє рыбля,
То крôтко зритъ на мя,
Двойну єго цюлю
За шесть воловую
Цѣну лишь не дамь я.

7.

Смотри, милъ ми,
До очатъ,
Што ти ся зъ нихъ
Вычитатъ?

Сама правдиця,
Сама правдиця,
Ты есь ангелская
Ряхтяна звѣздиця.

8.

Тамъ въ поли могила
Съ вѣтромъ говорила:
Не дуй, вѣтре, не дуй,
Не дуй быстрѣсенькій,
Чей бы 'мъ ся розцвила!

Чей бы 'мъ ся розцвила
Красненькими цвѣты,
Красненькимъ квѣточкомъ,
Зеленымъ бервѣнкомъ,
Молодыми лѣты.

Нёжь солнце изыйде,
Нёжь воронъ закраче,
Дробненькими слезы
Молодецъ жалобный
На могилѣ плаче.

Даремно, молодче,
На могилѣ плачешь:
Не пробьешь слезами
Святую землицю,
Миленькоі не вбачишь!

9.

Кедь я собѣ изгадаю
За давныи лѣта,
Такъ мя слезки обливаютъ
Што не вижу свѣта.

Кедь я собѣ изгадаю
Давнѝ давниночки,
Скажу собѣ завязати
Съ платомъ головочку.

Журивъ есь ся, нудивъ есь ся,
Якъ мене любити,
А теперь ся журишь, нудишь,
Якъ мене лишити.

Або мене, любцю, люби,
А хоть мене лиши,
А хоть мои очинята
На папери пиши.

Закукала зазулонька
Кукала вна бѣла:
Иншу милу любку маешь,
Я сама видѣла.

Иншу милу любцю маешь,
На правдѣ ся лаешь,
Прійде така годиниця,
Што мя изгадаешь.

Любивъ есь мя, мôй миленькій,
Тому е пôлгода,
Не сталася ти въ пробытку
Жадная пригода;

А якъ есь явъ, мôй миленькій,
Иную любити,
Яла ти ся пригодиця
Всяка находити

10.

Чую, чую черезъ людій,
Даютъ менѣ знати,
Ей што хоче моя мила
Зъ вечера вмерати.

Кедь вна умре изъ вечера,
А я умру зъ ранку,
Та даме ся испрятати
Во одную ямку.

Та даме ся испрятати
Вкупѣ головами, —
Штобы была размовонька
И тамъ межи нами!

11.

Изъ недѣлоньки
На понедѣльчикъ
Ой темненькои ночи,
Прійшли рекруты,
Связали руки,
Выплакала чорнî очи.

Малое потя
Невеличкое
По коникови скаче:
Бѣдна маточка
Нерозсудная
За рекруточкой плаче.

12.

Чомусь не прійшовъ,
Чомусь не прійшовъ,
Коли я тя кликала?

Цы 'сь коня не мавъ,
Цы 'сь самъ не хотѣвъ,
Цы мамка не казала? —

И коня емь мавъ,
И самъ емь хотѣвъ
И мамка ми велѣла

Найменша сетра
Богдай не зросла,
Сѣрдце устулила!

13.

Прійду до тя въ недѣлю,
Найду тебе якъ лелію,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Прійду до тя въ понедѣлокъ,
Найду тебе якъ бервѣнокъ,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Прійду до тя въ самый второкъ,
Найду въ тобѣ красотъ сорокъ,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Прійду до тя во середу,
Найду тебе якъ березу,
Катеринко моя, 2.
Чорнобрывко моя!

Прійду до тя во четверь,
Найду тебе якъ теперь,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя, 2.

Прійду до тя во пятницю,
Найду тебе якъ косицю,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Пріийду до тя во суботу,
Заплачу ти всю роботу,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

14.

Вѣютъ вѣтры
Вѣютъ буйны,
Ажь дерева гнутся:
Тужитъ, болитъ,
Сердце мое,
А слезы не льются.

Где ты мила,
Чорнобрыва,
Где ты озовися?
О якъ я безъ тебе гину,
Пріийди подивися!

Въ лютой горѣ
Лѣта трачу,
А щастья не бачу,
Тôлько ми ся
Легше стане,
Коль трошки поплачу.

15.

О якъ дуже за тобою
Тужитъ сердце, мила!
Коль сгадаю, што 'мъ тя любилъ
Й ты 'сь мене любила.

Въ ночи не сплю,
День ми смутный,
Все гадка о тобѣ;
Жити буду,
Не забуду,
Любовь скôнчу въ гробѣ.

16.

Ой Марйко, подай вѣнецъ,
Бо вже я твôй та паробець;
Ой Марйко, подай оба!
Бо вже я твôй, а ты моя.

Ой Марйко, подай ручку!
Не чекай мя сего рочку!
Ачь не прійду за рокъ, за два,
Не чекай мя больше нигда!

Черезъ Тису калъ, болото:
Подай ручку, ты золото! —
Ой миленькій мôй небоже,
Што ти ручка ма поможе?

Эй мôй милый неборачокъ,
Поклалъ ручку на облачокъ;
Камянное сердце 'мъ мала,
Што 'мъ му руку не подала.

17.

Єще въ поли по листкови,
Мушу пойти по свѣткови. —
Иди, иди, обы 'сь не ставъ,
Коли 'сь мене обманивавъ. —

Могла 'сь, мила, добре знати,
Што я знаю обманути;
Бо я очка чорны маю,
Обманути добрѣ знаю.

18.

Долино, долино,
Люде тя й зорали,
Богъ дай на тя, Иванку,
Мои слезки впали,

На тебе, на тебе
    И на твою душу;
Бо я черезъ тебе
    Погинути мушу.

Прогнѣвався милый,
    Ай бо й я на него,
Не ходивъ до мене,
    А ни я до него.

За што ся прогнѣвавъ?
    За марно словечко,
Што 'мъ му не казала:
    «Будь здоровъ, сердечко!»

Любила 'мъ го вѣрно,
    То всѣ люде знали,
По нижь Мукачова
    Тамъ го звербовали.

На рѣцѣ китицѣ,
    На дубѣ основа;
Кто еи основавъ?
    Иванъ изъ Пряшова.

Писавъ на мя, писавъ,
    Два листы, не единъ,
Обы не плакало
    Мое сердце за нимъ.

19.

Пила мила, пила,
Та й минѣ велѣла:
Напійся, миленькій,
Чей бы 'сь румяненькій!

    Встань горѣ, миленькій,
Бо вже день бѣленькій! —
    Не цыгань, миленька,
Ще нôчка темненька!

20.

Где ты была,
Мила, съ ночи?
Промѣняла 'сь
Чорнй очи. —
Ой я была
Въ загородци,
Тамъ чекала 'мъ
Красны хлопци.

Била мамка
Мя на волю,
Отъ тогды ся
Страшно бою.
Яка нôчка
Темненькая,
Всю съ миленькимъ
Перестою.

Била мене
Мамка й съ ночи,
За Иванковы
Чорны очи;
Била съ ночи,
Буде опять,
За молодыхъ,
Душко, хлопятъ.

21.

Ой на горѣ
Дубъ дуплавый:
Въ мене милый
Кучерявый.

Кучерями
Потрясуе,
Бляшку вина
Росказуе.

Мѣра вина —
Не новина,
Поцѣлуй мя,
Моя мила! —

Што бы я тя
Цѣловала,
Давно 'мъ тобѣ
Ручку дала. —

Напіймеся
Коль сме вднука,
Тверда зима
Онъ ся пукатъ. —

Терпи, милый,
Терпи хоть разъ.
Я терпѣла
За тя не разъ! —

Анде гуслѣ,
Близко скринѣ,
Прошу, люба,
Подай минѣ!

Най загуду
Жали свои:
Гуслѣ мои,
Яворовы!

22.

Побили, забили,
Голубка сивого,
Я ся напудила,
Ожъ мого милого. —

Побили, убили,
Гусочку гривеньку,
А я ся напудивъ
Ожъ мою миленьку.

23.

Солодка, ма мамко,
Тяжко минѣ жити:
Чомъ есь мя не вчила
Маленьковъ робити? —

Я тебе учила,
А ты ся не брала,
Про то тва головка
Бѣды ся дождала. —

Я ся отдавала,
Обы газдовати,
А я по свѣткови
Должна вандровати.

24.

Писала Краина
Зъ Хуста до Будина,
Што бы намъ заслали
Червеного вина.

Бо червено вино
Во погарѣ скаче,
Не една повгарка
За повгарёмъ плаче.

Не плачьте, повгарьки,
Доразъ вернемеся,
Пойдеме до Вѣдня,
Муштру навчимеся.

25.

Добрѣ тому, добрѣ,
Въ кого любки по двѣ;
Єще тому лѣпше,
У кого побôльше.

Не сѣю, не орю,
Само ми ся родитъ,
Таку маю любку,
Сама за мновъ ходитъ.

Не я за невъ, не я,
Ай она за мновъ,
Якъ тота овечка
За зелоновъ травовъ.

26.

На горѣ бубнуютъ
Подъ горовъ таньцуютъ,
Волôвски легѣни̂
Въ гусари̂ вербуютъ.

Най они вербуютъ,
Отъ кола до кола,
Вже вни не звербуютъ
Моего сокола.

27.

Васильку, Василю!
Въ городцѣ тя сѣю,
Не пиши палички,
Не дури дѣвочки!

Бо маленьки дуришь,
А велики̂ любишь,
Твердо тя проклянутъ
Нигда ся не вженишь.

28.

За всю бѣду, неволицю,
Пôйду скочу въ млиновицю,
Та тамъ мене рыбка поѣсть,
А кто моей мамцѣ повѣсть?

Повѣдятъ ей добрѣ люде,
Ей якъ мене бôльшь не буде,
Буде мамка заводити,
Не годна плачъ утолити.

Плавле кача по ныреви:
Повѣжь, рыбко, Василеви!
Василь не мôй, я не ёго,
Што не сижу коло нёго.

Идѣть ёго приведѣте,
Коло мене положѣте,
Най я ёго поцѣлую,
Єго ручку золотую.

По пôдъ гаї, дѣ, зелененькій,
Ишолъ хлопець молоденькій,
Сердце му ся розрывае,
Што милую не видае.

29.

Тамъ мôй милый лѣсомъ иде,
Малёваны дрыва везе;
Продавъ дрыва малёваны,
Купилъ чижмы кордованы.
Я ся въ чижмы та обую,
Весь вербунокъ извербую.

Черезъ єдну любасочку,
Маю ити во войночку,
До войночки не пôйдеме,
Женитися не будеме.
Заки буде по дѣвчинѣ,
Все молодци та будеме.

Где ты, мила, пробывала,
Коли вода выливала? —
Ай я была при бережку,
Держала 'мъ ся за березку,
За березку, за тернину,
Кликала 'мъ ся на родину.

Рубаю я яворину,
Она паде на долину,
Изъ долины на мураву,
Приклонь, мила, свою главу,
Ащь не главу, ано личко,
Солодка ма ластовичко!

30.

Тече водиця
Изъ подъ яворця
Ледова,
Иде ма мила,
Красно прибрана,
Съ Сигота.

Гей дубе, дубе,
Зеленый дубе,
Дубина!
Несе мôй милый
Червлени чижмы
Съ Севлюша.

31.

Чія тото красна нивка?
Люба бы му всяка днинка;
Ай кто еи розно оравъ,
Гораздъ бы ся не все имавъ!

А кто еи зерномъ сѣявъ
Золотомъ бы любо вѣявъ;
А кто еи подовжь смычивъ,
Солодко бы ся выпочивъ!

32.

Рубай, рубай, не поставкуй,
Якъ нарубашь, домôй вандруй!
Бѣда бы го вандровала,
Коли 'мъ уже навновала.

Вандруючи, ножки болять,
А роблячи, ручки горять,
Такъ намъ тяжко працовати,
Коль хочеме да что мати.

Склоняеся сонце долу:
Пущай насъ, газдо, до дому! —
Не пущу васъ, небожата,
Бо ще нивка недожата. —

Буде завтра красна днина,
Та дожнеся ваша нива,
Заспѣваемъ Богу слава,
А вамъ, газдо, вѣкъ здоровля.

33.

Анця до воды,
Иванъ отъ воды:
Ай почекай, бѣла Анце,
Вльешь воломъ воды!

Ей я не вмѣю,
Бо я не смѣю;
Паде роса, а я боса,
Ей гой, Янчію!

34.

Не рубай, не щакай,
Зеленого дуба:
Не цѣлуй, не вбнимай,
Коли 'мъ ти нелюба!

Не рубай, не щакай,
Най ся зеленѣе:
Не бери прегорду,
Най ся постарѣе!

Бреду рѣчку, бреду,
Рѣчечка рѣняна:
Смочилося платье,
Аннице бѣлява! —

Рѣчку и я бреду,
На березѣ буду,
Глядай собѣ, любый,
Про мене другую!

Глядай собѣ, глядай,
Пусту, задаремну,
Што 'сь минѣ даровавъ,
Назадъ тобѣ верну.

Не рубай, не стрѣляй
Очима въ одвêрки,
Ходили та й будутъ
До Анны женихи.

35.

Така 'мъ слаба ги росиця,
Не йду домôвъ безъ Федôрця:
Онъ навпередъ, а я сзаду,
Все ся взира'тъ, ци не впаду.

Черезъ Дунай, черезъ Тису,
Ступай, мила, бо тя лишу. —
Не лиши мя, бôй ся Бога,
Бо я съ тобовъ пойти годна.

36.

Ой подь, Боже, до насъ,
Бо теперь у насъ гораздъ,
Та й ты, Божая Мати,
Вѣночки починати!

Роскололасяверба
Отъ верха до корене:
Взята Марійка, взята,
Отъ отца, отъ матере.

Полёмъ, Марійко, полёмъ,
За невъ Иванко конёмъ,
Явъ еи доганяти,
Явъ еи звѣдовати:

Чія ты Марійко, чія? —
Няньковата мамчина,
А теперь емь твоя,
Правѣ тобѣ сужена.

Бервёнчикъ хрещатый!
То ты рано зацвивъ,
Иванкови за шапочку,
Маріи за кôсочку.

Ой где Иванко сидитъ,
Тамъ ся стѣночка свѣтитъ,
А где Марійка сидитъ,
Коло ней ся яснитъ.

37.

Поки емь ся не вженивъ,
Я въ чоботки цоркъ, цоркъ!
А якъ емь ся оженивъ,
Я въ постолѣхъ шлёпъ, шлёпъ!

Гой я шумундра!
Моя мила, та й мудра!

Поки емь ся не вженивъ,
Шапка въ мя рогачка,
А якъ емь ся оженивъ
Теперь помѣтачка.

Гой я шумундра, и пр.

Поки емь ся не вженивъ,
За клобушкомъ квѣтка,
А якъ емь ся оженивъ,
Пропала до дѣтка!

Гой я шумундра и пр.

Поки емь ся не вженивъ,
Съ сѣмьма 'мь кôньми сватавъ,
А якъ ёмь ся оженивъ,
Шапковъ гачи 'мъ латавъ.

Гоя я шумундра,
Моя мила, та й мудра!

38.

Антамъ горѣ, при яворѣ,
Камень муку меле:
Слухай, дѣвча, чорнобрывча
Щи пôдешь за мене? —
Ой не пôду, та й не люблю,
Съ далекого краю,
Будешь бити, неволити
Родинки не маю,

Походивъ емь, походивъ емь,
Коло тои кучки:
Загубивъ емь, загубивъ емь,
Постолы и внучки
Хоть я тоту кучу дручу
Хоть еи запалю,
Най она ми не завдає
Твердeнького жалю.

Ты, Иванцю, не бій Анцю,
Бо не маешь за що,
Бо Анниця роботниця,
А ты самъ ледащо.
Бо Аннины колопеньки
На лёду зацвили,
А твои, дѣ, онученьки
За кошомъ погнили. —

Не буду я воду пити,
Вода студененька:
Не буду я жену бити,
Жена молоденька.
Ударивъ емь голый разъ,
Тѣло помарнѣло,
Ай бо й плакавъ я доразъ,
Чей бы не болѣло.

39.

Ой небоже Волощуку,
Не люби ты леда суку:
Люби, дѣ, ты ба й Русочку,
Бѣленькую якъ гусочку!

40.

Яворовы трêски тешу:
До милои босый чешу;
Бы пôдошвы не рыпѣли,
Пôдковочки не звинѣли,
Обы псики не брехали,
Вбы сусѣдки не й зознали.

41.

ПРИ ПРЯДЕНЬЮ.

Куделе вороже,
Бѣдка тебе прясти може!
Я тя вержу пôдъ лавицю,
Сама выйду на вулицю.
Соромъ буде мому лицю,
Што не пряду куделицю.

42.

НА ГОСТИНѢ ВЪ КУМА.

Коло млина, млина,
Зацвила тернина:
Гей у мого кума
Солодка гостина!

43.

Горы мои, горы,
Вы мои коморы!
А вы ялицѣ,
Вы мои свѣтлицѣ.

Кобы ми ся бучокъ розвивъ,
Зелена Свѣдова,
Не една бы опустѣла
Жидôвска комора.

44.

ДѢТСКІЯ ПѢСНИ.

Два кокоши жито молотили,
Двѣ курочки чернушечку у млинъ поносили,
Баранъ меле, баранъ меле,
А цапъ мѣрки бере.

Гуска сѣє, гуска сѣє,
Гусакъ ости пряче,
Качка мѣситъ, качка мѣситъ,
Качуръ воду носитъ,
Мачка плеще, мачка плеще,
Мацуръ во печь мече.
Ой такъ ємь ся повбертала,
Гурбу 'мъ муки насѣяла,
Такій ми ся хлѣбець удавъ,
По пôдъ кору мацуръ игравъ,
Горѣ хвощикъ задудуривъ,
Та й коры ся не дотуливъ.

45.

Мышь кнышь начала,
Муха киселицю выльяла,
Сверщокъ горщокъ прокусивъ,
Когутъ коня задусивъ.
Не буду я бѣдовъ трясти,
Ай буду я клочье прясти,
Ой маю я статку много,
Мѣща клочя ильняного.
Якъ ся хлопцѝ заладили,
Мотовилце поломили,
А я на то не гадала,
Коло печи обмотала,
И пôдъ печевъ кросна ткала.

ПѢСЬНИ,

собранныя Александромъ Духовичемъ въ Пряшевѣ.

1.

На грунку стояла,
На Яцка волала:
Прійди, Яцку, прійди,
Не вчиню ти кривды!

Єсли прійдешь въ ночи,
Богъ ти на помочи;
Єсли прійдешь рано,
Будетъ зготовано.

Зготовлю паленки,
Тотъ стаканъ маленькій,
Схочешь и фляшеньку,
Дамъ ти ю полненьку,

Упечю курочьку
И бѣлу гусочьку,
Будешь ся гостити
И мене любити.

Но помалу ступай,
Дверьцями не скрипай;
Прійди пôдъ грушочьку,
Сядь си на лавочьку!

Тамъ я свыкла спати,
Буду тя чекати,
Тамъ будетъ курочка,
Гуска, паленочка.

Прійди, Яцку, прійди,
Не вчиню ти крывды,
Не бôйся никого,
А ни отца мого!

Няне спитъ въ стодолѣ,
Слуга съ вôлми въ поли,
Свекра передъ пецомъ,
Служница за пецомъ.

Не бôйся никого,
А ни пса чорного:
Песъ въ полю съ дробяти,
Не буде брехати.

Прійди, Яцку, прійди,
Не вчиню ти кривды.
Якъ бы 'мъ учинила,
Я бы ся ганьбила.

2

Ишовъ Ляшокъ изъ Варшавы,
На нимъ шматы барзъ цундравы,
Но шапочка рожката,
Не боится Руснака.

Бѣда Ляшка подкусила,
Стрѣтивъ едного Русина,
И шапочьку не снимавъ,
«Счастя Богъ дай!» не сказавъ.

Русинъ познавъ, же то Ляшокъ,
Ма на шматохъ много бляшокъ,
Заразъ его привитавъ,
За чуприну выхитавъ.

Ту машь, Ляшку, сучій сине,
Знимай шапку, где Русины,
«Счастья Богъ дай!» повѣдай,
И шапочьку изнимай!

Ишовъ Ляшокъ еднымъ лугомъ,
А тамъ оравъ Русинъ плугомъ,
И ставъ собѣ гадати,
Што бы ему сказати.

Гадавъ Ляшокъ ажь до пôвъдня,
Пришовъ помалу до плуга,
И шапочьку не знимавъ,
«Счастя Богъ дай!» не сказавъ.

О подай же стикъ, Иване,
Най научу, якъ Ляхъ стане
Шапку свою знимати,
«Счастя Богъ дай!» казати!

Якъ съ переду, такъ съ заду,
Выправъ Ляшка до ряду,
Ажь му шапча упало,
Въ болотѣ ся зваляло.

Ишовъ Ляшокъ дорогою,
Ввидѣвъ гуску надъ водою:
«Счастя Богъ дай!» бѣла гусь,
Навчила мя тота Русь.

Ажь тамъ надбѣгъ медвѣдь кусый,
Ляшокъ думавъ, же то Русинъ,
Снявъ шапочьку скоренько,
«Падамъ до нугъ» низенько.

Медвѣдь ся съ нимъ поигравъ,
Ажь му главу ободравъ:
«Вставай, Ляшку, не лёгай,
Со мною ся поиграй!»

Ишли купцѝ съ Перемышля,
А душа ужь зъ Ляшка вышшла:
Лежи, Ляшку, въ дубинѣ,
Не кланяйся звѣринѣ!

Кланяй ты ся Русинови,
А не звѣрю медведеви,
Бо тотъ чести не мае,
Ляшка доразъ витае!

3.

Ишовъ Козакъ за Дунай,
Казавъ: «Дѣвчино, прощай.
Ты, коненьку вороненькій,
Весело гуляй!» —

Постуй, постуй, Козаче,
Твоя дѣвчина плаче:
Якъ ты мене покидаешь,
Tôлько подумай. —

Сиве очько не втирай,
Бѣлы ручьки не ламай,
Токмо мене со славою
Къ собѣ ожидай! —

Не хочу я ничого,
Токмо тебе одного,
Иди, иди, мôй миленькій,
А все пропадай!

4.

Подъ Каменцёмъ подъ Подольскимъ
Стоитъ Турокъ съ своимъ войскомъ,
Стоитъ, стоитъ, не воюё,
Бôльше войска потребуе.

Старша сестра брата мала,
На вôйну го выправляла,
На вôйну го выправляла,
Сама коня осѣдлала.

Сама коня осѣдлала,
Съ правой ручки кантарь дала,
Съ правой ручки кантарь дала,
Та й горенько заплакала:

Брате, брате, брате рôдный,
Коли прійдешь назадъ зъ вôйны? —
Коль не прійду о годъ, о два,
Не ждай ужь мя, сестро люба!

Ужь ся вôйна докончила,
Турка наша младежь сбила,
Прогнали го ажь за море,
Абы му тамъ было горе.

Ужь гусары зъ войны идутъ,
Мого брата коня ведутъ:
Ой гусары, где є мôй братъ?
Ци ôнъ убитъ, ци въ неволю взятъ? —

Ой твôй братикъ не въ неволѣ,
Онъ остався въ широмъ полѣ;
Турецька му злоба дôйшла,
Куля му серденько прôйшла.

Тамъ ôнъ въ широмъ полѣ лежитъ,
Соколъ надъ нимъ гôрько слезитъ:
Ай тутъ лежитъ храбрый воинъ,
Чорноусый витязь Русинъ. —

Ай мôй братикъ за дружину
Лёгъ у полѣ за отчину:
Уже ся не верне вспять,
Дай му Боже, вѣчну память!

5.

Гукнуло, пукнуло въ лѣсѣ:
Комаръ съ дуба повалився,
Розбивъ собѣ головище
На дубовый коренище.

Вылетѣла муха съ хаты
Комарушка жаловати:
Ой комару, мôй комару,
То ми тя жаль не помалу!

Где ся велишь поховати,
Твое тѣло честовати? —
Поховайте мене въ лѣсѣ,
При дубовôмъ конарисѣ.

Насадьте ми петрушоньки,
Зеленои марунoньки,
Тоту будуть дѣвки рвати,
Комарушка шановати.

Ай тутъ его лежить тѣло,
Не одного оно ѣло;
А тутъ лежитъ его сало,
Не одного смаровало.

А тутъ лежитъ его труба,
Которая пала съ дуба.
Ой ду ду ду, ду ду, ду ду,
Комарушка не забуду!

6.

Журилася попадя
Своею бѣдою,
Же вна должна любити
Попа съ бородою.

Ой бо менѣ тяжко,
Ой бо менѣ нудно,
Попа съ бородою
Любити мнѣ трудно.

Вяжьте куры, гуси,
Вяжьте и индики,
Впрягайте волы въ возы,
Иду до владыки

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Смилуйся надъ нами,
Отче Святителю,
Та й надъ молодою,
Бѣдной попадёю!

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Попадько, попадько,
Нужно ти пождати,
Буду я твому попови
Карточку писати.

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Коль тебе не хоче
Попадя любити,
Изволи ей ôсѣмь разôвъ
Воду освѣтити.

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Клячала, клячала,
Далей и устала,
Поимала за бороду
Та й поцѣловала:

Ужь менѣ не тяжко,
Ужь менѣ не нудно,
Попа съ бородою
Любити не трудно.

7.

На бережоньку стоя,
Стоя, стояла
Бѣлы ноженьки вмыва,
Вмыва, вмывала.

Ой нужки мои бѣлы
Бѣлы, бѣлыи,
А кому вы будете милы,
Милы, милый?

А кедь тому молодому,
Дай, Боже, дай, Боже!
А коль тому та старому,
Хрань, Боже, хрань Боже!

А у нашêй загородцѣ
Бѣлый цвѣтъ, бѣлый цвѣтъ:

Вандруй, вандруй, дѣнчинонько.
Со мновъ въ свѣтъ 2.

А якъ мы выйдемо
На гору, на гору,
Тамъ я тобѣ вшитку правду
Сговорю, сговорю.

А тутъ тобѣ, а тутъ менѣ,
Дорога, дорога,
Оставай ты, моя мила,
Здорова, здорова!

8.

Закукала зозуленька куку!
Розъярила бѣдну мою муку.

Не кови ты, зозуленько, куку!
И не яри бѣдну мою муку!

Заковала зозуленька куку!
Послушь мою, дорогая, муку!

Не кови ты, зозуленько, куку!
Я не слышу твою дурну муку.

Заковала зозуленька куку!
Дай мнѣ моя, дорогая, руку!

Ой не кови, зозуленько, куку!
Бо я не дамъ тобѣ мою руку.

Заковала зозуленька куку!
Седитъ бѣдна дѣвчинонька въ кутку.

Кови, кови, зозуленько, куку,
Та розжени дѣвчинонцѣ скуку!

9

Ой было то, та й было,
Шкода же ся избыло,

Коль я мыслями блудивъ,
И дѣвчину полюбивъ,
Но дѣвушка полоха,
Посмѣялась ха, ха, ха!

Ой, дѣвочко, знай Бога,
Не будь ко мнѣ толь строга;
Я тя люблю, люби мя,
Я ужь твôй, ты будь моя!

Дѣвушка на то глуха,
Схôхотала ха, ха, ха!

Я къ дѣвочцѣ близенько:
Пôди ко мнѣ серденько,
Ой, дѣвочко, пожалуй,
Та хоть одинъ поцѣлуй!

А дѣвушка до смѣха,
Отказала ха, ха, ха!

Ой дѣвочко дорога,
Молю я тя про Бога,
Глянь на мою ты муку,
Подай бѣлу тву руку!

Лишь ты моя потѣха,
А дѣвушка ха, ха, ха!

Я дѣвочку за личко,
Люби мене горличко!
Посмотри на мя хоть разъ,
Люби мене хоть на часъ!

А дѣвушка хитруха:
Захôхоче ха, ха, ха!

Я дѣвочку за губку,
Поцѣлуй мя, голубко!
Дай, любезна, поцѣлуй,
Тѣмъ бѣдного пожалуй!

Нѝ тутъ лести, нѝ грѣха,
А дѣвушка ха, ха, ха!

Ой дѣвочко, што робишь,
Чому ты мя не любишь?
Я тя люблю едину,
За тобою ажь гину.

А дѣвушка все лиха,
Зохôхоче ха, ха, ха!

Ой дѣвочко еще разъ,
Взглянь на мене хотя разъ,
Не возмущай мою кровь,
Ой, прійми мою любовь!

А дѣвушка, якъ блоха,
Отскочила, ха, ха, ха!

Така моей любви мзда,
Тщетна моя надежда,
Долю мою збезславивъ,
И дѣвочку оставивъ.

Теперь ужъ я ха, ха, ха!
А дѣвушка старуха,
Ха-ха-ха, ха-ха-ха,
А ты баба старуха!

10.

Чловѣче мизерный,
Ты есь порохъ земный,
На што ся надѣешь?
Же многимъ владѣешь!

А чей на уроду?
И она до гробу —
До гробу отъиде,
Якъ ей тожъ часъ прійде.

Не уфай въ богатство;
Бо то лишь хробацтво,
Ни въ сребро, ни въ злато;
Бо то все есть блато.

Фалшивая юность,
Зрадлива фортуна,
Служатъ человѣку
Во молодомъ вѣку.

Теперь оставила,
Якъ сила омлѣла,
Старца человѣка
Къ земли прихилила.

Орловая юность!
Обновися нынѣ,
Потѣшь человѣка
Въ прискорбнôй годинѣ!

Розступьтеся, воды,
Холмы побѣгните,
Мои млады лѣта,
Ко мнѣ привернѣте!

Охъ, вѣтры силныи
Скоро повѣвайте,
Мое сердце смутне
Мнѣ охоложайте!

Да испуститъ облакъ
Со небесе хладость,
Дождевную каплю
До сердца на радость!

О роскоши мои,
Где 'сте ся подѣли?
Цили во Дунаю
Быстромъ потонули?

Самъ ся осуждаю
И то по неволи,
Же роскошне живъ емь,
Живъ емь во сваволи,

Самъ ся осуждаю,
И признати мушу,

Же во грѣсехъ живъ емь,
Засмутивъ емь душу.

Тамъ возму заплату,
Где будутъ платити,
Тяжко буде сердцу
Где ся тогда дѣти?

ДОБАВЛЕНІЕ.

ПѢСЬНИ,

собранныя въ Стрыйскомъ округѣ Иваномъ Гушалевичемъ.

I.

СЕМЕЙНЫЯ И ЖИТЕЙСКІЯ ПѢСЬНИ.

1.

Ой пôду жъ бо я, ой пôду жь бо я
Черезъ греблю до ставу,
Сама я не знаю, сама я не знаю,
Кому жъ я ся дôстану:

Цы тому дѣду, 2
Що съ сивою бородою,
Цы молодцеви, 2
Съ личкомъ, якъ съ калиною?

Въ дѣда борода, 2
Якъ у березѣ глина,
Мое личенько, 2
Якъ въ городци калина.

Въ дѣда борода, 2
Припѣчки замѣтати,
Мое личенько, 2
Хлопчикамъ цѣловати.

Русскіе горцы (Бойки) Стрыйскаго уѣзда села Вышняго Синеводска въ восточной Галичинѣ.

Ой пôду жъ бо я, 2
До матêнки въ гостину,
Та чей увиджу, 2
За Дунаемъ калину.

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину,
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
Въ колѣна вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брêсти, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути!

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
У поясъ вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брêсти, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути.

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
Подъ пахи вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брêсти, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути!

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
По шêю вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брêсти, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути!

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

А вже старому, 2
Чуприну вода знесла,
А дѣвчинонька, 2
Въ долоненьки плесла.

2.

Стоять кони на помостѣ, 2 *
Сбирается панна въ гостй,
Родиночки в'на не мала,
За брата си здогадала.
Сѣла на вôзъ, поѣхала,
Сêдитъ братчикъ, обѣдае,
Въ оконце си поглядае:
Словай, жêнко, хлѣбъ зô стола,

* Каждый стихъ повторяется два раза.

До мя ѣде сестра моя! —
Стôй, братчику, не ховайся!
Є у мене хлѣбъ на обѣдъ,
А печеня на вечеру. —
Ходить братчикъ изъ сестрою:
Чо жь ты, сестро, ревно плачешь?
Цы ты отъ мя взятку хочешь? —
Не хочу я отъ тя взятки,
Одна мати насъ родила,
Не вднако насъ надѣлила:
Ты пановавъ, та势 пануешь,
Я бѣдовала, та й бѣдую.
Бувай, братчику, вже здоровъ!
Я не буду нигды съ тобовъ.

3.

Стоятъ кони запряженû
Въ шоры золотыи:
Поѣдемъ мы доганяти
Лѣта молодыи.

Погонили мои лѣта
На золотôмъ мостѣ:
Вернѣтеся, мои лѣта,
Ще до мене въ гостѣ! —

Уже мы ся та не вернемъ,
Не маемъ мы чого;
Було доси шановати
Здоровячка свого. —

Вернѣтеся, мои лѣта,
Буду шановати; —
Теперь мы ой не вернемъ,
Мусишь бѣдовати.

4.

Ой по пôдъ гай зелененькій, 2 *
Брала вдова ленъ дрôбненькій.
Ой якъ брала, та й рыдала,
Къ сырôй земли припадала:
Земле моя сыровая!
Взяла 'сь у мя господаря,
Возьми й мене молодую,
Най на свѣтку не бѣдую! —
Єи сынокъ прислухався:
Позволь, мати, вдову взяти:
Буде вдова шановати. —
Волишь, сынку, розбивати,
Нижь ты маешь вдову брати:
У вдовоньки таке сердце,
Якъ зимное, каже, сонце:
Ой хоть грѣе, хоть не грѣе,
То все зимный вѣтрецъ вѣе.
Иди, сынку, на былоги,
А тамъ найдешь три дороги:
Вдовичина кервавая,
Материна золотая,
Дѣвочина меденая.
У дѣвочки таке сердце,
Якъ лѣтнее Боже сонце:
Ой хоть грѣе, хоть не грѣе,
Все тепленькій вѣтрецъ вѣе.

5.

Иди, нене, прôчь отъ мене,
Будутъ гости завтра въ мене,
Будутъ гости въ кармазинѣ,
А ты въ лихôй петечинѣ!
Пôшла ненька до доненьки,
Встрѣтила ей на дорозѣ:
Где ты, нене, идешь до мене,

---

* Каждый стихъ повторяется два раза.

Не набудешь, нене, въ мене,
Бо лихій мужь е у мене. —
Буду, доню, догоджати,
И дитину колысати.
За годину за маленьку
Доганяе сынокъ неньку:
Вернись, нене, та й до мене,
Бо вдаривъ громъ та й на мене,
Та й на мою худобоньку,
Та й на мою челядоньку,
Та й на жёнку молодую,
Та й дитинку, та й малую. —
Не громъ тото, мôй сыноньку,
А то мои то слёзоньки,
Та й изъ моей головоньки.

6.

Вандровало пахоля,
Изъ Кієва до двора,
Вандруючи пытало:
Где коршмонька новая,
Шинкаречка молодая?
Шинкаречко молода,
Давай пивця, та й вина! —
Якъ я тобѣ вина дамъ,
Коль на тобѣ злый жупанъ. —
Хоть на менѣ злый жупанъ,
Коли въ мене грошей збанъ. —
Коли въ тебе грошей збанъ,
Я за тебе дочку дамъ. —
А въ пôвночи змовляли,
На розсвѣтѣ слюбъ взяли:
Ой ти, мила, миленька,
Голубочко сивенька!
Скажи менѣ правдочку,
Котрого ты родочку? —
Ой я зъ роду попôвна,
По прôзвищи Скарбôвна.

Ты жъ бо милый, миленькій,
Голубочку сивенькій.
Скажи жъ менѣ правдочку,
Зъ котрого ты родочку? —
Я изъ роду поповичъ,
По прозвищу Скарбовичъ.
Бодай мати пропала,
Сестру зъ братомъ звѣнчала!
А ты, сестро, отъ ту будь,
А я иду въ Божу путь,
Та дзекана шукати,
Та грѣху ся збувати.

7.

Мати жъ моя, мати,
Цы рада ты тому,
Що мы прійшли двое
На подвôрье твое? —
Тобѣ 'мъ, сыну, рада,
Бо 'сь моя дитина,
Невѣстцѣ 'мъ не рада,
Бо 'мъ ей не родила.
Пôшла до пивницѣ,
Взяла двѣ скляницѣ,
Меду наточила,
Сама ся напила,
Невѣстка не пила,
Милому держала;
Милый якъ напився
За серденько взявся.
Она тогды взяла,
Ревно заплакала:
Не плачь, мила, не плачь,
Не ты мя строила,
Строила мя мати,
Що мя породила.

8.

Ой ковала зазуленька а въ гаю, а въ гаю,
Чомусь мое серденько а въ жалю;
Ой ковала зазуленька при плоту,
Чомусь моя головонька въ клопоту;
Ой ковала зазуленька на колу,
Та прїѣздитъ мôй миленькій на коню.
А я ему джарку вина, меду двѣ,
А вôнъ менѣ красну стонжку до землѝ. —
Помалу, мôй миленкій, говори,
Бо учуе нелюбонько зъ коморы!—
Съ кѣмъ ты, моя люба, говоришь?
Съ кухарками, нелюбоньку, съ кухарками,
Выправляю до Дуная съ коновками. —
На що жъ тобѣ, моя люба, водицѝ,
Єсть у тебѣ медъ-вино въ скляницѣ;
Єсть у тебе медъ-вино, напійся,
Єсть у тебе садъ-виноградъ — пройдися.
А все тото, нелюбоньку, нѝ за що,
Коли съ тобовъ мешканенько нѝ за що. —
Цы будешь, моя люба, любити,
Якъ ся буде бѣле тѣло лупити?—
Ой не буду, нелюбоньку, не буду,
Якъ ты выйдешь за ворота, забуду.

9.

Ой въ лузѣ калина
Весь лѣсъ прикрасила:
Породила мати сына,
Сына мулярина.
Скоро его породила,
Стала научати:
Будешь, сынку, въ дорозѣ,
Не забудь о Бозѣ!
Поки муляръ не пивъ,
Поти Бога хваливъ;
Якъ ся начавъ напивати,

Взявъ о Бозѣ забувати. —
Мати жъ моя, мати,
Съ чорными очима,
Доглянь моѣй худобицѣ,
Поки зможе сила!
Ой най мене не ховають
Нѝ попы, нѝ дяки,
А най мене поховають
Донцѝ та й Козаки.
Бо попы та й дяки
На худобѣ бьются,
А Дончики та Козаки
Горѣлки напьются.

10.

Ой ѣхавъ Козакъ, ой ѣхавъ молодъ,
Зъ Пôдгôрья на Подôльє,
Повернувъ конемъ, повернувъ сивымъ,
Къ дѣвчинѣ на Пôдвôрьє:
Здорова була, дѣвчино люба,
Та й здоровенька спала,
Отпусти жъ менѣ першѝ залёты,
Будь на мене ласкава!
Ой отпустила, ой отпустила,
Жалосно заплакала:
Ой гой же, гой же, мôй милый Боже,
То 'мь тя вѣрне кохала!
Ой зôйди, зôйди, ясенъ мѣсяцъ,
Якъ млынноє коло.
Выйди дѣвонько, выйти серденько,
Промовъ до мене слово. —
Ой якъ къ тобѣ йти, ой якъ къ тобѣ йти,
Съ тобою говорити,
Коль лежитъ нелюбъ на правой руцѣ,
Бою го ся будити? —
Дѣвчино люба, дѣвчино люба,
Отсунься вôтъ нелюба,

Забью нелюба изъ туга лука,
Якъ дикого голуба. —
На що го бити, на що го бити,
Здоровья збавляти,
Коника давши, та й осѣдлавши,
Та най иде служити!

11.

Ой мала вдова чомъ три доненьки:
Одная була бѣла, румяна,
Бѣла, румяна за Ормянина;
А друга була тонка, высока:
Тонка, высока за мѣщанина.
А третя була чорна, горбата,
Чорна, горбата за Крôлевича.
Ой зъѣхалися панове зятёве,
Та й узялися изъ Крôля кпити:
Ой чи не мавъ ты въ чёмъ выберати?
Ой чи не мавъ ты тонкихъ, высокихъ?
Ой чи не мавъ ты бѣлыхъ румяныхъ?
Та ты взявъ собѣ чорну, горбату? —
Редька бѣленька, але гôренька,
Мачокъ чорненькій, а солоденькій.

12.

Пôшли два братья на поле косити,
Заставили дѣвку Анну снѣданье носити:
Ой надъѣхали два Козаченьки,
Та дали дѣвцѣ коня держати,
А сами злѣзли, обѣдецъ зъѣли.
Пôшли два братя на поле косити,
Заставили дѣвку Анну обѣдецъ носити:
Ой надъѣхали два Козаченьки,
Та дали дѣвцѣ коня держати,
А сами злѣзли обѣдецъ зъѣли.
Пôшли два братья на поле косити,

Заставили дѣвку Анну полуденокъ носити:
Ой надъѣхали два Козаченьки,
Та дали дѣвцѣ коня держати,
А сами злѣзли полуднокъ зъѣли.
А она взрѣвши, що то не жарты,
Пустила коня въ чистое поле,
Сама скочила въ глубоке море;
Она скакала, наказовала,
Щобь съ калиноньки цвѣтокъ не рвати,
Абы при горѣ тернокъ не щебати,
Абы на полѣ росу не щебати;
Бо калиночка — Аннино личко,
При горѣ тернокъ — Аннины очка,
На полѣ роса — Аннина коса.

13.

Пôдъ дубиною пôдъ зеленою,
Сидѣвъ голубъ съ голубиною,
Цѣловалися, обôймалися,
Правенькимъ крыльцемъ накрывалися.
Ой выйшовъ Козакъ зъ нового двора,
Та й стрѣливъ згруба, убивъ голуба,
Голубка бѣдна взяла тужити:
Бѣдна головко, не ма съ кѣмъ жити!
Ой пôшовъ Козакъ за чорну гору
Нагнавъ голубôвъ повну обору,
Нагнавъ голубôвъ двадцять чотыри:
Выбêрай собѣ, котрый ти милый!—
Мôй бувъ миленькій, чорнокрыленькій,
Личко румяне, самъ молоденькій.

14.

Ходить Сербинъ по зарѣнку,
За нимъ, за нимъ дѣвча въ вѣнку:
Ай Сербине, Сербиночку,
Возьми жъ мене во вѣночку!—

Взявъ бы я тебе, небого,
Якъ счаруєшь брата свого. —
Якъ же бы го счаровати,
Якй бъ ему чары дати? —
Злови щучку на лопушку,
Вари ему чорну юшку!
Братъ до нее прїездж‌ае
Она пивомъ го витае:
Ой, на, брате, та пій пиво,
Ще 'сь го не пивъ, яко живо!
А братъ пива та напився,
Изъ коника похилився.
Бери, сестро, въ бѣле ложе:
Бѣле ложе не поможе,
Гôрше сердце рознеможе.
Ходитъ Сербинъ по зарѣнку
За нимъ, за нимъ дѣвча въ вѣнку:
Ой Сербине, Сербиночку,
Возьми жъ мене во вѣночку!
Взявъ бы я тебе, небого,
Счаровала 'сь брата свого,
Счаруєшь й мя молодого. —
Теперь же я сиротина,
Ни братчика, ни Сербина,
Теперь же я небoрачка,
Пôшла бы я за жебрачка:
Жебракъ буде муки просить,
А я буду торбы носить.

15.

Ой заграй ми на скрипочки та на цымбалочки,
Та най любцѣ поскладаю красні спѣваночки!
Ой спѣвавъ бы 'мъ до скрипочки, еще буду до дудки,
Єще буду пробовати гйльтайски пробудки.
Ай гйльтаю, прійди зъ свѣта, та погадай собѣ,
Кого 'сь любивъ та покинувъ, та цы не жаль тобѣ? —
Ой я любивъ Катерину, черезъ лѣто, зиму,

Заставили дѣвку Анну полуденокъ носити:
Ой надъѣхали два Козаченьки,
Та дали дѣвцѣ коня держати,
А сами злѣзли полуднокъ зъѣли.
А она взрѣвши, що то не жарты,
Пустила коня въ чистое поле,
Сама скочила въ глубоке море;
Она скакала, наказовала,
Щобъ съ калиноньки цвѣтокъ не рвати,
Абы при горѣ тернокъ не щебати,
Абы на полѣ росу не щебати;
Бо калиночка — Аннино личко,
При горѣ тернокъ — Аннины очка,
На полѣ роса — Аннина коса.

13.

Пôдъ дубиною пôдъ зеленою,
Сидѣвъ голубъ съ голубиною,
Цѣловалися, обôймалися,
Правенькимъ крыльцемъ накрывалися.
Ой выйшовъ Козакъ зъ нового двора,
Та й стрѣливъ згруба, убивъ голуба,
Голубка бѣдна взяла тужити:
Бѣдна головко, не ма съ кѣмъ жити!
Ой пôшовъ Козакъ за чорну гору
Нагнавъ голубôвъ повну обору,
Нагнавъ голубôвъ двадцять чотыри:
Выбêрай собѣ, котрый ти милый!—
Мôй бувъ миленькій, чорнокрыленькій,
Личко румяне, самъ молоденькій.

14.

Ходитъ Сербинъ по зарѣнку,
За нимъ, за нимъ дѣвча въ вѣнку:
Ай Сербине, Сербиночку,
Возьми жъ мене во вѣночку! —

Взявъ бы я тебе, небого,
Якъ счаруєшь брата свого. —
Якъ же бы го счаровати,
Якй бъ єму чары дати? —
Злови щучку на лопушку,
Вари єму чорну юшку!
Братъ до неє прїѣзджаѣ
Она пивомъ го витаѣ:
Ой, на, брате, та пiй пиво,
Ще 'сь го не пивъ, яко живо!
А братъ пива та напився,
Изъ коника похилився.
Бери, сестро, въ бѣле ложе:
Бѣле ложе не поможе,
Гôрше сердце рознеможе.
Ходитъ Сербинъ по зарѣнку
За нимъ, за нимъ дѣвча въ вѣнку:
Ой Сербине, Сербиночку,
Возьми жъ мене во вѣночку!
Взявъ бы я тебе, небого,
Счаровала 'сь брата свого,
Счаруєшь й мя молодого. —
Теперь же я сиротина,
Ни братчика, ни Сербина,
Теперь же я неборачка,
Пôшла бы я за жебрачка:
Жебракъ буде муки просить,
А я буду торбы носить.

15.

Ой заграй ми на скрипочки та на цымбалочки,
Та най любцѣ поскладаю краснѝ спѣваночки!
Ой спѣвавъ бы 'мъ до скрипочки, еще буду до дудки,
Єще буду пробовати гильтайски пробудки.
Ай гильтаю, прїйди зъ свѣта, та погадай собѣ,
Кого 'сь любивъ та покинувъ, та цы не жаль тобѣ? —
Ой я любивъ Катерину, черезъ лѣто, зиму,

Прійшла весна, хлѣба нема, лишивъ Катерину.
Катерину мати била, бо е̂й догорила:
Черезъ моє подворечко по воду ходила. —
Не бій, мати, Катерину, бій собѣ молодицу,
Я бо єи щире люблю, заручити хочу.
Я заручивъ Катерину, та пôшовъ до Риму:
Рости, рости, Катерино, та на другу зиму!

16.

Сынку Васильку, жалости мои!
Ой цы ходивъ ты до вдовы на вечерниций?
Ходивъ я, ненько, щире серденько,
До тои чаровниций.

Сынку Васильку, жалости мои!
Що тобѣ она варила? —
Варила, ненько, щире серденько,
Рыбочку зъ лабочками.

Сынку Васильку, жалости мои,
Де єи она пôймала? —
Пôймала, ненько, щире серденько,
Въ городѣ на лободѣ.

Сынку Васильку, щире серденько,
Де еи она вправляла? —
Вправляла, ненько, щире серденько,
Ожогомъ пôдъ порогомъ.

Сынку Васильку, жалости мои,
Цы вдова єи ѣла? —
Не ѣла, ненько, щире серденько,
Головка ей болѣла.

Сынку Васильку, жалости мои,
Цы ѣли еи дѣти? —
Не ѣли, ненько, щире серденько;
Бо спатоньки хотѣли.

17.

Ой мала вдова одного сына,
На войну го выправляла.
Ой нема рочокъ, где мôй сыночокъ?
Ой нема другій, где мôй сынъ любый?
Ажъ на третій пріѣжджае,
Невѣсту си приводжае.
Пивомъ мати го витае,
Невѣстцѣ чары зряджае.
Сынъ пива не пивъ,
Пôдъ коника розливъ:
Що моêй женѣ, най буде менѣ
Тыхъ чарôвъ по половинѣ!
Ой знала 'сь, мати, якъ чаровати,
Знай же, мати, та й поховати.
Ой поховала сынка пôдъ вôконц ,
А невѣстоньку пôдъ ворôтцями.
На сынѣ вырôсъ яворъ зеленый,
А на невѣстцѣ двѣ березочки,
Ой безъ гôлячка, безъ корêнячка,
А наша ненька безъ сумлѣнечка.

18.

Иди, сынку, прôчь отъ мене,
Най не маю грѣхъ на тебе,
За пятничне спѣваненько,
За субôтне вмываненько,
За недѣльне снѣданенько!
Пôшовъ сынокъ до сестроньки,
Та найстарша коня дала,
Середуща осѣдлала,
Наймолодша выправляла:
Коли, брате, гостемъ будешъ? —
Тогды, сестро, гостемъ буду,
Та якъ камень корêнь пустить,

Та якъ верба ябко вродить.
Терпѣла рôкъ, терпѣла два,
А третого не стерпѣла:
Пôшла мати въ лѣсъ шукати,
Стала собѣ пôдъ яворець,
Та й узяла листье рвати,
А яворъ взявъ промовляти:
Не рви, ненько, та листенько,
Бо то мое волосенько!
Куди 'сь мати подивила, —
Всѣ вершечки увялила;
Куди мати, каже, пôшла, —
То кровава рѣчка бѣгла.

19.

Выйшла вдовонька за воротенька
Бѣлыми нôженьками,
Подивилася въ чистее поле,
Чорными оченьками.

Надъѣздить туда панъ Воевода
Съ своими служеньками:
Стôйте, вôзнички, стягнѣть конички!
Вдова ми ся сподобала.

Небого вдово, рекъ бы я слово:
Цы много воловъ маешь? —
Сѣмьдесять волôвъ, щобы 'сь не болѣвъ,
Мôй пане Воэводо! —

Выйшла вдовонька за воротенька
Бѣлыми нôженьками.
Подивилася въ чистее поле
Чорными оченьками.

Надъѣздить туды панъ Воевода
Съ своими служеньками:
Стôйте, вôзнички, стягнѣть конички!
Вдова ми ся сподобала:

Небого вдово, рекъ бы 'мъ ти слово:
Цы много коровъ маешь? —
Семьдесять коровъ, щобы 'сь ми здоровъ,
Мôй пане Воеводо! —

Выйшла вдовонька за воротенька
Бѣлыми нôженьками,
Подивилася въ чистее поле
Чорными оченьками.

Надъѣздить туды панъ Воевода
Съ своими служеньками:
Стôйте, вôзнички, стягнѣть конички!
Вдова ми ся сподобала.

Небого вдово, рекъ бы 'мъ ти слово:
Цы много дѣтей маешь? —
Въ каждôй кутинѣ все по дитинѣ,
Трое въ ячмени, четверо въ вôвсѣ. —

Заставляю сѣти на твои дѣти
При зеленôй дубровѣ. —
Якъ твоихъ сѣтей незнакомито
При зеленôй дубровѣ,

Такъ моихъ дѣтей незнакомито
При молодôй вдовѣ.

20.

Ой бувъ батько Андріенько,
Та мавъ дочку Маріеньку
Продавъ еи Цѣсареви
За сто тысячь миліоны.

Що то, татко, за дымове?
Цы волари огни кладуть,
Цы вôвчари вôвцѣ женуть? —
Поганый Царь съ веселенькомъ
Та до тебе, Маріенько,

Ой ты, татку, Андріеньку,
Де ся менѣ исховати? —
Иди, сынку, въ Чорну Гору,
Тамъ мулярѣ муръ мурують
Они тебе замурують.

Ой ты, татку, Андріеньку
Наймѣть собѣ служниченьку,
Поставьте ей въ тисый стôвъ,
Та най шіе, хоть не вмѣе,
Най пацуе, хоть не знае.

Ой ты, батьку, Андріеньку,
Выведи намъ Маріеньку!
Выйшла, выйшла служниченька,
Вклонилася изъ низенька. —
Не Марысень то ходонько,
Не Марысень голосонько,
Лишь Марысинъ рутянъ вѣнокъ.

Ой ты, батьку, Андріеньку,
Ты то любивъ сумку брати,
Люби жь за насъ дочку дати. —
Идѣть же вы въ Чорну Гору,
Тамъ мулярѣ муръ мурують,
Та они ѣй вôтмурують.

21.

Ой не лѣтай, коростелю, по пôдъ чорную стелю,
Не пороши, коростелю, на бѣлу постелю!
Ой не лѣтай, коростелю, въ ночи по саду,
Бы 'сь не зробивъ, коростелю, на дѣвчину здраду!
Ой не лѣтай, коростелю, въ ночи по убочи,
Бы 'сь не выбравъ, коростелю, на тернину очи!
Ой бо тото, коростелю, пригода бувае,
Кто по ночи лѣтае, очи выбирае.

22.

Ой ты поѣхавъ, а мене 'сь лишивъ,
А я бѣдненька плачу,
Сплакала 'мъ очи и въ день и въ ночи,
Що свѣтонька на бачу.

Кобы такъ тобѣ, якъ теперь менѣ,
Та якъ менѣ небозѣ,
Ты бы 'сь полишивъ сивенькѝ волы
На гладенькôй дорозѣ.

Кобы такъ тобѣ, якъ теперь менѣ
На свѣтѣ пробувати,
Кобы 'сь такъ не мôгъ, якъ я не могу
Жадну нôченьчу спати.

Жадна пташечка безъ товариша
Не пребувае въ лѣсѣ,
А ты то пôшовъ, а мене 'сь лишивъ,
Якъ ластовоньку въ стрѣсѣ.

23.

Ой я ходжу, сыкочу,
Та спатоньки я хочу:
Приклоню я головоньку
На свекрову постѣленьку,
Чей же я засну!
А свекоръ ходить,
Все мене гудить:
Ой невѣсто нечайная,
До роботы недбайная,
Довго на день спишь! —

Ой я ходжу, сыкочу,
Та спатоньки я хочу:
Приклоню я головоньку
На свекрушину постѣленьку,
Чей же я засну!

Свекруха ходить,
Все мене гудить:
Ой невѣсто нечайная,
До роботы недбайная,
Довго на день спишь!

Ой я ходжу, сыкочу,
Та спатоньки я хочу:
Приклоню я головоньку
На милого постѣленьку,
Чей же я засну!
Миленькій ходить,
И съ тиха говорить:
Ой спи жъ бо ты, миленькая,
Пôшла 'сь за мужъ молоденькая,
Тажь ся не выспала.

24.

Моя мати старенькая съ чорными очима!
Проклала 'сь ми счастье, долю, ще 'мъ була дѣвчина. —
Ой я тобѣ, моя доню, въ доленьку не кляла,
Лише 'мъ тобѣ разъ казала: долѣ бы 'сь не мала! —
На що жь менѣ, моя мамко, гôршои неволи! —
Таковъ бувши молоденьковъ, та не мати долѣ.

25.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Ой повѣшу колысочку у поли, у поли,
Будуть дитя колысати соколы, соколы.
Я повѣшу колысочку та на ожиночку,
Буде вѣтрець колысати малу дѣтиночку.
Прилетѣла зазуленька, сѣла на калину,
Крылоньками сфыркотѣла, збудила дѣтину.
Бодай зъ тебе, зазуленько, сиве пêрье впало,
Збудила 'сь ми дѣтиноньку, ще бы було спало! —

II.

БЫТОВЫЯ КОЗАЦКІЯ.

26.

Ходить, блудить Козакъ по лѣщинѣ,
Козакъ по лѣщинѣ,
Выблудився на край идъ дѣвчинѣ,
На край идъ дѣвчицѣ.
Гей, дѣвчино, переночуй мене,
Переночуй мене!
Мôй ти коникъ стайню не застоить,
Стайню не застоить,

Ясна збруя кôлка не поломить,
Кôлка не поломить.
Я самъ молодъ лôжко не заляжу,
Лôжко не заляжу.

Гей, дѣвчино, збуди мя раненько,
Збуди мя раненько,
Такъ раненько, абы невидненько,
Абы не видненько,

Абы куры по селу не пѣли,
По селу не пѣли,
Та й лебедѣ на ставъ не летѣли,
На ставъ не летѣли!

Гей, дѣвчино, збуди мя раненько,
Збуди мя раненько! —
Дѣвчина заснула, збудити забула,
Збудити забула.

Ой спить Козакъ, ой спить молоденькій,
Ой спить молоденькій,
Прохопився — вже денёкъ бѣленькій,
Вже денёкъ бѣленькій.

Гей, дѣвчино, ты здрадннце моя,
Ты здрадннце моя!
Утративъ я коня вороного,
Коня вороного. —

Ище втратишь и ясню зброю,
И ясную зброю,
Якъ переспишь другу нôчь зо мною,
Другу нôчь зо мною.

27.

Ой кôнь бѣжить, трава шумить,
Ой тамъ Козакъ убитъ лежить:
Надъ нимъ коникъ задумався,
По колѣна въ землю впхався. —
Не стôй, коню, надо мною!
Я вже виджу щирôсть твою;
Иди, коню, дубровою,
Битымъ шляхомъ, дорогою,
Та не дайся въ руки взяти,
Якъ тя будутъ Турки ймати.
Тупни, коню, копытами
Въ неньки передъ воротами,
Выйде къ тобѣ стара жена,
Ай то ненька сама моя.
Буде в'на тя ся пытати,
Де ты мого сына подѣвъ?
Цы ты мого сына втопивъ,
Цы ты мого сына згубивъ? —
Ни я твого сына втопивъ,
Ни я твого сына згубивъ:
Твôй ся сынъ вже бай оженивъ,
А съ зеленовъ муравоньковъ,
А съ молодовъ паньеночковъ.
Возьми, неню, пѣску въ жменю,
Посѣй собѣ по каменю:
На коли той пѣсокъ зôйде,
Тогды твой сынъ къ тобѣ пріиде.

28.

Надъѣхавъ Козакъ зъ вишневого саду,
Подыбавъ дѣвчину хорошого стану,
Крикнувъ на дѣвчину:
«Давай перевоза!
Я маю прикру карту,
Ѣду до обоза.» —
Выйшла дѣвчина, заплакала очи:
«Переночуй, Козаченьку, темненькои ночи:
Бо нôчка темненька,
Дорога слизенька,
Ночуй, ночуй, Козаченьку,
Хатина тепленька!»

29.

Ой пье Козакъ, пье,
Вôнъ въ дорогу йде,
За нимъ, за нимъ, стара ненька
Слезоньками лье:

«Ой, сынку мôй,
Дитинко моя,
Не пій, не пій горѣлоньки
Въ недѣлю зъ рана!

Ай бо та горѣлка
Вельми здрадлива,
Ой здрадила Козаченька
Зъ доброго міра? —

«Ой гукъ, мати, гукъ:
Тамъ Козаки йдутъ,
Весела уличенька
«Та куды они йдутъ.»

30.

Ой стояла Марыся на рынку,
Та звязала китайковъ головку.
Ой пріѣздить Козаченько зъ полку,
Та розвязавъ Марыси головку.
«Ой Марысе, цы любишь ты мене,
Цы любишь мене, цы пôдешь за мене?» —
Она ему каже: «Кто жъ менѣ тройзêля дôстане,
Той зо мною до слюбоньку стане.» —
«Ой е въ мене три конѝ на стайни:
Одинъ коникъ якъ воронъ чорненькій,
Другій коникъ якъ голубъ сивенькій,
Третій коникъ якъ лебедь бѣленькій.
Ой тымъ чорнымъ до моря доѣду,
А тымъ сивымъ море переѣду,
А тымъ бѣлымъ до зêля доѣду.»
Начавъ Козакъ тройзêлье копати,
Яла надъ нимъ зазуля ковати:
«Ой не копай, Козаче, тройзêлья,
Не застанешь въ Марысѣ весêлья.
Ой пріѣздить Козакъ и съ тройзêльемъ,
Та застае въ Мырысѝ весêлье.
Правовъ ручковъ Марысю пращае,
Лѣвовъ ручковъ саблю вынимае.
Якъ у поли макôвка бренѣла,
Такъ Марысѣ головка злетѣла;
Якъ у поли макôвка зацвѣла,
Такъ Марысина головка злетѣла.

31.

Выправляла мати сына на вôйну раненько,
Сама сѣла пôдъ оконце, плаче жалôбненько.
Выправляла его мати, та всяка родинка,
Єще, еще до того завѣнчаная дружинка:
«Ѣдь же ты, сыночку, та на вôйночку, та тамъ не обавляйся,

Ой за двѣ, за три чомъ недѣленьки та до домоньку вертайся!» —
«Ой Богъ же знае, ой Богъ вѣдае, та коли я вернуся,
Ой чомусь бо мôй та воронъ коникъ та на воротахъ цофнувся.» —
Всѣ Козаченьки по вечеренцѣ пôшли до коршмы гуляти,
А тотъ Козачокъ, вражій сыночокъ, вклався въ шевчика спати;
Взявъ шевчичокъ того Козачка по пôдъ бѣлыи боки,
Ой кинувъ шевчикъ того Козачка та на Дунай глубокій.
Ой погинувъ есь, ой погинувъ есь, мôй козаченьку, лишь ти шапочка плавле,
Ходить его рôдна мати по березѣ, бѣлы рученьки ламле.

III.

БЫТОВЫЯ САЛДАТСКІЯ.

32.

Кобы не морозъ, кобы не морозъ,
Та не зимная роса,
Та побѣгла бъ я, та побѣгла бъ я,
До Тернополя боса.

А въ Тернополѣ, а въ Тернополѣ,
Два мѣсяченьки ясны:
Ой вандрували, ой вандрували,
Два жовняреньки красны.

Ой вандрували, ой вандрували,
Съ тихонька говорили:
«Кобы намъ дѣвча, кобы намъ дѣвча,
Мы бы го пôдмовили.»

Выйшла дѣвчина, выйшла дѣвчина,
До керниченьки по воду,
Они глянули, та пôдмовили
Дѣвчиноньку, якъ ягоду.

«Ой я бы зъ вами, ой я бы зъ вами,
Молода вандрувала,

Ой кобы я ся, ой кобы я ся,
Лишь здрады не бояла.» —

«Мы не здрадили, мы не здрадили
Єще въ свѣтѣ никого,
Та не здрадимо, та не здрадимо,
Тебе, дѣвчино небого.»

Єще жъ не дôйшли, еще жъ не дôйшли,
До вишневого саду,
Уже зробили, уже зробили,
На дѣвчиноньку здраду.

«Ой бо жъ ты знала, ой бо жъ ты знала,
Що то ни отець, ни мати,
Було бо собѣ, було бо собѣ,
Два рубоньки взяти:

Одинъ рубонько, одинъ рубонько,
Голову завивати,
Другій рубонько, другій рубонько,
Дѣтятко повивати.»

33.

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ,
Сидить жовнярь у неволи,
Сидить, сидить, тяжко здыше,
Тай до тата листье пише:
«Най мя иде выкупити,
Най ми не дасть тутки жити.» —
«Що бы за тя, сынку, дати,
Изъ неволи выкупати?» —
Вôсѣмь волôвъ и съ плугами,
Погонича съ батогами. —
«Ой много бы, сынку, дати,
Не буду тя выкупати.» —

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ, и проч.
До матѣнки листье пише:
«Най мя иде выкупити,
Най ми не дасть тутки жити.» —
«Що бы за тя, сынку, дати,
Зъ неволеньки выкупати?» —
«Двадцять коровъ изъ теляти.» —
«Ой много бы, сынку, дати,
Не буду тя выкупати.»

Широкій листъ на дубинѣ,
Аще ширшій на яворѣ, и проч.
Та до брата листье пише, и проч.
«Двадцять коней изъ лошаты.» —
«Ой много бы, брате, дати,
Не буду тя выкупати.»

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ, и пр.
До сестрицѣ листье пише, и пр.
«Двадцять овець и зъ ягняты.» —
«Ой много бы, брате, дати,
Не буду тя выкупати.»

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ,
Сидитъ милый у неволѣ,
Сидить, сидить, тяжко здыше,
До милои листье пише:
«Най мя иде выкупити,
Най ми не дасть тутки жити.» —
«Шобы за тя, милый, дати,
Зъ неволеньки выкупати?» —
«Сто червоныхъ раховати;»
«Не много бы, милый, дати,
Буду, милый, выкупати.»

IV.

БЫТОВЫЯ РАЗБОЙНИЦКІЯ.

34.

Ой пôдъ мостомъ рыба съ фостомъ хитаеся хитро:
Ой утêкавъ зъ Станислава Марысюкъ отъ Дмитра;
Ай утêкавъ, ай утêкавъ, здыбали го люде,
Цы правая дорожчина на Путылье буде,
На Путылье, на Путылье, ажъ до Путылова,
Знаю жъ бо я дороженки ажъ до Дубйрова.
Ты Дубйрко, ты Дубйрко, та цы спишь, цы чуешь?
Пусти жъ мене до свѣтлоньки, не сама ночуешь.» —
«Я жъ тебе, Марысюку, въ хату не пускаю,
Якои ти зброи треба, оконцемъ подаю.» —
«Дай же менѣ пистолеты, та й нову рушницю,
Я ще знаю дороженьки ажъ на Молдавицю.» —
Нихто тото такъ не знае, та якъ его мати,
Она выйшла на Путывлье, зачала казати:
«Путылôвцй, небожата, збирайте громаду,
Зъ сего боку та на той бôкъ дайте одну раду!»
Ой зôйшлися Путылôвци на поле на Ивана,
Та дивлятся на быстру рѣчку, якй жъ тамъ туманы,
Ой дивлятся въ быстру рѣчку, а въ тоту Панôвку,
А Марысюкъ, добрый хлопець; бо выпивъ горѣвку:
А Марысюкъ, добрый хлопець, добре го злапали,
По пôдъ коня вороного нôжки уковали,
Та до пана Капетана листокъ написали.
Ой та сидитъ панъ Капетанъ, та читае зъ листа:
«А на що вы, Путылôвци, ловили опришка?» —
«Мы бы его не ловили, мы бы го не били,
А вôнъ ходить по пôдъ хаты съ желѣзными вилы.» —
Єще ему не минуло чотыре недѣли,
Въ Марусюка поза чересъ сорокôвцй бѣлы,
Сорокôвцй бѣлы, бѣлы, бѣлѣйши вôтъ леду:
Вôнъ купуе молодицямъ горѣвки и меду.

35.

Мала вдова девять сынôвъ,
А всѣхъ девять въ розбôй пôшло,
Коморочки розбивати
Чужу кровцю проливати.
Чужа кровця не водиця,
Розливати не годится.
Мала жъ она одну дочку.
Одну дочку та Анночку
За Адама ѐи дала.
Не мôгъ зъ нею нигде быти.
Мусѣвъ зъ нею въ лѣсы пôти,
Та надôйшли розбôйники,
Та надôйшли розбôйники,
Адамика та убили,
Адамчатко на кôлъ вбили,
Адамиху зъ собой взяли,
Та изъ нею блудъ створили.
Взяли они спочивати,
Наймолодшій взявъ пытати:
«Скажи менѣ та правдоньку,
Которого ты родоньку?» —
Она взяла повѣдати:
«Мала вдова девять сынôвъ,
А десяту дочку Анну,
А всѣ девять въ розбôй пôшли,
Дочку дала за Адама.» —
«Встаньте, братья, не лежѣте!
Що 'сьте братья ей зробили,
Та Адама зятя вбили,
Адамчатко на коль вбили,
Зъ роднов сестровъ блудъ створили!
Ѣдьте 'сь, братя, сповѣдайте,
Та грѣху ся избувайте!»

V.

ВЫЛЕВЫЯ КОЗАЦКІЯ.

36.

Ой поѣхавъ панъ Савонька въ Неровы на обѣды,
Ой не знаѥ панъ Савонька о своей тяжкôй бѣдѣ.
Ой пріѣздитъ панъ Савонька до своѥго дому,
Пытаѥся челядоньки, цы все гараздъ въ дому?
Ой то гараздъ, пане Саво, ще лѣпше зъ тобою,
Изъ далека гостѝ маѥшь, чѣмъ ихъ привитаѥшъ? —
«Витавъ бымъ ихъ виномъ, пивомъ, та не схотятъ пити,
Ой бо они пріѣхали мое житье взяти.
Иди, хлопче, до пивницѝ, внеси ми горѣвки,
Най ся напью за живота до своеи жѣнки.
Иди, хлопче, до пивницѝ, внеси менѣ вина,
Най ся напью за живота до своѥго сына.» —
Ой пустився панъ Савонька до ясного меча:
Взяли ѥго на три спысы зъ пôдъ лѣвого плеча.
Ой пустився панъ Савонька до тугого лука:
«Теперь, моя жено, съ тобою розлука.»
Ой пустився панъ Савонька до ясноя зброи: —
Взяли его на три списы и пôднесли дъ горѣ.
«Ай де твои, пане Саво, кованыи возы?» —
«У мѣстечку Берестечку заточены въ лозы.» —
«Ай де твои, пане Саво, вороныи кони? —
«А въ мѣстечку Берестечку стоять на припонѣ.» —
«А де жъ твоя, пане Саво, молодая жѣнка?» —
«А въ мѣстечку Бересточку сидить яко квѣтка.»

37.

Долôвъ, долôвъ, долинами,
Ѣдутъ Турки съ Татарами,
Везуть собѣ вôзъ покрытый,
А въ тôмъ возѣ хлопъ убитый,
За тѣмъ возомъ кôнь Турецкій,

А на кони хлопець Царскій:
Въ правôй руцѣ палашъ держить,
А зъ палаша кровця цюрить.
Зъ тои кровци̂ рѣчка бѣжитъ,
Надъ рѣчкою явôръ росте,
За Мигалемъ мати плаче:
«Чи дуже ты порубаный?» —
«Головонька на четверо,
Бѣлы ручки на три штучки,
Бѣле тѣло, якъ макъ дрôбно.
Шукай, мамо, лѣкарочки,
Зеленои муравочки,
Клади, мамко, свѣтличеньку,
Безъ оконецъ та безъ дверецъ,
Щобы въ дверци̂ не ходити,
Въ вôконци̂ ся не дивити;
Куды впала головонька,
Тамъ выросла могилонька;
Куды впалы бѣлы руки,
Туды бѣгли быстри̂ рѣки.
Куды впало бѣло тѣло,
Тамъ выросло отъ чомъ кôйло:
Куды впали бѣлы ноги,
Тамъ выросли два явора.

38.

Ой у мѣстѣ Богославѣ дѣвки танокъ ходять,
Молоденька Боднарôвна усѣмъ передъ водить
Надôйшовъ панъ Канёвскій по при тоты танци̂,
Та приступивъ Боднарôвну за бѣленьки̂ пальци̂.
Молоденька Боднарôвна на то не вважала,
Та на пана Канёвского губы отдувала:
«А якій ты, панъ Канёвскій, така Боднарôвна,
Не приступай за пальчики, бо 'мъ не твоя рôвня.
Ой то пôшовъ панъ Канёвскій та въ каляты грати,
А вôнъ пôшовъ до пивници̂ шабли добувати.
Ай бо таки люди були, що чули по тихо:

«Втêкай, втêкай, Боднарôвно; бо ти буде лихо!»
Утêкала Боднарôвна трома покоями,
За ней Ляхи-Гайдамахи съ бѣлыми шаблями.
Догонивъ ю першій жовнярь, имивъ ю за косы:
«Ой погоди, Боднарôвно; бо 'съ гуляла доси.»
Ой надôйшовъ другій жовнярь, и взявъ ю до себе:
«Молоденька Боднарôвно, ой тожъ ми жаль тебе.»
А надôйшовъ панъ Канёвскій, сѣвъ си коло стола,
Якъ ударивъ, такъ уцѣливъ по пôдъ чорні брова.
Не жаловавъ панъ Канёвскій сто червоныхъ дати,
Молоденькôй Боднарôвнѣ трумну малёвати.
Молоденьку Боднарôвну уже поховали,
А вже пана Канёвского водовъ одливали.

39.

Прилетѣли сивы пташки зъ Тужилова села:
Чого-сь наша шинкаречка сумна, невесела.
Ой знаю я, товаришу, чого в'на сумуе,
Она свому шинкареви смерть сама готуе.
Пôшовъ шинкарь молоденькій на другій шинкъ пити,
А шинкарка молоденька топорець острити;
Она жъ его выострила, та й го заховала,
Аще свому шинкареви правду не сказала.
Прійшовъ шинкарь а изъ шинку, сѣвъ си коло стола:
«Давай, мила, ѣсти, пити, бодай ты здорова!»
Дала она ѣсти, пити, взяла ся сварити:
«Утêкайте, люде добры, ту хотять ся бити!
Утêкайте, люде добры, до другои хаты,
Чей ся шинкарь съ шинкаркою укладае спати!»
Ой лягъ шинкарь у постели, шинкарка въ запêчку,
А якъ шинкарь добре уснувъ, она зажгла свѣчку.
А та свѣчка восковая та дуже палала,
А шинкарка молоденька середъ хаты стала.
Стала она середъ хаты, зачала думати:
«Прости менѣ, милый Боже, мужа порубати!»
Якъ же его порубала, та й ся налякала,
У дверенька не трафяла, оконцемъ втêкала.

Отожъ пôшла до матеньки: «Пускайте до хаты:
Прійшли Ляхи-Гайдамахи мужа порубати.»
Ой бо еи матйнонька нелѣнива була,
Найшла синю катанину, та й ся загорнула,
И вылѣзла на звôнницю, взяла на гвалтъ бити,
А взяла ся Тужилôвска громада сходити;
А взяли ся исходити, а взяли судити:
«Хотять тебе, мила донько, ажъ до Стрыя взйти».
Она выйшла за ворота, хусточковъ майнула:
«Ой тôлько я, люде добры, въ Тужиловѣ була».
Шинкареви молодому а въ звононьки лають,
А шинкарцѣ молоденькôй кôстки розтягають.

VI.

коляды и обрядныя.

40.

господареви.

Цы дома, домэ, можный паноньку,
Дай ёму, ёму,
Боже счастье, здоровье а въ дому!
Ай мы видимъ, що е вôнь дома;
Дай ёму, ёму, и проч.
Сидитъ вôнъ собѣ по конецъ стола,
Дай ёму, ёму и т. д.
Собѣ въ оконце вôнь поглядае,
Въ чистое поле все поглядае,
Зострѣтивъ собѣ дивное звѣрье,
Кликнувъ, покликнувъ на свои слуги:
«Ой слуги жъ мои, вы вѣрненькіи,
Берѣтъ стрѣльбоньки все стройненькіи,
Берѣтъ хортеньки чомъ ловненькіи!»
Жорства стрѣляе, звѣрь промовляе:
«Не псуй стрѣльбоньки, чомъ стройненькіи,
Не томи хорты чомъ ловненькіи,

Ой зажени мя а въ туги луги,
Мене ты тамо чомъ испôймаешъ,
Роги, пароги чомъ позваляешъ.
Будешъ на роги вѣшати шаты,
А на пароги ясную збрую.
Будьте здоровы, можный паноньку,
Можный паноньку, господареньку,
Вйнчуемо ти рочными святы,
Рочными святы, многими лѣты,
Не самъ съ собою, съ господиненькою,
И со всѣмъ домомъ, со всѣмъ обходомъ!
Дай же ты, Боже, на обору щастье,
На обору щастья, на худобоньку,
Въ поли урожайну та й пшениченьку,
А въ хатѣ гараздъ на челядоньку!

41.

ЕМУ ЖЕ.

Ой доловъ, доловъ, доловъ луженьки
Гой, дай, Боже!
Ой упавъ снѣжокъ та й на облôжокъ,
Гой, дай, Боже и т. д.

Побродивъ ею чудный звѣренько,
Послѣдивъ ею господаренько,
Кликнувъ, покликнувъ на свои слуги:
«Гей, слуги жъ мои все вѣрненькіи,
Збирайте жъ зброю, скликайте жъ лаю!»
А взявъ звѣреньку вôнъ поганяти,
Взяла звѣренька гей промовляти:
«Ой ты жъ, пане мôй, господареньку,
Не рубай мене, не стрѣляй мене!
Возми жъ ты мене въ свои луженьки,
Въ свои луженьки въ калиновыи,
Возми жъ роженьки до свѣтличеньки,
А пароженьки до комороньки,

На пароженьки будешъ вѣшати,
Будешъ вѣшати дороги шаты,
А на роженьки будешъ вѣшати,
Будешъ вѣшати дорогу збрую.»
Ой за симъ словомъ будь же намъ здоровъ,
Будь же намъ здоровъ, можный паноньку;
Вйнчуемъ мы ти счастьемъ, здôровьемъ,
Счастьемъ, здоровьемъ, вѣнчикомъ яснымъ,
Вѣнчикомъ яснымъ, дѣвчатемъ краснымъ.

42.

ЕМУ ЖЕ.

Цы дома, дома господареньку?
Гой, дай, Боже!
Ой кажутъ слуги, що нема дома,
На оборонцѣ волы паруе,
Паруе волы въ чотыре возы,
На одинъ бере самй звоночки,
На другій бере самй книжечки,
На третій бере самй свѣчочки,
А на четвертый и самъ сѣдае.
Ой якъ заѣхавъ на златй мосты,
Золотй мосты гей зазвенѣли,
Сѣрй волоньки гей забренѣли.
Надыбаютъ го два, три ангелы:
«Куда жъ ты ѣдешь, господареньку?»
«Ой ѣду, ѣду, пôдъ святу гору,
Пôдъ святу гору, до монастырю.»
Ой якъ изъѣхавъ пôдъ святу церковъ,
Самы ся двери подотваряли,
Самы ся вôкна поодтыкали,
Самы звоночки гей зазвонили,
Самы ся книги поотверяли,
Самы ся свѣщи позажегали,
А всѣ святыи на службу стали,
Службу служили, Бога просили,

За здоровльенько господарское.
Ой, за симъ словомъ будь же намъ здоровъ,
Господареньку съ господиненькою,
Дай же ти, Боже, а въ домъ здоровлье,
А въ домъ здоровлье на челядоньку,
На вбору счастье на худобоньку!

43.

ЕМУ ЖЕ.

Ой устань, устань, господареньку,
Гой, дай, Боже!
Побуди свою всю челядонку,
Всю челядоньку, господиненьку,
Ой най же она раненько встае,
Свѣтлы свѣтлоньки повымѣтае,
Кленовы столы позастелае,
Восковы свѣчи позажигае,
Пшеничнымъ хлѣбомъ позакладае,
Рочныхъ гостенькôвъ ся сподѣвае,
Рочныхъ гостенькôвъ, колядниченькôвъ.
Ой за симъ словомъ будь же намъ здоровъ,
Можный паноныко, чомъ Василенько,
Вôнчуемо ти счастьемъ, здоровльемъ,
Счастьемъ, здоровльемъ и всякимъ добромъ!

44.

ЕМУ ЖЕ.

Цы дома, дома, господареньку,
Гой, дай, Боже!
Ой знаемо жъ мы, що е вôнъ дома,
Ой сидить собѣ по конець стола,
По конець стола краще сокола,
На немъ шапочка якъ галъ чорненька,
Якъ галъ чорненька, якъ макъ дрôбненька,

На немъ чобôтки, срêбны пôдкôвки,
На немъ кошулька якъ бѣль бѣленька,
Якъ бѣль бѣленька, якъ листъ тоненька;
Где жь она прана? Край Дуная;
Где она сушена? Въ Тура на розѣ;
Где она тачана? Въ Львовѣ на столѣ;
Где вна вбирана? Въ свѣтлôй свѣтлицѣ,
Въ свѣтлѣ свѣтлонцѣ, при оболонцѣ.
А за симъ словомъ бувай намъ здоровъ,
Не самъ съ собою, съ господиненькою,
И зо всѣмъ домомъ, зо всѣмъ обходомъ!

45.

ЕМУ ЖЕ.

Цы дома, дома господареньку?
Гой, дай, Боже!
Ой кажутъ слуги, що нема дома,
А въ Судомірѣ судоньки судить,
Судоньки судить, все въ правахъ сидить.
Єму за тоє дорого платять,
Дають же ёму три села новй,
Єдно селенько все старй люде,
Друге селенько все парубочки,
Трете селенько сами дѣвочки.
Старыи люде на порадочку,
А парубочки все косарчики,
Ой а дѣвочки все гребеночки.
Ой за симъ словомъ бувай намъ здоровъ,
Бувай намъ здоровъ, можный паноньку,
Можный паноньку, господареньку!
Вйнчуемо ти рочными святы,
Рочными святы, многими лѣты,
Не самъ съ собою, съ господиненькою,
И зо всѣмъ домомъ, зо всѣмъ обходомъ!
Дай же ты, Боже, щастья, здоровья,
А въ домъ здоровье на челядоньку,
Въ оборѣ щастье на худобоньку!

46.

ЕМУ ЖЕ.

Ой въ лѣску, въ лѣску, а въ жовтôмъ пѣску,
Гой, дай, Боже!,
Росте деревце тонке, высоке,
Тонке высоке, въ верху кудряве,
На тôмъ кудрявци сивъ соколъ сидить,
Сивъ соколъ сидить, далеко видить,
Ой видить, видить а въ чисто поле,
А въ чисто поле, где плужокъ оре,
Ори жъ ты, пружку, здрôбненька нивку,
Та й посѣемо яру пшеницю,
Яру пшеницю, всяку пашницю,
Та вродить намъ ся стебло-серебро,
Та й зберемо жъ мы женцѝ-молодцѝ,
Женцѝ-молодцѝ-дѣвки та хлопцѝ.
Та й зожнемо жъ мы а въ дрôбны снопы,
Та й и складемо а въ густы копы,
Будешъ ходити меже копами,
Якъ ясенъ мѣсяць межи звѣздами.
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ! и проч.

47.

СЫНУ.

Ой загнѣвався сынъ на батенька,
Гой, дай, Боже!
Вылучивъ собѣ воронъ зъ стаденька,
Воронъ зъ стаденька та й кониченька.
Займивъ же ёго на тихіи Дунай,
На тихіи Дунай, золоты мосты,
Золоты мосты завалилися.
Воронъ зъ стаденька потопилося,
Воронъ зъ стаденька та й кониченько.
Ой жаль ми, не жаль за всѣмъ стаденькомъ,
За всѣмъ стаденькомъ, за кониченькомъ,
Ой, бо ôнъ мене добре нотовавъ,
А ушеньками слухи слуховавъ,

А оченьками звѣзды раховавъ,
А копытами бѣлъ камень лупавъ,
Бѣлъ камень лупавъ, церковъ муровавъ,
Съ трома вôконцями, съ трома дверцями:
Одно жъ оконце яспое сонце,
Друге жъ оконце чомь ясенъ мѣсяць,
Трете жъ оконце ясна зôрниця;
Одними жъ дверцû самъ Господь ходить,
Другими дверцû Свята Пречиста,
Третими жъ дверцû Святый Николай;
Святый Николай ставъ до престола,
Службу служити, Бога просити,
Бога молити, та за здоровье.
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ,
Можный панопьку, чомь Ивасеньку!
Вйнчуемо ти щастьемъ, здоровьемъ,
Щастьемъ, здоровьемъ, доленькою доброю,
Вѣночкомъ яснымъ, дѣвчатемъ краснымъ.

48.

ЕМУ ЖЕ.

Ой заказано въ недѣлю рано,
    Гой, дай, Боже!
Ой заказано всѣмъ на войночку,
Кто сынка мае, най выправляе,
А кто не мае, та най наймае,
Мала вдовочка в'дного сыночка,
Выправляла жъ го гей на вôйночку:
«Иди жъ ты, сыночку, гей на вôйночку,
Напередъ вôйска не выдавайся,
А зъ заду вôйска не зоставайся!»
Молоде паня на то не дбало,
Передъ Королемъ играло конемъ,
Передъ паничемъ рубало мечемъ,
Передъ гайдука стрѣляло зъ лука

«Нема въ панича такого меча,
Нема въ Короля такого коня;
Бо въ него коня золота грива,
Шовковый хвостикъ замѣтать мостикъ.»—
Ой за симъ словомъ и проч.

49.

ЕМУ ЖЕ.

А въ поли, поли, близко дороги,
Гой, дай, Боже!
Стоять наметы зъ бѣлаго шовку,
А въ тôмъ наметцѣ бѣла постѐлька,
А въ тôй постельцѣ Царьское дитя,
Царское дитя а въ карты грае,
А въ карты грае, красно спѣвае.
«Кто жъ тебе навчивъ а въ карты грати,
А въ карты грати, красно спѣвати? —
«Мене жъ навчила ненька старенька,
Тричи мя въ ночи повиваючи,
Швидкимъ пруточкомъ вышвикуючи,
Солодкимъ медкомъ наповаючи,
Червонымъ ябкомъ пôдхиткуючи.»
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ и проч.

50.

ЕМУ ЖЕ.

Ой изъ за горы, зъ за полонины,
Гой, дай, Гоже!
Выходить же ми чорна хмарочка,
Ой не е жъ то ми чорна хмарочка,
Ой е жъ то ми овець гурмочка,
Иде жъ передъ нихъ овчариночка,
Заперезався трома ужевками,

А за ужевками три трумбеточки:
Одна трумбета гей дубиная,
Друга трумбета гей цѣновая,
Трета трумбета гей золотая.
Ой чути, чути въ чистое поле,
Ой якъ затрубить а въ дубиную;
Ой чути, чути а въ лѣсы, боры,
Ой якъ затрубить а въ цѣновую;
Ой чути, чути ажъ на небеса,
Ой якъ затрубить а въ золотую.
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ, и проч.

51.

ДОЧКѢ.

Коло мостонька нова корчмонька.
Гой, дай, Боже!
А коло неи коники въ ненѣ,
Одинъ ми коникъ найворонѣйшій,
До него хлопець найприборнѣйшій,
Working Берёсь ѣхати въ горы по дѣвку,
Она жъ до него переказала:
«Коня не томи, людей не труди,
Бо я жъ до тебе сама прилену,
По надъ селенько чорновъ хмароньковъ,
На подвôренько дрôбнымъ дождикомъ,
Ой, а до сѣней чомъ ластовою,
Ой, а до хаты чомъ невѣстою.
Ой нене, нене, навчи жъ ты мене,
Злото сновати, а срêбро ткати.»
А за симъ словомъ бувай намъ здорова,
Бувай здорова, кгречная панно,
Вѝнчуемо ти щастьемъ, здоровьемъ,
Щастьемъ, здоровьемъ, доленьковъ добровъ
Вѣночкомъ яснымъ, дѣвчатемъ краснымъ.

«Нема въ панича такого меча,
Нема въ Короля такого коня;
Бо въ мого коня золота грива,
Шовковый хвостикъ замѣтать мостикъ.»—
Ой за симъ словомъ и проч.

49.

ЕМУ ЖЕ.

А въ поли, поли, близко дороги,
Гой, дай, Боже!
Стоять наметы зъ бѣлаго шовку,
А въ то̂мъ наметцѣ бѣла постѣлька,
А въ то̂й постельцѣ Царьское дитя,
Царское дитя а въ карты грае,
А въ карты грае, красно спѣвае.
«Кто жъ тебе навчивъ а въ карты грати,
А въ карты грати, красно спѣвати? —
«Мене жъ навчила ненька старенька,
Тричи мя въ ночи повиваючи,
Швидкимъ пруточкомъ вышвикуючи,
Солодкимъ медкомъ наповаючи,
Червонымъ ябкомъ по̂дхиткуючи.»
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ и проч.

50.

ЕМУ ЖЕ.

Ой изъ за горы, зъ за полонины,
Гой, дай, Гоже!
Выходить же ми чорна хмарочка,
Ой не е жъ то ми чорна хмарочка,
Ой е жъ то ми овець гурмочка,
Иде жъ передъ нихъ овчариночка,
Заперезався трома ужевками,

А за ужевками три трумбеточки:
Одна трумбета гей дубиная,
Друга трумбета гей цѣновая,
Трета трумбета гей золотая.
Ой чути, чути въ чистое поле,
Ой якъ затрубить а въ дубиную;
Ой чути, чути а въ лѣсы, боры,
Ой якъ затрубить а въ цѣновую;
Ой чути, чути ажъ на небеса,
Ой якъ затрубить а въ золотую.
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ, и проч.

51.

ДОЧКѢ.

Коло мостонька нова корчмонька.
Гой, дай, Боже!
А коло неи коники въ ненѣ,
Одинъ ми коникъ найворонѣйшій,
До него хлопецъ найприборнѣйшій,
Бересь ѣхати въ горы по дѣвку,
Она жъ до него переказала:
«Коня не томи, людей не труди,
Бо я жъ до тебе сама прилену,
По надъ селенько чорновъ хмароньковъ,
На подвôренько дрôбнымъ дождикомъ,
Ой, а до сѣней чомъ ластовою,
Ой, а до хаты чомъ невѣстою.
Ой нене, нене, навчи жъ ты мене,
Злото сновати, а срêбро ткати.»
А за симъ словомъ бувай намъ здорова,
Бувай здорова, кгречная панно,
Вѝнчуемо ти щастьемъ, здоровьемъ,
Щастьемъ, здоровьемъ, доленьковъ добровъ
Вѣночкомъ яснымъ, дѣвчатемъ краснымъ.

52.

ЕЙ ЖЕ.

Шуми, не шуми чомъ дубровонько,
Гой, дай, Боже!
«Ой якъ же менѣ гей не шумѣти?
По менѣ ходить дивное звѣря,
Дивное звѣря девятороге,
А на десятôмъ святый тарѣльчикъ,
На тôмъ тарелци золотый стôльчикъ,
На тôмъ стôльчику паннонька сидить,
Ой сидить, сидить косоньку чеше,
Косоньку чеше, по столу мече.
«Ой не доѣзджай, чомъ Козаченьку,
Ой не пôдхиляй чомъ кватыреньку,
Ой не напускай буйного вѣтру,
Буйного вѣтру, ясного сонця!
Бо одъ вѣтроньку косонька вяне,
А одъ соненька личенько смагне!»
Ой за симъ словомъ бувай здорова, и проч.

53.

ЕЙ ЖЕ.

Ой надъ керницевъ, надъ студеницевъ,
Гой, дай, Боже!
Тамъ три святыи воду святили,
Воду святили, крестъ загубили,
Дѣвчина пышна, ты туды ишла,
Ты туды ишла, золотъ крестъ найшла.
«Що жъ менѣ буде за переемець»? —
Ой буде, буде срѣбный перстенець,
Срѣбный перстенець, три службы новы:
Одна службонька на святе Рôздво,
Друга службонька ажъ на Василья

Третя службонька ажъ на Великдень,
Ажъ на Великдень, на той Божій день.»
А за симъ словомъ бувай мй здорова и проч.

54.

ЕЙ ЖЕ.

Тамъ за стѣною, за золотою;
Гой, дай, Боже!
Тамъ ся вбирае кгречна панночька,
Бере на себе дороги сукни,
А поверхъ сукней срѣбро та злото,
И выйшла на дворъ, дворъ ся вглягае,
Войшла до сѣней, сѣни сіяють,
Войшла до хаты, паны вставаютъ,
Паны вставаютъ, шапки знимаютъ,
Шапки знимаютъ, ей ся кланяютъ,
Ой, одинъ каже, що то Царевна,
А другій каже, що то Кролевна,
А мати каже, то моя дочка,
А моя дочка, чомъ невѣсточка.
А за симъ словомъ бувай здорова и проч

55.

ЕЙ ЖЕ.

По надъ бережокъ саженый садокъ,
Гой, дай, Боже!
Садокъ саженый, расомъ рашеный
Пильновала жъ го кгречна панночька,
А стережучи твердо заснула,
Ой а злетѣли райски пташеньки,
Та й жахомъ-махомъ на райскй пташки:
«Не вамъ то, тато, садочокъ садивъ,

Садочокъ садивъ, та й расомъ расивъ.»
Ой пѣшки, пѣшки по пôдъ берêжки,
Вбита стеженька до коваленька:
«Ты коваленьку, золотареньку,
А вкуй же мêнѣ жовты чобôтки,
А пôдъ чобôтки срêбны пôдкôвки!»
Ой за симъ словомъ бувай здорова, и проч.

56.

ЕЙ ЖЕ.

А въ поли близко дороги,
    Божая, Божая мати,
    А все въ золотѣ ходила, *
Садокъ саженый, наостроженый,
А въ томъ садочку бѣла постêлка,
А въ тôй постêлцѣ кгречная дѣва,
Рясы стерегла и тамъ заснула,
Райски пташочки рано злинули,
Рано злинули, рясу спайнули.
Золота ряса дуже звенѣла,
Дуже, звенѣла, дѣву збудила,
А дѣва встала, рясу зôбрала,
Зôбрала рясу, чомъ до поясу,
Понесла жъ собѣ до золотника:
«А помогай Бôгъ, золотниченьку,
Золотниченьку, ремесниченьку!
А зроби жь мêнѣ золоту шубу,
А зъ обрѣзочкôвъ золотый поясъ,
А зъ отрусочкôвъ срêбный перстенецъ,
По тôмъ останку перлову тканку.
А вберу жъ я ся въ недѣлю рано:
Перлова тканка головку клонить,
Шовковый поясъ лядвоньки ломить,
Золота шуба слѣдъ замêтае,
Срêбный перстенецъ пальчики щипле.»

* Повторяется послѣ каждаго стиха.

Ой за симъ словомъ будь намъ здорова,
Будь намъ здорова, кгречная дѣво,
Дари тя, Боже, щастьемъ, здоровьемъ
Счастьемъ, здоровьемъ, та долевъ добровъ,
Рутянымъ вѣнцемъ, кгречнымъ молодцемъ!
Дай же ти, Боже, въ городцѣ зѐлье,
Въ городцѣ зѐлье, въ дому весѐлье!

57.

ЕЙ ЖЕ.

По за гуменье чорное терньe,
Гой, дай, Боже!
Надôйшла жъ туда красна панночька,
Урвала собѣ чорный терночокъ,
Та прикладала къ своимъ оченькамъ:
«Кобы у мене такѝ оченька,
Ладила бы 'мъ ся за вôйтовича.»

По за гуменье жовтое кôйло:
Надôйшла жъ туда красна панночька,
Урвала жъ собѣ жовтое кôйло,
Та прикладала къ своимъ косонькамъ:
«Кобы у мене така косонька,
Ладила жъ бы 'мъ ся за паниченька.»

По за гуменье червона рожа:
Надôйшла жъ туда красна панночька,
Урвала собѣ червону рожу,
Та прикладала къ свому личеньку:
«Кобы жъ у мене таке личенько,
Ладила жъ бы 'мъ ся за Цѐсароньќа.»
Ой за симъ словомъ бувай ми здорова и проч.

VII.

КОЛОМЫЙКИ И ДРУГІЯ ПЛЯСОВЫЯ.

1.

Ой конику, воронику, грива ти бѣленька,
Занеси мя въ тое село, де моя миленька! —
«Якъ бы тебе я занêсъ, де твоя миленька,
Та злетѣла бы менѣ гривочка бѣленька.»

2.

Ой ковала зазуленька на хатѣ, на латѣ:
Не разъ бы ся наплакати въ свекрушинѣ хатѣ.

3.

По пôдъ лужокъ оре плужокъ, волики чотыри,
Ой а моêй миленькои напередъ ходили.

4.

Ой пôшовъ я до багача, они одповѣли:
«Кортѣли мя сивы волы, псы бы ихъ поѣли!»

5.

Ой займу я сивы волы, та най напасутся,
Та най нашû вороженьки пороспукаются!

6.

Розвивайся, лозо, борзо а въ чотыре листы:
Якъ до тебе, моя мила, рѣчку перебристи?

7.

Ой стояла при вербинѣ,
Та моргала: «Ходи дъ менѣ!
Якій тобѣ дѣдько стався,
Що ты менѣ сподобався?»

8.

Ой заграй ми, музиченьку, въ украшенѝ скрипки,
А я буду танцювати всѣ нôчку на сбытки!

9.

Ой спѣвайте, ледѣники, котрый голосъ мае,
Най ся тота дубровонька одъ насъ розлягае!

10.

Ей музыка Черемѣскій грае хорошенько:
«Не самъ иду, коня веду, подивися, неньќо!
Не самъ иду, коня веду, коня вороного,
Ой отвôряй воротенька, дѣвчино небого!»

11.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько, я славъ къ тобѣ люде,
А ты менѣ одповѣла, цы не жаль ти буде?

12.

Ой дубочку росохатый, маю на тя гадку,
Гадаю тя порубати миленькôй на хатку;
Гадаю тя порубати, та й помѣтовати,
А изъ тебе своей милôй хатку сбудовати.

13.

Породила шевця вôвця, а Ляха кобыла,
А Русняка неборака мати чорнобрыва.

14.

Ой зробивъ я копякъ сѣна, та було зелене:
Заѣхали Гуцулы, забрали безъ мене.
Тожъ я прійшовъ до домоньку, та взявъ жону бити:
«На що сь 'дала Гуцуламъ усе сѣнце взяти?»

15.

Ой ты пьешъ та гайнуешъ, а я дома сиджу,
Ой ты прійдешъ, мене бьешъ, я бѣдочку виджу.
Ой ты бо пьешъ на медочку, а я на горѣвцѣ,
Ой ты пропивъ чтыри волы, а я лишъ двѣ вôвцѣ.

16.

Ой бѣдойко, умеръ Бойко, Бойкови дзвонили,
А Бойко ся схопивъ зъ лавы, ледви го зловили.

17.

Не тѣшьтеся, вороженьки, моей пригодонцѣ,
Хоть я прійду въ ночи пôзно къ моей худобонцѣ;
Хоть я прійду и не прійду, прійде жъ моя мати,
А вже жь моя худобонька не буде рыкати.

18.

«Теши, сыну, ясенину, теши, сыну, клинье:
Возми, сыну, сиротину, та буде газдине!» —
«Не зъ кождои ясенины клинье ся удае,
Не зъ кождои сиротины газдине бувае.»

19.

А изъ тои полонины студена зимочка
А хто жъ мене пожалуе, умерла мамочка!

20.

Не буду ся отдавати, свѣтъ собѣ гаити,
Ой пôду я въ полонину коровки доити.
Ой часъ бо намъ маерочки до домочку ѣсти,
Не яли намъ коровицѣ съ поля приходити.

21.

А я пôду въ Волощину, та тамки загину,
Скажу собѣ закопати на грудехъ калину:
Будуть пташки прилётати, калиночку ѣсти,
Будуть менѣ приносити одъ матѣньки вѣсти.

22.

Моя матко старенькая, мамко Стефанихо!
Ото 'сь мене породила на бѣду, на лихо!

23.

Ой Сиготе, Сиготочку, крутый городочку!
Высушила, вывялила любка головочку;
Высушила, вывялила, та и самъ я знидѣвъ,
Та за тыи двѣ недѣли, що 'мъ любки не видѣвъ.

24.

Ты, дѣвчино, спѣвай ладно, не рубай, якъ дрыва,
Давно бы тя люде взяли, кобы 'сь чорнобрыва.

25.

По пôдъ тую полонинку, по пôдъ Турôвочку,
Ходить любко зъ овечками, грае въ сырôвочку:
«Ой овечки-солодечки, ой пасъ бы я васъ, васъ,
А якъ прійде недѣленька выгубивъ бы васъ, васъ!»

26.

Ой горочко высокая, кременю, лупайся:
Не буду тя, любко бити, лишъ выстерегайся!

27.

Свекрушечко, ма душечко, пусти мя до мамки,
Не пытаю быстрой рѣки, побреду безъ лавки.

28.

Ходѣмо, дѣ, товаришу, за высоку гôрку,
Ой тамъ мы ся помахаймо за красную дѣвку.
«Ой якъ же ты помахаешъ, слава жъ, Тобѣ, Боже!
Ой якъ же я помахаю, пропавъ весь, небоже.»

29.

Хоче ми ся воды пити, кирниця нечиста,
Пôдъ яворомъ зелененькимъ нападало листа.
Ой пôду я та поставлю кидровый мосточокъ,
А выберу я зъ кирниці яворôвъ листочокъ.

30.

До дому їйди, пьяниченько, до дому, до дому,
Не заваджай у корчмонцѣ никому, никому!

31.

Каже мати женитися та брати дѣвчину,
А я жъ поду женитися въ зелену лѣщину.
Каже мати женитися та брати удову,
А я пôду женитися въ зелену диброву. —
«Зелененька дубровочка ни огню, ни цвѣта:
Молоденька замужь пôшла, не видѣла свѣта!»

32.

Ой высока полонина зъ вѣтромъ говорила:
Кобы мене розорати, жито бы 'мь родила.

33.

Ой Сараче, каже, кучмо,
Не чини мя гучно,
Бо я за тя давъ два лева,
Йдучи зъ Могилева.

34.

Въ церкви звонять — баба глуха,
Въ коршмѣ грають — баба слуха:
«А де жъ мои ходачищи?
Я бы пôшла до коршмищи.»

Плясовыя.

В. КОЗАКЪ.

1.

(В. изъ Олеська 202)

Гей я Козакъ зъ Украины,
Козакъ зъ роду, Козакъ зъ мины!
Нѣгды въ житью не заплачу,
Ґучу, кричу, граю, скачу.

Трястя тому, що ся бѣдить,
Що єно надъ грôшмы сидить!
Не зъ роскоши, тôлько зъ бѣды,
Тну голубця, йду въ присѣди.

Чого жь ты ся зажурила,
Скажи менѣ, моя мила?
Не велика серцю туга,
Не будешъ ты, буде друга.

Бодай наше Поберêже!
Хоть нагайка плечи зрѣже,
Козакъ на то не заплаче,
Гукне, крикне, грає, скаче.

Отъ такъ у насъ чабарашки,
Хоть по пôдъ стôлъ, то все въ рачки,
То на палцяхъ, то въ присѣды,
То до корчмы, то въ сусѣды!

2.

Слава наша Козацькая
Нехъ не загибае,
Шо въ гулянцѣ доля наша
И нужды не знае;

Шо въ гулянцѣ, въ вечоръ, въ ранцѣ,
Въ полудне и въ ночи,
Скочно грати и спѣвати,
Козакъ завше охочій.

Козакъ собѣ танцюе
Бренчать въ него гроши,
Самъ утворный, волосъ чорный
И лицемъ хорошій;

Крутй вусы, чекманъ кусый,
Повыкидавъ вылёты,
Самъ гуляе, насъ спрашае,
Й додае охоты.

Нуте, нуте, молодцй,
Нуте погуляйте,
Єднй грайте, другй скачьте,
А трети спѣвайте!

Нуте живо, наше жниво,
Нуте, жвави хлопаки,
Ну жъ въ присѣди до сусѣды,
Вытинайте гопаки!

Гуляй, гуляй, Козаченьку,
Гуляй разомъ зъ нами,
То въ тропака, то въ присѣды
Выкадай ногами!

Нехай знають, що гуляють
Зъ молодцями Козаки,
И гуляють и спѣвають,
Вытинають гопаки.

Гей сивъ кисъ на покôсъ,
Та й ставъ щебетати:

«Нарай, нарай, пане брате,
Де дѣвчину взяти?» —

«Нараю ти, пане брате,
У нашого вôйта:
Хорошая, румяная,
Тôлько неробôтня.

Не уважай, пане брате,
Чы дѣвчина гладка:
Питай людей и самъ гляди,
Чы метена хатка?

Не уважай, пане брате,
Чы коралôвъ густо:
Пытай людей и самъ гляди,
Чы въ гол'вѣ не пусто?

ОБРЯДНЫЯ ПѢСЬНИ

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ЗБРУЧА,

ВЪ СЕЛАХЪ ДУБКОВЦАХЪ, РОШТОВЦАХЪ И СОРОКѢ,

СОБРАННЫЯ

Игн. Галькомъ.

РУССКОЕ ВЕСÊЛЬЕ.

Высмотрѣвши себѣ дѣвушку, парубокъ посылаетъ къ роднымъ ея кого либо узнать о томъ, угодно ли будетъ имъ выдать ее за него, что называется: «послати людей; послати до неи». Если предложеніе его имъ пріятно, то отвѣчаютъ: «Пріидѣть, пріидѣть: Яко-сь то буде»; а если неугодно: «Нехай вамъ Богъ дае зъ инои стороны, а намъ зъ инои,» или тому подобное. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е., когда парубокъ получитъ отказъ, или какъ говорятъ тамъ: «макогонъ оближе», молодежь ставитъ огромный соломенный макогонъ на корчмѣ, говоря: «Не въ свое вдався». Если же предложеніе принято то парубокъ, захвативъ кварту горѣлки въ кишеню (карманъ), отправляется въ сумерки съ старостою въ домъ дѣвушки за собственнымъ словомъ, которое слѣдуетъ запить могоричемъ. Это называется Словины.

Весêлье (свадьбу) охотнѣе всего назначаютъ въ недѣлю (воскресенье). Въ четвертокъ передъ недѣлей сговоренная дѣвушка, которая съ того времени называется уже княгиней, одѣвается по праздничному, украшаетъ голову цвѣтами и лентами, которыя распускаетъ по плечамъ, выбираетъ себѣ дружку и пôддружку, отправляется съ ними за барвѣнкомъ на вѣнки и, собравши его, сколько нужно, приглашаетъ прочихъ дѣвушекъ на вѣнкоплетины, что дѣлается вечеркомъ. Сюда приходитъ и женихъ, также называемый съ тѣхъ поръ княземъ, съ дружкою и пôддружкою и музыкою.

Вѣнокъ для княгини плетется на косинцѣ зъ прядива, а для князя тоже на ней, или же на соломенной плетенкѣ, употребляемой на капелюхи (лѣтнія шляпы), и вышивается листочками барвѣнка.

Княгиня при вѣнкоплетинахъ, усадивъ дѣвушекъ вокругъ стола, сама удаляется куда ни будь въ сторону, а князь садится съ дружбами и музыкантами у порога. Дружка, взявъ косинку для вѣнка и вѣточку барвѣнку, разбросаннаго по столу, «благословится до отця и до матери», т. е., три раза говоритъ: «Прошу, Пане Отче, поблагословити!» На что отецъ отвѣчаетъ тоже трикратно: «Нехай Богъ благословить!» Точно то же самое говоритъ и къ матери: «Прошу, Пани Матко благословити!» которая благословитъ, какъ и Отецъ. Послѣ того дружка привязываетъ вѣточку барвѣнка, употребленную при благословеніи, къ косинкѣ и ставитъ такъ начатой вѣнокъ на столъ, который дѣвушки доплетаютъ, распѣвая слѣдующія пѣсни:

1.

Благослови, Боженьку,
Благослови, Боженьку,
Та й ты, рôдный батеньку,
Своему дитятку 2.
Вѣночокъ сплѣтати!

Благослови, Боженьку 2.
Та й ты, рôдна матінько,
Своему дитятку, и проч.

Благослови, Боженьку,
И ты, рôдный батеньку,
Та й ты, Божая Мати,
Будешъ намъ помагати
Вѣночокъ сплѣтати.

2.

Зъ зимы на весну походитъ,
Иванё городець городитъ,
До него Мариня выходитъ:
«Городи, Иваню, городець,
Будемо садили барвѣнець,
То тобѣ, то менѣ на вѣнець!»
Ой скочила Марисенька въ городець,
А за нею Иванё молодець;
Ой скочила Мариня на хвильку,
Нарѣзала запаску барвѣньку,
Тôлько-то еи присѣвку.

3.

Зацвѣли фіялочки, зацвѣли,
Всю гору крутую окрыли,
Ино стеженька маленька,
Куда ходила Марися молоденька,
За нею батенько слѣдою:
«Не ходи, батеньку, за мною,
Не маю я порадоньки съ тобою!»

Зацвѣли фіялочки, зацвѣли,
Всю гору крутую окрыли,
Ино стеженька маленька,
Куда ходила Марися молоденька,
За нею Матѐнка слѣдою, и проч.

Зацвѣли фіялочки, зацвѣли,
Всю гору крутую окрыли,
Ино стеженька маленька,
Куда ходила Марися молоденька,
За нею Иванё слѣдою:
«Ходи, ходи Иванё, за мною,
Маю я порадоньку съ тобою!»

4.

Війся, вѣночку, гладко, 2
Якъ червоне яблко,
Пôдемо межи люди,
Наша славонька буде.

5.

Где ты, барвѐнку, рôсъ, рôсь,
Що-сь такій красный вырôсъ?
«Я въ лѣсѣ при керници,
При студенной водици;
Мене вода пôдходила,

Мене вода холодила,
Прійшолъ часъ-годинонька,
Вырѣзала княгинонька,
Молодая Марисенька.»

Доплетая вѣнокъ, поютъ молодой:

6.

Летѣла сорока, чичече,
Сѣла си на столикъ, щебече:
Вплелисьмо вѣночокъ, и вдатный,
«Вже тобѣ, Марисю, остатный.

Ой встань, Марисю, не сиди,
На свôй ся вѣночокъ подиви,
Вплелисьмо вѣночокъ, и вдатный,
Вже тобѣ, Марисю, остатный!

7.

Казалъ есь, батеньку, не дась мя,
А теперь кажешь, ôтдась мя.
На що я вѣночокъ той плела,
Коли въ немъ не буду ходила?
Поставлю въ свѣтлоньцѣ — зôвяне,
Пущу на Дунай — поплыне,
Ой вже мое паненьство загине! —

8.

Ой по горѣ полониченьки:
Мои любы вечерниченьки,
Вже жъ бо ми на васъ не ходитоньки,
Съ панянками не дружитоньки!
Ци я зѣлю не вгодила,
Щобъ въ вѣночку не ходила?
Ой вже жъ бо я та й не вгоджу,
Якъ той вѣночокъ сходжу!

9

Спросила Марисенька дѣвочокъ,
Щобы ей вплели вѣночокъ,
А въ суботоньку на хвильку,
А въ недѣленьку всю днинку,
А въ понедѣлокъ скинь вѣнокъ,
Съ золотыми биндочками на кôлокъ!

Сдѣлавши вѣнокъ для молодой, другія дѣвушки принимаются плести его и для молодаго, распѣвая:

10.

А вчера зъ вечера папорошенька спадай, 2
А въ опôлночи дробенъ дощикъ пôйшолъ,
А передъ дôднемъ вода зѣлье забрала: —
Зъ чого жъ ми будемъ князеви вѣнецъ плели?
Ой є въ городцѣ крещастный барвêнокъ, —
Зъ того мы будемъ князеви вѣнокъ плели.

11.

Ой є въ лузѣ калина, 2
Бѣлымъ цвѣтомъ зацвѣла.
Пôшли ê дружки рвати, 2
Не далася ломати.
Ажъ пôшла Марисенька,
Нарвала, наломала,
Та й внесла до свѣтлоньки,
Меже красныи дѣвоньки.

12.

Єдна була тополенька въ тôмъ саду,
Єдна була Марисенька въ тôмъ дому.
Буйныи вѣтры вѣяли,
Зъ тополѣ листья не звѣяли,
Ажъ восходовый вѣтеръ повѣялъ.
Зъ тополѣ листячко звѣялъ.

Єдна була тополенька въ тôмъ саду,
Єдна була Марисенька въ тôмъ дому.
Всѣ хлопцѣ на нюю вважали,
Но Марисеньки не взяли.
А Ивасенько якъ наважилъ,
Та й Марисеньку собѣ взялъ.

13.

Ой ходила Марисенька по саду,
Та садила садъ-виноградъ до ряду,
Поливала го сытою,
Просила батенька просьбою:
«Запирай, батеньку, ворôтця,
Не пускай Ивасенька молодця,
Бо прієде Ивасенько съ боярами,
Та й вытопче садъ-виноградъ кониками!»

14.

Ой по пôдъ лѣсокъ, лѣсокъ,
Припалъ дрôбненькій снѣжокъ:
Мариня походила,
Слѣдоньки поробила.
Засѣли на нюю ловцѣ, —
Раштовецкіи хлопцѣ:
Коники потомили —
Мариня не зловили.

Ой по пôдъ лѣсокъ, лѣсокъ,
Припалъ дрôбненькій снѣжокъ:
Мариня походила,
Слѣдоньки поробила.
Засѣли на нюю ловцѣ, —
Дубковецкіи хлопцѣ:
И кониковъ не втомили —
И Мариню зловили.

Доплетая вѣнокъ князю, поютъ:

15.

Дайся, Иваню, чути:
Не хтять ся вѣнки вити
Безъ меду, безъ горѣлки,
Безъ Марисеньки дѣвки.

Тогда молодой подаетъ дружбѣ фляшку съ горѣлкою, который пьетъ къ дружкѣ, а та къ молодой, отъ нея же къ дѣвушкамъ, кои поютъ дружбѣ въ насмѣшку:

16.

Дружба ножа не мае, [2]
Намъ хлѣба не вкрае:
Дайте му колодача,
Най намъ вкрае колача!

17.

Було що ѣсти, пити,
Нѝкому припросити.
Марисенька молоденька,
Дружечка пишненька: —
«Не дивуйте ся тому,
Не дружчила никому: —
Первый ся разъ придало,
И то ся не вдало!»

Послѣ того дружка беретъ вѣнокъ княгининъ на голову и пляшетъ съ дружбою; тоже дѣлаютъ и прочія дѣвушки, и ставятъ оба вѣнка разомъ на два буханця (особый родъ хлѣба) на столѣ, гдѣ и остаются до субботы; дѣвушки же, выходя изза стола, поютъ:

18.

На двôръ таньцювати, 2
Дружбоньки оглядати,
Цы въ синыхъ сукманахъ,
Цы въ жолтыхъ чоботѣхъ,
Чы высоки пôдковы,
Цы не криви ноги?

Послѣ двухъ танцевъ расходятся по домамъ.

Въ пятницу, вечеромъ, бываютъ заручины (обрученіе), которое происходитъ торжественно такъ: родичи молодаго и молодой, вмѣстѣ съ молодыми кладутъ всѣ правую руку въ одно мѣсто, и староста вяжетъ имъ руки, приговаривая: «Той ся гудзъ (узелъ) вяже не на рôкъ, не на два, а на цѣлый вѣкъ. Кто той гудзъ розвяже, заплатитъ великый строфъ: дастъ сто золотыхъ на корчму, а три крейцера на церковь . Т. е., нарушеніе этого обрученія ведетъ къ безчестной жизни, кончающейся преимущественно пьянствомъ и забвеніемъ Бога. При обрученіи родичи обѣихъ сторонъ обѣщаютъ подарить обрученнымъ по возможности своей, кто хлѣбомъ, кто какими вещами и т. п., а молодая раздаетъ своимъ дѣвушкамъ бѣлые ручники (полотенца), при чемъ тѣ поютъ:

19.

Ой вже, Мариню, по заручинахъ!
Погадай теперь собѣ:
За чужои матѐноньки
Снѣданенька не буде;
Обѣдецъ пôдъ полудне.
Но обѣдъ на стôлъ дають,
Мариню высылають:
«Йди, Мариню, по воду
До широкого броду!»
Нѐжь Мариня съ водовъ прійшла,
Вже й вечеря ôтойшла.
«Теперъ, Мариню, помый миски
И цѣновыи лôжки,
И точеніи тарелй,
Не стало ти вечерй. —
«Тôлко й я вечеряла,
Где стала, заплакала!»

Въ субботу поминаютъ мертвыхъ. Молодые, сопровождаемые дружиной своей, отправляются въ церковъ къ исповѣди. По возвращеніи обѣдаютъ, и обѣ стороны составляютъ свой свадебный причтъ. Молодой беретъ двухъ свахъ и свѣтилку, а молодая тоже двухъ свахъ и брата или дѣвочого дружбу. Свахами бываютъ замужнія женщины въ родѣ, тоже свѣтилка и братъ, первая — дѣвушка, а второй — парубокъ. Собственно требовалось бы, чтобъ свѣтилкой была родная сестра молодаго, а дѣвочимъ дружбой — такой же братъ молодой. За тѣмъ молодая уходитъ въ комору или въ сѣни, если ея нѣтъ, а дѣвочій дружба за ней, дѣвушки же поютъ:

20.

Дайте намъ стôлця,
Щêточки и гребêнця,
Дайте намъ й кожуха, —
Нехай сяде молодуха
Косу русу чесати,
На село выправляти!

21.

Зъ за горы соненько, зъ за горы:
Выведи, братчику, сестру зъ коморы,
Посади ê на столецъ,
Дай намъ щêтку, гребêнецъ,
Косу русу чесати,
На село выправляти!

Дѣвочій дружба ведетъ малодую въ свѣтлицу, сажаетъ ее на лавку, покрытую кожухомъ, вывороченнымъ шерстью, и ищетъ глазами гребня и щетки, а дѣвушки поютъ:

22.

Посадилъ братъ сестру на стôлецъ,
Самъ поѣхалъ до Чернецъ
Куповати щêтку и гребêнецъ,
Розчесати косу русу пôдъ вѣнецъ.

Тутъ является дружба съ щеткою, гребнемъ и ножикомъ и, обратясь къ отцу, говоритъ трижды: «Прошу, Пане Отче, о благословеньство!»

тоже къ матери, на что обое отвѣчаютъ: «Нехай Богъ благословитъ!» Тогда дружба разрѣзываетъ ножикомъ заплетки у косы, удаляется, а дружки, расплетая косу, поютъ:

23.

Благослови, Боженьку,
И отець и мати,
Своєму детятку
Косу розплётати!

24.

Где твои, Марисеньку, ковалѝ,
Що твою косоньку кували? —
Нехай же прійдуть, розкують,
Нехай си срêбро, злото заберуть!

25.

Ой просо просо, волотье,
Ой косо-росо, жаль ми тя —
Не рôкъ я тебе плекала,
Молодымъ борщикомъ змывала, —
Шелковь хусточковь стерала,
Золотымъ гребêньцемъ чесала,
Будучи въ мѣстѣ, шпилила,
Идучи по пôдъ гай, маила,
То жъ'емь тя, косонько, строила!

Когда расплетутъ косу:

26.

Приступи, батеньку, къ менѣ,
Розчеши косоньку менѣ,
Бѣлыми рученьками,

Дрóбными слёзоньками!
Легкіи рученьки твои,
При головоньцѣ моей.

Тоже повторяютъ къ матери и всей роднѣ, подавая при семъ каждому гребень, съ которымъ подойдя къ молодой, поведутъ имъ три раза по головѣ и потомъ поцѣлуютъ ее въ чело, а она того въ обѣ руки. При семъ не обходится безъ слезъ. Подъ конецъ дружка расчешиваетъ до гладка голову и повязываетъ ее гарасóвкою, а дѣвушки поютъ:

27.

Пôдъ окномъ теренъ тешутъ,
А въ хатѣ косу чешутъ,
Пôдъ окномъ черешенька,
Пôдъ нею Марисенька
Косу-росу чесала,
Батенька прикликала:
«Батеньку, голубочку,
Розчеши ми косочку!» —
«Є у тебе дружечка,
Найвѣрнѣйша служечка,
У неи рученьки бѣлй
До головоньки твоêй.»

Мать беретъ вѣнокъ и, обратясь къ старостѣ, говоритъ три раза: «Пане старосто, прошу, благословѣтъ!» На что тотъ отвѣчаетъ, тоже три раза: «Нехай Богъ благословитъ!» тогда мать цѣлуетъ дочь въ обѣ стороны и въ чело и надѣваетъ ей вѣнокъ; малодая цѣлуетъ мать въ обѣ руки, а дружка пришиваетъ вѣнокъ къ гарасовкѣ, дѣвушки же поютъ:

28.

Ой цы огонь, цы поломень палас? —
На Марисоньцѣ золотый вѣнець сіяє.
То жъ-то, Марисю, ладный,
То жъ-то, Марисю, вдатный,
Але жь бо и остатный!

Послѣ того молодая встаетъ, а родные садятся на ея мѣстѣ, держа каждый по два хлѣба въ рукахъ. Староста приводитъ къ нимъ молодую и, имѣя въ рукахъ трость, три раза говоритъ: «Милый отче, милая пани матко! О то (вотъ) стала дѣтина ваша передъ вами, якъ янгелъ передъ Господомъ Богомъ. Маючи (имѣя, намѣреваясь) въ станъ малженьскій вступити, потребуе до того вашого родительского благословеньства. Бути може (быть можетъ), що не разъ воли вашои и не послухала и супротивнымъ словомъ оскорбила. Прошу для того по разъ першій простѣтъ ѐй все! Кому Отецъ и мати на землѣ провину (проступокъ) отпускають, тому и отецъ нашъ на небесахъ грѣха не памятае. Для того прошу простѣть ѐй все, благословѣтъ ю по щиро родительско и выправѣтъ (отпустите) въ счастливу годину (время) на село!» Молодая затѣмъ падаетъ родителямъ въ ноги, а они благословляютъ ее, полагая хлѣбъ на голову: «Нехай тя Богъ благословитъ счасьемъ, здоровьемъ, долевъ добровь и доробкомъ (заработкомъ) счастливымъ, щобы-сь ся мала, якъ ся святая земля мае!» Когда же въ третій разъ молодая падаетъ въ ноги, дѣвушки поютъ:

29.

Першій разъ, Марисенько, першій разъ,
Поклонися батенькови зо сто разъ!
Не рôкъ тебе батенько годувалъ,
Нѐжь ся твого поклононьку дочекалъ.

Тоже поютъ матери; а когда молодая кланяется прочимъ, поютъ такъ:

30.

Грайте, музики, рѣзко,
Кланяйся, Мариню, низько,
Отцеви, Матйноньцй,
Всей своей родиноньцй,
И наймельшой дѣтиноньцй!
Не единъ ти скаже:
«Благослови тя, Боже!»

31.

Чорная терниноньва,
Марися дѣтиноньва,
Низенько ся кланяе,
На сердцю жаль мае.

Приступайся близенько,
Кланяйся, серденько!
Не единъ ти скаже:
«Благослови тя, Боже!»

Между тѣмъ выходятъ отецъ и мать, каждый имѣя при себѣ пару хлѣбовъ и кусокъ соли, мать также святую воду, и становятся одинъ возлѣ одного, а другой возлѣ другаго одвѣрка хаты. Послѣ поклоновъ, староста отправляется въ сѣни, а дружба дѣвочій провожаетъ молодую съ дружками на село. Она, подошедши къ дверямъ хаты, благословится у старосты три раза, который, за тѣмъ дѣлаетъ шапкою трижды крестъ въ дверяхъ, говоря: «Самъ, Христе Боже, благослови насъ!» послѣ чего идетъ въ сѣни, а за нимъ молодая и всѣ прочіи. У сѣнныхъ дверей снова благословится у старосты три раза, выходитъ на дворъ, проходя между родителями, съ хлѣбомъ стоящими. Дѣвушки, идя за молодою на дворъ, поютъ:

32.

Марисю матінка родила,
Мѣсяцёмъ городила,
Соненькомъ вперезала,
На село выправляла.
«Иди, сыну, въ счастливу годинку,
И спроси собѣ всю свою родинку,
Близькую, далекую,
Велику, маленькую!»

Дружба съ молодою и дружками останавливается посреди двора, къ нему подходитъ мать и подаетъ два бохонцѣ (хлѣбы), и потомъ, въ сопровожденіи отца, который впереди идетъ съ хлѣбомъ и солью, обходитъ ихъ вокругъ и кропитъ святою водою, при чемъ дѣвушки поютъ:

33.

Скропляй насъ, матінонько,
Священною водою,
Доброю доленькою!

За симъ молодая съ своими дружками и дружбою и отправляются на село приглашать гостей на свадьбу. Впрочемъ, дружба, оставивъ хлѣбъ въ третьей хатѣ, возвращается назадъ, а дружка идетъ впереди и говоритъ: «Проситъ молода о благословеньство», при чемъ молодая падаетъ къ ногамъ, произнося: «Просили васъ, татунё и мамуня, и я Вашенци прошу, будьте ласкови, прійдѣтъ на весѣлье!» Пôддружка несетъ подарки, которыя кто дастъ, большею частью прядиво.

У молодого въ субботу тоже происходитъ, что и у молодой, кромѣ, разумѣется, расплетанія косы. Но молодой безъ вѣнка идетъ на село приглашать гостей, имѣя, однако жь, самъ и оба дружбы барвѣнковыя квѣтки. Пѣсни же поютъ у молодаго въ это время почти исключительно родичи.

Въ ту пору, какъ молодые собираются итти на село, двѣ свахи, отъ молодаго и молодои, съ вѣтками бирвѣнковыми на головѣ, отправляются тоже на село приглашать женщинъ до короваю. Послѣднія сходятся, однѣ въ домъ молодаго, другія въ домъ молодой, неся съ собою въ подарокъ то муку, то хлѣбъ, то курицу, и т. п. Мать даетъ имъ лучшей пшеничной муки, послѣ чего онѣ, благословясь у старосты, поютъ:

34.

Благослови, Боженьку, и проч.,

какъ при плетеніи вѣнковъ, вставляя, гдѣ слѣдуетъ: «короваецъ мѣсити». Послѣ того поютъ:

35.

Сварилася пшениченька съ коколёмъ на поленьку:
«Ой ты, чорный коколеньку,
Не стôй ты на поленьку!
Бо тебе за плôтъ вергутъ,
А зъ мене коровай плещутъ.»

36.

Голѣната муку сѣяла,
А рижа росчиняла,
А хороша мѣсила.

А росчиняя поютъ:

37.

Ой лѣску, лѣску на пѣску,
Ярая пшениченька у стôжку:
Мы ëê зготуемо,
На коровай спытлюемо.

38.

Журилася Марисенька (Ивасенько),
Що не мае короваю.
Є надѣенька въ Бозѣ,
Є пшениченька въ стозѣ,
Мы ëê зготуемо,
На весêлье спытлюемо.

39.

Выйшла мати на подвôрье,
Проситъ своихъ сосѣдъ до себе:
«Мои люби сосѣдоньки, прійдѣтъ но до мене!
Бо теперъ гараздъ у мене.
Далъ ми ся Бôгъ дождати,
Дитятко сгодувати,
До добрыхъ людей дати.

Въ суботоньку зъ полуденька година,
Съѣхалася вся Марисина родина,
Свезла, снесла сêмь кôрцêвъ муки на коровай,
Милый Боже, великій нашъ буде коровай!

Далѣе поютъ :«сêмъ фасокъ масла, сêмъ бербеницъ сыра, сêмъ кôпъ яецъ», и пр., гдѣ нужно. Мѣся же поютъ:

40.

Проси Бога, Марисенько (Ивасеньку),
Щобъ Богъ далъ,

Щобъ ти ся коровай вдалъ —
Якъ день бѣлый,
Якъ Богъ милый,
Якъ ясное сонеиько,
Що свѣтитъ въ ôконенько!

Сдѣлавъ большой хлѣбъ (коровай) приготовляютъ также разомъ множество небольшихъ, продолговатыхъ колачиковъ (гусочокъ) и круглыхъ (коровайчиковъ), для подарку знатнѣйшимъ лицамъ въ громадѣ сельской, при чемъ поютъ:

41.

Поѣдемо по пôдъ горы
Куповати пôдпоры, —
Пôдпоры куповати,
Стоженько пôдперати.

Сбираясь посадить коровай въ печь, бросаютъ въ нее напередъ двѣ балабушечки (комокъ тѣста), припѣвая:

42.

Коровайная пара
Въ пêчь заглядала —
По припêчку грала,
Цы буде нашъ коровай красный.

А сажая въ печь коровай, поютъ:

43.

Нашъ пьецъ тарахкоче,
Та чого жъ бо ôнъ хоче? —
Короваю масного,
И дружбоньки красного.

44.

Дайте намъ руки вмыти,
Горѣлки ся напити!
Завдали 'сте намъ роботу,
Покажѣтъ же намъ охоту!

45.

Заходять насъ вѣсти,
Хотятъ намъ дати ѣсти —
Пшеничныи колачй,
Поставлено на столѣ.

Ихъ просятъ сѣсть за столъ, подаютъ что ни будь перекусить (сыра съ хлѣбомъ и т. п.), а онѣ, подкрѣпя себя, поютъ:

46.

Где староста дѣвочій?
Покажи свои очи!
Нехай мы знаемъ,
Кого старостовь звати маемъ.

47.

Нашъ староста вдался —
Сѣмь лѣтъ не вмывался,
Взяла го сваха за бороду,
Та завела го во воду,
Пѣскомъ терла, водовь мыла,
Чересломъ пôдголила, за столомъ посадила.
Нашъ староста зъ мѣста,
Єму голова зъ тѣста,
Зубы зъ петрушки,
Очи зъ чернушки,
А въ лицяхъ дѣры,
Повылѣзали щури.

Голова снôпками вшита,
Борода гонтьемъ побита,
А въ головѣ вуши,
А въ бородѣ мыши, —
Треба гребêнь купити,
Та вуши выбити,
Кота зловити,
И мыши выгнати.

Нашъ староста якъ панъ,
На нêмъ синій жупанъ,
Личкомъ пôдперезался,
На всю бѣду придался.

Нашъ староста старенькій,
Якъ голубъ сивенькій. —
А вдарь чоломъ,
А знай соромъ,
Выведи насъ зъ за стола,
Не чини намъ сорома!

Староста встаетъ и подходитъ къ каждой женщинѣ съ словами: «А прошу кречно, а прошу!» и выводитъ ее, а онѣ поютъ ему:

48.

Старостѣ шелюгъ дати,
Щобы насъ вывêлъ зъ хаты;
Я бы' мъ му и два дала,
Що бы' мъ съ нимъ погуляла.

Послѣ того, прогулявшись кто съ кѣмъ хочетъ нѣсколько, опять собираются, смотрятъ, готовъ ли коровай, и если готовъ, то вынимаютъ изъ печи и поютъ:

49.

Где жъ ты бувалъ, нашъ гостю, короваю?
Що жъ ты видалъ, нашъ гостю, короваю?
«Ой бувалъ же я та въ чистêсенькôмъ полю,
Ой видалъ же я мѣсяць надъ зорою.»

Когда коровай женщины вынутъ, дружба ставитъ его на столъ, гдѣ онъ и остается до своего времени. При возвращеніи молодыхъ поютъ:

50.

Прійшла Марися зъ села,
Смутненька, невесела,
Всѣ дворы проходила,
Слёзоньки не вронила.
Ажъ на батеньковôвъ прійшла,
Та й стала, задумала,
Ревненько заплакала:
«Батеньку-голубонько,
Не гнѣвайся на мене,
Що 'мъ ти хлѣбъ перѣла,
Сукнѣмъ ти походила,
Въ роботѣ не вгодила!»

Тутъ староста выходитъ въ сѣни, а дружка (со стороны молодой, а дружба со стороны молодаго) опятъ беретъ три раза благословеніе у него; вступая въ сѣни поютъ:

51.

Добрый вечеръ, мати,
А зъ сѣней до хаты!
Цы гараздъ мы зробили,
Всю родину спросили,
Близькую, далеку,
Велику, маленьку?

Изъ хаты отвѣчаютъ имъ свахи:

52.

Гараздъ, детинко, гараздъ,
Пôйдешъ на посагъ заразъ.

Подойдя къ порогу хаты, снова благословятся трижды у старосты, а вошедши въ хату, поютъ дружки, или дружбы:

53.

Добрый вечеръ тому,
Кто є въ тôмъ дому:
И старому, и малому,
И Богови Святому!

Потомъ здороваются со всѣми, при чемъ молодые падають всѣмъ въ ноги. Вернувшись изъ села, молодой отправляетъ дружбы къ невѣстѣ съ подарунками (обыкновенно рантухъ, кустки и два колачики, гусочки). Дружбы, взявъ три раза благословеніе у старосты, несутъ подарки къ молодой и поютъ дорогой:

54.

Вѣтрецъ повѣвае,
Дощикъ покрапляе,
Ивановы даруночки якъ макъ процвѣтаютъ,
А зъ руточки двѣ квѣточки: —
«Будь село весело —
Подарунки несемо,
Отъ пана молодого до панѝ молодои,
Бо мы служеньки его.

Староста, услыхавъ пѣніе, выходитъ въ сѣни, а молодая съ дружками своими садится поскорѣе за столъ. Пришедшіе, поблагословясь трикратно у старосты, входятъ за нимъ въ хату и вручаютъ подарки, при чемъ дѣвушки поютъ:

55.

Черезъ Дунай глубокій
Лежитъ яворъ широкій:
Ишолъ черезъ него дружбонька.
Проситъ Бога дружечка,
Щобы дружбонька не втонулъ,
Щобы подаруночкôвъ не згубилъ.

Подаруночки — рубочки,
За рутянныи вѣночки.
Мѣстскіи сыночки,
Принесли намъ подаруночки:
Подарунки ôтдайте,
Сами си сѣдайте!

Зъ пôдъ зеленои вишнѣ,
Два боярчики вышли,
Вôйшли они до хаты,
Не умѣли ся звитати,
На лавцѣ посѣдали,
Золотомъ осіяли.

После этого дружка и пôддружка подходятъ къ нимъ и говорятъ: «Просимо на паненьскій вѣночокъ!» берутъ у нихъ шапки ихъ, къ которымъ, сидя за столомъ, пришиваютъ небольшіе барвѣночные вѣночки, въ срединѣ коихъ имѣется красненькій, свернутый квѣточкой, бантикъ. При семъ поютъ:

56.

Нѝякій дружбонька, нѝякій,
Мае квѣточку съ клаків,
Дружечка ôдрывае,
Злотисту пришивае.

Цы не соромъ, дружбонько, не соромъ,
Ѣхати безъ пола, безъ жучка,
Стояти въ свѣтлоньцѣ безъ шлячка,
Безъ рутяного вѣночка? —

Наша швачка зô Львова,
Пріѣхала вчора,
Привезла си голку,
И ниточку шолку,
Пришивати квѣточку,
Зъ зеленого барвѣночку,
Дружбови на шапочку.

Пришивши вѣночокъ, дружка надѣваетъ себѣ на голову шапку дружбы и подбочениясь, подскакиваетъ подъ пѣнье дѣвушекъ:

57.

Подивися, дружбонько, на мене!
Не красшій я Козакъ ôтъ тебе?
Я въ твоемъ шлячку-колпачку,
Та рутянôмъ вѣночку.

На сватовôй лавцѣ
Я въ дружбовой шапцѣ,
Теперь я маю волю,
Дружбонько, надъ тобою.

Шихо, дружбонько, шихо,
Не здуришъ дружбоньки тихо!
Посягни у кишеню,
Вытягни грошêй жменю,
Посыпъ на тарели,
Якъ на бѣломъ папери,
Выкупи си шапку у мене!

Допче дружечка, допче,
Черевички выдопче —
Дружба ся поставитъ,
Черевички направитъ.

Обыкновенно дружки требуютъ большаго выкупу за свои вѣночки отъ дружбъ, что ставитъ ихъ въ непріятное положеніе, тѣмъ болѣе, что тутъ и дѣвушки докучаютъ дружбѣ пѣснями:

Я на тое не дивлюся,
До стѣны обернуся —
До стѣны оченьками,
До дружбоньки плеченьками.

До Львова дружечка ходила,
За таляръ шолку купила —
За червоного волочки —
Пришивати квѣточки.

Не кидай ми трояка,
Я не люблю дворака;
Кинь менѣ шестачиска,
Бо я люблю простачиска!

Моя мати не кôтлярочка,
Я не кôтлярчина дочка,
Я кôтловъ не латала,
Щобы'мъ по грошу брала.

На що-сь ся въ дружбы бралъ,
Коли сь грошій не малъ?
Було пôйти молотити,
Шêстака си заробити,
Шапочку выкупити.

Нашъ пôддружба хорошій,
Пожичь дружбѣ грошêй,
Бо нашъ дружба въ неславѣ,
Єго шапка въ заставѣ.

Вылѣзъ дружба на липу,
Потрясае калиту —
Ще три крайцарѝ мае,
И съ ними розмовляе,
Щобы съ ними зробити:
Цы шапку выкупити?
Цы тютюну купити?
Цы горѣлки выпити?
Цы ся оженити? —

Стоять коні̂ коло плота,
И просятъ околота,
Зъѣли бы и солому,
Часъ, посланцѝ, до дому.

Гадали послы ночувати —
Чимъ мы ихъ будемъ годувати?
Злапаемъ сову въ стодолѣ,
Зваримо имъ въ росолѣ.
Чимъ мы имъ будемъ солити?
Чимъ мы имъ будемъ перчити?
Є много куколю на полю,
Є много полену по селу:
Куколемъ будемъ солити,
Поленомъ перчити.

Выкупивъ свои шапки, дружбы принимаются, въ свой чередъ, насмѣхаться надъ дѣвушками, грозя выгнать ихъ изъ хаты, какъ скоро помѣстятъ молодаго на квартирѣ. Для этого пишутъ углемъ на сволоку (потолкѣ), или коминѣ (печкѣ) знакъ, а дружки между тѣмъ съ дѣвушками поютъ:

58.

Пріѣхали комисарчики,
Зô Львова писарчики,
Госпôду записати,
Где мае король стати,
Король, Короленько,
Молодый Иваненько.

Послѣ того староста подноситъ дружбамъ подарки отъ молодой, именно: сорочку и вѣнокъ для молодаго, также два колачики-гусочки на тарелкѣ, при чемъ дѣвушки поютъ:

59.

Съ хаты, Циганы, съ хаты —
Голѣ за насъ брехаты!
Вже 'сте ся набрехали —
Закимъ 'сте дары ôтдали!

Дружбы отвѣчаютъ имъ:

Мы не Цыганы,
Добре 'смо замѣняли:
За тоненькій рубочокъ —
Рутяный вѣночокъ,
За шелкову хусточку —
Вышивану сорочку.

Дѣвушки имъ отвѣчаютъ:

Що жъ то ми ваши дары? —
Рантухи съ дѣрами!
А наша сорочка
Съ тонкого рубочка,
Съ Турокъ вывезена,
Шолкомъ мережена,
Гафтомъ гафтована,
Въ тôмъ дому дарована.

Кромѣ того, при возвращеніи съ дарами молодой, поютъ еще:

60.

Мила сорочка, мила!
Сама Мириня шила,
А въ новôй свѣтлоньцѣ,
При восковôй свѣтоньцѣ,
Бѣлыми рученьками,
Чорными оченьками,
Коло ясного сонця-ôконьця,
Для Иваненька-молодця.

По обмѣнѣ подарками слѣдуетъ посагъ. Покрываютъ ослôнъ (лавку) вывернутымъ кожухомъ, гдѣ садятся отецъ и мать, также, если въ живыхъ, еще дѣдъ и бабушка, каждый держитъ въ рукахъ два хлѣба. Молодая удаляется съ дружбою-братомъ изъ хаты въ комору (клѣть), или въ сѣни, при пѣніи дѣвушекъ:

61.

Ой крикнули гуси-лебедѝ на водѣ,
Ой забачили молоду Марисю на дворѣ,
«Ой годѣ тобѣ, Марисю, гуляти,
Ой часъ тобѣ на посаженьку сѣдати.» —
«Ой що жъ бо вамъ, гуси-лебедѝ, до того,
До мого посаженьку славного?
Є у мене батенько до того,
До мого посаженьку славного.»

62.

Розточено, розволочено въ коморѣ,
А ще ми красшіи ленныи обрусы на столѣ,
Куда ми ишла молода Мариня на посагъ.

Дружба проводитъ молодую въ хату, а дѣвушки поютъ:

63.

Ой летѣла зазуленька черезъ садъ,
Ой кликала Марисеньку на посагъ:
«Ой лети ты, зазуленько, за гору,
Закѣмъ я ся молоденькая сберу,
Своему батенькови поклоню!

Послѣ того молодая падаетъ въ ноги роднымъ точно такъ, какъ передъ отходомъ на село, при чемъ и пѣсни тѣже самыя поются, что и тогда, прибавляя, гдѣ нужно:

Другій разъ, Марисенько, другій разъ,
Поклонися батенькови зо сто разъ, и проч,

Получивъ благословеніе отъ всѣхъ, присутствующихъ при этомъ, дружба-братъ обводитъ молодую три раза вокругъ стола и т. д., послѣ чего усаживаетъ ее за столъ, и помѣщается тутъ же, по другой сторонѣ дружки. Прочія дѣвушки тоже садятся и поютъ:

64.

Братъ сестру за стôлъ веде,
Веде ёё, веде, научае:
«Сестро моя, коса твоя росчесана,
Часъ тобѣ на посаженьку сѣдати.»

65.

Сѣла Мариня на посаженьку,
Якъ на роженцѣ квѣтка;
Єи батенько, еи рôдненькій,
Не може ся на ню надивити.
«Мариню жь моя, дитятко жъ мое,
То же'сь ми теперь мила.» —
«Ой мôй батеньку, мôй голубоньку!
Цы долго я буду такая?» —
«Будешъ, дитятко, будешъ,
Якъ у мене будешъ;

А якъ пôйдешь ôтъ мене,
Спаде красота съ тебе —
Съ личенька румяного,
Зо стану паненьского.» —

«Ой мôй батеньку,
Сивый голубоньку!
Ни въ чôмъ я ти не вгодила:
Ни въ роботоньцѣ,
Ни въ походоньцѣ,
Ни въ полю, ни на нивоньцѣ.»

66.

Ой славенъ, славенъ Мариненъ посагъ!
Ой по чôмъ же ôнъ такъ дуже славенъ?
По всѣхъ ôконьцяхъ янгелй сидять,
Ангелй сидять, доленьку судять,
А надо дверьми самъ Господь стоитъ,
Самъ Господь стоитъ, книжочку читае,
Книжочку читае, доленьку роздае,
Доленьку роздае, Мариню пытае:
«Мариню, дитятко! Чія лѣпша доленька —
Ой цы Божая, цы батенькова?»
«Лѣпша Божая, якъ батенькова!
Батенько дае, та й вымовляе,
А Господь дае, ще й причиняе.»

67.

Ой где ся дѣлъ, где ся подѣлъ,
Марисеньки батенько?
Ой чомъ не вôйде, ой чомъ не вôйде,
До новои свѣтлоньки?
Чомъ не приступитъ, чомъ не приступитъ,
До тесового стола?
Чомъ не даруе, чомъ не дарує,
Марисеньку на посазѣ?

68.

Стань, батеньку, противъ мене,
Та напійся до мене,
Полною, полненькою,
Доброю доленькою!
Часъ мене дарувати,
Присудила Божа Мати,
Не великимъ посагомъ —
А счастьемъ, здоровьенькомъ.

Передъ молодой на столѣ стоятъ: коровай, тарелка для денегъ и горѣлка, для подчиванья тѣхъ, которые подходятъ къ ней съ подарками, начиная отъ отца. Дѣвушки далѣе поютъ отъ имени отца, который, тронутый происходящимъ, обыкновенно не въ состояніи что либо сказать:

Я полноньков̂й не выпиваю,
Счастья, долѣ не вгадаю.
Обое 'сте молоденьки,
Просѣтъ Бога доленьки;
Чистои, Пречистои,
Котра доленьку роздаѐ,
Доброю и лихую,
На челядь молодую.
Стань, матѣнко, противъ мене, и проч.

69.

Даруй мене, родинонько,
Зъ вечора въ суботоньку!
Якъ я ся запоможу,
Отдати ти можу;
Буду ся гараздъ мати,
Буду ти дяковати,

70.

Що то ми за дорога —
Отъ стола до порога!
Родина выдоптала,
Мариню даровала.

71.

Скочила Мариня на теренъ,
Махнула хусточковъ напередъ:
«Розступѣтся, родина,
Най мене дарує чужина,
Не великимъ даромъ-посагомъ,
А счастьемъ, здоровьемъ за столомъ!»

Когда парубки подходятъ даровать, имъ поютъ:

72.

Мѣсяченько ясный,
Андрусенько красный,
Що войшолъ до хаты,
Мариню даровати.

Ровесникамъ поютъ:

73.

Горою соненько колує,
Мариню товаришъ дарує,
Не великимъ даромъ-посагомъ, —
А счастьемъ, здоровьемъ за столомъ.

74.

Где ся тіи подѣли,
Що за нами глядѣли?
Теперь не вôйдутъ до хаты,
Мариню даровати.

75.

Ой вы, хлопчики маленьки,
Сбирайте шелюжки дрôбненьки!
Треба Марини чобôтокъ,
Зъ самого золота пôдкôвокъ, —
Щобы пôдкôвки бренѣли,
По пôдъ луженьки шумѣли.

76.

Пійте, молодцѣ, пійте,
Но стклянокъ не побійте,
У насъ стлянки дорогіи —
По четыры золотыи,
А порція по грошу,
Пійте, молодцѣ, прошу!

77.

Даровано Марисеньку
Ревными золотыми,
Талярами битыми,
А мы ревныхъ не знаемъ.
По столѣ посуваемъ:
Лежте, полежте, ревны,
На тôмъ тесовôмъ столѣ,
Та й на леннôмъ обрусѣ!

Послѣ подарковъ, подаютъ дѣвушкамъ-пѣвицамъ закуску, при чемъ прислуживаютъ дружба дѣвочій и дружки; дѣвушки поютъ:

Нашъ дружба ножа не мае и пр.

78.

Наша дружка пôдъ сволокъ,
Зъѣла колачôвъ сорокъ·
Най ся нихто не противитъ,
Най ся здорова живитъ!

79.

Не боялистеся Бога,
Не наѣлистеся дома,
Сорому не знаете,
Въ запаски ховаете? —
«Мы люди дорожни,
У насъ запаски порожни.»

80.

Не стôйте коло грубы,
Не заглядайте въ зубы, —
Мы собѣ заробили,
Щобы 'сьмо ся поживили.

81.

Пійте, паненки, пійте,
Но стклянокъ не побійте! и прч.

82.

Милый Боже! Ходитъ голубъ по столѣ,
Крылцѣ въ пивцю мачае,
Всѣ паненочки честуе,

Ино Марисеньку минае,
Бо вже зъ паненьства выстае,
До старыхъ людей пристае.

Подъ конецъ закуски поютъ:

83.

Було що ѣсти, пити,
Нйкому припросити, и пр. См. N. 17.

84.

Нашъ староста дѣвочій,
Покажи свои очи!
Нехай мы знаемъ,
Кого старостовъ звати маемъ!

Старостѣ шелюгъ дати,
Щобы насъ вывелъ зъ хаты.
Я бы 'мъ му и два дала,
Щобы 'мъ съ нимъ погуляла.

Староста вскакиваетъ и съ словами: «А прошу, Паненки, прошу!» выводитъ ихъ изъ за стола, а онѣ продолжаютъ пѣть:

85.

Зъ за стола, паненки, зъ за стола,
На Марисине подвôрье —
Давно мы въ Маринѣ бували,
На êи подвôрью гуляли.

Потомъ, погулявши немного, расходятся по домамъ.

Точно такимъ же образомъ сажаютъ и молодаго на посагъ, съ измѣненіями, приличными ему. Къ малымъ парнямъ обращаются съ такой пѣсней:

86.

Гадайте, хлопцѝ, гадайте,
Дрôбніи шелюжки складайте!
Треба Иваневи конѝ кувати,
До Маринѣ ѣхати;
Теперь ноченька темненька,
Дорога слизенька,
У Марисѣ холзскій двôръ,
Не втримаеся воронъ кôнь.
Щобы Иванько самотрѣмъ,
Заѣхалъ до Маринѣ на обѣдъ.

За столомъ, съ одной стороны молодаго сидятъ дружбы, а съ другой свѣтилка, свахи и дѣвушки. При закускѣ для дѣвушекъ-пѣвицъ хлопочетъ въ особенности свѣтилка, такъ какъ заботливость о дѣвушкахъ составляетъ ея главную обязанность.

Подъ конецъ свахи плетутъ изъ перьевъ, барвѣнка и овса рôзку, или просто берутъ сосновыя вѣточки и втыкаютъ ихъ въ коровай для украшенія, сверху которыхъ привѣшиваютъ яблока, распѣвая:

87.

Пойшли дружечки на Дунай пêречко сберати,
Мариси рôзочку сплêтати:
«Ой рôзко, рôзко гôльчаста,
Ще жъ есь до того и крещаста,
Берегомъ, берегомъ Дуная приплыла —
У Маринѝ на столѣ освила.

Этѣмъ оканчивается суббота.

Въ воскресенье рано являются приглашенные гости къ молодой и молодому. Свахи, привѣшивая къ шапкѣ молодаго вѣнокъ, поютъ:

88.

Соненько сходитъ та й грае,
Иванё коника сѣдлае.

Єго ся батенько пытае:
«Где жъ ты ся, сыну, сбêраєшъ?» —
До людей, батеньку, до людей:
Я си тамъ дѣвоньку полюбилъ,
Котру ми Господь присудилъ.»

Родичи садятся на ослонѣ съ хлѣбомъ; тутъ происходитъ благословеніе такое же, какое при отходѣ на село, или передъ посагомъ. Староста въ концѣ прибавляетъ: «Благословѣтъ го (его) и въ счастливу годину съ пôдъ вѣнка рутяного пôдъ вѣнецъ Царскій выправѣтъ!» Сваха же и дѣвушки послѣ 3-го поклона поютъ до самаго конца:

Третій разъ, третій разъ,
Поклонися, Ивасеньку, своєму батенькови зо сто разъ, и пр.

Послѣ сего отправляются на дворъ съ тѣми самыми церемоніями, какъ при отходѣ на село; подъ конецъ мать подаетъ молодому два хлѣба подъ мышку и ѣдутъ въ домъ молодой, если недалеко; если же далеко, то ѣдутъ: молодой съ дружбами верхомъ впереди всѣхъ, а прочіе на возахъ, или саняхъ, за ними. Но и впереди самаго поѣзду ѣдетъ парубокъ съ хоругвою весêльною, т. е., съ красною хусткою (платкомъ), привѣшенною къ жерди, отъ чего и называется онъ Хорунжимъ. Требуется, чтобы онъ былъ вдатный (удалой), могъ бы соскакивать не разъ съ коня, погулять, опять вскочить на него и т. п. дѣлать. Во время этого поѣзда свахи и свѣтилки поютъ молодой:

89.

Ой по пôдъ лѣсокъ, лѣсокъ, битая дороженька,
Куда ѣхалъ Иванё молоденькій,
Єму калина дорогу заступила.
Выймилъ шабельку, взялъ калину рубати,
Калина стала до него промовляти:
«То не для тебе калина посажена,
Ино для тебе Мариня наряджена.»

Когда подъѣдутъ къ двору молодой, дружки съ дѣвушками, сидя съ молодою за столомъ, привѣтствуютъ гостей близъ порога:

90.

Ой зять намъ ся стелитъ
По подвôрью хмелёмъ,

По сѣнехъ василькомъ,
Въ хатѣ барвѣнкомъ,
А за столомъ, столомъ,
Сивесенькимъ соколомъ.

Въ эту пору дружба благословится у старосты, староста молодаго у старосты молодой, и потомъ входятъ въ хату, а свахи имъ поютъ:

91.

Не бавте насъ, не бавте,
Хутко выправляйте —
Do kościoła świętego,
Do stanu małżeńskiego (такъ!)!

Дѣвушки поютъ:

92.

Якъ въ недѣленьку рано
Море ся розыграло;
Не море жь то грае —
Но Мариня потопае;
Мариня потопае,
Батенька прикликае:
«Батеньку-голубоньку!
Не дай ми загинути,
Въ тôмъ Дунаю потонути!» —
«Не хотѣла 'сь мя слухати,
Не буду тя ратувати.

Свахи отвѣчаютъ имъ:

Не бавте насъ, не бавте, и проч., какъ выше.

Дѣвушки повторяютъ:

Якъ въ недѣленьку рано, и проч., съ примѣненіемъ къ Матêнкѣ.

Свахи опять отвѣчаютъ имъ:

Не бавте насъ, не бавте, и проч.

Тутъ покрываютъ ослонъ вывороченнымъ кожухомъ, молодая съ дѣвушками и дружками встаютъ изъ за стола, родичи садятся на благословеніе въ третій разъ, при чемъ молодые кланяются разомъ, одинъ тому, а другая другому, по очередно. Послѣ поклоновъ молодая прикрѣпляетъ за поясъ молодому большую хустку (платокъ), сложенную вдоль, которая касается самой земли, и выходятъ на дворъ съ обычными церемоніями (см. N. 88). Мать подаетъ молодой тоже два хлѣба, кропитъ еще водою, и за тѣмъ уже отправляются въ церковь, распѣвая:

93.

Вѣй, вѣтре, дорогою,
За нашею молодою, —
Розвѣй ѣй косу-росу (русу)
По червонôмъ поясу —
До одного волоса,
Нехай пôйде поголоска,
Що була паненочка!

Приближаясь къ церкви, поютъ:

94.

Ой конѝ, конѝ вороніи,
Цы чуєтеся въ силѣ?
Цы вытягнете насъ пôдъ гору,
Пôдъ тую крутую,
Пôдъ тую церковцю святую?
А въ тôй церквѣ святый Спасъ:
Ой попе, попе! батьку нашъ,
Отвори церковь противъ насъ,
И звѣнчай, звѣнчай двоє дѣтей зъ межи насъ!

Пришедши къ церкви, молодые отдаютъ свои хлѣбы, какъ приносъ вѣнчальной. Послѣ вѣнчанія, отправляясь назадъ, свахи и прочія поютъ:

95

Дякуймо попенькови,
Якъ рôдному батенькови,
Що намъ шлюбъ далъ,
И не много ôтъ насъ взялъ —
Пôвтора золотого,
Отъ нашого молодого!

Дорогою поютъ:

96.

Сіяла зоронька, сіяла:
Съ кѣмъ ты Мариню слюбъ брала?

Дружки съ молодежью отвѣчаютъ:

«Съ тобою, Иваню, съ тобою,
Якъ съ ясною зорою!»

Свахи повторяюъ:

По чѣмъ ты мя, Марисенько, пôзнала,
Що 'сь мене зорою назвала?

Дѣвушки поютъ:

По мовѣ, Иваню, по мовѣ,
Червона шапочка на тобѣ,
Червона шапочка якъ огень,
Черніи оченька якъ теренъ.

Всѣ весѣльные:

97.

Впаду я ластôвкою,
Передъ своёвь матêнкою:
«Ой матêнко моя,
Вже жь бо я не твоя, —

Свахи опять отвѣчають имъ:

Не бавте насъ, не бавте, и проч.

Тутъ покрываютъ ослонъ вывороченнымъ кожухомъ, молодая съ дѣвушками и дружками встаютъ изъ за стола, родичи садятся на благословеніе въ третій разъ, при чемъ молодые кланяются разомъ, одинъ тому, а другая другому, по очередно. Послѣ поклоновъ молодая прикрѣпляетъ за поясъ молодому большую хустку (платокъ), сложенную вдоль, которая касается самой земли, и выходятъ на дворъ съ обычными церемоніями (см. N. 88). Мать подаетъ молодой тоже два хлѣба, кропитъ еще водою, и за тѣмъ уже отправляются въ церковь, распѣвая:

93.

Вѣй, вѣтре, дорогою,
За нашею молодою, —
Розвѣй ёй косу-росу (русу)
По червонôмъ поясу —
До одного волоса,
Нехай пôйде поголоска,
Що була паненочка!

Приближаясь къ церкви, поютъ:

94.

Ой конѝ, конѝ вороніи,
Цы чуетеся въ силѣ?
Цы вытягнете насъ пôдъ гору,
Пôдъ тую крутую,
Пôдъ тую церковцю святую?
А въ тôй церквѣ святый Спасъ:
Ой попе, попе! батьку нашъ,
Отвори церковь противъ насъ,
И звѣнчай, звѣнчай двое дѣтей зъ межи насъ!

Пришедши къ церкви, молодые отдаютъ свои хлѣбы, какъ приносъ вѣнчальной. Послѣ вѣнчанія, отправляясь назадъ, свахи и прочія поютъ:

95

Дякуймо попенькови,
Якъ рôдному батенькови,
Що намъ шлюбъ далъ,
И не много ôтъ насъ взялъ —
Пôвтора золотого,
Отъ нашого молодого!

Дорогою поютъ:

96.

Сіяла зоронька, сіяла:
Съ кѣмъ ты Мариню слюбъ брала?

Дружки съ молодежью отвѣчаютъ:

«Съ тобою, Иваню, съ тобою,
Якъ съ ясною зорою!»

Свахи повторяюъ:

По чѣмъ ты мя, Марисенько, пôзнала,
Що 'сь мене зорою назвала?

Дѣвушки поютъ:

По мовѣ, Иваню, по мовѣ,
Червона шапочка на тобѣ,
Червона шапочка якъ огень,
Черніи оченька якъ теренъ.

Всѣ весѣльные:

97.

Впаду я ластôвкою,
Передъ своёвь матêнкою:
«Ой матêнко моя,
Вже жь бо я не твоя, —

Ой вже жь бо я того пана,
Що я съ нимъ присягала!»

98.

Радуйся, матêнонько!
Взяло шлюбъ дитятонько,
Якъ єдно, такъ другоє,
Вже жь то твои обоє. —
«Тогды ємь ся радовала,
Якъ ємь тя годувала;
Теперь ся величаю,
Бо двоє дѣтей маю.»

99.

Выйди, матêнко, звитайся,
Своєго дитятка спытайся,
Где твоє дитятко бывало —
Пôдъ царскимъ вѣнцемъ стояло,
Съ хорошимъ Иванёмъ шлюбъ брало!

Всѣ весѣльные идутъ въ домъ молодой, на дворѣ ея и поютъ:

100.

Ой о Святôмъ Дусѣ,
Выйди матêнко въ кожусѣ!
Якій кожухъ мохнатый,
Такій твôй зять богатый.

Мать выступаетъ на порогъ, одѣтая въ кожухъ, вывороченный шерстью вверхъ, и подаетъ зятю въ чаркѣ воду, какъ будто горѣлку, а свахи поютъ:

101.

Не пій, зятуню, першои полноньки,
Першая полнонька — велика зрадонька!

И зять не пьетъ, но выливаетъ ее назадъ себя; мать тоже повторяетъ, а свахи опять поютъ:

Не пій, зятуню, другои полноньки,
Другая полнонька — лихая доленька!

Зять и ее выливаетъ за себя. Тогда мать наливаетъ въ чарку горѣлки, пьетъ сама, наливаетъ еще и подноситъ зятю, а свахи поютъ:

Ой пій, зятуню, третую полноньку,
Третая полнонька — добрая доленька!

Молодый пьетъ, обращаясь къ молодой, молодая къ дружкѣ, и т. д., такъ, что всѣ весѐльные пьютъ по рюмкѣ передъ порогомъ, потомъ поблагословятся и вступаютъ въ хату, гдѣ привѣтствуютъ другъ друга. Нѣсколько спустя молодой отправляется къ себѣ на обѣдъ, а молодая обѣдаетъ у себя со своими. Вечеромъ молодой идетъ къ молодой съ короваемъ, который покрываютъ рантухомъ такъ, чтобы рóзка съ яблоками видна была, потомъ отдаютъ его дружбѣ на плечи, молодой беретъ фляшку съ горѣлкой въ карманъ, а сваха калачикôвъ-гусочокъ въ кобели, и идя поютъ:

102.

Ой ты, Иваню, ôтважный Козаче!
Где ся выбêраешь въ дорогу по ночи!
Ой где жь ты будешь нôченьку ночувати?
Ой где жь ты будешь вечерю вечеряти? —
«Ой маю жь бо я надѣньку въ Бозѣ,
Ой маю жь бо я тестенька при дорозѣ:
Ой тамъ я буду ноченьку ночувати,
Ой тамъ я буду вечерю вечеряти,
Ой тамъ я буду розмову розмовляти!»

Тоже самое поютъ, примѣнительно къ тещѣ, и т. д. во всю дорогу. Со стороны молодой поджидаетъ молодого молодежь, которая перехватываетъ ему дорогу, поставляя на ней небольшой столъ съ хлѣбомъ и солью; при молодежи находятся и старосты. Малодой останавливается и подчуетъ всѣхъ водкою, а свахи подносятъ гусочки для закуски, и поютъ:

103.

Ой гребля, гребля велика,
Ой туча, туча глубока,
Ой пускай, пускай до хаты,
Не дай намъ стояти!
Бо нашъ короваецъ великій,
Не може дружба втримати.

Столикъ послѣ того принимается прочь, староста молодаго беретъ благословенье отъ старостъ молодой, и продолжаютъ путь. Пришедши къ молодой, находятъ ее за столомъ, окруженную дѣвушками: съ одной стороны сидитъ братъ-дружба, а съ другой дружки. При приближеніи молодаго къ порогу, дѣвушки поютъ:

104.

Ой стукнули ковани коні на дворѣ:
Ой сховай мене, мôй батеньку, въ коморѣ!
«Не поможе, мое дитятко, комора,
Бо обступили ковани коні довкола.»

Когда весѣльные молодаго войдутъ въ хату, дѣвушки поютъ:

105.

Ой братчику-ремѣстнику!
Сѣдай собѣ на столику,
Сѣчи, рубай, сестры не дай,
Не дай ѐѐ за грôшъ, за два;
Бо она въ тебе сестра ладна;
Не дай ѐѐ за чотыри,
Бо будутъ ся съ тебе кпили.

Когда отецъ и мать скажутъ, что прятанье въ комору ни къ чему не поведетъ, братъ-дружба заступается за сестру и старается ее защитить, при чемъ саблею махаетъ черезъ столъ, не допуская молодаго подступиться поближе; свахи же молодаго поютъ:

106.

Будь, братчику, ласкавъ!
Лишаемъ ти заставъ,
Коника вороного,
Иваня молодого.

Дѣвушки перебиваютъ:

107.

Ой чого-сь прійшолъ? — По дѣвку.
А маешь же горѣлку?
Маешь же музыки грайніи?
Маешь же свашоньки спѣвніи?
Маешь же старосты мовніи?
Маешь же дружбоньку скакуна?
Щобы ся не набралъ сорома!

Свахи отвѣчаютъ:

Мы прійшли по дѣвку, и проч.

Теперь начинается споръ дружбы-брата съ молодымъ и его дружбами. Дружба-братъ, имѣя у себя фляшку, наполненную краснымъ буряковымъ квасомъ, показываетъ, что онъ, при винѣ, не нуждается въ горѣлкѣ молодаго; не нуждается также въ бесѣдѣ со старостою, имѣя у себя книги и т. п. Молодый старается убѣдить его, и все больше и больше втыкаетъ грошей въ гусочки; препираніе длится до тѣхъ поръ, пока одна сторона не одолѣетъ другую своею веселою бесѣдою. Впрочемъ, требуется, чтобы молодой склонилъ брата-дружбу своими предложеніями, который, согласясь взять тарѣлку съ гусочками и деньгами, выпиваетъ рюмку горѣлки изъ рукъ молодаго, подчуетъ его своимъ буряковымъ квасомъ, бросается отъ молодой черезъ столъ въ хату, за нимъ бѣгутъ тоже дѣвушки изъ за стола, и такимъ образомъ оставляютъ молодую съ дружками. Тогда дружбы берутъ молодаго, провожаютъ его три раза по лавкамъ вокругъ стола, послѣ чего молодой становится возлѣ молодой, которая, какъ бы въ отчаяніи, хватается за столъ, а онъ отры-

ваетъ ее отъ него, цѣлуетъ и садится близъ нея. За тѣмъ свахи съ прочими весѐльными молодаго садятся за столъ. Въ продолженіе этого обряда дѣвушки поютъ:

108.

Татаринъ братъ, Татаринъ,
Продалъ сестру за таляръ, —
Пугачй надлетѣли,
Галоньки розôгнали,
Сами си посѣдали.

Свахи отвѣчаютъ:

109.

Любая наша згода,
Що ся не стала пригода,
Разомъ 'сьмо посѣдали,
Любезно ся звитали.

110.

Заходятъ насъ вѣсти,
Що намъ дадутъ ѣсти:
Пшеничніи колачй,
Поставлено на столѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, подаютъ закуску, послѣ которой свахи поютъ:

111.

Выйди, дружбонько, на подвôренько,
Подивися на соненько,
Цы часъ дары роздавати,
Короваѐмъ обдѣляти?

Дѣвушки съ родными молодой отвѣчають:

112.

Запрягали 'сьмо телицю,
Орали на пшеницю,
По горѣ, по долинѣ,
Щобы було всей родинѣ,
Щобы весь рôдъ обдѣлити,
И никого не гнѣвити.

113.

Ой насъ роду много,
Не стане для кождого:
Є въ насъ кому брати,
Не мае що давати.

Свахи молодаго отвѣчають:

114.

Дайте намъ мѣры,
Коли не дасте вѣры:
Якъ будемъ мѣрити,
То будемъ вѣрити,

Со стороны молодой отвѣчають:

Пôслали 'сьмо вчора
По мѣру до Львова —
Токаря не застали,
И мѣры не дôстали

Тогда дружба, взявши позволеніе съ благословеніемъ отъ старосты, начинаетъ рѣзать коровай, котораго куски подають не только присутствующимъ, но и для отсутствующихъ оставляютъ, а свахи поютъ:

115.

Нашъ когутъ чорнокрылый:
Нашъ дружбонька чорнобривый,

Не жаль ему дати,
Колача вкраяти.

Со стороны молодой отвѣчаютъ:

116.

Ваша дружба коровай крае,
Семеро дѣтей мае,
Збѣглися дѣти съ торбами,
Весь коровай забрали.

117.

Попекли свахи гуски
Зъ гречанои луски —
Роду не обдѣлили,
Сами ся поживили.

Свахи отвѣчаютъ:

118.

Выбачай, родоньку, ласкаво,
Що намъ гусокъ не стало:
Гуси воды захтѣли,
На Дунай полетѣли.

Когда молодежь, нагулявшись довольно, станетъ расходиться по домамъ, сторона молодаго садится съ молодою за столъ: по одной рукѣ обѣ дружки, а по другой свахи, а прочіе вокругъ стола. Дружки снимаютъ съ нея вѣнокъ и весь дѣвичій строй, при чемъ поютъ:

119.

Выбивай, мати, клинцѣ,
Где висѣли перстѣнцѣ,

Выбивай и кôлочки,
Где висѣли биндочки!

Это — послѣдняя услуга со стороны дружокъ; въ память и въ благодарность молодая привязываетъ по лентѣ имъ на головѣ, а свахи поютъ:

120.

До дому, дружечки, до дому,
Парити свинёмъ солому!

Дружки отвѣчаютъ:

А мы вже попарили,
И свахамъ зоставили.

121.

Варила дружечка перôжки,
Защѣпувала ихъ въ три рôжки:
Не зъ самого сыра, зъ пшона,
Приступися, дружбонько, до стола!
Жаль бы ми бувъ, дружбонько, на тебе,
Щобъ я не мала даруночку ôтъ тебе.

Дружба приближается къ столу, втыкаетъ нѣсколько грошей въ гусочку и подаетъ ихъ для памяти на тарѣлкѣ дружкѣ, а пôддружка — пôддружкѣ. Тутъ дружба пьетъ до дружки, дружка до пôддружбы, а пôддружба до пôддружка, и за тѣмъ дружки скачутъ черезъ столъ и поютъ:

122.

Скочили дружечки зъ за стола —
Бувай намъ, Мариню, здорова!
На тобѣ хусточка и чêпецъ,
А для насъ биндочки пôдъ вѣнецъ.

Свахи подхватываютъ:

123.

Дай, матѐнко, покрытенько
На своє детятенько!

Мать вынимаетъ рантухъ, подаетъ его дружбамъ, а тѣ, взявшись за его концы, ходятъ съ нимъ нѣсколько по хатѣ, и потомъ набрасываютъ на молодую, которую свахи закручиваютъ въ него и поютъ:

124.

Тоне вѣночокъ, тоне,
Плыне вѣночокъ, плыне —
Вѣночокъ на Дунаю,
А рубочокъ близько краю.

Послѣ того надѣваютъ на голову молодой шапку молодаго, встаютъ изъ за стола и поютъ:

125.

Злапалъ си, Иванё, пташину,
Любу, милу, красную —
Съ ручоньками, съ ноженьками,
Съ чорными оченьками.
До дому дружечки до дому, и проч.

Дружки отвѣчаютъ:

Не сама жъ я ту прійшла,
Не сама я ôтси пôйду:
Возьмѣтъ скрипки, цымбалы,
Заведѣтъ мя до мамы,
Дайте й коновочку пива,
Щобы мя мати не била!

Всѣ идутъ съ музыкой за ворота, гдѣ, попрощавшись, какъ слѣдуетъ, дружки отправляются домой, а прочіе назадъ въ хату, въ которой молодая встрѣчаетъ отца и мать на ослонѣ, прощается съ ними и отправляется тогда уже со всѣми въ домъ молодаго. Свахи поютъ:

126.

Остатне кланяненько,
На вѣки мешканенько!

Родные молодой поютъ:

127.

Памятай, Иваненьку —
Даемъ ти Мариненьку:
Щобъ не були ôкномъ дверй,
Щобъ не лягла безъ вечерй,
А якъ буде зимна роса,
Щобъ не ходила боса!

Свахи молодаго поютъ:

128.

Загортай, мати, жаръ:
За доньковь великій жаль;
Закидай сырй дрова:
Бувай, мати, здорова!

129.

Сѣдай, Мариню, съ нами
На малêвани сани:
У насъ горы золотыи
У насъ рѣки мêдяныи,
У насъ вербы грушки родятъ,
У насъ дѣвки въ злотѣ ходятъ.

Дорогою поютъ:

130.

Отвори, мати, лѣску —
Ведемо ти невѣстку;
Отвори, мати, скрыню —
Ведемо ти господыню,
До коморы ключницю,
До муки розфѣйницю.
Отверай, мати, хату —
Ведемо ти пелехату,
Она въ пецу не розпалитъ,
Бо си брови осмалитъ;
Она тѣста не замѣситъ,
Бо ей зъ носа сомпель виситъ:
Она коровы не выдоитъ,
Бо ся фоста боитъ;
Она не пôйде въ поле,
Бо тамъ въ ноги коле;
Она хаты не замете,
Бо ей гôрко ся зôгнути, и т. п.
Хоть о святôмъ дусѣ, и проч.

Мать встрѣчаетъ невѣстку на порогѣ, надѣвши на себя вывороченный кожухъ, а свахи поютъ:

Яка волна мохната,
Така невѣстка багата.

Мать подноситъ воду пить, и дѣлаетъ все прочее такъ, какъ мать молодой послѣ вѣнчанія молодому; см. N. 101. Потомъ подаютъ угощеніе, а по угощеніи провожаютъ молодыхъ въ стодолу, на ложе, которое дружбы стараются сдѣлать какъ можно хуже; свахи, провожая, поютъ:

131.

Иде Марина до ложа —
За нею Мати Божа,
Дае ей коруночку,
На ея головочку.

Вступая въ стодолу, дружба благословится у старосты, а вошедшiй въ нее, оба говорятъ молодой, чтобы она разула молодаго. Молодой въ обоихъ сапогахъ имѣетъ деньги за трудъ снимавшей, въ противномъ случаѣ она имѣетъ право голенищами оттрепать по ногамъ его. Затѣмъ притворяютъ крѣпко двери стодолы и удаляются въ хату къ прочимъ. Спустя извѣстное время, приводятъ молодыхъ въ хату, которую приказываютъ молодой подмести, что она и исполняетъ, а гости жартуютъ (шутятъ) и переносятъ соръ изъ одного угла въ другой. Потомъ надѣваютъ на нее очѣпокъ (родъ чепца), отправляютъ съ подарками (короваемъ и курицей) къ священнику, а отъ него и къ другимъ, кому слѣдуетъ отдать честь, при чемъ дорогой поютъ:

132.

Съ подарунками идемо,
Подарунки несемо,
Житнiи, цы пшеничнiи,
Щобы були величнiи

Въ заключенiе молодой отправляется къ роднымъ молодой, сопровождаемый дружбами, неся съ собою подарки имъ, т. е., жареную курицу и двѣ гусочки-колачики на тарѣлкѣ. Курица убрана барвѣнкомъ и калиною, а голову держитъ, словно живая, которую иногда и позолочиваютъ. По приходѣ съ этѣмъ подаркомъ, родные молодой поютъ:

133.

Добрая годинонька настала,
Що Марисенька по батенька пôслала,
Чотыре конѝ, пятый вôзъ,
Шестого вôзничого, щобь привêзъ.

Тутъ молодой проситъ родныхъ жены своей къ себѣ. Мать, взявши курицу, рѣжетъ ее на кусочки и подаетъ всей роднѣ, которая кушаетъ съ гусочками-колачиками, припѣвая:

134.

Принêсъ намъ зять курку,
Посадивши на бандурку:
Посадилъ ôнъ ê мудре —
Куприкомъ на полудне.

Послѣ того всѣ ѣдутъ къ молодому съ преданами (приданымъ), т. е., скрынею (сундукомъ), которую поставляютъ на возъ, сверху ея коровай и поручаютъ отвезти ее дружбѣ дѣвочему; на другой же возъ садятся отецъ и мать кое съ кѣмъ, и поютъ дорогою:

135.

Слѣдомъ, матѣнко, слѣдомъ —
А со пшеничнымъ хлѣбомъ,
Куда наша перепелонька,
Що съ нами ѣла, пила,
Що съ нами говорила,
До свѣта полетѣла.
Будемо по голосочку
Пôзнавати Маринечку.
Кобы Мариня знала,
Що ей батенько ѣде,
Ставила бы мосты
Съ золотои трости —
Батенька перевести,
Матѣнку перенести.

Узнавъ о приближеніи съ преданами, пôддружка наряжается тотчасъ молодою, выходитъ на дворъ здороваться съ родными и упавши въ ноги, хватаетъ за нихъ и старается повалить, что производитъ смѣхъ между смотрящими, а родные молодой поютъ:

136.

Ой не наше то дѣло,
Що до насъ тутъ прибѣгло;
Покажѣтъ намъ наше —
Наше золоте пташе,
Що съ нами ѣло, пило,
До свѣта полетѣло.

Когда смѣхъ утихнетъ, является молодая въ очѣпкѣ, здоровается съ родными, которые, поздоровавшись съ родными молодого, входятъ въ хату, садятся за столъ: мать молодой, вынувъ фляшку съ виномъ, убранную барвѣнкомъ и калиной, подчуетъ всѣхъ, а тѣ съ нею опять цѣлуются. Затѣмъ подаютъ перекуску (закуску), по которой раздаютъ коровай роднымъ молодаго, точно такъ, какъ было это вечеромъ въ воскресенье у молодой (см. N. 111 — 118); за раздачей короваи слѣдуетъ ужинъ.

Во **вторникъ** же утромъ прощаются съ дружбами и свѣтилками, которымъ молодая даритъ по лентѣ, и весёльные отправляются по своимъ домамъ.

Буде изъ молодыхъ кто **вдовецъ**, или **вдова**, то церемоніи такому никакой не бываетъ, а лишь тому, кто еще въ первый разъ вступаетъ въ бракъ. Вдовцу и вдовѣ совсѣмъ никакихъ церемоній не дѣлается.

Если изъ молодыхъ кто **сирота**, то представителемъ отца и матери такого бываетъ ближайшій изъ его родныхъ. По тому и пѣсни приспособляются къ этому обстоятельству, на примѣръ:

Кому жъ ты ся, Марисенько, кланяешь,
Коли свого батенька (матеньки) не маешь?
Зацвила въ лузѣ калина,
Є у мене батенько (матенька) чужина:
Поклонюся чужому,
Буде ми ся здавати, що свому.

Вмѣсто пѣсни подъ N. 65 поютъ:

Знати Галоньку
По лѣталоньку —
Що тихонько лѣтае:
Знати Мариню, що сирôтонька —
Бо батенька не мае.
Пôшлю я ворону
Въ чужу сторону,
По свою родиноньку,
А соколонька
По свого батенька,
Въ сыру земленьку.
Ворона летитъ,
Вѣстоньку несе —
Ѣде родина, ѣде,
А сокôлъ летитъ,
Вѣстоньку несе —
Не буде батенько, не буде.
Радъ бы я витати,
Та й привôдъ дати,
Своему дитяточку —
Сыра земленька,
Заступила оченька,
Прилягла ми ручку.

Отправляясь къ вѣнцу:

Отворѣтся, ворота, —
Ѣде до шлюбу сирота!
Єи серденько ся здрыгає,
Що свого батенька не має.
Кликнули янголй въ небѣ,
Збудили батенька въ гробѣ:
«Ой встань, батеньку, до суду —
Твоє дитятко ѣде до шлюбу!»

ГАЁВКИ.

А. Гаёвки въ тѣснѣйшемъ смыслѣ.

Дѣвушки, распѣвая этѣ гаёвки, берутъ дружка дружку за руку, образуютъ длинную плотную вереницу и дѣлаютъ самыя разнообразныя движенія, словно какъ бы ходили въ гаѣ (рощѣ). Но гаёвки въ обширномъ смыслѣ имѣютъ каждая свое особое тѣлодвиженіе.

1.

Ой вже весна вскресла!
Ой що же 'сь намъ принесла? —
«Принесла 'мь вамъ паски,
Яйцй и колбаски,
На дѣвоньки краски,
На дѣвки вѣнки,
На молодицй рубки,
На паробки шлеи,
Бо у нихъ долги шеи. *

2.

Тамъ коло двора сидѣла вдова,
Ой мала жь она та три дѣвоньки:
Одна зъ нихъ була тонка, высока,
А друга була бѣла, румяна,

---

* Каждый стихъ повторяется.

А третья була чорна, горбата.
Тонка, высока для поповича,
Бѣла, румяна для крôлёвича,
Чорна, горбата то для панича.
Ой якъ ся взяли паны съѣздити,
Такъ взяли ему её ганити:
Цы жь тамъ не було бѣлыхъ, румяныхъ?
Цы жь тамъ не було тонкихъ, высокихъ?
А ты собѣ взялъ чорну, горбату!
Липка тоненька борзо ся зломитъ,
Редьква бѣленька, коли гôренька,
Мачокъ чорненькій, гой солоденскій.

3.

На широкôмъ Дунаю писарь гуси зганяе,
Гу-у! гу-у! гугугу! писарь гуси зганяе.
Писарь гуси зганяе, на молодцѣ моргае,
Гу-у! гу-у! гугугу! на молодцѣ моргае.
Ой молодцѣ, молодцѣ! скажѣтъ моей дѣвоньцѣ,
Гу-у! гу-у! гугугу! скажѣтъ моей дѣвоньцѣ
Най она замужъ иде, бо ся мене не дôжде,
Гу-у! гу-у! гугугу! бо ся мене не дôжде.
Якъ дѣвчина почула, ажъ за Дунай махнула.
Гу-у! гу-у! гугугу! ажъ за Дунай махнула,
Накопала корêня зъ пôдъ бѣлого камêня,
Гу-у! гу-у! гугугу! зъ пôдъ бѣлого камêня.
Полоскала на рѣцѣ, варила го въ молоцѣ,
Гу-у! гу-у! гугугу варила го въ молоцѣ.
Ой вставила до жару: «Кипи, корêнь, по малу,
Гу-у! гу-у! гугугу! кипи, корêнь, по малу!»
Ой ще корêнь не вкипѣлъ, а вже писарь прилетѣлъ,
Гу-у! гу-у! гугугу! а вже писарь прилетѣлъ.
Ой чого жь ты прилетѣлъ, коли 'сь мене не хотѣлъ?
Гу-у! гу-у! гугугу! коли 'сь мене не хотѣлъ?
Якъ бы я тя не хотѣлъ, я бъ до тебе не летѣлъ,
Гу-у! гу-у! гугугу! я бъ до тебе не летѣлъ.

Всёй же я свѣтъ вже злѣталъ, щемъ такои не видалъ,
Гу-у! гу-у! гугугу! ще 'мъ такои не видалъ:
На станочку тоненька, на личеньку бѣленька,
Гу-у! гу-у! гугугу! на личеньку, бѣленька.
Всёй же я свѣтъ вже злѣталъ, щемъ такои не видалъ,
Гу-у! гу-у! гугугу! щемъ такои не видалъ.
Ой на стану, на стану, такой я тя дôстану,
Гу-у гу-у! гугугу! такой я тя дôстану!
Ялôвнику безъ лѣку, скрыня грошей въ стебнику,
Гу-у! гу-у! гугугу! скрыня грошей въ стобнику!
Скрыня грошей въ стебнику, и дѣвчина въ лѣтнику,
Гу-у гу-у! гугугу! и дѣвчина въ лѣтнику!
Трицять коней на стайни, сорокъ овецъ въ кошари,
Гу-у! гу-у! гугугу! сорокъ овецъ въ кошари!

4.

Пôшли два братй въ поле орати,
Ганунька сестра ѣстоньки несла:
Ой здыбало её гей бы два братй,
Гей бы два братй, два нежонатыхъ.
Дали Гануньцѣ коня тримати,
А сами сѣли, снѣданьє съѣли.
Взрѣла Ганунька, що неправдонька,
Пустила коня въ чистое поле,
Сама скочила въ синёе море;
Ой якъ скакала, наповѣдала,
Щобы въ тôмъ морю воды не брати,
На водѣ пѣна, — щобъ не сбирати,
На травѣ роса, — щобъ не щипати,
Въ лѣсѣ береза, — щобъ не рубати,
Въ лузѣ калина, — щобъ не ломати,
Въ терну тернина, — щобъ не сбирати,
На грущцѣ груша, — щобы не рвати.
Бо въ морю вода — Гандзына врода,
На водѣ пѣна — Гандзына мѣна,
А въ травѣ роса — Гандзына коса,

Въ лѣсѣ береза — Гандзыне тѣло,
Въ лузѣ калина — Гандзыне личко,
Въ терну тернина — Гадзыни очи,
На грушцѣ груша — Гандзына душа.

5.

Ходжу, броджу по пôдъ лозы, душко моя!
Щиблю, ломлю барвêнъ-листокъ — —
Барвêнъ-листокъ, синій цвѣтокъ — —
Синій цвѣтокъ, я вью вѣнокъ — —
Я вью вѣнецъ, пôйду въ танецъ — —
А въ тôмъ танци нелюбъ ходитъ — —
Богдай вѣнка ажъ до вѣка — —
Якъ нелюба до обѣда — —
Нелюбъ гляне — вѣнецъ ване — —
Милый гляне — вѣнецъ цвѣте — —

6.

Ой ты зазуле, ты дубрôвная,
Ой не куй рано въ тôй дубровонцѣ,
Та не буди мене та въ коморонѣцѣ!
Бо у мене свекорь, та не батенько,
Скаже ôнъ мêнѣ дѣло робити,
Зъ долины въ гору камêнь котити!
Ой ты зазуле, ты дубрôвная,
Ой не куй рано въ тôй дубровонцѣ,
Та не буди мене въ тôй дубровонцѣ!
Бо у мене свекроха, та не матêнка,
Збудитъ мене ранче ôтъ себе,
Та скаже мêнѣ дѣло робити,
Зъ долины въ гору камêнь котити!

7.

Молодая ключниця по замкахъ ходила,
Молодого сторожа за руку водила:
«Стороже, жарты замкни въ чотыри замки,
Щобы не залѣталъ сивый соколенько,
Щобы не выносилъ паненьской красы!
Паненьска краса, якъ на барвѣнку роса:
Въ сырватцѣ мочена, на Дунаю прана,
На Дунаю прана, на шнурку сушена,
На шнурку сушена, на столѣ тачана,
На столѣ тачана, въ папѣръ завинена,
Въ папѣръ завинена, шпильковъ зашпилена,
Шпильковъ зашпилена, до куфра схована!»

Молодая ключниця по замкахъ ходила,
Молодого сторожа за руку водила:
«Стороже, жарты замкни въ чотыри замки,
Щобы не залѣталъ сивый соколенько,
Щобы не выносилъ паробоцкой красы!
Паробоцка краса, якъ на смѣтью роса:
Въ помыяхъ мочена, въ калабанѣ прана,
Въ калабанѣ прана, на плотѣ сушена,
На плотѣ сушена, на землѣ тачана,
На землѣ тачана, въ мѣшокъ завинена,
Въ мѣшокъ завинена, шиломъ зашпилена,
Шиломъ зашпилена, до грубы схована!»

8.

Дивно жь намъ, дивнесенько, пойшли дѣвки на вино,
Дивно жь н. д., молодиця за ними,
Д. н. д., а паробки назорцѣ,
Д. н. д., закупили дѣвки три крамы,
Д. н. д., молодицѣ три домы,
Д. н. д., а паробки три поярнѣ:
Д. н. д., берутъ дѣвки стонжечки,

Д. н. д., молодиций рантушки,
Д. н. д., а паробки колпаки.
Д. н. д., сыплятъ дѣвки червони,
Д. н. д., молодиций таляри,
Д. н. д., а паробки черепки.
Д. н. д., берутъ дѣвки медъ-вино,
Д. н. д., молодиций горѣлку,
Д. н. д., а паробки пивище.

9.

Тамъ пôдъ дубрôвкою, пôдъ зелененькою,
Тамъ паробки комарй бьютъ.
Тамъ пôдъ д. п. з. вже едного забили.
Т. п. д. п. з. пôшли жь они до пана,
Т. п. д. п. з. будуть ся нимъ дѣлили.
Т. п. д. п. з. припалъ (котрому тамъ) толубецъ:
Т. п. д. п. з. «Цы жъ я, пане, не молодецъ?» —
Т. п. д. п. з. «Иди, Иваню, до дому,
Т. п. д. п. з. спече мати печеню,
Т. п. д. п. з. будешь мати вечерю!»

10.

Ойще жь я тамъ не бувалъ,
Где ся явôръ розвивалъ.
Ой яворе, явореньку зелененькій!
Ой взôшло жъ тамъ, взôйшло
Три мѣсяцй ясныхъ, ой яворе, я. з.
Три мѣсяцй ясныхъ,
Три паробки красныхъ: ой яворе, я з.
Єдинъ ми найкрасшій,
Нашъ Василенько, ой яворе, я. з.
Другій ми найкрасшій,
Нашъ Иваненько, ой яворе, я. з.

Третій ми найкрасшій,
Нашъ Гринуненько, ой яворе, я. з.

Ой ще жъ я тамъ не бувалъ,
Где ся явôръ розвивалъ, ой яворе, я. з.
Взôйшло жь бо тамъ, взôйшло,
Три зôроньки ясныхъ, ой яворе, я. з.
Три зôроньки ясныхъ,
Три дѣвоньки красныхъ: ой яворе, я. з.
Єдна ми найкрасша,
Наша Марисенька, ой яворе, я. з.
Друга ми найкрасша,
Наша Гануненька, ой яворе, я. з.
Третья ми найкрасша,
Наша Тацуненька, ой яворе, я. з.
А Мариню взяти,
Съ Василемъ свѣнчати, ой яворе, я. з.
А Ганусю взяти,
Съ Иванёмъ свѣнчати, ой яворе, я. з.
А Тацуню взяти,
Съ Гринунёмъ свѣнчати. ой яворе, я. з.
Мариня со своимъ,
Йде въ холодокъ спати, ой яворе, я. з.
Гануся со своимъ
Йде въ поле робити; ой яворе, я. з
Тацуня со своимъ
Йде до коршмы пити, ой яворе, я. з.
Василь иде со своевь,
Очи протирае; ой яворе, я. з.
Иванъ иде со своевь,
Та й плаче, та й плаче; ой яворе, я. з.
Гринё иде со своевь,
Та й скаче, та й скаче, ой яворе, я з.

11.

А въ школѣ на припêчку,
Гралъ дѣдько на скрипочку:
Паробки ся позбѣгали,
И передъ нимъ таньцювали.

12.

Пôдъ порогомъ паця квичитъ,
На припêчку кисêль бѣжитъ,
На постели воркунъ ворчитъ;
Паця каже: «Нагодуй мене!»
Кисêль каже: «Помѣшай мене!»
Воркунъ каже: «Поцѣлуй мене!»

13.

Въ поповôй долинѣ
Выздыхали всѣ свинû:
Хлопцû ся сбѣгали,
Зубами вытягали.

14

Та вербовая дощечка, дощечка,
Та ходила по нêй Настечка, Настечка,
Та решетомъ воду носила, носила,
Та дубровоньку гасила, гасила.
Та кôлько въ тôмъ решетцю водицû, водицû,
Тôлько въ паробкахъ правдицû, правдицû.
Що вступлю, то влуплю сухого деревця калинки, калинки,
Та роскладу огникъ съ тернинки,
Та приставлю борщикъ въ горнятку, въ горнятку;

А въ тôмъ борщику мысяча головка, головка,
Кто ёё буде ѣсти? — Паробки, паробки!

Та вербовая дощечка, дощечка,
Та ходила по нёй Настечка, Настечка,
Та решетомъ воду носила, носила,
Та дубровоньку гасила, гасила,
Та кôлько въ тôмъ решетцю дирочокъ, дирочокъ,
Тôлько у насъ дѣвочокъ, дѣвочокъ.
Що вступлю, то влуплю сухого деревця калинки, калинки,
Та роскладу огникъ съ тернинки, съ тернинки,
Та приставлю каши въ горнятку, въ горнятку;
А въ той кашонцѣ грудка масла, грудка масла,
Кто ёё буде ѣсти? — Дѣвочки, дѣвочки.

15.

Въ (якôмъ тамъ сосѣднôмъ мѣстцѣ) дощикъ иде. —
До (своего села) не чувати:
«Идѣтъ, люди, дивитися,
Иди, Гринуненьку, женитися!»
Поѣхалъ ôнъ на озериско,
Везе Мариню якъ помелиско.
Та й лѣталъ, та й лѣталъ по пôдъ небеса,
Причѣпилъ си жорна до пояса:
Где стане — крупы меле,
Крупы меле, опалае,
Та й Мариню обôймае.
Крупы меле, кашу варитъ,
Кашу варитъ, кишки паритъ,
Бо ёй на Великдень живôтъ болитъ.

16.

Сидѣла квочка коло кôлочка:
Буклѣя, моя милая,
Ты зъ мене мыслями духъ выяла!

Вывела она семеро курятокъ,
Буклѣя и т. д
Єдно жъ ми курятко — нашъ Иваненько,
Буклѣя и т. д
Друге ми курятко, — нашъ Грипуненько.
Буклѣя и т. д

Тутъ перебираютъ пѣвицы нѣсколько парубковъ, которые невдалекѣ отъ нихъ находятся. выставляя каждаго разныя добрыя или дурныя стороны, на примѣръ:

У Ивасенька горбатый тѣсчонько,
Буклѣя и т. д.
А у Грипуненька великіи патлы,
А въ Василенька великіи зубы,
А въ Павлуненька бѣлыи рученьки,
А въ Яндрусенька чорніи оченька, — и т. д.
Горбатыми плечами плôтъ пôдперати,
Буклѣя и т. д.
Великими патлами пецъ замѣтати,
Великими зубами корыта стругами,
Бѣлыми руками паненки витати,
Чорными очима листы писати и т. д..

Б. Гаёвки въ обширнѣйшемъ смыслѣ.

Поставивъ одну дѣвушку посередкѣ, прочія дѣвушки, взявшись за руки, окружаютъ ее, и потомъ, ходя округъ ея, поютъ:

1.

Чернушко-душко, вставай раненько,
Вставай раненько, вмывай личенько!
Хотятъ тя люди взяти,
Хочемъ тя за мужь дати.

Стоящая по середкѣ, спрашиваетъ:

За кого, матусенько?
За кого, любусенько?

Прочія отвѣчаютъ:

За господаря, за его сына.

Первая:

Не пойду, матусенько!
Не пойду, любусенько!
За господаремъ треба рано встати,
Тра рано встати, обѣдъ варити:
Не пойду, матусенько!
Не пойду, любусенько!

Прочія повторяютъ сначала: «Чернушко-душко» и т. д., прибавляя: «що бы вставала раненько и вмывала личенько, бо ю хотятъ люди взяти, бо ю хотятъ замужъ дати», а она спрашиваетъ снова: «за кого.» Тѣ отвѣчаютъ:

За Цыгана,
За его сына! —

Она опять отвѣчаетъ, що «не пôйде», бо:

За Цыганиномъ, за его сыномъ,
Тра рано встати, мѣшкомъ дымати,
А я не вмѣю, тай ще не смѣю:
Не пôйду, матусенько! и проч.

Дѣвушки снова поютъ: «Чернушко-душко» и проч., прибавляя, что теперь выдадутъ ее «за Поповича, за его сына,» но она и того «не хочетъ,» бо:

За Поповичомъ тра рано встати,
Тра рано встати, книжку читати: —
Не пôйду, матусенько! и проч.

Тогда дѣвушки поютъ ей, что отдадутъ ее «за дѣдовина, за его сына;» она, по прежнему, «отказывается,» бо:

За дѣдовиномъ, за его сыномъ,
Тра рано встати, торбы латати:
Не пôйду, матусенько! и проч.

Наконецъ соглашается выйти:

За ганчарика, за его сына!
Ой пôйду, матусенько!
Ой пôйду, любусенько!
За ганчарикомъ, за его сыномъ,
Тра долго спати, нерано встати:
Онъ зробитъ горнецъ, возьме червонецъ,
Ой пôйду, матусенько!
Ой пôйду, любусенько!

2.

Дѣвушки становятся вокругъ, каждая отдѣльно, и поютъ:

Вонъ, хлопцѝ, вонъ, на горѣ лёнъ,
На долинѣ зеленецъ, за три грошѝ молодецъ,
А за таляръ дѣвка, а за таляръ дѣвка!
Мои люби ластôвочки,

Просили васъ, матёночки,
Ой сôйдѣтся вразъ,
И въ долонѝ трясъ!

И сошедшись разомъ въ кучку трясъ въ ладони! но въ тактъ всѣ до одной. Потомъ, стоя вмѣстѣ, поютъ сначала, а въ концѣ прибавляютъ:

Розôйдѣтся вразъ,
И въ долонѣ трясъ!

Далѣе:

Отвернѣтся вразъ,
И въ долонѣ трясъ!
Присядьте си вразъ,
И въ долонѣ трясъ! —
Полягайте вразъ,
И въ долонѣ трясъ! — и т. п.

3.

Одна стоитъ посередкѣ, а прочія, окруживъ ее, подаютъ дружка дружкѣ руки и, ходя вокругъ ея, поютъ:

Ходитъ качорь въ гороховôмъ вѣнку,
Выбирай си, качорику, що найкрасшу дѣвку!

Середняя беретъ одну изъ нихъ, кружится съ нею и отпускаетъ къ прочимъ, что повторяется нѣсколько разъ, пока каждая дѣвушка не пропляшетъ съ качорикомъ.

4.

При этой пѣснѣ наблюдается тоже самое, что и при пѣснѣ N. 3.

Та любесенькій голубе, голубе!
Та сивесенькій соколе, соколе!
Ой такъ, зайку, въ скоки, боки!
Ой такъ, зайку, та въ долоньки!
Скочкомъ-бочкомъ перевернися,
Гребêньчикомъ розчешися!
Ой взуй же ся въ черевички,
Шукай собѣ паненочки!

5.

При этой пѣсьнѣ наблюдается тоже самое, что и при пѣсьнѣ N. 3.

Тымку мôй рожовый,
Где жъ ти былъ? «Во Львовѣ!» —
Що жъ ти тамъ давали?
«Сто злотыхъ червоныхъ!» —
Ты, небоже, Тымку,
Возьми собѣ Химку,
Съ котровь хочь,
Та пôдскочь! —

6.

Дѣвушки становятся, какъ при N. 3-мъ; стоящая въ середкѣ представляетъ «дѣда», а дѣвушки поютъ:

Ой йди, дѣду, гусята пасти!
Ой дѣдъ, дѣдъ розстогнался!
Ой, йди, дѣду, гусятину ѣсти!
Ой дѣдъ, дѣдъ розскакался! —
Ты старый дѣду, чому ся не женишь!

Дѣдъ отвѣчаетъ:

«Старои не хочу, молода не пôйде.»

Всѣ повторяютъ:

Тану, Тану, тану! молода не пôйде.
Дѣдъ: Хоть она пôйде, въ пецу не розпалитъ;
Всѣ: Тану, т. т. въ пецу не розпалитъ.
Дѣдъ: Хоть въ пецу розпалитъ, ничого не приставитъ;
Всѣ: Тану, т. т. ничого не приставитъ.
Дѣдъ: Хоть она приставитъ, то го не посолитъ;
Всѣ: Тану, т. т. то го не посолитъ;
Дѣдъ: А хоть го посолитъ, то го не сваритъ;
Всѣ: Тану, т. т. то го не сваритъ.
Дѣдъ: Хоть она го сваритъ, то го не поставитъ;
Всѣ: Тану, т. т. то го не поставитъ.
Дѣдъ: Хоть мыску поставитъ, то сама не сяде.
Всѣ: Тану, т. т. то сама не сяде.

У тебе, дѣдуню, борôдка шолкова,
У тебе, дѣдуню, оченька тернови.
Поѣдь но, дѣдуню, та на ярмарчище.
Та купи на бабу велику фандище!

7.

Поставивъ одну въ серединѣ, прочія дѣвушки окружаютъ ее въ недальнемъ разстояніи. Первая представляетъ любезную парубка, или жену, а послѣдвія — парубка, и поютъ:

Чому, Галю, не таньцюешь? Галю! Галю!

Средняя отвѣчаетъ:

Бо не маю черевичкôвъ, кавалеру!

Дѣвушки отвѣчаютъ:

А я тобѣ черевички справлю, справлю!

Середняя:

То я тобѣ потаньцюю,
Ще й Вашецѣ поцѣлюю, кавалеру!

Такъ перебирается одежда дѣвичья или лѣтникъ. Послѣ къ середней присоединяется одна, а прочія поютъ:

Пôйду жъ бо я зъ мѣста до мѣста,
Та куплю женѣ черевички зъ краму.
Чекай, жено, най примѣряю:
Цы вразъ, цы гараздъ, цы не коротеньки.

Вновь присоединившаяся показываетъ, что примѣряетъ середней черевички, и вдругъ отъ радости, что онѣ какъ нельзя лучше по ногѣ, прижимаетъ ее къ себѣ и цѣлуетъ, а прочія поютъ:

Жоно жъ моя, жононько,
Та мое жъ ты серденько!
Пôйду жъ бо я зъ мѣста до мѣста,
Та наберу жонѣ сороченьку зъ краму;
Чекай, жоно, най змѣряю! и проч.

8.

Дѣвушки, взявшись за руки, составляютъ кругъ, по середкѣ котораго становится одна изъ нихъ, представляющая парубка и поетъ:

Ой пôйду жь бо я ажь до Люблина
По холодочку въ лѣтѣ, по студененькой росѣ,
Ажь до Люблина дѣвку любити, —
По холодочку въ лѣтѣ, и проч.

Стоящая въ середкѣ выбираетъ себѣ изъ прочихъ дѣвушекъ тестя, свекровь и т. п., и поетъ:

Вотъ-тото буде та мôй тестенько!
Вотъ-тото буде моя свекронька!
Вотъ-тото буде мôй рôдный братенько!
Вотъ-тото буде моя сестронька!
А вотъ-тото буде моя миленька!

Прочія дѣвушки:

По холодочку въ лѣтѣ,
По студененькой росѣ.

Всѣ разомъ:

Дѣвку 'мь си влюбилъ,
Тестя 'мь си найшолъ,
По холодочку въ лѣтѣ,
По студененькой росѣ.

Женихъ, оженившись поетъ:

Ой ты, батеньку, горѣлки возьми,
А ты, матѐнко, колачѝ печи,
А ты, братчику, пива навари,
А ты, сестронько, хустоньки пери,
А ты, миленька, со мною ходи!

Прочія дѣвушки:

По холодочку въ лѣтѣ,
По студененькой росѣ.

Мужъ, недовольный тѣми, показываетъ имъ кулаки:

Тобѣ, батеньку, вотъ тото буде!
Тобѣ, матѣнко, вотъ тото буде! и т. д.
А ты, миленька, ходи со мною!

Дѣвушки поютъ.

По холодочку въ лѣтѣ,
По студенькой росѣ.

За тѣмъ мужъ велитъ женѣ своей итти съ нимъ; но тутъ онъ, опомнившись, начинаетъ передъ родными извиняться.

Ой ты, батеньку, та не гнѣвайся,
Я вчора пьянъ былъ, та не тямился.
Ой ты, матѣнко, та не гнѣвайся и т. д.

Дѣвушки доканчиваютъ:

По холодочку въ лѣтѣ,
По студененькой росѣ.

Видя, что жена не идетъ съ нимъ, спрашиваетъ всѣхъ:

Кто видалъ, кто слыхалъ
Мою жену на торзѣ?

Дѣвушки отвѣчаютъ:

А мы её видимо, тобѣ её не дамо.

Мужъ:

А а вамъ яйця дамъ,
Свою жену выдурю!

Дѣвушки:

А мы яйце изъѣмо,
Тобѣ жены не дамо.

Мужъ обѣщаетъ дѣвушкамъ дать всего изъ освящаемаго при Пасхѣ, но тѣ отвѣчаютъ, что онѣ все то скушаютъ, а жены все таки не выдадутъ ему; подъ конецъ мужъ говоритъ:

Я перстѣнецъ вамъ пôдкочу,
Свою жену выхвачу!

А дѣвушки отвѣчаютъ:

А мы перстѣнецъ на палецъ,
Тобѣ жены — кавалецъ!

Мужъ, разсердившись, бросается къ женѣ, которая стоитъ за коломъ (внѣ круга), но дѣвушки берутъ ее въ коло (кругъ), смѣются надъ его гнѣвомъ, и расходятся, припѣвая:

Я въ городоньку якъ панъ, якъ панъ,
А за городонькомъ якъ песъ, якъ песъ!

9.

Коло (кругъ), какъ подъ N 8-мъ. Стоящая посерединѣ кола представляетъ воробця, которому дѣвушки предлагаютъ вопросы:

Та воробчику спадку, спадку!
Цы бывалъ же ты въ садку, въ садку?
Цы видалъ же ты, якъ пôдъ макъ орютъ?

Воробчикъ ковыряетъ палочкой по землѣ, а дѣвушки поютъ:

Ой такъ, такъ, орютъ пôдъ макъ!

Та воробчику спадку, спадку!
Цы бывалъ же ты въ садку, въ садку?
Цы видалъ же ты якъ макъ сѣютъ?

Воробчикъ машетъ рукой, какъ то дѣлается при сѣяніи, а дѣвушки поютъ: «Ой такъ, такъ, сѣютъ макъ!» и опять спрашиваютъ: «Якъ макъ скородятъ, полятъ, жнутъ, трясутъ?» На это, въ отвѣтъ, воробчикъ деретъ пальцами по землѣ, рветъ, траву, показывая руками, какъ жнутъ и т. п., а дѣвушки, похваливъ его за то, поютъ: «Ой такъ такъ, скородятъ, полютъ, жнутъ, трясутъ макъ!»

10.

Дѣвушки, взявшись за руки, образуютъ длинный рядъ, при чемъ двѣ первыя, отступивъ немного, поднимаютъ руки, подъ которыми проходятъ прочія, начиная съ конца ряда, и поютъ:

Ой війте ся огѐрочки,
Закѣмъ будутъ насѣнночки,
Щобъ ся люде дивовали,
Що ся красно повязали!

Ой погорѣ, по долинѣ,
Щобы было всей родинѣ!
Ой вьются огêрочки, вьютъ,
У дѣвчины на подвôрю медъ-вино пьютъ.

Когда весь рядъ пройдетъ такимъ образомъ подъ руками, то лѣвая рука задней очутится на лѣвомъ плечѣ передней, а правая рука передней — на ея лѣвомъ плечѣ, лѣвой же держится третьей дѣвушки. Тутъ поднимаютъ обѣ руки, подъ которыми опять цѣлый рядъ дѣвушекъ проходитъ, отъ чего вторая дѣвушка пріидетъ къ третьей въ то самое положеніе, въ какомъ была первая съ нею, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ не повяжутся. Ясно, что послѣдняя въ ряду не завяжется; почему она, взявши предпослѣднюю, обходитъ съ нею всѣхъ прочихъ, и потомъ становится вдвоемъ обокъ. То же самое дѣлаютъ слѣдующія двѣ и по окончаніи присоединяются своею парой къ первой, и это повторяется, пока всѣ не станутъ парами, одна подлѣ другой. Во время того дѣйствія поютъ:

Иванчику, Бѣлоданчику (или Подолянчику):
Поплынь, поплынь по Дунайчику,
Та зъ калинового лугу,
Выведу пару другу!

Становятся парами, нѣсколько отступя, кромѣ послѣдней, которая идетъ подъ руками всѣхъ прочихъ, и, отошедши, останавливается передъ первою. Это дѣлаютъ и слѣдующія пары, что продолжается столько, сколько угодно. При семъ дѣвушки поютъ:

Воротарю, воротнику!
Отвори ми воротонька! —
Ой що жъ то ми за панъ ѣде?
Ой що жъ то ми за даръ везе? —
Крайнêе детятенько,
Золотое зернятенько.

Послѣ сего дѣвушки становятся парами обокъ себя такъ, что обѣ дѣвушки изъ пары стоятъ одна противъ другой и держатся за обѣ руки, при чемъ правою рукой хватается за лѣвую на *кôсткахъ*, а лѣвою за правую руку своей товарки тоже на *кôсткахъ*. Когда всѣ пары установятся, то составится какъ бы *помôстъ* изъ рукъ, на которой пускаютъ дѣвочку, чтобъ она по немъ ходила, а прочія поютъ:

Ходитъ жукъ по ручинѣ,
А жучиха по деревинѣ.
Грай, жучку, грай,
То тобѣ край!

Ой дайте намъ околота,
Поведемъ хлопцѝ до болота,
А въ болотѣ хлопцѝ плачуть,
А въ золотѣ дѣвки скачуть.
Грай, жучку, грай, небоже,
Най ти Панъ Бôгъ допоможе!

11.

Дѣвушки становятся гурмою (толпою), передъ которую выходитъ одна и говоритъ: «Помогай Бôгъ вамъ!» Прочія отвѣчаютъ: «Дай, Боже, здоровье!» Первая спрашиваетъ: «Где вашъ Кострюбъ?» Тѣ отвѣчаютъ: «Поѣхалъ на ярмарокъ!» — «Чого?» — «Сорочку набирати.» — «Кому?» — «Менѣ.» — «Не иншôй.» Дѣвушка представляетъ несчастную, которая не могла съ своимъ милымъ никакъ сойтись; узнавъ, что онъ уѣхалъ на ярмарку за сорочкой для другой, жалѣетъ, что поздно рѣшалась открыться ему въ своей любви. Дѣвушки, какъ бы родные ея милаго, поютъ:

Головонько моя бѣдна!
Що жь бо я и вчинила?
Що жь бо я и вчинила?
Кострюбонька не злюбила.
Прїѣдь, прїѣдь, Кострюбоньку!
Стану съ тобовь до шлюбоньку,
Въ недѣлю-недѣленьку,
На тôмъ сивôмъ кониченьку!

Несчастная снова повторяетъ: «Помогай Бôгъ вамъ!» и проч., и получаетъ подъ конецъ въ отвѣтъ, что ея Кострюба поѣхалъ, спôдницю набирати, для другой; это приводитъ ее въ смутокъ (печаль), и дѣвушки поютъ также, какъ и въ первый разъ, что повторяется до тѣхъ поръ, пока не переберутъ всего наряда дѣвичьяго, который Кострюба отправился купить для другой; потомъ говорятъ, что поѣхалъ въ старосты, къ другой, чтобъ тамъ обвѣнчаться. «А котра жъ то его наречена жена?» спрашиваетъ она въ сердцахъ. «А отъ котря!» отвѣчаютъ, указавъ на одну изъ среды своей, которая представляется ей дурною, похуже ея, и потому она поетъ:

Слава жь тобѣ, святый Боже,
Ой вже мене Кострюбъ вôзьме!

Узнавши наконецъ, что Кострюбъ умеръ, обманувшій ея надежду, она, вмѣстѣ съ дѣвушками, поетъ съ отчаянія, смѣшаннаго вмѣстѣ съ радостью:

Слава тобѣ, святый Царю,
Вже мôй Кострюбъ на цминтарю!

Нѡ̂женьками придоптала,
Рученьками приплескала:
Лежи, дурню, теперь въ ямѣ,
Наклялъ ты ся моей мамѣ!

12.

Слѣдующая гаёвка поется смѣшаннымъ языкомъ, Русско-Польскимъ. Садится замужняя женщина и беретъ на колѣна дѣвочку, которая ложится ницъ. Другія дѣвушки садятся вокругъ ея, а три изъ нихъ, ставши передъ замужней, поютъ:

Pomagaj Bóg, Żelman, Pomaga Bóg jego brat,
Pomagaj Bóg Żelmanowa rodzina!

Сѣдящія отвѣчаютъ, какъ въ самой пѣсьнѣ, при чемъ слово Żelman обѣ стороны употребляютъ:

Bodaj zdrów, Żelman, bodaj zdrów jego brat,
Bodaj zdrów, Żelmanowa rodzina!
Woco, woco, Żelman, woco, woco jego brat,
Woco, woco, Żelmanowa rodzina? —
Wo panienkie, Żelman, wo panienkie jego brat,
Wo panienkie, Żelmanowa rodzina! —
Na jakij grunt, Żelman, na jakij grunt jego brat,
Na jakij grunt, Żelmanowa rodzina? —
Na chłopski grunt, Żelman, na chłopski grunt jego brat,
Na chłopski grunt, Żelmanowa rodzina! —
А мы панны не маемо,
На хлопскій грунтъ не даемо,
Idź precz, Zelmanowa rodzina! —
Бувай здоровъ, Жельманъ,
Бувай здоровъ jego brat,
Бувай здоровъ Zelmanowa rodzina! —

Дѣвушки удаляются, а сѣдящія возвращаютъ ихъ:

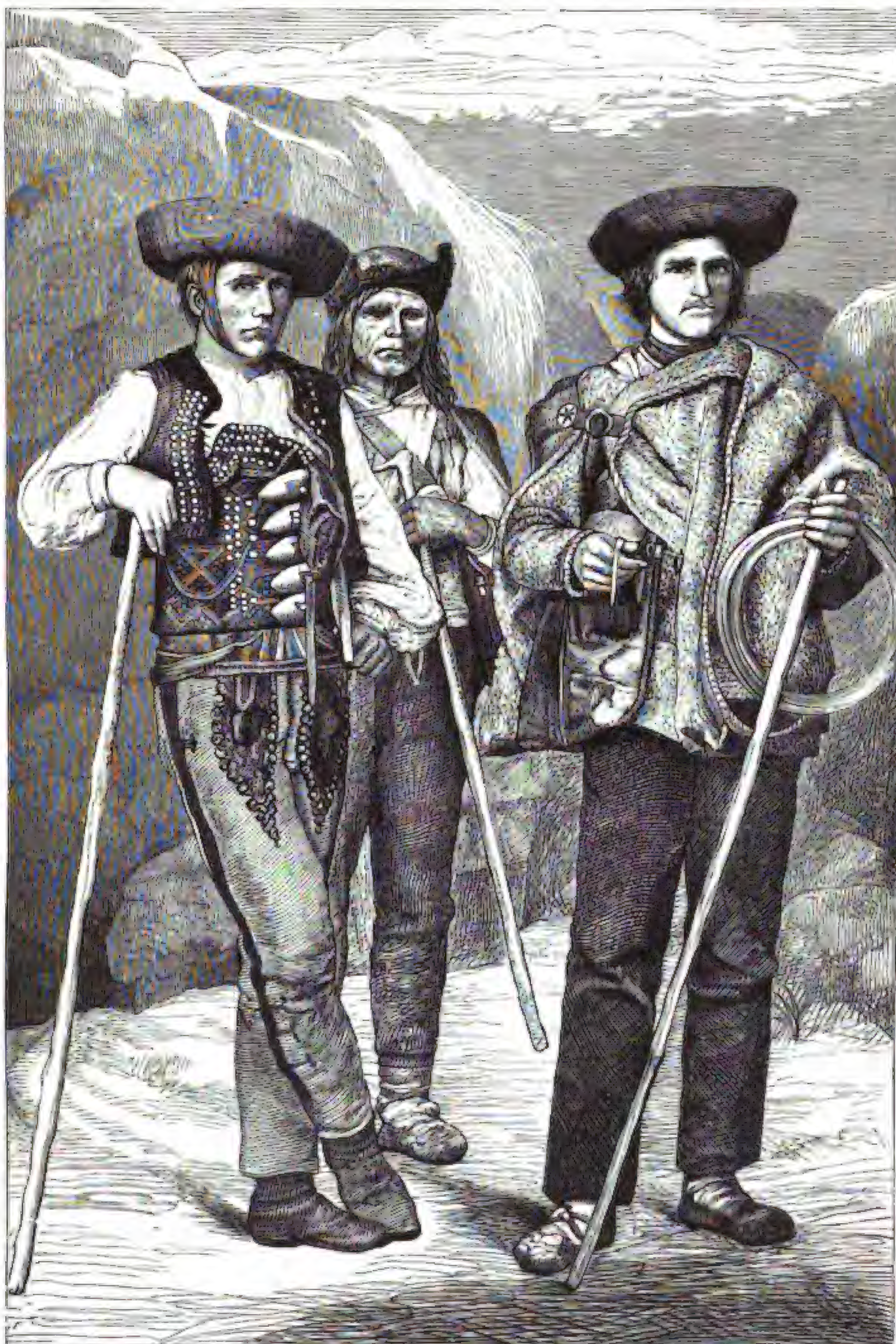
Wróć się, wróć się, Żelman,
Wróć się, wróć się, jego brat,
Wróć się, wróć się, Żelmanowa rodzina!

Тѣ возвращаются и снова начинаютъ пѣть, приглашая ее выйти замужъ на грунтъ шляхецкій, поповскій, дѣдовскій (сельскій), наконецъ на Королевскій.

Теперь панну мы маемо,
На Кролёвскій грунтъ даемо,
Вотъ панна, вотъ, Zelmanowa rodzina!

Взявши отданную, отправляются съ нею въ другую сторону кладбища, гдѣ спрашиваютъ ее, умѣетъ ли она жати, вязати, и т. п., на что та отвѣчаетъ: «Нѣ, мене мамуня моя того не вчила,» за что въ нее, какъ нездалую (неученую), тыкаютъ пальцами, а она убѣгаетъ къ своей мамѣ, къ которой прочія приходятъ и поютъ:

Przyjdź, duszko, przyjdź!
Przyjdź, swaszko, przyjdź!
Зле 'сь си доньку научила,
Дитину 'сь ми зволочила! —
Зле 'сь си сына научила,
Дитину 'сь ми зволочила!
Przyjdź, duszko, przyjdź!
Przyjdź, swaszko, przyjdź!
Єдна воша варена,
А друга печена!
Ср... стара, ѣджь си сама! —
Твоя донька хлѣбъ садила,
На лопатѣ воши била! —
А твôй сынъ молотилъ,
На копици воши билъ!
Твоя донька лядащиця,
Твоя донька нездалиця!
Послали ё до овецъ,
Пок олоъ ё баранецъ!
А твôй сынъ сѣчку рѣзалъ,
Та на скрынцѣ воши вѣшалъ!
Ср... стара, сиди си сама!



Русскіе горцы Спишской столицы, 1) югасъ (пастухъ) Подградскаго уѣзда села Топковецъ и 2) два дротаря Магурскаго уѣзда села Литманова въ Угорщинѣ.

ПѢСЬНИ

РУССКАГО МАКОВИЦКАГО ЛЮДА ВЪ УГРІИ,

СОБРАННЫЯ

Александромъ Павловичемъ,

Приходскимъ Священникомъ въ селѣ Бѣловежѣ, Пряшевской Епархіи.

1.

Коли муровали бѣлу Маковицу,
Гонили на панске убогу вдовицу.
Єдну недѣленьку газду поховала,
Другу недѣленьку сына породила.
— — со сыномъ слѣгала;
— — сына на свѣтъ дала;
Въ три дни по породѣ на панске ей гнали
На панске ей гнали, покоя не дали.
На панске ся брала, горенько плакала,
Въ сылзахъ купаного сына повивала.
На єдной ручечцѣ сыночька тримала,
А съ друговъ рученьковъ камени давала:
«Муруйте, мурари, бѣлу Маковицу,
Не гонте на панске убогу вдовицу!»
Камени давала, озера глядала,
Жебы въ немъ своего сына поховала.
«Плавай, сыну, плавай по тихомъ озери,
Не зазналъ ты отца, не зазнашь матери;

Отца ты не зазналъ; бо ти го Панъ Богъ взялъ,
Матери не зазнашъ, бо тя утопила.
Утопитъ тя мати, не будешъ єй знати,
Будешъ тамъ въ озерѣ на вѣки плывати;
Та будешь въ озерѣ, якъ рыбка плавати,
Я пôдъ Маковицовъ до смерти плакати.»

2.

Въ Угелѣ, въ Угелѣ, багатомъ Угелѣ,
А где ми тамъ жіє то убога вдова,
То убога вдова съ Угеле попова?
Мала она, мала дванацетъ сыночьковъ,
То ты сыночькове якъ нагло подросли,
Якъ нагло подросли, та на розбой пошли.
Єще она мала миле єдно чадо
Съêднала го пасти Угелское стадо.
Пасло оно, пасло, стадо потратило,
Стадо потратило, дражки поблудило.
Вышло оно, вышло на ширу поляну,
По Русски спѣвало, горенько плакало.
Ей, обчули ми дванацетъ сбойници,
А якъ го обчули, то го обскочили,
Стали они, стали радоньку радити:
Что они съ нимъ маютъ, о Боже, сробити?
А єденъ братêчько наймладшій, найкрасшій:
«Ей, повѣчь ты, повѣчь, откале ты родомъ?» —
«Ей, родомъ я, родомъ съ Угеля попова,
Тамъ въ Угелѣ жіє моя мати вдова.» —
«Сестро наша, сестро, покажъ тотъ фартушокъ,
Няй ти обсыпеме талярами брушокъ.
Понесь ты то, понесь, тамъ нашой матери,
Нягай она знає, сбоєвъ сыновъ має!»

3.

Съ єдной страны горы ружичька проквитатъ,
Съ другой страны бѣдна сирота нарѣкатъ,
Нарѣкатъ, нарѣкатъ, а брескиній сбиратъ:
«Брескинки, брескинки, якъ я васъ насбирамъ,
Якъ я васъ насбирамъ, кому же я васъ дамъ?
Кому же я васъ дамъ? Няна, мамы не мамъ,
Єдного брата мамъ, але о немъ не знамъ.»
Вѣтрикъ подувае, братъ коні стѣгае;
«Кто си на мня кличе? Гога, коню, гога!
Ми ся вшитко видитъ, же то сестра моя.»
Даровалъ єй дары, поставу два валы,
Два валы поставу на сукню белаву.
Ей обчюли ми то дванацетъ сбойници,
А якъ ихъ обчюли, та ихъ обступили;
Стали они, стали радоньку радити,
Чтобы они мали съ нима уробити.
Таку они, таку раду урадили:
Ганѣчьку сестрічьку взяли за женичьку
Яничька братѣчька шмарили въ темничьку.
«Ганѣчько, сестрічько, кедъ ти буде добрѣ,
Кедъ ти буде добрѣ, не забудъ же о мѣ!»
Ганѣчьцѣ, сестричьцѣ барзъ тамъ добрѣ было,
Цѣлкомъ о братови дѣвчятко забыло!
Сѣмь роковъ тамъ жила, якъ пахоля мала,
Свому пахолятку такъ она спѣвала:
«Ей люляй ми, люляй, ты мала дѣтино,
Ей не машь ты, не машь ніякой родины;
Ей маешь ты, маешь єдного уичька,
Єдного уичька, на имя Яничька.»
Ключики порвала, въ темницу бѣжала:
«Янѣчьку, братѣчьку, якъ же ся мѣ маешь?» —
«Ганѣчько, сестрічько, якъ о мя не дбаешь.» —
«Янѣчьку, братѣчьку, ци ти купель грѣти?» —
«Волѣла бы ты мѣ по попонька пôти.
Ей иди ты, иди по попа Руского,
Няй ся выспов͏ѣдамъ съ грѣху смертельного!»

4.

Ходило дѣвчятко коло Визлой воды,
Плакало, молило про милого Бога:
«Что мй дай, то мй дай, милый Пане Боже,
Лемъ ты мй то не дай дѣтинского болю,
Дѣтинского болю, бо я ся го бою!»
Скоро оно, скоро словце выгварило,
Двохъ бѣлыхъ сыночьковъ на свѣтъ породило.
Само оно, само в'но ихъ крестило,
Само оно, само мена имъ давало:
А едному дало Ердыди Адамчо,
А другому дало то Ердыди Янчо.
Оно ихъ шмарило до той Визлой воды:
«Нягай васъ кольше тота Визла вода,
А нягай васъ плекать сама Матка Божя!»
А само ся взяло доловъ ку Будину,
Доловъ ку Будину, ку Будинской корчьмѣ.
Напой продавати, пѣняжки читати.
То та Визла вода барзъ ся розиграла,
Двохъ бѣлыхъ сыночьковъ на брегъ выметала.
Такъ они ся взяли доловъ ку Будину,
Доловъ ку Будину, ку Будинской корчьмѣ:
«Кочьмарко, кочьмарько, молода кочьмарько,
Дай ты намъ напою тако й безъ мѣряня,
Мы тобѣ пѣняжки тако й безъ читаня.»
Она имъ напою тако й безъ мѣряня,
Они ей пѣняжки тако й безъ читаня.
Она имъ напою тако й до скляночьки,
Они ей пѣнязи до ей кишеночьки.
«Щугайчицы двоми, шумны вы обоми,
Чорны очи мате, мѣ ся подобате,
Котрый мня возмете, не побануете!» —
Янйчько молодшій такъ то ей повѣдалъ:
«Дуже я походилъ, дуже я побродилъ,
Жебы сынъ матёрь взялъ, никде я не видалъ!» —
Скоро она, скоро словце выслухала,
На добрый порошокъ тамъ ся розсыпала.

—

5.

Плаваютъ рыбочьки по тихомъ Дунаю:
Что мѣ съ молодости, кедъ сволй не маю!
Младость, моя младость, где 'сь ся мѣ подѣла,
Ци 'сь мѣ утонула, ци 'сь пожаромъ стлѣла?
Кедъ есь утонула, плавай къ береженьку,
Кедъ пожаромъ стлѣла, горе ми серденьку!
Маешъ ты мня, мати, за нелюба дати,
Волишь ты мня, мати, въ вѣнци поховати
Мати не слухала, за нелюба дала,
Такъ ей повѣдала и наказовала:
Жебы ажь о сѣмъ лѣтъ съ гостми прибывала.
Опа не слухала, о рокъ прилетѣла,
Во вишневомъ садку на голузку сѣла,
Почала кукати, жалю задавати,
Съ той великой туги, ажъ ся яли сухы,
Голузочьки сухы въ садѣ розвивати.
Вышла на дверенька мати ей старенька,
Зачяли ей горьки слезы обливати:
«Кедъ есь зозуленька — до лѣса кукати,
А кедъ моя донька, подъ со мновъ до хаты!
Дѣвко моя люба, где же твое тѣло?» —
«Мое, мати, тѣло съ вѣтромъ улетѣло
Нягай го мужъ не бивае!»
«Доне моя, доне, где же твои руки?» —
«Мои, мамо, руки пошли они въ муки
Нягай ихъ мужь не стискае!»
«Дѣвусь моя мила, где же твои лица?» —
«Мои, мамо, лица пошли на плитица:
Нягай ихъ мужь не фласкае!»
«Дѣвусь моя, дѣвусь, где же твои очи?» —
«Мои, мамусь, очи пошли они въ ночи,
Нягай ихъ мужь не добае!»
«Доне моя, доне, где твои волосы?» —
«Мои, мамо, власы тихій Дунай носить,
Нягай ихъ мужь не тырмоситъ!»

6.

Ей погнѣвался, та й погнѣвался
Мой милый на мене,
Осѣдлалъ коня вороненького
Поѣхалъ пречь отъ мене!
Кебы я мала слугу вѣрного,
Послала бы я до него,
На Украину, на Украину
До мого наймильшого.
Послала бы я, послала бы я
Слугу найвѣрнѣйшого,
Няй бы пріѣхалъ, няй бы пріѣхалъ;
Бо ми тяжко безъ него.
Ей волы мои, половенькіи,
Чему же вы не орете?
Ахъ лѣта мои молоденькіи,
Якъ вы марнѣ гинете!
Свѣти мѣсачьку, ахъ свѣти ясно,
Свѣти якъ млынске коло,
Выйди, дѣвчино, сама єдина,
Проговоръ ко мнѣ слово!
«Якъ же я маю, ахъ, къ тебѣ выйти,
И словце проговорити,
Ей будутъ люде то говорити,
Же тя хочю любити!» —
Нягай говорятъ и нягай судятъ
И по цѣлому свѣту,
Я тебе любилъ, любити буду
Мой предорогій цвѣту!

7.

Старша сестра брата мала,
На войну го выправляла,
На войну го выправляла,
Коника му осѣдлала.

Ужъ панове съ войны идутъ,
Братового коня ведутъ.
«Ахъ панове мои милы!
Где 'сте мого брата дѣли?
Ци вы его порубали?
Ци вы его посѣкали?
Ци вы его пострѣляли?» —
«Ни мы его не порубали,
Ни мы его не пострѣляли.
Ой осталъ онъ въ широ̂мъ поли,
Въ широ̂мъ поли на табори,
Тримать главу при камени.
Коникъ его биля него,
Гребе ножьковъ, жалує го,
Же не має газды свого,
Малъ бы оброкъ, малъ бы сѣно:
Єсть тамъ плачу, нарѐканя,
Єсть тамъ кырви розливаня,
Єсть тамъ кырви по ко̂сточьки,
Гинутъ красны тамъ дѣточьки,
Летитъ палашъ за палашомъ,
Лѣєся кровь доловъ носомъ,
Летитъ куля за кульками,
Тече тамъ кровь потоками,
Єденъ кричитъ: «Ратуйте мня!»
Другій кричитъ: «Добійте мя!»
Третій кричитъ: «Берте яму,
Берте яму, кладте мня въ ню!»
Коли уже слѣпы народы провидятъ,
Христіянски дѣти! ахъ, про что кровь цѣдятъ!»

8.

Ахъ якъ тяжко за тобою тужитъ сердце, мила,
Когда мышлю, чьто 'мъ тя любилъ, ты мене любила.
Въ ночи не спю, день ми смутный, все гадка о тобѣ.
Жити буду я для тебе, любовь скончу въ гробѣ.

Якъ не бачу твоей красы, рокомъ ми година,
Не розбіетъ моей туги найблизша родина;
Хотя пôду, но при тебѣ я сердцемъ остану,
Не хотѣлъ бы я зрадити дорогу, кохану. —
«А якъ пôдешь, мôй наймильшій, дай же менѣ знати,
Абы знало мое сердце, вôдки вызирати.» —
Якъ одъѣхалъ, такъ одъѣхалъ, не сказалъ ни слова,
Тôлко кивнулъ рученькою: «Будь, мила, здорова!»
Сидитъ мила въ загородкѣ, карты выкладае,
Летитъ соколъ съ чужихъ сторонъ, она ся пытае:
«Ты, соколе сивусенькій, высоко лѣтаешъ,
Ци ли мого наймильшого да где не видаешъ?» —
«Твôй наймильшій при могилѣ съ Богомъ почивае,
Єму соколъ сивусенькій голову искае.»
Ахъ, ты земле, земле, земле, свята мати,
Роспадися на четверо, дай ми ся сховати!

9.

Ахъ, Боже мой, которы
Сотворилъ небо и зори,
Потѣшъ мене сироту,
Най забуду клопоту!
Ци лêгаю, ци встаю,
Все о тобѣ гадаю,
Бо ми якъ въ день, такъ въ ночи,
Ставашъ мила предъ очи.
Ни ми ѣсти, ни пити,
Ахъ не знаю, якъ жити,
Бо ми якъ въ день, такъ въ ночи,
Ставашъ мила предъ очи.

10.

Скажи минѣ правду, ци любишъ ты мене,
Ци любишъ ты мене, ци пôдешъ за мене?
Ци любишъ ты мене, або нѣ,
Не суши серденько во минѣ!

«Тогда я ти буду всю правду казати,
Якъ мы будемъ въ церкви до шлюбу ставати.
Скажу я ти правду такую,
Не любуй ты, милый, другую!

Бо ты мене берешъ таку молодую,
Таку молодую, таку дорогую,
А коли я буду въ недугу,
Не позирай же ты на другу!» —

«Скари мене, Боже, на дорозѣ гладкой,
Малъ бы 'мъ мыслити о иншой да якой!
Скари мене, Боже, и доразъ,
Малъ бы 'мъ подумати негораздъ!»

11.

А тамъ доловъ, на долинѣ береза стояла:
Смутна мати на рученькахъ дѣтину тримала.
На полянѣ, на полянѣ шугай траву коситъ,
За шугаёмъ смутна мати дѣтиноньку носитъ:
«На же ти го, бѣлый шугай, на, твою дѣтину!
Вера Боже, присямъ Богу, же ти го прокильну!» —
«Дамъ я тобѣ, дѣвчяточько, сто яловыхъ овецъ,
Лемъ ты на мня не повѣдай, же я его отецъ!» —
«А я возму, а я возму, сто яловыхъ овецъ,
А я повѣмъ, а я повѣмъ, же ты его отецъ.» —
«Дамъ я тобѣ, дѣвчиноньо, корову сивую,
А я лишу, а я лишу дѣтиноньку твою.» —
«А я возму, а я возму корову сивую,
А я лишу, а я лишу дѣтиноньку твою.» —
«Дамъ я тобѣ, дѣвчиноньо, коня вороного,
Лемъ не повѣджь, лемъ не повѣджь на мене самого! —
«А я возму, а я возму коня вороного,
А я повѣмъ, а я повѣмъ на тебе самого.» —
«Дамъ я тобѣ, дѣвчиноньо, коновочьку меду,
А я тебе, а я тебе съ розуму выведу.» —
«Солодкій медъ, солодкій медъ въ твоёй коновочьци,

Добрый розумъ, добрый розумъ въ моей головочьци.
Чьто 'сь посѣялъ, чьто 'сь посѣялъ, то будешь сберати,
Ты дѣтинѣ грѣшный отецъ, а я грѣшна мати.
Ты обѣцалъ, ты слюбовалъ за жену мня взяти,
Вера Боже, присямъ Богу, то ся муситъ стати.» —
«Ужь ся стало, и не дастся стати премѣнити,
Не годенъ я ужь инакше собѣ порадити.
Нестаточнѣ, ахъ нечестно мы вразъ учинили,
Красы, вѣнца зеленого мы ся посбавили.
Кедъ мы смѣли передъ Богомъ злы скутки зробити,
А мусиме передъ свѣтомъ встыдъ, ганьбу терпѣти.
Побермеся, а будеме богобойно жити,
Богъ намъ рачитъ наши грѣхи тяжки отпустити.»
Ахъ жалостне, прежалостне стояло весêля:
Нѣтъ барвêнку, розмаріи ни жядного зêля.
Плачутъ, руки заламуютъ бѣдный отецъ-мати,
Было, было имъ дѣточьки лѣпше дозирати.
Было, было дозирати, якъ цвѣтокъ, дѣвицу,
Жебы мотылъ не засѣялъ до ней гусеницу.
Бо хоцъ мотылъ позлатистый, красны крылца має,
Але съ его сердца червакъ квѣтки пожирає.
Треба, треба мотылисковъ бити, отганяти,
Та дѣвочки, якъ цвѣточьки, будутъ проквитати.

12.

Кедъ ся милый отъ милой бралъ,
Праву руку отъ ней жядалъ:
«Мила моя, дай ми руку,
Не приду я того року.
Кедъ не приду о рокъ, о два,
Не чекай мня, мила, никда!»
За два роки го чекала,
А на третій чарувала,
На третій го чаровала,
Суху грушку подливала:
Боже, Боже, чьто за чары,

Же мертве тѣло прогварить.
Въ четверъ вечуръ по вечери
Не выстало и полночи,
Иде милый дуркаючи:
«Ци спишъ, мила, ци ты чуешъ,
Ци ты мене обчекуешъ?» —
«Не спю, милый, чую, чую,
Бо я тебе обчекую.» —
«А ты мила мого сердца,
Отворъ же ми, отворъ дверца!» —
«Витай, милый, наймилѣйшій!
Ци ти постѣль постелити,
Ци челядку побудити?» —
«Мила, не стель, ты ся не трудъ,
А ни ты челядку не будъ.
Но сядъ себѣ на столичокъ,
Поискай мня да кусчичокъ!»
А якъ она го искала,
Прегоренько заплакала:
«Ей милый мой, наймиленьшій!
Ахъ чьто же ся тобѣ стало,
Же тво личько такъ поблядло,
А волоски побутнѣли?» —
«Мила моя, сердце едно,
Не дивуйся чуду тому!
То ся стане бодай кому.
При Дунаю варту 'мь стоялъ,
На мня силный вѣтеръ вѣялъ,
Тамъ ми личька поблѣднѣли,
А волосы побутнѣли.
Мила моя, сердцо едно,
Выпровадъ мня на загумно,
На загуменки зелены,
Подъ черешни, подъ червены!
Тамъ мы собѣ посѣдаме,
Тамъ мы собѣ руки даме.»
Якъ они тамъ посѣдали,
Та когуты заспѣвали.

«Идъ до дому, моя мила,
Жебы 'сь ся не обизрѣла,
А скоро ся ты оглягнешъ,
Та ты доразъ тамъ пропадешъ.
Мила моя, сердцо єдно,
Подякуй Богу милому,
И когутови ночьному,
Кебъ былъ когутъ не заспѣвалъ,
Былъ бы 'мъ ти голову снималъ,
Ахъ бо я ужь не твой милый,
Лемъ я дяболъ справедливый!»

43.

Ей доловъ, ми доловъ, тамъ доловъ далеко,
Ей жили, тамъ жили двѣ близки сусѣды.
Єдна мала дѣвку бѣлую Ганичьку,
Друга мала сына бѣлого Яничька.
Тоты двоє люди такъ ся любовали,
Же и въ святой церкви покоя не мали.
Они въ святой церкви покоя не мали,
Со златымъ яблочькомъ до себе метали:
Ганусина мати на томъ застояла.
Отъ вышней сусѣды муръ тягати дала.
«Мураре, мураре, такъ же муръ тягайте,
До вышней сусѣды облачокъ нягайте,
Жебы я видѣла бѣлого Яничька,
Коли онъ поведе до воды коничька!» —
«Умру, матусь, умру, про бѣлу Ганичьку,
Про єй бѣле тѣло мое сердце млѣло.»
«Не умри, Яничьку, про бѣлу Ганичьку,
Дамъ я мурувати округлу корчьмичьку:
Пойдутъ до ней, пойдутъ паниі и панове,
А чей мати пуститъ до ней и Ганичьку.» —
«Пустте мня, мамичько, до округлой корьчмы!» —
«Не пущу, не пущу, ты хижечна курво!» —
«Умру, матерь, уму про бѣлу Ганичьку,

Про ей бѣле тѣло мое сердце млѣло.
«Не умирай, сыну, про бѣлу Ганичьку,
Ей дамъ я справити ременяный мостокъ:
Панове и паньи пойдутъ по мостичьку,
А чей пуститъ мати и бѣлу Ганичьку.» —
«Умру, матусь, умру про бѣлу Ганичьку,
Про ей бѣле тѣло мое сердце млѣло.» —
«Не умирай, сыну, про бѣлу Ганичьку,
Дамъ вымуровати округлу церковцу,
Панове и паньи пойдутъ до церковци,
Може и Ганичьку мати до ней пошле.» —
«Пусти мня, мамичько, до округлой церкви!» —
«Не пойдешь, не пойдешь, ты, хижечна курво!» —
«Умру я, мамичько, про бѣлу Ганичьку,
А ужь конецъ былъ, серденько не било.»
Ганчя ся дознала кановцу порвала,
Кановцу порвала, на воду бѣжала,
Труны ся хватила, житя утратила.
А такъ едно тѣло легло съ другимъ тѣломъ,
Души спочиваютъ съ милымъ паномъ Богомъ.
Съ едной страны церкви Яничька сховали,
Съ другой про Ганичьку смутный гробъ выбрали,
На Янчовомъ гробѣ росла розмарія,
На Ганчиномъ бѣла прекрасна лелія.
Тоты двое зѣля такъ повырастали,
Ажь ся ихъ вершочьки верхъ церкви сходжали.
Ганусина мати на томъ застояла,
Драбины ставляла, вершки сожинала.
Яничьково тѣло съ гробу прогварило:
«Ей мати, ты мати, пренедобра мати,
Не дала 'сь намъ жити, дай намъ почивати!
Хоцъ тѣло во гробѣ гніе, порохніе,
Але наша любовь и за гробомъ жіе.»

14.

Пошолъ Ванѝчько въ огляды
Безъ материной порады,

А мати якъ ся дознала,
Доразъ на гору бѣжала.
На высоку гору бѣжала,
Жолте корѣня копала,
Въ червеномъ винѣ мочила,
Жебы невѣсту гостила.
Невѣста презъ прагъ вкрочуе
Свекра ей съ виномъ честуе:
«Пій ты, невѣсто, пій вино,
Не пила 'сь таке якъ живо!»
Невѣста краснѣ здравкала,
Не пила, Ванёви дала.
Скоро Ванюсё ся напилъ,
Доразъ за сердце ся хватилъ:
«Ахъ, мамо, чьто вы сробили,
Никда вы добры не были.
Хотѣли 'сте Ганчю стравити,
Ей, а вы мене стравили!»
Ужъ Ванюшкови берутъ гробъ,
Гануся иде на выводъ.
Ванюшку несутъ до гробу,
Гануся иде съ выводу.
Партичько моя премила,
Ахъ якъ ты ми ся змѣнила:
Я лемъ съ Ванйчкомъ шлюбъ взяла,
Але съ нимъ нôчьку не спала!»

15.

На самы святы Русаля
Мати сыночька проклялa;
А якъ она го проклялa,
Та го до лѣса послала,
Выгнала его до лѣса:
«Иди ты собѣ до бѣса!
Жебы ты тамъ сталъ яворомъ,
А твôй коничокъ каменемъ!

Якъ тому тыждень преходилъ,
Матери жаль ся уробилъ:
«Ей Боже, Боже, Боже мой,
Ахъ где ся подѣлъ тотъ сынъ мой?
А буде ярмакъ въ Левочи,
Пôйду я, пôйду плачучи,
Пôйду я, пôйду на него.
Глядати сына моего.»
Ходитъ отъ краму до краму,
Смотритъ до очей каждому.
Треба ся домовъ вертати,
Не можь ту сына познати.
Якъ ишла домовъ, дощь падалъ,
Та ей до лѣса тамъ загналъ.
А стала она подъ яворъ,
Вздыхала: «Боже, Боже мой,
Ей яворъ, яворъ зеленый,
Якій ты красный, руменый;
Таки на тобѣ голузки,
Якъ мого сына волоски.
Таки на тобѣ листочьки
Якъ того сына губочьки!»
А яворъ ку ней промовилъ:
«Ой иди, мамо, ты домовъ,
Отъ тамо до дому своего,
Ужь я не пôйду до него!
Идъ оганяти худобу,
Бо я до дому не пойду.
Я ту остану яворомъ,
А сивый коникъ каменемъ!»

16.

А тамъ доловъ при Вытравѣ,
Святый образъ малёвали.
Лукачь почалъ малювати,
Пришла къ нёму Божа мати:
«Ляжь, Лукачу, лягни спати,
Буду образъ малёвати!»
Лемъ тваричьку притулила,
Доразъ образъ утворила.
«Встанъ, Лукачу, встанъ заспаный,
Ужь ти образъ смалёваный!»
Чьтыри волы запрягали,
Святый образъ на вôзъ клали.
Якъ съ образомъ въ лѣсѣ были,
Тамъ ихъ сбойницы встрѣтили:
«Стôй, фурмане, не ходъ далѣ!
Мы твой образъ порубаме.»
Фурманъ кричитъ: «Не рубайте,
Стовпами ту поставайте!»
Гнетъ стовпами поставали,
Святый образъ не рубали.
А такъ они далѣ ишли
Ажь и къ святой церкви пришли:
Дзвоны самы задзвонили,
Свѣчьки самы ся зажжали.
Якъ до церкви образъ клали,
Та ангели заспѣвали.
Богъ кличе: «Фурмане, горѣ,
Понагляйся, подъ гевъ скорѣ!» —
«Якъ я маю горѣ ити,
Маю жену, маю дѣти?» —
«Ци ли хочешь корецъ грошей,
Ци хочешь райски роскоши?» —
«Не хочу я корецъ грошей,
Волю я райски роскоши!»

17.

А што же я, а што же я, бѣдна, учинила?
За што жь мене молоденьку зла доля побила?
А што же я буду, бѣдная, чинити?
Кого вѣрне сердцемъ люблю, того не любити?
Чи я въ свѣтѣ, чи я въ свѣтѣ, токмо единая,
За што жь бо я молоденька такъ несчастливая!
Ци я въ дому, ци въ дорозѣ, ци я во чужинѣ,
Не знала я никда добра, а ни три години.
И родина и чужина мною ся цурае,
А въ несчастью рады мѣнѣ жаднои не дае.
Єстъ у свѣтѣ людей много, а нема съ кимъ жити,
Бѣдна жь моя головонька, што буду чинити?
Мати моя, мати моя, што же 'сь учинила,
На што 'сь мене молоденьку на сей свѣтъ родила?
Родила 'сь мня, моя мати, дала 'сь сердцу волю,
А не дала 'сь ми съ тимъ жити, черезъ кого болю.
Лѣпше жь было мене, мати, въ купелѣ зальяти,
Нѣжъ такую несчастную на сей свѣтъ пускати.
Ховала 'сь мня, моя мати, въ папѣръ завивала,
За панича лагодила, за немила дала.
Посѣяла руту круту по надъ берегами:
Нѣякъ мѣнѣ погуляти передъ ворогами.
А я своѣй крутѣ рутѣ вершки позрываю,
Якъ вороги спати лягнутъ, я си погуляю.
На што минѣ, моя мати, собаки тримати,
Маю жъ бо я ворогоньки, што будутъ брехати.
Нехай брешутъ, нехай брешутъ, добрешутся лиха,
Моя душа, сердце мое, любуймося стиха!
Жито мати, жито мати, жито, не пшеница:
Чѣмъ хлопчину не любити, коли подобится.
Ахъ вы, неба, ахъ вы, неба, вы, роки правдивы,
Видячи мене въ несчастью, будте справедливы.
Позвольте жъ ми, аже бы я счастливая была,
Съ тымъ, кого 'мъ надъ житя свое сердцемъ улюбила!

18.

«Постôй, постôй, Коломыйче, десь въ чорта бавился,
Якимъ чортомъ хочешь быти, же 'сь такъ осмолился?»
«Мы хорошо ходимо, такъ якъ и вы люде,
Коломыйчокъ, якъ хрущокъ, коло дому буде.»

«Не знаешь ты, пане брате, не знаешь ты бѣды,
Яке лихо въ нашêмъ дому, спробовати приди!
У насъ газда небаракъ, ѣсть хлѣба и рака,
И недѣля и пятница у него еднака.»

«А мы бѣды не знаемъ, а ни въ чужомъ дому,
Не кланяемся за грôшъ, ни за хлѣбъ никому;
Бо мы маемъ подостатокъ якъ ѣсти, такъ пити,
Скоро прійдемъ до домоньку, есть где отпочити.»

«Мы полрока съ гладу мремо, нимъ осмакъ найдемо,
Куска хлѣба не найдемъ, якъ до дому прійдемъ.
А якій грôшъ заробимо, лигнеся въ дорозѣ,
А прійшовши до домоньку, лихо на порозѣ.»

Я прійшовши съ дороги, топчу коло хаты,
Жêнка кричитъ и не даетъ до себе пристати.»
«Иди, иди, сатано, пропивши худобу,
А я пôду на Вкраину съ дѣтьми на слободу.

«Ты встрашився кочерги, та й утêкъ отъ жêнки,
А мы, кпы, со стрѣльбами павши межи дѣвки.
Не встрашатъ насъ Ляхôвъ саблѝ, не встрѣшатъ ни знаки,
Якъ насъ придутъ полошити—выпнемъ на нихъ с...и.

19.

«Ой ты дѣвчино заручена,
Чому такъ ходишь засмучена»? —
«Ахъ якъ я маю весела быти?
Кого я люблю, тяжко забыти!»

«Ей ты дѣвчино, мыслями блудишь,
Сама не знаешь, кого ты любишъ.» —
«Знаю я, знаю, кого кохаю,
Тôлько не знаю, съ кимъ жити маю!»

20.

Ей знати, знати, кто кого любитъ,
Съ близенька сѣдитъ, серденькомъ нудитъ.
Ей знати, знати, кто съ кого кпится,
Съ далека сидитъ, чортомъ дивится.
Ей знати, знати, кто неженатый,
Хорошо ходитъ, мушу признати.
Ей знати, знати, кто оженився,
Сгорбивъ, скулився и зажурився.
Ей бѣда тому та женатому,
Якъ тому горнцу, та щербатому,
Кипитъ и кипитъ, а все сбѣгае,
Где повернеся, счастья не мае.

ПѢСЬНИ

РУСИНОВЪ-ЛЕМКОВЪ ВЪ ГАЛИЦІИ,

СОВРАННЫЯ

Алексѣемъ Ивановичемъ Торонскимъ.

1.

Зôйди, мѣсячку, зôйди, мѣсячку, такъ якъ кой млынске коло:
Выйди, дѣвчино, мое серденько, прогвари до мня слово!
«Якъ же я маю, якъ же я маю, до тебе выходити,
Люде говорятъ, люде боронятъ, жебы тя не любити!» —
«Нехай говорятъ, нехай боронятъ, ажъ по цѣлôмъ свѣту,
А я тя люблю, любити буду, ты мôй рожовый квѣту!» —
«Жадна пташина безъ товариша не пребывае въ лѣсѣ,
А ты поѣхалъ, мене поняхалъ, якъ ластôвоньку въ стрѣсѣ!
А ты поѣхалъ, мене поняхалъ, а я, бѣдненька, плачу,
Сплакала 'мь очи, якъ въ день, такъ въ ночи, што свѣта не бачу »
Ей волы мои половенькіи, чомъ вы мѣ не орете?
А лѣта мои молоденькіи, якъ мѣ марнѣ гинете!
А волы мои половенькіи, перестанте орати,
А лѣта мои молоденькіи, перестанте гуляти!
Ой летѣвъ орелъ та по надъ море, немилостиво кряче:
«Каждый отецъ и кажда мати за своимъ сыномъ плаче!»
Ой летѣвъ орелъ та по надъ море: «Дай, море, пити!»

А трудно менѣ молоденькому въ чужой сторонѣ быти.
Выросла травка барзъ высокая, побродили ей люде:
Не было правды въ нашôй сторонѣ, а ни южь ей не буде.
Якъ на Подôлю, такъ на Пôдгорью голосненькіи звоны:
Поклонитеся своей родинѣ, не вернуся николи!

2.

Гавране, гавране, высоко лѣтаешь,
Высоко лѣтаешь, далеко выжаешь.
Ци не видѣлъ ты тамъ мои штирй волы,
Мои штырй волы, всѣ штырй половы?
«Ой видѣлъ, я, видѣлъ, на высокой горѣ,
На высокой горѣ отецъ нима оре,
Отецъ нима оре и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей дѣвоньки навертацъ волоньки.»
Твôй найстаршій братикъ пшеничку сѣе,
Пшеничку сѣе и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей сестрички вынести пшенички.»
Середушній братикъ бороницъ ся сбера'тъ,
Бороницъ ся сбера'тъ и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей сестрички навертацъ конички.»
Твоя стара мати за кроснами сѣдитъ,
За кроснами сѣдитъ и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей дѣвоньки навивацъ чôлоникы,
Наймолодшій братикъ пистолетъ вытера'тъ,
Пистолетъ вытера'тъ, за тобовъ ся сбера'тъ.»
Скоро того дѣвча, скоро выслухало,
Заразъ ся отъ жалю на прахъ розсыпало;
А чорны гавраны погрêбъ отправляли,
А дрôбны птачькое барзъ краснѣ спѣвали!
Вшитко ся кланяло, древо и корêня,
Древо и корêня и вшитко створêня;
Лемъ ся не вклонила несчестна осика:
Бодай ся трепала отъ нынѣ до вѣка,
Отъ нынѣ до вѣка, до вѣка вѣчного,
До вѣка вѣчного, до суду страшного!

ПѢСЬНИ

РУСИНОВЪ-ЛЕМКОВЪ ВЪ ГАЛИЦІИ,

СОБРАННЫЯ

Алексѣемъ Ивановичемъ Торонскимъ.

1.

Зôйди, мѣсячку, зôйди, мѣсячку, такъ якъ кой млынске коло:
Выйди, дѣвчино, мое серденько, прогвари до мня слово!
«Якъ же я маю, якъ же я маю, до тебе выходити,
Люде говорятъ, люде боронятъ, жебы тя не любити!» —
«Нехай говорятъ, нехай боронятъ, ажъ по цѣлôмъ свѣту,
А я тя люблю, любити буду, ты мôй рожовый квѣту!» —
«Жадна пташина безъ товариша не пребывае въ лѣсѣ,
А ты поѣхалъ, мене поняхалъ, якъ ластôвоньку въ стрѣсѣ!
А ты поѣхалъ, мене поняхалъ, а я, бѣдненька, плачу,
Сплакала 'мь очи, якъ въ день, такъ въ ночи, што свѣта не бачу.»
Ей волы мои половенькіи, чомъ вы мѣ не орете?
А лѣта мои молоденькіи, якъ мѣ марнѣ гинете!
А волы мои половенькіи, перестанте орати,
А лѣта мои молоденькіи, перестанте гуляти!
Ой летѣвъ орелъ та по надъ море, немилостиво кряче:
«Каждый отецъ и кажда мати за своимъ сыномъ плаче!»
Ой летѣвъ орелъ та по надъ море: «Дай, море, пити!»

А трудно менѣ молоденькому въ чужой сторонѣ быти.
Выросла травка барзъ высокая, побродили ей люде:
Не было правды въ нашôй сторонѣ, а ни южь ей не буде.
Якъ на Подôлю, такъ на Пôдгорью голосненькіи звоны:
Поклонитеся своей родинѣ, не вернуся николи!

2.

Гавране, гавране, высоко лѣтаешь,
Высоко лѣтаешь, далеко выжаешь.
Ци не видѣлъ ты тамъ мои штирй волы,
Мои штырй волы, всѣ штырй половы?
«Ой видѣлъ, я, видѣлъ, на высокой горѣ,
На высокой горѣ отецъ нима оре,
Отецъ нима оре и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей дѣвоньки навертацъ волоньки.»
Твôй найстаршій братикъ пшеничку сѣе,
Пшеничку сѣе и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей сестрички вынести пшенички.»
Середушній братикъ бороницъ ся сбера'тъ,
Бороницъ ся сбера'тъ и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей сестрички навертацъ конички.»
Твоя стара мати за кроснами сѣдитъ,
За кроснами сѣдитъ и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей дѣвоньки навивацъ чôлоникы,
Наймолодшій братикъ пистолетъ вытера'тъ,
Пистолетъ вытера'тъ, за тобовъ ся сбера'тъ.»
Скоро того дѣвча, скоро выслухало,
Заразъ ся отъ жалю на прахъ розсыпало;
А чорны гавраны погрêбъ отправляли,
А дрôбны птачькое барзъ краснѣ спѣвали!
Вшитко ся кланяло, древо и корêня,
Древо и корêня и вшитко створêня;
Лемъ ся не вклонила несчестна осика:
Бодай ся трепала отъ нынѣ до вѣка,
Отъ нынѣ до вѣка, до вѣка вѣчного,
До вѣка вѣчного, до суду страшного!

ПѢСЬНИ

РУСИНОВЪ-ЛЕМКОВЪ ВЪ ГАЛИЦІИ,

СОБРАННЫЯ

Алексѣемъ Ивановичемъ Торонскимъ.

1.

Зôйди, мѣсячку, зôйди, мѣсячку, такъ якъ кой млынске коло:
Выйди, дѣвчино, мое серденько, прогвари до мня слово!
«Якъ же я маю, якъ же я маю, до тебе выходити,
Люде говорятъ, люде боронятъ, жебы тя не любити!» —
«Нехай говорятъ, нехай боронятъ, ажъ по цѣлôмъ свѣту,
А я тя люблю, любити буду, ты мôй рожовый квѣту!» —
«Жадна пташина безъ товариша не пребывае въ лѣсѣ,
А ты поѣхалъ, мене поняхалъ, якъ ластôвоньку въ стрѣсѣ!
А ты поѣхалъ, мене поняхалъ, а я, бѣдненька, плачу,
Сплакала 'мъ очи, якъ въ день, такъ въ ночи, што свѣта не бачу»
Ей волы мои половенькіи, чомъ вы мѣ не орете?
А лѣта мои молоденькіи, якъ мѣ марнѣ гинете!
А волы мои половенькіи, перестанте орати,
А лѣта мои молоденькіи, перестанте гуляти!
Ой летѣвъ орелъ та по надъ море, немилостиво кряче:
«Каждый отецъ и кажда мати за своимъ сыномъ плаче!»
Ой летѣвъ орелъ та по надъ море: «Дай, море, пити!»

А трудно менѣ молоденькому въ чужой сторонѣ быти.
Выросла травка барзъ высокая, побродили ей люде:
Не было правды въ нашôй сторонѣ, а ни южь ей не буде.
Якъ на Подôлю, такъ на Пôдгорью голосненькіи звоны:
Поклонитеся своей родинѣ, не вернуся николи!

2.

Гавране, гавране, высоко лѣтаешь,
Высоко лѣтаешь, далеко выжаешь.
Ци не видѣлъ ты тамъ мои штирй волы,
Мои штырй волы, всѣ штырй половы?
«Ой видѣлъ, я, видѣлъ, на высокой горѣ,
На высокой горѣ отецъ нима оре,
Отецъ нима оре и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей дѣвоньки навертацъ волоньки.»
Твôй найстаршій братикъ пшеничку сѣе,
Пшеничку сѣе и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей сестрички вынести пшенички.»
Середушній братикъ бороницъ ся сбера'тъ,
Бороницъ ся сбера'тъ и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей сестрички навертацъ конички.»
Твоя стара мати за кроснами сѣдитъ,
За кроснами сѣдитъ и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей дѣвоньки навивацъ чôлоникы,
Наймолодшій братикъ пистолетъ вытера'тъ,
Пистолетъ вытера'тъ, за тобовъ ся сбера'тъ.»
Скоро того дѣвча, скоро выслухало,
Заразъ ся отъ жалю на прахъ розсыпало;
А чорны гавраны погрêбъ отправляли,
А дрôбны птачькое барзъ краснѣ спѣвали!
Вшитко ся кланяло, древо и корêня,
Древо и корêня и вшитко створêня;
Лемъ ся не вклонила несчестна осика:
Бодай ся трепала отъ нынѣ до вѣка,
Отъ нынѣ до вѣка, до вѣка вѣчного,
До вѣка вѣчного, до суду страшного!

3.

Приснилъ мѣ ся сонъ дивненькій,
Же мѣ хорый братъ рôдненькій:
Треба коний запрѣгати,
До братенька поѣхати.
Якъ ввидѣлъ братъ сестру свою,
Гварить до жены посполу:
«Сховай, жено, хлѣбъ зо стола,
Бо ту иде сестра моя!» —
«Цытъ, братеньку, не страхайся,
Хлѣбъ зо стола не ховайся!
Не иду тя выѣдати,
Лемъ тя иду отвижати.
Плыне вода, а все буде,
Мы пôмреме, а хлѣбъ буде.» —
«Тече вода, и все текла,
Моя сестра правду рекла.»

4.

Ой тату, татоньку, лемъ есь мня єдну малъ,
И то ту ты мене далеко отъ ся далъ,
За горы высоки, за лѣсы глубоки,
Лемъ по поли хожу и лишеньки свожу!
«Цытъ ле ты, дѣвонько, цыть ле ты, небого;
«Машь ты девять братôвъ, мене десятого,
«Мене десятого, вôтця старенького,
«Якъ мы ся зôйдеме, кривду ожeнеме.»
Пришли они, пришли, передъ новы врата:
«Отворь же намъ, отворь, наша сестра власна!» —
«Я вамъ не отворю, бо ся мужа бою,
Мои бѣлы ручкы назадъ повязаны,
Мои дрôбны ключи ёму пôдъ главами.» —
«Жено моя люба, съ кимъ ты тамъ говоришь,
Съ кимъ ты тамъ говоришь, чомъ му не отворишь?» —
«Ишли люди, ишли до мѣста нового,

Дороги не знаютъ, мене ся пытаютъ.» —
«Вара, жено, вара зъ той тюрнички заразъ,
Бо южь ся не будешь по ней прохажала.»
«Теперь 'сте мѣ, братя, кривдоньку огнали,
«Мои дрôбны кости на прахъ розсыпали!»

5.

Лѣтала пава, лѣтала,
Срѣбны квѣточки, злоты перѣчка роняла;
Лѣтала она безъ горы,
До своей любой ростомиленой матери.
Тамъ ей весѣлье стояло,
Штири трубаше, пять пахолятъ ей грало:
«Грайте, трубаше, весело,
«Покля мѣ вѣнецъ, златый перстѣнецъ на главѣ;
«Бо якъ я го ся посбуду,
«И половину така весела не буду!»

6.

Ой заквитли фіялоньки, заквитли,
Цѣлы горы и долины закрыли,
Ходитъ по нихъ Марисенька спышная,
За невъ, за невъ ей мати стихая:
«Не ходъ же ты, моя мати, за мною,
«Не мила мѣ розмова съ тобою.
«Лемъ мѣ мила розмовонька съ кимъ иншимъ,
«Тимъ Василёмъ молоденькимъ наймильшимъ.»

7.

Козакъ коня напавае,
Дѣвча воду наберае:
«Дѣвче, дѣвче! подь же съ нами,

3.

Приснилъ мѣ ся сонъ дивненькій,
Же мѣ хорый братъ рôдненькій:
Треба коні запрѣгати,
До братенька поѣхати.
Якъ ввидѣлъ братъ сестру свою,
Гваритъ до жены посполу:
«Сховай, жено, хлѣбъ зо стола,
Бо ту иде сестра моя!» —
«Цытъ, братеньку, не страхайся,
Хлѣбъ зо стола не ховайся!
Не иду тя выѣдати,
Лемъ тя иду отвижати.
Плыне вода, а все буде,
Мы пôмреме, а хлѣбъ буде.» —
«Тече вода, и все текла,
Моя сестра правду рекла.»

4.

Ой тату, татоньку, лемъ есь мня едну малъ,
И то ту ты мене далеко отъ ся далъ,
За горы высоки, за лѣсы глубоки,
Лемъ по поли хожу и лишеньки свожу!
«Цытъ ле ты, дѣвонько, цыть ле ты, небого;
«Машь ты девять братôвъ, мене десятого,
«Мене десятого, вôтця старенького,
«Якъ мы ся зôйдеме, кривду оженеме.»
Пришли они, пришли, передъ новы врата:
«Отворь же намъ, отворь, наша сестра власна!» —
«Я вамъ не отворю, бо ся мужа бою,
Мои бѣлы ручкы назадъ повязаны,
Мои дрôбны ключи ёму пôдъ главами.» —
«Жено моя люба, съ кимъ ты тамъ говоришь,
Съ кимъ ты тамъ говоришь, чомъ му не отворишь?» —
«Ишли люди, ишли до мѣста нового,

Дороги не знаютъ, мене ся пытаютъ.» —
«Вара, жено, вара зъ той тюрнички заразъ,
Бо южь ся не будешь по ней прохажала.»
«Теперь 'сте мѣ, братя, кривдоньку огнали,
«Мои дрôбны кости на прахъ розсыпали!»

5.

Лêтала пава, лêтала,
Срêбны квѣточки, злоты перêчка роняла;
Лêтала она безъ горы,
До своей любой ростомиленой матери.
Тамъ ей весêлье стояло,
Штирй трубаше, пять пахолятъ ей грало:
«Грайте, трубаше, весело,
«Покля мѣ вѣнецъ, златый перстêнецъ на главѣ;
«Бо якъ я го ся посбуду,
«И половину така весела не буду!»

6.

Ой заквитли фіялоньки, заквитли,
Цѣлы горы и долины закрыли,
Ходитъ по нихъ Марисенька спышная,
За невъ, за невъ ей мати стихая:
«Не ходъ же ты, моя мати, за мною,
«Не мила мѣ розмова съ тобою.
«Лемъ мѣ мила розмовонька съ кимъ иншимъ,
«Тимъ Василêмъ молоденькимъ наймильшимъ.»

7.

Козакъ коня напавае,
Дѣвча воду наберае:
«Дѣвче, дѣвче! подь же съ нами,

Съ молодыма Козаками!»
Дѣвча дурне послухало,
Съ Козаками поѣхало.
Ишли ночку и другую,
А на третью стали стати,
Казалъ Козакъ лôжка слати:
«Не мати мня выдавала;
«Жебы я ти лôжка слала;
«Выдала мня воля моя,
«Несчастная доля моя!»
А зъ суботы на недѣлю
Вышло дѣвча на могилу,
Попатрило на долину:
На долинѣ фіялочки,
Сберают̄ъ ихъ паняночки
На недѣлю на вѣночки.
Дѣвча стало, заплакало,
До матере отказало:
«Няй ся мати не фрасуе,
«Няй мѣ вѣно не готуе,
«Бо ся ужь свѣновала,
«Съ Козачками поѣхала!»

8.

Ѣхали Козацы,
И Галинка съ нима:
«Што будешь робила,
Галенько едина? —
«Буду шаты прала,
«По таляру брала.» —
«Де жь ихъ будешь прала,
Галенько едина?» —
«На тихôмъ Дунаю,
«Козаче, гультаю!» —
«Де будешь сушила,
Галенько едина?» —
«На едвабномъ снуре,

«Козаче, байдуре!» —
«Чѣмъ будешь качала,
Галенько едина?» —
«Златовъ качальничковъ
«И срѣбнымъ прайничкомъ.» —
«Де жь будешь качала,
Галенько едина?» —
«На липовомъ столе,
«Козаче, соколе!»

9.

О Савѣ.

Пôшовъ панъ Сава, забавился
Въ попа на обѣдѣ,
Та южь запомнулъ та панъ Сава
О своей тяжкой бѣдѣ.

Стоитъ яворъ надъ водою,
Въ землю похилился:
Иде Сава зъ Украины,
Южь кусъ засмутился.

«Гараздъ, гараздъ, челядонько,
Якъ ся мѣ маете?
Бо я ходжу вандруючи,
Якъ ту газдуете?» —

«Гараздъ, гараздъ, пане Саво,
Добрѣ ся намъ поводитъ,
Ваша жена, наша панй,
Сына намъ породитъ.»

Сѣлъ сой Сава конецъ стола,
Листоньки сой пише,
А Савова молодая
Дѣтину колыше.

«Иди, дѣвко, до пивницй,
Вточи мѣ горѣлки,
Нехай я ся разъ напію
До свей любой жôнки!

Иди, хлопче, до пивницѝ,
Вточи менѣ вина,
Нехай я ся разъ напію
До своего сына!»

Сидитъ Сава конецъ стола,
Листонькы читае,
А Савова молодая
Дѣтину купае.

«Иди, хлопче, до пивницѝ,
Вточи тамъ мѣ меду,
Маме мы самъ тѣхъ талярôвъ
Якъ єдного леду!»

Єще хлопецъ не повернулъ
Зъ той новой пивницѝ,
Полно Ляхôвъ-Гайдамахôвъ
Въ Савовôй свѣтлицѣ.

«Гараздъ, гараздъ, пане Саво,
Якъ ты намъ ся маєшь?
Далекіи гости маєшь,
Чѣмъ ихъ привитаєшь?»—

«Далъ бы 'мъ вамъ вина-пива,
Не будете пити,
Лемъ вы мене молодого
Хочете сгубити!»

Взяли Саву, пôднесли го:
«Пôзри на маєтокъ свôй,
Же єсъ ходилъ, рабуючи,
«Теперь не буде твôй.

Ой не єденъ пресердечнѣ
Горенько заплакалъ:
А ты ходилъ, гуляючи
«За єго працу 'сь скакалъ.»

Взяли Саву на три пики,
Пôднесли го горѣ:
«Ой повѣдай, пане Саво,
Де 'сь пѣняжки подѣлъ?»

«Дробненьки 'емь попропивалъ,
Бѣленьки 'емь смѣнялъ,
А сивеньки коничeньки
Панôмъ 'емь даровалъ.»

«А на жь ти ты, пане Саво,
То за твои збытки,
Не ходъ церкви рабуючи,
До села Вербитки!»

10.

На полянѣ, на Турянѣ,
Лежитъ Янчикъ порубаный,
Порубаный, пострѣляный
И кулями спробиваный.
Пришолъ къ нёму отецъ ёго:
«Сыну, сыну, што ту робишь?
Чомъ до дому не приходишь?
Южь сёмъ рочкôвъ якъ воюешь,
Де жь есь товаръ поподѣвалъ?» —

«Тату, тату, идь до дому,
Не робь жалю сердцу мому!
Не пыташься, што мя болитъ,
Лемъ ся пыташь о товарѣ!

На полянѣ, на Турянѣ,
Лежитъ Янчикъ порубаный,
Порубаный, пострѣляный,
И кулями спробиваный.
Пришла къ нему мати его:
«Сыну, сыну, што ту робишь.
Чомъ, и проч.

На полянѣ, на Турянѣ
Лежитъ Янчикъ порубаный,
Порубаный, пострѣляный,
И кулями спробиваный
Пришла къ нему мила его,

Кричитъ, плаче, жалує го:
«Милый, милый, што ту робишь;
Чомъ до дому не приходишь?»
Шату драгу роздрала,
Єго рану завивала.
«Лѣпша миленька,
Якъ мати рôдненька.»

11.

Плывало дѣвчатко по тихôмъ Дунаю,
Перехожа'тся отецъ по зеленôмъ гаю:
«Ей тату, татôчку, поможь мѣ приплынути;
Бо южь мѣ приходитъ въ Дунайку загынути!» —
«Дѣвко моя люба, бодай 'сь загинула,
Бодай 'сь загинула, бо 'сь недобра была!»

Плывало дѣвчатко по тихôмъ Дунаю,
Перехожа'тся мати по зеленôмъ гаю:
«Ей мати, матѐнко, поможь мѣ приплынути;
Бо южь мѣ приходитъ въ Дунайку загинути!» —
«Дѣвко моя люба, бодай 'сь загинула,
Бодай 'сь загинула, бо 'сь недобра была!»

Плывало дѣвчатко по тихôмъ Дунаю,
Перехожа'тся братикъ, сестра и проч.

Плывало дѣвчатко по тихôмъ Дунаю,
Перехожа'тся милый по зеленôмъ гаю.
«Ей милый, миленькій, поможь мѣ приплынути;
Бо южь мѣ приходитъ въ Дунайку загинути!»
Милый ся прихопилъ, за ручку го вхопилъ,
За ручку го вхопилъ, зъ Дунайку выхопилъ.
«Лѣпшій мôй миленькій,
Якъ отецъ рôдненькій.»

12.

Верхъ Бескида зеленого
Пасе Янчикъ коня свого,
Пасе, пасе, попасуе,
На коничка посвистуе:

«Коничку мôй чорногривый,
Чомъ есь смутный, невеселый?
Цы ти шкодитъ сбруя моя,
Цы сабличка соболёва?» —

«Не шкодитъ мѣ сбруя твоя,
Ни сабличка соболёва,
Лемъ мѣ шкодятъ фальши твои:
Ходишь на мѣ до милои.

Самъ сой пôдешь до милои,
Мене ставишь на выгонѣ,
Ты сой пôдешь до свѣтлици̂,
Мѣ не дадутъ соломици̂.

Тобѣ дадутъ ѣсти, пити,
Мене выйдутъ дѣти бити;
Тобѣ дадутъ винця-пивця,
Мѣ не дадутъ а ни сѣнця.

Кобысъ мѣ далъ жмêнку зерна,
Пôдскочилъ бы 'мъ такъ якъ серна;
А я не мамъ сѣчки, соломы,
Южь мя съѣдятъ сôрокы, вороны!»

13.

Пôшло дѣвча на воду,
До зеленого огороду,
Нашло собѣ барвêнецъ,
Зачало вити вѣнецъ.
Пришолъ къ нему младенецъ:
«Дѣвче, дѣвче, дай вѣнецъ!» —
«Не дамъ я ти тотъ вѣнецъ;
Бо ты съ пекла отмѣнецъ.» —

«По чёмъ же 'сь мня познала,
Же 'сь мня отмѣнцомъ назвала?» —
«Познала 'мъ тя по мовѣ, по ходѣ,
По отмѣнской подобѣ.» —
Якъ го вхопилъ за власы,
Полетѣлъ съ нимъ презъ лясы;
Якъ съ нимъ пришолъ надъ пекло,
Ударилъ съ нимъ у вокно.
«А вы, старши, выходте,
И ворота отворьте!»—
«Што тамъ таке несете,
Же отворицъ кажете?» —
«Несу душу и тѣло,
Двѣ душечки сронило,
Двѣ душечки спалило,
А и третью мыслѣло,
Все въ вѣночку ходило.
Дайте же му смолу пити,
Няй привыка'тъ съ нами быти,
Кажте же му ложе слати,
Няй привыка'тъ съ нами спати!»
Прохажат'ся по пеклѣ:
«Боже, Боже, якъ ту злѣ!»
Вышло собѣ надъ пекло:
«Боже, Боже, якъ тепло!»
Якъ тепло вдарило,
Чорны очка спалило.
«Жебы былъ кто зъ Моравы,
Отказала бы 'мъ до мамы:
Мае мама двѣ цуры,
Няй имъ не дасть потуги;
Мѣ потуги давала,
До пекла мня нагнала,
Отъ церкви мня боронила
До корчмы мня гонила.»

14.

Откыль соненько сходило,
Тамъ дѣвча яблôнь садило:
«Росни, яблôнко, высоко,
Во сто вершеньковъ широко;
Квитни, яблôнко, бѣлено,
Родь мѣ яблôчко червено,
Родь же мѣ едно, або двѣ,
Якъ мои личка обѣдвѣ!
Подуй, вѣтроньку, зъ Дуная,
Сваль мѣ яблочко зъ конаря,
Сваль же мѣ едно, або двѣ,
Єдно милому, друге мѣ.
Кому жъ я го мамъ даровати?
Даровала бы я го старому, —
Не мило сердцу мому,
Лемъ го дарую молодому, —
То мило сердцу мому.»

15.

Сошла намъ ся новина,
Паний пана забила,
Въ огородку го сховала,
Рутку на немъ посѣяла:
«Росни, рутка, высоко,
Якъ панъ въ землѣ глубоко.»
А рутка ся сбахтала,
Ажь по вôкна достала.
«Пôзри, дѣвко, въ густый лясъ,
Ци не иде кто до насъ?»—
«Идутъ, идутъ панове,
Небощика братове.»
«По чёмъ же 'сь ихъ пôзнала,
Же 'сь ихъ братьми назвала?» —
«По коничку сивавôмъ,

По уздѣ злотавôй.»
Пришли они до двора:
«Выходъ до насъ, братова,
Наша невѣстъ немила!
Де 'сь намъ брата, подѣла?»
«На вôйну 'мъ го послала.»—
«Мы тамъ тадыль ѣхали,
Были бъ мы го пôзнали.
Наша невѣстъ немила,
Чомъ ти кровця по стѣнахъ?» —
«Дѣвка курку заржнула;
Бо ся гостей сподѣла.» —
«Хоцъ бы десять заржнула,
Така бы кровъ не была.
Наша невѣстъ немила!
Чомъ ти дѣти смутныи?
Ци ти хлѣбецъ не ѣли?
Ци ти винце не пили?»—
»О ѣли мы, пили мы,
Але намъ есть немиле,
Бо нашь отецъ на ложѣ,
Серденько му на ножѣ.»
Якъ ей взяли въ густый лясъ,
Та зъ ней сняли злотый пасъ.
«Не будешь ся пасала,
Не ты ся нимъ старала;
Постарался кто иншій,
Нашь братенько наймильшій.»—
«Ведте же насъ безъ Краковъ,
Маю я тамъ трёхъ братôвъ,
«Мене братя откуплятъ.» —
«Срêбла, злата не хочеме,
Лемъ смерть за смерть кладеме.»

16.

Ты, дѣвко же, дѣвко,
Ци пôдешь ты за мня?
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Ци пôдешь ты за мня?

«Ой пôду я, пôду,
Лемъ ты по мене прійдъ.»
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Лемъ ты по мене прійдъ.

Пришли они по ню,
Съ трёма возиками.
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Съ трёма возиками.

На еднôмъ возику
Срêбло и золото,
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Срêбло и золото.

На другôмъ возику
Скринка и перинка.
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Скринка и перинка.

На третôмъ возику,
Сидятъ молодята.
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Сидятъ молодята.

Ишли они, ишли
Чрезъ великы мосты.
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Чрезъ великы мосты.

Впали они, впали
Ажь до глыбокости,
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Ажъ до глыбокости.

17.

Королева сова весêля справляла,
А зозуля сестра рады додавала,
Заяцъ прибѣгає съ великими дарами,
Съ кашовъ и крупами.
«Пріймѣте заяца
До свого палаца!»
А когутъ съ курочковъ житце молотили,
А качуръ съ качечковъ до млына возили;
Баранъ муку меле,
Вôвця мѣрку бере,
Комаръ воду носитъ,
Блоха тѣсто мѣситъ.
А сѣра гусонька хлѣбъ до пеца сажатъ,
Гусакъ на но сычитъ,
Хлѣбъ до пеца лѣчитъ:
«Цытъ же, момотливый,
Бо 'сь мѣ хлѣбъ помылилъ!»
А медвѣдь басує,
Волкъ съ козовъ танцує:
«Гоя, козо, гоя!
Бо ты будешь моя.»
Якъ ся розôграли,
Въ поле поѣхали.

II.

Пѣсни, постныя въ великомъ постѣ.

1

О кончинѣ человѣка.

Єще солнце не зашло,
Спати положуся,
До сповѣди ще беруся,
Богу помолюся.

Описуютъ срêбло, злото,
Дорогіи шаты,
А южъ мêнѣ ничь съ собою
Не брати.

Хоцъ бы я бралъ, хоцъ не бралъ,
Тамъ того не треба,
Штири дошки, сягу земли,
Спасенія зъ неба.

Якъ задзвонятъ во всѣ дзвоны
О девятой годинѣ,
Подякую сему свѣту
И своей родинѣ.

А якъ поймутъ грѣшне тѣло
Въ глыбокыи долы,
Якъ засыплютъ глыновъ очи,
Не гляну николи.

Южъ я иду до гробу
Темного, смутного,
Де жъ я буду спочивати
Ажъ до дня судного?

Ни мѣсяцъ, ни солнце
Не засвѣтятъ бôльше,
Де жъ я буду мати
Во гробѣ мѣстце?

Ни свѣтъ не обачу,
Ни гласъ не услышу,
Лемъ я пôду лежати
Во вѣчну темницу.

Зламаное ребро, кости,
Зламаныи руки,
Душа пôйде несмертельна
На вѣчныи мукы.

Душа пôйде несмертельна
На вѣчную страту,
А якъ ми кто Богу служить
Такъ бере заплату.

Всѣ панове, монархове
И бѣдакы темны,
Кладутъ во грôбъ свое тѣло
И кости мизерны.

«Будте мѣ здоровы,
Сусѣды коханы,
Пришолъ часъ, година
Ростатися съ вами!

Бувай мѣ здорова,
Наймильша названа,
Была ты мѣ вдячна
По все кохана!

Няй тя Богъ пожегнае
Съ тыма сиротами,
Што есть ласки Божой,
Няй ся дѣе съ вами!

А я въ теперѣшнемъ
Разѣ не жалую,
Бо я ся уже до чорной
Землй готую.»

2.

Въ раю мѣ, въ раю въ тôмъ небеснôмъ раю,
Стоитъ мѣ тамъ, стоитъ округлый стольчокъ,
А за намъ мѣ сѣдитъ самъ Сынонько Божій,
А передъ нимъ служитъ душа справедлива.
Душа справедлива словце прогварила:
«Ей Боже, Боженьку, спусти же ты мене,
Спусти же ты мене до моей матерй;
Бо въ моей матерй двояке весѣля:
Братъ мѣ ся женитъ, сестра замужъ иде;
Будутъ они собѣ дары даровати,
Мѣ не будутъ, бо о мѣ забудутъ.» —
Душо справедлива, я тобѣ не сперамъ,
На тамъ тôмъ свѣтѣ стати,
Єсли ты хочешь другій разъ вмêрати.» —
«Волю я, Боже, о ничѐмъ не знати,
Маю я, маю другій разъ вмêрати.
Южъ сѣмь рочкôвъ сполна якъ 'емъ умерала,
Все мѣ гôрко въ горлѣ, штомъ тяжко конала!»

4.

О страстяхъ Господнихъ.

Ишолъ Христосъ, ишолъ до Єрусалима,
А Божія Мати плачучи за нима:
«Сыну мôй, сыну! съѣдналъ єсь сой слугу,
Слугу невѣрного, Юду проклятого.»
Волѣлъ єсь ся Юда на порохъ розсыпати,
Малъ єсь Пана Христа Жидôмъ запродати.
Жиды невѣрницы, Жиды проклятницы,

Били, мордовали, не мали жалости,
Ажь 'му было видно его святы кости;
Тернову корону на главу складали,
А руцѣ и нозѣ на крестъ пригвожджали;
А Божая Мати пôдъ крыжомъ стояла.
Пôдъ крыжомъ стояла, съ жалю омлѣвала:
«Ой сыну мôй, сыну, же бы 'сь мня ближе былъ,
Прецѣжъ бы ты зъ мене да яку помôчь мѣлъ,
Прецѣ бы я тобѣ голову пôдперла,
И зъ твого личенька святу кровцю стерла.»
А ты, Святый Петре, чого жъ ты тамъ стоишь?
Чомъ тоту невѣсту, чомъ єй не утолишь?
Утоль же єй, утоль, яко матку свою,
Будешь пребывати въ небѣ вразъ со мною!»

4.

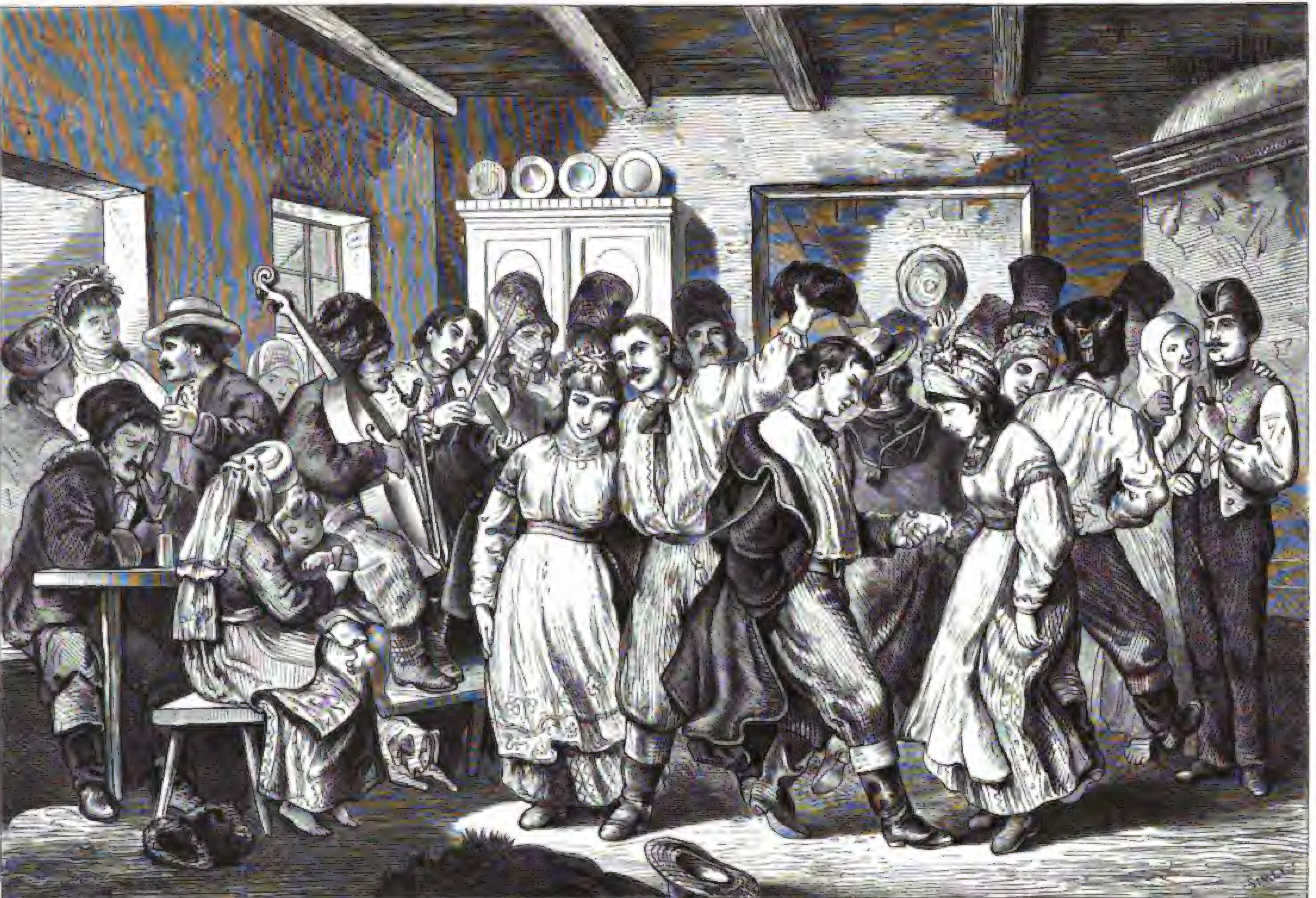
Ой повѣчь же мѣ, соловѣю, правду,
Де я свого Спасителя найду,
Ци ли на горѣ, ци ли на долинѣ,
Ци ли на крыжовôй виситъ деревинѣ?
Горы и долины треба розмѣряти,
А на тôй горѣ треба умерати.
На полудне солнце наступає,
А южъ на крестѣ Христосъ умерає.
Жиды взяли, во грôбъ поховали,
И каменіємъ запечатовали;
Жаворонокъ пискатъ, въ гору ся пôдноситъ,
Господу Богу погрêбъ оголошатъ.
«Ты, голубе, дармо не гуркаєшь,
Господу Богу погрêбъ отправляєшь.»
Ище пташкове жалостно пискали,
Господу Богу погрêбъ отправляли.
Христосъ Спаситель самъ словенько мовитъ:
«Нехай ко мнѣ святый Петро ходитъ!»
Скоро святый Петро тое услышавши:
«Ой йду заразъ», слезами ся залявши.
Ой выбавилъ 'ємь всѣхъ грѣшникôвъ зъ мукы,
А на тоє мѣсце отдамъ Юду въ рукы.»

5.

О Лазарѣ.

Былъ тамъ богачь богатый,
И во срêблѣ, во златѣ,
А Лазаря брата малъ,
А на Бога ничь не дбалъ.
По обѣдѣ, по банкитѣ,
Пôшолъ богачь на прохажкы,
А Лазарь го высмотрѣлъ:
«Ей богачу, брате мôй,
Вынесъ, вынесъ хлѣба мѣ!»
Онъ ся до нëго озвалъ:
«Што ты брешешь, сгнилый псе,
Ни о хлѣбѣ, ни о водѣ,
Не пышь же ся въ моêмъ родѣ!»
Пôшолъ богачь до костела,
На далеко обходилъ,
Жебы го Лазарь не видѣлъ.
А Лазарь го высмотрѣлъ:
«Ей богачу, брате мôй,
Вынесъ, вынесъ хлѣба мѣ!
Вынесъ, вынесъ воды, хлѣба
Заплатитъ ти Панъ Богъ зъ неба,
Кой ти найбарже буде треба!»
Онъ ся до нëго обôзвалъ:
«Южъ 'есь мѣ ту надоѣлъ,
Палацы 'сь мѣ засмердѣлъ.»
Лѣпши были псы-скотина,
Якъ богачь братъ-родина,
Скôркы съ хлѣба сбêрали
Лазарêви давали.
Выгварилъ Лазарь молитву:
«Боже, Боже мôй,
Або мене пôдôймiй,
Або мня возь къ собѣ!»
Не выстала година,
Пришла Лазарêви новина:
«Сбêрайся, Лазарю, съ нами,

Мы твои слугове,
Ти зъ неба ангелове.»
Пôшли они съ нимъ далеко,
Ажь на небо высоко:
«Зажій, Лазарю, ложа того,
Не зажилъ єсь таковото.»
Не выстала година,
Пришла богачови новина:
«Сбêрайся, богачу, съ нами:
Бо ми твои слугове,
Зъ пекла пекельны дьяблове.»—
«А я ся васъ не бою,
Я ся отъ васъ откуплю,
А съ Богомъ ся выбію,
Бо бôльшу силу маю.»
Пышну челядь порозганяли,
И палацы порозваляли.
Видѣлъ богачь, же не жарты,
Зачался самъ сбêрати,
Срêбло, злото до кишенѝ пхати.
Пôшли они съ нимъ далеко,
Ажь до пекла глыбоко:
«Зажій, богачу, трунку мого,
Не зажилъ єсь такого:
Звыкъ ты вшелякы банкеты справляти,
Вшелякы трункы попивати.»
Якъ ôнъ ся того напилъ,
За серденько ся улапилъ.
Позрѣлъ богачь далеко,
Ажь на небо высоко,
Видѣлъ тамъ Лазаря брата своего:
«Ой, Лазарю, брате мôй,
Омочь палецъ, закропъ языкъ мôй!» —
«Хоцъ бымъ ти спустилъ цѣле море,
Южъ ти, брате, не поможе!»



Пляска русскихъ крестьянъ въ корчмѣ возлѣ м. Копачинецъ Чортковскаго уѣзда восточной Галичины.

КОЛОМЫЙКИ И ШУМКИ,

СОБРАННЫЯ

НАЙБОЛѢЕ ВЪ ПОДГОРЬѢ

СЧАСТНЫМЪ САЛАМОНОМЪ

и изданныя въ Львовѣ 1864 года.

---

1. КОЛОМЫЙКИ ЛЮБОВИИ.

а) Молодецкіи.

1.

Гей! плыну я по Дунаю, и такъ си думаю:
Не ма красшихъ спѣваночокъ, якъ у нашёмъ краю!
Ой не ма жъ то, ой не ма жъ то, якъ Руска краина,
Тамъ спѣвае Коломыйки кождая дѣвчина.

2.

Соловёю нашъ миленькій, куда ты литаешь?
Чому жъ ты намъ, якъ бувало, въ гаю не спѣваешь?
Ой гаю нашъ зелененькій, гаю нашъ темненькій,
Не ма твого соловёя, томусь такъ сумненькій!

3.

Чомъ ты милый соловêю, въ гаю не спѣваешь?
Та где твои спѣваночки теперь подѣваешь?
Коломыйки мои люби—где жъ я васъ подѣю?
Збêравъ я васъ въ лѣсахъ-горахъ,—по полю розсѣю.

4.

Ой спѣвавъ бымь Коломыйки, кобы ихъ удати,
Но я въ чужой сторононьцѣ—будутъ ся смѣяти:
Бо то чужа сторононька та чужіи люде,
Будутъ зъ мене ся смѣяти, а мêнѣ жаль буде.

5.

Ой пойду я меже горы, тамъ где жіютъ Бойки;
Где музыка дрôбно грае, скачутъ по легойки:
Ой не ма то якъ у горахъ дѣвчата спѣваютъ,
Ой не ма то якъ у горахъ молодцѝ гуляютъ.

6.

Руска наша Коломыйка, хоть она дрôбойка.
Она мила, а все щира — мêнѣ солодойка;
Якъ я возьму Колымыйки спѣвати спѣвати,
Затужишь ты и заплачешь, та й станешь думати.

7.

Не ма танцю на всêмъ свѣтѣ, якъ та Коломыйка,
Она душу выравае изъ мого сердейка:
Якъ заграю, заспѣваю, туга изчезае,
Бо та наша Коломыйка таку силу мае.

8.

Якъ я тіи Коломыйки зачую, зачую,
Черезъ тіи Коломыйки дома не ночую:
Коломыйки мои люби, що въ васъ таке миле?
Та не смутѣтъ, — розвесельте серце несчасливе!

9.

Та бо й твоя фуярочка жалôсненько грае,
Не одная дѣвчинонька зъ жалю омлѣвае:
Ты гадаешь, дѣвчинонько, що я собѣ граю,
А я собѣ ôтъ серденька тугу ôтганяю.

10.

Якъ бы не тѣ Коломыйки, бувъ бымь вже загинувъ,
Бувъ бымь зъ горя та зъ недолй давно свѣтъ покинувъ;
Но якъ серце мое тужитъ, горюе, сумуе,
Та якъ собѣ заспѣваю, — уже не бануе.

11.

Заграй же ми, музыченьку, бѣлыми пальцями,
Най я собѣ потанцюю съ чорными бровами!
Ой у тебе, музыченьку, руки золотыи,
Тожъ ты душу потягаешь въ свѣты далекіи.

12.

Заграй же ми, музыченьку, яку розумѣешь,
Чи ти руки покрутило, чи лѣпше не вмѣешь?
Заграй же ми, музиченьку, я си потанцюю,
Най ся вороги не тѣшатъ, що я все баную.

13.

Ой скрыпочки изъ липочки, а струны зъ барвêнку,
Якъ заграю, буде чути ажъ на Украинку.
Теперь я собѣ заграю, теперь защебечу,
А якъ прійде лиха доля — пташкою ôтлечу.

14.

Тече рѣчка по камêню, годѣ ю сперети,
Мêнѣ рыбку полюбити, хоть бы умерети.
Стоитъ верба надъ водою корêнемъ въ долину,
Щось ми, рыбко, учинила, що за тобовь гину?

15.

Ой калина бѣло цвѣте, а червоно родитъ,
Великое закоханье до бѣды приводитъ.
Цвѣте тернье, цвѣте тернье, бо корêнье мае,
Кто коханья не зазнававъ, той жалю не знае.

16.

Зъ-ôтти гора, зъ-ôтти друга, посередъ долина,
Меже тыми гороньками любая дѣвчина.
Треба горы роскопати, долину зрôвнати,
Щобы ми ся видно було до милои хаты.

17.

Черезъ гору высокую червона мережка:
Та скажи ми, моя мила, куда къ тобѣ стежка?
Мене тая укарала высокая гора,
Що не видно миленькои зъ бѣленького двора.

18.

Высоко ти, голубоньку, зъ дуба воду пити,
Ой далеко ти, миленькій, до мене ходити.
Чи низенько, чи высоко, — злечу та й напьюся,
Сяду я на вороного, та й отвѣдаюся.

19.

Сли бы не ты, дѣвчинонько, и не твои очи,
Не стояли бъ мои коні до темнои ночи;
Не стояли бъ мои коні — коні вороныи,
Якъ бы не ты, дѣвчинонько, та бровы чорныи.

20.

Ой мѣсяцю, мѣсяченьку, зайди вже за гору,
Най я собѣ съ миленькою трошки поговорю.
Ой якъ мила заговоритъ, то якъ дзвôнокъ дзвонитъ,
А теперь я ѐй не вижу — головонька болитъ.

21.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько, така 'сь ми миленька,
Якъ у лѣтѣ на нивоньцѣ вода студененька;
Якъ у лѣтѣ на нивоньцѣ воды ся напити,
Такъ съ тобою постояти та й поговорити.

22.

Ой гадавъ я, милый брате, що то скрыпка грае,
А то моя чернобрыва по саду спѣвае;
Та гадавъ я, милый брате, що то соньце сходитъ,
А то моя миленькая по подвôрью ходитъ.

23.

Ой сядь собѣ коло мене, говори до мене:
Пôзнаю тя по голосѣ, чи любишь ты мене;
Ой сядь собѣ коло мене, присуньея близенько:
Коли мы ся полюбили, буде намъ миленько.

24.

Въ тебе очка чорненькіи, якъ тернь на галузѣ,
Личко таке румяненьке, якъ калина въ лузѣ;
Въ тебе очка чорненькіи, якъ терень садженый,
А бровоньки таки красны, якъ шнурокъ плетеный.

25.

Коли моя миленькая по садочку ходитъ,
Видитъ ми ся, що за нею бѣла рожа сходитъ.
Личко твое, милисенька, краснѣйше надъ рожу,
Я тя бѣдный молоденькій забути не можу.

26.

Тяжко болитъ, якъ укуситъ люта гадинонька,
Но ще тяжше, якъ вчаруе люба дѣвчинонька;
Якъ укуситъ гадинонька, знайдешь въ зѣлью лѣки,
Якъ вчаруе дѣвчинонька, пропавъ есь на вѣки.

27.

Сваритъ на мня родинонька, що бымь тя не любивъ,
Хиба бы я нещасливый житья свое згубивъ.
Та най сваритъ родинонька, хоть бы и побила,
Що жъ я виненъ, що такъ милу душа полюбила?

28.

Туда лозы хилилися, куда имъ похило,
Туда очи дивилися, куда серцю мило;
Гнется листокъ на лозинѣ, въ воду ся схиляе,
Гôрша любовь ôтъ слабости, кто ся на тôмъ знае.

29.

А вже жъ я ся не дивую, чому мила красна,
Коло неи вчера рано впала зоря ясна;
Якъ летѣла зоря зъ неба, та й розсыпалася,
Мила зорю позберала, та й намаилася.

30.

Посѣявъ я пшениченьку рѣдойко—рѣдойко:
Прійде душу загубити за тобовь, рыбойко;
Ой зацвѣла пшениченька ôтъ луга до луга:
Не знаешь ты, моя мила, яка мêнѣ туга.

31.

Ой ковала зазуленька у дубовôмъ лѣсѣ:
Ой ты, смутку, зъ мого серця иди, уступися!
Ой ковала зазуленька та на бездорожу:
Я за тобовь, файна рыбко, голововь наложу.

32.

Та дай ми ся, дѣвчинонько, водицѣ напити,
А чей же я перестану за тобовь тужити.—
Ой маю я таке зѣлье близько перелазу,
Якъ я ти ся дамъ напити, — забудешь ôтъ разу.

33.

Вже ôтцвѣла калиночка коло перелазу:
Ой солодки були въ любки губочки ôтъ разу
Яки були, такѝ були, вже ся проминули,
Бо уже ся до любочки иншѝ привернули.

34.

Ой солодка файна рыбко, тебе любятъ люде,
Та не ставай коло мене, бо мêнѣ жаль буде;
Поки я тя, рыбко, люблю, любятъ тебе люде,
А якъ я вже перестану, то й никто не буде.

35.

Ой пôйду я изъ Комарникъ, та пôйду, я пôйду,
Та кто буде припадати коло мого слѣду?
Чей же буде припадати моя рыбка мила:
Чи поверне той до мене, щомь ёго любила!

36.

Зôставляю, мое рыбча, на Бога святого,
Чей не будешь, мое рыбча, любити никого:
Та я знаю мою милу, вѣрю ѐи цнотѣ,
Вна иншого не полюбитъ, хоть бы бувъ въ золотѣ.

37.

Ой зависли синѝ хмары по надъ Комарники:
Ой за тобовь, файна рыбко, жаль мêнѣ великій;
Ой зависли синѝ хмары, зависли, зависли:
Не сходишь ми, моя мила, николи изъ мысли.

38.

Стоитъ яво̂ръ надъ водою, хитае собою:
Чи тужишь ты такъ за мною, якъ я за тобою?
Якъ ты тужишь такъ за мною, якъ я за тобою,
Мы тогды ся розо̂йдемо, якъ рыба съ водою.

39.

По по̂дъ гору высокую росте бразилія:
Та що мила поробляе, якъ прійде Недѣля?
Она ходитъ по рыночку, думочку думае,
Що вна свого миленького личка не видае.

40.

Ой ковала зазуленька та на зарѣночку:
Ой спѣвала дѣвчинонька красну спѣваночку:
Спѣвай, спѣвай, дѣвчинонько, легче серцю буде,
Няй ся смутятъ вороженьки, няй завидятъ люде!

41.

Кажутъ мêнѣ добрй люде, що все спѣваваю, —
Маю тугу на серденьку, та ю розбиваю:
Куды иду, туды иду, все я си спѣваю,
А якъ прійду до домоньку, стану, та й думаю!

42.

Стоитъ яворъ надъ водою, въ воду похилився:
Чогось милый чорнобро̂вый тяжко зажурився —
Якъ мêнѣ ся не хилити, вода корêнь мые:
Якъ мêнѣ ся не журити, саме серце млѣе.

43.

Та якъ ты ся, дѣвчинонько, та якъ же ся маешь?
Чи ты о мнѣ, голубонько, уже не гадаешь? —
Я ся маю, я ся маю, якъ рыбка въ Дунаю,
Тôлько ми жаль, мое серце, що тя не видаю.

44.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько, не задавай туги,
Не давайся на пôдмову, якъ тя схоче другій!
Бо я иншои не знаю, тебе лишь кохаю,
Якъ не мавъ бымь съ тобовь жити, то няй умêраю!

45.

Що ты мêнѣ, дѣвчинонько, такого зробила,
Що ты мêнѣ молодому надъ всѣхъ теперь мила?
Ой дѣвчино, дѣвчинонько, якъ я тебе люблю,
Якъ ôткажешь серцю мому, то я ся загублю.

46.

Соньце низко — вечерь близко, чей до милой зайду,
Чей я свою бѣлявочку здоровеньку найду;
Кобы моя бѣлявочка здорова, здорова,
Та була бы меже нами любая розмова.

47.

Головино моя бѣдна, що дѣлати маю,
Та где жь моя дѣвчинонька, що ёй не видаю?
Подивлюся сюды, туды, — не виджу никого,
Прійде ми ся розболѣти зъ жалю великого.

48.

Ой до гуты дороженька, до гуты, до гуты:
Не можу тя, дѣвчинонько, николи забути;
Хиба тогдй, дѣвчинонько, я тебе забуду,
Якъ на вѣки исъ тымъ свѣтомъ прощатися буду.

49.

Стоитъ липа надъ водою: липко жъ моя, липко!
Всѣ дѣвчата на гулянцѣ, лишь моей не видко:
Ой орлята, соколята, скиньте по перочку,
Принесѣть ми изъ Подолья мою бѣлявочку!

50.

Не гуляю, та й не знаю, зъ якой причиноньки,
Видишь тому, що ту не ма моей дѣвчиноньки;
Ой ковала зазуленька въ лозинѣ, въ лозинѣ:
Коли не ма милой тутки, не йти було й мéнѣ.

51.

Ой ставъ Козакъ надъ могиловь, та й думку думае,
На Вкраину поглядае, гяженько вздыхае:
Гей! ни вѣтеръ ту не вѣе, ни соньце не грѣе,
И не такъ ту на могилѣ трава зеленѣе!

52.

Ой выйду я на горбочокъ, свисну у листочокъ:
Пôзнай, пôзнай, дѣвчинонько, чій то голосочокъ!
Ой выйду я на горбочокъ, та й стану думати:
Рыбко жь моя солоденька, вже жь тебе не мати!

53.

Прилетѣло саранчатко та по пôдъ диброву,
Выдзюбало пшениченьку — лишило полову:
Та що жь мêнѣ по половѣ — не ма пшениченьки,
Та що жь мêнѣ по весêлью – не ма дѣвчиноньки!

54.

Ой загудѣвъ сивый голубъ въ зеленôй лѣщинѣ:
Ой затуживъ Козаченько по своей дѣвчинѣ:
Ой пойду я на Вкраину, тамъ знайду родину,
Тамъ знайду я, кого люблю, — мою чорнобрôву.

55.

Цвѣли лозы при дорозѣ синêсенькимъ цвѣтомъ:
Ишовъ Козакъ до милои бѣлêсенькимъ свѣтомъ:
Ой на горѣ церковь стоитъ, та й нова дзвôниця:
Выйди, выйди, дѣвчинонько, якъ зôйде зôрниця!

56.

Ой зôйди, ясна зôрничко, бо якось темненько:
Выйди, выйди, дѣвчинонько, бо менѣ сумненько:
Зôйшла зоря, зôйшла зоря, весь свѣтъ освѣтила:
Выйшла моя миленькая, — всѣхъ розвеселила.

57.

То бувъ я разъ на весêлью, тамъ мила спѣвала,
Тамъ-то она чорнымъ окомъ мене вчаровала:
Ой Боже жь мôй милостивый, яка жь твоя сила,
Не буде вже така друга, якъ она ми мила!

58.

Та хоть бувавъ я у свѣтѣ, красныхъ видавъ сила,
Не була ми жадна инна, та якъ моя мила:
Красна 'сь красна, дѣвчинонько, очи въ тебе сиві!
Ино твои що при моихъ були бы счастливі.

59.

Ой не ходи, где я ходжу, дѣвчину любити,
Ой скажи си, милый брате, труновцю зробити;
Ой скажи си ю зробити, кедриновь оббити,
Або мêнѣ, або тобѣ на свѣтѣ не жити!

60.

Оба єдну полюбили — чія жь она буде?
Та чи твоя, або моя — не розсудятъ люде:
Не треба ся, пане брате, на дѣвчинѣ бити,
Сама скаже, кого хоче зъ меже насъ любити.

61.

Ой плывало бѣле гуся по водѣ, по водѣ:
Любила бы мня миленька, черезъ людей годѣ;
Ой вороги, вороженьки, на васъ нарêкаю,
Черезъ васъ ми свѣтъ немилый, и долѣ не маю!

62.

Ой видится, що хмарится, дощикъ покрапляє:
Ой видится, що зъукоса мила поглядає;
Ой видится, що сердится миленька на мене,
А якъ гляне — серце вяне въ неи та й у мене.

63.

Мы ся ино полюбили на великй жалй,
Ты миленька ту зôстанешь, а я пôйду далѣ:
Повержу тя, моя мила, повержу, повержу,
Завзялися вороженьки, — въ селѣ ся не вдержу.

64.

Несчастливй конй мои, треба ôтъѣзджати,
А що було серцю мило, — треба занехати.
Най на мене всѣ несчастья разомъ спадутъ зъ неба,
Розстатися исъ тобою — гôршого не треба!

65.

Порадь мêнѣ, моя мила, та якъ рôдна мати,
Чи маю ся оженити, чи на тебе ждати? —
Жди на мене, мôй миленькій, такъ я тобѣ раджу,
Отецъ, мати якъ не схоче, я ничь не пораджу.

66.

Тамъ на горѣ на высокôй орелъ гнѣздо вине:
Скажи мêнѣ, моя мила, чи пôйдешь за мене? —
Чи видѣвъ есь, мôй миленькій, камêнь надъ водою —
Коли камêнь той поплыне, тогды буду твою.

67.

Єденъ рôкъ ми ся любили, а два не видѣли,
Скоро ся знову увидѣли, — зъ жалю поболѣли;
Гей! коли мы ся любили, сухи дубы цвѣли,
А якъ мы вже перестали, — дубы повсыхали.

68.

Якъ я собѣ здогадаю, якъ ми ся любили, —
Не разъ ми ся долôвь личкомъ слезы покотили;
Якъ я собѣ здогадаю мои давнй лѣта, —
Слёзами ся заливаю, — не видаю свѣта.

69.

Та червона калиночка весь лѣсъ нрикрасила:
Лише моя дѣвчинонька усѣхъ засмутила;
Гей умерла уже тота, що для мене жила,
Коханье ей не злучило, злучитъ ю могила.

70.

А въ городѣ виноградъ, червоныи ябка:
Ой не ма вже и не буде, о кôмъ була гадка;
А въ городѣ виноградъ, червоныи сливки:
Ой не ма вже и не буде моêй чернобрывки.

71.

Подивлюся у ôконьце, чи высоко соньце,
Не ма моêй миленькои, треба ми доконьче;
Не ма моêй миленькои, не ма моêй цвѣтки,
Выглядавъ бымь миленькую, та не знаю зъ ôтки.

72.

Не ма моêй миленькои, не ма закоханья,
А я ходжу, вызираю ôтъ самого раня;
Ой выйду я на гороньку, тяженько заплачу:
Вже жь я тебе, моя мила, бôльше не обачу.

73.

Где ты, мила чорнобрôва, где ты, ôтозвися!
За тобовь я бѣдный тужу, прійди, подивися!
Да кого жь я пригорнуся, кто жь мня приголубитъ,
Коли не ма тои тутки, котра мене любитъ!

74.

А где тая керниченька, що голубка пила,
Та где жъ тая дѣвчинонька, що мене любила?
Уже жь тую керниченьку голубки выпили,
Та вже жь мою дѣвчиноньку инши полюбили!

75.

Ой ковала зазуленька, ковала, ковала:
Та где жь тая дѣвчинонька, що мене кохала?
Не ма жь тои дѣвчиноньки, вже êи не буде,
Була красна, була щира, — та й взяли ю люде!

76.

Та где жь тая керниченька, що я въ ней купався,
А где жь тая дѣвчинонька, що я залйцявся?
Уже жь тая керниченька травою заросла,
Уже жь моя дѣвчинонька давно замужъ пойшла.

77.

Ой соколе, соколонько, куда ты лѣтаешь,
Скажи мêнѣ щиру правду, где любку видаешь?
Ой соколе, соколоньку, пожичь мêнѣ пôжокъ,
Най я милу ôтвѣдаю, заки впаде снѣжокъ!

78.

Ой ишовъ я въ полонину — студено подуло:
Ой якось мое коханье на мня призабуло:
Ой пôйду я въ полонину, та хоть на годинку,
Я у тоей полонинѣ маю бѣлявинку.

79.

Ой пôйду я въ полонину, та що тамъ ся дѣе:
Калина ся розвивае, яворъ зеленѣе;
Ой пôйду я въ полонину, у полониночку,
Чи не вваливъ буйный вѣтеръ мою калиночку!

80.

По надъ гору высокую журавки ся крутять:
Любила мене миленька, — люде баламутятъ;
Ой зойшлися буйнй вѣтры, зломили калинку:
Завзялися вороженьки, взяли бѣлявинку.

81.

Ой повѣявъ буйный вѣтеръ, повѣявъ, повѣявъ:
Що жь я буду безъ милои въ тыхъ сторонахъ дѣявъ?
Ой повѣявъ буйный вѣтеръ, та звалывъ калинку:
Я не буду безъ милои и єдну годинку.

82.

Туга мêнѣ въ тыхъ сторонахъ, туга не маленька,
Мêнѣ тую тугу дала рыбка солоденька:
Ой пойду я на Вкраину, на Вкраинѣ буду,
И тамъ я мою миленьку, видишь, не забуду.

83.

Та пôйду я на Вкраину, и тамъ я загину,
Тамъ кажу си посадити въ головахъ калину:
Будутъ пташки прилѣтати, калиноньку ѣсти,
Будутъ мêнѣ приносити ôтъ милои вѣсти.

84.

Плыне човенъ, воды повенъ, та й ся розливае:
Кождый бѣдный несчасливый, котрый ся кохае;
Сѣю рожу по морозу, по снѣгови сходитъ:
Великое закоханье до бѣды приводитъ.

85.

Приснивъ ми ся сонъ дивненькій, якъ Богъ дасть, такъ буде,
Я ся дивлю у ôконьце, — ведутъ милу люде;
Або горы розступѣтся, або мня покрыйте,
Маете мня розлучати, — лѣпше мня забійте!

86.

Якъ ишовъ емь до милои, летѣвъ голубъ сивый,
Якъ ишовъ емь ôтъ милои, — смутокъ несчасливый;
Гей, горонько кремêнная, чомъ ся не лупаешь?
Ой, дѣвчино молодая, камêнь-серце маешь!

87.

Намовивъ бымь быстру рѣку, намовивъ камêнья,
Тебе, рыбко. не намовлю, твердогось сумлѣнья;
Якъ бы ми ся молоденьки обое побрали,
Тогди бы вже й сухи дубы въ насъ позацвѣтали.

88.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько, не боишься Бога,
Отправилась миленького ôтъ твого порога!
Ой дѣвчино, дѣвчинонько, згордилась ты мною,
Прійде, прійде годинонька, згорджу я тобою.

89.

Ой чому ся такъ не стане, якъ ся говорило
Пôдъ яворомъ зелененькимъ, где ся воду пило?
Ой зрадлива 'сь, дѣвчинонько, зрадливѝ тѣ очи,
Бодай они не всыпали ни у день, ни въ ночи!

90.

И що зъ того, що тя люблю, 'слимь тобѣ не милый?
Уже твои сивѝ очи иншого злюбили!
Та пôйду я въ чужиноньку черезъ тебе, мила,
Та й тамъ най я зъ тугы згину, — коли сь мя зрадила!

91.

Не ходи вже коло воды, няй тя вже забуду,
Няй вже тебе иншій любитъ, бо я вже не буду;
Въ тебе тôлько учтивости, якъ въ камѣню воды,
Шкода твоѣй, дѣвчинонько, красноѝ уроды!

92.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько, я въ тобѣ кохався,
А ты 'сь мене лишь зводила, — я не сподѣвався:
Та бодай ты, дѣвчинонько, тогды ôтдалася,
Якъ у мори на камѣню верба пріялася!

93.

Перше 'сь мене голубила, перше 'сь мня любила,
Теперь хочешь, щобы 'сь больше мене не видѣла:
Та й я тебе надъ всѣхъ любивъ, ты 'сь ми була мила,
Не будешь вже такъ и съ другимъ, якъ со мновь счаслива.

94.

Ой хоть гуди, хоть не гуди, голубе-небоже,
Та кого я вѣрне любивъ, не судивсь ми, Боже;
Два голубы воду пили, а два колотили,
Бодай тотѣ не сконали, що насъ розлучили!

95.

Плыне човенъ, воды повенъ, нѣ кому звернути:
Ой якъ тяжко мому серцю о тобѣ забути!
Куды ино повернуся — тѣнь твоя за мною,
Чи встаю я, чи лёгаю, — не маю спокою.

96.

Ой люблю тя, моя мила, ой люблю тя, люблю,
Черезъ тебе, моя мила, лѣта мои гублю;
Любивъ емь тя дѣвчиноньковь, буду молодицёвь,
Буду на тя доти ждати, ажь будешь вдовицёвь.

97.

Ой солодка, файна рыбко, дорогій кристалю,
Кажуть люде, ожь тя люблю — та я ся не таю.
Ой не видко того села, ино видко грушу,
Тамъ-то мое закоханьє — тягне зъ мене душу.

98.

Ходжу, нуджу на tôмъ свѣтѣ, тяженько вздыхаю:
Бѣдна жь моя головонька, що долѣ не маю!
Лѣта жь мои, лѣта мои, лѣта жь молоденьки,
Коли доля несчаслива, будьте коротеньки!

99.

Ой пущу я лиху долю, та долѣвь водою,
Я дивлюся по за себе, а плыме за мною;
Несчасливый вродивъ емь ся, несчасливый згину,
Породила мене мати въ несчастну годину!

100.

Ой ишовъ я горѣ селомъ — всюды ся свѣтило,
А где 'мь гадавъ навернути, тамъ ся загасило:
Ой засвѣти, мѣсяченьку, и ты, зоре ясна,
Передъ тыми воротами, где дѣвчина красна.

101.

Розвивайся, сухій дубе, завтра морозъ буде,
Не могу ся оженити, бо завидятъ люде.
Я морозу не боюся, завтра розвинуся,
Я ворогôвъ не боюся, та чей оженюся.

102.

Кажутъ люде, що судъ буде, — а суду не буде,
Бо вже мене осудили въ тыхъ сторонахъ люде;
Кажутъ люде, що судъ буде — суду не боюся,
Няй на того судъ упаде, съ кимъ я гнѣваюся.

103.

Ой вороги, вороженьки, та не ворогуйте,
Та на мене молодого чары не готуйте!
Самѝ чары готуете, самѝ пожіете,
Ой вы мене молодого вже не счаруете!

104.

Ой часъ ся вже, моя мати, мêнѣ оженити,
Але жь годѣ таку найти, щобы можь любити.
Мамко моя старенькая, то 'сь ся мновь журила,
Чому 'сь мене молодого ще не оженила?

105.

Тамъ на горѣ волы въ ярмѣ, а коники въ сѣдлѣ:
Не бери си единачку, хоть бы була въ срêблѣ;
Бо на единачку мати якъ на огонь дуе,
Она свою единачку за крôля готуе.

106.

Ой не рубай калиночку, няй горѣшки родитъ:
Та не сватай вдовы дочку, няй дѣвкою ходитъ!
Шкода тои калиночки горѣхи родити,
Шкода дочки вдовинои такъ дѣвковь ходити!

107.

То 'сь ми, люба дѣвчинонько, то 'сь ми до сподобы,
Не кажутъ тя люде брати, не маешь худобы. —
Тебе люде не годуютъ, не пріодѣваютъ,
Няй же тобѣ худобоньку не выпоминаютъ!

108.

Хоть ми люде отмавляють, що посагу мало,
Коли мêнѣ дѣвча миле до серця припало·
Не тамъ счастья, не тамъ счастья, где богатй люде,
Кто зъ коханья не женився, той счастливъ не буде.

109.

Женила мня моя мати, женила, женила,
Выбрала ми таку жонку, що мêнѣ не мила —
Та я тобѣ, мой синоньку, та й не боронила,
Було собѣ тоту брати, що серденьку мила.

110.

Тамъ глубоко море грае, воду розливае,
Радъ бымъ я ся утопити, море не прiймае —
Ой стой, хлопче, не топися, бо душу загубишь,
Мусишь съ бѣдовь въ свѣтѣ жити, хоть ты ю не любишь.

111.

Я спѣваю, я спѣваю, а за миловь думка,
Кобы не вы, вороженьки, не живъ бы я тутка;
Кобы не вы, вороженьки, я бы оженився
Исъ милою, съ единою, що 'мь съ нею любився.

112.

Чи злй люде такъ хотѣли, чи мêнѣ такъ Богъ давъ,
Щобы 'мь я си въ тыхъ сторонахъ дѣвчину не выбравъ!
Коло млына яворина, яворъ похилився:
Котру мêнѣ Господь судивъ, съ товь я оженився

113.

Ой у горахъ снѣги впали, горы побѣлѣли:
Бодай нашихъ ворожeнькôвъ зубы заболѣли!
Ой вороги, вороженьки, вступѣтся зъ дороги,
Бо вже 'сьте насъ обмовили ôтъ нôгъ до головы!

114.

Ой зôгнися, не зломися ты, высокій верше,
Завше мêнѣ тота милыша, котру 'мь любивъ перше.
Та е въ мене рыбча файне новое, новое,
Ай все мене серце прагне за стародавное.

115.

Ой у моêмъ городочку змарнѣла калинка:
Не разъ, не два побанує за мновь чрнобрôвка;
Не разъ, не два побанує — все буде тужити,
Не знайде вже такъ щирого, доки буде жити

116.

Бѣжутъ лѣта, бѣжутъ лѣта, и все ся минае,
Лише мое вѣрне серце щиро ся кохае,
Ой кохае, та й кохае, и кохати буде,
Поки лише мое серце во мнѣ бити буде.

117.

Ой болитъ мня головонька отъ маку дрôбного:
А я рыбку не забуду поки житья мого.
Ой соколе, соколоньку, пожичь мêнѣ крила,
Няй полечу тамъ, где знаю, тамъ, где моя мила.

118.

Лети, лети, сивый коню, бо вже вечерѣе,
Ой тамъ сидитъ моя мила, где зъ лѣса зорѣе:
Виджу милу, виджу любку, дивится въ ôконьце,
Хоть якъ темно, хоть не видно, свѣтится якъ соньце.

119.

Не для того я спѣваю, що гараздъ ся маю,
Тяжкій тягаръ на серденьку — я го ся збуваю;
Мыслятъ люде, мыслятъ люде, що я не журюся,
А я таку журу маю, — лишь не подаюся.

120.

Кажутъ мêнѣ люде добрй, що я си гуляю,
А я прійду до домоньку, та й думку думаю:
Думку я собѣ думаю, долй выглядаю,
Пôйшли лѣта молоденьки, — гаразду не маю!

121.

Минули мня спѣваночки, минули мня таньцй,
Коли моя надѣейка у гробовôй ямцѣ;
Минула мня перша любовь — перше закоханье,
Лишь николи не минеся тяженьке вздыханье.

122.

Стоитъ верба надъ водою, — схилилася въ тоню:
Не можь бути, милый Боже, двѣчи молодому:
Ой я бымь давъ, якъ бы 'можна, и пôвъ того свѣта,
Кобы ми ся повернули молодыи лѣта!

123.

Волы мои старенькіи — не орати вами:
Лѣта мои молоденьки — тожь ми жаль за вами;
Повернѣтся, лѣта мои — ще часъ въ гробѣ гнити,
Чи жь мёнѣ уже на вѣки за вами тужити?

б) Дѣвоцьки.

1.

Теперь я си заспѣваю, теперь моя воля,
Не стоитъ ми предъ очима гôрька моя доля;
Теперь я ще молоденька, не знаю тужити,
Ой теперь я ще никого не вмѣю любити.

2.

Ой на ставѣ, на ставоньку — тамъ гуси плывають:
Тожь то мене серце тягне, якъ музыки грають;
Ой вже вечеръ вечерѣе, соненько заходитъ:
Пусти, мати, погуляти, бо душа заходитъ!

3.

Я спѣваю и гуляю, ничимсь не гадаю,
А еще ся ôтдавати и гадки не маю;
Теперь я собѣ ще вольна, теперь я счаслива,
Теперь менѣ усѣ кажутъ: «Красна 'сь, чорнобрôва!»

4.

Теперь я си заспѣваю, теперь молоденька,
За рôкъ, за два, за чотыре не буду вôльненька;
Та тобѣ я заспѣваю, миленькій, тобѣ то,
Ой уже намъ не надôйде друге таке лѣто!

5.

Заграй менѣ, музыченьку, въ яворовй скрыпки,
Пôйду съ милымъ погуляти, ворогамъ на збытки;
А тамъ въ полѣ двѣ тополѣ, третя зелененька:
Не буду ся ôтдавати, бо 'мь ще молоденька.

6.

Тече вода изъ города, тече мала рѣчка:
Ой мôй милый такій красный, якъ у травѣ чêчка;
Якъ ся яло у Русалю чêчечки зберати,
Такъ ся яло, мôй миленькій, намъ двоимъ кохати.

7.

Я гадала молоденька, що сонêнько сходитъ,
А то милый чорнобрôвый по городѣ ходитъ;
Я гадала молоденька, що соколъ лѣтае,
А то мôй чорнобрôвенькій на кони гуляе.

8.

Породила мене мати темненькои ночи,
Дала мêнѣ бѣле тѣло и чорныи очи:
Буду я ся миленькому все въ очи дивити,
Его чорнй, мои чорнй — будутъ ся любити.

9.

Кобы рѣчка не величка, я бы 'мь перебрыла:
Кобы ми бувъ милый вѣрнымъ, я бы 'мь го любила;
Але тобѣ, мôй миленькій, не ма що вѣрити,
Ты такъ съ иннов, якъ и со мнов, будешь говорити.

10.

Гей, ты дубе зелененькій, листья твои ряснѝ:
Ты, Козаче молоденькій, слова твои краснѝ,
Слова твои хоть прекраснѝ, а чортова думка,
Покимь тебе не любила, була 'мь якъ голубка!

11.

Кобы рѣчка не ширôчка, я бы 'мь не бродила,
Кобы любко не бувъ красный, я бы 'мь не любила;
Але рѣчка широкая, то буду бродити,
А мôй любко молоденькій, — буду го любити.

12.

Та я жита не сѣяла, само жито сходитъ:
Я любка не чаровала, самъ до мене ходитъ;
Я не вмѣла чаровати, а ни моя мати,
Яка доля ми сужена, таку буду мати.

13.

Мы ся ино полюбили, мати ся дôзнала,
Дай же, Боже, розôйтися, якъ чорная хмара;
Чорна хмара розôйдеся, а дощу не буде,
И зъ нашого закоханья Богъ знае, що буде!

14.

Ой била мня моя мати, ой била мня, била,
Не разъ моя вечеронька на рано освѣла;
Не разъ моя вечеронька була на снѣданья,
Черезъ тебе, мой миленькій — мое закоханье.

15.

Ой не думай, мôй миленькій, не думай, не думай,
Перебрыла 'мь быстру рѣчку, перебрыду Дунай;
Та якъ будешь, мôй миленькій, думати, думати,
Буде ти ся пшениченька въ полѣ зимовати.

16.

Та не треба, мôй миленькій, долѣ нарêкати,
Памятай лишь свого слова вѣрно додержати!
Я ти дала, мôй миленькій, разъ слово вѣрное,
Будемъ жити ажъ до смерти въ вѣрности обое.

17.

Болитъ мене головонька, — я й не повѣдаю,
Кобы ми ся що не стало зъ великого жалю;
Болитъ мене головонька, й не дотулитися,
Кобы дали на милого хоть подивитися!

18.

Не знаешь ты, моя мати, и не будешь знати,
За кимъ мое серце тужитъ и буде вмерати;
Ой Боже мôй милостивый, я тя щире прошу:
Здôйми тягаръ зъ серця мого, бо вже го не зношу!

19.

Ой дымно ся въ Чорнôй Горѣ, ой дымно ся, дымно,
Та якось мого милого ôттамъ ще не видно;
Ой въ пôвъ-ночи зъ Чорной Горы йшло молодцêвъ много,
Я зъ далека испôзнала свого миленького.

20.

Кобы борзо вечерѣло, кобы мѣсяць свѣтивъ,
Кобы мене мôй миленькій на дорозѣ стрѣтивъ:
Стрѣтивъ мене мôй миленькій просто ковалейка,
Тай взявъ мене за рученьку: «Где идешь, милейка?»

21.

Ой якъ будешь въ полонинѣ, мôй милый, спѣвати,
Пускай голосъ по дубровѣ, щобы тя пôзнати;
Пускай голосъ по дубровѣ, пускай по ялинѣ,
Щобы було любо-мило всей моей родинѣ!

22.

Выйшовъ милый на горбочокъ — загравъ у листочокъ:
«Пôзнай, пôзнай, моя мила, чій то голосочокъ?» —
«Не пôзнаю, не пôзнаю, бо дуже тоненькій,
Здае ми ся, видитъ ми ся, що то мôй миленькій.»

23.

Рости, хмелю, надъ водою, рôвно съ тычиною:
Далеко тя, мôй миленькій, чути съ сопѣвкою;
На сопѣвцѣ красно граешь, ще красше спѣваешь,
Ты то серцю ино туги та жалю задаешь.

24.

Та якъ идешь, рыбко, домôвь, заграй же въ сопѣвку,
А я выйду — послухаю, чи ты тамъ, сокôлку;
Та якъ идешь, любко, домôвь, заграй у листочокъ,
А я выйду — послухаю, чи твôй голосочокъ.

25.

Свѣти, зоре, на все поле, заколь мѣсяць зôйде,
Закôль милый чорнобрôвый до миленькой прійде:
Зôйди, зôйди, мѣсяченьку, зôйди, перекрою.
Та хотяй насъ люде судятъ — того ся не бою!

26.

Ты сонêнько, свѣти за дня, мѣсяченьку, въ ночи,
Щобы 'мь я ся надивила миленькому въ очи!
Ой мôй любко солоденькій, згину за тобою,
Та згину я, якъ рыбонька за зимновь водою.

27.

Та ты, милый, чорнобрôвый, такій 'сь ми миленькій,
Якъ у лѣтѣ въ полонинѣ вѣтеръ студененькій. —
Тай ты файна, моя рыбко, така 'сь ми миленька,
Якъ у лѣтѣ на Подôлью вода студененька.

28.

Рости, дубе, край дороги гильёмъ на долину:
Я милого лѣпше люблю, якъ мати дѣтину;
Ой люблю тя, мôй миленькій, въ душу тя не вложу,
А о тобѣ, мôй миленькій, забути не можу.

29.

Вѣтеръ вѣе, шелевѣе, та й порогомъ сѣе:
Кобы то ся довѣдати, що мôй милый дѣе?
Вѣтеръ вѣе, шелевѣе, та й порогомъ мече:
Гдесь мôй милый въ дубрôвоньцѣ въ сопѣвку щебече.

30.

«Чому мила измарнѣла, якъ полотно бѣла?» —
«За тобою, мôй миленькій, що 'мь тебе не зрѣла;
Мêнѣ темный свѣтъ весь бѣлый, на души тяженько,
Якъ не виджу, кого люблю, та тужитъ серденько.»

31.

Болитъ мене головонька, я хусточковь звяжу,
За тобою, мôй миленькій — правдочку ти скажу;
Куда гляну, туда гляну, — всюда ми темненько,
Якъ не виджу миленького, все сумне серденько.

32.

Ой ковала зазуленька гдесь тамъ на острозѣ:
Не ма мого миленького, гдесь еще въ дорозѣ;
Не ма мого миленького, не ма моêй цвѣтки,
А я ходжу, вызераю, чи не иде ôтки.

33.

Гей, зацвѣла пшениченька на зерно, на колосъ:
Ой давно вже я не чула миленького голосъ;
Ой зацвѣла пшениченька отъ луга до луга:
Не знаешь ты, мôй миленькій, яка мêнѣ туга.

34.

Гей якъ милый заговоритъ, то якъ въ дзвôнъ задзвонитъ,
А теперь я го не вижу — головонька болитъ;
Ой болитъ мня головонька, не выходжу зъ хаты,
Ой далеко мôй миленькій, та не буде знати.

35.

Здае ми ся, не журюся, въ тугу не вдаюся,
А якъ выйду на гороньку, — ôтъ вѣтру валюся;
Ой туга ми на серденьку, туга мêнѣ, туга,
Не видѣла 'мь миленького вже недѣля друга.

36.

Ой вже вечеръ вечерѣе, вже сонêнько кружитъ,
Ой вже три днû, три недѣлû, якъ серденько тужитъ;
Тужитъ серце за миленькимъ — бо 'мь го полюбила,
А теперь ми свѣтъ не милый — вже я ся згубила.

37.

Поплывъ човенъ, воды повенъ, кобы не схибнувся:
Ой поѣхавъ мôй миленькій, кобы повернувся!
Я о своêмъ милесенькôмъ день и нôчь думаю:
«Ой верни, верни, миленькій, бо зъ туги вмераю!»

38.

Повѣй, вѣтре буйнесенькій, ôтки я тя прошу,
Розвѣй тугу, розвѣй тугу, що на серцѣ ношу!
Повѣй, вѣтре, изъ за горы, ôтки тя жадаю,
А то зъ тои сторононьки, где милого маю!

39.

Якось мѣсяць днесь не сходитъ, а чей же ôнъ зôйде:
Гей мôй милый не приходитъ, та чей же ôнъ прійде;
Послала бы 'мь посланчика — хлопця молодого,
Чей, сѣдлае вже миленькій коня вороного.

40.

Коло млына, коло млына, коло вѣтрового,
Всѣ миленьки ту гуляютъ, — ино не ма мого;
Не ма жь мого миленького, пôйшовъ десь у горы,
Зачесавъ си кучерики, по надъ чорны бровы.

41.

Ковай, ковай, зозуленько, отъ рана до ночи,
Та скажи ми, чи обачу миленького очи?
Бодай же ты, зозуленько, сêмь лѣтъ не ковала,
Що ты мêнѣ молоденькôй правду не сказала!

42.

Та хоть що день соньце свѣтитъ, що нôчь мѣсяць сходитъ,
Не ма мого миленького, чому 'сь не приходитъ;
Ой заросли тотѣ стежки мохомъ и травою,
Где 'мь ходила, говорила, серденько, съ тобою.

43.

Ой куды я похожала маловь дѣвчиною,
Щебетала 'мь, ажь дзвенѣла земля пôдо мною;
Ой вже жь мêнѣ не ходити, куды я ходила,
Та вже жь мêнѣ не любити, кого я любила!

44.

Стоятъ вербы по надъ греблй, що 'мь ихъ насадила:
Не ма мого миленького, що 'мь ёго любила;
Не ма жь мого миленького, та й заразъ не буде,
Хиба я му ся поклоню черезъ добрй люде.

35.

Здае ми ся, не журюся, въ тугу не вдаюся,
А якъ выйду на гороньку, — ôтъ вѣтру валюся;
Ой туга ми на серденьку, туга мêнѣ, туга,
Не видѣла 'мь миленького вже недѣля друга.

36.

Ой вже вечеръ вечерѣє, вже сонêнько кружитъ,
Ой вже три днѝ, три недѣлѝ, якъ серденько тужитъ;
Тужитъ серце за миленькимъ — бо 'мь го полюбила,
А теперь ми свѣтъ не милый — вже я ся згубила.

37.

Поплывъ човенъ, воды повенъ, кобы не схибнувся:
Ой поѣхавъ мôй миленькій, кобы повернувся!
Я о своêмъ милесенькôмъ день и нôчь думаю:
«Ой верни, верни, миленькій, бо зъ туги вмераю!»

38.

Повѣй, вѣтре буйнесенькій, ôтки я тя прошу,
Розвѣй тугу, розвѣй тугу, що на серцѣ ношу!
Повѣй, вѣтре, изъ за горы, ôтки тя жадаю,
А то зъ тои сторононьки, где милого маю!

39.

Якось мѣсяць днесь не сходитъ, а чей же ôнъ зôйде:
Гей мôй милый не приходитъ, та чей же ôнъ прійде;
Послала бы 'мь посланчика — хлопця молодого,
Чей, сѣдлае вже миленькій коня вороного.

40.

Коло млына, коло млына, коло вѣтрового,
Всѣ миленьки ту гуляютъ, — ино не ма мого;
Не ма жь мого миленького, пôйшовъ десь у горы,
Зачесавъ си кучерики, по надъ чорны бровы.

41.

Ковай, ковай, зозуленько, отъ рана до ночи,
Та скажи ми, чи обачу миленького очи?
Бодай же ты, зозуленько, сêмь лѣтъ не ковала,
Що ты мêнѣ молоденькôй правду не сказала!

42.

Та хоть що день соньце свѣтитъ, що нôчь мѣсяць сходитъ,
Не ма мого миленького, чому 'сь не приходитъ;
Ой заросли тотѣ стежки мохомъ и травою,
Где 'мь ходила, говорила, серденько, съ тобою.

43.

Ой куды я похожала маловь дѣвчиною,
Щебетала 'мь, ажь дзвенѣла земля пôдо мною;
Ой вже жь мêнѣ не ходити, куды я ходила,
Та вже жь мêнѣ не любити, кого я любила!

44.

Стоятъ вербы по надъ греблй, що 'мь ихъ насадила:
Не ма мого миленького, що 'мь ëго любила;
Не ма жь мого миленького, та й заразъ не буде,
Хиба я му ся поклоню черезъ добрй люде.

45.

Не ма мого миленького — рожового цвѣта,
Ой не ма съ кимъ розмавляти до бѣлого свѣта;
Не ма жь мого миленького, туга не малая,
На стеженьцѣ, куда ходивъ, трава зеленая!

46.

Голосочку мôй тоненькій, далеко тя чути:
«Ой мôй милый чорнобрôвый, не можь тя забути!»
Ой выйду я на гороньку, тяженько заплачу:
«Прійди, прійди, мôй миленькій, най тя хоть обачу!»

47.

Безъ милого долй не ма, въ свѣтѣ 'мь сиротою,
Безъ милого счастья не ма, не ма и покою.
Где ты, милый? вже день бѣлый, вже взяло свѣтати,
Охъ, якъ тяжко и якъ нудно, що тя не видати!

48.

Не ма жь мого миленького, серця мого пана,
Не маю съ кимъ говорити зъ вечера до рана;
Не ма мого миленького, не ма мого любка,
Не ма кому поправити на сорочцѣ рубка!

49.

«Прїѣдь, прїѣдь, мôй миленькій, раненько съ росою,
Бо я сохну, якъ цвѣточка, милый, за тобою!»
Я думаю, та й все тужу, принеси го, Боже,
Мое серце безъ милого дыхати не може!

50.

Стратила я свôй вѣкъ марне, та й и свою долю,
Зôстала 'мь ся несчастлива, якъ былинка въ полю:
Якъ же мêнѣ не плакати, самы слёзы льются,
Отъ сокола не ма слова, ôтъ нелюба шлются?

51.

Ой кого я вѣрне люблю, за того мня дайте,
А кого я ненавиджу, и не вспоминайте!
Та кого я вѣрне люблю, той ми за плечима,
А кого я ненавиджу, той передъ очима!

52.

Та що було серцю мило, поплыло съ водою,
А що гôрше ôтъ полуну, говоритъ со мною;
Бодай же вамъ, вороженьки, на души тяженько,
Що вы мене розлучили, съ кимъ було миленько!

53.

О нудно ми на серденьку, ой нудно, нудниця,
Ой кого я вѣрне люблю, той и въ ночи снится;
Та кого я вѣрне люблю, того не видати,
А кого я ненавиджу, самъ лѣзе до хаты!

54.

Ой сивая зозуленько, що рано лѣтаешь,
Скажи менѣ, зозуленько, где любка видаешь? —
«Ой видаю край Дунаю, надъ тыховь водою,
Обтерае чорнӣ очи хустковь шовковою.»

55.

Кобъ я була рыбойкою, я бы 'мь поплынула,
Я бы 'мь свого миленького назадъ завернула:
Я бы 'мь ёго завернула, коло него сѣла,
Я бы 'мь тогди миленькому всю правду повѣла.

56.

Та кобы 'сь ты, мамцю, знала, якій я жаль маю:
Выпустила 'мь соколонька, вже го не спôймаю;
А хотяй бы 'мь го спôймала, то вже не такого,
Вже ôнъ менѣ не пристане до серденька мого.

57.

Якъ я собѣ загадаю та за миленького,
То не виджу передъ собовь свѣтка бѣленького; —
Ой не такъ днесь соньце свѣтитъ, якъ колись бувало,
Коли мêнѣ файне дѣвча до серця пристало.

58.

Гей поѣхавъ мôй миленькій въ далеку дорогу,
Я за нёго несчаслива забути не могу;
Ой куплю я пару свѣчокъ, та пошлю до Бога,
Щобы була миленькому счаслива дорога.

59.

Ой высоко, та не низко, горѣхъ на лѣщинѣ:
Ой далеко, та не близко милый на Вкраинѣ;
Пойшовъ милый на Вкраину, тай я йду, тай я йду,
Бѣдна жь моя головонька, якъ я го не найду!

60.

От коли тя, мôй миленькій, я уже не виджу,
Мене таки нуды берутъ, що я ледви сиджу;
Отъ коли тя, мôй миленькій, не виджу, не виджу,
Отъ тогды я, мôй миленькій, весь свѣтъ ненавиджу.

61.

Мовлятъ мêнѣ добрй люде, що я схоровала,
А я тако й за миленькимъ дуже збановала;
Я тужила, и все тужу, рады мêнѣ дайте,
Мêнѣ милый лишь поможе — за нимъ посылайте!

62.

Пытала 'мь ся того вѣтру, що зъ тыхъ сторонъ вѣе:
«Скажи мêнѣ, где мôй милый, та що ся съ нимъ дѣе?» —
«Тамъ на горѣ на высокôй, где черчикôвъ много,
Тамъ ся правитъ Служба Божа за твого милого»!

63.

Не ма мого миленького, уже не приходитъ,
Зъ ôтти ёго выглядаю, зъ ôтки соньце сходитъ;
Ой не ôтти соньце сходитъ, ôтки зоря ясна,
Стратила мь я миленького, — теперь я несчасна!

64.

Очка мои сивенькіи, тожто вы блудите,
Ой не ма вже того тутки, кого вы любите!
Очка мои сивенькіи, въ голову 'сьте впали,
Вы бы 'сьте вже слёзоньками все море зальяли!

65.

«Лети, вѣтре, до милого, где ёго могила,
Скажи ёму ôтъ милои, же ся не змѣнила;
Скажи ёму ôтъ милои, що сама бѣдненька,
Коли не ма коло неи любого серденька.»

66.

«Повѣй, вѣтре, повѣй, вѣтре, зо всходу сонечка:»
А ни видно, а ни чути, мого коханечка!
Половина саду цвѣте, половина вяне:
Тяжко жь мêнѣ на серденьку, якъ вечеръ настане!

67.

Ой зôйшла вже зоря ясна, а сонько не сходитъ:
Я милого вызераю, милый не приходитъ;
Щось ся соньце захмарило, не хоче свѣтити:
Погнѣвався мôй миленькій, — не хоче любити.

68.

«Ой листочку яворовый, винися кругленько:»
Тако й за моимъ миленькимъ болитъ мня серденько;
Сумна гора безъ явора, безъ зелененького,
Ще сумнѣйше дѣвчиноньцѣ та безъ миленького.

69.

Ой поѣхавъ мôй миленькій, мêнѣ за нимъ туга,
Ой кобы го не любила въ дороженьцѣ друга!
Ой поѣхавъ мôй миленькій, та й вже ся не верне,
Счаслива му дороженька, куды ся поверне!

70.

«Гей мой милый чорнобрôвый, где ся забавляешь?
Чи тя люде отраджуютъ, чи иншу вже маешь?» —
«Мене нихто не отрадитъ, иншои не маю,
За тобовь я гину, тужу, о тобѣ думаю.»

71.

Ой тамъ въ полѣ конопельки, верхомъ зелененьки:
Мене милый покидае, — вороги раденьки.
«Не тѣштеся, вороженьки, що жь вамъ зъ того буде?
Та що кому Господь судивъ — не розсудятъ люде.»

72.

Я милого утратила, та й ще не журюся,
Хоть велику тугу маю, — я не подаюся;
Та хоть бы 'мь ся якъ журила, жура не поможе,
Ино мою головоньку бôльше розпеможе.

73.

Ой калина говорила, лѣщина спѣвала,
Що дѣвчина за миленькимъ три разы вмлѣвала.
«Бодай тебе, мôй миленькій, съ твоею красою,
На що мене отливали три разы водою!»

74.

А калина бѣло цвѣла, червоно родила:
Ажъ теперь ся я дôзнала, кого я любила;
Ажъ теперь ся я дôзнала, та ажъ теперь знаю,
Що ино тебе я любила, тебе лишь кохаю.

75.

Хоть раненько соньце сходитъ и пôзно заходитъ,
Отрадили вороженьки — милый не приходитъ;
«Бодай вы ся, вороженьки, никому не снили,
Вы 'сьте мене исъ миленькимъ на вѣкъ розлучили!»

76.

Кобы вѣтры не вѣяли, и тучи не были:
Кобы, любку, не вороги — мы бы ся любили;
Ой пôйду я у садочокъ, стану на горбочокъ:
«Не ма мого миленького, но ёго слѣдочокъ!»

77.

Ой якъ тяжко на безводьѣ рыбѣ пребувати,
Безъ милого на чужинѣ тяжше проживати:
«Гей, ты, орле чорнокрилый, дамъ ти серця свого,
Занеси мя зъ чужиноньки до мого милого!»

78.

Коломыю запалили, Коломыя горитъ:
Тожто мене за миленькимъ головонька болитъ;
Болитъ мене головонька, ни дотулитися:
«Прiѣдь, прiѣдь, мôй миленькiй, хоть подивитися!»

79.

Не боронѣтъ, вороженьки, бы 'мь на свѣтѣ жила,
А бы 'мь свого миленького надъ житья любила;
Поки очи свѣтло бачутъ, душа жiе въ тѣлѣ,
Все ôнъ мêнѣ буде любый, все ôнъ мêнѣ милый.

80.

Ой судили судивниці каменя съ водою,
Лише мене не розсудятъ, мôй милый, съ тобою;
«Крешѣтъ, крешѣтъ, кремёночки, та й ся роспадайте,
Судѣтъ, судѣтъ, вороженьки, та й ся роспукайте!»

81.

Бодай тебе, бодай мене, бодай насъ обое,
На що жь мы ся полюбили на несчастья свое!
Та хоть я тя вѣрне люблю, и мати раденька,
Не хоче мня отець дати — бо 'мь ще молоденька.

82.

Мôй милый бувъ такій красный, якъ той мѣсяць ясный,
Але доля го лишила, теперь ôнъ несчасный;
Ой зôйшовъ вже мѣсяченько, та й обгородився:
Въ несчасливу годиноньку мой милый вродився.

83.

Ой перестань, мôй миленькій, мене вже любити,
Бо насъ взяли зо всѣхъ сторонъ вороги судити! —
«О най судятъ вороженьки, та якъ розумѣютъ,
Прійде, прійде годинонька — они понѣмѣютъ!»

84.

Ой я тую зиму борзо не перезимую:
Ой я свого миленького не перебаную;
Якъ зацвѣне калиночка, береза загучитъ,
Ажъ тогды насъ, мôй миленькій, нихто не розлучитъ.

85.

Любивъ мене милый дуже, и я го любила,
Не едну я годиноньку о нêмъ переснила;
«О вороги, вороженьки, вы насъ розлучили,
Бодай и васъ, такъ якъ вы насъ, все люде судили!»

86.

«Згадай, милый, загадочку, та й тû давнû слова,
Яка була меже нами любая розмова!
Яке було запôзнанье, яке закоханье,
А якъ тяжке и сумненьке було розставанье!»

87.

Ой зацвѣла калиноньха, цвѣла надъ скалою:
Ой вже жь мêнѣ, мôй миленькій, розлука съ тобою;
Ой разлука, мôй миленькій, розлука, розлука!
Комусь буде потѣшенька, а мêнѣ роспука!

88.

Вѣтеръ вѣе, вѣтеръ вѣе, вѣтрець повѣвае:
Тожто мêнѣ за миленькимъ серце омлѣвае;
«Серце мое, серце мое — въ каменья твердого,
Чому жь ты ся не роспадешь въ жалю великого?»

89.

Ой Боже жь мôй милосердный, що 'мь ти завинила,
Чомусь мене съ тымъ розлучивъ, котрого 'мъ любила?
Ой розлучивъ есь ты мене съ тымъ, кого 'мъ любила,
Пôйдутъ марне мои лѣта — все буду тужила!

90.

Ой думѣе мôй миленькій, думѣе, думѣе,
Онъ полюбивъ уже другу — а мене где дѣе?
Та думѣе мôй миленькій, думѣе, думѣе,
Ой за тобовь, мôй миленькій, серце мое млѣе!

91.

Ой у моёмъ городочку зёленько вышь мене:
Не знайдешь ты, мôй миленькій, щирѣйшой ôтъ мене;
А хоть знайдешь, мôй миленькій, красшу, румянѣйшу,
То николи ты не знайдешь ôтъ мене щирѣйшу.

92.

Ой тебе я полюбила, ты любишь иншую,
Бодай 'сь туживъ такъ за нею, якъ я за тобою!
Я иншого не любила, хоть ихъ було сила,
Бодай я тя була нигде — николи не зрѣла!

93.

Бодай же тя Господь скаравъ та за мою тугу!
Я гадала, що мня любишь, а ты маешь другу;
Бодай тебе, мôй миленькій, спаливъ снѣгъ бѣленькій,
Зчаровавъ есь мою душу, мôй чорнобрôвенькій!

94.

Туга мêнѣ, моя мати, туга жь мêнѣ, туга,
Любила я миленького, ôтобрала друга;
«Та що чинишь, мôй миленькій, мыслишь ся женити?
Не берешь ту, що тя любитъ, — съ кимъ гадаешь жити?»

95.

Ой до луга дорôженька, до луга, до луга:
Ой мала я миленького, ôтобрала друга;
Та дай, Боже, дочекати до дня бѣленького,
Не могу я даровати свого миленького!

96.

Очка мои сивй, сивй, а твои рудятся,
Чому мои черезъ твои не розвеселятся?
Чому, очи, не плачете, жалю не маете?
Мое серце завше въ тузѣ, а вы не знаете!

97.

Любилисьмося, миленькій. ôтъ Покрôвъ до Юря,
Ажъ поки ся не розвило въ Магорѣ явôрья;
Теперь люби, котру хочешь, котра тобѣ мила,
Бо вже видишь, насъ на вѣки доля розлучила!

98.

Ой нудно ми на серденьку и жаль не маленькій,
Що любивъ мня, а не взявъ мня, Козакъ молоденькій!
Сидитъ голубъ на дубоньцѣ, голубка на водѣ:
Ой вже жь намъ ся, мôй миленькій, любитоньки годѣ!

99.

Ой на рутѣ жовтый цвѣтокъ, сама зелененька:
«Не зрадь мене, мôй миленькій, бо я молоденька!
Ты не вѣтеръ буйный въ полю, а я не былина,
Є у тебе отець, мати, въ мене е родина.»

100.

Ой не знаю я бѣдненька, где мôй милый дѣвся:
Якъ бы милый у гай пôйшовъ, гай бы зеленѣвся;
Не спала 'мь я цѣлу нôчку, уже день бѣленькій,
Ой не знаю я, де дѣвся мôй чорнобрôвенькій!

101.

Не спала я тои ночи, ой а ни на волосъ,
Я гадала, що мня зайде миленького голосъ;
Не спала я тои ночи, не буду и другу,
Бо я маю на серденьку великую тугу.

102

Не спала я цѣлу нôчку, а встала 'мь раненько,
Ой зрадивъ мня мôй миленькій, та болитъ серденько;
«Бодай же ты, мôй миленькій, тогди оженився,
Якъ у морю на камѐню сухій дубъ розвився!»

103.

Бодай тобѣ, мôй миленькій, соньце не свѣтило,
Та колись мене не любивъ, зводити не было!
Соньце уже такъ не свѣтитъ, вѣтеръ зимній вѣе,
Тако й за моимъ миленькимъ серце мое млѣе.

104.

Ой вороги, вороженьки, та не ворогуйте,
Я вашого не любила, мого не чаруйте!
Але мои вороженьки тако й враждовали,
Хоть иншого 'мь не любила, — мого вчаровали.

105.

Соколы собѣ лѣтають, сумненько гукають,
Ино мѣнѣ молоденькôй тяжкій жаль задають;
«Не роспущай, соколоньку, якъ той орелъ крила,
Ой знаю я, знаю добре, що 'мь тобѣ не мила!»

106.

Свѣтитъ мѣсяць, свѣтитъ мѣсяць, свѣтитъ, а не грѣе:
Тако й менѣ за миленькимъ серце мое млѣе;
Полюбила 'мь миленького, тяжко ся отперти,
Хоть онъ мня ся отрêкае, — люблю го до смерти.

107.

Якъ мня будешь покидати, перестань хлѣбъ ѣсти,
Щобы тобѣ трудно, нудно коло иншой сѣсти!
Якъ мня будешь покидати, покинь воду пити,
Абы тобѣ трудно, нудно иншую любити!

108.

Чи я тобѣ не казала, чи 'мъ тя не просила:
«Скажи мêнѣ щиру правду, чи я тобѣ мила?»
Та я тобѣ завѣрила, на недолю свою,
А ты 'сь мня теперь позбавивъ любого спокою.

109.

Хоть я ти ничь не казала, казали ти люде,
Що съ нашого закоханья ничого не буде;
Не всѣ тоты сады родятъ, котры зацвѣтають,
Не всѣ тоты поберутся, котры ся кохають.

110.

Ой спѣвала на былинцѣ якась пташка сива:
«Ой котра ще не любила, у Бога счастлива;
Бо не усѣ сады родятъ, котры вже зацвѣли,
Та не усѣ побралися, котры ся любили.»

111.

Половина саду родитъ, половина вяне,
Половина шлюбы берутъ — половина марне;
Половина саду родитъ, половина всхнеся,
Половина побереся — решта розôйдеся.

112.

«Гей, мой милый чорнобрôвый, красный 'сь, уродливый,
Хоть не хочешь мня любити, все ты мѣнѣ милый;
Завше Бога того прошу, щобы 'сь бувь счасливый,
Хоть съ иною, не со мною, — бо ты 'сь мѣнѣ милый.»

113.

«На що жь мѣнѣ руку даешь, коли мня кидаешь?
Счастлива ти дороженька, где ты гадку маешь;
Коли будутъ, мôй миленькій, заручины твои,
Дай ми знати, я ти пошлю дрôбнй слёзы свои!»

114.

Ой у саду, у садочку, листочокъ ся стелитъ:
Бѣдна жь моя головонька, мôй милый ся женитъ;
Очи мои сивенькіи, нигде не всыхайте,
Та кого вы полюбили, — теперь ôтвыкайте!

115.

Ой Боже жь мôй милостивый, яка я невчасна,
Уже жь моя зоря ясна на небѣ загасла!
Моя зоря уже згасла, друга засвѣтила,
Ой Боже мôй милосердный, то жь я несчаслива!

116.

«Зрадивъ есь мня, мôй миленькій, зрадивъ есь мня, зрадивъ,
Бодай есь си у горкости весь вѣкъ допровадивъ!
Бодай же ты усѣхъ любивъ, а тебе жадная,
Та най же тя тота зрадитъ, котра ти милая!»

117

Ой засвѣти, мѣсяченьку, та й ты, зоре ясна,
Та най усѣ люде знаютъ, яка я несчасна!
Посадѣтъ ми, мои сестры, въ головахъ калину,
Нехай о томъ кождый знае, що зъ коханья гину!

118.

Якъ я стану передъ Богомъ на тебе плакати,
Що я зъ твоêй причиноньки мушу умерати;
Та якъ станешь на тôмъ мѣстѣ, где моя могила,
Погадай же, подумай же: «Вѣрне мня любила!»

119.

Я у твоêй мамуненьцѣ едина, едина,
Мене люде обмавляютъ, а я ничь не винна;
Очка мои сивенькіи, я ся вами дивлю,
Мене люде обмавляютъ, я ся не противлю.

120.

Ой мала я добрый розумъ, та пустила 'мь въ воду,
Дивячися, мôй миленькій, на твою уроду;
Коло млына дубовина та й похилилася:
«Чи ты, милый, такій красный, чи я вдивилася?»

121.

Зъ того боку на тамтой бôкъ не зайду, не зайду:
Загубила 'мь счастье, долю, не знайду, не знайду;
Загубила 'мь счастье, долю та черезъ сваволю,
А теперь я несчаслива, не маю спокою.

122.

Чи на тебе, чи на мене, неславонька впала,
Чи на тую керниченьку, що 'мь въ ней воду брала?
Я ся тои неславоньки, невинна, не бою,
А съ кимъ мêнѣ любо, мило, съ тимъ я си постою.

123.

Журилися вороженьки, журилися люде,
Що на моêй головоньцѣ вѣнойка не буде;
А я собѣ у Богойка тôлько упросила,
Що 'мь на моêй головоньцѣ вѣнокъ доносила.

124.

Журилися вороженьки, що я тако й ходжу.
А я своёвь жовтовь косовь плоты не городжу;
Та журѣтся, вороженьки, воскомъ, ладанойкомъ,
А не моевь жовтовь косовь, не моимъ вѣнойкомъ!

125.

Сусѣдоньки мои близкй — лукавй вы люде,
Та кого жь вы обмовите, якъ мене не буде?
Таже вы 'сьте обмавляли камêня и воду,
А не то вже дѣвчиноньку, ягоду молоду.

126.

Ой у лѣсѣ пôдъ яворомъ выбрали керницю:
«Отдай, мати, свою доню, — свою едыницю!» —
«Та хоть у той керниченьцѣ вода прибувае:
Най си моя едыначка еще погулає!»

127.

Ой часъ бы вже жито жати — вже перестигае:
Чому мене, моя мати, замужъ не ôтдае?
Ой часъ, мати, жито жати, колосъ похилився:
Ой часъ мене замужъ дати, голосъ ôтмѣнився.

128.

Мати моя старенькая, що ты си гадаешь,
Чому мêнѣ молоденькôй людей не шукаешь?
Пожаль же ся, мôцный Боже, уродоньки моêй,
Та якъ въ руки ся дôстану паскудѣ якои!

129.

Мовлятъ люде, що я красна, що жь мêнѣ по тому?
Дала бы 'мь я бѣлу ручку, та я не знаю — кому?
Теперь мене каждый каже: «Ты, зоренько ясна!»
А по тому мêнѣ скаже: «Доле ты несчасна!»

130.

Стоитъ верба надъ водою — маю ю на гадцѣ:
Мышлятъ люде пôдрубати дѣвчину на кладцѣ;
Пôйшла бы я на кладоньку, кобы 'мь не упала,
Пôйшла бы 'мь я за нелюба, кобы 'мь не пропала.

131.

Та у полѣ сама стоитъ несчасна былина:
Ой не буду ти невѣстковь, бо не люблю сына;
Втогди я ти, сусѣдоньку, невѣсткою буду,
Якъ пôдъ камêнêмъ въ городѣ барвêнку добуду.

132.

Ой не ходи, богачику, горою за мною,
Ты богатый, а я бѣдна — не пара съ тобою;
Ты богатый, а я бѣдна, — не поберемося,
Най не буде серцю жалю, же любилисьмося!

133.

Тече вода зъ пôдъ города, зъ вышнёвого саду:
Та я ничь тому не винна, що не ма посагу;
Хоть не маю я посагу, не маю и дому,
«Не дай мене, татунейку, не дай леда кому!»

134.

Ой, татуню мôй миленькій, татуню соколе,
Не дай мене въ темнй горы — дай мня въ чисте поле:
Волѣю я въ чистôмъ полѣ соломовь палити,
А нêжъ маю въ темныхъ горахъ свѣтонька не зрѣти.

135.

Ой, тату мôй любесенькій, тату небогачу,
Не дай мене за пьяницю, — бô я тя проплачу:
Волѣвъ бы 'сь мене, мôй тату, за злодѣя дати,
Бо злодѣя та й повѣсятъ — я могу гуляти.

136.

Доломъ, доломъ, долиною трава зелененька:
А за добрымъ чоловѣкомъ жôнка молоденька;
Доломъ, доломъ, долиною трава вылягае:
А за добрымъ чоловѣкомъ жôнка погуляе.

137.

Ой тамъ въ садѣ зеленая трава по колѣна:
Ой за добрымъ чоловѣкомъ жôнка якъ калина;
Ой тамъ въ полѣ на горбочку вже трава жовкнѣе:
Ой за лихимъ человѣкомъ жôнка помарнѣе.

138.

Зеленая черемшина, ягôдки дрôбненьки:
«На що жь мы ся полюбили таки молоденьки?
Туга менѣ моя, мати, зъ туги розболюся,
Дозволь, мати, шлюбъ узяти, та съ кимъ я люблюся!»

139.

«Доню моя, доню моя, ты 'сь мêнѣ миленька,
Не дай же ся на пôдмову, бо ще 'сь молоденька;
Не дай же ся на пôдмову, не дай ся зрадити,
Та бо тобѣ ще ялося дѣвчиновь ходити.»

140.

«Не спускайся, дѣвчинонько, на великй вѣна,
Подивися сюды, туды — не йди за ôтмѣна;
Бо тото твое багатство буде — и не буде,
А съ кимъ же ты, молоденька, выйдешь меже люде?»

141.

Ой трудно то та не легко пôзнати-вгадати,
Котрый гôдный, бы го щиро изъ серця кохати;
Я бы 'мь рада молоденька лишь того любити,
Съ котрымъ ми Богъ милосердный вже присудитъ жити.

142.

«Повѣй, вѣтре буйнесенькій, то зъ горы, то зъ долу,
Чей, розвѣешь, буйный вѣтре, мою лиху долю!» —
«Та буду я все вѣяти, не буду ставати,
Вже жь я того не розвѣю, що мае Богъ дати.»

143.

«Ой, Господи милосердный, я тя щире молю:
Хоть не дашь мѣнѣ багатства, дай лишь добру долю!»
Лиху долю ни продати, а ни замѣняти,
Лише треба съ лиховь долевь сей свѣтъ колатати.

144.

Шкода травки и муравки тому облогови:
Шкода мене молодои тому неробови;
Шкода мене молодои, шкода мого стану,
Та якъ я ся леда бѣдѣ у руки достану!

145.

«Мати моя миленькая, мати жь моя люба,
Прошу жь тебе, не дай мене за того нелюба!
Бо въ нелюба гôрька губа — гôрча полиноньку,
Буде бити, зневажати чужу дѣтиноньку.»

146.

«Та дай мене, моя мамцю, за кого я скажу,
Та хоть мêнѣ лихо буде — никому не скажу;
Хоть не буде, моя мамцю, ни пити, ни ѣсти,
Кобы було, моя мамцю, коло кого сѣсти!»

147.

Тече рѣчка невеличка, безъ ню перескочу:
«Отдай мене, моя мамо, за кого я хочу!»
Не дала 'сь мня, моя мати, за кого я хтѣла,
Теперь шумитъ нагаёчка коло мого тѣла.

148.

Моя люба матêночка по полю ходила,
Всѣмъ дѣточкамъ долю знайшла, мою загубила;
«Люби мои сосѣдочки, просѣтъ моêй неньки,
Най ми пôйде, та най знайде, счастье та й доленьки!»

149.

Мене мати породила темненькои ночи,
Дала мêнѣ красне личко и чорныи очи;
«Було мêнѣ, моя мати, красы не давати,
Лишь ми було, моя мати, счастья, долю дати.»

150.

Котилося съ вѣтромъ листья ôтъ поля до поля:
«Скажи мéнѣ ты, листочку, яка моя доля?» —
«Така твоя, якъ и моя, стоитъ надъ водою, —
Втерае си чорнû очи хустковь шовковою.»

151.

«Лиха доле, лиха доле, пôйди, утопися,
А за мною молодою та не волочися!» —
«Та хоть я си въ Дунай пôйду, и тамъ ся утоплю,
То якъ выйдешь по водоньку, я ся тебе вхоплю.»

152.

Людскû дѣти долю маютъ, — я еи не мала,
Такъ якъ бы я у Богойка камêнёмъ метала;
Моя доля утонула, — счастья ся не верне,
Охъ. Боже жъ мôй милостивый, — то житья мизерне!

153.

Ой гаю мôй зелененькій, та гаю мôй, гаю:
Ни я перша, ни послѣдна доленьки не маю:
Найвысшому деревоньку вершокъ усыхае,
Найкрасшому лѣтятоньку Богъ долû не дае!

154.

Ой кобы 'сьте, люде знали, яка менѣ бѣда:
Силуе мня моя мати за старого дѣда;
«Та не дай мня, моя мамцю, не дай за старого,
Бо я уже полюбила хлопця молодого!»

155.

Ой калина бѣло цвѣла — червоно родила:
Де жь бы 'мь свои очи дѣла, жебы 'мь го любила;
Де жь бы 'мь свои очи дѣла, де жь бы 'мь ся дивила,
Якъ бы 'мь пôйшла за старого — я бы 'мь ся втопила!

156.

Зеленая черемшино, що надъ водовь стоишь:
Молодая дѣвчинонько, чомъ ся старця боишь? —
«Ой якъ бы я незелена — ту бы 'мь не стояла:
Та якъ бы я не молода, я бъ ся не бояла.»

157.

Вылетѣло потя зъ лѣса, та сѣло на млаку:
«Чомъ не злучишь, милый Боже, дружину еднаку?»
Хоть часъ, мати, жито жати, колосья сберати,
Не пôйду я за удôвця, — буду рôвнй ждати.

158.

Ой на горѣ поорано, а не волочено:
Ой за вдôвцемъ хлѣбъ готовый, серце засмучено;
Та за вдôвцемъ хлѣбъ готовый, лише бы го ѣсти,
Ай не разъ бы поплакати, нѣжъ до него сѣсти.

159.

Ой впавъ снѣжокъ на облôжокъ, та й поплывъ водою:
Якъ же мѣнѣ не плакати, бувши молодою?
Та не дай мня, моя мати, за вдôвця, не дай мня,
До новои комороньки сховай мня, сховай мня!

160.

Ой волю я молоденька въ комôрцѣ сидѣти,
Лишь не дай мня, моя мамцю, на чужія дѣти!
Бо то чужіи дѣтоньки схотятъ роскошоньки,
Я молода, якъ ягода, не дамъ имъ радоньки.

161.

Еще рѣчка не величка, а не ма ёй кôньця:
Уже тота несчаслива, що иде за вдôвця;
Шкода тоту дѣвчиноньку, шкода молоденьку,
Бо вдовець все вспоминае свою небôжейку.

162.

Розвивайся, сухій дубе, та й ты, крыхій верше:
Ой уже ся не поверне закоханье перше!
Волѣла 'мь тя, мôй миленькій, николи не знати,
Нêжъ теперка на серденьку таку тугу мати!

163.

Мило було заспѣвати, та й поговорити,
А теперь ся на мерзеньку тяжко й подивити;
Та маете мня вѣнчати съ якою бѣдою,
Завяжѣтъ ми хустковь очи, та й пустѣтъ водою!

164.

Ой шумѣла лѣщинонька, якъ ся розвивала:
Та плакала дѣвчиноньда, якъ ся ôтдавала:
«Ой не шуми, лѣщиноньдо, та й не розвивайся:
Не плачь, не плачь дѣвчинонько, та й не ôтдавайся!»

---

165. [1]

Стоитъ верба надъ водою, роспустила гилья:
«Уберайся, дѣвчинонько — днесь твое весѣлья!» —
«Лѣпше було мене, мамцю, у землю сховати,
А нёжъ мене, молоденьку, съ нелюбомъ вѣнчати!»

166.

Волѣла 'мь ся намаити товь рутовь зеленовь,
Нёжъ ми мали свѣтъ вязати товь бѣдовь мерзеновь;
Маете жь ми свѣтъ вязати, вяжѣте жь коротко,
Бо я знаю, що ми буде гôрько, не солодко.

167.

Гадай, мати, гадай, мати, щобы 'сь ôтгадала,
Щобы 'сь мене изъ роскоши въ недолю не дала!
Я гуляла молоденька, не спинала мати,
Спинила мя лиха доля, якъ прійшла до хаты.

168.

Пô пôдъ гору высокую зѣленькомь садила:
Судивъ мене Господь того, кого 'мь не любила;
Судивъ мене Господь того, кого 'мь и не знала,
Зъ великого перебору, що 'мь перебирала!

169.

Заплѣтай мня, моя мати, поки я ще дѣвка,
Заплѣтай мня, моя мамо, хоть до Понедѣлка,
А въ Пятницю у дрôбницю, а въ Суботу сякъ-такъ,
А въ Недѣлю по пôдвôрью мои слезы капъ-капъ!

170.

Пôдъ яворомъ зелененькимъ дѣвчина плакала,
Тамъ-то она золотую косу росплётала:
Расплётала, росплётала, красно розчесала,
Красна буде молодиця, — йно шлюбу не брала!

171.

Заковала зозуленька у лѣсѣ на дубѣ:
Заплакала дѣвчинонька у церквѣ при шлюбѣ;
«Не плачь, не плачь, дѣвчинонько, добре тобѣ буде, —
Умыешься слёзоньками, якъ воды не буде.»

172.

Присягаю передъ Богомъ, паредъ образами,
А не знаю, чи ще буде гараздъ меже нами;
Та якъ же намъ добре буде, — будемъ ся любити,
А якъ же намъ лихо буде, — на вѣки тужити!

173.

Ой червона калиночка ôтъ соньця палится:
Мое серце уже бôльше не розвеселится;
Волѣли мня намаити барвѣнкомъ-купками,
Нёжъ мала 'мъ ся обмывати дрôбными слезами!

174.

Ой калино, калинонько, чого въ лузѣ стоишь,
Чи сонёнька выглядаешь, чи ся вѣтру боишь! —
«Нй сонёнька выглядаю, нй вѣтру ся бою,
Ту мня мати породила, — ту я си постою.»

175.

Ой поки я молоденька при мамунцѣ была,
То й червона калиночка на подвôрью цвѣла:
А якъ мене молоденьку ôтъ мамунцѣ взято,
То й червону калиноньку изъ подвôрья стято.

176.

Поки 'мь була при мамуньцѣ, дзвенѣвъ голосочокъ,
Якъ емь пôйшла ôтъ мамуньцѣ — пôйшовъ у лѣсочокъ:
«Дзвени, дзвени, голосочку бѣдный по лѣсочку,
Чей, учуе моя мати, стоитъ на рыночку!»

177.

Ой гаю мôй зелененькій, та гаю мôй, гаю:
Отдала 'мь ся молоденька, а теперь ся каю;
Ой ще була подобочка дѣвчиновь ходити,
Та за своёвь головоньковь косичку носити.

178.

Добре було калиноньцѣ та при долиноньцѣ:
Добре було дѣвчиноньцѣ та при матиноньцѣ;
Калинонька ôтцвитае — цвѣтокъ ôтпадае,
Якъ йде дѣвча ôтъ матоньки — гараздъ ю минае.

179.

Летитъ воронъ зъ чужихъ сторонъ, жалôбненько краче:
Отдала мня моя мати, — теперь за мновь плаче;
Ой та най собѣ поплаче, — а чей же забуде,
Та все мѣнѣ говорила, що мня ся не збуде!

180.

Ой кобы я була знала, що мѣнѣ такъ буде,
Була бы 'мь я ся втопила, хоть воды не буде,
Була бы 'мь ся утопила, жалю наробила,
Най бы за мновь молодою родина тужила!

181.

Цвѣла въ лузѣ калинонька — вѣтеръ истрясъ цвѣты:
Где жь мѣнѣ ся молоденькôй теперки подѣти?
Гей, Боже мôй милостивый, що я учинила,
Дала 'мь долю за недолю — сама 'мь ся втопила!

182.

Ой кобы я була знала, що съ нелюбомъ лихо,
Була жь бы я си сидѣла при мамунцѣ тихо;
Та була я молоденька — дала 'мь серцю волю,
Взявъ немилый бѣле гѣло, та й очи въ неволю!

183.

Дала 'сь мене, моя мамцю, замужъ молодою,
Та якъ тоту конопельку въ воду зеленую:
Ой якъ тяжко конопельцѣ въ сырôй вôдѣ гнити,
Еще тяжше молодицѣ на чужинѣ жити.

184.

Ой на гôрѣ садокъ стоитъ, а въ тôмъ садку сосна:
Яка жь то я несчаслива на тôмъ свѣтѣ зросла!
Чи я въ свѣтѣ лишь самая, чи не ма другои,
Съ котровь бы я подѣлила дрôбнѝ слезы мои?

185.

Ой блѣда я, моя мамко, ой блѣда я, блѣда.
Не знаешь ты, моя мамцю, яка моя бѣда:
Ой кобы 'сь ты, мамко, знала, якъ мênѣ тяженько,
Сама бы 'сь ся розболѣла, та й твое серденько.

186.

Мене мати повивала въ тонки пеленочки,
А теперь я зазнаваю тяжкои бѣдочки;
Рубай дуба, рубай дуба, а у дубѣ яворъ,
Волѣвъ бы ся уродити вмѣсто дѣвки — камêнь.

187.

Коли 'сь мене, моя мати, на той свѣтъ родила,
Чому 'сь мênѣ тамъ у Бога долй не впросила? —
«Я до церкви тя носила, — долй 'мь ти просила,
Я ти тому ничь не винна, що ты несчаслива.»

188.

Ой упала звѣзда зъ неба, у воду упала:
«Розвяжи ми, мамко, свѣтокъ, якъ есь завязала!» —
«Ой якъ тяжко камêневи по водѣ плывати,
Тяжше еще, моя доню, свѣтокъ розвязати.»

189.

Зеленая калинонько — листья ти зôвяло:
Гей, дѣвчатко молоденьке, свѣтъ си завязало;
Молодая дѣвчинонько, пôйшли твои лѣта,
Молодая 'сь ôтдалася — не прожила 'сь свѣта!

190.

Отдала мня моя мати за якуюсь бѣду,
А я теперь бѣду лишу, а сама въ свѣтъ пôйду;
Якъ була 'сь мня, мамцю, дала за того молодця,
Була бы я процвѣтала, якъ рожа въ городцѣ.

191.

Мене мати годовала — въ папêръ обвивала,
За сокола обѣцяла — а за сову дала;
«Мати жь моя миленькая, ты, пташку сивенькій,
Несчасливу 'сь мня зродила на той свѣтъ бѣленькій!»

192.

Журилася мати мною, якъ рыба водою,
Дала мене въ неволеньку — та й тужитъ за мною;
«Мамко моя золотенька, мамко моя мила,
Ты 'сь то мене въ несчасливу годину вродила!»

193.

Мене мати едну мала, едну единицю,
Мêнѣ долю выберала — дала за пьяницю;
О Боже мôй милостивый, що маю чинити?
Возьми мене зъ того свѣта — не маю съ кимъ жити!

194.

Ой кобъ була 'сь, мати, знала таку мою долю,
Ты була 'сь мня утопила маловь дѣтиною;
Кобы 'сь була утопила, — була бы 'мь втонула,
День була бы 'сь заплакала, а другій забула.

195.

Косо моя жовтенькая, косо жь моя, косо,
Тожь то я тя розчесала пôдъ барвêнокъ борзо!
Косо жь моя жовтенькая, то я тя чесала,
Теперь есь ся негôдному у руки дôстала!

196.

Ой не сѣчи, ой не рубай, зеленого дуба:
Та не цѣлуй, не обôймай, коли 'мь ти нелюба;
Та коли 'мь тобѣ нелюба, було мня не брати,
Було мêнѣ молоденькôй свѣтокъ не вязати!

197.

Ой коли 'сь мене не любивъ, — було мня не брати,
Бо я тобѣ не грушочка въ садѣ коштовати:
Бо грушочку покоштуешь, та й далѣй где кинешь,
А ôтъ мене молодои марне зъ свѣта згинешь.

198.

Ой кувала зозуленька, теперь не чувати:
Ой где я ся не родила, мушу привыкати;
Та где я ся не родила, въ чужôй сторононцѣ,
Ту мушу я вгоджувати чужôй матêноньцѣ.

199.

Ой на горѣ росте сосна—пшениця не буде:
Вже у чужой мамуненьки роскошу не буде;
Ой тихими долинами пшениця ланами:
Нигде не ма роскошоньки—ино въ своêй мамы.

200.

Своя мама постелила, спати положила,
А въ свекрохи спанья трохи, тай ще 'мь ёй не мила;
Въ своёй мамы до полудня, та й ще прикрывае,
А въ свекрохи спанья трохи, та й ще проклинае.

201.

Шумитъ мêнѣ, якъ у млынѣ, въ моёй головоньцѣ,
Що не можу привыкнути въ чужôй сторононьцѣ;
Туга мêнѣ въ той сторонѣ, туга въ чужиноньцѣ,
Идутъ лѣта зъ того свѣта, якъ листъ по водойцѣ!

202.

Ой ковала зозуленька въ хатѣ на загатѣ:
Тяжко мêнѣ привыкнути у свекриной хатѣ;
Ой пôйду я до свекрохи, — стану на порозѣ:
Мои милй спѣваночки въ далекôй дорозѣ!

203.

Мои милй спѣваночки складаний, складаний,
Ой где жь я васъ наскладала — та при своёй мамѣ!
Та при своёй наскладала, у чужôй забуду,
Мои любй спѣваночки, — я васъ не забуду!

204.

Мои любй Колымыйки, где я васъ подѣю?
Занесу васъ въ чисте поле, — тамъ я васъ розсѣю;
Та якъ буде добра доля, — то васъ позбераю,
А якъ буде доля лиха, — то васъ занехаю.

205.

Посѣяла 'мь руту круту меже берегами:
Тяжко жити на чужинѣ меже ворогами;
А я рутоньцѣ зеленôй верхи позсчибаю:
Якъ вороги пôйдутъ спати, — я си заспѣваю.

206.

Я собѣ разъ заспѣваю, а десять заплачу,
Що я марно свои лѣта по свѣточку трачу:
Шкода моей молодости, шкода мого зросту,
Волѣла 'мь ся утопити зъ высокого мосту!

207.

О сумненько заковала зозуленька сива:
Чи е въ свѣтѣ така друга, якъ я несчаслива!
Та я роблю, я гарую, мене ручка болитъ,
А якъ прійду до домоньку, — никто не говоритъ.

208.

По надъ гору высокую голубы лѣтаютъ:
Я гаразду не зазнала, лѣта ся минаютъ;
Я гаразду не зазнала, и не буду знати,
По чêмъ я васъ, мои лѣта, буду вспоминати?

209.

Лѣта мои молодіи — лѣта молодости,
Ай то вы ми исходите въ смутку, не въ радости!
Ще я собѣ не вгуляла, красно не входила,
Тôлько буду памятати, — що 'мь ся наробила!

210.

Господи мôй милосердный, святый Миколаю,
Вынеси мня зъ той стороны, — бо ворогôвъ маю;
Ой Господи мôй ласкавый, буду тя просити,
Дай ми, Боже, якъ найборше зъ ôтти ся вступити!

211.

Лѣта мои молоденьки, тожь ми жаль за вами,
Ой такъ ми ся завше здае, що 'мь не була съ вами;
Лѣта мои молоденьки, на завше страчений,
Гей вернѣтся, спѣваночки мои улюблений!

212.

Лѣта жь мои молодіи, тожь ми жаль за вами,
Тожь-то я ся нагуляла коло своей мамы;
Пôйшли лѣта молоденьки въ счастью, въ веселости,
А теперь я зазнаваю смутку и гôркости!

213.

Якъ я собѣ здогадаю давніи лѣтейка, —
Пôйдутъ слёзы долй личкомъ, якъ быстра рѣчейка;
Якъ я собѣ здогадаю, кого я любила, —
Якъ бы мêнѣ не душейка, я бы 'мь ся згубила!

214.

Та якъ я си нагадаю давную давнину,
Заболитъ мня головонька, що трохи не згину;
Повѣй, вѣтре, повѣй, вѣтре, повѣй, вѣтре гайный,
Ой не ма вже и не буде, якъ бувъ милый давный!

215.

Ой хора я, моя мати, — сама себе гублю,
Бо кого 'мь давно любила, и днесь того люблю;
Ой кого я щире люблю, волѣла 'мь не знати,
Нёжъ насъ мали лихй люде на вѣкъ розлучати.

216.

Завзялися вороженьки, щобы 'мь все тужила,
Щобы 'мь свого миленького бôльше не любила;
Куда ходжу, все гадаю, все думка о тобѣ,
Видишь, я тя не забуду, — хиба въ темнôмъ гробѣ.

217.

Ой мала я миленького, якъ цукеръ солодкій,
Отмовили вороженьки, — свѣтъ бы имъ короткій!
Бодай же вы, вороженьки, тяженько конали,
Ой зъ вашой то причиноньки ми ся не побрали!

218.

Бодай же вы не видѣли свѣта бѣленького,
Що вы мéнѣ ôтобрали мого миленького!
Ой вороги, вороженьки, и вамъ конець буде,
Та хоть не взявъ мене милый, — ôнъ мня не забуде,

219.

Та бо наши вороженьки сосѣды близеньки,
Не дали намъ любитися, а мы молоденьки;
Та бодай васъ, вороженькôвъ, люди не любили,
Бодай и васъ, такъ якъ вы насъ, всѣ ненавидѣли!

220.

Та бодай васъ Господь побивъ и Божая Мати,
Що вы мêнѣ миленького смѣли ôтобрати!
Ой мала я миленького, теперь вже не маю,
Уже я ся ôтдавати бôльше не гадаю.

II. Коломыйки сиротиньскии.

1.

Ой выйду я рано въ поле, — говорю съ росою,
Та й вразъ съ нею нарêкаю на несчасну долю;
Ой выйду я на гороньку, — та й ся задумаю:
Зôстала 'мь ся сиротою, — никого не маю!

2.

Ой у моêмъ городчику росте лелѣточка:
Що жь ми зъ того, що 'мь молода, коли 'мь сирôточка!
Та якъ тои конопельцѣ у болотѣ гнити,
Такъ то мêнѣ, сирôтоньцѣ, на тôмъ свѣтѣ жити.

3.

Мати жь моя миленькая, — ты, сивенькій пташку,
Ты жь то мене згодовала на бѣдочку тяжку!
Мамо жь моя золотенька, — ты, сивый голубе,
Ты 'сь мене саму лишала, служатся мновь люде.

4.

Що жь я тобѣ, моя мамцю, такого зробила,
Що ты мене пустенничковь такою лишила:
Кобъ була 'сь мня, моя мати, въ купелѣ зальяла,
Була бы 'мь ся и съ Короля долёвь не мѣняла!

5.

Яки тотй квѣтки краснй, котрй заквитають,
Яки тотй дѣти счаснй, котрй матêрь мають;
Людскй дѣти якъ дѣтойки, а я сирôтойка,
Людскй дѣти матêрь мають, — моя у Богойка.

6.

Гей, умерла моя мати, бѣдойко жь, бѣдойко!
Вже не скаже, не промовитъ: «Що чинишь, дѣвойко»? —
Та якъ я си здогадаю матуненьку свою,
Мене таки жалй возьмутъ, що я ледве стою.

7.

Не ма цвѣтку на всêмъ свѣтку, якъ на тôй калинцѣ:
Никто не е такій милый, якъ мати дѣтинцѣ;
Айбо въ нашôй полонинцѣ житейко взрастае,
Айбо моя мамунейка въ Богойка свитае.

8.

Не е моêй матуненьки, та не е êй, не е,
Та бо моя матуненька въ сырôй земли гніе;
Моя мамця уже въ гробѣ, онъ де êй могила,
По що жь я ся такъ несчасна на сей свѣтъ вродила?

9.

Та братья ся поженили, й сестра ся ôтдала,
Лише я ся, сирôтонька, на бѣду зôстала;
Ой пôйду я въ свѣтъ далеко, стану на горонцѣ:
Чомъ не звяжешь, милый Боже, свѣтокъ сирôтоньцѣ?

10.

Чи то въ свѣтѣ, чи то въ свѣтѣ, тôлько я єдная,
Що я така, що я така, за всѣхъ несчасная?
Мене люде ненавидятъ, — якая жь причина?
И доля мня опустила, — бо я сиротина!

11.

Ой сироты, сирôтоньки, вамъ гараздъ не буде,
Бо й свои васъ ненавидятъ, еще судятъ люде;
Яке сѣно въ оборозѣ, таке сѣно въ стозѣ,
Не ма въ никôмъ надѣейки, лише въ еднôмъ Бозѣ.

12.

Отти гора, ôтти друга, въ серединѣ ровêнь:
Ничь не зроблю, лишь ся втоплю, якъ надôйде повôнь;
Ой зôйдѣтся, быстрій рѣчки, та втопѣтъ мня въ собѣ,
Мае мати гôрьку долю, волю гнити въ гробѣ.

13.

Ой зозуле сивенькая, що жь теперь не куєшь:
Мати моя миленькая, що жь мня не жалуєшъ? —
«Тогды а тя, моя доню, буду жаловати,
Коли буде зозуленька въ осени ковати.»

14.

Кôлька 'мь зросла молоденька, того 'мь не чувала,
Щобы сива зозуленька въ осени ковала;
Ой ковала зозуленька, та теперь не кує:
Теп ерь мене моя мати уже не жалує.

15.

Не маю я ôтця, мамы, а ни миленькои,
Никто мня не пожалуе годинки єднои;
Якъ же мênѣ не плакати, якъ же не тужити?
Пôйшла моя вся надѣя въ сыру землю гнити!

16.

Усѣ луги зашумѣли, забрênѣли рѣки:
Умеръ отець, вмерла мати, — сирота 'мь на вѣки;
Стратила жь я ôтця, матêрь, та й усю надѣю,
Где жь я ся теперь бѣдненька у свѣтѣ подѣю?

17.

Чи я така несчаслива, чи я вже найгôрша,
Що я така молоденька на сирôтство прійшла?
Ой Господи милостивый, змилуйся надъ нами,
Надъ бѣдными сиротами, безъ ôтця, безъ мамы!

18.

Я сирота блукаюся, не маю родины,
Бѣдня жь моя головонька мênѣ на чужинѣ!
Волѣла 'мь ся не родити — якій свѣтъ? — не знати,
Якъ мня мала на несчастья породити мати.

19.

Въ чужôмъ краю, въ чужôмъ краю, марно пропадаю,
Бѣдна жь моя головонька, що роду не маю!
Ой стою я въ чужôмъ краю, якъ на пожаринѣ,
Никто жь мене не пригорне при лихôй годинѣ.

20.

Ой роблю я, тяжко роблю, робота ни за що,
Люде кажутъ и говорютъ: «сирота ледащо!»
А сирота утомився, на тынъ похилився,
Люде кажутъ и говорютъ: «Онъ мабуть упився!»

21.

Ой кобы я матêрь мала, я бы 'мь ничь не дбала,
Цѣлый тыждень при мамунцѣ въ недѣлю гуляла;
А я бѣдна сирôтонька мамунцѝ не маю,
Цѣлый тыждень гôрько роблю, — въ недѣлю думаю.

22.

Лѣта мои молоденьки, будьте коротеньки!
Ой тожь то я не вгуляла коло своêй неньки;
Коло своêй не вгуляла, у чужой не буду,
По чѐмь я васъ, мои лѣта, памятати буду?

23.

Мамцю моя нерôдная, я тобѣ казала,
Що же я ся слëзеньками буду умывала;
Та якъ я ся умывала студеновь водою,
Лѣпше мêнѣ тогда було, якъ теперь съ тобою.

24.

Ой гôрькая вже гôрчиця, гôрькая, гôрькая
Еще мêнѣ гôрчѣйшая мамуня чужая;
Ой якъ бы 'сь ты, мамунейко, тамъ у гробѣ знала,
Якъ твою дѣтинку кривдятъ, цазадъ бы 'сь вмерала.

25.

Журилися вороженьки, журилися люде,
Та кто мене сиротоньку вѣновати буде?
Не журѣтся, вороженьки, не журѣтся, люде,
Отвѣнуе мене Господь, та якъ ласкавъ буде.

26.

Школа травы зеленои, що пополовѣла:
Шкода мене молодои, що 'мь посиротѣла;
Шкода травы шовковои тому берегови:
Шкода бы мня молоденькой леда ворогови.

27.

Ой пôйду я, сиротонька, на гору крутую,
Стану же я, подивлюся на рѣчку быструю:
Ой ты, рѣчко быстренькая, на тебе дивлюся,
Думки менѣ серце давлять, — пôйду утоплюся!

III. Коломыйки вояцкіи.

1.

На що мêнѣ женитися, на що мêнѣ долû?
Стоитъ мêнѣ у Самборѣ карабинъ на столѣ;
Ой Самборе, Самбороньку — бодай 'сь завалився,
Я чрезъ тебе миленькои свободы позбився!

2.

Ой дубе мôй зелененькій, ой дубе мôй, дубе!
Гей я хлопець молоденькій, — зъ мене жовнѣрь буде;
Мати моя старенькая, та я твôй сыночокъ,
То 'сь то мене выховала пôдъ карабиночокъ!

3.

Ой заплачешь, моя мати, дрôбными слезами,
Якъ я буду присягати передъ образами;
Ой заплачешь, моя мати, заплачешь, заплачешь,
Якъ ты мене на Цѣсарскôмъ конику зобачишь.

4.

Ой заплачешь, моя мати, зъ Недѣленьки тои,
Якъ увидишь бѣлый ремêнь через плечи мои;
Ой заплачешь, моя мати, рясными слезами,
Якъ мня будешь пôзнавати межи жовнѣрами.

5.

Пане брате товаришу, где ся грива дѣла? —
Ой въ Самборѣ въ Поручника у печи згорѣла;
И ты дружба, и я дружба, оба 'сьмо си дружбы,
Ой вже мы ся додружбили вояцкои службы.

6.

Гей въ Самборѣ, въ крайномъ домѣ мурованй стѣны,
Тамъ то мого миленького кучери усѣли;
Ой ковала зозуленька надъ макомъ, надъ макомъ:
Зосталося коханêчко въ Самборѣ вoякомъ.

7.

Снѣги впали, леды стали, потоки ся здули:
Ой вже мого миленького въ черевики вбули;
Якъ убули въ черевики — та й карабинъ дали,
Ой заяли миленького ажъ гетъ до Молдавы.

8.

Ой до Стрыя дорôженька, до Стрыя, до Стрыя,
Обстригли ми кучерики, теперь гола шія;
Чи будешь ты, моя мила, за мновь жаловати,
Якъ ми будутъ черевики нôженки глодати?

9.

Летѣвъ орелъ по надъ море, жалôбненько краче:
Взяли сына у жовнѣры, мати за нимъ плаче;
Плаче мати, плачутъ сестры, та й уся родина,
Теперь вже не наша буде — ай Царска дѣтина.

10.

Отобрали миленького та на жовнѣрейка,
Не такъ мати за нимъ плаче, якъ его милейка;
Пытаеся мамуненька, що мêнѣ ся стало?
Мене болитъ такъ серденько, — на свѣтѣ мня мало.

11.

Не плачь, мати, не плачь, мила, не плачь, не журися,
Маю я ся въ що убрати, — прійди, подивися!
Ой маю я кабатъ, зброю, буде въ чêмъ ходити,
Пôйде кровця рѣченьками, — та буде щô пити.

12.

Ой у лузѣ зелененькôмъ зацвѣла калина:
На жовнѣра породила мати свого сына:
Бодай же вы, вороженьки, всѣ разомъ пропали,
На що вы мидѣтиноньку до вôйска забрали!

13.

Породила мене мати темненькои ночи,
Дала мêнѣ бѣле личко, чорненькіи очи:
Волѣла 'сь ми, моя мати, чорне личко дати,
Нêжъ мали мня молодого на жовнѣра взяти.

14.

Ступай, коню, пôдо мною, черезъ крваві рѣки,
Будь здорова, матêнонько, — вже 'мь пропавъ на вѣки:
Ступай, коню, пôдо мною та розбивай груду,
Будь здорова, родиноныко, — вже я ту не буду!

15.

Выйшла рыбка на гороньку, та стала, та й тужитъ,
Не ма мого миленького,—Цѣсареви служитъ!
Та якъ мѣнѣ не плакати, та якъ не тужити,
Пôйшовъ милый гдесь далеко карабинъ носити?

16.

Ой ковала зозуленька надъ выромъ, надъ выромъ:
Ой гдесь мое закоханье извивае гверомъ!
Красила бы 'мь писаночки — не ма бразиліи,
Пôйшло мое закоханье ажъ до Италіи!

17.

Выправила мати сына на вôйну раненько,
Сѣла собѣ пôдъ ôконьце — плаче жалôсненько;
Выправляла мати сына та на вороженька: —
Счаслива бы мому сына була дорôженька.

18.

Ой не една мати плаче, жолôстно голоситъ:
Не ма мого соколика, гдесь карабинъ носитъ;
Карабине, карабине, мучишь мою душу,
Хоть бы 'мь не радъ молоденькій, — носити тя мушу!

19.

Ой не треба, дѣвчинонько, жовнѣра любити,
Бо ôнъ муситъ Цѣсареви десять лѣтъ служити;
Ой дѣвицѣ, молодицѣ скиньтеся по грошу,
Та заплатѣть Цѣсареви, няй мундуръ не ношу!

20.

Сама ты си, дѣвчинонько, тото наробила,
Бо ты знала, що я жовнѣрь, — на що 'сь мня любила?
Ой дѣвчино, дѣвчинонько, жаль ми за тобою,
Буду просивъ капитана — возьму тя съ собою.

21.

Жовнѣрскіи карабины бодай погорѣли,
Щобы мене молодого плечи не болѣли!
Проси Бога, дѣвчинонько, й я буду просити,
Щобы уже той карабинъ довго не носити!

22.

Взяли мене у жовнѣры, — я ще не журюся,
Кôнь вороный, я молодый, — та ще выслужуся;
Выслужуся у Цѣсаря, — та й пôйду до дому,
Котра ми ся сподобала, — возьму си за жону.

23.

Ой служивъ я у жовнѣрахъ, заслуживъ емь ласку, —
Черезъ плечи два раменѣ, — та значокъ на дашку;
Ой втѐкавъ я ôтъ жовнѣрôвъ зъ тяжкои недолѣ,
Та 'мь розломивъ кайданочки на высокôй горѣ.

24.

Ой гуляйте, файнѣ хлопцѣ, — завтра не будете,
Прійшла карта ôтъ Цѣсаря, — на вôйну пôйдете;
Будете вы своёвь кровцёвь моря доповняти,
Будете вы бѣлымъ тѣломъ орлы годовати.

25.

Ой Цѣсарю, Цѣсароньку, на що насъ вербуешь?
Забравъ Французъ магазины, — чёмъ насъ выгодуешь? —
Не журѣтся, не журѣтся, богатскіи сыны,
Маю я ще пôдо Львовомъ чтыры магазины.

26.

Ой ковала зозуленька, теперь не чувати:
Где мня мати не родила, тамъ треба вмерати;
Тамъ то менѣ якъ задзвонятъ та въ усѣ каноны,
Ой далеко лѣпше вчуешь — та якъ наши дзвоны.

27.

Родинонько, родинонько, чи жаль тобѣ буде,
Якъ я пôйду умерати меже чужй люде?
Ой у полѣ, край дороги, высока могила:
Тамъ на вôйнѣ умеръ хлопець, що я го любила.

28.

Прилетѣла зозуленька та й сказала: «Ку-ку»!
«Подай, милый, подай, орле, та хоть праву руку!» —
«Ой радъ бы я, моя мила, обыдвѣ подати,
Та налягла сыра земля, що не можь пôдняти!»

IV. Коломыйки жартобливіи.

a) Молодецкіи.

1.

Очи мои сивй, сивй, то 'сьте замысливй,
Та на тіи дѣвчатонька, котрй чорнобрывй.

2.

Кобы я такъ коня мавъ, якъ кульбаку маю,
Поѣхавъ бы 'мь до дѣвчины, до котрои знаю.

3.

Ты гадаешь, дѣвчинонько, що до тебе я йду,
Хоть й ты бы 'сь мновь не згордила, — я си иншу найду.

4.

Котра стоитъ на передѣ, та й ся запышила,
На ню, хлопцй, уважайте, абы ся лишила!

5.

Котра дѣвка на передѣ стоитъ дуже вбрана,
Не берѣтъ ю, хлопцй, въ танець, най чекае пана!

6.

Гей?, чіе то весёленько? — «Пана молодого.» —
Мêнѣ вôльно погуляти: що кому до того?

7.

Я веселый, дѣвчинонько, зъ веселого 'мь дому,
Ой весело усѣмъ людёмъ, та й мнѣ молодому.

8.

Ой що жь то ми за зêленько, що ся не посѣе?
Ой що жь то мêнѣ за хлопець, що ся й не засмѣе?

9.

Та я собѣ заспѣваю: «Ой ду-ду-ду, дайна!»
Кобы мене не зрадила моя рыбка файна!

10.

Не дай же ся, дѣвчинонько, никому зводити:
Поки мене, поки тебе, будемъ ся любити!

11.

Ой я буду спѣватоньки, а ты конотуй си,
Якъ же намъ ся росходити, сама помѣркуй си!

12.

Зеленая лѣщинонька не горитъ, ай куритъ:
Молодая дѣвчинонька не любитъ, ай луритъ.

13.

Зеленая лѣщинонька лишь ся припалила:
Наша любовь не пропала, лишь ся притаила.

14.

Зъ пôдъ явора зеленого водиця ся ліе:
Айбо моя дѣвчинонька любити не вмѣе.

15.

Зъ пôдъ явора зеленого водиця цёпоче:
Айбо моя дѣвчинонька любити не хоче.

16.

Пане брате товаришу, зрада надо мною,
Вже не хоче говорити дѣвчина со мною!

17.

Вже 'мь тя, любко, налюбився, та й нацѣловався,
Якъ соловёй по садочку ягôдъ надзёбався.

18.

Качки жито истлумили, кто жъ го буде жати?
Хлопцѣ дѣвча зцѣловали, кто жь ю схоче взяти?

19.

Пасутъ ôтцѣ въ полонинцѣ, где ся зеленѣе:
Тое дѣвча хлопцѣ любятъ, що ся румянѣе.

20.

Подивлюся у долину, въ тую роздолину,
Та кто мене зарывае мою чорноброву?

21.

Та няй вже ю зарывае, но няй не цѣлуе,
Та няй мѣнѣ молодому серденька не труе!

22.

Тече вода изъ города, та й крыжочка леду:
Ой солодша моя любка ôтъ цукру, ôтъ меду.

23.

Ой чомъ въ тебе, дѣвчинонько, губки солодейки? —
«Смаровала мати медомъ еще молодейки.»

24.

Ой солодка 'сь, красна 'сь, рыбко, — ручки до нѣчого,
Шкода ино тои красы й личка румяного!

25.

Ой дѣвчино солоденька, чомъ ты така бѣла?
Чи ты въ полѣ не робила, чи хлѣба 'сь не ѣла?

26.

Та хоть моя бѣлявина на нôжейку храмле,
То якъ возьме танцѣвати, — якъ гусятко плавле.

27.

Та ты вмѣешь, дѣвчинонько, головку завити,
А не вмѣешь, дѣвчинонько, рубця зарубити.

28.

Я нероба, й ты нероба, не будемъ робити,
Та купимо си вôзочокъ — будемъ ся возити.

29.

Повелися кучерики, повили, повили,
Коло своей матêноньки легонько робили.

30.

Ой чого ты поскрипуешь, смерекова хато? —
Не ма добра въ нашôмъ краю, бо панôвъ багато.

31.

Гей пôйду я си до лѣса, нарубаю клинья:
Зъ богатскои дѣвчиноньки все зла господыня.

32.

А зъ бѣднои дѣвчиноньки господыня буде,
Не навчивъ ю отецъ, мати, та навчатъ ю люде.

33.

Хоть я теперь ничь не маю, я ничь не пытаю,
Кобы мила мня любила, — о бôльше не дбаю.

34.

Молодая дѣвчинонька на мене дивится,
Чи она мня дуже любитъ, чи йно зъ мене кпится?

35.

Несчасливе закоханье якъ ся кого влѣпитъ,
И розумъ ему ôтбере, и очи заслѣпитъ.

36.

По надъ гору высокую журавель ся крутитъ:
Хоть бы якій розумъ мудрый, — дѣвча збаламутитъ.

37.

Ой дѣвчата, дѣвчатонька, на Бога згадайте,
Якъ есьте мня зчаровали, такъ ми рады дайте!

38.

А вже жь мѣнѣ на завадѣ у садочку грушка:
Я не виджу, куда ходитъ, солоденька душка.

39.

Ой дрôбненька Коломыйка, дрôбненька, дрôбненька:
Казала ми приходити рыбка солоденька.

40.

Ой мѣсяцю крижованцю, ой мѣсяцю Марта:
Не пôйду я до дѣвчины, — бо въ дѣвчины варта.

41.

Ой не ма то, ой не ма то, якъ на Буковинѣ,
Тамъ то вѣночокъ зеленый на каждôй дѣвчинѣ.

42.

Або мене якій убье, або я якого,
Я до своêй дѣвчиноньки не пущу нйкого.

43.

Дѣвонько, переберонько, тожъ перебераешь,
Всѣ соколы женешь въ поле, — свого не пускаешь.

44.

Хоть бы прійшло погибати по саміи уха,
Таки й пôйду до милои, хотяй заверуха.

45.

Хоть бы прійшло погибати по саміи очи,
Таки й пôйду до милои темненькои ночи.

46.

Ой у лѣсѣ при дорозѣ, тамъ выросли губы:
Кто на мене ворогуе, най си вырве зубы!

47.

Та уже ся вороженьки дость наговорили,
Ажъ мêнѣ ся зъ тои бѣды кучери повили.

48.

Ой уже ся насудили наши вороженьки,
Що мы собѣ постояли близько дороженьки.

49.

Обмавляйте, вороженьки, — не переставайте,
Потомъ свои языченьки на пôдошвы дайте!

50.

Дайте языкъ на пôдошвы, зубы на пôдковы,
Бо вже 'сьте мня обмовили ôтъ нôгъ до головы.

51.

Та най наши вороженьки пропадутъ до лиха,
А мы собѣ ѣджме, піймо, та й любѣмся зъ тиха!

52.

Кошу сѣно, кошу сѣно, — зелена отава:
Люде рыбча полюбили, — лише моя слава!

53.

Тото мене зъ свѣта жене, тото мене губитъ,
Та що мою дѣвчиноньку леда якій любитъ.

54.

Ой сѣвъ я си при дѣвчинѣ, — ена ся ôтсувае,
Теперь я вже добре знаю, що иншого мае.

55.

Та я мысливъ молоденькій, що она мня любитъ,
А она мня ино таки й словами голубитъ.

56.

Ой думавъ я молоденькій три дни и три ночи,
Чому мила усѣхъ любитъ, лишь мене не хоче.

57.

Ой зъ теплои полонины вѣтеръ ся намага'тъ:
Люби, любко, кого хочешь, — най Богъ допомога'тъ

58.

Коли ми ся не побрали зъ людскои намовы,
То я руки до кишеней: «Будьмо си здоровы!»

59.

Я узойке перескочу, широке обôйду:
Не журѣтся, вороженьки, ще я зъ того выйду!

60.

Ой ду-ду-ду, ой ду-ду-ду, я ту вже не буду,
За рôкъ, за два, за чотыре, за любку забуду.

61.

Не плачь, мила, не плачь, мила, не тужи за мною:
Ты згубила, а я знайшовъ десять за едною!

62.

Скажу я си на могилѣ тӣ слова вырыти:
»Умеръ хлопець, не хтѣла го дѣвчина любити.«

63.

Прійшла карта ôтъ Цѣсаря, та й ще ôтъ Царицӣ,
Щобы дѣвчатъ не любити, лише молодицӣ.

64.

Ой дрôбойка ячменина, дрôбойка, дрôбойка:
Не каже ся женитоньки рыбка солодонька.

65.

Пане брате товаришу, едну гадку займе,
Зъ того боку на тамтой бôкъ дѣвчину не дайме!

66.

Зъ того боку на тамтой бôкъ далеко ходити,
Не е лѣпше, якъ изъ близька дѣвчину любити.

67.

Ой дударе, дударчику, якъ ты красно граешь!
Тôлько ино доганочки, що жôнки не маешь.

68.

Гадавъ емь ся оженити, та й уже не буду,
Бо такъ емь собѣ роздумавъ: свѣтъ не перебуду.

69.

Ты ся женишь, товаришу, а я не гадаю,
Та на свою головоньку бѣды не глядаю.

70.

Ой на горѣ огень горитъ, на долинѣ гречка:
Не бери си иновѣрку — буде суперечка!

71.

На Вкраину не поѣду, — и дома не буду,
Дѣвча ми ся сподобало: женитися буду.

72.

Ой у тебе очи чорнѝ, въ мене муряністѝ,
Та якъ ми ся поберемо, — будемо паристѝ.

73.

Ой люблю тя, файна рыбко, люблю тя, люблю тя,
Пожди на мня до осени, — въ осени возьму тя!

74.

Перескочу поточину, та й не дотулюся,
Якъ не озьму, котру люблю, то не оженюся.

75.

Ой впавъ снѣжокъ на облôжокъ вторôчный, вторôчный:
Оженѣтъ мня, люде добрѝ, бо 'мь сирота вѣчный!

76.

Ой упавъ я зъ коня въ воду, та й не утопився:
Таки й я си еще жвавый, хоть я оженився.

77.

Ой тамъ въ борѣ два яворы та й дубъ зелененькій:
Хоть давно я оженився — а все веселенькій!

б) Дѣвоцкіи.

1.

Теперь я си заспѣваю, теперь маю волю,
Теперь я ся молоденька ни̂кого не бою.

2.

Теперь я си заспѣваю, теперь ми ся хоче,
Коли мою головоньку ни̂кто не клопоче.

3.

Єще 'мь въ печи не наклала, трѣски изгорѣли:
Ще 'мь ни̂кого не любила, — люде вже збагнули.

4.

Єще 'мь въ печи не наклала, а уже ся курно:
Я ни̂кого не любила, — люди брешутъ дурно.

5.

Тече вода зъ пôдъ города, тече вода зимна:
Полюбивъ мня мôй миленькій, я тому не винна.

6.

Ой ты роду великого, а я не малого,
Ой ты любишь жартовати, а й я не ôтъ того.

7.

Плыне вода изъ города — иде въ переверты:
То мня люде взяли въ зубы черезъ твои жарты.

8.

Рыбко моя солоденька, рыбко моя срêбна,
Пôйшла за насъ бесѣдойка дуже непотрêбна.

9.

Коли мене, любко, любишь, не кажи нíкому,
Бо то люде порозносятъ, якъ вѣтеръ солому!

10.

Поки 'мь була молоденька, не знала 'мь нíчого,
Я гадала, що не буду любити нíкого.

11.

А теперь я вже выросла, — на станочку стала,
Не едному 'мь молодцёви до серця припала.

12.

Ой я бы ся утопила, але бо ся бою,
Щобы 'мь где не завадила въ камêнь головою.

13.

Ой у мого миленького сивû очка дуже,
Кажутъ люде, ожь го люблю: Бôгъ ме, не буду вже!

14.

Ой можъ знати и спôзнати, якъ кто кого любитъ,
Бо якъ иде дороженьковь, оченьками блудитъ.

15.

Солоденькій, милененькій, лишь бы тя любити,
Такû маешь очка краснû: — выцяпкали бы ти!

16.

По пôдъ тотû синû горы, по пôдъ тотû терна:
Кусай, милый, горѣшеньки, мêнѣ давай зерна!

17.

Пусти, мати, погуляти, я не забавлюся:
Тôлько хлопцêвъ розвеселю, — назадъ повернуся.

18.

Тато добрый, тато добрый, мати не лихая,
Не боронятъ погуляти, — поки 'мь молодая.

19.

Та якъ тота вода чиста тамъ на торѣ грае,
Такъ красно мôй чорнобрôвый «Козака» гуляе.

20.

А мôй милый чорнобрôвый, а мôй милый ладный,
Куда тôлько подивлюся, не есть такій жадный.

21.

Єденъ красный, другій красный, третій не поганый,
А мôй милый меже ними якъ намалёваный.

22.

Та ты вмѣешь, Козаченьку, голубця кресати,
А не вмѣешь коло воза кôлка затесати.

23.

Ой не чупкай, мôй миленькій, не чупкай, не чупкай,
Я ты не разъ говорила: «Иншои си шукай!»

24.

Ой не чупкай, мôй миленькій, не чупкай ногою,
Не будешь ты мене мужомъ, я тобѣ женою.

25.

Лѣпше полёмъ, лѣпше полёмъ, нѣжли ораницёвь:
Мêнѣ лѣпше файновь дѣвковь, нѣжли молодицёвь.

26.

Бо я собѣ дѣвковь файновь хоть где погуляю,
А товь славновь молодицёвь бѣдочки зазнаю

27.

Ой на гребли шумятъ вербы, та й дубъ зелененькій:
Хотѣвъ мене змудровати Козакъ молоденькій.

28.

Ой у полѣ керниченька дылёмъ дылёвана:
Сказавъ мêнѣ красный хлопчикъ, що 'мь намалёвана.

29.

Малёвана, файный хлопче, але не для тебе,
Тôлько були мясниченьки, не бувь есь у мене.

30.

Минулися мясниченьки, минаеся весна,
Ажъ теперь тя лиха доля до мене принесла!

31.

Очи мои чорненькіи, бѣда мêнѣ съ вами,
Хоть не дивлюся на хлопцêвъ, — моргаете сами!

32.

Сама 'мь траву столочила, сама ю и скошу:
Сама 'мь рыбва розгнѣвала, сама перепрошу.

33.

Дай но, Боже, дочекати Недѣлй святои,
Маю я вже таке зêлья, же всѣ хлопцй мои.

34.

Ой маю я таке зêлье, що зовеся: «тоя,»
Якъ ти ю дамь напитися, заразъ буду твоя.

35.

Ой на горѣ на высокôй бѣла команичка:
Люблятъ мене краснѝ хлопцѝ, хоть я невеличка.

36.

Та хоть я си невеличка, — румяного личка,
Пристала 'мь ти до серденька, якъ перепеличка.

37.

Чія хата въ серединѣ, — моя хата крайна:
Люблятъ мене краснѝ хлопцѝ, ай бо жь я си файна.

38.

Ой того я хлопця люблю въ жовтôмъ капелюсѣ,
Щобы мене поцѣлововавъ и приставъ до души.

39.

Ой того я хлопця люблю въ жовтôй крисанинѣ,
Ой якъ мене поцѣлововавъ — маю знакъ до нынѣ.

40.

Не дай, Боже, щобъ милого стôлько разъ кололо,
Кôлько разы его личко було коло мого!

41.

Ой той мêнѣ сподобався въ сукманѣ короткôй,
Якъ мня вчерай поцѣловавъ, — ще губы солодкй.

42.

Ой еденъ макъ на городѣ зацвѣвъ по Волоски:
Та того я хлопця люблю, що дзюбатый трошки.

43.

Ой и що кому до того, що я люблю того,
Мои очи не моргаютъ та на леда кого?

44.

Та я тебе поцѣлую изъ правого боку,
Най ворогôвъ кольки колятъ хоть за пôвтора року!

45.

Коло мого городенька зацвѣла роженька:
Бѣлявого хлопця маю, сама 'мъ бѣлявенька.

46.

А вже соньце ся спустило зъ горы на долину:
Я такъ того хлопця люблю, що трохи не згину.

47.

Ой любѣмся, мôй меленькій, таки й потаемно,
Где найбôльше людей буде, — не ставаймо въ едно!

48.

Коло млына яворина, коло млына кладка:
Я съ немилымъ говорила, а о милôмъ гадка.

49.

Ой добра нôчь усѣмъ на нôчь, а вы, люде, чуйте,
Най поганї идутъ домôвь, — краснї ту ночуйте!

50.

Ни я пьяна, ни я пьяна, ни я тверезенька,
Така въ мене вже натура, що 'мь все веселенька.

51.

Упавъ дощикъ исъ росою на бѣлу березу:
Любивъ есь мня пьянесеньку, — люби мня тверезу!

52.

Не протився, мôй миленькій, — й я ся не противлю,
Хоть съ иншимъ я розмовляю, — за тобовь ся дивлю.

53.

Не журися, мой миленькій, щô мня судять люде,
Хоть якійсь мня поцѣлуе, ще и тобѣ буде.

54.

Єдно ми ся плече мече, а друге не хоче:
Ой вже мене мôй миленькій любити не хоче.

55.

Ой у лѣсѣ на дубинѣ сорока скрегоче:
Ой вже мене мôй миленькій покинути хоче.

56.

Та най ôнъ мня покидае, коли иншу мае,
И я маю краснѣйшого, що мене кохае.

57.

Даютъ мêнѣ, моя мамцю, догану, догану,
Що ты мене породила такую погану.

58.

Мамцю моя золотенька, мамцю моя мила,
Даютъ мêнѣ доганочку, що' мь не чорнобрыва.

59.

Кропитъ дощикъ дорôжейку, щобъ ся не курила:
Хиба бы 'мь безумна була, жебы 'мь ся журила.

60.

Котилися снѣги зъ горы, на долинѣ стали:
Любилися сивй очка, теперь перестали.

61.

Ой тамъ мало засвѣтало, а тамъ побѣлѣло:
Уже жь наше закоханье съ вѣтромъ полегѣло.

62.

Грѣе соньце, грѣе соньце, а мѣсяць не коньче:
Кобы мене Господь любивъ, любко якъ си хоче!

63.

Ой у саду, тамъ на заду, плоты горожені:
Видишь мênѣ въ тыхъ сторонахъ хлопці не суджені.

64.

Ой ковала зозуленька на зеленôй гатѣ:
Та що мênѣ судивъ Господь, то я буду мати.

65.

Та ты мыслишь, дурный, хлопче, що я тебе люблю,
А я тебе ино такô й словами голублю.

66.

Ты, дурный, дарунки дававъ, я, розумна, брала,
Ты вже мысливъ, що тя люблю, — а я ся смѣяла.

67.

Ты гадаешь, дурный хлопче, що я за тя пôйду,
Кину роскошь по пôдъ ноги, а куплю си бѣду.

68.

Ой въ зеленôмъ городочку два яворы гнутся:
Черезъ дѣвча молоденьке два молодці бьются.

69.

Я не хочу, та й не буду, два броды бродити:
Я не хочу, та й не буду, двохъ разомъ любити.

70.

Болитъ мене головонька, та й меже плечима:
Приведѣтъ ми, кого люблю — съ чорными очима!

71.

Но ми того не ведѣте, що 'мь впередъ кохала,
Ай мы того приведѣте, що 'мь теперь зачала!

72.

Болитъ мене головонька, болитъ мене дуже:
Звяжи мѣнѣ головоньку, невѣнчаный друже!

73.

Сама я си молоденька лиха наробила,
Що я зъ цѣлого серденька хлопця полюбила.

74.

Любила я миленького, любила 'мь го досыть,
Теперь най го тота любитъ, що перстені носитъ!

75.

Тече вода зъ пôдъ города та й каламутится:
Шо за очи обмавляе, — а въ очи лестится.

76.

Ой теперь я заспѣваю, но не знаю кому?
Хиба мому миленькому, якъ пôйде до дому.

77.

Ой поѣхавъ мôй миленькій, поѣхавъ, поѣхавь,
Такôй бы го розумъ зайшовъ, щобы не прiѣхавъ!

78.

Понехавъ мня мôй миленькій: що ôнъ си гадае?
Маю въ Бозѣ надѣйку: иншій покохае.

79.

Кличутъ мене вечеряти, — вечеряйте самі!
Не ма мого миленького — не буду й я съ вами.

80.

Ой у полѣ двѣ дороги, една поперечна:
А где жь мы ся изôйдеме, рыбочко сердечна?

81.

Волѣла 'мь си постояти въ густôмъ малинничку,
Нѣжъ мала 'мь ся прихиляти негôдному личку.

82.

Лѣта мои молоденьки, лѣта мои буйні,
Тоже-то вами ся обходятъ леда які дурні!

83.

Подивлюся на явора, — а яворъ зеленый:
Не разъ на тя любаную, розумцю шаленый!

84.

Ой шаленый розумойку, та на тя баную,
Що 'мь любила ось два роки бѣдочку дурную!

85.

Присылавъ разъ богачикъ до бѣдной сирôтки,
Та й пытався черезъ людей: чи мае присѣвки?

86.

А она му, молоденька, знала ôтповѣсти:
«Я до тебе, богачику, не иду хлѣбъ ѣсти.»

87.

А ни ѣсти, а ни пити, ни пріодѣвати,
А якъ буду ти суджена — мусишь мене взяти!

88.

Та хотя й я сирôтонька: — уцтива дѣвчина,
Я ôтважу и зневажу богатского сына.

89.

А якій ты гидкій, бридкій, а яка я пышна, —
А где жь бы я очи мала, щобы 'мь за тя пôйшла!

90.

Та бо вдовець — не молодець, жарточку не знае,
Тебе возьме — нёбы любитъ, першу споминае.

91.

Та й и старець — не молодець, жарточку не знае,
Твое личко румяненьке свому прирôвнае.

92.

Ой по пôдъ гай зелененькій, та по пôдъ лѣщину,
Веде старый старцунище молоду дѣвчину.

93.

Ой ще ся съ нёвь не оженивъ, — збераеся бити,
Складае си по грошеви нагайку купити.

94.

Ой ты, дѣду старененькій, мêнѣ не протився,
Я ще була въ пеленочкахъ, коли ты женився.

95.

Не протився мêнѣ, дѣду, що я свавôльненька,
Ты вже двѣчи оженився, я ще молоденька.

96.

Тои ночи о пôвъ ночи, — якъ мѣсяць мѣнився,
Ишовъ кривый на залёты, слѣпый придивився.

97.

Оженися, файный хлопче, ожени, небоже,
Бо вже тобѣ съ молодцями ходити не гоже.

98.

Ой на ставѣ, на ставоньку, вода сколочена:
Вгогды мене хлопцѝ любятъ, якъ я заручена.

99.

Сама я си запрягаю, та й сама поѣду:
Кого я си полюбила, за того я пôйду.

100.

Та я собѣ заспѣваю: «Ой ду-ду-ду-ду-ду!
Миленькому дала 'мь ручку — миленького буду.

101.

Чому 'сь мене тогды не бравъ, якъ була 'мь дѣвицёвь,
А теперь тя ôчка болятъ, коли 'мь молодицёвь.

102.

Кобы мѣнѣ не чѣпець, не червона хустка,
Я бы 'мь собѣ погуляла, якъ на ставѣ гуска.

103.

Ой пôйшла бы 'мь разъ у танець, але я ся бою,
Подивлюся по за себе, чи любко за мною.

104.

Та чи иде, чи не иде, вже го ся не бою,
Суть у мене очи чорнй, чей ся обороню.

105.

Не буде мня милый бити, не буде, не буде,
За едно ми подаруе, за друге забуде.

106.

Ой у выру воду беру, на каменѣ стою:
Я такого мужа маю, що го ся не бою.

107.

Я такого мужа маю, якъ гречана паска:
Я тогды го поцѣлую, коли моя ласка.

108.

Ой на выру воду беру, — на сподѣ калужа:
Я милого лѣпше люблю, нёжь своёго мужа.

109.

Я хочу такого мужа, щобы мене слухавъ,
Чужихъ жôнокъ не любивъ, табаки не нюхавъ

110.

Ой изъ дуба кора груба, а зъ явора дрôбна:
Ой казали мѐнѣ люде, що я не потрѐбна.

111.

На що 'сь бравъ, коли 'сь знавъ, я не твоя ровна,
Та бо ты простый Поповичъ, а я Декановна!

112

На що 'сь бравъ, коли 'сь знавъ, мѣщаночку зъ мѣста,
Я не ѣла, и не буду, ячмѣнного тѣста.

113.

Ой ты 'сь знавъ, на що 'сь бравъ, я не вмѣла жати,
Буде ты ся пшениченька въ полѣ зимовати.

114.

Чи я тобѣ не казала: «Не бери ты мене!
Бо я роду свавольного, не навчишь ты мене.»

115.

Дала мене моя мати за Бойка, за Бойка,
Буде мѣнѣ ще за Бойкомъ голова гладойка.

116.

О не ходи коло воды, бо ся въ воду зсунешь:
Ой не люби чужу жену, бо ея своей збудешь!

117.

Ой хотѣла стара баба молодою бути, —
Натыкала за голову зеленои руты.

118.

Руто жь моя, руто жь моя, руто зелененька!
Я думала, що я стара, — а я молоденька!

119.

Хоть зелена лѣщинонька, зелена, зелена,
Не вродятся горѣшейки, бо весна студена.

120.

Ой славная Коломыйка по горѣ ходила,
А якъ збйшла зъ горы на дôлъ — всѣхъ розвеселила.

ШУМКИ.

1.

Гей, пôйду я на ярмарокъ,
А тамъ стоитъ дѣвчатъ сорокъ:
То чорнява, то бѣлява,
Куда глянешь — кажда жвава!

2.

Пытаеся мати сына:
«Що коштуе сья дѣвчина?»—
«Не пытайся, моя мати,
Що коштуе — треба дати!»

3.

Ой не продамъ свою любку,
Красну, милую голубку;
Якъ же любку ми продати,
Съ кимъ же буду я гуляти?

4.

Гей, Козаче, гуляй, гуляй!
Но ся до мне не притуляй! —
«Що то въ мене за гулянья,
Коли не ма притулянья!»

5.

Гей, сѣвъ — зажурився,
Якъ на гуску подивився:
Така була моя мила,
Якъ та гуска чорнобрôва!

6.

Ты, дѣвчино чорноока,
Не ходи ты до потока!
Ой бо тамъ глубока вода,
Якъ ся втопишь — буде шкода!

7.

Приснивъ ми ся сонъ дивненькій,
Що прïѣхавъ мôй миленькій,
А я встала, засвѣтила, —
Ой не той-то, що 'мь любила!

8.

Ой засвѣти, мила, свѣчку,
Най перейду быстру рѣчку!
Ой засвѣти, мила, обѣ,
Най перейду, рыбко, къ тобѣ!

9.

Николи не ма тамъ добра,
Где дѣвчина любитъ по два;
Не ма добра и не буде,
Якъ любити по два буде!

10.

Ой любивъ я дѣвчатъ сорокъ,
А молодиць триста,
Та й ще въ Бозѣ е надѣя, —
Душа моя чиста.

11.

Тамъ на горѣ, на вершочку,
Ѣхавъ дѣдько въ черепочку,
А мы ёго не спôзнали,
Та й шапочки познимали.

12.

Тамъ на горѣ, на вершечку,
Молотили хлопци̂ гречку,
А ни гречки, ни половы,
Йно въ дѣвчины чорни̂ бровы.

13.

Гандзю люба, Гандзю мила,
Чимъ ты брови намастила? —
«Намастила 'мь копервасомъ,
Щобъ дурити хлопцêвъ часомъ!»

14.

Колысала баба дѣда,
Отъ поранка до обѣда,
А дѣдъ бабцѣ купивъ капци̂,
Курти̂ були: втявъ ёй пальци̂!

15.

«Гей, дѣвчино, чія ты?
Ходи со мновь гуляти!» —
«Не пытайся, чія я?
Идешь ты — иду й я!»

16.

Соньце грѣе, вѣтеръ вѣе,
А дѣвчина зъ жалю млѣе:
Знати, знати, по тôмъ личку,
Що тужила цѣлу нôчку.

17.

Прїѣдь, милый, — утѣшуся,
Обôйму тя, — притулюся:
Перестанутъ мои очи,
Слезы льяти въ день и въ ночи.

ОПЕЧАТКИ

II-ой части.

Стран.	Строка.	*Напечатано:*	*Читайте:*
2	3	засѣно	засьяно
—	22—23	Купойку, Купойка	Кунойку, Кунойка
—	25	ци	Ой ци
3	2	радойки	рядойки
51	3	зазуленьки	зазуленька
15	57	Гусовки	Гусевки
—	18	головойки	на говойки
70	24	Ты	Тыхъ
71	7	девять невѣсты	девять невѣсть
124	16	бубенавовъ	бубенаковъ
125	22	пустѣте	пустьте
132	16	Кучмама	Кучма му
144	19	посла	пасла
153	31—32	Швабрейка, Швабрейко	Швагрейка Швагрейко,
197	16	лужа	ружа
202	6	упанъ джовшій	жупанъ довшій
203	21	имѣе	менѣ
207	20	мужа,	мужа маю,
215	17	Канчухъ	Капчухъ
227	2	прядене	прядена
254	5	туну	тупну
301	3	деревяный	дереневый
350	12	диковався	измѣнився
357	14	ступно	смутно
358	11	нижки	низки
365	12	не буду	не забуду
370	8	мамка	матка
377	11	дюдю	дядю
384	27	А	Я
385	3	лубку,	любку,
391	7 и 9	кровцй	кровця
397	23	звалили	зваляли
406	4	долинѣ.	долоній
—	8	свѣту	свѣтку

Стран.	Строка.		
409	7	вôстка	кôстка
414	14	ятêль	ятêрь
418	4	брехачовъ	брехачокъ
465	4	Суповой	Супокой
—	7	боли	боки
—	17	дѣдьки	дѣдька
466	10	Дѣвчети	Дѣвчета
489	8	Бо	Бо то
494	24	гопъ, попъ,	гопъ, гопъ,
497	7	шапкомъ	щапкомъ
504	21	тудъ	туть
509	19	вскула	всиула
524	26	ось	сь
551	17	мô	мôй
559	21	заладили,	занадили,
585	14	кôконц	вôконцями,
594	7	и Кто	«Кто
—	19	Не	Вже
608	9	пружку,	плужку,
617	7	всѣ	всю
654	18	Ревными,	Гривнами
—	20	ревныхъ	гривнôвъ
657	9	самотрѣмъ	самотрêть
660	6	волосы,	волоска,
672	6	разфѣйницю.	розвѣйницю.
725	7	ходъ	ходь
	8	Вербитки!»	Верôбовки!“
732	19	но	ню
735	23	4	3
—	22	ревны	гривны
748	16	твою	твоёвъ
750	3	Да	До
757	7	мой	мôй
—	11	стой	стôй
766	17 и 19	порогомъ	порохомъ
771	10	пôлуну,	пелуну,
779	1	думѣе, дум	думѣе, думѣе,
805	12	сына	сыну